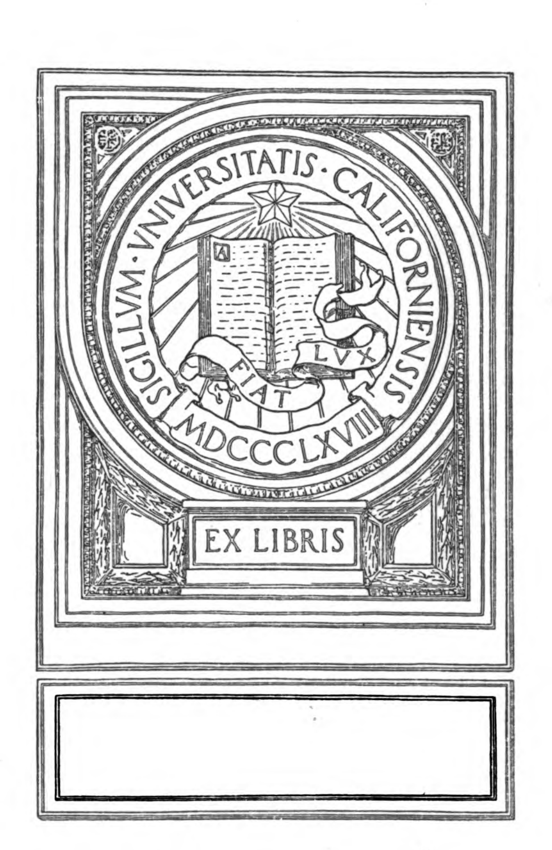
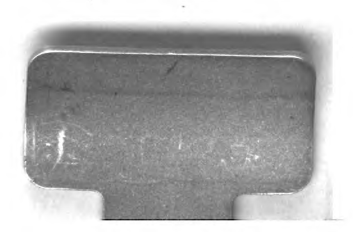

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ V-й. **№ 4-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Годъ V-й. **№ 4-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

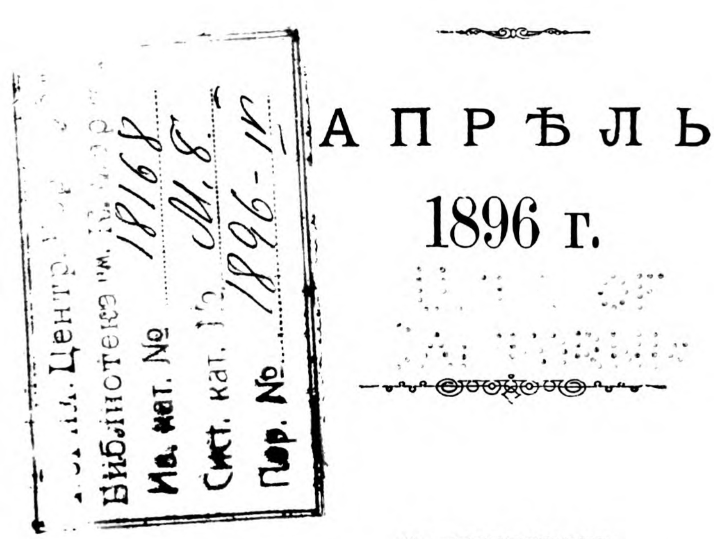
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

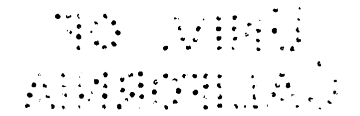

АПРѢЛЬ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Дозволено цензурою 20-го марта 1896 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ФРЁБЕЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО

ДЛЯ СОДѢЙСТВІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМУ ВОСПИТАНІЮ.

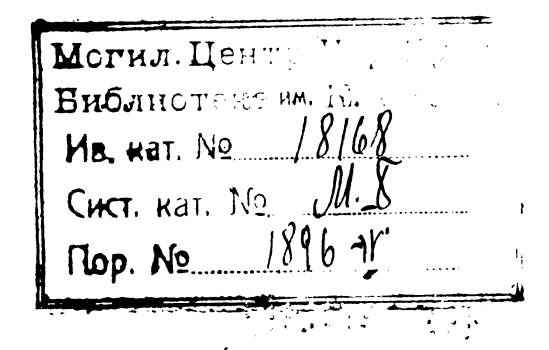
Воззваніе къ матерямъ.

1-го октября 1893 года открылся первый народный дѣтскій садъ (Пески, 6-я Рождественская ул., д. № 22) съ комплектомъ 30 дѣтей отъ 4—7-лѣтняго возраста. Дѣти, посѣщающія садъ, принадлежатъ къ самому бѣдному населенію столицы, и Фрёбелевскому Обществу, учредившему этотъ садъ на очень скудныя средства, приходится отказывать многимъ желающимъ, за неимѣніемъ вакансій. Между тѣмъ такіе дѣтскіе сады необходимы повсюду, во всѣхъ частяхъ столицы, всюду, гдѣ есть бѣдныя дѣти.

Какъ счастливы тѣ матери, которыя могутъ воспитывать своихъ дѣтей вполнѣ правильно въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ, и какъ различно ихъ положеніе отъ положенія бѣдныхъ труженицъ, уходящихъ съ отказомъ изъ перваго дѣтскаго сада и уводящихъ своихъ малютокъ, принужденныхъ оставаться на улицѣ, пока ихъ матери находятся на работѣ.

Если бы всѣ эти счастливыя матери, обладающія средствами, подумали о бѣдныхъ матеряхъ поденщицахъ и пожертвовали на благое дѣло хотя бы по одному рублю, то это дало бы возможность Обществу открыть нѣсколько дѣтскихъ садовъ въ различныхъ частяхъ города.

Желающіе внести этотъ рубль могутъ адресовать свое пожертвованіе: Предсѣдательницѣ Общества *П. К. Раухфусъ*, Дѣтская Больница принца Ольденбургскаго; Вице-Предсѣдательницѣ *Э. М. Шаффе*, Васил. Остр., 5 лин., № 16; *О. С. Клоковой*, Б. Итальянская, № 29; *О. А. Энденъ*, Захарьевская, № 31, и *Л. Н. Ватсонъ*, Пушкинская ул., д. № 18.

„ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ“ *).

Послѣднее двадцатилѣтіе біологіи—науки о жизни—характеризуется такою массою и фактическихъ открытій, и теоретическихъ трудовъ, что ученымъ подчасъ трудно управиться съ этимъ богатымъ матеріаломъ. Благодаря тому, однако, что фактическія открытія идутъ впереди, что теорія, слѣдующая за ними, не всегда можетъ ихъ догнать и включить въ опредѣленныя рамки своихъ воззрѣній, мы наблюдаемъ въ настоящую минуту удивительный поворотъ теоретическихъ доктринъ въ сторону, которая, правда, когда-то господствовала, но была брошена.

---

*) Въ спорныхъ научныхъ вопросахъ, въ особенности же въ такихъ, гдѣ рѣчь идетъ не о какомъ-либо отдѣльномъ фактѣ, а о цѣломъ міросозерцаніи, редакція считаетъ для себя обязательнымъ не становиться на сторонѣ одной какой-либо партіи. Воззрѣнія виталистовъ и антивиталистовъ находятся въ періодѣ борьбы,—борьбы въ высшей степени интересной и поучительной. Къ чему борьба эта приведетъ—сказать теперь трудно. Печатая статью М. Ю. Гольдштейна, проводящую антивиталистическія воззрѣнія, редакція разсчитываетъ на то, что читатель будетъ вовлеченъ въ потокъ этой борьбы двухъ противоположныхъ ученій и, имѣя передъ собою аргументы обѣихъ борющихся сторонъ, самъ оцѣнитъ значеніе этихъ аргументовъ. Только при такихъ условіяхъ возможна, по мнѣнію редакціи, выработка самостоятельнаго міросозерцанія у тѣхъ изъ читателей, которые почему-либо, стоя въ сторонѣ отъ этой борьбы, не могли установить опредѣленной точки зрѣнія на вопросы витализма и антивитализма. Есть не мало вопросовъ, въ области которыхъ редакція считаетъ необходимымъ держаться опредѣленнаго направленія — это вопросы, такъ или иначе связанные съ личной или соціальной этикою; въ этихъ вопросахъ можетъ быть рѣчь о нравственности или безнравственности даннаго направленія. Но *чистая* наука, добивающаяся истины, безъ всякихъ заднихъ мыслей — всегда нравственна. Вотъ почему редакція полагаетъ, что для читателя должны быть одинаково цѣнны мнѣнія людей, принадлежащихъ къ противоположнымъ научнымъ направленіямъ, разъ этими мнѣніями руководитъ одна высокая цѣль—исканіе истины.

Прим. ред.

Если теперь послѣдить за теоретическими трудами по біологіи, то въ нихъ можно отыскать особый элементъ, повидимому, характерный для нашего времени вообще; элементъ этотъ—мистицизмъ, и онъ воцарился въ современныхъ біологическихъ наукахъ подъ названіемъ *витализма*. Теорія витализма въ самомъ общемъ видѣ заключается въ допущеніи особеннаго «жизненнаго начала», присущаго живой протоплазмѣ. Эта теорія представляетъ ничто иное, какъ возстановленіе давно брошеннаго ученія о *жизненной силѣ*.

Ученіе о жизненной силѣ, а, стало быть, и витализмъ допускаетъ, что явленія жизни никоимъ образомъ не могутъ быть объяснены физико-химическими законами, что для объясненія этихъ явленій приходится допустить нѣкое «нѣчто», которое не только не подчиняется, но часто идетъ *въ разрѣзъ* съ законами механики, физики и химіи.

Въ майской книжкѣ журнала «Міръ Божій» за 1894 г. была помѣщена прекрасная статья профессора И. П. Бородина подъ заглавіемъ «Протоплазма и витализмъ». Стараясь сохранить полную объективность и безпристрастіе, почтенный профессоръ не высказывается категорически въ пользу витализма, тѣмъ не менѣе, онъ, какъ настоящій біологъ, все же явно склоняется въ сторону того мнѣнія, что природа поставила рѣзкую грань между «живымъ» и «мертвымъ» и что, всякая попытка сгладить эту грань кончается полною неудачей.

Въ виду того, что этотъ вопросъ можетъ быть обсужденъ правильно лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ выставленъ параллельно съ витализмомъ и антивитализъ, и въ виду того, что, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ еще не сдѣлано попытки систематически обобщить понятіе о жизни, распространивши эти понятія и на такъ называемой «мертвый» міръ, мнѣ представлялось небезъинтереснымъ показать, что антиваталистическое ученіе гораздо менѣе слабо, нежели это думаютъ нѣкоторые біологи и что законы жизни и основныя ея явленія присутствуютъ и въ такъ называемомъ «мертвомъ» царствѣ, благодаря чему всякое разграниченіе природы на «живую» и «мертвую» не выдерживаетъ ни научной, ни, въ особенности, философской критики.

Когда вступаешь въ область вопросовъ о «живомъ» и «мертвомъ», то сейчасъ же наталкиваешься на препятствіе въ самомъ опредѣленіи термина «живой», «мертвый». Въ самомъ дѣлѣ, всѣ попытки ученыхъ опредѣлить, что такое «жизнь», что такое «живой» не привели ни къ какому результату. Уже это одно обстоятельство ясно показываетъ что признаки жизни не такъ характерны, не такъ рельефны. Но, тѣмъ не менѣе, мы привыкли считать, что

матерія, несущая съ собою нѣкоторую довольно неопредѣленную совокупность признаковъ, должна называться живою. Постараемся опредѣлить, каковы эти признаки. Для правильнаго обсужденія вопроса, нужно будетъ сначала посмотрѣть, нѣтъ ли какого-либо отдѣльнаго, одного признака, присутствіе котораго въ матеріи дало бы намъ право считать ее живою. Если окажется, что такой признакъ есть, и, стало быть, вся мертвая матерія такого признака не имѣетъ, то въ анализѣ этого признака и можетъ заключаться центръ тяжести виталистическихъ и антивиталистическихъ воззрѣній. Предположимъ, однако, что такого одного признака мы не найдемъ, предположимъ, что только *совокупность* извѣстнаго числа признаковъ дастъ намъ критерій для характеристики «жизни». Тогда придется обсудить, нѣтъ ли этихъ признаковъ въ *отдѣльности* въ мертвой природѣ; быть можетъ, въ «мертвой» природѣ онѣ не сочетаны, но каждый изъ нихъ существуетъ въ отдѣльности; предположимъ, однако, что окажется, что и каждаго изъ этихъ признаковъ мы въ мертвой природѣ не встрѣчаемъ. И тогда все же намъ не придется положить оружіе, ибо тогда еще останется одинъ вопросъ: если этихъ признаковъ въ мертвой матеріи нѣтъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ въ матеріи живой, то, быть можетъ, они въ ней встрѣчаются лишь въ болѣе элементарной формѣ, не *качественно*, а только *количественно* отличной отъ той формы, въ которой они встрѣчаются въ матеріи «живой». Если теперь окажется, что эти признаки въ мертвой матеріи не встрѣчаются даже и въ упрощенномъ видѣ, то тогда придется ихъ выдвинуть впередъ, и витализмъ окажется побѣдителемъ; если же при изученіи признаковъ, характеризующихъ живую матерію, обнаружится, что всѣ, даже наиболѣе сложныя проявленія жизни замѣчаются (но, конечно, въ болѣе упрощенной формѣ) и въ мертвой природѣ, тогда, очевидно, витализмъ стоитъ на шаткой почвѣ и никоимъ образомъ не долженъ ложиться въ основу научнаго міросозерцанія.

Мы вмѣстѣ съ проф. И. П. Бородинымъ можемъ сѣтовать на то, что натуралисты мало знакомы съ философіей или, лучше сказать, съ пріемами критической философіи, и вотъ это то обстоятельство и является, главнымъ образомъ, причиною возникновенія витализма.

Въ самомъ дѣлѣ: разберемъ вопросъ чисто теоретически.

Вся совокупность процессовъ, характеризуемыхъ словомъ «жизнь», можетъ зависѣть либо отъ силъ, именующихся *физико-химическими*, либо же къ дѣятельности этихъ силъ присоединяется еще специфическая сила, называемая *жизненной силою*. Относительно

*

этой послѣдней мы можемъ построить два допущенія: либо она не идетъ въ разрѣзъ съ силами физико-химическими, либо же явленія, ею воспроизводимыя, идутъ въ разрѣзъ съ тѣми явленіями, которыя наблюдаются подъ вліяніемъ извѣстныхъ намъ физико-химическихъ силъ. Только эти два допущенія и возможны. Третье допущеніе, состоящее въ томъ, что явленія жизненныя *не могутъ быть объяснены* существующими физико-химическими силами, нисколько не доказываетъ существованія особой «жизненной» силы, ибо если мы не умѣемъ ихъ объяснить, то это наше неумѣніе можетъ обусловливаться большою сложностью явленій, такою сложностью, которая до настоящаго времени не поддается обыкновеннымъ пріемамъ научнаго анализа. Въ самомъ дѣлѣ, мы до сихъ поръ не умѣемъ объяснить себѣ и той комбинаціи силъ, которая воспроизводитъ явленія образованія кристалловъ. Никто въ настоящее время не въ состояніи сказать, почему одно вещество выдѣляется въ формѣ кубовъ, а другое—въ формѣ пирамидальной; правда, минералоги говорятъ иногда о «кристаллообразовательной силѣ», но подъ этимъ не разумѣютъ какой-либо особенной специфической причины, а только совокупность молекулярно-физическихъ причинъ, вызывающихъ образованіе правильной кристаллической конструкціи тѣла. Однако же, это наше незнаніе не заставляетъ насъ предполагать существованіе жизненной или какой-либо другой таинственной силы руководящей образованіемъ кристалловъ.

И такъ, если жизненныя явленія не *идутъ въ разрѣзъ* съ явленіями, наблюдаемыми подъ вліяніемъ физико-химическихъ агентовъ, а только не объясняются ими, то нѣтъ никакого *достаточнаго* основанія для признанія отдѣльной «жизненной» силы. Нужно сказать, впрочемъ, что нѣкоторые біологи полагаютъ, будто явленія жизненныя *противорѣчатъ* законамъ физики и химіи. Такъ, напр., проф. Тархановъ въ своей статьѣ «О продолжительности жизни» («Вѣстникъ Европы» 1892 г.) *высказываетъ* подобную мысль, но отнюдь не *доказываетъ* справедливости ея.

Профессоръ Бородинъ говоритъ гораздо осторожнѣе: онъ вездѣ подчеркиваетъ, что отнюдь не принадлежитъ къ числу ученыхъ, отстаивающихъ жизненную силу, но онъ хочетъ заставить антивиталистовъ признать, что они не могутъ доказать ея несуществованія *), и не смотря на это, въ прекрасной статьѣ своей проф.

---

*) Въ самомъ этомъ желаніи почтеннаго профессора лежитъ логическая ошибка; если я говорю о существованіи чего - либо, то на мнѣ лежитъ обязанность доказать это существованіе, мои противники не обязаны доказы-

Бородинъ явно обнаруживаетъ себя совершенно опредѣленнымъ виталистомъ; иначе, какъ объяснить себѣ слѣдующее мѣсто статьи уважаемаго автора:

«Когда открыты были явленія діосмоза, казалось, что вопросъ о поглощеніи веществъ организмомъ становится достояніемъ физики. Но съ дальнѣйшимъ движеніемъ науки все болѣе выяснялось, насколько мало пищи доставляютъ физіологіи опытныя данныя въ этой области, добытыя физиками. Едва успѣло вещество пройти сквозь оболочку клѣточки, какъ его встрѣчаетъ живая протоплазма, и говоритъ: «стой, вещество, *ты двигалось согласно простымъ физическимъ законамъ, теперь* подчинись *моей власти, теперь я, жизнь, буду рѣшать—пустить-ли тебя въ свои нѣдра*» Выдвигается, такимъ образомъ, на сцену неизвѣстная намъ *организація живой протоплазмы*, и вопросъ запутывается до того, что мы меньше прежняго понимаемъ, какъ, въ самомъ дѣлѣ, проникаютъ различныя вещества въ живое тѣло растенія».

Я умышленно отмѣтилъ курсивомъ тѣ мѣста, которыя ясно показываютъ, что, по мнѣнію профессора Бородина, какъ только вещество проникло черезъ оболочку клѣтки, такъ оно подчиняется власти *живой* протоплазмы, и теперь *жизнь* будетъ рѣшать, пустить ли это вещество въ свои нѣдра, или нѣтъ, а не законы физики.

Мнѣ кажется, что какъ разъ въ этомъ предметѣ физика оказала вопросу о проникновеніи вещества въ протоплазму громадныя услуги, и что изслѣдованія Пфеффера, де-Фриза (de Vries) (и вообще всѣ новѣйшія изслѣдованія относительно осмотическаго давленія, изотоническихъ коеффиціентовъ и проч.) дали такъ много новыхъ точекъ опоры въ явленіяхъ діосмоза, что теперь, менѣе чѣмъ когда-либо, можно говорить то, что говоритъ проф. Бородинъ. Дѣйствительно, прежде, когда, въ сущности, вся природа осмотическихъ явленій была темна, цитированное мною воззрѣніе могло имѣть свой raison d'être, но ужъ никакъ этого нельзя сказать теперь, послѣ блистательныхъ трудовъ вышеназванныхъ ученыхъ и послѣ того объясненія, которое эти труды получили, благодаря знаменитой работѣ Van-t-Hoff'a.

Я не могу вдаваться въ подробности, ибо онѣ заставили бы меня предположить въ читателѣ слишкомъ спеціальныя свѣдѣнія; но въ интересѣ дѣла считаю нужнымъ привести имена выше-

---

вать *несуществованія*. Въ противномъ случаѣ, будутъ правы спириты, утверждающіе существованіе духовъ. Вѣдь доказать, что духи медіумистовъ не существуютъ, мы тоже не можемъ. Развѣ изъ того, что мы не можемъ доказать несуществованія чего-либо, слѣдуетъ непремѣнно, что это «что-либо» существуетъ?

названныхъ ученыхъ, чтобы указать, что взятый проф. Бородинымъ примѣръ можетъ служить скорѣе аргументомъ противъ витализма, нежели за него, ибо въ этомъ примѣрѣ какъ разъ физика оказала громадныя услуги дѣлу уясненія вопроса о проникновеніи различныхъ веществъ (растворовъ) въ растительныя клѣтки.

Конечно, если бы можно было согласиться съ проф. Бородинымъ въ томъ, что признаніе жизненной силы никогда не мѣшало движенію науки, то тогда отчего бы и не признать такой силы? И дѣйствительно, проф. Бородинъ говоритъ, что не помѣшала же жизненная сила Ингенгузу и Соссюру произвести свои знаменитыя изслѣдованія надъ растеніями. Относительно Ингенгуза не могу ничего сказать, ибо его работы въ подлинникѣ не знаю; что же касается до труда Соссюра, то въ своемъ сочиненіи «Recherches chimiques sur la végétation», появившемся въ 1804 г., онъ нигдѣ не говоритъ о жизненной силѣ; напротивъ того, въ предисловіи онъ явно обнаруживаетъ враждебное отношеніе ко всякой специфической творческой дѣятельности растеній. Говоря о золѣ растеній, Соссюръ высказываетъ слѣдующее положеніе:

«Моя работа привела меня къ ряду новыхъ наблюденій, которыя показываютъ, что всѣ только-что разобранные мною вопросы (о происхожденіи золы) могутъ быть разрѣшены *безъ принятія существующихъ въ растеніи творческихъ силъ и превращеній, идущихъ въ разрѣзъ съ извѣстными уже наблюденіями*».

Приведенное мѣсто, во всякомъ случаѣ, скорѣе доказываетъ, что Соссюромъ руководили антивиталистическія идеи, а самый характеръ труда Соссюра не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ знаменитый ученый приступилъ къ изученію растеній такъ, какъ приступаютъ къ изученію объекта, подчиняющагося общимъ физико-химическимъ началамъ, а не какимъ-либо особеннымъ, виталистическимъ.

Далѣе, витализмъ представляетъ по существу гипотезу, не могущую считаться плодотворною. Въ самомъ дѣлѣ, если мы говоримъ, что жизнь подчинена общимъ механическимъ и физико-химическимъ началамъ, то передъ нами всегда стоитъ вопросъ о жизни, въ качествѣ вопроса не разрѣшеннаго. Вѣдь, если бы не было въ наукѣ того матеріалистическаго направленія, которое блистательно выразилось въ фразѣ «мысль есть измѣненіе фосфора въ мозгу», если бы мы стояли и до сихъ поръ съ ученіемъ о жизненной силѣ, какъ стояли съ нимъ въ XVII-мъ столѣтіи, то мы бы такъ свыклись съ терминомъ «жизненная сила», что считали

бы его не пустымъ, ничего не выражающимъ звукомъ, а чѣмъ-то, объясняющимъ намъ явленія, происходящія въ живыхъ организмахъ. Такимъ образомъ, матеріализмъ 50-хъ и 60-хъ годовъ, выбросившій жизненную силу за бортъ біологіи и вообразившій, будто онъ что-то такое рѣшилъ, создалъ этимъ самымъ то, что въ настоящее время всѣ напряженно думаютъ о вопросѣ жизни и спрашиваютъ у матеріалистовъ: «а потрудитесь - ка показать ваши физико - химическія причины въ вопросахъ наслѣдственности и проч.!» Матеріалисты и антивиталисты этого показать не могутъ, и что же мы дѣлаемъ? Вмѣсто того, чтобы сказать имъ, что они дѣла не рѣшили, мы совершаемъ грубую логическую ошибку и говоримъ: «такъ какъ вы не можете вывести изъ основныхъ физико-механическихъ и химическихъ началъ сложнѣйшія явленія жизни, то... мы все это покроемъ крышкою, надпишемъ на ней «жизненная сила» и успокоимся». Но развѣ, принявши жизненную силу, мы объясняемъ что-либо? Развѣ мы уменьшаемъ хоть на іоту все то, что въ явленіяхъ жизни представляется намъ загадочнымъ? Нисколько! Мы только успокаиваемъ себя терминомъ. Но, кромѣ того, мы наносимъ наукѣ значительный ущербъ, ибо вводимъ новую силу, свойства которой представляются для насъ въ такой мѣрѣ темными, что мы даже не можемъ сказать, можетъ ли она быть подведена подъ тѣ общія положенія, подъ которыя подводятся и другія силы природы, или же она какая-то привиллегированная, «не въ примѣръ прочимъ», сила.

И такъ, витализмъ вводящій силу, къ которой ни съ какой стороны мы даже подступиться не можемъ — не есть научная гипотеза: это только терминъ нашего незнанія и, пожалуй, нежеланія попристальнѣе всмотрѣться въ явленія жизни, отбросивши всякій ненужный, и въ наукѣ вредный, мистицизмъ.

А что, дѣйствительно, мы не желаемъ всмотрѣться въ явленія жизни иначе, какъ вооружившись мистическими очками—это видно изъ того, что, между прочимъ, біологи никогда не хотятъ изучать *элементы*, изъ которыхъ слагается жизнь, въ ихъ простѣйшемъ видѣ, а всегда, напротивъ, изучаютъ ихъ въ наиболѣе осложненной формѣ, т. е. въ живомъ организмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что мы стали бы изучать, ну, хотя бы, теорію рычаговъ, на человѣческомъ тѣлѣ, гдѣ эти рычаги представляются весьма сложными, гдѣ условія ихъ дѣйствія и равновѣсія весьма запутаны всевозможными условіями. Развѣ пришли бы мы къ отысканію общаго закона равновѣсія рычаговъ? Разумѣется, никогда. Механика, разбирая этотъ вопросъ, упростила его до того, что стала разсматривать рычаги идеальные, лишенные

вѣса, гибкости, ломкости, и только этимъ путемъ пришла къ отысканію законовъ. И это, конечно, единственный раціональный путь.

Обсуждая вопросы о жизни, біологи никогда, къ сожалѣнію, не задаютъ себѣ такой задачи: посмотрѣть, нѣтъ ли въ такъ называемой мертвой природѣ большинства тѣхъ явленій, которыя мы привыкли приписывать тѣламъ живымъ. Разумѣется, прежде, чѣмъ приступить къ разрѣшенію такого вопроса, надо дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что если такія явленія въ «мертвой» природѣ существуютъ, то они должны въ ней присутствовать въ крайне упрощенномъ видѣ. Вотъ, если стать на такую точку зрѣнія, то окажется, что всѣ тѣ чудеса, которыя виталисты приписываютъ жизненной силѣ, имѣются, но, конечно, въ зачаточномъ состояніи, и въ такъ называемомъ «мертвомъ» царствѣ. Правда, эти явленія и въ мертвой природѣ не вполнѣ разработаны, но все же, во-1-хъ, они болѣе обстоятельно изучены, нежели въ живыхъ тѣлахъ, во-2-хъ, едва ли наука о жизни можетъ сдѣлать рѣшительные шаги впередъ, если не обратится къ изученію (да простится мнѣ это выраженіе) жизненныхъ явленій въ мертвомъ царствѣ.

Конечно, въ журнальной статьѣ можно только *намекнуть* на характеръ такого изученія, на направленіе его; можно показать плодотворность подобной научной работы, и потому я заранѣе извиняюсь передъ читателемъ въ томъ, что лишь поверхностно трону этотъ вопросъ, надѣясь, однако, что эта поверхностность не помѣшаетъ читателю понять основную мою мысль.

Итакъ, біологи должны бы изучать не клѣточки, не протоплазму съ ея невѣроятно сложнымъ составомъ и, вѣроятно, сложною организаціей, а то что въ природѣ имѣется въ болѣе простомъ видѣ, ту простѣйшую протоплазму, которая точно изслѣдована и химически, и морфологически, тѣ индивидуумы, которые проявляютъ жизнь въ ея наипростѣйшемъ видѣ. А такіе индивидуумы имѣются, изученіе ихъ гораздо проще, нежели изученіе даже самаго простого растительнаго или животнаго организма. Эти «живыя существа» мертвой природы—*кристаллы*.

Вникнемъ безъ предубѣжденія, вооружившись достаточною дозою философской критики, въ міръ кристалловъ, и мы найдемъ въ этомъ мірѣ всѣ тѣ *элементы*, которые характеризуютъ жизнь; я говорю «элементы», потому что нельзя и ждать, чтобы явленія жизни разыгрывались въ кристаллѣ — этомъ простѣйшемъ минеральномъ организмѣ—въ той необычайно сложной формѣ, въ которой они разыгрываются въ протоплазмѣ животныхъ или растительныхъ клѣтокъ.

И если мы докажемъ, что *по существу* въ кристаллѣ присут-

ствуютъ всѣ элементы жизни, то намъ или придется признать, что и въ кристаллахъ дѣйствуетъ жизненная сила, а стало быть, ея присутствіе характеризуетъ и такъ называемый минеральный міръ, или совершенно отвергнуть эту жизненную силу.

Но какъ это доказать?

Очевидно, путемъ разбора основныхъ проявленій жизни въ такъ называемомъ «живомъ» мірѣ и отысканіемъ аналогичныхъ явленій въ мірѣ «мертвомъ», аналогичныхъ не въ мыслѣ только внѣшней аналогіи, а въ смыслѣ внутренней, глубокой сходственности.

Начнемъ съ вопроса о происхожденіи живыхъ существъ. Въ біологіи, какъ извѣстно, вопросъ этотъ подалъ поводъ къ весьма острымъ спорамъ. Проф. И. П. Бородинъ излагаетъ въ своей статьѣ сущность этихъ споровъ. Вопросъ шолъ о томъ, можетъ ли неорганизованная матерія превратиться въ организованную, *живую*. Послѣ горячаго спора между Пастеромъ, считавшимъ такое превращеніе невозможнымъ, и Пуше, Монтегаца, Мюссе и др., считавшими этотъ переходъ возможнымъ, большинство ученыхъ склонилось на сторону Пастера, и въ настоящее время признается, что все живое можетъ происходить только отъ зародыша того же живого.

Когда подобная же задача коснулась міра минеральныхъ индивидуумовъ, то не было такого горячаго ожесточеннаго спора, ибо, прежде всего, вопросъ о происхожденіи минеральныхъ индивидуумовъ нисколько не имѣлъ соприкосновенія съ какимъ бы то ни было вопросомъ творческаго акта, выходящимъ за предѣлы чисто научнаго изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, вы имѣете растворъ соли въ водѣ, выпариваете воду и у васъ образуются кубики, кристаллы поваренной соли. Тутъ никто и не думалъ объ актѣ творчества; казалось все такъ просто: взяли, да и образовались. Но когда возникъ вопросъ, почему именно образуются кубики, или, правильнѣе, почему поваренная соль даетъ кристаллы, характеризующіе такъ называемую *правильную* систему, то оказалось, что здѣсь есть надъ чѣмъ поломать голову. Стали разсматривать растворы подъ микроскопомъ, въ надеждѣ увидѣть процессъ образованія кристалла; оказалось — ничего увидѣть нельзя: въ полѣ зрѣнія появляется сразу кристалликъ, имѣющій уже свою опредѣленную форму *). Правда, при этомъ замѣтно было, что онъ растетъ, увеличивается, стало быть, въ объемѣ; но какъ образовался первый-то, мельчайшій кристалликъ—этого ни-

*) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, удавалось видѣть до образованія кристалликовъ, появленіе жидкихъ капелекъ, которыя уже затѣмъ превращались въ кристаллы, но отъ этого вопросъ нисколько не сталъ проще.

кому не удалось уловить. Мало того: появилась мысль о томъ, можетъ ли растворъ начать выдѣлять кристаллы, если въ него не попадетъ извнѣ кристаллическій, такъ сказать, зародышъ, т. е. то же вещество, какое находится въ растворѣ, но только въ видѣ твердой песчинки.

Развѣ это не вопросъ о самозарожденіи и притомъ вопросъ, принявшій въ кристаллологіи то же направленіе, какое въ біологіи принялъ вопросъ о происхожденіи организмовъ? Мало того; какъ Пастеръ и его послѣдователи явились защитниками панспермін, т. е. ученія, принимающаго, что въ воздухѣ постоянно носятся зародыши всевозможныхъ организмовъ, которые (зародыши), попадая въ *подходящую* среду, въ ней развиваются, такъ же точно въ кристаллологіи явилось ученіе о томъ, что въ воздухѣ носятся мельчайшія пылинки различныхъ кристаллическихъ веществъ, которые, попавши въ подходящую среду, растутъ въ ней и даютъ начало образованію кристалловъ. Скажу болѣе: даже характеръ опытовъ, производившихся Пастеромъ въ защиту панспермін, и характеръ опытовъ, производившихся кристаллологами въ защиту своего ученія — тождественны. И Пастеръ, и кристаллологи пропускали воздухъ черезъ вещества, задерживавшія воздушную пыль, и оказывалось, что питательныя среды не давали при этомъ организмовъ, а пересыщенные растворы (т. е. растворы, которымъ надлежало бы выдѣлять изъ себя твердое вещество) не кристаллизовались. Стоило затѣмъ впустить въ питательную среду не процѣженный черезъ вату воздухъ — и въ ней развивались низшіе организмы; стоило пересыщенный растворъ привести въ соприкосновеніе съ воздухомъ и, въ большинствѣ случаевъ, этотъ пересыщенный растворъ начиналъ выдѣлять кристаллы.

Извѣстно, что если растворъ какой-либо соли постепенно испарять, то, наконецъ, наступаетъ такой моментъ, когда изъ него *самопроизвольно* выдѣляются кристаллы, безъ, всякаго, повидимому, попаданія извнѣ «*кристаллизаціонныхъ зародышей*» (такъ можно было бы назвать кристаллическія пылинки, носящіяся въ воздухѣ и въ массѣ случаевъ обусловливающія произвольную, повидимому, кристаллизацію). Но въ дѣйствительности вопросъ о томъ, какимъ образомъ формируется «первичный» кристалликъ, представляется вполнѣ темнымъ, не менѣе темнымъ, нежели вопросъ относительно образованія первичнаго зародыша. Правда, въ наукѣ указывается, что, по мѣрѣ сгущенія раствора или по мѣрѣ его охлажденія, движеніе отдѣльныхъ молекулъ (частичекъ) становится все болѣе и болѣе медленнымъ и имъ все меньше и меньше остается (при сгущеніи раствора) пространства для сво-

боднаго движенія, и, стало быть, этимъ самымъ обстоятельствомъ даются условія для скучиванія отдѣльныхъ молекулъ. Но почему скученныя молекулы должны образовать кристаллъ той, а не другой формы, почему эти молекулы собираются въ кубикъ, а не напр. въ шестигранную пирамиду, какая сила заставляетъ эти молекулы группироваться именно такъ, а не иначе—на это наука отвѣта дать не можетъ. Если въ сгущенный и способный къ кристаллизаціи растворъ опустить уже готовый кристалликъ того вещества, которое въ растворѣ содержится, то этотъ кристалликъ начнетъ расти и такому росту кристалла имѣются вполнѣ удовлетворительныя объясненія. Но откуда возьмется этотъ первый кристалликъ, который бы своимъ присутствіемъ направилъ разбросанныя въ средѣ молекулы къ опредѣленной организаціи? Остается допустить его самозарожденіе, совершенно такъ же, какъ на вопросъ, откуда взялся первый зародышъ, останется только одинъ отвѣтъ—онъ самопроизвольно зародился. Изъ сказаннаго ясно, что если допустить въ такъ называемомъ «живомъ» мірѣ «жизненную» силу, то и въ вопросѣ о происхожденіи кристалла (перваго) придется допустить существованіе той же таинственной жизненной силы, подъ какими бы названіями мы ее себѣ ни преподносили—подъ названіемъ ли «кристаллообразовательной» силы или какой-либо иной. Мало того: есть данныя, которыя показываютъ, что растворъ даннаго вещества, дающій это вещество въ формѣ кристалловъ, не имѣетъ самъ по себѣ никакой склонности къ образованію тѣхъ или другихъ кристалловъ, что онъ получаетъ эту склонность въ тотъ моментъ, когда въ него введенъ уже готовый кристаллъ. Такъ, напр., мы можемъ приготовить растворъ желѣзнаго купороса, который, при введеніи въ него кристаллика желѣзнаго же купороса, даетъ подобные же кристаллы; но если введенъ въ этотъ же растворъ кристаллъ мѣднаго купороса, кристаллъ совершенно иной формы, то кристаллы желѣзнаго купороса, выдѣляющіеся изъ этого раствора, являются въ формѣ, совершенно соотвѣтствующей формѣ введеннаго кристалла мѣднаго купороса. Такимъ образомъ, вопросъ о возникновеніи первичнаго кристаллика въ данной средѣ является въ такой же мѣрѣ темнымъ, какъ и вопросъ о возникновеніи первичнаго зародыша, и, стало быть, въ этомъ отношеніи между «живымъ» и «мертвымъ» разницы усмотрѣть нельзя.

Обратимся теперь къ другому признаку, иногда приводимому, какъ доказательство различія между живыми организмами и мертвыми кристаллами. «Живыя существа», говорятъ намъ, обладаютъ формами, ограниченными кривыми поверхностями. Эта ха-

рактеристика несомнѣнно не имѣетъ значенія, ибо, съ одной стороны, есть живыя клѣтки, имѣющія формы не кривыя, съ другой же стороны — мы знаемъ кристаллы, ограниченные кривыми поверхностями (напр., въ такомъ видѣ часто встрѣчается алмазъ), наконецъ, какъ недавно показалъ извѣстный кристаллологъ О. Леманъ, есть кристаллы *жидкіе*, имѣющіе совершенно шарообразную форму. Впрочемъ, надо сказать, что и защитники воззрѣнія, устанавливающаго рѣзкую грань между живымъ и мервымъ, не придаютъ особаго значенія формѣ, какъ существенному признаку.

Не мѣшаетъ тутъ же прибавить, что весьма часто указываютъ на неоднородность живыхъ организмовъ,—сложность строенія протоплазмы, и на однородность, будто-бы, кристалла. Но, разумѣется, это могутъ говорить лишь тѣ, которымъ мало знакома кристаллофизика. Хотя кристаллъ на взглядъ и кажется однороднымъ, но на самомъ дѣлѣ онъ весьма сложенъ по своему внутреннему строенію; свѣтовой лучъ, идущій въ извѣстномъ направленіи, раздваивается, въ другомъ—проходитъ базъ раздвоенія; при нагрѣваніи—расширеніе кристалловъ въ разныхъ направленіяхъ различно; въ одномъ направленіи кристаллъ легче переломить, чѣмъ въ другомъ, и т. д. Развѣ всѣ эти свойства не показываютъ необыкновенной сложности структуры этого минеральнаго организма?

Другой признакъ, характеризующій живыя существа, — это *ростъ*. Живой организмъ, помѣщенный въ соотвѣтственныя условія, увеличивается въ объемѣ и вѣсѣ насчетъ поглощаемыхъ имъ извнѣ веществъ, словомъ—растетъ.

Въ мертвомъ мірѣ, т. е въ минеральномъ, явленія роста точно также существуютъ. Еще Линней говорилъ: «mineralia crescunt» (минералы растутъ); эту фразу Линнея считали лишь образнымъ выраженіемъ; правильно ли считали, или нѣтъ—это вопросъ не важный, но такая фраза, произнесенная однимъ изъ величайшихъ натуралистовъ, показываетъ, въ какой мѣрѣ уже онъ усматривалъ въ минеральномъ мірѣ явленія, напоминающія ростъ живыхъ существъ.

Виталисты скажутъ, конечно, что ростъ кристалловъ не имѣетъ ничего сходнаго съ ростомъ организмовъ.

Но прежде нежели разбирать вопросъ о сходствѣ или различіи этого процесса, нужно спросить себя: представляетъ ли *ростъ* нѣчто необходимое, conditio sine qua non, для жизни? Очевидно, нѣтъ. Мы знаемъ, что съ извѣстнаго, напримѣръ, момента человѣкъ перестаетъ рости, не смотря на то, что продолжаетъ жить. Здѣсь, стало быть все дѣло сводится къ тому, что въ извѣстный періодъ своего суще-

ствованія, организмъ усваиваетъ извнѣ больше, нежели выдѣляетъ изъ себя во внѣшній міръ — организмъ растетъ; затѣмъ наступаетъ періодъ, когда усвоеніе и трата, приблизительно, уравновѣшиваются—организмъ или немножко убываетъ, или немножко прибываетъ въ вѣсѣ; наконецъ, можетъ наступить полное равновѣсіе прибыли и убыли — организмъ не будетъ рости, но *будетъ продолжать жить*.

Но въ такъ называемомъ дѣтскомъ возрастѣ съ жизнью организма тѣсно связанъ его ростъ, причемъ наблюдается относительно быстрый ростъ въ очень юномъ состояніи. Всѣмъ, конечно извѣстно, что ребенокъ растетъ гораздо быстрѣе юноши, юноша гораздо быстрѣе взрослаго человѣка и т. д.

Посмотримъ, что намъ извѣстно въ этомъ отношеніи примѣнинительно къ кристалламъ. Кристаллъ, помѣщенный въ соотвѣтственную среду, растетъ, т. е. увеличивается въ вѣсѣ, въ объемѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ предѣла для роста кристалловъ не существуетъ, и можно полагать, что если среда, въ которой растетъ кристаллъ (т. е., напр., растворъ) будетъ, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, всегда въ извѣстное число разъ больше (по объему) нежели кристаллъ, то онъ долженъ рости до безконечности *); но опыты въ этомъ направленіи не сдѣланы, хотя и безъ нихъ можно сказать, что самый фактъ существованія въ природѣ громадныхъ кристалловъ (вѣсомъ 2—3 п.) указываетъ, что предѣлъ роста опредѣляется только внѣшними условіями. Но весьма примѣчательно, что ходъ роста кристалловъвесьма похожъ на ходъ роста живыхъ организмовъ, а именно:

---

*) Всѣмъ извѣстно, что въ исторіи земли былъ періодъ, когда росли громадные папоротниковые лѣса; теперь папоротники представляютъ совсѣмъ маленькое растеніе. Точно также мы знаемъ людей, имѣющихъ 25 фунтовъ вѣса (карлики) и 10 пудовъ (великаны). Ясно, стало быть, что, разсуждая теоретически, мы не имѣемъ права утверждать, что величинѣ того или другого организма поставленъ предѣлъ. Все дѣло въ условіяхъ. Разумѣется, чѣмъ организмъ сложнѣе, тѣмъ труднѣе поставить его въ такія условія, при кототорыхъ онъ могъ бы безпредѣльно рости. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, и у простѣйшихъ организмовъ мы не видимъ безпредѣльнаго роста (напр., у бактерій), тѣмъ не менѣе ботаника знаетъ весьма крупные одноклѣточные организмы. Бѣлковая протоплазма—слишкомъ неустойчивое въ химическомъ отношеніи вещество, и потому, принявши большіе размѣры и представляя одну клѣточку, недостаточно защищенную, эта протоплазма представляетъ большую поверхность для дѣйствія различныхъ разрушающихся силъ; она можетъ подвергаться нападенію другихъ организмовъ и, стало быть, погибать въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ. То же самое и въ минеральномъ царствѣ: большіе кристаллы рѣдко попадаются, между прочимъ, и потому, что, представляя слишкомъ большую поверхность, они даютъ слишкомъ много точекъ приложенія разнымъ разрушающимъ ихъ силамъ.

маленькій кристаллъ (такъ сказать, кристалъ-ребенокъ) растетъ гораздо быстрѣе большого. Для доказательства справедливости сказаннаго приведу опыты (не опубликованные мною до сихъ поръ нигдѣ, благодаря тому, что вывести изъ нихъ какого-либо точнаго закона нельзя, въ виду невозможности обставить самый опытъ надлежащими предосторожностями). Взято было два кристалла: одинъ маленькій вѣсомъ въ *0,03* грамма; другой въ *30,26* грамма; первый былъ приготовленъ мною, второй былъ мнѣ данъ проф. Д. И. Менделѣевымъ; и тотъ, и другой кристаллы были одного и того же химическаго состава (хромовые квасцы) и подвергались опытамъ при возможно одинаковыхъ условіяхъ; и вотъ что оказалось:

Увеличеніе I-го кристалла:

въ	1-й	часъ	увелич.	на	1,76%	своего вѣса
»	2-й	»	»	»	1,1%	» »
»	3-й	»	»	»	1,9%	» »
»	4-й	»	»	»	1,52%	» »
»	5-й	»	»	»	1,9%	» »
»	6-й	»	»	»	1,62%	» »
»	7-й	»	»	»	1,62%	» »

Увеличеніе II-го (большого) кристалла:

въ	1-й	часъ	увелич.	на	0,3%	своего вѣса
»	2-й	»	»	»	0,24%	» »
»	3-й	»	»	»	0,23%	» »
»	4-й	»	»	»	0,23%	» »

Затѣмъ при измѣненныхъ условіяхъ:

въ	5-й	часъ	увелич.	на	0,13%	своего вѣса
»	6-й	»	»	»	0,12%	» »
»	7-й	»	»	»	0,12%	» »
»	8-й	»	»	»	0,126%	» »
»	9-й	»	»	»	0,126%	» »

Не давая этимъ числамъ абсолютнаго значенія, мы, тѣмъ не менѣе, видимъ, что кристаллъ въ 100 разъ (приблизительно) меньшій растетъ, приблизительно, въ 8—10 разъ быстрѣе.

Этотъ опытъ, какъ мнѣ кажется, весьма наглядно иллюстрируетъ тотъ фактъ, что ростъ всякаго молодого организма, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, идетъ быстрѣе роста не молодого,—будетъ ли этимъ организмомъ кристаллъ, или же какое-либо растеніе, или животное. Читатель, я полагаю, пойметъ, что здѣсь рѣчь идетъ о ростѣ не въ смыслѣ увеличенія въ вышинѣ, а въ смыслѣ увеличенія въ вѣсѣ.

Правда, мнѣ сейчасъ же скажутъ, что нѣтъ ничего общаго между ростомъ кристалла и ростомъ организма живого. Живой

организмъ разрушается и возстановляется, а кристаллъ только увеличивается, не разрушаясь! Но это будетъ невѣрно, ибо, согласно установившимся въ кристаллологіи воззрѣніямъ, каждый кристаллъ, находясь въ той средѣ, гдѣ онъ растетъ, находится въ условіяхъ такъ называемаго подвижного равновѣсія, т.-е. онъ отдаетъ отъ себя свои частички въ окружающую его среду и отъ нея получаетъ такія же частички только въ большемъ количествѣ. Конечно, это не доказано отдѣльными опытами, но теорія такого подвижного равновѣсія такъ много объясняетъ не только въ области кристаллологіи, но и въ другихъ областяхъ—въ физикѣ и химіи, что фактъ существованія подвижного равновѣсія при ростѣ кристалловъ едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію.

Обратимся теперь къ вопросу о питаніи. Казалось бы, ужъ на что характерное свойство живыхъ организмовъ—способность питаться; ужъ этого свойства мертвыя тѣла не имѣютъ. А между тѣмъ и здѣсь виталисты не будутъ въ состояніи провести грань, ибо при ближайшемъ, болѣе глубокомъ, разсмотрѣніи дѣла мы замѣтимъ, что и кристаллы питаются и, притомъ, характеръ этого процесса у кристалловъ въ принципіальномъ отношеніи тождественъ съ характеромъ этого же процесса у такъ называемыхъ живыхъ организмовъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ чемъ состоитъ питаніе въ наипростѣйшемъ смыслѣ этого слова? Организмъ поглащаетъ изъ внѣшней среды извѣстныя вещества и претворяетъ ихъ въ свое «я»; при этомъ оказывается, что организмъ обладаетъ способностью выбирать изъ окружающихъ его веществъ тѣ, *«которыя ему необходимы»*, и отбрасывать тѣ, *«которыя ему не нужны»*. Спрашивается, есть ли что-либо подобное въ мірѣ минеральныхъ организмовъ? Несомненно есть и притомъ, по существу, то же, что и въ такъ называемомъ «живомъ» царствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вы имѣете кристаллъ, напримѣръ, какой-нибудь соли и опускаете въ растворъ, содержащій, кромѣ этой соли, еще другія вещества. Что же окажется? Этотъ кристаллъ будетъ питаться, т. е. поглощать изъ даннаго раствора только то вещество, составъ котораго или тождественъ съ составомъ взятаго кристалла, или же весьма близокъ къ составу его; всѣ же остальныя вещества, въ растворѣ находящіяся, не будутъ усваиваться даннымъ кристалломъ, а стало быть, будутъ отбрасываться имъ. Правда, можно сказать, что такъ называемые «живые» организмы обладаютъ способностью, поглощая изъ среды извѣстныя питательныя вещества, видоизмѣнять ихъ химически, и эта-то способность къ химическому видоизмѣненію поглощаемаго вещества и считается принадлежностью живой протоплазмы; но спрашивается, не обладаетъ ли тою же способностью

и кристаллъ? Безспорно обладаетъ; въ самомъ дѣлѣ, пусть у насъ имѣется кристаллъ обыкновенныхъ квасцовъ; мы его погружаемъ въ растворъ, содержащій нѣкоторое количество безводныхъ квасцовъ и нѣкоторое количество воды; кристаллъ въ этомъ растворѣ растетъ, при чемъ заставляетъ воду и безводныя квасцы, содержащіяся во взятомъ растворѣ, между собою химически соединиться; и только это соединеніе безводныхъ квасцовъ съ совершенно опредѣленнымъ количествомъ воды усваивается кристалломъ; выражаясь біологическимъ языкомъ, мы можемъ сказать такъ: для того, чтобы составилось «тѣло» кристалла квасцовъ, нужно этому кристаллу усвоить себѣ не безводные квасцы и не воду, а ихъ совершенно опредѣленное химическое соединеніе; но во взятомъ растворѣ (согласно господствующей въ настоящее время теоріи растворовъ) не существуетъ такого соединенія; тамъ существуетъ только вода и элементы безводныхъ квасцовъ *), и вотъ кристаллъ беретъ изъ этого раствора эти элементы и въ своемъ «тѣлѣ» заставляетъ ихъ между собою соединиться въ строго опредѣленной пропорціи и обращаетъ ихъ въ свое организованное «я». Очевидно, стало быть, что и способность химически видоизмѣнять поглощаемыя или подлежащія поглощенію вещества не принадлежитъ только «живой» протоплазмѣ «живыхъ» организмовъ, но принадлежитъ также и «протоплазмѣ» кристалла, считаемой мертвою.

Такимъ образомъ, въ вопросахъ питанія, разсматриваемыхъ съ философско-біологической точки зрѣнія, витализмъ не найдетъ себѣ опоры.

Обращаясь къ вопросу о *размноженіи* кристалловъ, мы можемъ показать, что это явленіе столь, повидимому, характерное для такъ называемыхъ «живыхъ» организмовъ, повторяется и въ мірѣ кристалловъ съ тѣми же специфическими особенностями, съ которыми оно встрѣчается и въ «живомъ» царствѣ съ точки зрѣнія виталистовъ. Тутъ мы имѣемъ и размноженіе черезъ посредство «зародышей», и размноженіе дѣленіемъ, и, наконецъ, размноженіе «почкованіемъ». Разумѣется, полового размноженія въ мірѣ кристалловъ и ждать нельзя, но вѣдь мы знаемъ и многія споровыя ра-

*) Согласно господствующей въ настоящее время теоріи водныхъ растворовъ, въ нихъ не существуетъ *готовой* соли; она получается лишь тогда, когда уже кристаллъ поглощаетъ въ себя элементы ея; стало быть, въ кристаллѣ существуетъ, выражаясь языкомъ виталистовъ, тоже организаторская дѣятельность, какую мы наблюдаемъ и въ такъ называемыхъ «живыхъ» организмахъ. Кромѣ того, полезно будетъ неовиталистамъ обратить вниманіе на то, что только кристаллы растутъ при погруженіи въ соотвѣтственные растворы, и что къ такому росту неспособно ни одно вещество *аморфное*, т. е. лишенное организаціи.

стенія, которыя размножаются посредствомъ споръ безъ всякаго признака полового оплодотворенія.

Если въ пересыщенный растворъ какой-либо соли опустить кристаллическій зародышъ ея, то зародышъ этотъ начинаетъ расти; но въ то же время въ жидкости—въ разныхъ мѣстахъ—появляются кристаллики. Очевидно, что погруженный въ жидкость кристалликъ является источникомъ возникновенія цѣлой массы кристаллическихъ зародышей, попадающихъ въ разныя мѣста взятой жидкости, ибо почему же начинаютъ являться въ ней кристаллики не только въ мѣстѣ соприкосновенія ея съ погруженнымъ первымъ кристалликомъ, но и въ различныхъ другихъ мѣстахъ. Такъ какъ, согласно вышеизложенному, въ пересыщенныхъ растворахъ появляются кристаллы лишь въ тѣхъ мѣстахъ, куда попадаютъ кристаллическіе зародыши, то мы должны допустить, что разъ кристаллики появляются въ разныхъ мѣстахъ—значитъ туда попали эти зародыши; но такъ какъ нами былъ первоначально взятъ только одинъ кристалликъ, то, значитъ, онъ послужилъ источникомъ появленія цѣлой массы кристаллическихъ зародышей, распредѣлившихся во всей жидкости. Такимъ образомъ, введенный кристаллъ играетъ здѣсь роль «родителя» цѣлой массы кристалловъ.

Малѣйшая частица кристалла, помѣщенная въ соотвѣтственныя условія, выростаетъ въ цѣлый кристаллъ, совершенно подобно тому, какъ для многихъ растительныхъ организмовъ извѣстная часть ихъ, помѣщенная въ подходящія условія, выростаетъ въ цѣлое растеніе. Конечно, разрушенная растительная клѣточка не дастъ новаго растенія, въ какія бы мы условія ее ни поставили, между тѣмъ какъ малѣйшая пылинка кристалла способна дать цѣлый кристаллъ. Но дѣло здѣсь сводится къ тому, что клѣточка растенія есть біологическій атомъ, между тѣмъ, какъ кристалическимъ атомомъ является малѣйшая пылинка кристалла; разрушенная клѣточка не произведетъ растенія, какъ и разрушенный кристаллическій атомъ не дастъ новаго кристалла; разница будетъ только въ томъ, что біологическій атомъ—клѣточку—мы можемъ разрушить механическими путями, между тѣмъ какъ кристаллическій атомъ механическими путями разрушить нельзя, но за то можно разрушить физическими или химическими дѣятелями (теплотою, электричествомъ, различными химическими агентами). Такимъ образомъ, въ томъ фактѣ, что мы можемъ обратить кристаллъ въ порошокъ и песчинки этого порошка бросить въ растворъ, при чемъ каждая изъ нихъ обратится въ цѣлый новый кристаллъ—въ этомъ фактѣ мы имѣемъ явленіе размноженія дѣленіемъ, разумѣется, въ его наипростѣйшей формѣ.

Что касается размноженія «почкованіемъ», то оно, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что на данномъ индивидуумѣ появляется выпуклость и изъ этой выпуклости (почки) происходитъ новый индивидуумъ. Совершенно подобное же явленіе мы встрѣчаемъ въ мірѣ кристалловъ; на кристаллѣ въ извѣстномъ мѣстѣ начинаетъ наростать другой кристалликъ, и, такимъ образомъ, мы получаемъ какъ бы почку. Правда, могутъ сказать, что въ растеніи или въ клѣткѣ это почкованіе происходитъ, такъ сказать, подъ вліяніемъ силъ, дѣйствующихъ изнутри; но не надо забывать, что вообще весь характеръ жизни кристалла сводится къ явленіямъ поверхностей и, стало быть, почкованіе должно происходить съ поверхности. И, наконецъ, мы и теперь не можемъ сказать съ увѣренностью, не играютъ ли въ явленіяхъ почкованія кристалловъ нѣкоторую роль внутреннія силы, дѣйствующія въ кристаллѣ.

Остается разсмотрѣть акты «психическіе», безспорно, повидимому представляющіе особенность того царства, которое принято называть «живымъ».

Всѣмъ, разумѣется, извѣстно, что «психическіе» акты обнаруживаются въ самыхъ различныхъ видахъ. Начиная отъ простѣйшей формы «раздражимости» комочка протоплазмы и до высокой духовной дѣятельности человѣка—мы имѣемъ различныя ступени въ проявленіи «психическихъ» актовъ. Нѣтъ, конечно, надобности доказывать, что въ мірѣ «кристалловъ»—этихъ наипростѣйшихъ организмовъ минеральнаго царства,—мы не можемъ наблюдать сложныхъ психическихъ актовъ; что въ этой сферѣ можно искать наиболѣе элементарной формы «психизма». Спрашивается, какова должна быть эта элементарнѣйшая форма?

Для рѣшенія такого вопроса требуется прежде всего опредѣлить, въ чемъ выражается элементарная форма психическихъ актовъ простѣйшихъ организмовъ, которые виталистами признаются несомнѣнно «живыми»?

Всѣ біологи согласны съ тѣмъ, что начало психической жизни организмовъ слѣдуетъ искать въ *раздражимости* протоплазмы.

Если теперь вникнуть въ существо этого свойства, оставивъ всякое предвзятіе, то *раздражимость* протоплазмы обнаруживается исключительно въ одномъ ея свойствѣ: подъ вліяніемъ механическихъ, физическихъ или химическихъ раздражителей, дѣйствующихъ на одну какую-либо точку протоплазмы, наступаетъ измѣненіе не только въ этой точкѣ, въ точкѣ приложенія раздражающаго агента, то и въ точкахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ мѣста раздраженія. Протоплазма какъ бы *проводитъ* раз-

драженіе и въ ней наступаютъ тѣ или иныя молекулярныя измѣненія. Въ чемъ эти молекулярныя измѣненія выражаются—въ сокращеніи ли протоплазмы, въ измѣненіи ли ея цвѣта, въ перемѣщеніяхъ плавающихъ въ ней какихъ-либо форменныхъ элементовъ—это безразлично; важно только то, что протоплазма такъ или иначе «отвѣчаетъ» на производимое раздраженіе и отвѣчаетъ не только въ той точкѣ, гдѣ раздраженіе произведено, но и въ разныхъ другихъ точкахъ.

Такую же, по существу, но болѣе элементарную по характеру, раздражимость мы наблюдаемъ и въ кристаллахъ. Если, напримѣръ, призматическій кристаллъ сѣры, совершенно прозрачный, полученный плавленіемъ сѣры, подвергнуть тренію въ какой-либо одной части, то онъ становится полупрозрачнымъ на всемъ своемъ протяженіи и черезъ нѣкоторое время при изслѣдованіи оказывается превратившимся въ цѣлую массу мелкихъ кристалликовъ, имѣющихъ совершенно другую (октаэдрическую) форму. Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ явное указаніе на то, что «раздраженіе», сообщенное кристаллу, въ одной точкѣ вызываетъ измѣненіе его молекулярнаго строенія на всемъ протяженіи.

Еще болѣе интересенъ случай, описанный давно (1837 г.) нѣмецкимъ физикомъ Frankenheim'омъ. Если взять растворъ обыкновенной селитры и испарять его, то есть возможность получить кристаллы этого вещества въ двухъ формахъ—одна напоминаетъ кубы, другая—ромбическіе столбики. Кубическая форма, какъ и призматическая, сами по себѣ весьма постоянны; къ кубическимъ (точнѣе—ромбоэдрическимъ) кристалламъ можно прикасаться различными твердыми, тѣлами и при этомъ въ этихъ кристаллахъ никакихъ перемѣнъ не наблюдается, но если, напр., сдѣлать на одномъ изъ этихъ кристалликовъ *иглою царапину*, то на немъ почти моментально появляется еле-еле замѣтная пленка, быстро распространяющаяся на всѣ кристаллы, которые затѣмъ, при изслѣдованіи, оказываются уже состоящими не изъ кубическихъ, а изъ призматическихъ кристалловъ. Но замѣчательно, что тоже самое получается, если къ этимъ кубическимъ кристалламъ *слегка* прикоснуться призматическимъ кристалликомъ.

Здѣсь мы видимъ, что произведенное въ одной точкѣ раздраженіе передается чрезвычайно быстро во всѣ стороны и вызываетъ рѣзкія измѣненія во внутреннемъ строеніи кристаллическаго организма; но, кромѣ того, здѣсь важенъ и тотъ фактъ, что раздраженіе различными веществами оказываетъ различное вліяніе и въ то время, какъ *иглою* нужно сдѣлать *царапину*, чтобы вызвать вышеуказанныя измѣненія,—онѣ же могутъ быть вызваны

только легкимъ прикосновеніемъ призматическаго кристалла къ кубическому. Подобную же «раздражимость» кристаллы обнаруживаютъ не только по отношенію къ механическимъ дѣятелямъ, но также и по отношенію къ дѣятелямъ физическимъ. Такъ, напр., многіе кристаллы, подвергшись дѣйствію свѣта, тепла или электричества въ какой-либо точкѣ, «отвѣчаютъ» на эти раздраженія измѣненіемъ своего молекулярнаго строенія на всемъ своемъ протяженіи.

Можно привести не мало случаевъ, подобныхъ только-что указанному, но, кромѣ того, можно показать, что раздражимость этого порядка, т.-е. способность передавать тотъ или другой видъ раздраженія, нанесеннаго одной какой-либо точкѣ вещества, на значительныя разстоянія принадлежитъ не только организованнымъ кристалламъ, но и многимъ видамъ матеріи, не считаемымъ организованными. Такъ, во многихъ веществахъ тепловое раздраженіе, вызывающее въ данной точкѣ вещества извѣстныя измѣненія, продолжаетъ передаваться дальше и вызываетъ измѣненія во всей остальной массѣ вещества даже и въ томъ случаѣ, когда первоначальная раздражающаяся причина устранена. Сюда относятся, напр., явленія взрыва цѣлой массы взрывчатаго вещества подъ вліяніемъ взрыва, произведеннаго въ небольшой части его. Словомъ, разсуждая строго философски, мы должны будемъ признать, что «раздражимость» въ элементарномъ проявленіи свойственна какъ организованнымъ, такъ и неорганизованнымъ тѣламъ.

Все сказенное относилось только къ отдѣльнымъ кристаллическимъ недѣлимымъ. Не трудно, однако, показать, что въ мірѣ кристалловъ имѣются элементы, присущіе жизни обществъ. Это—*борьба за существованіе*, сказывающаяся въ весьма разнообразныхъ формахъ и притомъ въ формахъ, наиболѣе, такъ сказать, грубыхъ. Какъ уже было выше указано, здѣсь царствуетъ законъ грубой силы въ его наиболѣе элементарномъ проявленіи. Если въ растворѣ содержится два или нѣсколько кристалловъ и между ними есть одинъ большой, то, при отсутствіи достаточнаго количества пищи, большой поѣдаетъ маленькіе и растетъ на ихъ счетъ. То же явленіе мы часто наблюдаемъ на растеніяхъ; крупныя «болѣе сильныя», какъ выражаются, деревья губятъ маленькія. Разница лишь въ томъ, что у кристалловъ это явленіе сказывается очень рѣзко: мы видимъ, какъ большой кристаллъ растетъ, а маленькій уменьшается; у растеній то же явленіе происходитъ посредственно, то-есть, маленькое дерево погибаетъ, подвергается постепенному разложенію, отдаетъ землѣ всѣ заимствованныя изъ нея вещества, и эти вещества въ концѣ концовъ обращаются на питаніе большихъ, «болѣе сильныхъ».

Не то ли самое происходитъ въ мірѣ животныхъ, включая сюда и человѣка? Разница опять только въ томъ, что формы борьбы гораздо болѣе сложны; но въ концѣ концовъ индивидуумы, погибающіе въ борьбѣ за существованіе, съѣдаются побѣдителями; ужъ не говорю о томъ, что даже человѣкъ грубымъ образомъ убиваетъ быка и съѣдаетъ его мясо; но человѣкъ съѣдаетъ и себѣ же подобнаго человѣка, только болѣе деликатнымъ способомъ, ибо если въ борьбѣ за существованіе данные, болѣе слабые индивидуумы погибаютъ, то, подвергаясь въ землѣ цѣлому ряду химическихъ измѣненій, они являются удобрителями почвы, которая создаетъ пищу, если не непосредственно для побѣдителя, то для его потомства; разница, съ философской точки зрѣнія, очевидно, не существенная.

Есть еще одна форма борьбы за существованіе въ мірѣ кристалловъ, болѣе сложная и запутанная, состоящая въ томъ, что на готовый кристаллъ какъ бы нападаютъ другія вещества и, вытѣснивши его, принимаютъ его форму, часто совсѣмъ имъ не присущую. Этотъ видъ борьбы, извѣстный въ кристаллологіи подъ названіемъ *псевдоморфоза* представляетъ огромный интересъ и пока еще въ своихъ нѣкоторыхъ подробностяхъ не вполнѣ уясненъ. Очень часто въ минералогіи относятъ къ псевдоморфозамъ такіе случаи, которые нельзя, строго говоря, назвать этимъ именемъ. Такъ, напр., въ природѣ встрѣчается минералъ, носящій названіе красной мѣдной руды; этотъ минералъ является часто въ видѣ прекрасно сформированныхъ большихъ кристалловъ; но иногда такой кристаллъ попадается на половину и больше состоящимъ изъ малахита, не способнаго давать такіе кристаллы. Этотъ малахитъ, какъ бы, вытѣснилъ вещество кристалла красной мѣдной руды и самъ занялъ его мѣсто, причемъ, однако, форма кристалла удивительно сохраняется. Имѣемъ ли мы здѣсь истинный псевдоморфозъ, или, быть можетъ, здѣсь самый малахитъ образуется изъ первоначальной красной руды, сказать съ достовѣрностью трудно.

Во всякомъ случаѣ, и приведенныхъ примѣровъ, я думаю, достаточно, чтобы показать, въ какой степени тѣ элементы, которые обыкновенно принято считать характеризующими явленія жизни, присутствуютъ и въ томъ царствѣ, которое считается мертвымъ.

Я не стану распространяться о тѣхъ, на первый взглядъ, поразительныхъ случаяхъ, въ которыхъ кристаллъ является существомъ, какъ бы стремящимся сохранить свою форму. Достаточно будетъ сказать лишь нѣсколько словъ объ этомъ явленіи. Если взять кристаллъ и отломивъ кусочекъ его или выдолбивъ нѣкоторую его часть, помѣстить его въ растворъ, то пораненіе бы-

стро заживляется и цѣлость формы кристалла возстановляется; на мѣстѣ пораненія обнаруживается энергическая «организаторская» дѣятельность, стремящаяся привести кристаллъ къ его первоначальному виду. Развѣ мы здѣсь не наблюдаемъ того же, что наблюдается на живыхъ организмахъ? Фактъ этотъ до такой степени поразителенъ, такъ рельефно напоминаетъ намъ картину заживленія пораненной ткани живого организма, что нужно употребить особенное усиліе, чтобы отказаться отъ этой поразительной аналогіи.

Другой фактъ, не менѣе поразительный, былъ замѣченъ уже давно и лѣтъ 30 слишкомъ тому назадъ и изслѣдованъ петербургскимъ академикомъ Фрицше, а затѣмъ въ 1881 г. московскимъ профессоромъ Морковниковымъ. Фактъ этотъ касается особенной, если можно такъ выразиться, болѣзни, которою заболѣваютъ оловянные предметы.

Если взять сдѣланный изъ олова предметъ, напр., чайникъ, и подвергнуть его охлажденію (отъ 10—20° ниже нуля), то въ одномъ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ его блестящей поверхности появляется матовое сѣрое пятно; если испытать въ этомъ мѣстѣ чайникъ, то окажется, что вся его часть, сдѣлавшаяся матовою, въ высшей степени легко разсыпается въ мелкій порошокъ. Пятно это постепенно растетъ даже и тогда, когда чайникъ перенесенъ въ теплую комнату. Если теперь вырѣзать «заболѣвшее» мѣсто, то окажется, что болѣзнь продолжается и черезъ нѣкоторое время весь чайникъ разсыпается; для того, чтобы предупредить это явленіе и дальнѣйшее, такъ сказать, заболѣваніе, нужно вырѣзать не только больное, но и часть «здороваго» мѣста вокругъ «больного»; тогда болѣзнь прекращается. Но мало того, если «больнымъ» мѣстомъ прикоснуться къ совершенно «здоровому» оловянному предмету, то и тотъ «заболѣваетъ». Это явленіе до такой степени напоминаетъ злокачественныя болѣзни, напр., опухоли или костоѣду, что кто наблюдалъ его, тотъ не въ состояніи освободиться отъ навязывающагося сравненія съ нѣкоторыми заболѣваніями.

Я не желаю дальше приводить различные примѣры, которые бы еще болѣе иллюстрировали мою мысль. И этихъ примѣровъ, по моему крайнему разумѣнію, совершенно достаточно чтобы непредубѣжденный читатель могъ видѣть, дѣйствительно ли виталисты имѣютъ основаніе говорить о какой-то спеціальной жизненной силѣ, дѣйствующей наперекоръ всѣмъ механическимъ и физико-химическимъ законамъ. И мнѣ представляется во всякомъ случаѣ, что изъ вышеприведеннаго несомнѣнно явствуетъ одно: всякія попытки подраздѣлять тѣла природы на «живыя» и

«мертвыя» могутъ быть разсматриваемы, какъ болѣе или менѣе удобные методы для разграниченія изучаемаго матеріала. Исторія наукъ показываетъ, что классификаціи изучаемыхъ объектовъ природы претерпѣваютъ измѣненія, и что человѣчество, наблюдая окружающій міръ, первоначально подраздѣляетъ его содержимое, сообразно тѣмъ признакамъ, которые всего рѣзче бросаются въ глаза. Раздѣленіе всѣхъ существъ міра на минеральныя, растительныя и животныя, имѣло въ своей основѣ три признака: способность перемѣщаться съ одного мѣста на другое и притомъ перемѣщаться, повидимому, цѣлесообразно—опредѣлила все содержаніе животнаго царства. Способность рости—опредѣлила содержаніе растительнаго царства и, наконецъ, видимая неподвижность, неизмѣнчивость—признаки минеральнаго царства. Но эти начала подраздѣленія, по крайней мѣрѣ, относительно животнаго и растительнаго царствъ, давно потеряли свой raison d'être, и группа такъ называемыхъ зоофитовъ послужила тѣмъ мостомъ, который былъ перекинутъ между царствомъ растеній и животныхъ. Современная наука ясно уже показала искусственность всякихъ подраздѣленій. Пока эти подраздѣленія имѣютъ характеръ методологическій, пока имъ придается только значеніе извѣстнаго удобства, до тѣхъ поръ ихъ можно и даже должно принимать; но разъ люди забываютъ объ этомъ и начинаютъ этимъ чисто искусственнымъ границамъ давать иное, совсѣмъ неподходящее значеніе, разъ хотятъ поставить ихъ въ основу міросозерцанія, тогда обязанность каждаго, имѣющаго хоть нѣкоторое понятіе о научномъ прогрессѣ, указать на это и поднять свой голосъ противъ такого стремленія къ созданію границъ, приводящаго обыкновенно къ мистицизму и оказывающаго весьма большой вредъ.

Я могу, однако, ожидать, что читатель, согласившись даже со мною, скажетъ: всѣми вашими примѣрами вы отнюдь не уничтожили границы, проведенной между живымъ и мертвымъ, а вы только перенесли ее немножко дальше, введя въ область живого еще и кристаллы. Съ такого рода замѣчаніемъ я, пожалуй, готовъ согласиться. Пусть такъ. Но если кристаллы ввести въ царство живыхъ тѣлъ, то этимъ фактически уничтожится всякая граница между живымъ и мертвымъ; ибо между кристаллами и не-кристаллами еще труднѣе провести границу; а, кромѣ того, такъ какъ кристаллы несомнѣнно могутъ самозарождаться, то относительно ихъ не можетъ быть и рѣчи о какой-либо специфической жизненной силѣ, такъ какъ въ растворѣ, изъ котораго выдѣляются кристаллы самопроизвольно, никакихъ силъ, кромѣ физико-химическихъ, не дѣйствуетъ. Для меня совсѣмъ не важно, признаемъ

ли мы живое и мертвое—тутъ дѣло не въ подраздѣленіяхъ, а только въ отрицаніи какой-либо специфической силы, характеризующей жизнь и отличающей все такъ называемое живое отъ такъ называемаго мертваго.

Виталисты особенно часто обращаютъ вниманіе на факты изъ жизни низшихъ организмовъ, свидѣтельствующіе какъ бы о разумности и цѣлесообразности въ ихъ перемѣщеніяхъ и ихъ дѣятельности. Особенно горячо ратуетъ за такую разумность извѣстный бернскій профессоръ Бунге, авторъ «Физіологической химіи»; точно также, въ прекрасной книгѣ Оскара Гертвига «Клѣтка и ткани» приводится не мало такихъ случаевъ, въ которыхъ виталисты склонны усматривать почти разумность клѣтокъ. Но когда вчитываешься во всѣ эти разсужденія, въ способы объясненія фактовъ, то часто поражаешься удивительной способности многихъ біологовъ объяснять явленія не такъ, какъ было бы проще, а напротивъ, болѣе сложнымъ путемъ. О нѣкоторыхъ изъ фактовъ, приводимыхъ виталистами, мнѣ придется еще поговорить и потому я позволю себѣ указать на одинъ весьма крупный пробѣлъ въ массѣ біологическихъ изслѣдованій надъ протоплазмою, надъ свойствами клѣтокъ и простѣйшихъ организмовъ.

Казалось бы, что ученые, имѣющіе дѣло съ микроскопическими организмами, должны прежде всего быть основательно знакомы съ молекулярною физикою—имъ болѣе, чѣмъ кому либо другому, приличествуетъ знать въ совершенствѣ то, что выработано этою областью науки. И что же? Разсматривая, напр., сочиненіе Гертвига, разсматривая всѣ разсужденія біологовъ-виталистовъ, я у нихъ не нахожу даже намека на такое знакомство. Видно, что большинство изъ нихъ даже не задалось мыслью о томъ, не объясняется ли цѣлая масса явленій, передъ которыми біологія останавливается въ недоумѣніи, весьма просто, и не наблюдаются ли тѣ же явленія якобы разумности и цѣлесообразности въ минеральномъ «мертвомъ» царствѣ.

Но бѣда въ томъ, что если кто-либо и попытается указать на эту сходственность явленій, то біологи всегда имѣютъ одинъ отвѣтъ: «Comparaison n'estpas raison», а проф. Бородинъ ставитъ знаменитые опыты Квинке (въ которыхъ этотъ ученый пытался механически объяснить движеніе протоплазмы и потому приготовилъ такъ называемую искусственную амебу изъ масла и поташа) на одну доску съ Вокансоновскою механическою уткою и увлекается до того, что заявляетъ, будто эта утка «переваривала» пищу. Если современники Вокансона или, лучше сказать, обыкновенная публика могла говорить о «перевариваніи», то это еще

можно понять. Но какъ можетъ говорить въ этомъ случаѣ о «переваривапіи» нашъ почтенный біологъ—мнѣ совершенно непонятно *).

Вотъ къ этимъ опытамъ Quincke и частью къ опытамъ Blutschli я намѣренъ обратиться въ виду того, что, какъ мнѣ кажется, этимъ опытамъ біологи не придали настоящей цѣны, частью потому, что опыты слишкомъ смѣлы, частью же потому, что біологи—да простится мнѣ моя дерзость—не поняли ихъ сущности; нужно знать всю обширную дѣятельность Quincke, нужно видѣть, съ какою смѣлостью онъ пробирался въ тайны молекулярнаго міра, нужно понять, съ какимъ богатымъ запасомъ мыслей этотъ знаменитый ученый возвратился изъ этого міра, чтобы понять и оцѣнить ту смѣлую попытку, которую онъ сдѣлалъ, обратившись къ разбору явленій «живого» міра. Я увѣренъ, что работы Qincke будутъ въ скоромъ времени считаться открывшими новую эпоху въ біологіи. Да не посѣтуетъ на меня читатель, если я здѣсь изложу основную идею, господствовавшую въ цѣломъ циклѣ изслѣдованій названнаго ученаго.

Еще въ XVI-мъ вѣкѣ (Leonardo da Vinci) было извѣстно, что поверхность жидкостей обладаетъ иными свойствами, нежели вся остальная масса ея. Въ XVII-мъ вѣкѣ (Borelli) были даны нѣкоторые законы, относящіеся къ явленіямъ, обусловливаемымъ этой особенноетью въ свойствѣ поверхности, а въ XVIII-мъ (Laplace, Gauss, Segner и др.) была дана полная теорія явленій, которыя получили названіе явленій волосности или капиллярности, потому что особенно рѣзко обнаруживались въ чрезвычайно тонкихъ (волосныхъ) трубкахъ.

Цѣлый рядъ наблюденій и опытовъ показалъ, что поверхность жидкости обладаетъ такими свойствами, какъ будто она представляетъ эластическую пленку (Young, Segner). Если бы мы себѣ представили, что на поверхности жидкости натянута чрезвычайно

*) Еще въ большей мѣрѣ для меня непонятно и то обстоятельство, что почтенный профессоръ, говоря о сочиненіи Lamettrie «L'homme-machine», прибавляетъ, что это—«одно изъ характернѣйшихъ грубо-матеріалистическихъ произведеній XVIII вѣка въ значительной мѣрѣ было навѣяно автоматами Вокансона».

Проф. Бородинъ, очевидно, упустилъ изъ виду, что Lamettrie было однимъ изъ дѣятелей своего времени и что онъ тѣсно связанъ со всѣми французскими энциклопедистами XVIII вѣка. Предположить, что цѣлое движеніе, выразившееся въ трудахъ Robinet («De la nature»), Diderot («Entretien entre d'Alembert et Diderot» и «Rêve de d'Alembert») и Lamettrie («L'homme-machine»), что движеніе, въ основѣ котораго лежитъ цѣлая философія, можно свести къ Вокансоновской уткѣ, или что эта утка могла играть какую-либо роль—это значитъ явнымъ образомъ игнорировать характернѣйшій періодъ исторіи культуры во Франціи.

тонкая резиновая пленка, то были бы не далеки отъ того, что въ дѣйствительности наблюдается на жидкостяхъ. Ихъ поверхность представляется какъ бы натянутою, напряженною. Вотъ это свойство называется *поверхностнымъ натяженіемъ*. Дальнѣйшія изслѣдованія вопроса показали, что не только поверхность жидкихъ тѣлъ, но и поверхность студенистыхъ тѣлъ (какъ, напр., желе, протоплазма), а также и твердыхъ обладаетъ этимъ поверхностнымъ натяженіемъ. Понятіе объ этой пленкѣ можно получить, разсматривая мыльные пузыри. Каждому извѣстны свойства этихъ въ высшей степени интересныхъ тѣлъ, и каждый знаетъ, что если раздуть мыльный пузырь и затѣмъ вынутъ соломенку, на концѣ которой сидитъ этотъ пузырь, изо рта, оставивъ отверстіе соломенки, въ которое мы вдували воздухъ, открытымъ, то мыльный пузырь начнетъ самъ собою постепенно уменьшаться и уничтожится, оставивъ лишь каплю мыльной жидкости. Явленіе это зависитъ оттого, что пленка мыльнаго пузыря эластична и стремится сократиться, занять возможно малую поверхность.

Я, конечно, не могу входить въ подробное разсмотрѣніе самаго этого свойства поверхностей, ибо для этого потребовалось бы изложить одну изъ труднѣйшихъ главъ молекулярной физики, но считаю не безполезнымъ указать на причину, производящую поверхностное натяженіе, и на главнѣйшія явленія. зависящія отъ этого натяженія.

Причина поверхностнаго натяженія лежитъ во взаимодѣйствіи молекулъ. Если мы себѣ представимъ тѣло, какъ собраніе частицъ, и разсмотримъ какую-либо частицу, находящуюся *внутри* этого тѣла, то, по существующимъ ученіямъ физики, эта частица притягивается другими, вокругъ нея лежащими, частицами и такъ какъ она окружена ими *со всѣхъ сторонъ*, и каждая изъ нихъ притягиваетъ ее *одинаково сильно*, то такая частица остается въ покоѣ относительно всѣхъ ея окружающихъ частицъ и не имѣетъ никакого стремленія приблизиться къ которой-нибудь изъ нихъ. Если же мы разсмотримъ частицу, лежащую на *поверхности* тѣла, т. е. окруженную *не со всѣхъ сторонъ* (такъ какъ *надъ* нею нѣтъ частицъ или есть частицы другого тѣла), то она притягивается частицами, лежащими, напримѣръ, подъ нею, и эти притяженія не уравновѣшиваются. Такимъ образомъ, эта, лежащая на поверхности, частица, получаетъ стремленіе уйти внутръ тѣла, но не уходитъ, потому что остальныя частицы мѣшаютъ. Въ силу указанныхъ причинъ, каждая частица, лежащая на поверхности тѣла, находится въ такихъ условіяхъ, какъ будто нѣкоторая сила тянетъ ее внутрь; въ такихъ же условіяхъ находятся и всѣ частицы,

лежащія на поверхности тѣла, значитъ, и вся поверхность тѣла какъ бы стремится вдавиться внутрь тѣла. Вотъ это-то стремленіе и является причиною того, что поверхность всякаго тѣла представляется какъ бы натянутою, напряженною.

Если два тѣла приходятъ во взаимное соприкосновеніе, напримѣръ, если какое-либо твердое тѣло опустимъ въ жидкость, или смѣшаемъ двѣ жидкости, которыя не растворяются одна въ другой, то соприкасающіяся ихъ поверхности будутъ въ довольно сложныхъ условіяхъ; каждая изъ нихъ будетъ натянута; но это натяженіе можетъ уменьшаться, благодаря дѣятельности частичекъ одной жидкости на частички другой. Если представимъ себѣ, что натяженіе какой-либо части поверхности уменьшилось, то, такъ-какъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ поверхности натянутость осталась прежнею, въ мѣстѣ уменьшившагося натяженія жидкость, сдавленная со всѣхъ сторонъ и, сравнительно свободная въ данномъ мѣстѣ, станетъ выпячиваться. Это совершенно подобно тому случаю, какой намъ часто приходится наблюдать на резиновыхъ баллонахъ, составляюшихъ любимую дѣтскую игрушку; если въ какомъ-либо мѣстѣ такого баллона резина почему-либо потеряетъ свою напряженность, то это мѣсто сейчасъ же выпятится, образуетъ шишку, такъ какъ вся остальная часть резины имѣетъ прежнее напряженіе, и выдавливаетъ газъ, содержащійся въ баллонѣ, въ то мѣсто, гдѣ со стороны оболочки онъ встрѣчаетъ наименьшее противодѣйствіе.

Опыты показали, что 1) поверхностное натяженіе *увеличивается при пониженіи температуры* и *уменьшается при повышеніи ея*.

2) Изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ веществъ (жидкихъ) вода обладаетъ наибольшимъ поверхностнымъ натяженіемъ (исключая ртуть).

3) Всякіе растворы имѣютъ поверхностное натяженіе меньше, нежели вода.

4) Самыя ничтожныя причины измѣняютъ поверхностное натяженіе; напр., достаточно въ громадную поверхность воды пустить одну каплю спирта, чтобы поверхностное натяженіе воды рѣзко уменьшилось.

Словомъ, поверхностное натяженіе до такой степени чувствительно ко всевозможнымъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ, перемѣнамъ, происходящимъ съ тѣлами, что еле уловимое измѣненіе въ окружающихъ, наприм., данную жидкость, условіяхъ, уже рѣзко сказываются на измѣненіи ея поверхностнаго натяженія; а всякія измѣненія его выражаются въ тѣхъ или иныхъ измѣненіяхъ формы тѣла, если оно жидко или полужидко.

Вотъ это свойство тѣлъ играетъ несомнѣнно первостепенную роль въ цѣлой массѣ явленій, наблюдаемыхъ въ жизни организмовъ вообще, а низшихъ—въ особенности. Въ самомъ дѣлѣ, организмы постоянно приходятъ въ соприкосновеніе съ внѣшней средою; это соприкосновеніе происходитъ, конечно между поверхностями, которыя какъ сказано выше находятся въ состояніи натяженія. Если внутри организма происходятъ тѣ или другія измѣненія, то онѣ не могутъ не отразиться на измѣненіяхъ поверхностей. Точно также, если въ окружающей средѣ происходятъ измѣненія, то извѣстное равновѣсіе, установившееся между поверхностью организма и поверхностью окружающей его среды, нарушается. А какъ только равновѣсіе нарушилось, должны послѣдовать такого рода явленія, которыя снова привели бы организмъ къ возстановленію равновѣсія. Это возстановленіе можетъ произойти различными способами. Организмъ можетъ начать измѣнять форму, выпускать отростки въ однихъ мѣстахъ, втягивать ихъ въ другихъ и т. д. А разъ какое-либо тѣло начнетъ, находясь въ жидкости, измѣнять форму съ какой-либо одной стороны или, вообще, дѣлаться, выражаясь геометрически, не подобнымъ самому себѣ, то сейчасъ же создаются условія для передвиженія этого тѣла. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ шарообразное жидкое или полужидкое тѣло, находящееся въ данной средѣ въ совершенномъ покоѣ; представимъ себѣ, далѣе, что, благодаря измѣнившемуся поверхностному натяженію, этотъ шаръ выпускаетъ изъ себя отростокъ. Очевидно, что сейчасъ же произойдетъ въ шарѣ перемѣщеніе центра тяжести и шаръ измѣнитъ свое положеніе, т. е. придетъ въ движеніе.

И такого рода движенія наблюдаются весьма часто въ мірѣ такъ-называемыхъ простѣйшихъ живыхъ существъ; мы сплошь и рядомъ наблюдаемъ въ этомъ мірѣ такія перемѣщенія, которыя прекрасно объясняются только-что указанными причинами, а между тѣмъ біологи, мало, къ сожалѣнію, знакомые съ явленіями поверхностнаго натяженія, придумываютъ цѣлый рядъ ничего не выражающихъ и ничего не объясняющихъ терминовъ, которые выставляются вмѣсто объясненій.

Читатель съ трудомъ повѣритъ тому, до чего мало пользуется біологія успѣхами молекулярной физики. Я приведу цѣлый рядъ поразительныхъ примѣровъ, которые заимствую изъ книги О. Гертвига «Клѣтка и ткани», и покажу, къ какимъ сложнымъ способамъ объясненія явленій прибѣгаютъ біологи, между тѣмъ какъ тѣ же явленія могутъ быть объяснены въ высшей степени просто.

Разсказывая, напримѣръ, о вліяніи температуры на прото-

плазму, О. Гертвигъ приводитъ опытъ Шталя надъ плазмодіемъ миксимицетовъ (слизистыхъ грибовъ). Берутся два стакана и ихъ устанавливлютъ рядомъ; одинъ изъ стакановъ наполняютъ водою при 7°, другой--водою при 30°; затѣмъ, на края стакановъ кладутъ мокрую полоску бумаги, по которой расползся плазмодій; одинъ конецъ этой бумаги помѣщаютъ въ холодную, другой—въ теплую воду. Спустя нѣкоторое время, «оказывается, говоритъ Гертвигъ, что плазмодій *цѣлесообразнымъ* втягиваніемъ и вытягиваніемъ нитей протоплазмы переползъ въ болѣе *благопріятную* ему среду».

Читая это, сразу видишь, до какой степени толкованіе, данное явленію тенденціозно. Тутъ уже говорится о «цѣлесообразномъ» втягиваніи и вытягиваніи, о благопріятной средѣ и проч. А между тѣмъ, дѣло, быть можетъ, объясняется вполнѣ просто: когда конецъ плазмодія погруженъ въ холодную воду, то поверхностное натяженіе его, вслѣдствіе охлажденія, увеличивается, а, слѣдовательно, эластичность пленки, составляющей поверхность плазмодія, возрастаетъ; ясно, что пленка должна сокращаться и, такимъ образомъ, перемѣщаться въ томъ направленіи, гдѣ поверхностное натяженіе меньше, а оно меньше тамъ, гдѣ температура выше. Стало быть, здѣсь никакой цѣлесообразности нѣтъ—явленіе, вѣроятно, принадлежитъ къ категоріи простѣйшихъ явленій поверхностнаго натяженія.

Но, говоря о цѣлесообразности и стараясь убѣдить въ ней своихъ читателей или слушателей, біологи-виталисты, а часто даже и не виталисты, приводятъ факты, прямо доказывающіе, что такая цѣлесообразность существуетъ лишь въ воображеніи, а не въ дѣйствительности. Такъ, тотъ же О. Гертвигъ приводитъ слѣдующіе факты *):

«Привлекающія вещества, говоритъ онъ, не всегда питательны или безвредны для организмовъ; нѣкоторыя изъ нихъ даже быстро разрушаютъ привлекаемые ими организмы; напр., салицилово-кислый натръ, азотно-кислый стрихнинъ или морфій. Однако, *большинство* веществъ, вредно дѣйствующихъ на протопластъ, оказываетъ на него въ то же время отталкивающее дѣйствіе; таково *большинство* кислыхъ и щелочныхъ растворовъ».

И какъ бы въ доказательство того, въ какой мѣрѣ это послѣднее обобщеніе невѣрно, цитируемый авторъ приводитъ опыты Пфеффера, доказывающіе, что живчики папоротниковъ *притяги-*

*) Привлекающими веществами Гертвигъ называетъ такія, которыя, будучи введены въ среду, гдѣ находятся извѣстные низшіе организмы, заставляютъ эти организмы собираться къ тому мѣсту, гдѣ данное привлекающее вещество содержится. Отталкивающими называются вещества, оказывающія противоположное привлекающимъ дѣйствіе.

ваются яблочной *кислотою*. Вся суть въ томъ, что здѣсь біологи часто играютъ словомъ «большинство». Если изслѣдовать вопросъ безпристрастно, то окажется, что о такомъ *большинствѣ* даже и говорить нельзя, ибо даже одно и то же вещество въ растворѣ одной концентраціи притягиваетъ, а другой—отталкиваетъ одни и тѣ же организмы; мало того: одно и то же вещество, въ одной и той же концентраціи можетъ и притягивать и отталкивать одни и тѣ же организмы въ зависимости отъ того, были ли эти организмы раньше въ чистой водѣ, или нѣтъ. Правда, біологи склонны въ этихъ случаяхъ говорить о «*приспособляемости*», т. е. давать вмѣсто объясненія темный терминъ, между тѣмъ какъ, если бы они обратили вниманіе на то, что живчики, надъ которыми производилъ свои опыты Пфефферъ, находясь въ растворѣ яблочной кислоты извѣстной концентраціи, пропитываются этимъ растворомъ и, стало быть, внутри ихъ получается осмотическое давленіе, равное осмотическому давленію окружающей ихъ среды; а при этихъ условіяхъ исчезаетъ всякій осмозъ и, слѣдовательно, исчезаютъ и всякія движенія; стóитъ нарушить эту однородность концентраціи раствора, содержащагося внутри протоплазма живчиковъ, съ концентраціей раствора, ихъ окружающаго, и сейчасъ же начинаются явленія осмоза, измѣняется поверхностное натяженіе и создаются условія для движенія.

А между тѣмъ для всѣхъ подобныхъ явленій притяженія и отталкиванія одноклѣточныхъ организмовъ придумано безчисленное множество терминовъ, ровно ничего не выражающихъ и нисколько не уясняющихъ дѣла. Таковы, напримѣръ, названія, которыя далъ Страсбургеръ нѣкоторымъ зооспорамъ, движущимся по направленію къ освѣщенному мѣсту; онъ назвалъ ихъ *фотофильными* зооспорами; если же зооспоры стремились къ темному мѣсту, то онъ ихъ называлъ *фотофобными*; а самое явленіе дѣйствія свѣта на одноклѣточные организмы получило названіе *геліотропизма*; подобно геліотропизму созданъ терминъ *гальванотропизмъ*—отрицательный и положительный; *хемотропизмъ* и т. д.

Всѣ эти «измы» представляются ничѣмъ другъ съ другомъ не связанными, совершенно непонятными, заставляютъ біологовъ даже искать сложный психофизическій законъ Фехнеръ-Вебера (какъ то сдѣлалъ Пфефферъ при разборѣ явленій «хемотропизма») для тѣхъ случаевъ, гдѣ обыкновенныхъ явленій поверхностнаго натяженія и осмоза совершенно было бы достаточно для объясненія.

Раньше я упомянулъ уже о знаменитомъ опытѣ Квинке, надъ которымъ біологи очень охотно смѣются. Я опишу этотъ опытъ. Квинке беретъ каплю прованскаго масла и растираетъ ее съ обыкновеннымъ чистымъ поташемъ; при этомъ получается мут-

новатая густая жидкость. Если каплю этой жидкости пустить въ воду, то она (капля) начинаетъ выпускать изъ себя отростки, принимаетъ всевозможныя формы и своими движеніями очень напоминаетъ такъ называемую амебу. Такую каплю Квинке назвалъ искусственною амебою и желалъ объяснить движеніе живыхъ амебъ тѣмъ, что у нихъ, будто бы, имѣются вещества, сходныя съ масломъ, а также съ мыломъ (которое у искусственныхъ амебъ получается вслѣдствіе взаимодѣйствія масла съ поташемъ). Можетъ быть, такое предположеніе и несправедливо, какъ, можетъ быть, несправедливо и предполагаемое Бютчли пузырчатое строеніе протоплазмы; но, не согласившись съ гипотезами Бютчли и Квинке, біологи совсѣмъ упустили изъ виду, что въ этохъ гипотезахъ сущность заключается вовсе не въ томъ или другомъ устройствѣ протоплазмы, а въ явленіяхъ, которыя несомнѣнно объясняются или, по крайней мѣрѣ, могутъ быть объяснены поверхностнымъ натяженіемъ. Для того, чтобы показать, въ какой мѣрѣ явленія поверхностнаго натяженія могутъ быть причиною, повидимому, цѣлесообразныхъ движеній и актовъ, я приведу опытъ (сколько мнѣ извѣстно, никѣмъ раньше не производившійся), показанный мною на публичной лекціи, читанной по этому предмету въ аудиторіи Соляного Городка въ прошедшемъ году.

Я приготовляю «искусственную» амебу Квинке, растирая прованское масло съ поташомъ; затѣмъ я приготовляю каплю смѣси прованскаго масло съ хлороформомъ, причемъ эту смѣсь дѣлаю такъ: на воду пускаю каплю прованскаго масла, и въ эту каплю пускаю маленькую капельку хлороформа. «Амеба» Квинке выпускаетъ отростки и движется; приготовленная же мною капляамеба остается въ покоѣ и только то немножко какъ бы вздувается, то сокращается. Въ составъ «амебы» Квинке входитъ, какъ выше сказано, поташъ; въ составъ моей «амебы» поташъ не входитъ. Помѣстивъ обѣихъ амебъ на поверхность воды въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, я каждой изъ нихъ бросаю нѣсколько песчинокъ соды. «Амеба» Квинке принимаетъ эту соду въ себя и при этомъ съ нею никакихъ перемѣнъ не происходитъ; моя же «амеба» раскрывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ на нее попала сода, и выбрасываетъ изъ себя эту соду съ большой силою, сама при этомъ удаляясь въ противоположную сторону. Если бы біологи не знали, что эти «амебы» искусственныя, то, конечно, нашли бы здѣсь и отрицательный хемотропизмъ, и цѣлесообразность и проч. Въ самомъ дѣлѣ, біологи стали бы разсуждать такъ: въ составъ первой «амебы» (амебы Квинке) входитъ поташъ; сода, по своей химической природѣ, весьма сходна съ поташомъ, и потому «амеба» Квинке «усваиваетъ», «перено-

сить» соду, мало того—обнаруживаетъ къ ней «стремленіе»—положительный хемотропизмъ (ибо если по близости отъ нея пустить на поверхность воды нѣсколько зернышекъ соды, то ея отростки, протягиваясь по направленію къ брошеннымъ зернышкамъ соды, могутъ захватить эти зернышки); между тѣмъ въ составъ моей амебы поташъ не входитъ, стало быть, является для нея вреднымъ веществомъ; и потому она удаляется отъ него (или, что тоже, отъ соды), обнаруживаетъ отрицательный хемотропизмъ; вотъ почему, если на эту «амебу» бросить нѣсколько зернышекъ соды, то она, амеба, быстро ихъ извергаетъ изъ своего тѣла.

Всѣ эти хемотропизмы, гальванотропизмы, термотропизмы, фотофиліи, фотофобіи—все это можно наблюдать на искусственныхъ амебахъ или даже часто на обыкновенныхъ зернышкахъ минеральныхъ веществъ. Біологи удивляются тому, что, напримѣръ, по Ферворку, парамеціи, подъ вліяніемъ тока, пропущеннаго черезъ каплю воды, гдѣ онѣ находятся, направляются отъ положительнаго полюса къ отрицательному по линіямъ тока; точно здѣсь и вправду организмы не любятъ почему-либо положительнаго полюса и бѣгутъ къ отрицательному. А на самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, въ этой каплѣ можетъ происходить электролизъ, и во-вторыхъ, поверхностное натяженіе жидкости во все время прохожденія тока имѣетъ различную величину у положительнаго и у отрицательнаго полюса, а такъ какъ въ мѣстахъ прикосновенія парамецій (Paramaecium aurelia) съ жидкостью силы поверхностнаго натяженія играютъ главнѣйшую роль и могутъ вызвать цѣлую массу передвиженій, то нѣтъ надобности прибѣгать къ положительному и отрицательному гальванотропизму, какъ какимъ-то особеннымъ свойствамъ организмовъ, то, будто бы, любящихъ положительный, то отрицательный полюсъ. Всѣ подобныя явленія могли бы быть объяснены гораздо проще, если бы біологи были обстоятельнѣе знакомы съ вопросами молекулярной физики.

Пусть не посѣтуетъ на меня читатель—спеціалистъ за нѣкоторую поверхностность настоящей статьи—чрезвычайно трудно касаться разсматриваемыхъ вопросовъ въ журналѣ, имѣющемъ большинство читателей, не посвященныхъ въ тонкости молекулярной физики, а также и подробности біологіи. Большія подробности интересующіеся читатели найдутъ въ спеціальномъ сочиненіи, которое, если позволятъ обстоятельства, будетъ мною по этому вопросу издано отдѣльно. Здѣсь же мнѣ хотѣлось только показать, что всевозможныя стремленія біологовъ выдѣлить «жизнь», какъ нѣчто, выходящее за предѣлы науки, какъ нѣчто такое, чему присущи особыя силы, создаетъ только почву для мистицизма, столь вред-

наго вообще, а для настоящаго времени—въ особенности. Если собрать всю массу мистическихъ ученій, которыя ищутъ себѣ опоры въ современной наукѣ, и часто, къ сожалѣнію, находятъ ее, то будетъ ясно, что каждый натуралистъ, если онъ только желаетъ вести общество къ свѣту, долженъ говорить «не знаю» тамъ, гдѣ онъ не знаетъ, и «знаю» тамъ, гдѣ онъ знаетъ; но прикрывать свое незнаніе благозвучными терминами, создавать новыя силы тамъ, гдѣ онѣ совершенно не нужны, и такимъ образомъ лишать себя и другихъ возможности подходить къ изученію огромной массы явленій, сказавъ, что они, эти явленія, подчиняются силѣ, не имѣющей ничего общаго съ механическими и физикохимическими силами—значитъ вести общество не къ свѣту, а къ тьмѣ.

Для человѣчества наиболѣе дорого — его міросозерцаніе. Если человѣчество начинаетъ думать, что весь міръ наполненъ различными таинственными силами, оно представляется жалкимъ и слабымъ; оно всего боится, оно склоняется къ пассивности, оно не вѣритъ себѣ; а все это создаетъ почву, на которой не можетъ вырости ни положительный идеалъ, ни настойчивая, энергичная дѣятельность.

Убѣжденіе въ единствѣ всѣхъ силъ природы, въ единствѣ мірозданія, въ единствѣ вещества, высказанное еще элеатской школой въ лицѣ Платонова «Парменида», двинуло естествознаніе, быть можетъ, гораздо дальше впередъ, чѣмъ вся греческая философія съ Аристотелемъ во главѣ, ибо оно дало истинную путеводную нить для изученія природы, и «все—едино, едино все»—есть основа, положенная человѣчеству для изученія мірозданія и дѣйствующихъ въ немъ силъ.

Долго металось человѣчество изъ стороны въ сторону, пока, наконецъ, узяало принципъ превращаемости энергіи и законъ ея сохраненія; казалось, оно, наконецъ, вышло на чистую дорогу, отбросивъ всякія жизненныя и тому подобныя силы. И что же? Теперь, въ концѣ XIX-го вѣка, выдающіеся представители естествознанія снова награждаютъ человѣчество жизненною силою и снова стараются ввести его на опасную дорогу мистическихъ увлеченій!..

Не въ созданіи и отысканіи новыхъ туманныхъ силъ нуждаемся мы, а въ болѣе обстоятельномъ изученіи тѣхъ, которыя намъ извѣстны уже и теперь.

Вотъ въ чемъ пока ближайшая задача естествознанія вообще, и біологіи—въ особенности!..

Прив.-доц. С.-Пет. унив. **М. Ю. Гольдштейнъ.**

КУЗНЕЦЫ.

Мѣхъ гудитъ и дышитъ шумно,
Близъ горнâ кромѣшный адъ;
Въ пляскѣ бѣшено-безумной
Милліоны искръ летятъ.
Скачутъ огненныя стрѣлы
Спѣетъ варъ... И громъ и шумъ!
Плавны, быстры и умѣлы
Взмахи молота: дзинь! бумъ!

Вотъ кузнецъ... Онъ весь—забота,
Черенъ, страшенъ, будто гномъ;
Щеки, мокрыя отъ пота,
Краснымъ свѣтятся огнемъ.
Ломитъ спинушку больную,
Очи жжетъ, мутится умъ;
Но кормилицу мірскую —
Соху онъ куетъ: дзинь! бумъ!

Крѣпче, ноженьки, держите,
Не катись слеза изъ глазъ!
Бѣды жизни приходите,
Но блесни и свѣтлый часъ!
Чу, какъ будто ада звуки,
Пламя, грохотъ, визгъ и шумъ...
А натруженныя руки
Ходятъ весело: дзинь! бумъ!

Такъ и вы, друзья народа,
Кузнецы земли родной,
Стойте бодро въ дни невзгоды
У горнâ борьбы святой.
Пусть грохочетъ непогода:
Молотъ вашихъ мышцъ и думъ
Счастье выкуетъ народа,
Волю-долю... Дзинь! Дзинь! бумъ!

П. Я.

ВСТРѢЧА.

Изъ путевыхъ воспоминаній.

I.

Тропинка въ сосновомъ лѣсу круто спускалась подъ гору. Я шла болѣе получаса и все еще не видѣла просѣки, которая вывела бы меня на спускъ въ Линденбургъ, мѣстечко, затерянное въ самой глухой части Саксонской Швейцаріи. Иностранцы рѣдко заглядываютъ въ Линденбургъ; туда на лѣто съѣзжаются изъ разныхъ мѣстностей Германіи небогатые или разсчетливые люди лѣчиться желѣзными ваннами, пить отдающую чернилами воду, ослиное молоко и козью сыворотку. За то въ Линденбургскихъ лѣсахъ и горахъ любитель природы можетъ наслаждаться, не слыша приторныхъ восклицаній восторга праздношатающихся по Европѣ туристовъ, для которыхъ дороже всѣхъ красотъ природы выставка свѣтской суеты на модныхъ водахъ. И я вполнѣ наслаждалась природой, гуляя по лѣсу.

Но на этотъ разъ наслажденіе длилось слишкомъ долго и грозило сильнымъ утомленіемъ. Я, очевидно, сбилась съ пути. Давно уже перестали попадаться столбы съ надписью и грубо вырѣзанной изъ дерева рукой, указывающей путь непомѣрно длиннымъ пальцемъ. Ворочаться назадъ было рисковано, я могла снова заплутаться въ лабиринтѣ перекрещивавшихся тропинокъ, и рѣшила идти на авось, куда вела меня тропинка пошире, на которую я выбралась. Высокія сосны стояли стѣной, изгибавшейся съ изгибами тропинки; казалось, обѣ стѣны сдвигались и спереди и позади меня съ каждымъ шагомъ. Надъ головой безпредѣльная высь чисто голубого неба, кругомъ темные хвойные великаны. Въ воздухѣ носился тонкій паръ, насыщенный ароматомъ смолы.

*

Спускъ тропинки пошелъ такъ круто, что я выбилась изъ силъ. Впереди ничего не было видно, кромѣ раздвигавшейся съ каждымъ шагомъ стѣны темно-зеленой хвои. Я остановилась въ раздумьи: быть можетъ, тропинка эта терялась въ густой чащѣ и служила только дровосѣкамъ. Вдругъ послышался, заглушенный далью, крикъ пѣтуховъ. Значитъ, близко жилье. Спустившись еще сотню саженъ, я увидѣла, что лѣсъ порѣдѣлъ; черезъ просѣку вдали зеленѣло поле чуть-чуть подернутой желтизной пшеницы. Потянулъ вѣтерокъ и ароматъ гречихи въ цвѣту примѣшался къ свѣжему запаху сосновой смолы, янтарными каплями стекавшей по стволамъ, и острому запаху еловой хвои. Всю тревогу о томъ, что я, больная старуха, заблудилась, сняло какъ рукой; но та же тревога давала мнѣ до этой минуты силу идти. Теперь, убѣдясь, что жилье людей близко, я почувствовала сильную усталость и, свернувъ въ сторону, прилегла отдохнуть подъ густой кустарникъ можжевельника.

Сонъ тотчасъ сморилъ меня и я долго бы проспала, если бы не ударилъ въ уши пронзительный свистокъ съ завода. Онъ стихъ, его повторило горное и лѣсное эхо, замирая вдали. Позади меня за кустарникомъ послышались голоса: мужской, тономъ старшаго, что-то объяснявшій вразумительно и ласково, но какъ-то непріятно и вкрадчиво, и женскій, молодой и звонкій, упрямо твердившій: „Этого мало, это невозможно“.

Женскій голосъ показался мнѣ знакомымъ.

— Говорю я тебѣ который разъ, глупая дѣвчурка, никто тебѣ больше моего не дастъ. Цѣлыхъ пять талеровъ! Подумай, вѣдь это сто зильбергрошей.

— Мнѣ надо десять. Я знаю, Лиза Земмель продала въ городѣ свою косу за десять талеровъ. А моя длиннѣе на четверть локтя и гораздо гуще, и волосъ тоньше.

— Глупая! Цвѣтъ-то какой Лизиныхъ волосъ—черный съ синевой, какъ вороново крыло. А у тебя свѣтлый, какъ колосъ, съ рыжимъ отливомъ. Не хочешь брать мою цѣну, ступай въ городъ, прогуляйся.

— Мнѣ надо десять талеровъ.

— Я дамъ тебѣ золотой, десять зильбергрошей лишнихъ. Твой цвѣтъ все дѣло портитъ. Я и то себѣ въ убытокъ даю; только одно, что длина косы рѣдкостная; я ее перекрашу. Кому нужны рыжіе волосы?

Мужчина говорилъ такъ убѣдительно, что дѣвушка замолчала, не находя возраженій.

— Вотъ сейчасъ деньги въ руки. Рѣшайся. Въ другой разъ и этого не дамъ.

Раздвинувъ вѣтви, я увидѣла пожилого разносчика въ плисовой курткѣ и темной соломенной шляпѣ. Хитрые маленькіе глазки его алчно блестѣли, когда онъ, доставъ изъ замшеваго кошеля монету, поднесъ ее почти къ лицу дѣвушки.

— Вотъ тебѣ, бери—и по рукамъ.

Я узнала Адель въ молоденькой дѣвушкѣ. Она часто приходила на воды съ старымъ дѣдушкой продавать ослиное молоко и сыворотку. Веселая, расторопная, привѣтливая хохотунья нравилась мнѣ. Ей только-что минуло пятнадцать лѣтъ и она такъ забавно серьезничала, чтобы показать, что она уже болѣе не дитя, а совсѣмъ взрослая дѣвушка. Она откуда-то добыла мнѣ скамеечку, на которой я отдыхала около боченка съ сывороткой и жестянаго жбана съ молокомъ, болтая съ милой дѣвочкой и любуясь на живость и ловкость, съ какою она наливала больнымъ цѣлительное питье. Бесѣдуя съ Аделью, я узнала, что она дочь рабочаго на желѣзномъ заводѣ; что отецъ и мать ея умерли и она живетъ у женатаго брата, который сталъ богатымъ крестьяниномъ. Вскорѣ послѣ его женитьбы на такой же работницѣ, какою была мать Адели, женѣ брата „нежданно-негаданно свалилось какъ съ неба“ большое наслѣдство—богатый крестьянскій дворъ. Адель всегда приходила продавать сыворотку и молоко, разряженная на зависть молодымъ крестьянкамъ. Корсажъ Адели былъ всегда изъ хорошаго бархата, чернаго или темномалиноваго; юбка изъ плотнаго кашемира чистой шерсти, ярко-красная или синяя, выложенная бархатными лентами на подолѣ; тонкій кембриковый или кисейный передникъ, обшитый кружевами, такъ и сверкалъ бѣлизной. Украшавшія корсажъ бляхи были изъ чистаго серебра и хорошей работы. Это былъ праздничный нарядъ Адели, невѣстка ея считала неприличнымъ отпускать ее въ публику въ будничномъ.

Что могло заставить эту дѣвушку продавать ея великолѣпную на диво косу?—двѣ косы. Адель на двое плела свои волосы, какъ нѣмецкія крестьянскія дѣвушки. И что это были за длинныя, густыя шелковистыя косы!

Адель стояла въ нерѣшимости. Полное румяное личико смотрѣло такъ непривычно серьезно, по настоящему; задоръ не свѣтился въ глазахъ. Она перебирала пальцами концы перекинутыхъ черезъ плечо косъ. Въ глазахъ проступила печаль. Дѣвочкѣ было видимо жаль своихъ волосъ.

— Ну, дѣвушка, чтобы ты не горевала, я дамъ тебѣ на придачу кольцо. Выбирай любое—и по рукамъ. Больше никто не дастъ.

Разносчикъ открылъ стоявшій на землѣ коробъ, порылся въ немъ, выбрасывая ненужное, и досталъ коробочку съ стеклянной крышкой, подъ которой на красномъ суквѣ блестѣли кольца и серьги новаго золота. Дѣвушка и не посмотрѣла на коробку. Съ тяжелымъ вздохомъ выпустила она косы изъ руки.

— Кольцо на выборъ... Рѣшайся... Некогда мнѣ съ тобой больше растабарывать, — и разнощикъ принялся подбирать ящички и коробки.

Дѣвушка готова была уступить. Выйдя изъ за кустовъ, я сказала:

— За эти косы дадутъ и двадцать пять талеровъ, Адельхенъ. Цвѣтъ рѣдкій и модный. Щеголихи нарочно красятъ себѣ волосы въ такой золотистый цвѣтъ.

Адель вскрикнула отъ неожиданности. Разносчикъ злобно покосился на меня засверкавшими глазами и послалъ „zum Teufel“, т. е. безъ всякихъ церемоній—къ чорту. Потомъ, подобравъ остальной товаръ и туго перетянувъ веревкой коробъ, онъ вскинулъ его на спину, все время бормоча себѣ подъ носъ. Я настолько понимала мѣстное нарѣчіе, что могла иное разобрать, а объ остальномъ догадаться: „Какія бываютъ старыя вѣдьмы, которыя непрошенныя суютъ свой носъ въ чужія дѣла и врутъ безсовѣстно, чего сами не знаютъ, и какія бываютъ дуры, которыя своей пользы не понимаютъ и слушаютъ, развѣся уши, не толковыхъ почтенныхъ людей, а каждую вѣдьму старую, что прибредетъ ни вѣсть откуда“.

II.

Адель стояла съ горѣвшими щеками, опущенными глазами; на рѣсницахъ дрожали слезы смущенія. Она безсознательно перебирала пальцами концы передника. Можно было подумать, что ее накрыли за дурнымъ дѣломъ. Но эта мысль ни на одинъ мигъ не пришла мнѣ на умъ. Такой честный и открытый взглядъ! Чтобы дать Адели оправиться, я спросила ее, куда я забрела. Оказалось, что я спустилась съ горы въ противуположномъ направленіи и до Линденбурга далеко; но на лодкѣ можно доѣхать до водопадовъ; а оттуда я знала дорогу домой. Я спросила: нѣтъ ли по близости

деревни, гдѣ бы можно закусить. Горный воздухъ возбуждаетъ аппетитъ, а я не ѣла съ шести часовъ утра. По близости находилась только мыза невѣстки Адели, позади завода, который свистѣлъ и пыхтѣлъ у подошвы горы. При заводѣ есть слободка, гдѣ живутъ рабочіе, говорила Адель; но тамъ неудобно отдохнуть и ничего не найдешь поѣсть, потому что всѣ пообѣдали, и многіе пообѣдали однимъ картофелемъ.

Еще нѣсколько минутъ спуска, и мы увидѣли высокія закоптѣлыя трубы, пускавшія къ небу клубы чернаго дыма, и мрачное многоэтажное кирпичное зданіе съ рядами небольшихъ оконъ, похожее на крѣпость съ амбразурами для пушекъ. Въ сторонѣ, неподалеку, было разбросано около полусотни жалкихъ лачугъ, и бревенчатыхъ, полусгнившихъ, обросшихъ мхомъ, и сложенныхъ изъ крупныхъ, плохо отесанныхъ камней. Рѣдко кое-гдѣ виднѣлись палисадники съ кустами сирени и розъ, безъ которыхъ мнѣ еще не приходилось видѣть ни одной нѣмецкой хаты. Въ домахъ и на улицѣ стояла мертвая тишина, словно все вымерло. Рабочіе отдыхали послѣ обѣда. Блѣдные ребятишки, чумазые отъ налета сажи, лежавшаго на всемъ, на лачугахъ и чахлыхъ деревцахъ и скудной, тусклой зелени, вяло бродили по черной дорогѣ, поднимая босыми ногами облака угольной пыли. За рабочей слободкой сверкнуло гладкое зеркало узенькой и глубокой рѣчки. На противуположномъ берегу, по склонамъ невысокаго холма, сбѣгая къ прибрежному лугу, тянулись поля разнаго хлѣба, огородныя гряды въ перемежку съ кустами ягодъ, а выше съ еще зелеными чуть-чуть румянившимися плодами разныя фруктовыя деревья, между которыми краснѣла черепичная крыша мызы.

Адель повела меня по досчатому узенькому мостику, перекинутому черезъ рѣку. На другомъ берегу, ожидая, когда мы перейдемъ, потому что на мостикѣ нельзя было разойтись, сидѣла старуха.

— Бабушка Анна, опять въ дорогу, — ласково и съ участіемъ сказала Адель, перейдя мостикъ. — Помогай Богъ.

— Дай Богъ! Твои ясные глазки принесутъ мнѣ счастье, — отвѣчала старуха, съ трудомъ приподнимаясь съ земли и набрасывая на плечо синюю холщевую перевязь, на которой она несла небольшой, но довольно тяжелый ящикъ.

Погасшій и терпѣливый взглядъ свѣтло-карихъ глазъ старухи напоминалъ взглядъ заморенной клячи. Страшная

худоба лица и тѣла поразила меня. Ввалившіеся виски и щеки; острый носъ съ горбиной, казалось, порывался клюнуть острый выдавшійся подбородокъ. Платье грубой клѣтчатой домотканной холстины висѣло какъ на вѣшалкѣ, ниспадая съ угловатыхъ плечь. Только и было на старухѣ, что рубаха и платье. Черный шерстяной платокъ, свернутый трубкой, былъ прикрученъ къ ящику. Обувь босыхъ загорѣлыхъ и чисто вымытыхъ ногъ составляли какіе-то опорки, привязанные на манеръ древнихъ сандалій. На всемъ печать крайней нищеты, но нищеты рабочей, уважающей себя. Ни забитости, ни приниженности. Тяжелый трудъ долгой жизни выражался во всемъ существѣ старухи. Онъ высосалъ ее. Кости да кожа,—и подъ кожей на шеѣ и рукахъ виднѣлись жилы, проступавшія, какъ узловатыя веревки. И въ эти годы, когда нуженъ теплый уголъ, отдыхъ, старуха шла, неся тяжелый ящикъ, пѣшкомъ разносить свой товаръ за сотни и тысячи миль. Я узнала въ ней одну изъ разносчицъ кружевъ, которыя лѣтомъ изъ горныхъ деревень Саксоніи разносятъ по большимъ городамъ и курортамъ цѣлой Германіи, повсюду, гдѣ скопляется денежный людъ, искусную работу, надъ которой гнутъ спину и слѣпятъ глаза кружевницы съ десяти лѣтъ до глубокой старости.

— Далеко идете сегодня, бабушка Анна?—спросила я.

— Теперь на заводъ. Сдамъ фрау Келлерманъ кружевной передникъ; а потомъ она позволитъ съ возомъ доѣхать до пристани на Шпре. Мой внукъ кочегаромъ на пароходѣ; ему позволяютъ брать меня даромъ. Капитанъ добрый и очень доволенъ моимъ внукомъ. Потомъ, помаленьку доберусь до Рейна, а тамъ въ Висбаденъ, Баденъ и Гомбургъ.

— На какую сумму у васъ тутъ кружевъ?

— Больше тысячи талеровъ будетъ. Пожалуй, и двѣ. Этого нельзя заранѣе сказать. Какъ потрафили мастерицы модѣ. Бываетъ, кружевною косынкою полгода глаза слѣпятъ, ждутъ полсотни талеровъ, а тебѣ скажутъ, что такого фасона не носятъ. Это ужъ какая судьба выйдетъ.

Когда мы дружески распрощались съ бабушкой Анной, Адель, провожая ее участливымъ взглядомъ, сказала:

— Пришлось и на этотъ годъ идти бабушкѣ Аннѣ, а ужъ она думала отдохнуть.

— Развѣ бѣда какая?

— Охъ, большая бѣда на всѣхъ фёрстерцевъ,—мы фёрстерцами зовемъ рабочихъ, потому что заводъ называется

Фёрстеромъ, по имени стараго хозяина, который его построилъ. Нынѣшній хозяинъ, г. Келлерманъ, зять ему. У г. Келлермана дѣла пошли плохо. Теперь тяжелыя времена. Войны ждутъ. Торговля не идетъ; фабрики останавливаются. Заводъ выдѣлываетъ только половину желѣзныхъ издѣлій. Хозяинъ отпустилъ половину рабочихъ. Что-жъ было дѣлать?

Адель замолчала, вздохнувъ тяжело. Меня удивило, какъ просто и обстоятельно молоденькая дѣвушка говорила о такихъ серьезныхъ вещахъ.

— Если бы вы видѣли, что это было за горе,—продолжала она черезъ минуту. — Въ каждомъ домѣ плачъ, если не за себя,—когда хозяинъ завода не отказалъ отъ работы отцу, или кому изъ семьи,—то за родныхъ, за друзей. Мужчины, дѣвушки и бездѣтныя женщины разбрелись по городамъ и селамъ за работой. Женщины съ дѣтьми остались. Куда тащить малышей? Кто возьметъ на мѣсто женщину и съ однимъ-то ребенкомъ, а когда ихъ трое, четверо и больше? Вотъ тутъ-то я и видѣла фёрстерское горе. Кормятся кое-какъ. Все пораспродали, что можно было продать. Голыя стѣны да охабка соломы и поломанная глиняная чашка — вотъ что найдется у безработныхъ.

Мы незамѣтно дошли до дороги на мызу. Круто поднималась обсаженная густыми липами дорога въ гору. Адель хотѣла мнѣ что-то сказать, но смутилась и опустила глаза.

— Я вижу, вы колеблетесь—сказать мнѣ что-то, или нѣтъ, Адель; говорите. Мы старыя добрыя, знакомыя.

Сѣвъ на скамейку подъ густой липой, я посадила Адель и взяла ее за руку.

— Вотъ такъ, какъ, бывало, у столика съ стаканами на Молькенкурѣ.

— Вы не подумайте ничего дурного, что я косу продавала,—прошептала огнемъ вспыхнувшая дѣвочка.

— Не думаю, и не подумала, милая Адель.

— Прошу васъ, не говорите дома, что я косу продавала.

— Не скажу. Зачѣмъ только вы косу продаете? Нуждаться вы не можете, а на наряды — кто же продаетъ такую косу?

— Да я бы скорѣе всѣ наряды продала, если бы они были мои,—вскричала Адель.

Слово за слово, я узнала то, что высказать было такъ

тяжело для Адели. Невѣстка ея зазналась отъ богатства и презираетъ прежнихъ друзей—фёрстерцевъ. Невѣстка прежде работала на заводѣ, и Адель тоже—съ фёрстерскими ребятишками возила тачки съ рудой. Переѣхавъ сюда, на эту прекрасную мызу и заживъ богато, невѣстка сама ни ногой къ прежнимъ друзьямъ; сердится, когда Мартинъ, ея мужъ, братъ Адели, и Адель хотятъ повидаться съ старыми друзьями. Невѣстка очень добра ко всей семьѣ. Дѣдушку почитаетъ и бережетъ. Дѣдушка былъ крестьяниномъ, и хоть и старъ, а все дѣло крестьянское помнитъ и всему голова. Адель боялась, что продажа косы дастъ мнѣ дурное мнѣніе о Росхенъ, ея невѣсткѣ. Росхенъ ничего не жалѣетъ для семьи. Никогда отъ нея не услышишь слова: это все мое... Когда Адели что надо и она посовѣстится просить, невѣстка обижается... И работой никогда не принуждаетъ. Увидитъ, что Адель устала, сейчасъ скажетъ: „незачѣмъ себя морить работой, мы, слава Богу, не умираемъ съ голода“... Только вотъ одно горе—не хочетъ она знаться съ фёрстерцами. Забыла она, что всѣ они съ дѣтства были ей добрыми сосѣдями. Адель не забыла. Ей фёрстерцы родные. Всѣхъ она знала съ тѣхъ поръ, какъ начала бѣгать по черной улицѣ слободы. Всѣ знали ее, ласкали, шутили съ ней... Адель не забыла своихъ подругъ и товарищей. И теперь, когда надъ половиной слободы стряслась такая бѣда, Адель должна помочь. У нея лежитъ камень на сердцѣ. Ей стыдно ѣсть сладко и ходить нарядно, когда Юльхенъ и Гансъ, съ которыми она росла, какъ съ родными братомъ и сестрой, ходятъ оборванцами, живутъ впроголодь. Рабочіе сосѣднихъ горныхъ заводовъ и фёрстерцы, которые работаютъ, открыли подписку въ пользу безработныхъ семей, и Адель хочетъ непремѣнно внести десять талеровъ.

— Я скажу знакомымъ,—начала-было я.

Адель поблагодарила, но рѣшительнымъ тономъ объявила, что рабочіе не возьмутъ помощи ни отъ кого, кромѣ своей братіи. Они не хотятъ милостыни. Отъ Мартина не взяли, потому что это деньги Росхенъ, а Росхенъ не хочетъ ихъ знать. Свой братъ рабочій не то: сегодня я ему помогу, а завтра онъ мнѣ поможетъ.

— А отъ меня возьмутъ, хоть я больше не работница на заводѣ. Сначала я боялась, что не возьмутъ, а потомъ разсудила, что когда я для нихъ обстригу свою косу, они не откажутъ мнѣ.

— Конечно, не откажутъ. И вы, Адель, не десять, а двадцать пять талеровъ можете выручить за вашу косу.

— Двадцать пять!

Адель вскочила съ скамейки, всплеснувъ руками; радостью вспыхнули ея глаза, когда она восклицала:

— Право, двадцать пять?! Я думала тогда, вы только *такъ* сказали разносчику. Въ самомъ дѣлѣ цѣлыхъ двадцать пять! О, это слишкомъ хорошо! И вы это вѣрно знаете?

Я передала ей все, что мнѣ случайно приходилось слышать по этой части отъ моей домохозяйки, фрау Фридрихсъ. Покойный мужъ ея держалъ въ городѣ парикмахерское заведеніе. По смерти его, вдова, сдавъ заведеніе старшему подмастерью, не бросила, однако, ремесла, поселясь въ родномъ Линденбургѣ. Она поставляла букли, косы и шиньоны щеголихамъ изъ съѣзжавшихся на мѣсто купальщицъ. Фрау Фридрихсъ иногда покупала косы и жаловалась на трудность найти модный золотистый цвѣтъ волосъ.

Адель живо расплела одну косу, перекусила бѣлыми и крѣпкими зубами тоненькую прядь, свила ее кольцомъ, и остановилась, краснѣя и съ полуоткрытымъ ртомъ.

— Дайте, я снесу фрау Фридрихсъ вашъ образчикъ. Чего же вы такъ смутились?

— Какъ же я такъ прямо... не спросивъ прежде...

— Ну что-жъ? Вы, вѣрно, угадали, что я исполню это порученіе и съ удовольствіемъ.

Завернувъ локонъ въ оторванный листокъ изъ записной книжки, я бережно спрятала его въ портмоне. Адель, оглядываясь по сторонамъ, поспѣшно заплетала косу.

III.

На увитомъ дикимъ виноградомъ крыльцѣ стараго и просторнаго дома стояла молодая, полная и румяная женщина и, приставивъ зонтикомъ руку къ глазамъ, всматривалась въ залитую солнцемъ даль.

— Это ты, Адельхенъ,—ласково окликнула она тономъ обманутаго ожиданія.—Мартина не встрѣчала?

Адель отрицательно мотнула головой и сказала, что ведетъ даму иностранку, заблудившуюся въ лѣсу.

Росхенъ радушно встрѣтила меня и повела въ домъ. Большая передняя горница служила кухней и столовой. Гладко выструганныя, потемнѣвшія отъ времени, бревенчатыя стѣны

блестѣли, какъ полированныя; блестѣли и мелкія стекла въ окнахъ съ металлическимъ переплетомъ, который выглядѣлъ серебрянымъ отъ усердной чистки. Блестѣла на полкахъ мѣдная посуда и глазурь горшковъ, и, за свѣтлыми стеклами большого шкафа, пестрѣла фаянсовая посуда и завѣтныя фарфоровыя чашки для кофе.

— Въ добрый часъ, войдите подъ нашу крышу,—говорила Росхенъ, привѣтливо улыбаясь, довольная тѣмъ, что ея жилье нравится посѣтительницѣ.—Отдохните и пообѣдайте. Боюсь, перепрѣетъ обѣдъ. Мужъ мой запоздалъ. Садитесь, прошу.

Она указала на широкую скамью съ высокой рѣзной спинкой. Замѣтивъ, что домотканная скатерть, хотя и чистая, была уже въ употребленіи, она достала изъ громаднаго пузатаго комода свѣжую, тонкую, фабричной работы.

— Зачѣмъ вы безпокоитесь? И эта хороша, — замѣтила я.

— Ужъ такой порядокъ для гостей. Знала бы раньше, все бы приготовила, какъ слѣдуетъ. У насъ теперь горячая рабочая пора. Я и сама не одѣта такъ, чтобы гостей принимать, и Адель то же. Ужъ не взыщите...

На обѣихъ были корсажи изъ темнокоричневаго домашняго сукна и такія же темно-сѣрыя юбки, ловко сшитыя и почти новыя.

— Вотъ и дѣдушка вернулся съ поля,—и Росхенъ пошла на встрѣчу вошедшему старику.

— Обошелъ я горное поле, все исправно. Зерно наливается. На сѣнокосъ поѣду вечеромъ,—говорилъ радостно худощавый, рослый и сгорбленный старикъ.

Увидѣвъ меня, онъ обдернулъ красный суконный жилетъ, вытеръ о висѣвшее на стѣнѣ полотенце запачканныя въ землѣ руки и поздоровался дружески со мной, признавъ знакомую „практику“.

Позади старика, держась за его лѣвую руку и пятясь и косясь на незнакомую барыню, стоялъ его правнукъ, румяный, черноглазый карапузикъ, лѣтъ четырехъ. Росхенъ живо подкатила единственное, большое, обитое кожей кресло къ столу. Карапузикъ, цѣплясь за подолъ матери, усердно помогалъ ей катить кресло.

— Вотъ такъ, хорошо, Карльхенъ, помогай для дѣдушки. Садись, дѣдушка, нечего ждать Мартина. Самъ себя хозяинъ наказываетъ, если нарушаетъ порядокъ. Законъ изстари ве-

дется: въ часъ пополудни обѣдъ. Вѣдь такъ, дѣдушка?.. Ты, вѣрно, голоденъ. Сколько исходилъ съ утра по полямъ!..

— Ничего, я не усталъ. Видъ земли радуетъ сердце, грѣетъ старую кровь. Старыя ноги такъ сами и ходятъ. Подождемъ, Мартина, внучка,—отвѣчалъ старикъ, съ блаженной улыбкой опустясь въ кресло и обводя блаженнымъ взоромъ кухню, утварь, столъ и лица обѣихъ внучекъ и правнука.

Сіявшее счастьемъ сморщенное лицо его, бритое по обычаю нѣмецкихъ крестьянъ, было на подбородкѣ и щекахъ покрыто серебристой щетинкой; чуть видная лысина на темени сквозила изъ подъ длинныхъ густыхъ и бѣлыхъ, подернутыхъ кое-гдѣ желтизною, волосъ.

Хозяйка принесла большой глиняный кувшинъ.

— Дѣдушка, сегодня мы выпьемъ яблочнаго сидра, сегодня гости.

— Хорошо, прекрасно, Росхенъ. Ты у меня отличная хозяйка. За здоровье гостьи. А вотъ и самъ хозяинъ идетъ чокнуться.

Вошелъ молодой мужчина, очень похожій на Адель, понуря голову и хмурый.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и круговой чаши сидра, отъ которой не прояснилось лицо хозяина, жена сказала ему:

— Вѣрно, опять насмотрѣлся на фёрстерцевъ и наслушался ихъ рѣчей.

Теперь, когда привѣтливая улыбка сошла съ ея лица, я замѣтила въ ея смѣтливыхъ и красивыхъ карихъ глазахъ какой-то непріятный холодокъ.

Не отвѣчая ни слова, Мартинъ ушелъ за перегородку переодѣться къ обѣду.

— Садись и ѣшь... Вѣдь не поможешь тѣмъ, что ѣсть не будешь, Мартинъ,—подавляя досаду, ласково уговаривала Росхенъ.—Зачѣмъ же себя даромъ мучить и Господа Бога гнѣвить такимъ лицомъ, когда тебѣ надо только радоваться и благодарить Его?

— Богъ не запрещаетъ горевать о бѣдѣ другихъ людей,—горячо вмѣшалась Адель.

— Ужъ наша воструха сейчасъ поспѣетъ, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ,—прошамкалъ дѣдушка съ полнымъ ртомъ, любуясь на внучку.

— И я жалѣю,—возразила сухо Росхенъ:—Да убиваться-то къ чему? Только своимъ радость отравишь. Его похорон-

ное лицо отобьетъ всякое веселье. Мы, поработавши, весело бы поѣли, за веселой бесѣдой провели бы хорошо время обѣда. Я всегда жду обѣда, чтобы отдохнуть отъ заботъ, хлопотъ и непріятностей... Вы не повѣрите, сударыня, сколько непріятностей въ деревенскомъ хозяйствѣ,—обратилась она ко мнѣ.—Если бы не я, Лина окормила бы птицу свинымъ кормомъ. И это ужъ третій разъ я ее ловлю на этомъ. Я и сказала ей, что въ наказаніе за это она будетъ обѣдать одна въ чуланѣ... Мы всѣ работники, и у насъ нѣтъ мѣста для лодырей и лѣнивицъ... Ей же на пользу наука будетъ.

Покраснѣвшая Адель украдкой взглянула на меня и опустила глаза въ тарелку.

— У васъ много рабочихъ, фрау Мартинъ?—спросила я, видя, что ни одинъ не пришелъ къ обѣду.

— Два батрака и эта Лина. Батраки съ утра на сѣнокосѣ. Адель снесла имъ обѣдъ,—отвѣчала хозяйка, доставая изъ печи огромную глиняную миску съ горой переложенныхъ творогомъ оладій.

— Сегодня оладьи задались на диво, будто знали, что у насъ гостья. Кушайте, только не взыщите, ужъ я дѣдушкѣ первый кусокъ. Такой у насъ законъ.

— Жена Ганса Биркмана умерла,—вдругъ проговорилъ Мартинъ, понуро молчавшій до этой минуты.

Раздались восклицанія сожалѣнія, Адель отерла брызнувшія слезы.

— И Гансъ не знаетъ, далеко на чужой сторонѣ ищетъ работы. Жену его спасло бы сухое теплое жилье. Гансъ былъ мнѣ за родного брата. Отъ медвѣдя спасъ въ лѣсу.

Лицо Росхенъ покрылось густой краской досады и каріе глаза блеснули непріязненно, когда она спокойно и мягко отвѣчала:

— Гансу мы хотѣли помочь. Кто-жъ виноватъ, что они всѣ такіе гордецы, не хотѣли брать отъ насъ ни гроша, ни крохи?.. Я всегда помнила, что Гансъ спасъ тебѣ жизнь, и была въ хорошихъ съ ними отношеніяхъ. Она сама сказала, что не пойдетъ ко мнѣ, потому что я не хожу къ ней. А развѣ я могла ходить въ слободу, когда меня тамъ просмѣиваютъ? Даже ребятишки дразнятся: „Богачиха, носъ задрала!“ А чѣмъ же я носъ задрала? Жизнь наша теперь пошла по другому и знаемся мы теперь съ другими людьми. Мы должны жить по нашему положенію... Такъ Богу угодно. Если Онъ намъ послалъ богатство, значитъ и указалъ намъ наше положеніе.

Росхенъ остановидась на мигъ, ожидая отъ меня подтвержденія такого своеобразнаго истолкованія Божіей воли. Вѣжливость не позволила мнѣ высказать мою мысль, что я на своемъ вѣку видѣла, какъ люди свою волю, очень погрѣшимую, приписываютъ Богу, какъ приписывала ее Росхенъ.

— И весь сыръ-боръ загорѣлся, изъ-за кого вы думаете?—продолжала, горячась, Росхенъ.—Когда мы справляли новоселье, управительша—жена управляющаго баронскими фермами, сказала про Ганса и жену его, что ни за что не повѣрила бы, что эти люди шесть дней въ недѣлѣ ходятъ арапами. Жена Ганса обидѣлась и потребовала, чтобы я заставила извиниться передъ нею госпожу управительшу. Чтобы я ей такое невѣжество оказала за оказанную мнѣ честь! И когда съ Гансомъ стряслась бѣда, я послала денегъ и платья и вещей, узнавъ, что они все распродали. Они все отослали назадъ.

— Да и помощь только не надолго бы продлила жизнь Биркманшѣ,—замѣтилъ старикъ, любуясь игрой сидра въ стаканѣ.—Одно спасенье было бы для Биркманши, если бы взять ее къ намъ въ домъ. А вѣдь это намъ не подъ силу. Куча дѣтей, да и сама чахотная.

— Да и не пошла бы она къ намъ. Противъ фёрстерцевъ не посмѣла бы поступить,—прибавила Росхенъ.

— Жаль Ганну Биркманъ,—проговорилъ тѣмъ же унылымъ тономъ Мартинъ.—Такая веселая была, сердечная.

— Да ѣшь же, оладьи остынутъ... Не воротишь тѣмъ Биркманшу, если просидишь голодомъ,—настаивала Росхенъ, подбавляя мужу сметаны на тарелку.

Онъ, въ тяжеломъ раздумьи, ѣлъ оладью за оладьей, машинально, не разбирая, что ѣстъ.

— Что, не по вкусу тебѣ развѣ сегодня оладьи?—обидчиво спросила Рисхенъ.

— А, что? Ничего,—отвѣчалъ онъ, не вслушавшись въ вопросъ.

Росхенъ, махнувъ рукой, сочла за лучшее оставить мужа въ покоѣ и принялась занимать меня. Она щебетала безъ умолку, разсказывая о нежданно-негаданно свалившемся наслѣдствѣ отъ одного дѣдинаго брата, о которомъ она и слыхомъ не слыхала. Сначала не вѣрила, а все по закону доказано. Просто, какъ въ сказкѣ, счастье слетѣло съ неба въ нуждѣ. Не то, чтобы они знали горькую нужду: были и сыты, и одѣты, работая какъ каторжные въ грязи, углѣ и

сажѣ. Только съ субботы вечера до понедѣльника утра походили на христіанъ, а не на черномазыхъ араповъ—ѳѳіоповъ. Ну, тоже не большое счастье ходить на работу по звонку, вскакивая еще до солнышка, а то и середь ночи со страхомъ, что опоздаешь, и замѣтятъ неисправность и штрафъ наложатъ. Теперь всѣ они „самостоятельныя особы". И какое счастье тогда было, что съ ними былъ дѣдушка, и теперь счастье. Его голова все хозяйство полевое ведетъ, и по скотоводству и огородничеству, и на пасѣкѣ всему научитъ. Безъ него пропали бы и съ наслѣдствомъ. Ни Мартинъ, ни она не знали, за что взяться, что къ чему идетъ. Дѣдушка природнымъ крестьяниномъ былъ, какъ и всѣ въ его родѣ; до бѣды свою землю пахалъ...

Старикъ перебилъ Росхенъ и обстоятельно, съ мелочными подробностями, разсказалъ о бѣдѣ. Богъ послалъ горе на всю деревню. Дожди, какихъ и старики не запомнили; прорвало плотину, наводненіе. Занесло всѣ поля пескомъ и камнями. Снесло, а если не снесло, то испортило всѣ дома и постройки, У кого были деньги, тѣ наняли рабочихъ поле очистить, дворъ поправить, или новый поставить. Они же всегда были небогаты. Семья большая; на каждаго работника три рта, кромѣ своего; подати тяжелыя; но все онъ не хотѣлъ бросить землю, до послѣдняго тянулъ, въ долги вошелъ. За долги землю отобрали. Пришлось съ сыновьями идти на заводъ. Младшій еще въ силу не вошелъ, трудно ему было съ вольнаго воздуха въ пекло заводскихъ печей. Заработокъ отца съ старшимъ сыномъ кормилъ кое-какъ семью. Младшія дѣти подростали и также шли на заводъ. Которые не вынесли работы — умерли, которые ушли за море счастья искать, и двухъ сестеръ, что живы остались, выписали къ себѣ. Пишутъ рѣдко. Хорошо живутъ, не жалуются. Старшій поженился и умеръ отъ заразной горячки, оставивъ мнѣ Мартина и Адель. Когда старика отпустили съ заводской работы, сколько разъ старикъ жалѣлъ, что его не тронула смерть. Его заработокъ сторожа при складѣ былъ грошовый, а потомъ и отъ мѣста отказали за старостью. Онъ сидѣлъ на шеѣ внука и его жены, и Адели; зарабатывалъ жалкіе гроши, когда пріѣзжали господа лѣтомъ на воды. Цвѣты и землянику продавалъ, порученія разныя исполнялъ—такую работу, что и ребята справляютъ.

— Охъ, и горько же мнѣ было! Сколько разъ я, въ слѣпотѣ своей, молилъ Бога послать мнѣ смерь,—говорилъ за-

думчиво старикъ.—А теперь—и онъ пріосанился и съ гордостью закончилъ:—теперь я нуженъ и въ семьдесять пять лѣтъ. Теперь я ожилъ, какъ только ступилъ на поле. И Бога благодарю каждый часъ.

Потускнѣвшіе отъ старости голубые глаза блаженно свѣтились.

— Теперь вы совсѣмъ счастливы, дѣдушка,—сказала я.

— Я счастливъ, много-много счастья мнѣ послано. А *совсѣмъ* счастливъ я былъ бы тогда, когда бы Росхенъ въ наслѣдство получила ту землю, на которой я пролилъ столько пота, въ которую положилъ столько трудовъ, и думъ, и заботъ; ту землю, на которой я—малышемъ, вотъ немного побольше Карльхена, вырывалъ сорныя травы и обиралъ жуковъ и всякихъ червей, губителей жатвы, которая была смочена пѳтомъ отца и дѣда, прадѣда и пращура. Хорошая была земля, дорогая земля.

Насмѣшливо блеснули глаза Росхенъ, но она не сказала ни слова. Конечно, дѣдушкина земля была жалкимъ клочкомъ въ сравненіи съ ея мызой.

— Карльхенъ! Трубку дѣдушкѣ. Помни свое дѣло. Ты долженъ почитать и беречь дѣдушку, онъ у насъ голова.

— И Мартинъ привыкнетъ, будетъ хорошимъ хозяиномъ,—сказалъ старикъ.

Поблагодаривъ хозяевъ за радушіе и доставивъ Росхенъ удовольствіе похвалами ея дому и хозяйству, я собралась уходить.

— Нѣтъ, нѣтъ, погодите: надо земляники на десертъ. Черешнямъ пора прошла, а ягоды въ саду еще не поспѣли,—остановила меня Росхенъ.—Адель, гдѣ же твоя земляника?

Бѣдная Адель совсѣмъ растерялась. Она забыла свою корзинку съ земляникой въ лѣсу, на томъ мѣстѣ, гдѣ вела переговоры съ разносчикомъ.

— Я сбѣгаю за корзиной, въ лѣсу забыла,—пробормотала она,—краснѣя до ушей.

— Ну чего жъ ты испугалась? Не велика бѣда, пропадетъ корзина. Новую сплетешь,—ласково сказала Росхенъ.

— Опять забыла, тетя Адельхенъ,—со смѣхомъ, захлопавъ въ ладоши, вскричалъ Карльхенъ.

Мать его пытливо взглянула въ глаза Адели.

— Корзина—пустякъ. А только, что это съ тобой творится, Адель? То ты все забываешь, то ты какъ муха сонная бродишь, не слышишь, что тебѣ говорятъ, все изъ рукъ валится.

— А то же, что и съ твоимъ муженькомъ, Росхенъ. Они скоро и совсѣмъ съ ума спятятъ со своими фёрстерцами,— замѣтилъ дѣдушка.—Ну не вѣшай носа, Адельхенъ. Понимаю, тебѣ жа̀ль твоихъ прежнихъ друзей. Вотъ и мнѣ, доведись чтѐ услышать про старыхъ моихъ деревенскихъ сосѣдей, какъ ножъ въ сердце.

Взявъ съ хозяйки обѣщаніе побывать у меня и отпускать ко мнѣ почаще Адель, я ушла по указанному мнѣ пути до лодки.

IV.

Дома меня ожидала новая встрѣча, радостная и неожиданная. Пріѣхала Анна Михайловна Порѣцкая, моя старая пріятельница, не смотря на ея тридцать лѣтъ и мои пятьдесятъ пять. Дружба наша началась съ ея трехлѣтняго возраста — крошка почему-то привязалась ко мнѣ съ перваго взгляда—и продолжалась, когда осиротѣвшую дѣвочку отдали въ институтъ. Я аккуратно навѣщала ее, пока жила въ томъ же городѣ. Переписывались мы съ ней усердно. Она писала мнѣ, какъ матери, о томъ, что думала, чувствовала, переживала. Окончивъ курсъ, Аня поступила въ гувернантки. Ей не повезло. Попадалось хорошее мѣсто, въ доброй образованной семьѣ, гдѣ на гувернантку смотрѣли не какъ на наемницу, а на члена семьи, гдѣ она сживалась, какъ родная,—и какой-нибудь несчастный случай: внезапная смерть отца, раззореніе, или обычное дѣло—подросшихъ дѣтей отвозили въ училища, и Анѣ снова приходилось скитаться въ поискахъ новаго мѣста, попадать на такое, что черезъ мѣсяцъ, другой приходилось снова публиковаться въ газетахъ. *Сживаться* сердцемъ, честно исполняя свое дѣло, Аня умѣла, но *уживаться*, т. е. поддѣлываться къ недостаткамъ, потакать несправедливостямъ — не умѣла. Она не могла восхищаться, испорченнымъ баловствомъ матери любимчикомъ и не вступаться за обиженнаго нелюбимаго, который на ея урокахъ не былъ ни „идіотомъ“, ни „упрямцемъ“, и началъ перегонять любимчика. Аню обвиняли въ пренебреженіи къ любимчику. Въ послѣдній годъ Анна Михайловна, работая по ночамъ на мѣстѣ, добыла рублей шестьдесятъ переводами и переѣхала въ маленькую каморку, чтобы осуществить давнишній планъ—планъ цѣлой жизни—написать романъ. Она видѣла многое въ продолженіи двѣнадцати-

лѣтней скитальческой жизни, была наблюдательна и чутка, не смотря на все вынесенное, любила людей и умѣла живо и образно выразить то, что фантазія ея создавала изъ видѣннаго. Въ письмахъ Анна Михайловна передавала мнѣ свои тревоги и надежды; она вѣрить не хотѣла мнѣ, что у нея положительный талантъ .и талантъ не дюжинный. Она боялась, что я, любя ее, сужу пристрастно. Скрывала она, что жила, считая каждый грошъ, продавала свои вещи, чтобы дотянуть до конца работы. Она знала, что мои финансы въ очень неблестящемъ положеніи и заграницу я поѣхала съ одной больной. Недавно я получила телеграмму: „Heureuse, succès inattendu. Annette“ (Я счастлива. Успѣхъ неожиданный. Анна).

Теперь она „прикатила ко мнѣ“ дѣлить радость успѣха. Ей надо было отдохнуть отъ тревожной усиленной работы и поправить здоровье, разстроенное двѣнадцатилѣтнимъ мыканьемъ по мѣстамъ.

— Къ вамъ прикатила. Вы мнѣ родная,—говорила она, крѣпко обнимая меня.—Нарочно не писала, что ѣду, сюрпризомъ хотѣла явиться.

Я была счастлива сюрпризомъ. Въ моей одинокой жизни стало теплѣе и свѣтлѣе. Аня—я такъ звала ее—наслаждалась отдыхомъ, но отдыхъ былъ плодотворный. Она всматривалась въ окружавшую жизнь, сравнивала съ родною, „училась жизни“ и копила впечатлѣнія для новыхъ работъ.

Я разсказала ей про утреннюю встрѣчу съ Аделью. Аня пришла въ восторгъ и объявила, что непремѣннно познакомится съ такой прелестной дѣвочкой.

Моя домохозяйка не рѣшилась купить сразу косу. Она не по прежнему вела дѣла и покупала только по порученію. Уплатить цѣну по совѣсти—25 талеровъ было ей не по карману. Къ тому же, она знала только одну даму, которой пригодился бы такой рѣдкій цвѣтъ волосъ. То была важная баронесса, каждое лѣто пріѣзжавшая на воды. Нынче она запоздала, вѣрно не будетъ. Узнавъ объ этомъ, Адель огорчилась и готова была сбыть косу разносчику, который, при каждой встрѣчѣ, набавлялъ по талеру и дошелъ уже до девяти. Я посовѣтывала написать баронессѣ, жившей въ своемъ замкѣ на сѣверѣ Пруссіи. Въ адресъ-календарѣ добыли адресъ, моя хозяйка написала и черезъ недѣлю пришелъ отвѣтъ. Баронесса была очень довольна присланнымъ образчикомъ и охотно давала требуемую сумму, но только по полученіи

*

косы; она прибавляла, что такая необычайная длина излишня и довольно косы покороче на треть локтя.

— Вотъ счастье-то!—вскричала Адель, пришедшая узнать объ отвѣтѣ.—Теперь мнѣ можно обстричься до плечъ и не ходить, какъ солдатъ, съ головой подъ щетку.

Адель не хотѣла откладывать дѣло и хозяйка моя, посадивъ ее на табуретъ, накинула ей на плечи бѣлый балахонъ и вооружилась гребенкой и ножницами. Адель, съ печальнымъ вздохомъ, расплела косы; волосы, переливая золотомъ, опустились до пола, закрывая ее, какъ шелковое покрывало.

— Ахъ, какая прелесть! Рука не поднимается,—воскликнула парикмахерша, не рѣшаясь занести ножницы.

— Стригите, фрау Фридрихсъ,—скрѣпя сердце, сказала Адель:—И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Фрау Фридрихсъ съ сожалѣніемъ подхватила гребенкой прядь волосъ и занесла ножницы.

— Не стригите! Не стригите!—раздался изъ палисадника умоляющій голосъ, и Анна Михайловна, приподнявъ стору, заглянула въ комнату.—Не стригите. Жаль такой красоты. Наши крестьянскія дѣвушки всѣ бы глаза выплакали по такой косѣ. Я дамъ двадцать пять талеровъ, только бы не стригли. Милушка, Адель, возьмите отъ меня деньги,— умоляла она на своемъ плохомъ нѣмецкомъ языкѣ.

— Благодарю васъ, добрая барышня Анна. Но не надо... Нельзя... Какъ я скажу *имъ*, откуда деньги? *Они* знаютъ, что у меня нѣтъ ничего своего. *Они* скажутъ, что я для нихъ просила милостыню.

— Это не милостыня, — возразила-было Анна Михайловна, но Адель не дала ей договорить.

— Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю. Я сама хочу помочь. Я *должна* помочь. Я съ фёрстерцами росла.

— И то правда, — сказала Анна Михайловна. — Я не должна мѣшать ей сдѣлать хорошее дѣло.

— Стригите поскорѣе, — обратилась Адель къ парикмахершѣ.

Крѣпко было жаль бѣдной дѣвочкѣ своихъ волось и хотѣлось, чтобы искусъ скорѣе кончился.

Звякнули ножницы. Облачко печали прошло по выразительному лицу Адели и исчезло. Она скрѣпилась и спокойно смотрѣла, какъ отдѣлялась прядь за прядью отъ богатой косы. Я бережно подбирала ихъ изъ рукъ парикма-

херши и, выравнивая, клала на столъ. Обстриженныя пряди мягко вились на концахъ. Когда упала послѣдняя прядь, Адель, не слушая совѣта парикмахерши посмотрѣться въ зеркало и убѣдиться, что она не только не обезображена, но очень мила, вскочила съ табурета и, горестно всплеснувъ руками, воскликнула:

— Ахъ, Боже мой! Какъ я покажусь теперь на глаза Росхенъ? Какъ я ей скажу всю правду?

— Ну, что-нибудь придумай, дѣвушка. Не съѣстъ же она тебя,—сказала парикмахерша.

— Ахъ, нѣтъ, не думайте дурного о Росхенъ. Она ко всѣмъ намъ такъ добра! Она ничего не жалѣетъ для насъ. Мнѣ жаль, что она огорчится, —отвѣчала Адель.

— Ну, объ этомъ надо было раньше подумать, дѣвушка. Не знала я этого, что ты тайкомъ продаешь косы отъ своихъ. Не допрашивала, зная, что ты сирота. Сдается мнѣ, — дѣло не совсѣмъ ладно; ни за что не купила бы, кабы не то...

За нее докончила со смѣхомъ Анна Михайловна:

— Что баронессѣ надо угодить.

— Эхъ, барышня, не наживали вы видно хлѣба горбомъ, что смѣетесь,—упрекнула ее парикмахерша.

— Наживала, наживала, фрау Фридрихсъ,—вступилась я за свою пріятельницу.

Адель стояла въ невеселемъ раздумьи.

— Вотъ что, добрая, милая барыня, — обратилась она ко мнѣ, моляще складывая руки.—Пойдемте со мной. Все легче будетъ въ первую минуту, какъ я не одна попадусь на глаза.

Конечно, я охотно согласилась. Адель, сбросивъ бѣлый балахонъ съ плечь, взяла шляпу. Тогда только она спохватилась, что не посмотрѣлась въ зеркало. Она не узнала себя въ образѣ стриженаго голубоглазаго мальчика, смотрѣвшаго на нее, и съ сожалѣіемъ вскричала:

— Теперь я совсѣмъ не похожа на большую дѣвушку!

— Ничего, волосы живо отростутъ. Еще лучше прежняго,—утѣшали мы ее.

Адель, надѣвъ свою шляпку съ огромными полями, откинула длинныя ленты вмѣсто косъ.

V.

Завидѣвъ насъ съ горы, Росхенъ пошла къ намъ навстрѣчу.

— Что это у тебя какое лицо? Что случилось?—спросила она Адель, обмѣнявшись со мной обычными привѣтствіями.

— Ничего... Я косы обстригла и продала,—чуть слышно отвѣчала Адель и, собравъ все свое мужество, сняла шляпу.

Росхенъ выкрикнула какое-то задавленное, заглушенное: охъ! Потомъ сѣла на землю, какъ будто у нея подкосились ноги, и заплакала, закрывъ лицо передникомъ.

Этого Адель не ожидала и, обнявъ за шею невѣстку и цалуя ее, она со слезами упрашивава успокоиться.

— Эдакую косу обстричь! Первая коса во всемъ округѣ Фихтенвальденѣ! И продать!

И Росхенъ плакала въ голосъ, сидя на землѣ и раскачиваясь взадъ и впередъ.

— Не огорчайтесь такъ, милая фрау Росхенъ,—начала я осторожно.

Она вскочила съ воплями

— Осрамила! Сняла мою головушку съ плечь! Что станутъ говорить добрые люди? Засмѣютъ! Вотъ какъ богатая гордячка Росхенъ держитъ мужнину сестру, что та свои косы продала. Видно, голодъ и нужду терпитъ, если косы, дѣвичью красу, продаетъ.

— Никто ничего не скажетъ, милая, милая Росхенъ. Всѣ будутъ знать, что это для фёрстерцевъ. Всѣ знаютъ, что ты для насъ ничего не жалѣешь. Я это всѣмъ всегда говорю. Всѣ видятъ, какъ ты рядишь меня... И я такая краснощекая и толстая, никто не скажетъ, что голодомъ сижу.

Но убѣжденія Адели дѣйствовали плохо.

— Для фёрстерцевъ!—выкрикивала Росхенъ, не слушая Адель.—Провались они сквозь землю! Пропадай они всѣ пропадомъ! И братъ, и сестра совсѣмъ рехнулись съ своими фрстерцами.

Долго еще выкрикивала и причитала разобиженная, разогорченная, разгнѣванная Росхенъ. Досталось и мнѣ подъ прозрачнымъ намекомъ на „старыхъ почтенныхъ людей, которые вмѣсто того, чтобы удерживать молодежь отъ глупостей и вольностей, потакаютъ ей“. Потомъ Росхенъ горько расплакалась о томъ, какъ ей теперь ѣхать съ Аделью на ярмарку, на храмовой праздникъ, на пиръ серебряной свадьбы госпожи управительши. Всѣ скажутъ, что у Адели была горячка, если ее обкарнали. Кто повѣритъ, что дѣвочка продала

косу для фёрстерцевъ? Велика важность въ нашемъ кругу— фёрстерцы! А на Рождествѣ—хороша будетъ Адель между другими дѣвушками—обкарнанная, какъ мальчишка. И такое горе *ей*, Росхенъ, за всю ея любовь.

Мы молчали, понимая, что лучше дать пройти грозѣ. Когда Росхенъ начала утихать, Адель ласково сказала:

— Не горюй, Росхенъ, вѣдь я еще не большая дѣвушка. Меня большія-то еще не принимаютъ въ свою компанію.

Но я одна оцѣнила все великодушіе такого признанія со стороны Адели. Росхенъ горестно возразила:

— И подростки не ходятъ стрижками. И теперь пальцами будутъ показывать. А что будетъ еще черезъ два года?

— Тогда косы отростутъ, милая, добрая сестра. Помнишь, я на сѣнѣ заснула, а козленокъ полъ-косы мнѣ отгрызъ; въ годъ выросла.

— Но какъ же ты смѣла, не спросясь меня?.. За что ты меня такъ обидѣла?.. Я за мѣсто матери тебѣ была, по совѣсти скажу и въ смертный свой часъ,—горестно упрекала Росхенъ.

— Милая сестра, я не хотѣла тебя обидѣть. Мнѣ твоя обида тяжеле, чѣмъ потеря косы. Но я не могла не сдѣлать этого. Право, не могла! Мнѣ въ самое сердце вступила бѣда фёрстерцевъ. Не сердись, не огорчайся! — упрашивала Адель.

— А мнѣ не вступила въ самое серце эта стрижка? Какъ ножъ вострый всадила! И что толковъ будетъ, что толковъ. Господи!

Росхенъ видимо притихала и я рискнула вставить и свое слово.

— Вы не дѣвочка, милая фрау Росхенъ, а хозяйка, „самостоятельная особа“, — убѣждала я, подчеркивая слышанный отъ нея отзывъ о ней самой и всѣхъ членахъ семьи.— Такъ вамъ не пристало тревожиться пустыми рѣчами.

— Дѣдушка говоритъ: всѣхъ рѣчей людскихъ не переслушаешь, какъ всѣхъ воронъ подъ небомъ не пересчитаешь,—прибавила повеселѣвшая Адель, видя, что проходитъ гроза, въ которой, впрочемъ, было болѣе ливня, чѣмъ грома.

— Что жъ это я васъ тутъ держу на дворѣ, простите, сударыня,—спохватилась, краснѣя и конфузясь, Росхенъ.— Ужъ вы не взыщите, голова у меня пошла кругомъ. Такое дѣло—хоть кому доведись—переворотитъ всѣ мысли въ го-

ловѣ. Милости просимъ отдохнуть, кофейку напьетесь. Пожалуйста. Не то я буду думать, вы въ обидѣ за то, что я тутъ лишняго наговорила. Кабы ваша дочка свою красу-косу изъ-за глупости продала, и вы бы себя не помнили.

— О чемъ это вы такъ долго толковали, а Росхенъ такъ кипятилась?—спросилъ сидѣвшій на крыльцѣ дѣдъ съ Карльхеномъ.

— Полюбуйтесь, дѣдушка,—торжественно и укоризненно возгласила Росхенъ, выдвигая впередъ Адель и снимая съ нея шляпу.

— Адель—мальчикъ! Голова въ кудряшкахъ! Адель, какъ Карльхенъ теперь! Совсѣмъ какъ Карльхенъ.

И толстощекій, свѣтловолосый карапузикъ принялся припрыгивать вокругъ Адели, теребя ее за платье, за руки, въ напрасныхъ попыткахъ ухватить ее за кудряшки.

— Только и всего? — флегматически произнесъ дѣдъ, вытрясая погасшую трубку. — А я думалъ, и ни вѣсть что приключилось. Волосы ростутъ не сѣянными, голову пахать не надо. А ужъ ты то гомонила, Росхенъ, да и наревѣлась никакъ?..

VI.

Черезъ недѣлю были получены деньги за косу. Баронесса выслала по уговору съ парикмахершей тридцать талеровъ: двадцать пять за косу, пять за работу, почтовые расходы и коммиссію. Но моя хозяйка не захотѣла взять ни гроша за коммиссію и къ двадцати пяти талерамъ прибавила коммиссіонные два. „И я могу понять хорошее дѣло“,—говорила она, прибавивъ, что больше чѣмъ на два талера выиграла репутація ея заведенія на такой косѣ.

Я взялась отнести деньги. Анна Михайловна вызвалась идти со мной на мызу Росхенъ. Когда я передавала деньги радостно вспыхнувшей Адели, моя пріятельница достала изъ своего портмонэ такую же сумму и, вручая молодой дѣвушкѣ, сказала:

— Передайте фёрстерцамъ отъ работницы. Я также работница. Это кроха моего перваго заработка писательницы.

Адель растерялась. Она питала такое глубокое почтеніе къ писателямъ и всегда съ такимъ серьезнымъ и безпредѣльнымъ вниманіемъ ловила каждое слово Анны Михайловны. Въ простотѣ сердечной, какъ и многіе грамотные

люди, любители чтенія, но не ушедшіе дальше грамоты, она воображала, будто писатели совсѣмъ особыя существа, и первое время подолгу, украдкой, съ любопытствомъ разглядывала Анну Михайловну. Собравъ все свое мужество, она отказалась взять деньги, не спросивъ прежде Шумана, выборнаго рабочаго общества, который завѣдывалъ сборомъ.

— Ну такъ идемъ сейчасъ къ Шуману, — предложила Анна Михайловна.

Минутъ черезъ десять мы шли по черной закоптѣлой улицѣ рабочей слободки. Наступалъ субботній вечеръ. На улицѣ не видно было ни души, кромѣ немногихъ ребятишекъ. Всѣ рабочіе по домамъ мылись, совлекая съ себя „эѳіопскій образъ“. Изрѣдка къ колодцу бѣжала женщина съ ведромъ, или рабочій-холостякъ, которому приходилось самому все готовить для воскреснаго дня. На закоптѣлыхъ лицахъ бѣлки глазъ такъ и сверкали, какъ у негровъ.

Шуманъ занималъ одинъ изъ лучшихъ домиковъ слободки. Онъ началъ работать еще ребенкомъ въ рудникѣ, потомъ перешелъ кузнецомъ на заводъ, самоучкой обучился слесарству, былъ приставленъ къ машинамъ и теперь былъ уже помощникомъ машиниста. Домикъ Шумана былъ просторнѣе другихъ жилищъ слободки; его содержали въ чистотѣ, какъ и небольшой садикъ передъ окнами. Но чтобы это замѣтить, надо было присмотрѣться очень внимательно. Клубы густого чернаго дыма, вырывавшіеся изъ высокихъ красныхъ трубъ завода, носились надъ слободкой, какъ клочья чернаго покрывала. На всемъ лежалъ густымъ слоемъ налетъ угольной пыли, передъ которой оказывались безплодными всѣ усилія неутомимыхъ хозяекъ снять съ жилищъ „эѳіопскій видъ“. Чернѣли ступеньки только-что вымытаго крыльца Шумановскаго домика и переплетъ оконныхъ рамъ, тускло смотрѣли только-что отмытыя стекла. Чахлая, посыпанная черною пылью зелень палисадника не радовала глазъ.

— Пройдемте въ садикъ,—сказала Адель.—Теперь у Шумана все и всѣхъ моютъ.

Мы сѣли въ крошечной бесѣдкѣ изъ дранокъ, увитой дикимъ виноградомъ.

Вскорѣ пришелъ Шуманъ, чисто вымытый, въ воскресномъ платьѣ, надѣтомъ для гостей. Въ глаза кидался поясъ турнеровъ *), на которомъ въ зеленой гирляндѣ были вы-

*) Турнеры или гимнасты. Общество гимнастовъ было основано въ началѣ нашего вѣка въ Германіи Яномъ, съ цѣлью развить силу и ловкость и приготовить воиновъ для освожденія Германіи отъ Наполеона.

шиты четыре F девиза турнеровъ: fromm (благочестивый), frisch (бодрый, свѣжій), froh (радостный) и frei (свободный). На лицѣ его выражалось удовольствіе человѣка, который избавился отъ копоти и грязи. Густые черные волосы, еще влажные отъ омовеній, гладко приглаженные щеткой, коегдѣ просыхали и вились. Это былъ рослый, широкоплечій, слегка сутуловатый молодецъ съ сильно развитыми мышцами, которыми могъ бы потягаться силой съ любымъ крестьяниномъ. Только не было на лицѣ его ни загара, ни румянца; оно было матово блѣдно. Работа подъ землей съ дѣтства и въ первые годы молодости съѣла живыя краски лица; такъ бываютъ блѣдны растенія, выросшія въ потьмахъ подъ землею, которыхъ не грѣетъ свѣтъ солнца. Позже огонь плавильныхъ печей жегъ Шуману лицо; но здороваго загара онъ не приноситъ, а только слѣпитъ глаза.

Мнѣ съ перваго взгляда понравилось умное, выразительное и некрасивое лицо Шумана; въ каждой чертѣ сказывалась самостоятельность, самоувѣренность и энергія, доходившая даже до упрямства,—обычныя свойства самоучекъ, людей, которые сами, безъ всякой помощи и опоры, пробили себѣ дорогу. Это выраженіе энергіи не портилъ даже взглядъ, нѣсколько неувѣренный, ищущій, какъ вообще у людей съ слабымъ отъ природы или испорченнымъ зрѣніемъ. Понравилась мнѣ и простота обхожденія Шумана. Онъ встрѣтилъ насъ съ Аней вѣжливо, но безъ особенной привѣтливости, подчасъ приниженной, съ какою люди низшихъ классовъ общества встрѣчаютъ людей высшаго класса. Онъ съ достоинствомъ подалъ намъ руку и на лицѣ его ясно былъ написанъ вопросъ: что вамъ здѣсь нужно?

— А? Ты, дѣвочка, я вижу, принесла свои талеры,—и онъ съ улыбкой погладилъ курчавую голову Адель, державшей въ рукѣ нѣсколько ассигнацій;—охъ, да какъ много! Двадцать семь талеровъ! Такого взноса у насъ не было. Если бъ ты и талеръ принесла, онъ былъ бы намъ такъ же дорогъ. Бабы плакали, узнавъ, какъ ты деньги добыла.

Адель слушала съ сіяющими глазами, на которыхъ проступали слезы. Я жалѣла, что не умѣла рисовать, я бы набросала ея портретъ. Такъ мила была Адель, такимъ олицетвореніемъ всего хорошаго была она въ эти минуты. Анна Михайловна любовалась ею и въ то же время наблюдала ее, и это совершенно безсознательно для себя самой, съ тѣмъ *литераторскимъ* любопытствомъ, которое подмѣчаетъ и копитъ черты изъ жизни.

— Пришли вы посмотрѣть, какъ живутъ у насъ въ горахъ?—обратился къ намъ Шуманъ.—Иностранцы, особенно дамы, рѣдко интересуются нашимъ дѣломъ: черно, некрасиво и страшно съ непривычки. Даже и не дамамъ нужна храбрость, чтобы спуститься въ наши шахты.

— Я къ вамъ съ просьбой,—прямо приступила къ дѣлу Анна Михайловна.

— Чѣмъ могу служить?

Шуманъ удивленно сдѣлалъ легкій поклонъ.

— Прошу васъ, возьмите отъ меня для той же цѣли такую же сумму,—просила она дружескимъ простымъ тономъ, какимъ говорятъ товарищу.—Не обижайте меня отказомъ.

— Но...—началъ-было Шуманъ.

Она горячо перебила его.

— Я знаю все, что вы скажите; но я принесла вамъ честно заработанныя деньги. Я тоже работница.

— О!—вскричалъ Шуманъ, выразительно взглянувъ на ея небольшія бѣлыя руки.—Вы не гнули спины, не надрывались, возя тачки въ подземныхъ корридорахъ, не задыхались отъ ядовитыхъ газовъ, не мокли и не дрожали отъ воды, заливающей ноги или каплями пронизывающей васъ со сводовъ подземелья. И вы называете себя работницей! Гдѣ ваши мозоли на рукахъ?

— Да, *такъ* я не работала. Я бѣлоручка, какъ вы насъ зовете. Но я все-таки работница,—отвѣчала твердо Анна Михайловна.—Я ѣла свой трудовой хлѣбъ. Я, правда, не надрывалась, возя тачки въ подземельяхъ, но я душой надрывалась. Я годами не знала передышки. Вы дома, хоть по праздникамъ, могли отдохнуть. У меня не было своего угла, не было минуты своей, когда бы я могла передохнуть отъ чувства отвѣтственности. Я не нажила мозолей на рукахъ, но мозолей на душѣ не видно. Мнѣ еше не минуло тридцати одного года, а отчего же, смотрите, морщины на лбу и сѣдина въ волосахъ? Вашъ трудъ честенъ, нуженъ. Гдѣ ни ступи—вездѣ нужно желѣзо. Но и мой трудъ нуженъ. Надо же учить дѣтей быть людьми.

— Я не оспариваю этого, я понимаю,—вставилъ Шуманъ,—но...

Анна Михайловна продолжала все съ большимъ одушевленіемъ, желая высказаться до конца.

— И заработокъ мой тогда былъ такъ жалокъ, что я

не могла бы принести вамъ эту кроху. Какъ и вы—болѣзнь, безработица,—и я была бы... и бывала безъ куска хлѣба. Теперь у меня другой трудъ: я—писательница. Онъ мое счастье, но онъ трудъ. Безсонныя ночи надъ тетрадью, волненіе, муки, когда не дается настоящее слово, когда ловишь образъ, который ускользаетъ, когда чувствуешь, какъ слабо все то, чтȯ создаешь, въ сравненіи съ тѣмъ, чтȯ хотѣла создать, какъ мало сдѣлано въ сравненіи съ тѣмъ, чтȯ хотѣлось сдѣлать. И у меня есть своя гордость, сознаніе, что мой трудъ нуженъ. Видите, вы не можете имѣть повода отказаться отъ моей трудовой крохи.

Слушавшій ее съ глубокимъ вниманіемъ Шуманъ, подумавъ немного, возразилъ съ замѣшательствомъ:

— Повѣрьте, я хоть и простой рабочій, но умѣю понимать и цѣнить вашъ трудъ. Только... я не знаю, что вы пишете... Есть писатели, которые понимаютъ жизнь нашего брата, по человѣчески жалѣютъ, пишутъ, что намъ нужно образованіе, нужно работать не сверхъ силъ, не умирать медленно надъ работой. Вы на меня не смотрите. Мнѣ выдалось счастье, отъ природы способности. Посмотрите на другихъ. Поразспросите, сколько мретъ молодежи, дѣтей; сколько въ тридцать лѣтъ калѣкъ, никуда негодныхъ...

Шуманъ замолчалъ съ тяжелымъ вздохомъ и черезъ минуту, возвращаясь къ писателямъ, продолжалъ:

— Есть и другіе работники пера, которые говорятъ, что намъ незачѣмъ жить лучше, чѣмъ вьючной скотинѣ, что намъ образованіе не нужно, ни обезпеченія подъ старость; не бѣда, если работникъ умретъ подъ заборомъ съ сумой. Тѣ на насъ смотрятъ, какъ на скотовъ...

— Если бы я думала, какъ эти другіе, я не была бы здѣсь, — вспыхнувъ и выпрямившись, отвѣчала Анна Михайловна.

Въ голосѣ ея дрожала обида.

— Простите, простите, я не хотѣлъ оскорбить васъ! Вышло невольно, когда человѣкъ говоритъ о томъ, что наболѣло на душѣ,—густо покраснѣвъ, просилъ Шуманъ, протягивая ей руку.—Не вините меня за недовѣріе. Наша сторона глухая, заводъ малоизвѣстный. Для наблюденій и справокъ, вообще, посѣщаютъ извѣстные заводы. Я былъ еще подросткомъ, когда пріѣзжалъ одинъ писатель изъ Пруссіи. Ласковъ былъ, ребятишекъ дарилъ, молодежь угощалъ, со стариками и бабами бесѣды велъ, — а потомъ и написалъ

романъ, въ которомъ насъ просмѣялъ. И суевѣрны-то мы, и грубы, и нравы ужасные... Правда, есть у насъ, какъ и у всѣхъ людей, свое дурное. Но, вѣдь, не одно это есть. Зачѣмъ онъ только это видѣлъ; а не видѣлъ нашихъ трудовъ, нашего горя? Я какъ прочелъ его писательство, такъ меня всего повернуло. Съ тѣхъ поръ никто изъ вашей братіи не заглядывалъ въ нашу сторону.

— Повѣрьте, я...—возразила Анна Михайловна.

— Ну, вотъ я опять, нехотя, обидѣлъ васъ,—искренно огорченнымъ тономъ вскричалъ Шуманъ.—Я вѣрю, вы пришли съ добрымъ чувствомъ. Но есть писатели добрые люди, слыхалъ я о нихъ, которые вполнѣ убѣждены, что намъ же будетъ хуже, если сбавятъ часы работы и повысятъ плату. Фабрики и заводы тогда закроются и работы не будетъ.

— Я не занимаюсь рѣшеніемъ такихъ вопросовъ,—отвѣчала Анна Михайловна:—но я убѣждена, что чѣмъ лучше народу живется, тѣмъ и всѣмъ лучше. Чѣмъ рабочій зажиточнѣе, тѣмъ онъ больше покупаетъ, тѣмъ болѣе надо изготовлять разныхъ товаровъ, тѣмъ болѣе надо и рабочихъ рукъ.

— Вотъ, вотъ, именно, что и я говорю, — вскричалъ съ удовольствіемъ Шуманъ.

— И въ своихъ повѣстяхъ я учу тому же, чему учила и дѣтей, когда была гувернанткой — понимать жизнь рабочаго люда, жалѣть его, а по русски, на народномъ языкѣ: жалѣть значитъ любить,—заключила съ побѣдоносной убѣдительностью Анна Михайловна.

— Вы ужъ не обижайтесь на меня; мнѣ такъ странно показалось—вы изъ чужой страны.

— Такъ что жъ? Всѣ люди—братья,—въ голосъ сказали мы съ Аней.

— И фрейлейнъ Анна написала такую прекрасную — прекрасную повѣсть,—заговорила Адель, давно порывавшаяся вставить свое слово.—И добрая старая фрау прочитала мнѣ по нѣмецки съ русской книги. И тамъ какъ хорошо написано про крестянъ и деревню. И я вамъ разскажу все, Шуманъ, и вы увидите, какая писательница фрейлейнъ Анна.

— Хорошо, хорошо, воструха,—усмѣхнулся Шуманъ.— Вы поставили меня въ затруднительное положеніе, — обратился онъ къ Аннѣ Михайловнѣ.—Это въ первый разъ въ моей жизни, да и въ жизни всѣхъ фёрстерцевъ. До сихъ поръ рабочіе нашего округа помогали другъ другу въ бѣдѣ, а никто со стороны помощи не предлагалъ. Рабочіе—свой

братъ. Я беру твою помощь сегодня, потому что завтра самъ тебѣ помогу. А вы совсѣмъ изъ другого міра...

— Надѣюсь, я тоже изъ человѣческаго міра,—шутливо разсмѣялась Анна Михайловна и потомъ прибавила прочувствованнымъ тономъ:— Всѣ люди братья и, знаете, и вы мнѣ помогли, и Адель также помогла.

— Я? Чѣмъ?—съ удивленіемъ спросилъ Шуманъ.

— А я-то?—въ то же время вскричала Адель, широко раскрывъ глаза.

— Тѣмъ хорошимъ воспоминаніемъ, какое я унесу отсюда, тѣмъ хорошимъ дружескимъ чувствомъ, какое радуетъ меня въ эту минуту. А какъ все это дорого въ жизни!

— Ну, быть по вашему, переговорили вы меня,—улыбаясь, сдался Шуманъ.—Рискну за васъ выслушать отъ товарищей, что я поступилъ не по правиламъ.

— И никто слова не скажетъ, и всѣ поймутъ,—защебетала Адель.—Если взяли деньги за мою косу, такъ должны брать деньги и отъ русской писательницы. Мои вѣдь не трудовыя.

— Но дороже тебѣ трудовыхъ, Адельхенъ. Проплакала, вѣрно, всѣ глаза надъ своей косой,—пошутилъ Шуманъ.

— И совсѣмъ не проплакала, и волосы скоро отростутъ,— и Адаль тряхнула курчавой головой.

Шуманъ принесъ книгу, въ которую Адель и Анна Михайловна своей рукой вписали взносы. Съ полчаса мы еще бесѣдовали съ Шуманомъ о житьѣ фёрстерцевъ.

Шуманъ подъ конецъ нашей бесѣды видимо бодрился; мы догадались, что отнимаемъ время его привычнаго отдыха, который въ эту субботу былъ короткимъ, потому что ему надо было еще готовить отчеты къ завтрашнему собранію рабочихъ. Мы разстались, дружески пожавъ другъ другу руки, желая всего хорошаго и обѣщаясь видѣться, пока я и Аня останемся въ Линденбургѣ.

М. К. Николаева.

ЗА АТЛАНТИЧЕСКИМЪ ОКЕАНОМЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЛЮДВИГА КРЖИВИЦКАГО.

Переводъ съ польскаго **В. Чепинскаго.**

(Продолженіе *).

13 августа, выставка.

Зданіе, гдѣ расположилась рыбацкая выставка, дѣйствуетъ на меня крайне притягательнымъ образомъ. Груды жестянокъ самой разнообразной формы и величины, съ изображеніемъ раковъ, рыбъ и устрицъ; надъ павильонами и подъ аркадами портьеры изъ сѣтей въ нѣсколько тысячъ футовъ; цѣлыя батареи банокъ съ рыбьимъ жиромъ. Всѣ эти ящички и бочки, эта сушеная рыба, развѣшенная въ разныхъ мѣстахъ безъ всякаго покрова,—все это проникнуто не особенно пріятнымъ запахомъ тухлятины. И тѣмъ не менѣе, рыбацкое зданіе манитъ меня къ себѣ...

Это потому, что непріятные эти запахи скрываютъ за собою новую, хотя еще и не вполнѣ ясную сторону будущей исторіи человѣчества. Слѣдуетъ потолковать со спеціалистами, но не съ тѣми, что проводятъ жизнь свою гдѣ-то взаперти и не видятъ дальше своего носа, а съ тѣми, которые охватываютъ мыслью далекіе горизонты; слѣдуетъ порыться въ спеціальныхъ изданіяхъ, внимательно вглядѣться въ разные предметы, таблицы, фотографіи, находящіеся во дворцѣ рыбацкаго дѣла,—и водная стихія выступаетъ передъ вами въ совершенно иномъ видѣ. Бурное море приковывало къ себѣ воображеніе многихъ людей. Спокойный, тихій, но неумолкающій плескъ волнъ о берега воспламенялъ въ душѣ артиста самыя разнообразныя искры. Но никому не приходило въ голову, что рыба будетъ играть огромную роль въ исторіи человѣчества, а если эта мысль и зарождалась, то лишь въ такого рода мозгахъ, которые трезвый разсудокъ считаетъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1896 г.

подозрительными. Но вотъ пробилъ часъ суда исторіи, и нынѣшнее время возводитъ сумасшедшихъ на пьедесталъ пророковъ, а о трезвости отзывается иронически.

Относительно моря мы находимся еще въ положеніи дикарей—собираемъ лишь то, что милостиво предложила намъ природа, и притомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она соблаговолила развернуть передъ нами свои дары. Разумѣется, мы совершили огромный шагъ впередъ по сравненію съ тѣми покрытыми мракомъ временами, когда прабабушка наша стояла по поясъ въ водѣ, подстерегая морскую дичь, или когда нашъ пращуръ купался въ жиру трупа кита, котораго счастливая случайность выбросила на берегъ. У насъ есть паровыя машины для метанія гарпуновъ, мы проплываемъ сотни верстъ, отыскивая чудовища, живущія въ морѣ, мы усовершенствовали орудія ловли. Но на этомъ мы остановились и далѣе неидемъ. И, однако, медленно занимается заря другой эпохи. Въ головахъ начинаетъ бродить сознаніе, что и къ морю можно примѣнить ту же зоотехническую культуру, какую мы насаждаемъ въ нашихъ поляхъ, садахъ и хлѣвахъ. Спеціалисты съ мѣлкомъ въ рукѣ дѣлаютъ вычисленія, сколько корму можетъ дать морская пучина при раціональной культурѣ—культурѣ, возможной лишь въ томъ случаѣ, когда единая центральная длань, какъ выраженіе воли всего человѣчества, пришедшаго къ полному соглашенію подъ давленіемъ экономическихъ нуждъ, станетъ властвовать надъ водными пространствами и уничтожитъ полчища хищниковъ, носящихся въ настоящее время по поверхности морской стихіи. Существуетъ попытка доказать, что одинъ акръ моря можетъ прокормить въ десять разъ бо́льшее количество человѣческихъ существъ, чѣмъ такая же площадь суши. А если такъ, то до сколькихъ же милліардовъ можетъ возрасти населеніе нашей планеты? Морская стихія окажетъ еще и другого рода дѣйствіе. Черноземъ равнинъ Дакоты и Миннесоты даетъ, среднимъ числомъ, не больше 30 бушелей ржи съ акра (бушель—нѣсколько больше нашей мѣры); на экспериментальной земледѣльческой станціи въ Массачусетсѣ, благодаря раціональному удобренію, получено даже 73 бушеля съ акра при гораздо болѣе плохой почвѣ! Количество пропитанія, добываемаго изъ земли, зависитъ отъ удобренія; если мы будемъ имѣть возможность увеличить количество этого вспомогательнаго средства до какой угодно степени, то сборовъ окажется вполнѣ достаточно, чтобы прокормить самое многочисленное населеніе. Море же сдѣлается—во всякомъ случаѣ, можетъ сдѣлаться, неисчерпаемою сокровищницею удобренія. Начало подобной будущности мы уже теперь

можемъ видѣть на рыбацкой выставкѣ. Здѣсь нагромождены цѣлыя горы банокъ, наполненныхъ сѣрымъ порошкомъ. Это искусственное удобреніе изъ отбросовъ, которые до сихъ поръ гнили безъ всякой пользы, заражая окрестный воздухъ.

Еще кое-что другое притягиваетъ меня къ морю. Побывайте въ альпійскихъ долинахъ или въ деревняхъ шотландскихъ горцевъ Во что обратили ихъ нѣсколько вѣковъ цивилизаціи? Куда дѣвалось мужество и энергія жителей? Гдѣ гордые образы прирейнскихъ бюргеровъ или гусситскаго крестьянства? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, появилась книжка какого-то чеха. Я не помню ни имени автора, ни подробностей его произведенія. Но главная суть сохранилась у меня въ памяти. Современный пражскій мѣщанинишка воспрянулъ отъ сна, перенесясь на два вѣка назадъ, ко временамъ борьбы гусситовъ противъ нѣмцевъ-живодеровъ. Поразителенъ контрастъ между энергическою индивидуальностью гусситовъ и безцвѣтнымъ ничтожествомъ одного изъ представителей нынѣшней эпохи, созданнаго по общему шаблону, запечатлѣннаго общимъ духовнымъ штемпелемъ. Духовный и физіологическій оппортюнизмъ, оппортюнизмъ чувства и оппортюнизмъ мысли, а въ глубинѣ души нравственныя понятія жирной колбасницы, какую Зола изобразилъ въ своемъ «Брюхѣ Парижа»...

Но море — не суша, это стихія совершенно иного характера. Въ различныхъ отдѣленіяхъ рыбацкаго зданія разложены утлыя ладьи. Это жалкія скорлупки, особенно, когда при сильномъ вѣтрѣ волны начнутъ громоздиться на волны, а прибой станетъ издавать все болѣе и болѣе мощные тоны. Но въ такой скорлупкѣ человѣкъ проникаетъ далеко въ глубь водной пустыни. Жизнь рыбака полна неизвѣстности и вѣроломства. Разглядываю съ любопытствомъ портреты приморскихъ рыбаковъ. Энергія такъ и брыжжетъ изъ каждой складки на челѣ, отражается въ каждой чертѣ лица. Спокойствіе, мужество, вѣра въ свои собственныя силы! Тщетно стали бы мы искать такой мощной индивидуальности среди парижской бульварной толпы. Десять вѣковъ осѣдлой жизни стерли съ рыбаковъ прежнюю кровожадность викинговъ, но не уничтожили въ нихъ энергіи, не сокрушили ихъ силы. Они живутъ, богатые своимъ собственнымъ «я», живутъ не какъ продукты общественной фабрики, вырабатывающей въ своей мастерской все на одинъ и тотъ же ладъ, а какъ существа, которыя все сами въ себѣ переварили и создали себѣ собственную философію жизни — раціональную, нѣтъ ли, это не важно. Не удивительно, что по мѣрѣ того, какъ шаблонность становится все болѣе отталкивающей, а индивидуальность грозитъ исчезнуть,

богатыя золотомъ страны Европы обращаются къ бѣдной Скандинавіи, ища тамъ твореній оригинальнаго духа...

Въ Массачусетсѣ есть рыбацкое поселеніе Глоусестеръ (Gloucester). Съ прадѣдовскихъ временъ существуетъ оно рыбной ловлей. Въ немъ каждое біеніе пульса жизни срослось съ вѣроломной стихіей; ребенокъ съ дѣтства привыкаетъ смотрѣть на океанъ, какъ на вторую родину; старецъ, когда силы покидаютъ его, проводитъ цѣлые дни, глядя съ любовью на близкую его сердцу пучину, которая служитъ мѣстомъ вѣчнаго успокоенія для многихъ дорогихъ ему существъ. Вѣдь ежегодно поглощаетъ она около сотни жителей Глоусестера!

Глоусестеръ выставилъ цѣлый павильонъ въ рыбацкомъ зданіи. Онъ прислалъ модели шкунъ за два послѣднихъ столѣтія изобразилъ современную технику сушенія рыбы и упаковки, а на колоннахъ, окружающихъ павильонъ, изложилъ свою исторію, современное состояніе гигіены, экономическія отношенія. Населеніе его, живущее моремъ, свыкшееся съ ревомъ бури и съ содроганіями водной стихіи, отличается исключительнымъ здоровьемъ. А въ этомъ здоровомъ человѣческомъ тѣлѣ обитаетъ, надо полагать, мощный духъ. Я вообще не вѣрю въ геройство дохлыхъ людей, если только это не истеричныя натуры, обладающія въ моменты возбужденія напряженной, но кратковременной энергіей. На колоннѣ записанъ разсказъ объ историческихъ дѣяніяхъ поселенія. Вотъ нѣсколько подробностей изъ этой таблицы. Во время борьбы съ метрополіей отъ 1775—1782 гг. городъ выслалъ два отряда войска; изъ жителей его 225 человѣкъ служило въ сухопутной арміи и множество во флотѣ или на военныхъ корабляхъ, снаряженныхъ частными лицами. Въ то время погибло около 400 мужчинъ, и послѣ войны пятая часть населенія существовала только благодаря общественной поддержкѣ. Война за освобожденіе рабовъ увлекла изъ Глоусестера 1.504 человѣка. Въ настоящее время въ рыбацкомъ городѣ огромное количество школъ, рыбаки живутъ въ домахъ, напоминающихъ собою виллы, у нихъ есть библіотеки, которымъ можетъ позавидовать не одинъ европейскій городъ съ стотысячнымъ населеніемъ, но, какъ и въ старину, рыбаки живутъ моремъ, отправляются на ловлю, переносятъ труды и опасности.

Чрезвычайно интересны также экономическія отношенія. Они представляютъ остатки отдаленнаго, покрытаго мракомъ прошлаго, сохранившіяся не смотря на всякія перипетіи эволюціоннаго урагана. Глоусестерская кооперація образовалась изъ стародавней артели, какую мы встрѣчаемъ повсюду на разсвѣтѣ

свободной конкурренціи. Старинныя книги разсказываютъ объ ея жизни съ 1624 года, излагая свой разсказъ простымъ языкомъ, безъ всякихъ восторговъ, ибо тогда не наступили еще тѣ времена, когда мудрецы удивляются, что не всегда и не вездѣ человѣкъ былъ волкомъ для человѣка. Партія рыбаковъ отправлялась въ море на чужомъ кораблѣ, и то, что она добывала, потомъ дѣлилось на три равныя части. Одну часть бралъ себѣ владѣлецъ корабля, который, кромѣ того, поставлялъ еще матросовъ; вторую часть получали купцы въ обмѣнъ за канаты, соль и другіе необходимые предметы; наконецъ, третья часть доставалась рыбакамъ и дѣлилась между ними. Двѣсти слишкомъ лѣтъ произвели небольшой проломъ въ этомъ обычаѣ. Въ одномъ только отношеніи произошла перемѣна: владѣлецъ получаетъ теперь половину всей добычи, такъ какъ увеличились расходы на постройку и содержаніе шкуны. Остальное продаетъ партія рыбаковъ и, отбросивъ общіе расходы, дѣлитъ между собою выручку пропорціонально количеству труда, потраченнаго отдѣльными членами. Старинная солидарность оказала сопротивленіе зубамъ взаимной конкурренціи, но долго ли она еще продержится или, лучше сказать, будетъ ли она и впредь, какъ была въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, основаніемъ зажиточности рыбаковъ? Что дѣльная и закаленная индивидуальность будетъ упорно сохранять вѣрность стариннымъ обычаямъ—это не подлежитъ сомнѣнію; но не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что зажиточности и благосостоянію ея грозитъ опасность со стороны торговыхъ посредниковъ. Прошли тѣ прадѣдовскія времена, когда условія сбыта отличались крайней простотой. Въ настоящее время они видоизмѣнились. Въ зависимости отъ могущественныхъ силъ, управляющихъ рынкомъ, возникли также крупныя фирмы, играющія роль посредниковъ между рыбакомъ и покупателемъ, обладающія волчьимъ аппетитомъ по отношенію къ чужой крови, а также сильными когтями. Пусть только усилится еще конкурренція между разными частями земного шара въ сферѣ рыболовства—а выростаетъ она быстро—пусть при дальнѣйшемъ своемъ развитіи она создастъ кризисы и перепроизводство—и участь рыбаковъ будетъ рѣшена. Бури морскія не съѣли мощи ихъ духа; напротивъ, онѣ еще укрѣпили эту мощь, но пожретъ ее съ виду безобидная и мирная логика экономической эволюціи...

Самые разнообразные уголки земного шара выступили съ моделями различныхъ предпріятій, связанныхъ съ рыболовствомъ. Канада дала образецъ цѣлаго населенія, основаннаго акціонернымъ капиталомъ,—съ сушильнями, коптильнями, заводами для

изготовленія масла. Бостонъ выставилъ модели своихъ фабрикъ. Особенно отличилось въ этомъ отношеніи побережье Тихаго Океана, приславъ огромное количество видовъ различныхъ своихъ учрежденій. Въ рыбацкомъ дворцѣ крупный капиталъ торжественно празднуетъ свои успѣхи въ области рыболовства. Создаются невѣдомые доселѣ техническіе образцы и своимъ появленіемъ возвѣщаютъ наступленіе новой эры. Въ Австраліи и на островахъ Норвегіи, на водахъ Орегона и Гудзонова залива—вездѣ селятся представители крупной промышленности, воздвигаютъ фабрики и виллы въ пустынныхъ мѣстностяхъ, которыя до сихъ поръ посѣщались лишь ураганами да дикими птицами, высылаютъ въ свѣтъ сотни тысячъ жестянокъ, извлекаютъ выгоду изъ всякихъ отбросовъ, которые прежде сваливались куда-нибудь въ уголъ. Интересно наблюдать это нашествіе техники въ область человѣческой дѣятельности, до сихъ поръ остававшейся въ сторонѣ. Возникаютъ спеціальныя рыбацкія школы. Сама наука, какъ это обыкновенно бываетъ, быстро развивается подъ вліяніемъ капитала. Послѣднее десятилѣтіе сдѣлало больше для знакомства съ морской наукой, чѣмъ нѣсколько предшествовавшихъ ему десятилѣтій. Государства заводятъ у себя рыбацкіе департаменты съ экспериментальными станціями и дѣлаютъ первыя попытки обуздать хищничество, совершающееся надъ морской стихіей. Рыбацкій дворецъ, быть можетъ, многихъ испугаетъ грудами коробокъ и запахомъ рыбьяго жиру, но, какъ бы то ни было, это гораздо болѣе интересный отдѣлъ выставки, чѣмъ подозрительные танцы персидскихъ шансонистокъ или чудеса вродѣ дьявольской мельницы.

14-го августа, Чикаго, педагогическая выставка.

На стѣнѣ огромная карта Соединенныхъ Штатовъ, испещренная красными точечками. Особенно густо расположились онѣ въ углу между Атлантическимъ океаномъ и сѣтью большихъ озеръ. Это организація самообразованія подъ руководствомъ чотокуанскаго комитета. На полкахъ книжки, изданныя для самоучекъ, на столикахъ ежемѣсячный журналъ апостоловъ просвѣщенія, правила, описанія, наконецъ, рекламы—безъ этой приправы немыслимо обойтись въ Новомъ Свѣтѣ. На одномъ изъ столовъ альбомы съ фотографическими снимками. Это сцены изъ лѣтняго табора-университета: общія прогулки, виды островковъ, зданій, разные ландшафты, даже флирты на берегу ручья. Каждая мелочь дышитъ здѣсь силою и оригинальностью. Гдѣ-то на берегу небольшого озера Чотокуа (Chautauqua) въ лѣтнюю пору собираются алчущіе знанія. Въ вакаціонномъ колледжѣ читаются лекціи, раз-

считанныя на то, чтобы въ какихъ-нибудь двѣ недѣли слушатель получилъ законченное представленіе о данномъ предметѣ. Тамъ имѣются отдѣленія: латинское и греческое, нѣмецкое и французское, физическое и химическое, біологическое и геологическое, психологическое и математическое, историческое и экономическое. Разсматривая программы нѣкоторыхъ изъ нихъ, я прихожу въ восхищеніе отъ дѣльности изложенія, а порой и отъ методовъ. Рядомъ съ колледжемъ, если не выше его, мы должны поставить «Институтъ священной литературы» или, по-просту, теологическую академію на современный ладъ, гдѣ занятія ведутся въ духѣ американскаго сектантства.

Но колледжъ и институтъ священной литературы составляютъ лишь часть школъ, раскрывающихъ лѣтомъ двери свои на берегу озера. Тамъ имѣется еще множество спеціальныхъ заведеній: консерваторія обучаетъ музыкѣ, юридическая школа воспитываетъ юристовъ, торговая—бухгалтеровъ, артистическія школы учатъ рисованію, рѣзьбѣ, лѣпкѣ, декламаторскія—выпускаютъ ораторовъ, фотографическія—фотографовъ.

За небольшую плату небогатый человѣкъ имѣетъ возможность познакомиться съ различными отраслями знанія, и притомъ на свѣжемъ воздухѣ. Устройство такого лѣтняго университета, систематически и въ сжатомъ видѣ излагающаго науку,—дѣло полезное уже само по себѣ. Но лѣтнія лекціи составляютъ лишь часть дѣятельности чотокуанскаго общества.

Съ послѣднимъ днемъ августа, когда *Chautauqua Assembly* заканчиваетъ свои лекціи, и весь собравшійся сюда людъ разъѣзжается, для администраціи наступаетъ вовсе не часъ отдыха, а пора тяжелой и кропотливой работы, по сравненію съ которой многочисленныя лѣтнія занятія кажутся игрушкой. Комитетъ руководитъ образованіемъ на лонѣ семьи или въ уединеніи частнаго жилища, приходя на помощь лицамъ, которыя, по недостатку времени или по какимъ-либо другимъ причинамъ, не могутъ посѣщать заведеній и, тѣмъ не менѣе, желаютъ чему-нибудь научиться. А такихъ лицъ въ Америкѣ великое множество. Тамъ много людей честолюбивыхъ, но обладающихъ не тѣмъ болѣзненнымъ и истерическимъ честолюбіемъ, которое надѣваетъ на себя фальшивую маску—благо есть наивные люди, всегда готовые принять позолоту за чистое золото. За конторкою въ магазинѣ или въ маленькой лавчонкѣ, на фабрикѣ и на кухнѣ—даже на свѣжей нови, подъ кровлей мелкаго фермера, по нашему мужика,—всегда найдутся люди, желающіе нѣсколько углубиться въ тайны окружающей природы, выяснить себѣ общественные вопросы, усвоить теорію того

дѣла, которымъ приходится имъ заниматься. Одинъ, прикованный къ своему захолустью, лишенъ возможности получать какія бы то ни было указанія; другой, хотя и находится въ болѣе оживленномъ мѣстѣ, но такъ заваленъ работой, что едва одинъ часъ въ день можетъ удѣлять на свое умственное развитіе. И вотъ, комитетъ чотокуанскаго общества заботливо и ревностно спѣшитъ на помощь этимъ самоучкамъ, принимая во вниманіе и тѣ условія, при которыхъ они стремятся къ знанію. Онъ составилъ систематическіе курсы самообразованія, требующіе двухлѣтняго труда, причемъ заниматься приходится по получасу, а иной разъ по часу въ день. Онъ вступилъ въ сношенія съ извѣстными учеными и поручилъ имъ составленіе необходимыхъ руководствъ, а также съ издательскими фирмами, у которыхъ беретъ на коммиссію особенно важныя для самообразованія книги и облегчаетъ самоучкамъ покупку ихъ, понижая ихъ цѣну. Онъ опубликовалъ «силлабусы» (нѣчто вродѣ печатныхъ указателей къ занятіямъ общеобразовательнаго характера); онъ издаетъ ежемѣсячный журналъ, дающій здоровый матеріалъ для чтенія; составилъ меморандумы—особыя записныя книжки для каждаго изъ предлагаемыхъ научныхъ сочиненій—куда самоучка вписываетъ вкратцѣ прочитанное, такъ что въ концѣ концовъ получаетъ превосходный конспектъ того, чему онъ научился; посторонній же читатель можетъ по этимъ записямъ судить, извлекъ ли занимавшійся пользу изъ книги и насколько онъ понялъ автора. Въ колледжѣ комитетъ устроилъ систематическіе курсы, которые каждый можетъ проходить и у себя дома: уплативъ извѣстную, очень незначительную сумму денегъ, каждый самоучка получаетъ схемы, изучаетъ по нимъ предметъ и, выполняя предлагаемыя работы, разъ десять и болѣе отправляетъ ихъ въ «бюро корреспонденціи», которое разрѣшаетъ его сомнѣнія, даетъ ему указанія, ставитъ ученику на видъ слабыя его стороны.

Но работа въ одиночку не всегда бываетъ производительна, и иной разъ она обходится слишкомъ дорого. Главный комитетъ, по крайней мѣрѣ, держится того мнѣнія, что отдѣльное лицо, пуская въ ходъ только свои собственныя силы, никогда не достигнетъ тѣхъ результатовъ, какихъ могло бы достигнуть, работая заодно съ другими, стремящимися къ той же цѣли. Кружки вызываютъ обмѣнъ мыслей и столкновеніе различныхъ взглядовъ между участвующими, устраняютъ ложные выводы изъ прочитаннаго, научаютъ защищать свое мнѣніе, даютъ возможность, благодаря общимъ взносамъ, пользоваться библіотекой, лабораторіей и даже платить за лекціи. Вотъ какія соображенія заставляютъ

администрацію комитета усердно разыскивать апостоловъ чотокуанской идеи въ различныхъ уголкахъ Соединенныхъ Штатовъ и поручать имъ составленіе союзовъ участниковъ самообразованія. Дѣлается это чисто американскимъ способомъ. Учитель, проникнутый чотокуанскими идеями, мѣстный проповѣдникъ или публицистъ, созываютъ митингъ, излагаютъ на немъ цѣли самообразованія, составляютъ мѣстный комитетъ, который вступаетъ въ сношенія съ центральнымъ, и, такимъ образомъ, вызываютъ въ населеніи даннаго города интересъ къ этому дѣлу. Образуются кружки, составляются небольшія библіотеки, пріѣзжаетъ кто-нибудь изъ профессоровъ и за незначительную плату въ двухъ-трехъ лекціяхъ излагаетъ основныя положенія той или другой отрасли знанія, и тогда чотокуанское движеніе сливается съ другимъ, еще болѣе обширнымъ, а именно съ демократизаціей университетскаго образованія. Члены кружковъ собираются для развлеченій, устраиваютъ экскурсіи и во имя просвѣщенія соединяются въ товарищескую группу, которая сообща учится и сообща веселится.

Вотъ внѣшній скелетъ, разумѣется, дающій понятіе о дѣйствительности лишь настолько, насколько всякая столь же сухая схема можетъ познакомить съ тою разноцвѣтностью и подвижностью, какія скрываются подъ нею. Небольшая брошюра, пріобрѣтенная нами, отчасти облекаетъ этотъ скелетъ мускулами. Тамъ мы находимъ письма самоучекъ съ изъявленіями благодарности за оказанную имъ помощь. Письма эти исходятъ изъ самыхъ разнообразныхъ уголковъ и принадлежатъ лицамъ, находящимся въ крайне различныхъ условіяхъ. Кто-то, заброшенный судьбою въ самыя дебри Амазонки, пишетъ: «Я прочелъ ваши шесть книжекъ, когда, сидя на гигантской скалѣ, при сліяніи рѣкъ Ріо-Негро и Ріо-Бьянко, среди Андовъ, на много миль кругомъ не имѣлъ другого сосѣдства, кромѣ хижины бѣдняка-индѣйца. Какою манною небесной является Чотокуа для лицъ, заброшенныхъ въ такую трущобу, лишь на половину цивилизованную!» «Я мать восьмерыхъ дѣтей», — такъ начинаетъ изъявленіе своей благодарности одна американка: «въ теченіе четырехъ лѣтъ я работала надъ прохожденіемъ курса, насколько это позволяли мнѣ обстоятельства. Я не была бы тѣмъ, что я представляю собою теперь, если бы подъ вашимъ руководствомъ не обратила моихъ мыслей къ чему-то высшему, чѣмъ заботы повседневной жизни!» «Когда я началъ кое-что зарабатывать, — исповѣдуется одинъ юноша, — то рѣшилъ откладывать на покупку книгъ тѣ деньги, которыя уходили на табакъ. Одинъ человѣкъ сообщилъ мнѣ о суще-

ствованіи Чотокуа, и я безконечно благодаренъ ему за то, что онъ внесъ въ мою жизнь еще новый источникъ радости». Нашлись и энтузіасты, особенно среди духовныхъ лицъ, которые внесли въ армію и въ нѣдра тюремъ слово, впервые высказанное въ Чотокуа. Одинъ такой энтузіастъ разсказываетъ слѣдующее о результатахъ своей пропаганды: «По ночамъ я посѣщаю тюремныя камеры. Узники сидятъ вокругъ столиковъ, имѣя передъ собою книжки и бумагу. Они забрасывиютъ меня градомъ вопросовъ. Чотокуанская система образованія направила ихъ мысли въ другую сторону и развила въ нихъ вкусъ къ чтенію. Иные откровенно сознаются, что прежде имъ не приходилось читать ничего порядочнаго. Чтеніе же лучшихъ вещей наводитъ на лучшія мысли, а лучшія мысли, во всякомъ случаѣ, вызываютъ стремленіе къ лучшей жизни». Если вѣрить статистикѣ общества—а не вѣрить ей невозможно—то оказывается, что болѣе 200 тысячъ самоучекъ пользовались его указаніями, считая съ 1878 года. Спрашивается, можетъ ли все множество нѣмецкихъ университетовъ похвалиться подобными же плодами своего труда за то же время? Не забывайте также, что въ этой учащейся толпѣ нѣтъ карьеристовъ, пріобрѣтающихъ лишь поверхностныя знанія, чтобы пускать пыль въ глаза легковѣрнымъ, и что американское самообразованіе удовлетворяетъ одной лишь жаждѣ знанія, и ничему болѣе.

Вотъ какова чотокуанская организація! Вышеупомянутая карта съ красными точечками—это статистика домашнихъ кружковъ и кружковъ съ цѣлью самообразованія! Я подолгу засиживаюсь въ этомъ павильонѣ, вступаю въ бесѣду съ дежурными *miss*'ами и выслушиваю ихъ совѣты поскорѣе побывать въ таборѣ на берегу озера, который скоро снимется съ мѣста; мнѣ нравится также присматриваться къ пропагандѣ просвѣщенія, какую онѣ предпринимаютъ среди этого непрерывнаго потока человѣческихъ головъ. Сегодня даже, измученный выставкой, я бѣжалъ сюда, чтобы отдохнуть, усѣлся въ кресло и наблюдаю. Кипы свертковъ бумаги и описаній на моихъ глазахъ исчезли со стола—*miss* суетъ ихъ всякому проходящему. Кто-то распрашиваетъ о подробностяхъ: моя проповѣдница, съ разрумянившимся лицомъ, показываетъ альбомы, разъясняетъ карту, суетъ описанія...

18-го августа, Чикаго, «City».

Передо мною кипа газетъ изъ разныхъ мѣстностей, по крайней мѣрѣ, въ два фута толщиною. Собираю ихъ, стараясь набрать достаточное количество этого рода документовъ заморской газетной психологіи.

Пыль, толстымъ слоемъ покрывающая заполненный печатью листъ бумаги, нисколько не увеличила его прелести,—за то ярче выставила на показъ его тлѣнность. Издатели знаютъ напередъ, что газетныя простыни непремѣнно очутятся въ мусорной кучѣ, и считаютъ такую участь своего товара самою заслуженной; поэтому, не претендуя на вѣчность, они берутъ самые плохіе сорта бумаги, которая теперь уже, пролежавъ въ углу нѣсколько недѣль, расползается между пальцами. Напрасно стали бы вы искать въ американской газетѣ желанія придать хоть внѣшній пріятный видъ фабрикуемой ими умственной кашѣ! Глазъ, привыкшій къ европейскимъ образцамъ, съ трудомъ мирится съ подобнымъ неряшествомъ. Американскій газетчикъ, зашибающій деньгу, совершенно порвалъ съ эстетикой. То же самое видимъ мы и въ другихъ отрасляхъ производства. Самыя крупныя фабрики представляютъ сборище убогихъ хижинъ, гдѣ лѣстницы и мостки еле держатся подъ тяжестью, а конторы, дѣлающія милліонные обороты, ютятся иногда въ простомъ сараѣ. Тотъ же принципъ царитъ и въ сферѣ газетнаго гешефта. Въ каждой строкѣ сквозитъ желаніе поскорѣе огласить то или другое происшествіе- благодаря такой поспѣшности, крупный и мелкій шрифтъ пере; плетаются безъ всякой гармоніи, столбцы не одинаковыхъ размѣровъ, статья иной разъ вдругъ обрывается, и продолженіе ея выплываетъ лишь черезъ нѣсколько страницъ.

Размѣры газетъ поистинѣ изумительны! Нѣсколько огромныхъ простынь бумаги въ каждодневномъ потокѣ жизни, десять и болѣе—въ еженедѣльномъ,—вотъ какова американская газета въ болѣе крупныхъ центрахъ. *Herald*, одинъ изъ самыхъ распространенныхъ органовъ въ Чикаго, если бы печатать его въ видѣ книжки, составилъ бы въ будничномъ изданіи брошюру въ восемь листовъ, въ праздничномъ — листовъ въ двадцать. Я напираю именно на эту сторону газеты, ибо, по моему, это оказываетъ весьма вредное вліяніе на умственное состояніе страны. Можетъ быть, нигдѣ такъ ярко не обнаруживается та истина, что ежедневная печать—врагъ болѣе глубокой интеллигентности, что она, словно ядъ, притупляетъ болѣе широкіе умственные запросы. Многимъ, принимающимъ за чистую монету гимны о цивилизаторской роли газетъ, такое сужденіе можетъ показаться, по меньшей мѣрѣ, дикимъ, но, къ несчастью, оно справедливо.

И въ самомъ дѣлѣ, чтó такое въ сущности амераканская газета? Я перебралъ одинъ за другимъ нѣсколько сотъ нумеровъ самыхъ разнообразныхъ органовъ и вездѣ встрѣтилъ одинаковое отсутствіе умственной пищи. Обыкновенно газета начинается съ

вступительной статьи о самомъ крупномъ скандалѣ даннаго момента; статья составлена такъ, чтобы по возможности сильнѣе дѣйствовать на нервы, и украшена множествомъ рисунковъ—американскія газеты всѣ съ илюстраціями, и репортеръ, кромѣ всего прочаго, долженъ еще быть рисовальщикомъ. Сегодня такимъ выдающимся скандаломъ является извѣстіе о разводѣ, заглавіе жирнымъ шрифтомъ различнаго формата указываетъ на разныя фазы даннаго происшествія; завтра говорится о нападеніи разбойниковъ на желѣзную дорогу или о крупной кражѣ. И такая-то ходячая сплетня, вмѣстѣ съ объявленіями, наполняетъ два или нѣсколько книжныхъ листовъ! Иной разъ вносится нѣкоторое разнообразіе разсмотрѣніемъ какого-нибудь вопроса внутренней политики, но вопросъ этотъ почти совсѣмъ исчезаетъ среди наводненія разводовъ, пожаровъ, спорта, да къ тому же онъ также не вполнѣ свободенъ отъ характера сплетни. Даже повѣстей нѣтъ, ибо это не согласуется съ «злобой дня»; фельетонъ также улетучился, ибо газетой всецѣло завладѣлъ репортеръ. Мысль потонула въ потокѣ сплетенъ, умственныя потребности удовлетворяются разсказомъ о скандалахъ и ежедневныхъ событіяхъ, репортеръ поглотилъ публициста...

Чтобы уничтожить такое блюдо, требуется часъ времени или болѣе. Проглотивъ подобную порцію, читатель не способенъ переваривать ничего другого— довольно съ него печатнаго слова! А такое блюдо и съ такимъ же результатомъ американецъ въ теченіе всей своей жизни съѣдаетъ каждый день. Постепенно онъ привыкаетъ къ этому блюду такъ, что всякія другія перестаютъ ему нравиться, тѣмъ болѣе, что издатель держитъ поваровъ, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы приправлять это блюдо сообразно со вкусомъ читателей. Странное дѣло! нигдѣ не встрѣчалъ я такого пристрастія къ газетѣ и въ то же время такого равнодушія къ книжкѣ! Книжныхъ магазиновъ приходится искать въ Чикаго съ фонаремъ въ рукахъ—такъ они тамъ рѣдки; гуляя по Краковскому предмѣстью и по Новому Свѣту *), вы больше увидите витринъ съ книжками, чѣмъ во всемъ городѣ выставки. Есть американцы, ежедневно читающіе газету, которые, однако, во всю свою жизнь не купили ни одной книжки! Книга въ американскомъ дѣлѣ—рѣдкость: разумѣется, я говорю о крупныхъ массахъ населенія. Я спрашивалъ мою хозяйку, ежедневно посвящающую цѣлый часъ на чтеніе газеты, есть-ли у нея книги? За исключеніемъ школьныхъ руко-

---

*) Кварталы въ Варшавѣ.

водствъ, она никогда не покупала этого товара и не слышала, чтобы это дѣлалъ кто-нибудь изъ ея знакомыхъ! Сплетня, отпечатанная и воплощенная въ газетѣ—это язва, въ зародышѣ убивающая болѣе глубокія умственныя потребности. Эта бумага, столь ничтожная по своему качеству, должна была бы оказывать и вліяніе ничтожное. Но въ то время, какъ матеріалъ въ нѣсколько мѣсяцевъ сгниваетъ и разсыпается въ прахъ, ядъ капля по каплѣ проникаетъ въ мозгъ, утверждается тамъ и заглушаетъ болѣе серьезныя стремленія *).

20 августа, Чикаго, выставка.

Я все болѣе и болѣе прихожу въ восхищеніе отъ школьнаго дѣла въ Америкѣ. Только-что вышелъ изъ зданія штата Вашингтонъ. Школьный секретарь, замѣтивъ, что кто-то вертится между грудами тетрадей и упражненій, такъ расчувствовался при видѣ такого интереса, что снабдилъ меня образцами сочиненій и сборниковъ, продержалъ часа два и радъ былъ бы еще долѣе не выпускать меня изъ своихъ когтей, если бы не наступилъ часъ закрытія зданія.

---

*) Почтенный авторъ, видимо, противорѣчитъ себѣ. Только-что онъ описалъ почти восторженно глубокое демократическое, слѣд., массовое стремленіе къ знанію въ странѣ, гдѣ столь порицаемая имъ «газета» имѣетъ громадное распространеніе. Не очевидно-ли, что «газета» вовсе не «заглушаетъ болѣе серьезныхъ стремленій»? Скорѣе напротивъ, именно благодаря газетѣ, эти стремленія получили въ Соед. Штатахъ характеръ не единичнаго, много—кружковаго явленія, а вполнѣ народнаго, т. е. всеобщаго. Газета сотнями милліоновъ своихъ листовъ разнесла идею народнаго университета по странѣ и явилась главнымъ, самымъ могучимъ, краснорѣчивымъ и страстнымъ «апостоломъ» Чотокуанскаго комитета. Тотъ специфическій «тлетворный ядъ», который заставляетъ автора быть несправедливымъ къ газетѣ, заключается не въ послѣдней, а въ жизни, отраженіемъ которой является газета въ Америкѣ. Благодаря широкой, безусловной гласности, это отраженіе жизни въ газетѣ нигдѣ не является болѣе полнымъ, чѣмъ въ Соедин. Штатахъ. Это поражаетъ европейца, особенно русскаго или поляка, привыкшаго сплетничать подъ сурдинку, вслѣдствіе чего сплетня,—эта царица дня, по мѣткому опредѣленію поэта,—получаетъ у насъ несравненно болѣе ядовитый оттѣнокъ. Съ американской сплетней можно бороться тѣмъ же путемъ, какимъ она распространяется, т. е. путемъ гласности. Съ нашей сплетней нельзя бороться ничѣмъ. Она неуязвима, ибо безлична и безгласна. Не убѣдителенъ также примѣръ автора, доказывающій, будто газета вытѣсняетъ книгу. Въ тѣхъ же Штатахъ нѣтъ города, нѣтъ общины, гдѣ бы не было общественной библіотеки, и, напр., въ Чикаго выдается изъ библіотеки ежегодно около полутора милліона книгъ. А по числу печатающихся книгъ Соед. Штаты стоятъ впереди всѣхъ странъ (см. Тверской «Очерки Сѣверо-Американскихъ Штатовъ»; также книга г. Рубакина «Этюды о читающей публики»).

Прим. ред.

Въ каждой тетради, разложенной на пюпитрѣ, въ каждомъ сочиненіи, привѣшенномъ къ стѣнѣ, виденъ методъ нагляднаго обученія. Съ наглядностью неразрывно соединено стремленіе дать ученикамъ возможность переварить какъ можно больше такихъ свѣдѣній, которыя расширяли бы ихъ умственные горизонты и выработали бы изъ нихъ дѣльныхъ гражданъ страны. Съ всеобщей исторіей, алгеброй, древними языками мальчикъ или дѣвочка знакомятся, лишь попавъ въ высшую школу, т. е. достигнувъ возраста 14-ти лѣтъ или болѣе. За то, во время своего пребыванія въ низшей школѣ, они знакомятся со своею родиной, съ ея природой и исторіей, съ человѣческою жизнью, съ ея физіологическою стороною и съ анатоміей; знакомятся съ основами гигіены и конституціи (разумѣется, органической); учатся смотрѣть на природу болѣе разумными глазами. Рука ученика постоянно упражняется на рисункахъ, и онъ научается передавать на бумагѣ все то, что его интересуетъ. Зоологія, ботаника, физіологія и даже исторія и стилистическія упражненія—все это лекціи приспособленнаго къ извѣстной цѣли рисованія! Возьмемъ, напр., ботанику. Система состоитъ въ томъ, что въ теченіе школьнаго года ученикъ долженъ собрать опредѣленное количество образцовъ растеній, характерныхъ для отдѣльныхъ семействъ. Онъ описываетъ своими словами признаки цвѣтка, тычинокъ, стебля: рисуетъ самый цвѣтокъ и составныя его части, изображаетъ форму листьевъ, а рядомъ наклеиваетъ самое растеніе, искуснымъ образомъ засушенное. Кромѣ того, онъ приводитъ еще подробности о томъ, въ какихъ условіяхъ нашелъ это растеніе, и иной разъ подобное описаніе хватаетъ за сердце своею искренностью. «Этотъ цвѣтокъ я получила отъ Лоры, которой подарилъ его возлюбленный ея другъ. Поэтому цвѣтокъ, когда былъ живой, вѣрно былъ замѣчательно красивъ!»—говоритъ въ біографіи растенія одна ученица, раскрывая, можетъ быть, такимъ образомъ великую тайну своей тринадцатилѣтней подруги. Зоологія — это наука рисованія главныхъ типовъ живыхъ существъ. Каждый типъ изображается на бумагѣ сначала въ отдѣльныхъ частяхъ, а затѣмъ въ схематическомъ сѣченіи. Минералогія состоитъ въ описаніи того, откуда происходятъ различные камни и въ какомъ состояніи они находятся въ природѣ. А физіологическія схемы? Не знаю, многіе ли изъ студентовъ сумѣли бы такъ хорошо изобразить на рисункѣ различные органы и отправленія человѣка, какъ дѣлаетъ это четырнадцатилѣтній мальчуганъ въ вашингтонскихъ школахъ. Схемы эти разнообразны: однѣ изображаютъ кровообращеніе, другія—устройство нервной системы съ завися-

щими отъ нея мускулами и ихъ прикрѣпленіями. Есть даже схемы, изображающія біеніе пульса при нормальномъ состояніи, а также нарушенія въ его біеніи подъ вліяніемъ алкоголя или никотина. Иногда къ рисованію школа присоединяетъ изготовленіе моделей изъ глины. Я видѣлъ рельефное изображеніе поверхности штата Вашингтонъ, сдѣланное 14-ти-лѣтними учениками. Особенно поразила меня модель города Ситль (Seatle), изготовленная учениками. Сколько труда надо было потратить на такое изображеніе каждаго зданія, каждаго моста при такомъ постоянномъ соблюденіи масштаба!

При изложеніи все, что только возможно, замѣняется рисунками. Географія, естественныя науки, — все это упражненія въ рисованіи. А уроки собственно рисованія обращаются въ обученіе изображать карандашомъ прелести природы. Наши вырѣзыванія, вышиванія, рисунки фребелевскихъ школъ — все это за моремъ является цѣлесообразными уроками рисованія, которое захватываетъ все болѣе и болѣе широкія области по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся выше по ступенямъ школьной лѣстницы.

21 августа, Чикаго, «City».

Американская чужбина оказываетъ удивительное дѣйствіе на переселенцевъ. Покинувъ родную землю, пришлецъ разстается и съ уваженіемъ къ общественному мнѣнію. Онъ пріѣхалъ въ Америку, чтобы сколотить себѣ состояніе — это его единственная цѣль и исключительная задача. Мѣстный зашибатель деньги, явившійся на свѣтъ на американской почвѣ и связанный съ нею узами родства, дружбы или знакомства, еще чувствуетъ нѣкоторое стѣсненіе — его все-таки что-то связываетъ и обезсиливаетъ; но пришлецъ, переѣхавъ Атлантическій океанъ, уже этимъ самымъ сжегъ за собою всѣ мосты, и вотъ всѣмъ существомъ его овладѣваетъ волчій аппетитъ къ наживѣ, и всѣ пути кажутся ему хорошими, если только они ведутъ къ этой цѣли. «Порядочность» онъ вычеркиваетъ изъ своего лексикона, онъ цѣнитъ только «умъ», разумѣется, умъ гешефтмахерскій, умѣющій центъ переплавить въ долларъ.

Въ этомъ отношеніи польскія колоніи въ Америкѣ представляютъ благодарное, хотя и весьма печальное поле для изученя. Нашъ соотечественникъ подвергается за моремъ такимъ превращеніямъ, для одного перечня которыхъ мнѣ понадобилась бы воловья шкура *). Бывшіе помѣщики работаютъ въ качествѣ по-

---

*) Польское выраженіе для обозначенія длиннаго списка или перечня, такъ какъ, по народному повѣрью, дьяволъ записываетъ на воловьей шкурѣ многочисленные человѣческіе грѣхи. *Прим. перев.*

денщиковъ, графы нанимаются въ лакеи, жены ихъ стоятъ за буфетомъ. Простые мужики дѣлаются сенаторами, а еще чаще пріобрѣтаютъ крупныя состоянія. Разумѣется, плутократія, съумѣвшая разжиться, ничего не имѣя, задаетъ всему тонъ и устанавливаетъ принципы нравственнаго кодекса. Пріѣзжій изъ «старой стороны» охотно слушается своихъ земляковъ, которыхъ уважаетъ за то, что они изъ нищеты пробились наверхъ; къ тому же, онъ видитъ въ нихъ кость отъ крестьянской кости своей, кровь отъ своей крови. Кто хочетъ знать, каковъ родной крестьянинъ «кулакъ», тотъ пусть отправляется за море! Онъ пускалъ въ обороты землю и надувалъ своихъ земляковъ, продавая имъ пароходные билеты; онъ загонялъ польское стадо, подающее голоса, въ сѣти американскихъ политикановъ; подавалъ всевозможные секретные совѣты, наконецъ, былъ цѣловальникомъ и спаивалъ своихъ земляковъ. Цѣловальникъ и торгующій земельными участками—господа въ польскихъ колоніяхъ. Они предсѣдатели комитетовъ и совѣтовъ, владѣльцы газетъ. Приближенную свиту этихъ властелиновъ составляютъ фельдшеръ, присвоившій себѣ титулъ доктора, да аптекарь съ подозрительнымъ патентомъ. Всѣ они живутъ въ согласіи и всякаго критика своихъ дѣлъ оглашаютъ измѣнникомъ отечества, которое не сходитъ у нихъ съ языка. Они отыскиваютъ золотые рудники, гдѣ можно было бы ободрать своихъ же земляковъ, основываютъ колоніи... Истины практической морали, распространяемыя этими господами, въѣдаются въ сердца прибывающей массы. Низкія качества становятся добродѣтелями—дорогой они перемѣнили свое имя. Обманъ считается только спекуляціей, и обманщикъ, выпущенный нынче изъ тюрьмы,—какъ это не разъ случалось среди здѣшнихъ сливокъ,—увѣренно можетъ всякому протягивать руку, особенно, если въ своемъ несчастіи ему удалось доказать свой «умъ».

Такая этика господствуетъ не только среди поляковъ, а царитъ и среди другихъ пришельцевъ. Лишь въ третьемъ или въ четвертомъ поколѣніи, когда потокъ переселенцевъ сростается съ мѣстнымъ обществомъ, этика эта начинаетъ утрачивать свои рѣзкія отличительныя черты, но не вполнѣ теряетъ ихъ, все-таки налагая свою печать на американскую культуру. Безстыдство рекламы и надувательство гешефта проистекаютъ изъ этого источника.

23 августа, Чикаго, «City».

Послѣполуденный зной печетъ, не смягчаемый хотя бы малѣйшимъ вѣтеркомъ. Изъ лежащаго напротивъ флигеля лѣниво льются

въ мою комнату звуки скрипокъ, наигрывающихъ знакомыя мелодіи. Тамъ живетъ горсть американцевъ «польскаго вѣроисповѣданія», которая, по случаю праздника, распиваетъ пиво и убиваетъ время пѣніемъ. Теперь всѣ они напѣваютъ пѣсенку, осмѣивающую американскія отношенія, что рѣдко случается среди нашихъ соотечественниковъ. Въ глазахъ толпы Америка — рай, и насмѣшнику толпа готова выцарапать глаза за свою новую родину... Куплеты заканчиваются ироническимъ двустишіемъ:

Вѣдь, Америка-то, знай,
Распрекрасный, вольный край!

Куплетъ изображаетъ строгость американскихъ законовъ, когда дѣло касается дѣвушки. Душа мужчины разражается жалобой на обиды, наносимыя ей за моремъ. И, дѣйствительно, прекрасный и вольный край не вѣдаетъ проказъ подобнаго рода, такъ какъ:

Ты съ дѣвицей посидѣлъ
И, шутя, ей сладко пѣлъ,
Что готовъ влюбиться...
День прошелъ; на утро, вдругъ:
«Не угодно-ль, милый другъ,
Вамъ на ней жениться?»

* * *

Правый судъ на диво скоръ!
Не вступая въ разговоръ,
Не даетъ онъ спуску:
Хоть ты лопни, разорвись,
А немедленно женись,
Или—маршъ въ кутузку!

Послѣднія слова раздаются съ страшною силой, но скоро покрываются общимъ хоромъ:

Вѣдь, Америка-то, знай,
Распрекрасный, вольный край!

Европейцы-мужчины, какихъ я встрѣчалъ въ Америкѣ, язвительно отзываются о варварскомъ законодательствѣ Новаго Свѣта, которое ополчается противъ грѣшащихъ Адамовъ. Они доказываютъ, что тамъ мужчина приносится въ жертву женщинѣ, что надъ всѣми правами человѣческой природы (т. е. мужской) учинено самое грубое насиліе.

Дѣло въ томъ, что законъ поставилъ преграды проказамъ мужчины. Эта Америка, при всѣхъ своихъ дырявыхъ троттуарахъ и кучахъ мусора на улицахъ, имѣетъ много превосходныхъ обычаевъ и держится въ высшей степени здоровыхъ принциповъ въ дѣлѣ отношеній между мужчиной и женщиной.

Свобода товарищескихъ отношеній между обоими полами чрезвычайно велика. Она не стѣсняется никакими путами. Америка

не вѣдаетъ того тепличнаго ухода, среди котораго выростаетъ дѣвушка въ Европѣ. Въ школѣ, начиная съ элементарной и кончая университетомъ, дѣвушка сидитъ на одной скамьѣ съ мальчикомъ. Обращеніе между ними совершенно товарищеское. Лѣтомъ, на майскія празднества собирается молодежь обоего пола. Веселье не смущается никакими тетеньками и мамашами, переставшими уже понимать его. Послѣ такихъ развлеченій дѣвушки возвращаются домой послѣ полуночи и позже. Барышня ходитъ въ театръ съ молодымъ человѣкомъ, потомъ заходитъ съ нимъ въ кондитерскую, чтобы съѣсть мороженаго, и возвращается домой очень поздно. Она дѣлаетъ визиты своимъ друзьямъ мужского пола, уѣзжаетъ въ другой городъ на экскурсію. Дѣвушка 16—17-ти лѣтъ можетъ вступить въ бракъ безъ вѣдома родителей; никакихъ оглашеній не требуется и только женихъ даетъ присягу, что невѣста его уже вышла изъ-подъ родительской опеки.

Однимъ словомъ, дѣвушка пользуется полной свободой въ такомъ возрастѣ, когда кровь всего сильнѣе бурлитъ въ молодомъ организмѣ. Общество предоставивъ дѣвушкѣ полную свободу, спѣшитъ ей на помощь, если она запутается въ сѣтяхъ опрометчивой страсти. Такое общество гораздо мудрѣе и прежде всего гораздо порядочнѣе толпы Донъ-Жуановъ, прикрывающихся щитомъ идеи и высмѣивающихъ предразсудки своихъ «подругъ», но при этомъ не требующихъ отъ закона опеки надъ молодою матерью, личико которой въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣетъ надоѣсть апостолу свободной любви. Законъ выступаетъ со своею помощью лишь въ томъ случаѣ, когда дѣвушка сама этого пожелаетъ. Дѣло это простое, даже слишкомъ простое, мало-поэтичное и идеальное, но за то весьма практичное. За письма съ слишкомъ нѣжными выраженіями, а тѣмъ болѣе съ обѣщаніями, мужчинѣ приходится расплачиваться штрафомъ, но еще не женитьбой. Впрочемъ, судъ снисходителенъ и налагаетъ штрафъ лишь въ томъ случаѣ, когда видитъ, что обвиняемый дѣйствовалъ, имѣя въ виду злую цѣль; онъ не привлекается къ отвѣтственности, если чувства его, дѣйствительно, потухли. Но дѣло принимаетъ совершенно иной оборотъ, если дѣвушка оказывается обольщенною. Тогда достаточно ея присяги или свидѣтельства ея знакомыхъ. Судъ выдаетъ обвинительницѣ *warrant* (полномочіе); она сажаетъ измѣнника въ тюрьму и держитъ до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ обѣщанія жениться. «Или—маршъ въ кутузку!»

Эти полномочія, браки въ судѣ, сажаніе парня за рѣшетку,— все это, пожалуй, покажется смѣшнымъ многимъ людямъ, создающимъ въ мечтахъ своихъ привлекательныя картины отдаленнаго

будущаго. Но и настоящее предъявляетъ свои требованія. Эти странные пріемы неизбѣжны, пока общество не признаетъ, что оно такъ же обязано давать средства къ жизни каждой матери, какъ и каждому инвалиду труда. Свобода — прекрасная вещь, но въ настоящее время, когда родители своими личными усиліями должны содержать ребенка, эта свобода, безъ этихъ «полномочій», привела бы къ эксплуатаціи женщины мужчиной, особенно, если принять во вниманіе, что женщина отличается наивностью и бо́льшею искренностью чувства, а мужчина — бо́льшимъ цинизмомъ и отсутствіемъ врожденнаго отеческаго инстинкта. Мать гораздо болѣе важна для общества, чѣмъ свобода мужчины! Впрочемъ, «полномочія» и браки въ кутузкѣ не такъ ужъ страшны, если принять во вниманіе легкость развода. Объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ.

24 августа, на водахъ Висконсина.

Послѣ двухмѣсячной пыли въ Чикаго, легкія жадно вдыхаютъ чистый лѣсной воздухъ, повисшій надъ водами Висконсина. Небольшой пароходъ разсѣкаетъ волны рѣки, которыя спокойно катятся по глубокому извилистому оврагу. Отвѣсныя скалы вздымаются нѣсколькими уступами, покрытыя роскошною растительностью и словно зачарованныя въ своихъ причудливыхъ формахъ. Какъ художникъ въ минуту разъигравшейся фантазіи, природа шаловливо выдолбила въ твердой гранитной скалѣ галлереи и башни, укромные уголки и лѣстницы. Издали кажется, что обрывы не дадутъ намъ идти дальше! Подъѣзжаемъ—и передъ нашими взорами открывается новый поворотъ и всякій разъ глазамъ представляется картина въ новомъ родѣ. Зубъ времени вмѣстѣ съ теченіемъ рѣки обратилъ граниты въ безконечную полосу кружевъ, видоизмѣнилъ, изрѣзалъ и изгрызъ поверхность прибрежныхъ стѣнъ. Скалы тянутся полукругами различной величины, но всегда равно правильными; онѣ образуютъ своими вершинами мокрые, скользкіе выступы, словно расшитые узорами влажнаго мха у своего подножія, купающагося въ волнахъ рѣки. Тамъ, гдѣ сходятся полукруги, въ лоно гранита врѣзывается темная разсѣлина, съуживающаяся кверху,—скалы справляютъ въ мрачной пещерѣ свадебный пиръ своего союза, и единственнымъ свидѣтелемъ этого пира является вода, плещущая во тьмѣ. Въ другомъ мѣстѣ стѣны скалъ раздвинулись и въ образовавшееся отверстіе льется въ Висконсинъ потокъ песку, представляющаго собою лѣтнее ложе бурнаго весенняго ручья.

Сутки пути отдѣляютъ меня и моихъ спутниковъ отъ муравейника большого города. Еще только черезъ два дня доберемся мы до степей пшеницы въ Дакотѣ. Плаваніе по поверхности Висконсина должно сократить намъ время и разсѣять скуку путешествія по желѣзной дорогѣ. Насъ нѣсколько десятковъ человѣкъ—настоящее вавилонское столпотвореніе языковъ и народовъ. Мы гости; желѣзнодорожныя товарищества, владѣющія огромною сѣтью дорогъ между областью великихъ озеръ и отдаленнымъ побережьемъ Тихаго океана, везутъ насъ на берега рѣки Красной—этого уголка баснословныхъ урожаевъ. По пути намъ предстоятъ торжественные пріемы со стороны нѣсколькихъ городовъ, посѣщенія различныхъ фермъ и учрежденій.

24 августа, въ вагонѣ.

Современный способъ путешествія по желѣзной дорогѣ имѣетъ свои хорошія стороны. Лишь иногда мы вправѣ сѣтовать на слишкомъ большую быстроту, съ какою поѣздъ уноситъ насъ изъ какого-нибудь уголка, гдѣ природа въ избыткѣ собрала свои прелести, въ пейзажъ менѣе красивый. Около часу тому назадъ мы проѣхали мимо двухъ рукавовъ, изъ которыхъ образуется «мать водъ», могучая Миссисипи, и съ тѣхъ поръ теченіе ея все время сопутствуетъ желѣзнодорожному пути. Хотя это только верховья этой громадной рѣки, но нельзя въ достаточной мѣрѣ надивиться ея размѣрамъ. А какіе виды! Я знаю различные уголки нашей части свѣта, но мнѣ думается, что наступитъ моментъ, когда они потускнѣютъ передъ прелестями американской природы. Въ водѣ купаются острова за островами; между ними извиваются рукава. На далекомъ горизонтѣ поднимаются вершины скалъ, мысы стоятъ одиноко или, словно стосковавшись по товарищамъ, тянутся цѣлыми рядами. Заходящее солнце окрашиваетъ обрывы въ яркожелтый цвѣтъ, тѣни съ полосами свѣта еще усиливаютъ впечатлѣніе.

Природа всемогуща... Она словно насмѣхается надъ всѣми поползновеніями человѣческой руки запречь ее въ ярмо. Но это только такъ кажется. Весьма возможно, что въ старой части свѣта она осталась бы свободной, здѣсь же нашелся для нея укротитель. Черезъ довольно правильные промежутки земля узкими и длинными языками врѣзывается въ лоно водъ; иной разъ языкъ почти пересѣкаетъ рѣку, которая, такимъ образомъ, дѣлится на рядъ отгороженныхъ другъ отъ друга частей. Эти языки, кажущіеся ничтожными на первый взглядъ, представляютъ, быть можетъ, одно изъ самыхъ смѣлыхъ сооруженій рѣчного инженер-

наго искусства. Царица водъ въ своей верхней части была когда-то болѣе капризной, такъ какъ была могущественнѣе нашей Вислы: прошлогодніе рукава она замѣняла песчаными отмелями, даже русло свое превращала въ рядъ глубокихъ ямъ, проходящихъ среди мелей, между которыми такимъ образомъ просачивался узкій проливъ. Но американцу надоѣли эти вѣчныя проказы, и въ странѣ нашлись средства для укрощенія проказницы. Инженерное искусство намѣтило мѣста, которыя должны служить логовищемъ для лавинъ песку и этимъ самымъ съ теченіемъ времени уничтожило нѣкоторые рукава, а за главнымъ потокомъ обезпечило достаточную глубину.

24 августа, Сентъ-Поль.

Оффиціальный пріемъ со стороны сентъ-польскихъ гражданъ состоится лишь послѣ полудня. Утро у меня свободное. Пользуюсь этимъ и сажусь въ первый встрѣчный трамвай, желая ближе узнать городъ. Сентъ-Поль имѣетъ видъ чрезвычайно опрятный. Это городъ финансовыхъ операцій, надъ нимъ не поднимаются закопченныя трубы заводовъ, и грязныя фабричныя казармы не обезображиваютъ улицъ. Всѣ фабрики расположились въ сосѣднемъ Миннеаполисѣ. Трамвай везетъ меня между непрерывными рядами каменныхъ строеній. Еще нѣсколько минутъ,—и я выбрался изъ квартала, застроеннаго каменными зданіями. Дорога медленно подымается по покатости; мы въѣзжаемъ на возвышенность, которая не меньше варшавской, но трамвай движется все съ такою же скоростью — я долженъ замѣтить, что двигателемъ является электричество. Мы ѣдемъ вдоль маленькихъ домиковъ, тянущихся одинъ за другимъ по безчисленнымъ лужайкамъ.

Вотъ мы и на вызвышенности. Улица, по которой мы ѣхали, превратилась въ обыкновенную немощеную проселочную дорогу; посрединѣ тянутся рельсы электрической желѣзной дороги, наверху висятъ проволоки, которыя перекрещиваются на распутьяхъ, образуя сѣтку; по обѣ стороны тянутся деревянные мостки, мѣстами заплатанные. Домики становятся все рѣже, оградъ между ними не видно, а сухая трава, покрывающая дернъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что жителямъ нѣкогда заниматься разведеніемъ зеленыхъ ковровъ. Домики чистые, опрятные и удобные. Еще нѣсколько минутъ—и видъ принимаетъ еще болѣе деревенскій характеръ. Проселочная дорога густо поросла травой и сорными злаками, изъ которыхъ выглядываютъ, блестя на солнцѣ, рельсы. Мосткамъ надоѣло сопуствовать намъ, я уже больше не вижу ихъ. Но до-

*

мики тянутся безъ конца, попадаясь все рѣже. Сразу бросается въ глаза, что Сентъ-Поль разростается вдоль артерій движенія трамваевъ. Эти органы сообщенія возникаютъ прежде всего прочаго и намѣчаютъ, какъ пойдетъ развитіе городского скелета. Физіологія господствуетъ надъ морфологіей—вотъ великій законъ американскаго запада! При такихъ условіяхъ домикамъ нѣтъ надобности скупиться на пространство. Мы ѣдемъ уже полчаса, а передъ нами все такія же улицы, тянущіяся вдоль линіи трамваевъ, позади же домиковъ виднѣется поле. Потерявъ надежду увидѣть что-нибудь въ другомъ родѣ, мы съ товарищемъ пересаживаемся въ трамвай, ѣдущій обратно.

Немощеная дорога съ сѣтью проволокъ, рельсы электрической желѣзной дороги, сверкающіе среди песку... Но Америка развивается слишкомъ быстро, ей положительно некогда мостить свои улицы... Она заводитъ электрическую желѣзную дорогу и довольствуется тѣмъ, что у нея есть линія сообщенія. Проложена ли эта линія среди песковъ, или по мостовой—это дѣло безразличное. Мостовую скорѣе можно даже считать непроизводительной затратой. Жители предпочитаютъ обходиться безъ нея: имъ тогда не приходится платить налога, а удобствъ они не теряютъ.

Первое впечатлѣніе всегда рѣшающее. Теперь, когда я быстро узнаю Сентъ-Поль, я начинаю думать, что мое сужденіе о Чикаго не лишено предубѣжденія. Я жилъ тамъ въ одномъ изъ болѣе грязныхъ кварталовъ, хотя далеко еще не въ самомъ грязномъ. Кромѣ того, я узнавалъ «городъ завоевателей міра» по частямъ, постепенно, и эти отдѣльныя части еще не успѣли вполнѣ слиться другъ съ другомъ. Если же принять въ разсчетъ, какія площади въ этомъ городѣ свободны отъ пыли, покрыты зеленью и представляютъ открытыя пространства, то не составятъ ли онѣ въ совокупности такого процента, какого мы напрасно стали бы искать въ нашей Европѣ? Впрочемъ, по тому, что являетъ собою Чикаго, еще нельзя судить объ Америкѣ. Этотъ городъ, хотя онъ и находится въ Соединенныхъ Штатахъ, не можетъ считаться американскимъ; онъ представляетъ огромное прибѣжище для обиженныхъ судьбою чужеземцовъ, наплывающихъ въ него безпрестанно, которые, сколотивъ тамъ кое-какіе гроши, отправляются далѣе. Среди коренного населенія Чикаго пользуется неважною славою.

Вернемся, однако, къ Сентъ-Полю. Экипажъ за экипажемъ развозитъ наше общество по городу. Мы побывали на возвышенности, гдѣ еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ раскидывали свои шатры краснокожіе. Видъ оттуда дѣйствительно великолѣпный, напоми-

нающіи видъ съ Замковой горы въ Вильнѣ. Но все это приняло американскіе, т. е. огромные размѣры. Въ долинѣ, шириною въ версту, а можетъ быть, и болѣе, синѣетъ въ зеленомъ своемъ ложѣ Миссисипи. По обѣимъ сторонамъ роскошнаго луга тянутся возвышенности, одѣтыя лѣсомъ, изъ котораго вездѣ, куда бы мы ни взглянули, торчатъ крыши домиковъ; въ иныхъ направленіяхъ крыши становятся все чаще и чаще, и то тутъ, то тамъ виднѣются сплошныя группы человѣческихъ жилищъ. Съ возвышенности Сентъ-Поль производитъ впечатлѣніе деревни, или, вѣрнѣе, города среди рощъ.

Вотъ уже цѣлый часъ, а пожалуй и больше, какъ мы находимся въ кварталѣ, гдѣ люди отдыхаютъ отъ сутолоки *Busines's'a*. Сентъ-Поль не измѣнилъ обще-американскому образцу. Сплошь застроенная часть города представляетъ лишь контору огромныхъ размѣровъ, которая пустѣетъ съ наступленіемъ поздняго часа. Собственно жилой городъ — это рядъ разбросанныхъ домиковъ. Само собою разумѣется, комитетъ, занятый нашимъ пріемомъ, показываетъ намъ лучшія стороны и скрываетъ худшія; а потому насъ возятъ по кварталамъ того класса людей, который носитъ прозвище *well-to-do*, т. е. зажиточнаго. Здѣсь, на значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, расположились виллы, окруженныя лужайками и вѣнцами деревьевъ, на подобіе старинныхъ деревенскихъ домиковъ зажиточныхъ поселянъ. Хотя августовскій зной вездѣ спалилъ зелень, но мурава отличается весеннею свѣжестью. *Allmighty dollar* (всемогущій долларъ) уничтожилъ засуху. Широкія, сухія асфальтовыя улицы чисты, словно въ салонѣ. Ни одинъ трамвай не нарушаетъ тишины, по улицамъ шмыгаютъ и проказничаютъ дѣти богачей, порой обгоняетъ насъ велосипедъ. Между виллами не видно оградъ: мы находимся словно въ прекрасно содержимомъ паркѣ, гдѣ настроено безчисленное множество маленькихъ дворцовъ. Мы ѣдемъ вотъ уже второй часъ и то и дѣло сворачиваемъ съ бульвара на бульваръ—и все время передъ нами разстилается совершенно такой же жилой паркъ. А вѣдь Сентъ-Поль сравнительно еще небольшой городъ — въ немъ едва-едва наберется 130 тысячъ жителей. И, тѣмъ не менѣе, варшавскія Уяздовскія аллеи помѣстились бы на одномъ такомъ бульварѣ! Это свидѣтельствуетъ о богатствѣ жителей или, по крайней мѣрѣ, о томъ, что тамъ очень много людей, живущихъ хорошо.

Дорога наша вьется по возвышенностямъ. Долина Миссисипи, каменныя зданія Сентъ-Поля и домики предмѣстій лежатъ передъ нами, какъ на ладони. Видъ очаровательный. Внизу, передъ на-

шими глазами, разстилается кварталъ трудящагося люда. По сравненію съ окружающимъ насъ сосѣдствомъ, тамъ чувствуется бѣдность,—разумѣется, относительная. Среди зелени разбросаны небольшія хаты, вокругъ нихъ—большія свободныя пространства. Я ужъ успѣлъ поближе узнать ихъ, такъ какъ мы побывали на этихъ улицахъ, прежде чѣмъ очутились среди дворцовъ плутократовъ. Судя по внѣшнему виду, гигіеническія условія кажутся прекрасными,—не то, чтò въ Европѣ, гдѣ тѣсно жмутся другъ къ другу группы пятиэтажныхъ клѣтокъ, упраздняя всякую неоффиціальную зелень. Въ Сентъ-Полѣ городъ еще не поглотилъ деревни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„ВЪ САДУ КЛАВДІИ".

ЛЕГЕНДА

Эрнста Вильденбруха.

Ночь вступила, наконецъ, въ свои права. Тихо стало въ Римѣ.

Никогда еще болѣе благоуханная, теплая и мягкая августовская ночь не спускалась надъ семью холмами и пространствомъ, растилающимся между ними, горами и моремъ. Никогда также августовская ночь не видала большихъ ужасовъ въ этомъ ужасномъ Римѣ.

Въ вечеръ, предшествовавшій этой ночи, путникъ приближался къ городу съ сѣвера, по Фламиніевой дорогѣ, и, миновавъ Фламиніевъ мостъ, нынѣшній Ponte Molle, вдругъ круто остановился, пораженный звукомъ, отъ котораго кровь застыла въ его жилахъ. Издали доносился онъ, съ правой стороны Тибра, изъ садовъ Нерона, съ того мѣста, гдѣ теперь возвышаются храмъ св. Петра и зданіе Ватикана. Багровое было тамъ небо отъ золотисто-краснаго пламени, поднимавшагося изъ чащи сада. Ужъ не пожаръ ли въ Римѣ? Опять?

По всей Италіи еще говорили о страшномъ пожарѣ, опустошившемъ столицу міра нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, въ минувшемъ іюлѣ. Всѣ объ этомъ толковали, а потолковавъ, начинали шептать: «Огонь, говорятъ, былъ подложенъ. Знаете ли кѣмъ? Самъ Цезарь поджегъ Римъ! На крышѣ своего дворца, на Палатинской горѣ, стоялъ онъ съ лютней въ рукахъ, и пока пламенное море бушевало у его ногъ, онъ пѣлъ подъ звуки арфы про пожаръ Трои».

Неужели это опять что-нибудь подобное? Непохоже! Пламя не двигалось съ мѣста; спокойно и прямо вздымалось оно, какъ огонь, пылающій на алтарѣ, какъ отблески горящей смолы или факеловъ. Съ запада потянулъ вѣтерокъ и понесъ клубившійся чадъ

на востокъ черезъ рѣку прямо на путника. «Очевидно, справляють праздникъ»,—сказалъ онъ про себя. «Пахнетъ смолой, пряностями и»... Да, въ запахѣ чувствовалось еще что-то. Ужъ не жертвенныхъ ли животныхъ закалываютъ и жгутъ? Пахло обуглившимся горѣлымъ мясомъ!

И пока огонь поднимался вверхъ и тихо несся къ нему, послышался звукъ, ослабленный растояніемъ, но, тѣмъ не менѣе, такой ужасный, что кровь стыла до мозга костей. Это былъ крикъ, ревъ, вой. Вой звѣрей? Нѣтъ, людей... людей, очевидно тѣснившихся несчетною массою и слѣдившихъ за какимъ-то событіемъ или зрѣлищемъ, видъ котораго доводилъ ихъ до безумія, до изступленія, дѣлалъ ихъ настоящими звѣрями, превосходившими кровожадностью, жестокостью и жаждой разрушенія самыхъ лютыхъ животвыхъ. Это былъ такой ревъ, словно толпы бѣсноватыхъ внезапно вырвались на волю и завладѣли міромъ.

Дорога въ городъ проходила черезъ Фламиніевы ворота, нынѣшнюю Porta del Popolo; отсюда начиналась Via lata *), теперешній Корсо, и здѣсь, на Марсовомъ полѣ, уже виднѣлись слѣды опустошительнаго пожара. Цѣлыя улицы были разрушены; стропила обуглившихся домовъ тянулись вверхъ, точно оголенные скелеты. Были раскинуты палатки, построены деревянные бараки, чтобъ дать убѣжище тѣмъ, кто лишился крова. Но ни у палатокъ, ни въ баракахъ не было людей. Весь Римъ былъ тамъ, по ту сторону Тибра, въ гостяхъ у Нерона, дававшаго сегодня римлянамъ въ своихъ садахъ такой праздникъ, какого еще не видывали со временъ Ромула и Рема.

Путникъ свернулъ вправо, черезъ лабиринтъ улицъ, переулковъ и проходовъ, и когда онъ достигъ береговъ Тибра, онъ остановился, ошеломленный представившимся ему зрѣлищемъ.

Черезъ мостъ «Pons Triumphalis» **), соединявшій оба берега, приблизительно тамъ, гдѣ теперь мостъ Св. Ангела, валила съ праваго берега ревущая толпа. За этой темной массой и надъ нею кружились, пылали и сверкали факелы; вслѣдъ затѣмъ, задыхаясь отъ бѣга, большими скачками, точно пантеры, появились темнокожіе, голые нумидійскіе факельщики, съ оглушительными криками бросавшіеся въ людскую массу и расталкивавшіе ее вправо и влѣво, такъ что образовался проходъ. Вотъ слышится топотъ коней; съ грохотомъ катитъ по мосту колесница и въѣзжаетъ въ свободное пространство между двумя человѣческими стѣнами.

---

*) Широкая дорога.

**) Тріумфальный мостъ.

Это была открытая колесница въ родѣ тѣхъ, что употреблялись въ циркѣ во время бѣговъ; колеса и станокъ были изъ тяжелаго, массивнаго золота. Восемь бѣлыхъ, какъ снѣгъ, коней были запряжены въ нее, по четыре въ рядъ.

Далеко впередъ выгнулся надъ лошадьми возница; около него стоялъ человѣкъ, и при видѣ этого человѣка всѣ, что толпились, тѣснились, давили другъ друга справа и слѣва, упали на колѣна; руки простерлись къ нему; клики, похожіе на ураганъ, вознеслись къ небу:

«Ave Caesar! Nero! Nero!» *).

Это былъ хозяинъ празднества, Неронъ. Передняя четверка бѣлыхъ лошадей взвилась на дыбы и бросилась въ сторону, испуганная встрѣтившимъ ее шумомъ; съ минуту можно было его разглядывать.

Высоко выпрямившись, стоялъ онъ на колесницѣ. Одежда изъ прозрачной бѣлой ткани развѣвалась вокругъ него; короткій, пурпуровый, затканный золотомъ плащъ былъ накинутъ на плечи. Въ обнаженныхъ мясистыхъ рукахъ держалъ онъ лютню, какъ держали ее во время пѣвческихъ состязаній киѳароиды. Вокругъ черныхъ, курчавыхъ волосъ вился золотой, украшенный алмазами обручъ, а надъ этимъ обручемъ поднимались зубцы, восемь длинныхъ, заостренныхъ зубцовъ, такъ что, казалось, рядъ копій окружаетъ голову.

Такъ стоялъ Неронъ передъ толпою. Красный отблескъ пламени мелькалъ по его фигурѣ, дымъ и огонь создавали окружавшую его атмосферу, похожую на дыханіе, вырывающееся клубами изъ пасти тигра. Казалось, это былъ самый пригодный для него воздухъ; жадно втягивалъ онъ его въ себя ноздрями и губами.

И пока чернь вопила вокругъ него, чуть не бросаясь подъ копыта лошадей и колеса, улыбка мелькала на губахъ Нерона и по его лицу, быть можетъ, нѣкогда красивому и благородному, а теперь вздувшемуся и заплывшему отъ кутежей.

И не презрительная улыбка, даже не пресыщенная и равнодушная, а довольная, какая бываетъ у гастронома, встающаго отъ хорошаго обѣда, и у цѣнителя искусства, возвращающагося послѣ созерцанія прекрасной картины или изъ театра по окончаніи интереснаго представленія. Лѣвая рука тихо перебирала струны лиры; Неронъ былъ счастливъ. Какъ любятъ его римляне! Какъ наслаждаются они его лицезрѣніемъ, какъ преклоняются передъ нимъ! Каждое слово, каждый звукъ или взглядъ говоритъ

*) «Привѣтъ тебѣ, Цезарь! Неронъ! Неронъ!».

ему, что онъ великій человѣкъ, даже больше, чѣмъ человѣкъ— что онъ божество.

На заплывшемъ лицѣ, сіявшемъ самодовольствомъ, съ блѣдными, отвисшими щеками, освѣщенными красноватымъ отблескомъ факеловъ, виднѣлись далеко выпятившіеся глаза, своею мертвою неподвижностью составлявшіе непріятный контрастъ съ болѣе оживленною нижнею частью и придававшіе всей внѣшности Нерона такой страшный отпечатокъ, какого нельзя описать словами или забыть, разъ видѣвъ. Все, на что глядѣли эти глаза, превращалось въ пустыню. Ни улыбки, ни жизни, ни возможности какого-либо чувства не было въ нихъ. Мертвая, заглохшая пустота. Кто заглядывалъ въ эти глаза, сразу понималъ роковую судьбу всей эпохи и міра, вынужденнаго подчиняться полоумному.

Мускулистые кулаки нумидійскихъ факельщиковъ успокоили переднюю четверку бѣлыхъ коней, снова двинулась колесница и бѣшено понеслась темными улицами по дорогѣ къ Палатину.

Хозяинъ удалялся съ праздника; очевидно, праздникъ уже достигъ апогея и близился къ концу.

Не успѣла скрыться колесница, какъ на вымощенномъ мосту раздались мѣрные шаги. Снова вспыхнули факелы, снова представилась странная картина; когорта цезаря появилась изъ садовъ вслѣдъ за своимъ повелителемъ, направляясь къ Палатину, гдѣ были ея казармы, и гдѣ она исполняла въ императорскомъ дворцѣ и при его особѣ обязанность тѣлохранителей.

Этими тѣлохранителями были германцы.

Безопаснѣе было окружать себя такими людьми, чѣмъ римскими преторіанцами, большею частью набиравшимися изъ городского населенія. Римъ былъ въ родѣ моря, гдѣ направленіе вѣтровъ быстро мѣняется. Сегодня онъ любитъ, обожаетъ, преклоняется; завтра, быть можетъ, все измѣнится. Развѣ это не обнаружилось недавно? Когда въ Римѣ вообразили, будто цезарь поджегъ обывательскіе дома, какой вой злобы и мести несся къ Палатину, пока, наконецъ, не узнали, кто нечестивые, причинившіе это неописанное бѣдствіе.

Съ германцами дѣло совершенно иное.

У нихъ не было капризовъ, смѣны настроенія, почти не было собственной воли. Какъ на нихъ смотрѣли молчаливыми, преданными глазами большія, длинношерстыя собаки, привезенныя ими изъ за Альповъ, такъ глядѣли и они на цезаря, своего повелителя.

Ни шагу не дѣлалъ цезарь изъ дворца безъ нихъ, они всегда были съ нимъ, окружали его.

Что за сладострастное ощущеніе долженъ былъ испытывать

этотъ чувственный человѣкъ при мысли, что его рука, которую каждый изъ этихъ кулаковъ раздробилъ бы точно стекло, управляла всей этой исполинской силой, какъ машиной, что это сила останавливалась по его приказанію или излилась бы на римлянъ, подобно горному потоку, еслибъ онъ это повелѣлъ! Какъ содрогалось трусливое, изнѣженное наслажденіями тѣло, когда вокругъ него, для его защиты, тѣснились эти исполины!

И они дѣйствительно были исполины. Каждый солдатъ когорты казался гигантомъ. Озаренные свѣтомъ факеловъ, который дѣлалъ ихъ внѣшность еще фантастичнѣе, германцы, почти не глядя вправо или влѣво, молча шли среди римской черни, съ широко раскрытыми ртами и глазами уставившейся на нихъ, какъ на сказочныхъ звѣрей.

Два предводителя шли во главѣ; большія, лохматыя, никогда не покидавшія ихъ, собаки прыгали кругомъ. Не короткіе мечи, какіе привыкли видѣть римляне у своихъ солдатъ, висѣли сбоку, а длинное оружіе, въ тяжелыхъ ножнахъ, сопровождавшее своимъ звяканьемъ грузные шаги. Остальная одежда и все вооруженіе было фантастично и представляло пеструю смѣсь римской обмундировки и германскаго національнаго костюма. На всѣхъ былъ римскій военный нарядъ, но, какъ подобало тѣлохранителямъ Нерона, пестро расшитый и украшенный каменьями. Вмѣсто простыхъ римскихъ шлемовъ, на лбы были надвинуты головы животныхъ, почти неизвѣстныхъ, не встрѣчавшихся болѣе въ Италіи, медвѣдей, волковъ, зубровъ, лосей.

Рога торчали вверхъ; въ широко-раскрытыя пасти, полныя страшныхъ зубовъ, проникалъ взоръ. Иные изъ воиновъ украсили себя орлиными, густо натыканными, перьями. У всѣхъ были длинные бѣлокурые, почти желтые волосы, космами падавшіе изъ подъ головнаго убора на лицо.

Какъ глазѣли курчавые, смуглые римляне на эти невозможные, сказочные волосы! Хоть-бы разъ дотронуться до нихъ, подергать ихъ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли эти волосы крѣпко растутъ на человѣческихъ черепахъ!..

Но коснуться такихъ молодцовъ, какъ эти, да еще съ такими лицами,—отъ одной мысли дрожь пробѣгала по кожѣ! Въ самомъ дѣлѣ, дикія были у нихъ лица, дикія, нагоняющія страхъ, и совершенно иныя, чѣмъ у римлянъ, совершенно иныя!

Какіе глаза у нихъ? Голубые, сѣрые или зеленые? Почти невозможно было опредѣлить цвѣта, но что они не темные, какъ у римлянъ, это было видно. И когда эти глаза обращались на людскую массу, во взорѣ было что-то рѣзкое, точно блескъ клинка, и словно холодное желѣзо проникало между ребрами.

А наконецъ ихъ бороды! Какъ лѣсъ торчали онѣ вокругъ щекъ, широкою волною низко падали изъ подъ подбородка на грудь. По крайней мѣрѣ у большинства. Попадались немногіе, не носившіе бородъ, повидимому, совсѣмъ молодые люди.

Одинъ изъ нихъ шелъ какъ разъ въ переднемъ ряду за двумя предводителями; это былъ красивый юноша, приковывавшій къ себѣ глаза женщинъ. Стройное тѣло было высоко, какъ мачта: грусть, выражавшаяся на всѣхъ германскихъ физіономіяхъ, доходила до мрачности на его правильномъ лицѣ.

Ни вправо, ни влѣво не поворачивалъ онъ головы—прямо впередъ былъ устремленъ его взоръ, задумчивый, мечтательный, точно глаза старались удержать какую-то картину, далекую, не имѣющую ничего общаго съ тѣмъ, что мелькало, гудѣло, тѣснилось кругомъ. Отдаленная, чудная картина! Что могло это быть?

Воспоминаніе ли о родной странѣ, за Альпами? О шумящихъ лѣсахъ, о людяхъ, его тамъ окружавшихъ, бѣлокурыхъ, какъ онъ самъ, голубоглазыхъ, говорящихъ на одномъ съ нимъ языкѣ? Или это не то? Что-то мрачное заставляло, казалось, хмуриться бѣлый лобъ. Быть можетъ, воспоминаніе о чемъ-то пережитомъ на пиру у цезаря, о картинѣ, которую онъ только-что видѣлъ и не можетъ забыть, и отъ которой (онъ это чувствуетъ) ему не избавиться, пока онъ живъ?

Когорта перешла черезъ мостъ и исчезла во мракѣ улицъ, ведущихъ къ Палатину, какъ и колесница Нерона.

Теперь движеніе уже не прекращалось. Сначала группами, потомъ партіями, наконецъ толпами шелъ изъ садовъ Нерона народъ, присутствовавшій на праздникѣ и направлявшійся въ центръ города къ своимъ жилищамъ, шатрамъ или баракамъ.

Вся эта масса колыхалась, большинство шло шатаясь, опираясь одинъ на другого, а многіе такъ, что двумъ-тремъ приходилось вести ихъ. Рѣзкій звукъ тысячъ, громко говорившихъ голосовъ наполнялъ воздухъ; языки большею частью заплетались; Неронъ не поскупился на вино, а гости оказали хозяину честь, это было видно. Цѣлые пруды были наполнены виномъ и цѣлые пруды выпиты. Во всѣхъ разговорахъ повторялось одно и то-же имя «Неронъ»; въ затуманенныхъ головахъ жила лишь одна мысль «Неронъ»,—Неронъ, другъ римлянъ, гроза преступниковъ, императоръ, художникъ, Неронъ—божество!

Да, наказалъ же онъ виновниковъ страшнаго бѣдствія, гнусныхъ поджигателей! Основательно, какъ слѣдовало, наказалъ онъ ихъ честнымъ людямъ на радость. Кто поджигаетъ, тотъ долженъ быть казненъ огнемъ—этимъ принципомъ руководство-

вался онъ! Пусть думаютъ нѣкоторыя изнѣженныя души, что казнь была слишкомъ ужасна! Какъ будто для такихъ негодяевъ можетъ быть слишкомъ страшная казнь? Что за бѣда, если иные изъ зрителей въ ужасѣ убѣжали! Поговаривали даже о такихъ, что падали въ обморокъ... А все же это было хорошее, прекрасное зрѣлище, и Неронъ справедливый и мудрый человѣкъ! Гдѣ были со всѣмъ своимъ знаніемъ философы, когда надо было выяснить, кто подложилъ огонь? Рослый, жирный, лѣнивый Бурръ, префектъ преторіанцевъ, обязанный заботиться о безопасности города, что сдѣлалъ онъ? Ничего! «Загорѣлось въ масляныхъ складахъ!» Вотъ и вся его мудрость... Славная мудрость! Съ какихъ поръ масло само воспламеняется? Поджогъ былъ сдѣланъ, это ясно даже ребенку... Но кѣмъ сдѣланъ? Не самимъ же Нерономъ! Что за низость! Гнусная молва эта была пущена сенаторами, этими ожирѣвшими негодяями! Еще бы! Всѣмъ извѣстно, они ненавидятъ Нерона. Достанется же имъ еще за это! Никто не зналъ, съ какого конца приступить къ дѣлу, пока самъ Неронъ не взялся за него, и тогда оно сразу выяснилось, и слѣпые прозрѣли... Христіане виновники всего! Какъ это не сразу попали на эту мысль? Выходитъ, что умнѣе всѣхъ Неронъ!

Христіане...

Уже давно слышалось это имя въ Римѣ, какъ подземный гулъ, какъ что-то, о чемъ знаешь и не особенно заботишься. Новая религіозная секта!.. Ихъ и безъ того достаточно въ Римѣ. Изъ Іудеи!.. Это понятно: всѣ секты оттуда!.. Сначала думали, что это и были именно іудеи, пока тѣ не заявили энергически, что не имѣютъ съ христіанами ничего общаго.

Значитъ, не іудеи, а безумцы особаго рода? Все, что было о нихъ извѣстно, такъ странно, что должно было поражать благоразумныхъ людей.

Родившись въ маленькомъ мѣстечкѣ Назаретѣ, Христосъ выступилъ въ Іерусалимѣ и заявилъ, что весь міровой строй плохъ, а то, что думаютъ люди о своихъ богахъ—ложь.

Потомъ онъ удалился въ пустыню, гдѣ удобнѣе проповѣдывать, и рыбаки, ремесленники, весь бѣдный людъ послѣдовалъ за нимъ и слушалъ, какъ онъ говорилъ, что настоящая жизнь начинается послѣ смерти. Наконецъ, пришлось вмѣшаться префекту, и какъ ни было ему жаль, онъ повелѣлъ публично бичевать Христа и распять Его среди убійцъ и грабителей.

Префектъ думалъ, что этимъ все кончится, но вдругъ оказалось, что это далеко не такъ, и что многіе повторяютъ слова Христа, вѣрятъ въ Него, и даже не въ одной только Іудеѣ, а здѣсь, среди Рима.

Сначала на это не обратили никакого вниманія, и это была большая ошибка.

Знали, что христіане собираются по ночамъ въ пещерахъ и пустыхъ гробницахъ, гдѣ они повторяютъ за своими проповѣдниками какія-то слова и поютъ пѣсни. Благоразумные люди и тогда уже предостерегали: «Берегитесь! они подроютъ почву подъ нашими ногами». Всѣ смѣялись, пока не настало, наконецъ, страшное пробужденіе, и изъ подземныхъ пещеръ и гробницъ чья-то преступная рука не бросила огня въ людскія жилища.

Теперь всѣ поняли, въ чемъ дѣло. Сразу о христіанахъ узнали массу подробностей, никому невѣдомыхъ до той поры, и всѣ догадались, что ночныя сборища ихъ были вовсе не такъ невинны, какъ думали прежде. Не безуміе ли, что эта секта избрала своимъ символомъ крестъ? Для всякаго порядочнаго человѣка крестъ воплощеніе всего ужаснаго! Казнили на немъ лишь самыхъ страшныхъ преступниковъ. Римскіе граждане ни въ какомъ случаѣ не могли быть распяты. И этотъ-то предметъ христіане чтутъ, какъ святыню, преклоняютъ передъ нимъ колѣни и молятся ему!

Еще многое иное стало извѣстно. Узнали, что женщины играютъ въ собраніяхъ важную роль, что онѣ всего ревностнѣе берегутъ новую вѣру и распространяютъ ее. И если мужчины почти исключительно принадлежали къ низшему классу, то среди женщинъ были представительницы высшаго сословія. Зараженныя новымъ духомъ, дочери знатныхъ патриціевъ покидали украдкою по ночамъ дома, чтобъ присоединиться къ своимъ единовѣрцамъ. Матери старались скрыть это, отцы прибѣгали къ насилію, и въ груди многихъ римлянъ, съ улыбкой прохаживавшихся днемъ по улицамъ, таилось отчаяніе.

Наконецъ-то добрались до христіанъ!

Сегодня рука Нерона проникла въ ихъ убѣжище и показала ихъ народу такъ, чтобы каждый могъ видѣть, что такое эти враги человѣчества. Прекрасно держали они себя до конца, съ этимъ надо согласиться.

Каждаго поочереди спрашивали, признаетъ ли онъ себя христіаниномъ, и «Christianus sum» *) отвѣчали они всѣ. Сознаются ли они въ поджогѣ?.. Всѣ поочереди высоко поднимали руку: «Никто изъ насъ не поджигалъ».

Какъ могутъ они ручаться за другихъ?—спрашивали ихъ. Развѣ они знаютъ другъ друга?—Да, былъ отвѣтъ.

Потомъ они, не сопротивляясь, дали привязать себя къ стол-

*) «Я христіанинъ».

бамъ, хотя между ними были рослые мужчины, и не жаловались и не рыдали, хотя въ числѣ ихъ были женщины и дѣвушки. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, нѣсколько глупцовъ находили, что это было величественно, просто изумительно!.. Въ публикѣ замѣтили даже людей, вдругъ побѣлѣвшихъ какъ мѣлъ, и пустившихся бѣжать.

Но такихъ было немного. Большинство смотрѣло на зрѣлище и наслаждалось имъ съ первой до послѣдней минуты, а зрѣлище было дивное.

Теперь оно кончилось.

Жестокость, точно орелъ съ окровавленными крыльями ринувшаяся на толпу беззащитныхъ людей, насытилась; трапеза кончилась, жертвы были истреблены.

Кончились страшныя судороги тѣлъ, замученныхъ на раскаленныхъ столбахъ; пережита минута, когда, вопреки геройскому мужеству, души изнемогали подъ силою физическихъ терзаній; замеръ хриплый стонъ, въ который перешелъ возгласъ «осанна», привѣтствовавшій начало агоніи.

Всему конецъ, кровожадности, жаждѣ зрѣлищъ, реву, воплямъ...

Кто изъ зрителей еще могъ держаться на ногахъ, шатаясь, брелъ домой; кто уже не въ силахъ былъ стоять или идти, падалъ на землю тамъ, гдѣ былъ, и храпѣлъ, какъ животное. Но вотъ звуки замерли; тихая августовская ночь покрыла завѣсой всѣ ужасы, и вдругъ, посреди безмолвнаго мрака, началась въ садахъ Нерона новая, беззвучная, почти призрачная жизнь.

Отдѣльныя фигуры появились, скользя неслышными шагами по всѣмъ направленіямъ. Трудно было сказать, откуда онѣ, находились ли онѣ тутъ прежде, пришли ли потомъ... Но онѣ были...

Сначала прибывали немногіе, потомъ все въ большемъ и большемъ числѣ. Едва уловимыми знаками объяснялись они другъ съ другомъ, принимаясь за общее дѣло, осторожно ступая, чтобъ не толкнуть и не разбудить кого-либо изъ спавшихъ на землѣ.

Это были христіане, еще не разысканные, спасшіеся отъ истребленія и теперь явившіеся оказать своимъ избіеннымъ единовѣрцамъ послѣдній долгъ и похоронить ихъ останки.

Не долго пришлось имъ искать.

Во всю длину сада стоялъ двойной рядъ столбовъ; къ нимъ были привязаны, на нихъ сожжены мученики.

Деревянные столбы, обуглившіеся, еще тлѣли среди ночи; у подножія ихъ лежали или висѣли человѣческія тѣла обугленныя, обгорѣвшія, почти неузнаваемыя.

Нестерпимый чадъ наполнялъ всю мѣстность. Страшная была это работа, но исполнить ее было надо и даже быстро; темноты хватитъ ненадолго. Не мѣшкая принялись за дѣло. Все, что еще напоминало человѣка, было собрано, искры, мѣстами тлѣвшія, затоптаны; все исчезало въ принесенныхъ полотняныхъ простыняхъ и мѣшкахъ. Быстро скользили тѣни отъ столба къ столбу; молча и торопливо работали руки; ни слова не было произнесено, не слышалось почти ни одного звука.

Лишь разъ, передъ однимъ изъ столбовъ, произошла остановка; призрачныя фигуры столпились, руки съ минуту бездѣйствовали, всѣ глаза остановились на зрѣлищѣ, рѣзко отличавшемся отъ всего остальнаго.

Къ столбу была привязана молодая, прекрасная дѣвушка.

Странно! какимъ-то чудомъ ея тѣло спаслось отъ разрушенія, постигшаго всѣ остальныя.

Столбъ, къ которому она была привязана, походилъ на грубо сдѣланный крестъ. Бѣлыя, нѣжныя, еще не застывшія руки были прикрѣплены къ поперечной перекладинѣ; тяжело склонилась голова; длинные, темные волосы разсыпались по бѣлой обнаженной груди; лицо, склоненное на сторону, походило на лицо спящей. Никакого страха смерти не было замѣтно; почти не было слѣдовъ страданія. Казалось, невыразимо привлекательная улыбка мелькаетъ на немъ. Губы были полуоткрыты, точно онѣ говорили что-то, когда угасало дыханіе.

Тихо стояли мужчины; слезы текли по ихъ щекамъ. Шопотъ пронесся въ толпѣ; чуть слышно было произнесено одно имя: «Клавдія!»

Всѣ руки невольно сложились, какъ передъ чудомъ.

Какимъ образомъ свершилась смерть?

Жестокое пламя коснулось только ногъ, до колѣнъ; до верхней части тѣла огонь не достигъ. Скоро поняли, чѣмъ это объяснялось. Груда хвороста, окружавшая дѣвушку, какъ и остальныхъ страдальцевъ, была разметана посторонней рукой. Колючій кустарникъ, облитый смолою, былъ вытоптанъ, точно для того, чтобы пламя не причинило ей боли.

Вдругъ раздался голосъ, тихій, не громче вздоха и, однако, всѣмъ слышный. Изъ толпы кто-то вышелъ, и тайна открылась. Дотронувшись рукой до груди дѣвушки, онъ указалъ мѣсто надъ самымъ сердцемъ; здѣсь проникла смерть.

На бѣлой кожѣ виднѣлась красная рана, окруженная нѣсколькими каплями застывшей крови. Небольшая рана, но все же слишкомъ широкая для кинжала и недостаточно широкая для меча, по крайней мѣрѣ, для короткаго клинка римскаго меча.

Какое же это могло быть оружіе? Чья рука направила его?

Что оно принадлежало человѣку, умѣющему обращаться съ нимъ, знающему, гдѣ центръ человѣческой жизни, куда надо мѣтить, когда хочешь уничтожить ее однимъ взмахомъ, было видно по тому, какъ былъ нанесенъ ударъ.. Прямо сквозь сердце прошолъ онъ.

Это объясняло выраженіе лица, не страдальческое, а спокойное, какое видишь у людей, кого смерть поразила въ самое сердце.

Кто же оказалъ ей эту услугу? Что могло побудить его?

Загадка за загадкою, тайна за тайною!

Для долгаго размышленія не было, однако, времени.

Веревки, прикѣплявшія руки дѣвушки къ перекладинѣ креста, были развязаны; лишь тутъ замѣтили, какими глубокими, страшными бороздами онѣ врѣзались въ тѣло; безжизненною массою спустилось оно въ распростертыя объятія неизвѣстныхъ. Черезъ минуту его завернули въ большую простыню, и все было кончено.

Унося свою добычу, беззвучно, какъ пришли, исчезли сѣрыя фигуры, и когда вскорѣ показались первые лучи солнца и разбудили спящихъ, они оглянулись въ изумленіи. На мѣстѣ казни все было прибрано. Одни только столбы возвышались черными, обуглившимися обрубками; всякіе слѣды христіанъ, тѣла которыхъ свѣшивались вчера со столбовъ, исчезли окончательно. Римляне протирали глаза, перешептываясь, подталкивали другъ друга. Злые духи шалили здѣсь ночью, это очевидно; ясно и то, что христіане съ ними за одно.

Это взывало къ бдительности. Должно быть, зло еще не совсѣмъ искоренено. Ударъ, нанесенный вчера, поразилъ, повидимому, еще не всѣ головы. Навѣрно, осталось много такихъ же преступниковъ, затерянныхъ среди массы населенія.

Съ этой минуты каждый римлянинъ превратился въ соглядатая, подкарауливавшаго и подслушивавшаго во всѣ стороны, не слышно ли, не видно ли чего-нибудь, напоминающаго о христіанахъ. Кровожадная дикость наполнила одну часть населенія, тяжелая тревога — другую. Надъ всѣмъ городомъ тяготѣлъ глухой гнетъ.

На другой день послѣ кроваваго празднества Нерона, утромъ, когда солнце уже высоко стояло на небѣ, Присцилла, жена стараго ткача Аквилы, возвращалась съ рынка домой.

Это было скромное жилище, гдѣ она пріютилась съ мужемъ, довольно далеко отъ центра, на Аппіевой дорогѣ, за четвертымъ столбомъ отмѣчавшимъ мили.

Шла она торопливо. Дойдя до двери, она съ минуту постояла на порогѣ, еще разъ оглянулась испуганными глазами, потомъ вошла. Тотчасъ же слышно было, какъ изнутри щелкнулъ засовъ.

Въ глубинѣ комнаты, въ которую она проникла, лежалъ на постели въ глубокомъ, мирномъ снѣ старикъ. Это былъ Аквила, ея мужъ.

Тихо поставила она корзину на полъ, потомъ остановилась, молча глядя на спящаго и сложивъ руки такъ, какъ складываютъ ихъ христіане на молитвѣ; беззвучно шевелились ея губы. Ей, повидимому, тяжело было нарушить мирный сонъ старика.

Знала вѣдь она, что онъ не спалъ всю ночь, что онъ былъ съ остальными братьями въ садахъ Нерона, чтобы собрать для погребенія останки сожженныхъ христіанъ. Лишь на зарѣ вернулся онъ домой и, шатаясь отъ изнеможенія, упалъ на ложе.

Но говорить она должна.

Тихо опустилась она около спящаго, обѣими руками взяла руки, сложенныя на груди, потомъ приблизила губы къ его уху.

— Аквила!

Быстро приподнялся онъ, какъ дѣлаютъ люди, пріучившіеся спать легко, потому что ихъ постоянно окружаютъ опасности, или какъ солдаты, во снѣ даже незабывающіе враговъ.

Женщина обвила старика руками и прижалась щекою къ его шеѣ.

— Аквила,—начала она, понизивъ голосъ,—дорогой мужъ мой, мнѣ кажется, часъ нашъ насталъ и мы должны быть готовы. Богу угодно, чтобъ мы предстали передъ нимъ.

Старикъ сѣлъ; глаза его, еще затуманенные сномъ, стали проясняться. Тихо провелъ онъ ладонями по волосамъ и щекамъ Присциллы.

— Развѣ ты что-нибудь замѣтила?—шопотомъ спросилъ онъ.— Тебѣ кажется, они выслѣдили насъ?

— Да, мнѣ это кажется,—отвѣтила она, и слова вырывались у нея съ трудомъ.—Ты вѣдь знаешь,—продолжала старушка,— сыщики Нерона все еще рыщутъ по городу, чтобъ высматривать христіанъ. А еслибъ ты слышалъ, какъ говорили о насъ на рынкѣ!..

Невольно замолкла Присцилла и поникла головой.

— Вотъ сейчасъ,—снова начала она,—когда я шла домой и была уже на Аппіевой дорогѣ, приблизительно около третьяго столба, вижу—идетъ передо мной солдатъ цезаря, знаешь, одинъ изъ чужеземцевъ, которые такъ странно одѣты и носятъ на головѣ животныхъ...

— Одинъ изъ тѣлохранителей, —докончилъ ея рѣчь Аквила.

— Да. Остановился онъ около столба и принялся разглядывать его, какъ человѣкъ, который считаетъ мили, а я была какъ разъ за нимъ. Вокругъ солдата столпились дѣти, уставились на него, и пока я, не спѣша, шла дальше, прислушиваясь, солдатъ говоритъ дѣтямъ: не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ живетъ ткачъ Аквила?

Руки старика, все еще обнимавшіе голову женщины, тихо дрогнули.

— Онъ произнесъ мое имя?—спросилъ Аквила.

Присцилла подняла на мужа глаза. Она хотѣла говорить, но, вмѣсто словъ, изъ ея груди вырвались рыданія, изъ глазъ полились слезы.

Старикъ приподнялъ ее съ колѣнъ и усадилъ на ложе рядомъ съ собою. Ласково обнялъ онъ жену.

— Вспомни слова Христа,—прошепталъ онъ,—кто вѣритъ въ Него, можетъ умереть, но мертвымъ не останется!.. А вѣдь мы въ Него вѣримъ...

Присцилла поспѣшно кивнула головою.

— Ну, вотъ видишь ли ты! Значитъ, будь мужественна! Скоро мы увидимъ Того, къ Кому такъ стремились! Развѣ ты не радуешься узрѣть Его, Присцилла?

Снова кивнула она, столь же горячо и торопливо, какъ прежде. Потомъ она крѣпче охватила мужа обѣими руками, и такъ сидѣли они, молча прижимаясь другъ къ другу, ожидая часа, когда будутъ отозваны изъ этой жизни...

Немного времени спустя раздались тяжелые шаги; чья-то рука взялась за замокъ, но засовъ былъ задвинутъ изнутри, и дверь не открывалась. Тогда постучались; невольно вскочили супруги. Грудь ихъ вздымалась и опускалась; лица поблѣднѣли. За дверью ждала смерть...

При неожиданномъ приближеніи страшной минуты мужество измѣнило женщинѣ. Упавъ на колѣни, она выхватила изъ подъ изголовья спрятанный тамъ маленькій, сложенный изъ палочекъ, крестъ, судорожно сжатыми руками приблизила его къ своему лицу, между тѣмъ какъ губы съ отчаянной поспѣшностью шептали молитву.

Вторично раздался ударъ въ дверь. Аквила оправился отъ оцѣпенѣнія, на минуту сковавшаго его.

— Присцилла!—громко позвалъ онъ, поднявъ правую руку, точно хотѣлъ указать на небо.

Потомъ онъ подошелъ къ двери, отодвинулъ засовъ и самъ распахнулъ ее.

*

Черезъ мигъ онъ отшатнулся шага на два; глаза его широко раскрылись. Да, по истинѣ страшна была смерть!..

Передъ дверью стоялъ человѣкъ въ пестромъ одѣяніи тѣлохранителей Нерона. На лобъ была надвинута волчья голова; изъ подъ нея падали до самыхъ плечъ растрепанные бѣлокурые, почти желтые волосы. Никогда еще не видалъ Аквила такого исполина. Водворилось долгое молчаніе: оба глядѣли другъ на друга. Аквила не отвращалъ взоровъ отъ незнакомца, и глаза того вопросительно и съ удивленіемъ впивались въ лицо старика. Наконецъ, исполинъ вошелъ въ комнату, для чего долженъ былъ нагнуться въ дверяхъ, и тутъ только замѣтилъ женщину, которая, стоя на колѣняхъ, цѣловала крестъ и смотрѣла на незнакомца.

Точно окаменѣвъ, остановился солдатъ, смертельно поблѣднѣлъ и свѣтло-голубые глаза его приняли испуганное, полубезумное выраженіе.

— Не колдуй!—хрипло крикнулъ онъ, протягивая впередъ обѣ руки.

Присцилла посмотрѣла на него.

— Скажи ей: не колдовать,—повторилъ солдатъ, обращаясь къ Аквилѣ.

Потомъ, не сводя глазъ съ колѣнопреклоненной женщины, онъ отступилъ къ стѣнѣ и закрылъ лицо рукою, точно боялся, что его поразитъ заколдованная стрѣла или случится что-нибудь страшное.

Супруги обмѣнялись удивленнымъ взглядомъ. Они покорно ожидали, что исполинъ бросится, свяжетъ ихъ, быть можетъ, сейчасъ же убьетъ, а вмѣсто того онъ стоялъ, прижимаясь къ стѣнѣ, и видимо боялся своихъ жертвъ.

Но вѣдь это германецъ, дикарь! Аквила начиналъ понимать положеніе дѣла.

— Успокойся, братъ мой,—сказалъ онъ.—Женщина не сдѣлаетъ тебѣ никакого зла! Она не колдуетъ, да и не умѣетъ колдовать.

Солдатъ медленно опустилъ руку; взглядъ его переходилъ отъ одного къ другому.

— Развѣ вы не колдуны?—съ трудомъ спросилъ онъ.

Едва замѣтная улыбка промелькнула по лицу Аквилы.

— Нѣтъ, мы не колдуны.

— Но вѣдь вы христіане?

Страшный вопросъ былъ предложенъ. Старикъ склонилъ голову.

— Да, мы христіане!

Потупившись стоялъ онъ, увѣренный, что теперь свершится ихъ судьба. Но ничего не послѣдовало.

Когда онъ поднялъ, наконецъ, глаза, незнакомецъ былъ на прежнемъ мѣстѣ и глядѣлъ на него все тѣмъ же вопроситель нымъ, изумленнымъ взоромъ.

Потомъ солдатъ выступилъ на середину комнаты, придвинулъ къ себѣ деревянную скамью и тяжело сѣлъ на нее. Шлемъ свой онъ снялъ съ головы, поставилъ его рядомъ съ собой на полъ и, опустивъ глаза, сидѣлъ, точно погруженный въ думу.

Воцарилась глубокая тишина. Аквила и Присцилла имѣли время разглядѣть загадочнаго человѣка. Такого они никогда не видывали во всю жизнь.

Когда онъ снялъ шлемъ, они замѣтили, что только лицо его загорѣло отъ римскаго зноя; лобъ же былъ чистъ и бѣлъ. Геркулесъ съ кожею дѣвушки!

Онъ оперся руками о колѣни; голова его нѣсколько свѣсилась. Аквила и Присцилла замѣтили далѣе, что тамъ, гдѣ волосы подвергались жгучимъ лучамъ солнца, дождю и вліянію воздуха, они были жестки и всклокочены; тамъ же, гдѣ ихъ защищалъ шлемъ, они остались мягкими и нѣжно бѣлокурыми, съ золотистымъ отливомъ.

А черты этого молодого, красиваго, правильнаго лица!

Бороды или даже малѣйшаго пушка будущей бороды не было видно. Выраженіе глубокой печали, доходящей до унынія, одно только оттѣняло лицо. Аквила отступилъ къ своему ложу и сѣлъ на него; отвратить взора отъ пришельца онъ не могъ.

Кто этотъ человѣкъ? Что ему надо? Сыщикъ онъ? Палачъ? Нѣтъ, палачи не такіе!

Теперь солдатъ протянулъ руку къ кресту, который сжимала Присцилла.

— Покажи!—сказалъ онъ.

Присцилла колебалась; Аквила же всталъ, взялъ изъ ея рукъ крестъ и подалъ солдату. Онъ сжалъ его въ правомъ кулакѣ, оперъ кулакъ о колѣно, такъ что крестъ стоялъ прямо, и задумчиво глядѣлъ ва него.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ началъ ощупывать его пальцами лѣвой руки; они скользнули по перекладинѣ.

— Такъ висѣли ея руки,—прошепталъ онъ.

Казалось, онъ забылъ, что въ комнатѣ были, кромѣ него, люди. Словно во снѣ, глаза его устремлялись черезъ крестъ въ пространство, точно стараясь удержать далекую, недостижимую, невозвратимую картину.

Вдругъ онъ повернулъ голову къ Аквилѣ; глаза его горѣли сухимъ блескомъ. Видно было, онъ хотѣлъ что-то спросить, но

замѣтилъ, что дверь осталась открытою, и знакомъ приказалъ старику запереть ее.

Аквила повиновался и опять сѣлъ. Солдатъ протянулъ руки и привлекъ его къ себѣ; Аквилѣ казалось, что руку его сжимаетъ львиная лапа.

— Правда ли,—началъ солдатъ глухимъ, сдержаннымъ голосомъ,—что люди могутъ жить даже послѣ смерти?

Глаза стараго христіанина сверкнули.

— Да, это правда,—быстро и громко отвѣтилъ онъ,—если они вѣрятъ въ Того, кто поборолъ смерть, въ Христа!

Солдатъ молчалъ, точно ничего не понимая. Старикъ замѣтилъ это.

— Прежде было иначе, тогда люди умирали навѣки. Но теперь явился Спаситель и принесъ намъ избавленіе.

Не выпуская руки старика, солдатъ поникъ головою, желая дать понять, чтобъ тотъ продолжалъ.

— Прежде,—говорилъ далѣе Аквила,—Господь гнѣвался на людей. Что на свѣтѣ много боговъ, какъ говорятъ римляне, этому ты не вѣрь! Люди думали только о своемъ тѣлѣ, а не о душахъ, поэтому жизнь ихъ и кончалась, когда умирало тѣло. Тутъ явился Сынъ Божій...

Старикъ, постепенно разгорячавшійся, умолкъ, ожидая дѣйствія своихъ словъ. Но дикарь не сдѣлалъ ни одного движенія.

— Подумай,—продолжалъ Аквила,—какое чудо! Онъ явился и жилъ, какъ человѣкъ, среди людей! И вѣришь ли ты... (тутъ голосъ его перешелъ въ шопотъ) есть и теперь еще старики, которые видали Его!.. Онъ далъ умертвить себя, воскресъ изъ могилы и явился людямъ, Его раньше знавшимъ, чтобы они видѣли, что Онъ живъ, хотя и умеръ!... Такъ будетъ и съ нами, вѣрующими въ Него... Всѣ мы воскреснемъ!..

Голосъ старика перешелъ въ громкое ликованіе. Солдатъ поднялъ голову, заглянулъ въ его глаза, сіявшіе блаженствомъ и переполненные слезами, потомъ кивнулъ головою.

— Вотъ такъ и она говорила,—сказалъ онъ.

Аквила не понялъ его и не успѣлъ предложить вопроса, какъ солдатъ снова задумался. Водворилось краткое молчаніе; потомъ Аквила замѣтилъ, какъ бѣлое лицо, находившееся передъ нимъ, вспыхнуло; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ, что могучая рука, сжимавшая его пальцы, все крѣпче стискивала ихъ, точно желала раздробить кости.

— Думаешь ли ты,—Клавдія жива?

Голосъ солдата былъ хриплый.

— Клавдія?!.

Старикъ невольно отшатнулся; вопросъ такъ неожиданно поразилъ его, что дыханіе почти сперлось.

Солдатъ схватилъ его обѣими руками, какъ бы боясь, что онъ убѣжитъ. Глаза его со страхомъ впились въ старика, ожидая отъ него жизни или смерти.

— Развѣ ты ее не знаешь? Ты долженъ ее знать! *Она* прислала меня къ тебѣ!

— Она прислала тебя... ко мнѣ?—пробормоталъ Аквила.

Спокойствіе солдата уступило теперь мѣсто нетерпѣнію, не допускавшему никакой проволочки.

— Жива Клавдія? Жива она? жива?—страстно спросилъ онъ три раза.

Съ усиліемъ высвободилъ свои руки Аквила и поднялъ ихъ вверхъ.

— Клянусь всѣмъ святымъ, Клавдія, умершая вчера на кострѣ, жива и будетъ жить вѣчно!

Страшный звукъ потрясъ комнату. Исполинъ вскочилъ. Съ распростертыми руками, высоко вздымавшейся грудью, просвѣтленнымъ лицомъ стоялъ онъ среди комнаты; вслѣдъ за тѣмъ бросился на Аквилу, схватилъ его за оба плеча такъ, что тщедушная фигура старика колыхалась изъ стороны въ сторону.

— Я хочу къ ней!—кричалъ воинъ.—Укажи мнѣ путь! Ты можешь это сдѣлать! *Она* мнѣ это сказала!

Присцилла приподнялась съ полу и испуганно подошла.

— Чужеземецъ,—сказала она, осторожно касаясь его руки,— не дѣлай мужу моему зла!

Солдатъ нерѣшительно снялъ руки съ плечъ Аквилы. Мягкій женскій голосъ, казалось, успокоилъ его.

— Мы такъ любили Клавдію!—продолжала Присцилла.—Скажи же намъ, гдѣ ты ее узналъ? Что тебѣ о ней извѣстно?

Изъ груди солдата вырвался глухой стонъ. Онъ отступилъ на одинъ шагъ, упалъ на скамью, на которой раньше сидѣлъ, откинулъ назадъ голову, потомъ снова опустилъ ее. Видно было, что его охватили воспоминанія, и потрясали весь его организмъ. Дикарь попытался говорить, но, покачавъ головою, отказался отъ этого намѣренія. Опершись обоими локтями на колѣни, онъ склонилъ голову на руки и закрылъ глаза сжатыми кулаками.

Молча слѣдили за нимъ Аквила и Присцилла, хотя сердца ихъ горѣли нетерпѣніемъ. Ясно, этотъ человѣкъ видѣлъ вчера вечеромъ Клавдію, когда ее вели на казнь. Съ почтительной робостью глядѣли они на него. Безпорядочныя восклицанія давали

возможность угадать, что онъ былъ близокъ къ ней въ предсмертный часъ, что она говорила съ нимъ, что его слухъ уловилъ послѣдній вздохъ ея. Клавдія, лучъ свѣта, озарявшій мрачныя катакомбы, средоточіе любви и благоговѣнія всей христіанской общины, теперь, послѣ своей кончины, была какъ святая въ ихъ воспоминаніяхъ. Изъ семьи патриціевъ она низошла до людей бѣдныхъ и презираемыхъ, и добровольно принесла вчера свою прекрасную, молодую жизнь въ жертву лютой смерти.

Наконецъ, видя, что солдатъ не можетъ связно говорить, Аквила приблизился къ нему. Нельзя ли вывѣдать его тайну вопросами? Старикъ опустилъ руку на плечо юноши.

— Ты изъ цезаревыхъ тѣлохранителей?—началъ онъ.—Былъ ты вчера при?..

Солдатъ выпрямился; руки его опустились; онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Подъ вечеръ насъ... вывели... въ сады... цезаря...

Слова вырывались у него съ трудомъ.

— Намъ сказали... будутъ жечь... христіанъ... за то... что они сожгли Римъ...—продолжалъ онъ и снова замолкъ.

— Значитъ, ты все видѣлъ?—допытывался Аквила.

Солдатъ опять кивнулъ головой.

— Отвели насъ къ тому мѣсту, гдѣ стояло множество столбовъ, двумя рядами, одинъ столбъ противъ другого, точно дорога, обсаженная деревьями, шириною шаговъ въ пятьдесятъ. Намъ сказали,—цезарь будетъ кататься взадъ и впередъ между столбами, въ то время, какъ...

— Въ то время какъ что?..

— Христіане будутъ горѣть на столбахъ.

— А вы должны были слѣдовать за цезаремъ, пока онъ катался?..

— Нѣтъ, мы должны были подойти къ столбамъ, каждый къ одному столбу, и зажечь хворостъ, которымъ онъ былъ обложенъ...

— Такъ вотъ на что вы ему нужны!—воскликнула Присцилла.

Солдатъ взглянулъ на нее и пожалъ плечами.

— Быть можетъ, онъ боялся, чтобы христіане не сдѣлали ему чего-нибудь! Вѣдь онъ такой трусъ.

Губы германца дрогнули; онъ отвернулъ голову.

— И тебя приставили къ одному изъ столбовъ?—продолжалъ допросъ Аквила.

Солдатъ все еще глядѣлъ въ сторону; пальцы его сжимали колѣна, вокругъ которыхъ обвивались руки.

— По всему, что говорили о христіанахъ, я думалъ...—съ тру-

домъ произнесъ онъ,—они должны походить на разбойниковъ и убійцъ... А когда я подошелъ къ столбу... на немъ была... женщина...

Мертвая тишина царила въ комнатѣ. Мечтательное выраженіе появилось въ глазахъ дикаря; на губахъ блуждала неясная улыбка.

— Что она не была поджигательницей, это я хорошо видѣлъ!..— прибавилъ онъ и низко опустилъ голову, точно ему было стыдно.— Почти всю одежду сорвали они съ нея; плащъ и башмаки лежали на землѣ передъ столбомъ и были такіе дорогіе, прекрасные и тонкіе, какіе носятъ на улицѣ знатныя женщины. Тутъ я понялъ, что она, должно быть, знатнаго рода... и... вдругъ она передо мной въ такомъ видѣ...

Молча стиснулъ онъ кулаки и тряхнулъ головою.

— Смѣть такъ поступить съ женщиною!.. Вѣдь, не будь хвороста, да колючихъ вѣтвей, наваленныхъ вокругъ нея по самую шею и скрывавшихъ тѣло...

Онъ замолкъ. Цѣломудренная душа его была полна негодованія; кровь волною прилила къ лицу.

— Эти римляне!—бормоталъ онъ.—Что это за люди!

— Потомъ,—продолжалъ онъ,—римскій центуріонъ подошелъ съ факеломъ, сунулъ мнѣ его въ руку и сказалъ: «Смотри, когда станетъ совсѣмъ темнѣть и цезарь пріѣдетъ въ садъ, кто-нибудь громко крикнетъ: Зажигайте! Лишь только ты это услышишь, брось факелъ прямо въ колючки, видишь, внизу, гдѣ положены смола и деготь, чтобы лучше загоралось. Понялъ?» И все это,—прибавилъ солдатъ,—опять качая головой, точно предъ чѣмъ-то непостижимымъ,—онъ сказалъ совсѣмъ громко, такъ что *она* слышала и должна была понять, что̀ съ ней будетъ. Поэтому, когда удалился центуріонъ и я взглянулъ ей въ лицо... (до той минуты я не смотрѣлъ на нее...) я воображалъ, что увижу на немъ ужасъ... И вдругъ, когда я посмотрѣлъ на нее, а она взглянула на меня... все вышло совсѣмъ иначе...

Послѣднія слова перешли въ шопотъ. Казалось, солдатъ хотѣлъ опять замолкнуть. Но нетерпѣніе овладѣло слушателями; Аквила потрясъ его за плечо, точно для того, чтобъ его разбудить.

— Какое у нея было лицо? Что ты на немъ видѣлъ?

— Мнѣ казалось, точно она чему-то радуется,—медленно отвѣтилъ онъ, потирая лобъ.—Не могу хорошенько этого описать...

Въ своей безпомощности онъ искалъ словъ, чтобъ изобразить все необычайное, что онъ пережилъ и видѣлъ.

— Она была точно дитя, когда оно съ нетерпѣніемъ ждетъ

чего-то, и все глядѣла на меня... а... мнѣ было жаль ея... Вотъ я и сказалъ: зачѣмъ ты на меня смотришь? Тогда она начала...

Онъ разомъ замолкъ. Говорить далѣе онъ не могъ; что-то душило его. Наконецъ, онъ оправился и продолжалъ:

— Гляжу я на тебя потому, что мнѣ хотѣлось знать, на кого похожъ тотъ, кто откроетъ передо мною двери рая!

— Рая!—сказалъ Аквила, стиснувъ руки и взглянувъ на жену.

— Рая!—повторила Присцилла.

— И такъ какъ я ее не понялъ,—продолжалъ разсказывать воинъ,—я и спросилъ; о чемъ ты говоришь?... Тогда она сказала: это такой чудесный садъ, какого ты никогда не видалъ и не увидишь на землѣ, съ вѣчно зелеными лугами, тѣнистыми деревьями. Тамъ не бываетъ ни зимы, ни палящаго солнца, ни зноя!.. Еслибъ ты ходилъ хоть тысячу лѣтъ, до конца сада ты не дойдешь. Есть въ немъ существа, какихъ ты тоже не видывалъ, юноши съ большими бѣлыми крыльями, и они летаютъ во всѣ стороны, точно голуби...

— Все это говорила она, а я не понималъ и думалъ, страхъ смерти помутилъ ея разсудокъ, и все это ей только грезится. Но когда я опять поднялъ на нее глаза, я увидалъ, что она въ здравомъ умѣ, и спросилъ: гдѣ же тотъ садъ, про который ты говоришь?

Тутъ она откинула голову назадъ, насколько позволялъ столбъ, а въ эту минуту всходила на небѣ вечерняя звѣзда.

— Онъ тамъ наверху,—сказала она.—Теперь мы видимъ только одну звѣзду, но скоро появится безчисленное множество, и будетъ блескъ и сіяніе. И надъ всѣмъ этимъ блескомъ и сіяніемъ и есть садъ, про который я говорила, и какъ только я умру на землѣ, прилетятъ ангелы, возьмутъ меня за руки, понесутся со мною въ въ высь, и сегодня вечеромъ я буду въ этомъ чудномъ, прекрасномъ саду...

Солдатъ помолчалъ, опять взялъ маленькій крестъ, выпавшій изъ его рукъ и поднятый Присциллой.

— Руки ея были привязаны вотъ такъ,—продолжалъ онъ, проводя пальцами по перекладинѣ.—Онѣ были такія бѣлыя, что казалось, будто у нея на плечахъ крылья и она взовьется и полетитъ... Я не могъ оторвать отъ нея глазъ вплоть до той минуты...

Голова его склонилась на грудь; силы, казалось, покинули его, могучее тѣло вздрагивало. Слышались такіе стоны, всхлипыванія и рыданія, что старикамъ чудилось, точно передъ ними звѣрь, изнемогающій отъ ранъ... Долго не могъ юноша оправиться.

— И такъ какъ она говорила со мною весело, между тѣмъ, какъ она слышала, что приказалъ центуріонъ, и видѣла всѣ страш-

ныя приготовленія, я не могъ этого понять, до того все это казалось мнѣ страннымъ, и спросилъ: «Развѣ ты не боишься того, что будетъ съ тобою сейчасъ?»

— Тутъ (солдатъ широко раскрылъ глаза и внимательно посмотрѣлъ на Аквила и Нрисциллу, точно призывая ихъ въ свидѣтели того, что онъ скажетъ)—тутъ... она засмѣялась...

— Она смѣялась?—въ изумленіи повторилъ Аквила, взглянувъ на жену. Присцилла молча и восторженно покачала головой.

— Да,—продолжалъ разсказчикъ,—но смѣялась не громко, а какъ смѣются люди, когда имъ легко на сердцѣ. Потомъ она сказала: ахъ, братъ мой, еслибъ ты зналъ, какое блаженство у меня на душѣ, ты понялъ бы, почему я не боюсь. Вѣдь черезъ часъ я буду у Того, къ Которому стремилась моя душа, пока я жила на свѣтѣ. Развѣ ты никогда не слыхалъ о Христѣ?

— И когда я сказалъ, что ничего не слыхалъ, она нагнулась ко мнѣ, насколько дозволяли веревки, и шепнула: «Братъ мой, еслибъ ты захотѣлъ сдѣлать то, что я тебѣ посовѣтую, какимъ счастливымъ человѣкомъ ты сталъ бы! Когда я умру, сходи къ Аквилѣ—ткачу, на Аппіевой дорогѣ, и скажи ему, что тебя прислала Клавдія, чтобъ онъ разсказалъ тебѣ про Христа, окрестилъ тебя и принялъ въ нашу общину, и ты будешь такъ же счастливъ, какъ и мы»...

У Аквилы вырвался глухой крикъ; онъ обнялъ солдата обѣими руками и поцѣловалъ его бѣлокурую голову:

— Братъ мой, братъ!—восклицалъ старикъ.

Присцилла опустилась на колѣни, гладя руки молодого человѣка. Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ всѣ успокоились, и онъ могъ продолжать.

— А если я пойду къ Аквилѣ и сдѣлаюсь христіаниномъ,—спросилъ я,—буду ли я въ томъ саду, куда идешь ты, узнаешь ли ты меня, не отвернешься ли?

— Она кивнула головою и отвѣтила: «Я буду ждать тебя у воротъ рая, полечу тебѣ навстрѣчу и введу въ садъ. А скоро ли ты придешь?»

— Я приду такъ скоро, какъ только могу,—сказалъ я.—Никогда не покину тебя, останусь съ тобой вѣчно, вѣчно!

— Пока мы говорили, вокругъ насъ начался шумъ; я услыхалъ, какъ въ отдаленномъ концѣ сада закричали: «Зажигайте!» Казалось, будто кричали уже давно, только мы не обращали на это вниманіе. Справа и слѣва отъ насъ взвивался по столбамъ огонь; римляне, стоявшіе сзади принялись ревѣть, точно дикіе звѣри, а христіане закидывали назадъ головы и что-то говорили,

глядя на небо, не знаю, что именно, но только всѣ твердили одно и то же слово. Это былъ такой шумъ, какого я никогда не слыхивалъ, а въ эту минуту цезарь въѣзжалъ въ садъ на золотой колесницѣ, запряженной восемью бѣлыми конями.

— И пока я стоялъ совсѣмъ ошеломленный, Клавдія крикнула мнѣ со столба: «Братъ мой, ты долженъ зажечь! Зажигай же!»

— Тутъ я вспомнилъ, что мнѣ приказалъ центуріонъ, и хотѣлъ сунуть факелъ въ хворостъ, но вдругъ... не могъ... этого сдѣлать...

— А между тѣмъ колесница цезаря приближалась, и Клавдія снова сказала: «Поспѣши, братъ мой! Зачѣмъ медлишь! Развѣ не слышишь, какъ всѣ мои взываютъ: Осанна! Развѣ не видишь, какъ они возносятся къ небу! Неужели я одна не попаду въ рай?..»

— Тогда я отвернулъ голову, чтобъ не глядѣть на нее, взялъ факелъ и сунулъ его въ хворостъ у ея ногъ, какъ велѣлъ центуріонъ. Не успѣлъ я это сдѣлать, какъ пламя вспыхнуло, охватило ея ноги до самыхъ колѣнъ, и я услыхалъ звукъ, слабый, но страшный... и обернулся; голова ея откинулась назадъ, глаза закрылись, всѣ члены трепетали, а со лба капалъ холодный потъ. Когда я понялъ, какъ ужасны ея страданія, я бросился къ пылающему хворосту, затопталъ его, такъ что не осталось ни одной искорки, сорвалъ колючки, окружавшія ее. Тутъ она очнулась, открыла глаза и сказала: «Что сдѣлалъ ты, братъ мой! Зачѣмъ не далъ ты мнѣ умереть!»

— А я отвѣтилъ ей: Успокойся, ты тоже умрешь. Я вижу, что иначе быть не можетъ, но не отъ огня, не въ такихъ страшныхъ мученіяхъ скончаешься ты, а отъ моей руки. На моей родинѣ считается благородною смертью умереть отъ меча; вотъ такъ и ты умрешь, потому что ты благородная женщина, и я тебя люблю, какъ не любилъ еще никого. А если ты любишь Христа, я то же сдѣлаюсь христіаниномъ и приду въ твой садъ...

— Говоря это, я вынулъ лѣвою рукою мечь и приставилъ его къ ея груди тамъ, гдѣ сердце. Только разъ вздрогнула она, вздохнула, потомъ все было кончено...

Во время послѣдней части разсказа солдатъ вскочилъ со скамьи. Высоко выпрямившись, стоялъ онъ; слова, вырывавшіяся сначала съ трудомъ, лились теперь бурнымъ потокомъ. Ни къ Аквилѣ, ни къ Присциллѣ не обращался онъ, а куда-то черезъ нихъ, въ ту таинственную даль, о которой говорила Клавдія.

При послѣднихъ словахъ: «все было кончено!»—онъ упалъ вдругъ на землю, точно срубленное дерево, оперся руками о

скамью и скрылъ въ нихъ лицо. Такъ лежалъ онъ, не замѣчая, какъ обмѣнялись взглядомъ старики, не слыша, какъ они вышли потихоньку въ сосѣднюю комнату и вернулись оттуда, держа въ рукахъ сосудъ съ водой. И лишь тогда, когда онъ почувствовалъ, что волосы его мокры, поднялъ голову и оглянулся.

Аквила стоялъ рядомъ съ нимъ. Обмакнувъ руку въ святую воду, онъ чертилъ крестъ на лбу и головѣ юноши, шепча молитвы, произносимыя при крещеніи...

Молча допустилъ это солдатъ. Такъ погрузились въ свое дѣло всѣ трое, что не слыхали шума шаговъ и гула голосовъ, приближавшихся къ дому. Лишь тогда, когда дверь разомъ распахнулась, они вздрогнули.

На порогѣ стояли три римскихъ преторіанца.

Смутило ли ихъ странное зрѣлище, или же въ глазахъ германца-исполина, все еще стоявшаго на колѣнахъ передъ скамьею и глядѣвшаго на нихъ угрожающимъ взоромъ, было что-то, внушавшее осторожность, но римляне остались у входа, смотря другъ другу черезъ плечо.

Наконецъ, тотъ, что былъ впереди всѣхъ, приблизился.

— Ты ли Аквила, христіанинъ?

Старикъ поклонился.

— Я.

— А эта женщина твоя жена? И тоже христіанка?

Аквила молчалъ и обратилъ глаза на Присциллу, точно предоставляя ей самой отвѣчать.

— Я тоже христіанка,—тихо и покорно отвѣтила она.

— Приготовьтесь же, вы должны послѣдовать за нами,—приказалъ преторіанецъ.

Бѣлокурый гигантъ приподнялся. Дѣлалъ онъ это медленно, но въ этой медленности было что-то страшное.

— Оставьте старика и старуху въ покоѣ,—сказалъ онъ преторіанцамъ.—Они не сдѣлали вамъ никакого зла. То, что вы разсказываете про христіанъ, будто они подожгли городъ, это все неправда; вы, римляне, выдумали это, солгали!

Въ его голосѣ слышались глухіе раскаты, въ родѣ сердитаго рычанья сторожевого пса, предостерегающаго непрошеннаго гостя.

Преторіанецъ бѣгло взглянулъ на него сбоку и, повидимому, нашелъ, что лучше не обращать вниманія на такого человѣка.

— Впередъ!—скомандовалъ онъ, протягивая руку къ Аквилѣ. Въ тоже мгновеніе онъ отлетѣлъ въ уголъ, такъ что латы затрещали и лѣвая щека, ударившись объ стѣну, побѣлѣла отъ известки.

Бѣлокурый исполинъ стоялъ передъ ними. Члены его выпрямились; онъ казался еще громаднѣе прежняго.

— Развѣ ты не слышалъ, что я сказалъ тебѣ: оставь старика въ покоѣ!

Съ бѣшенымъ крикомъ римлянинъ обратился противъ него, охватилъ его обѣими руками и между ними началась борьба на жизнь и смерть.

Длилась она, впрочемъ, лишь нѣсколько секундъ. Раздался ударъ, похожій на тотъ, когда мясникъ раздробляетъ кости и мясо. Пораженный въ затылокъ кулакомъ исполина, преторіанецъ зашатался и безъ чувствъ рухнулъ на землю.

Опомнились теперь два остальные, стоявшіе точно окаменѣлые. Съ яростными ругательствами кинулись они на германца.

— Какъ ты смѣешь, собака, заступаться за христіанъ?

Они обнажили мечи. При видѣ обнаженныхъ клинковъ бѣшенство овладѣло солдатомъ. Онъ отступилъ, вынулъ свой длинный, узкій мечъ изъ ноженъ и замахнулся надъ головой.

— Christianus sum!—заревѣлъ онъ такъ, что слышно было на улицѣ.

Вдругъ онъ нашелъ еще новый боевой кликъ; глаза налились кровью, неукротимая ярость сверкнула на искаженномъ лицѣ.

— Мщеніе за Клавдію! Теперь ваша очередь умереть!

Вопль послѣдовалъ за этими словами. Второй преторіанецъ корчился на полу. Оружіе прошло у него между плечевой костью и шеей, такъ что рука свѣсилась. Но въ ту минуту, когда германецъ наносилъ ударъ, третій римлянинъ подкрался къ своему врагу сзади и вонзилъ ему клинокъ до самой рукоятки подъ приподнявшіяся латы.

Ударъ ногой, отбросившій преторіанца до порога, былъ отвѣтомъ на коварное нападеніе, потомъ исполинъ грузно упалъ на землю, между тѣмъ какъ римлянинъ, обезумѣвъ отъ ужаса, выбѣжалъ изъ дому и скрылся.

На колѣняхъ Аквилы покоилась голова умирающаго; глаза были закрыты, и по мѣрѣ того, какъ кровь ручьями лилась изъ широкой раны, дикость, искажавшая лицо, сглаживалась, и черты становились такими, какими были прежде, но только еще благороднѣе, красивѣе, почти дѣтскими. Присцилла стояла на колѣняхъ съ правой стороны, держа могучую руку, теперь безсильную и медленно стывшую подъ ея слабыми пальцами.

Наконецъ, онъ открылъ глаза.

— Я слышу шелестъ...

Старики молчали; почтительная робость мѣшала имъ разсѣе-

вать образы, носившіеся передъ отлетавшею душою. Должно быть, то были чудные образы, потому что глаза блестѣли какимъ-то особымъ блескомъ.

— Шелестъ крыльевъ,—съ трудомъ шепталъ умирающій,— на ея плечахъ... бѣлыя крылья, большія...

Ясно было, что онъ хотѣлъ встать, точно на встрѣчу кому-то, приближавшемуся къ нему, невидимому ни для кого, кромѣ него одного... Но голова уже не въ силахъ была приподняться, руки ослабѣли и не могли протянуться впередъ. Однѣ только губы еще слабо лепетали дорогое имя: «Клавдія!».

Могучее тѣло вытянулось; теперь оно лежало тихо и спокойно, а на застывшемъ лицѣ мелькала чудная, непостижимая, таинственная улыбка. Сдержала ли Клавдія слово? Явилась ли ему на встрѣчу, и не неслись ли они теперь рука объ руку туда, гдѣ нѣтъ зимы, палящаго солнца и зноя, въ чудный, прекрасный садъ?..

Пер. съ нѣмец. **А. Веселовская.**

ПО НОВОМУ ПУТИ.

Романъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XIII.

Поведеніе Кати приняло довольно подозрительный характеръ, что очень безпокоило Честюнину. Катя уже давно пользовалась дома полной свободой и теперь часто исчезала на цѣлые дни. Она ограничивалась тѣмъ, что предупреждала отца въ очень категорической формѣ:

— Папа, я сегодня уѣзжаю въ „Озерки", и вѣроятно, останусь тамъ ночевать...

Василій Васильичъ сначала не обращалъ вниманія на такія отлучки, потому что въ „Озеркахъ" жила тетка, родная сестра Елены Ѳедоровны. Между семьями давно установились какія-то нелѣпыя, натянутыя отношенія, и Елена Ѳедоровна не желала видѣть сестру, которая, по ея мнѣнію, сдѣлала непростительную глупость, потому что противъ ея желанія вышла замужъ за очень небогатаго офицера. Такъ сестры и не встрѣчались, но это не мѣшало дѣтямъ бывать другъ у друга. Честюнина по лицу Кати давно замѣтила, что та что-то скрываетъ, но молчала. Ей было только жаль стараго дядю, который волновался молча и тяжело вздыхалъ, когда они вдвоемъ садились обѣдать. Пустой стулъ, на которомъ, обыкновенно, сидѣла Катя, являлся нѣмымъ свидѣтелемъ этого отцовскаго безпокойства. Василій Васильичъ тре-

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1896 г.

бовалъ, чтобы приборъ Кати ставился всегда, хотя бы ея и не было дома.

Переговорить съ Катей откровенно съ глазу на глазъ Честюнина тоже не рѣшалась. Катя не выносила распросовъ и считала всякое вторженіе въ ея дѣла за личное оскорбленіе. Это было ея самымъ больнымъ мѣстомъ, и она ревниво берегла свою дѣвичью волю.

— Помилуйте, вѣдь намъ рѣшительно все запрещено,— роптала она.—И то нельзя, и это невозможно, и третье не принято... Позвольте же мнѣ быть человѣкомъ хотя съ глазу на глазъ съ самой собой. Вѣдь это ужасно, когда меня будутъ пытать, что я думаю. Я хочу имѣть въ душѣ у себя такой уголокъ, куда никто не смѣетъ проникнуть.

— Кажется, никто не выражаетъ желанія проникнуть въ твою душу,—иронически замѣчалъ отецъ.

— Если бы это было такъ... Меня всю коробитъ, папа, когда я возвращаюсь откуда-нибудь и читаю на твоемъ лицѣ нѣмой вопросъ: гдѣ была?

— Мнѣ кажется, что вопросъ самый естественный...

— Отчего же ты не спрашиваешь Эжена, гдѣ онъ пропадаетъ?

— Во-первыхъ, я это отлично знаю, потому что мнѣ же приходится уплачивать по его счетамъ, а потомъ онъ мужчина...

— Нѣтъ, онъ человѣкъ, папа, а я несчастное существо, которое называется барышней...

Таинственныя исчезновенія Кати продолжались почти цѣлый мѣсяцъ, а потомъ она не выдержала и сдѣлала „исповѣдишку" Честюниной, взявъ съ нея слово, что это останется между ними...

— Поклянись мнѣ, Маня...

— Послушай, Катя, это смѣшно.

— Ну, дай честное слово.

— А если я и безъ твоей исповѣдишки догадываюсь въ чемъ дѣло?

Катя чуть-чуть не обидилась, но сдержала себя, потому что уже давно томилась жаждой подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своей тайной. Она потащила Честюнину въ паркъ, въ самую глухую аллею и тамъ, не безъ торжества, показала ей афишу лѣтняго театра въ „Озеркахъ".

— Я такъ и знала...—говорила Честюнина, просматривая дѣйствующихъ лицъ. — Ты, конечно, выступила подъ псевдонимомъ?

— Конечно... Тебѣ нравится фамилія: Терекова? Самыя поэтическія фамиліи дѣлались по названію рѣкъ! Онѣгинъ, Печоринъ... А теперь будетъ Терекова. Я сама догадалась придумать это. Мнѣ хотѣлось что-нибудь такое бурное, дикое... „Браво, Терекова!.. Бисъ, Терекова! Ура, Терекова!..“ Мнѣ ужъ завидуютъ... Ну, посмотри, какія тутъ фамиліи: Смирнова, Травина, Мосягина... Развѣ можно съ такими фамиліями имѣть хоть какой-нибудь успѣхъ?

Въ увлеченіи своимъ псевдонимомъ Катя даже поцѣловала афишу.

— Для начала совсѣмъ не дурно, Манюрочка... Я ужъ познакомилась съ двумя газетными рецензентами. Обѣщали написать обо мнѣ, какъ только я выступлю въ подходящей роли.

— А сейчасъ?

— Сейчасъ я еще въ приготовительномъ классѣ... на выходныхъ роляхъ. Представь себѣ, режиссеръ говоритъ, что я еще не умѣю ходить по сценѣ и руки не знаю куда дѣвать. Это я-то?!.. Онъ такой смѣшной и ко всѣмъ придирается... Въ сущности, противъ меня интригуетъ примадонна. Важнюшка и ломушка ужасная... Па̀узитъ, пропускаетъ реплики, забываетъ мѣста...

Катя уже говорила закулиснымъ жаргономъ и была счастлива до того, что теряла всякое чувство дѣйствительности. Всѣ люди казались такими маленькими, ничтожными и, вообще, несчастненькими. Она жила въ радужномъ тумань своихъ сновъ на яву.

— Мы съ тобой вмѣстѣ поѣдемъ въ „Озерки“,—упрашивала Катя.—Будто къ тетушкѣ... Понимаешь? Я хочу тебѣ показать все... Ахъ, какъ интересно, если бы ты только знала!.. Если стоитъ жить на свѣтѣ, такъ только для этого...

— Нельзя же быть всѣмъ актрисами, Катя.

— А это называется счастьемъ, Маня... Счастье—даръ боговъ. Право, поѣдемъ въ слѣдующее же воскресенье... А какой у насъ комикъ Рюшкинъ—онъ смѣшитъ меня до слезъ. И самъ, вѣдь, не смѣется... Знаешь, что онъ сказалъ, когда

увидѣлъ меня въ первый разъ: „Это что за чертова кукла?..“ Ха-ха!.. Я даже хотѣла обидѣться, какъ всѣ новички, но выдержала характеръ...

— Кто же тебѣ изъ актеровъ нравится?

— Ишь, какая хитрушка... Такъ вотъ и сказала. Будешь все знать—скоро состаришься.

— Значитъ, есть такой?

— Пока я еще и сама не знаю... Кажется, что въ этомъ родѣ что-то такое вообще... Однимъ словомъ, ничего не знаю. У насъ первый любовникъ Бурцевъ... Ужасно важничаетъ. Я его ненавижу... Рюшкинъ говоритъ, что у него ужасно умное выраженіе въ ногахъ.

Честюнину очень заинтересовалъ этотъ случай побывать за кулисами. Она вообще мало бывала въ театрѣ, а тутъ можно было видѣть рѣшительно все.

— Знаешь, я тебя рекомендую, какъ переписчицу моихъ ролей,—предлагала Катя.—Ты даже можешь взять тамъ работу... Я поговорю съ режиссеромъ или съ Рюшкинымъ.

— Для чего-же еще эта комедія?

— Да, такъ, просто. Вѣдь ты хотѣла искать работы... Вотъ тебѣ прекрасный случай заработать рублей пять.

Дядя очень обрадовался, когда Честюнина сказала ему, что ѣдетъ въ „Озерки“ вмѣстѣ съ Катей. Прямо онъ ничего не высказалъ, а только крѣпко пожалъ ей руку. Можетъ быть, съ намѣреніемъ, а можетъ быть, и случайно, провожая дѣвушекъ на вокзалъ, онъ добродушно проговорилъ:

— Не поѣхать-ли и мнѣ съ вами?

Катя даже измѣнилась въ лицѣ, но отецъ прибавилъ самъ:

— Впрочемъ, по пословицѣ, въ церковь ходятъ по звону, а въ гости по зову.

Эта ничтожная сценка непріятно подѣйствовала на Честюнину, которая почувствовала себя невольной сообщницей взбалмошной сестры.

— Катя, ты не любишь отца, а онъ такой хорошій!.. Отчего ты ему не разскажешь всего откровенно?

— Потому, сударыня, что очень его люблю и не желаю тревожить старичка напрасно... Зачѣмъ ему безпокоиться прежде времени? Потомъ, я горда. А вотъ когда я про-

славлюсь, тогда другое дѣло. У стариковъ есть свои предубѣжденія, черезъ которыя не перелѣзешь. Ты обратила вниманіе, какими высокими заборами огорожены старые дома? Такъ и тутъ...

Катя ужасно волновалась до самаго Финляндскаго вокзала. Она боялась опоздать на репетицію. Но все сошло благополучно. На вокзалѣ пришлось еще ждать цѣлыхъ полчаса, такъ что Катя забралась въ дамскую уборную и успѣла „пройти" свою роль нѣсколько разъ. Роль была маленькая, но старавшаяся дѣвушка путала реплики, сбивалась и приходила въ отчаяніе. Это было, наконецъ, смѣшно, и Честюнина всю дорогу шутила надъ ней, чтобы этимъ путемъ придать бодрости.

— Погибаю въ цвѣтѣ лѣтъ...— уныло повторяла Катя, когда поѣздъ подходилъ, наконецъ, къ „Озеркамъ".—А сердце такъ и замираетъ, точно я что-нибудь украла и меня ловятъ. Вся надежда на капельдинера, который, кажется, сочувствуетъ моему критическому положенію...

Впрочемъ, волненіе подруги передалось и Честюниной, когда они вошли въ самый театръ. Громадная зала тонула въ таинственной полутьмѣ, звонко раздавались шаги, а тамъ въ глубинѣ, на сценѣ двигались какія-то черныя тѣни, напоминавшія тѣхъ человѣчковъ изъ черной бумаги, которыхъ вырѣзываютъ дѣти.

— Садись вотъ сюда въ ложу и жди меня,—шепнула Катя, толкая Честюнину въ одну изъ ложъ правой стороны, мимо которыхъ шелъ проходъ за кулисы.—А вотъ и мой добрый геній!..

Къ Катѣ трусцой бѣжалъ бритый капельдинеръ и съ предупреждающей улыбкой слуги старой школы говорилъ:

— Васъ, m-lle Терекова, спрашивалъ режиссеръ...

— Сейчасъ, сейчасъ... Манюрочка, молись за мою грѣшную душу! Она такъ много любила и такъ мало жила...

Честюнину охватило такое жуткое чувство, когда она осталась одна. Нѣчто подобное она испытывала въ раннемъ дѣтствѣ, когда изъ шалости забѣгала въ темную комнату. Теперь она искренно жалѣла эту милую Катю, точно ей грозила какая-то неотвратимая опасность. Вотъ она скрылась въ дверяхъ, на которыхъ былъ вывѣшенъ аншлагъ: „Входъ

постороннимъ лицамъ воспрещается", вотъ ея граціозная фигурка показалась уже на сценѣ, вотъ къ ней подошелъ какой-то господинъ въ черной шапочкѣ, сдвинутой на затылокъ... Гдѣ-то раздался монотонный речитативъ, точно жужжала муха—это въ одинъ тонъ говорилъ свою роль молодой человѣкъ въ цилиндрѣ. Онъ, видимо, сердился, когда режиссеръ, сидѣвшій за отдѣльнымъ столикомъ, останавливалъ его и наставлялъ. Потомъ показалась высокая дама въ ротондѣ и громадной модной шляпѣ. Она знала лучше свою роль, чѣмъ молодой человѣкъ въ цилиндрѣ и читала роль съ выраженіемъ. Честюнина вслушалась и вся застыла. Вѣдь это говорила она, Марья Честюнина... Да, это были ея мысли и ея чувства.

Честюнина совсѣмъ забыла названіе пьесы и имя неизвѣстнаго автора, но это не мѣшало ей чувствовать каждое слово монолога. Ей даже сдѣлалось страшно, точно чья-то посторонняя рука раскрыла ея собственную душу и всѣ, цѣлый театръ, видѣли, что это ея душа. Примадонна разсказывала о любви къ двоимъ, о неудовлетворенномъ женскомъ чувствѣ, о неизбѣжныхъ симпатіяхъ предъ рѣшительнымъ шагомъ, о томъ, что какъ женщина, такъ и мужчина въ любимомъ существѣ любятъ созданіе собственнаго воображенія, лучшую часть самого себя, то, что остается никогда недостижимымъ и что служитъ неизсякаемымъ источникомъ страданій. И какъ хорошо, тепло и умно все это было высказано. Что же это такое, наконецъ? Честюнина даже закрыла глаза, какъ человѣкъ, который ожидаетъ смертнаго удара.

— Съ насъ слишкомъ много́ требуютъ и слишкомъ мало любятъ...—неслось со сцены...—Мы пріучаемся страдать молча, пріучаемся скрывать наши женскія чувства, чтобы не показаться смѣшными, и въ концѣ концовъ отдаемся призыву чувства...

Честюнину немного кольнуло только одно, именно, что всѣ эти хорошія слова относятся къ молодому человѣку въ цилиндрѣ, котораго она почему-то не взлюбила съ перваго раза. Стоило тратить хорошія слова для такого хлыща... Дѣвушка смѣшивала дѣйствующихъ лицъ съ актерами. Но, съ другой стороны, причемъ тутъ, въ этой вѣчной драмѣ

женской жизни, какой-нибудь Иванъ Петровичъ или Петръ Иванычъ? Получалось что-то вульгарное и обидное. А молодой человѣкъ въ цилиндрѣ положительно напоминалъ Эжена,— такъ же цѣдилъ слова сквозь зубы, такъ же раскачивался на ногахъ, такъ же „паузилъ“.

Катя появилась въ роли бѣдной молоденькой дѣвушки, и Честюнина не узнала ея голоса. Она страшно волновалась, глотала слова и не давала договаривать репликъ. Режиссеръ останавливалъ ее нѣсколько разъ, заставлялъ повторять, хваталъ за руку и ставилъ на то мѣсто, гдѣ она должна была говорить. Роль была самая незначительная и совсѣмъ не соотвѣтствовала бурному темпераменту артистки Тереховой. Въ результатѣ этой пытки будущая знаменитость заговорила такимъ тономъ, какимъ отвѣчаетъ гимназистка на экзаменахъ самому строгому учителю.

Дальше пьеса была испорчена авторомъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, и всѣ дѣйствующія лица начали дѣлать и говорить самыя невозможныя глупости. Вѣроятно, и въ жизни бываетъ то же самое... Одно умное мѣсто выкупается тысячью искупительныхъ глупостей.

— Идемъ на сцену,—проговорила неожиданно появившаяся Катя.—Я тебя познакомлю съ нашими...

— А если я не желаю?

— Ты? не желаешь?

— Очень просто... Я не желаю терять иллюзіи.

— Даже съ Рюшкинымъ не хочешь познакомиться?

Катя вдругъ обидѣлась за всю труппу. Помилуйте, какая-нибудь несчастная курсистка и вдругъ: не желаю.

XIV.

Честюниной не понравилось въ „Озеркахъ“. Она осталась на спектакль, но теперь пьеса на нее уже не произвела того впечатлѣнія, какъ при читкѣ на репетиціи. Катя провела свою роль совсѣмъ плохо, какъ играютъ любители и никакъ не могла попасть въ тонъ.

— Мы ѣдемъ, конечно, домой?—спрашивала Честюнина, когда Катя въ третій антрактъ вышла въ садъ.

— Нѣтъ... Послѣ спектакля у насъ будетъ маленькій ужинъ. Будутъ только свои, и я не могу отказаться.

— Ахъ, Катя, Катя... Тебя больше всего интересуютъ репетиціи и эти маленькіе ужины, а не искусство.

— Ты находишь, что я скверно провела свою роль?

— Никуда не годится...

— Я не виновата, что мнѣ даютъ такія скверныя роли. Я, дѣйствительно, терялась... Все дѣло, видишь-ли, въ томъ, что противъ меня интригуютъ, какъ я уже говорила тебѣ. Ну, да это пустяки... Она ужъ стара, какъ пожарная лошадь, и не выноситъ молоденькаго личика... Рюшкинъ говоритъ, что ея ненависть самая лучшая рекомендація для начинающей артистки, а она меня возненавидѣла съ перваго раза. Теперь поняла? Я на зло ей и ужинать осталась. Меня пригласилъ Рюшкинъ... Ты все-таки ѣдешь?

— Все-таки ѣду...

Катя задумалась и прибавила другимъ тономъ:

— Знаешь, мнѣ жаль папу... Онъ такой добрый. Но что же мнѣ дѣлать, когда

Не рыбачій парусъ бѣлый—
Корабли мнѣ снятся.

Въ Павловскъ Честюнина возвращалась одна. Ей опять сдѣлалось жаль Кати, а по пути она раздумалась и о себѣ, чего въ послѣднее время избѣгала самымъ старательнымъ образомъ. На эти „собственныя“ мысли ее навело случайное обстоятельство. Съ Финляндскаго вокзала она проѣзжала мимо медицинской академіи, и мысль невольно вернулась къ недавнему прошлому. Боже мой, какъ все было недавно и вмѣстѣ давно. Гдѣ теперь Жиличко? Онъ на ея письмо не отвѣтилъ. Что подѣлываетъ Парасковея Пятница? Честюниной страстно захотѣлось побывать на Самсоніевскомъ проспектѣ, взглянуть на свою комнату, въ которой столько было пережито, поговорить съ милѣйшей Парасковеей Пятницей. Но было поздно и нужно было поспѣвать на Царскосельскій вокзалъ. Будь это день, она, быть можетъ, и не удержалась бы. Боже мой, отъ какихъ пустяковъ зависитъ все въ жизни... Еслибы не вмѣшательство дяди, исторія съ Жиличко могла разыграться самымъ серьезнымъ образомъ, а между тѣмъ она его не любила, въ чемъ убѣждалась все больше и больше.

Это была какая-то сумасшедшая вспышка, что-то вродѣ тѣхъ дѣтскихъ болѣзней, которыя налетаютъ вихремъ и вихремъ улетаютъ. Да и онъ, навѣрно, уже успѣлъ ее забыть... Въ душѣ Честюниной невольно шевельнулось ревнивое чувство, и она почему - то припомнила одну курсистку, съ которой Жиличко ходилъ въ театръ. По ассоціаціи идей она припомнила послѣднее письмо Нестерова. Гдѣ-то онъ, этотъ земскій человѣкъ? Тоже, вѣроятно, успѣлъ ее забыть... Почему-то ей казалось, что Нестеровъ такой маленькій-маленькій, какими люди кажутся на далекомъ разстояніи. И всѣ эти мысли и воспоминанія покрывались сейчасъ страстнымъ шепотомъ озерковской примадонны, а изъ-за него поднималось что-то новое, та сладкая и манящая тоска, которую она испытывала въ дѣтствѣ, когда провожала кого-нибудь на пароходную пристань.

Жизнь въ Павловскѣ сильно повліяла на Честюнину, точно она пришла въ себя послѣ какого-то сна. Это было странное ощущеніе человѣка, который постепенно находилъ самого себя. Да, именно, находилъ, потому что самихъ себя мы меньше всего знаемъ. Она теперь цѣлые дни проводила въ паркѣ, который полюбила, какъ что-то родное. Эти громадныя деревья точно слушали ее и только изрѣдка по стариковски начинали ворчать, любовно и тихо, какъ ворчатъ на маленькихъ дѣтей. Ей хотѣлось иногда разсказать имъ все, чѣмъ была полна душа. Но это, почти молитвенное настроеніе постоянно нарушалось гулявшей въ паркѣ публикой. Честюнина никакъ не могла привыкнуть именно къ этой дачной, разодѣтой по праздничному публикѣ, и забиралась въ самыя далекія аллеи, гдѣ уже никого нельзя было встрѣтить. Прежде всего, она чувствовала себя совершенно чужой въ этомъ избранномъ обществѣ, и дядя постоянно подшучивалъ надъ ней на эту тему.

— Такіе же люди, какъ и мы съ тобой, Маша... Собственно коренныхъ петербуржцевъ совсѣмъ мало, а больше всего провинціалы. Наживутъ денегъ въ провинціи правдами и неправдами и ѣдутъ проживать ихъ въ Петербургъ.

Старикъ зналъ почти всѣхъ, особенно тѣхъ ветхихъ старичковъ, которые по докторскому приказанію въ солнечные дни выползали въ паркъ, опираясь на палки и тяжело

шаркая ногами. Въ свое время эти старцы дѣлали большія дѣла, а теперь тихо догнивали по роскошнымъ дачамъ, великодушно уступая свое мѣсто молодому поколѣнію. Дѣльцы-хищники, умѣвшіе воспользоваться какимъ-нибудь случаемъ, и люди совершенно неизвѣстныхъ профессій, умѣвшіе, повидимому, только проживать деньги.

— Да, нужно было много и долго грабить всю Россію, чтобы вотъ эти старички могли разогрѣвать на солнцѣ въ Павловскомъ паркѣ свои застарѣлые ревматизмы и параличи,—объяснялъ Анохинъ.

— Какъ же ты, дядя, говоришь, что они такіе же, какъ мы съ тобой?

— Я хочу этимъ сказать, что не слѣдуетъ стѣсняться этой показной роскошью. Ты скучаешь о своемъ Сузумьѣ?

— Говоря откровенно, нѣтъ... Меня даже огорчаетъ это. Собственно я очень соскучилась о матери и братьяхъ, но ѣхать сейчасъ домой не желала бы. Мнѣ здѣсь такъ хорошо и спокойно .. Я люблю думать, какъ, по окончаніи курса, поѣду въ свою провинцію женщиной-врачемъ. Это золотая мечта...

Она не договаривала главнаго, почему не желала сейчасъ ѣхать домой, именно, изъ страха встрѣтиться съ Нестеровымъ. Да, это уже былъ страхъ, и она ловила себя на этомъ. Въ сущности, вѣдь, она ничего дурного не сдѣлала, а все-таки было бы тяжело увидѣть его, объясняться и говорить жалкія слова. Это былъ даже не страхъ, а простое молодушіе. Честюниной нравилось сейчасъ больше всего то, что ее здѣсь не знаетъ рѣшительно ни одна живая душа, и никому до нея никакого нѣтъ дѣла. Что можетъ быть лучше? И это одиночество даетъ только одинъ Петербургъ. А давно-ли она ѣхала сюда такой наивной, съ самыми фантастическими представленіями о столицѣ, своихъ курсахъ и всемъ обиходѣ новой жизни. Главной, захватывавшей ея новостью оставалась по прежнему одна святая наука, и Честюнина дѣлала самый строгій подсчетъ каждому прожитому дню. Ей было ужасно совѣстно, что она пропустила безъ занятій недѣли двѣ, и теперь старалась наверстать потерянное время. Ахъ, какъ было нужно сдѣлать много и какъ быстро летѣло неумолимое время! Впрочемъ, Честю-

нина была довольно своими успѣхами въ новыхъ языкахъ, особенно въ нѣмецкомъ, что для занятій медициной являлось краеугольнымъ камнемъ. За что ни возьмись, на каждый вопросъ въ нѣмецкой наукѣ существуетъ уже цѣлая литература. Русскіе ученые самымъ скромнымъ образомъ компилировали уже готовые матеріалы, а въ лучшемъ случаѣ что-нибудь дополняли къ нимъ.

При всемъ нежеланіи съ кѣмъ-нибудь знакомиться, Честюнина все-таки познакомилась съ одной оригинальной парой. Это были молодые люди. Онъ сильно прихрамывалъ и ходилъ, опираясь на палку. Она, совсѣмъ молодая и красивая какой-то особенной холодной красотой, постоянно сопровождала его. Сначала Честюнина приняла ихъ за влюбленную парочку, нарушавшую ея одиночество въ разныхъ глухихъ уголкахъ довольно безсовѣстнымъ образомъ. Выходило что-то вродѣ преслѣдованіи. Она ихъ встрѣчала каждый день и напрасно разыскивала новые уголки. Таинственная парочка появлялась какъ на зло. Это, наконецъ, выходило смѣшно. Разъ при такой встрѣчѣ онъ вѣжливо раскланялся и проговорилъ:

— Простите, пожалуйста, что мы преслѣдуемъ васъ по пятамъ. Это какое-то роковое совпаденіе, и намъ лучше уговориться, чтобы не встрѣчаться. Раздѣлимте паркъ на двѣ половины...

— Зачѣмъ дѣлить?—смутилась Честюнина.—Вы мнѣ нисколько не мѣшаете.

Она просто и внимательно посмотрѣла на Честюнину и проговорила:

— Если не ошибаюсь, вы—курсистка?

— Да...

— Вотъ видишь, Сергѣй,—обратилась она къ нему.—А ты еще спорилъ со мной...

— Да, да... Но я уже привыкъ постоянно ошибаться,— добродушно согласился онъ и, протягивая руку, прибавилъ:— Давайте лучше познакомимтесь, барышня. Приватъ-доцентъ Брусницинъ, а это моя родная сестра, Елена Петровна... Вы ничего не имѣете противъ этого?

Честюнина замѣтила, что онъ необыкновенно хорошо улыбался и что, вообще, его лицо было такое простое и умное,

хотя и болѣзненное. Онъ носилъ сильно увеличивавшіе очки и длинные волосы.

— Насъ почти всѣ принимаютъ за мужа и жену,—объяснила Елена Петровна съ немного больной улыбкой.

Этимъ первая встрѣча и ограничилась. Затѣмъ, они стали раскланиваться издали, какъ знакомые. А кончилось это случайное знакомство тѣмъ, что Елена Петровна первая остановила Честюнину и проговорила своимъ серьезнымъ тономъ:

— Мы опять спорили о васъ съ братомъ... да. Вопросъ шелъ о томъ, почему вы всегда одна и почему скрываетесь отъ всѣхъ. Братъ объясняетъ это особеннымъ складомъ характера, а я увѣрена, что здѣсь дѣло совсѣмъ не въ характерѣ.

— Правы и вы, и вашъ братъ...

Дѣвушки незамѣтно шли по аллеѣ все дальше и дальше. Елена Петровна почему-то волновалась и заговорила о братѣ. Его спеціальность—ботаника, и онъ скоро займетъ каѳедру въ одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ, а сейчасъ усиленно готовится къ защитѣ своей докторской диссертаціи.

— О, это совсѣмъ особенный человѣкъ,—повторяла она съ какой-то материнской гордостью.—Его нельзя не любить... И потомъ, у него такое горе.

Изъ этого объясненія Честюнина поняла только одно, именно, что эта странная дѣвушка влюблена въ своего особеннаго брата, какъ только можетъ любить сестра. Это ей очень понравилось.

— Ахъ, я заболталась съ вами, — спохватилась Елена Петровна.—Сергѣй сидитъ одинъ, а его нельзя оставлять одного... Вѣдь онъ совершенный ребенокъ и будетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ цѣлый день, пока я не вернусь.

XV.

Эта странная чета произвела на Честюнину громадное впечатлѣніе, причины котораго въ полномъ объемѣ она даже не могла объяснить,—она только чувствовала, что это, дѣйствительно, совсѣмъ особенные люди и что въ нихъ лично для нея есть что-то безконечно близкое. Брусницины занимали въ Павловскѣ двѣ комнаты. Сергѣй Петровичъ не могъ жить безъ природы, которая олицетворялась сейчасъ Павловскимъ

паркомъ, а Елена Петровна любила музыку. Жили они очень скромно и рѣшительно ничего себѣ не позволяли какъ по части комфорта, такъ и по части удовольствій. Братъ былъ поглощенъ своей ботаникой, а сестра была поглощена братомъ. Она ходила за нимъ, какъ тѣнь, и, кажется, окончательно отрѣшилась отъ всякихъ личныхъ интересовъ. Это была дѣвушка-пѣстунъ.

— Какъ же онъ можетъ жить безъ меня?—обиженно удивлялась Елена Петровна на какое-то неловкое замѣчаніе Честюниной.

Рядомъ съ этимъ, чисто женскимъ героизмомъ уживались совершенно непонятныя для Честюниной мысли. Елена Петровна стерегла въ братѣ не только брата, а и послѣдняго представителя вымиравшаго дворянскаго рода Брусницыныхъ. И тутъ же какъ-то связывались научныя занятія, какъ единственный почетный трудъ. Сергѣй Петровичъ совершенно не заботился о своей генеалогіи, и цѣлыхъ десять лѣтъ занимался изученіемъ какихъ-то болотныхъ растеній

— Почему вы выбрали своей темой именно болотныя растенія?—удивлялась Честюнина.

— По многимъ причинамъ, Марья Гавриловна,—спокойно объяснялъ Брусницынъ.—Одна изъ главныхъ та, что, по моему мнѣнію, первые зачатки органической жизни проявились именно въ водяныхъ растеніяхъ, и въ нихъ еще посейчасъ сохраняются самыя архаическія формы. Это разъ. А второе то, что болотныя растенія занимаютъ переходную ступень между чисто водяными и чисто сухопутными. Это очень важно, потому что именно по такимъ переходнымъ формамъ легче всего прослѣдить нароставшій органическій прогрессъ. Это научная сторона дѣла, а есть и практическая. До сихъ поръ культурными растеніями служили, главнымъ образомъ, сухопутные злаки, а болотныя и водяныя растенія совершенно пропадали. Между тѣмъ, обратите вниманіе, самая богатая растительность сосредоточивается именно въ сырыхъ болотистыхъ мѣстахъ, и если бы удалось культивировать пять-шесть растеній, годныхъ для пищи человѣка или домашнихъ животныхъ или какъ сырой матеріалъ для техническихъ цѣлей, то изъ этого получились бы неисчислимые результаты, особенно у насъ, въ Россіи, гдѣ болота занимаютъ

чуть не четвертую часть территоріи. Въ переводѣ это составитъ мильярды рублей и постоянный заработокъ для десятковъ тысячъ рукъ...

Брусницинъ умѣлъ говорить о самыхъ трудныхъ вещахъ съ необыкновенной простотой, и Честюнина слушала его съ увлеченіемъ. Это былъ не бабій пророкъ, а человѣкъ настоящей науки. Елена Петровна просто упивалась его разсужденіями и молча требовала восторговъ отъ другихъ. Она потихоньку отъ брата показала Честюниной его комнату, заваленную книгами, и благоговѣйнымъ шепотомъ сообщила:

— Онъ здѣсь работаетъ...

Честюнина, конечно, разсказала Катѣ о своихъ новыхъ знакомыхъ, и будущая драматическая знаменитость заинтересовалась будущимъ знаменитымъ ботаникомъ. Когда она увидѣла Брусницина на прогулкѣ въ паркѣ, то сразу разочаровалась и совершенно равнодушно проговорила:

— Я думала, дѣйствительно что-нибудь интересное, а это просто какая-то ученая обезьяна... Ты не обижайся, Маня, но, къ сожалѣнію, я на этотъ разъ права. У меня глазъ вѣрный...

— А я съ тобой не желаю разговаривать,—обидѣлась Честюнина.

Катя прищурила глаза и засмѣялась.

— Опять тоска, опять любовь, Манюрочка?..

Честюнина только пожала плечами и покраснѣла. Самое слово „любовь“ ей теперь казалось такимъ вульгарнымъ и пошлымъ. Если кто умѣлъ и могъ любить, такъ это одна Елена Петровна, и она одна имѣла право на такое слово.

Разъ Брусницины и Честюнина сидѣли въ паркѣ. День былъ жаркій, и все кругомъ точно застыло отъ истомы. На Сергѣя Петровича жаръ дѣйствовалъ, наоборотъ, возбуждающимъ образомъ и онъ сегодня былъ особенно въ ударѣ. Елена Петровна уже нѣсколько разъ предупредительно толкала Честюнину локтемъ, что въ переводѣ значило: „слушайте! ради Бога, слушайте, какъ онъ говоритъ“. Брусницинъ былъ доволенъ своей рабской аудиторіей и не говорилъ, а думалъ вслухъ.

— По моему мнѣнію, въ девятнадцатомъ вѣкѣ наука захватила даже область настоящей поэзіи. Да... Истинными

поэтами являются только одни ученые, окрыленные величайшей фантазіей, чуткіе, полные какого-то, почти религіознаго предвидѣнія. Сердце міра билось именно въ ученыхъ кабинетахъ и лабораторіяхъ... По сравненію съ этой могучей ученой поэзіей, такъ называемое искусство покажется жалкой игрушкой. Всѣ стихи, картины, статуи, музыкальныя произведенія, появившіяся за этотъ срокъ, ничего не стоютъ... Выдающагося ничего нѣтъ, потому что вся сила великаго вѣка сконцентрировалась, какъ въ фокусѣ, въ одной наукѣ. Искусство девятнадцатаго вѣка будетъ забыто, какъ забываются дѣтскія игрушки, а наука останется вѣчно. Даже истинное геройство перешло въ нее же. Припомните смѣлыхъ изслѣдователей полярныхъ странъ, отважныхъ аэронавтовъ, людей, которые работаютъ надъ страшными взрывчатыми соединеніями, или смѣло жертвуютъ собой въ борьбѣ съ ужасными заразными и эпидемическими болѣзнями...

Елена Петровна со страхомъ замѣтила, какъ шелъ по аллеѣ какой-то господинъ. Онъ шелъ прямо на нихъ, и, конечно, помѣшаетъ *ему* продолжать. Дѣвушка съ тревогой смотрѣла на приближавшагося и впередъ его ненавидѣла. Развѣ не стало другихъ аллей для такихъ дурацкихъ прогулокъ? Кажется ясно. А господинъ подходилъ все ближе и ближе и еще имѣетъ нахальство разсматривать ихъ. Его дерзость дошла до того, что, не доходя нѣсколькихъ шаговъ, онъ остановился. перевелъ духъ и проговорилъ:

— Марія Гавриловна...

Честюнина вздрогнула при одномъ звукѣ знакомаго голоса. Это былъ онъ, Андрей... Она переконфузилась, покраснѣла, растерянно простилась съ друзьями и пошла къ нему. Елена Петровна проводила ее злыми глазами, какъ существо низшаго зоологическаго порядка.

— О, несчастная...—подумала она и сразу поняла, почему эта курсистка скрывалась по глухимъ аллеямъ.

Первое ощущеніе, которое вернуло Честюнину къ чувству дѣйствительности—были его холодныя руки. Она слышала, какъ онъ тяжело дышалъ.

— Давно-ли вы здѣсь?—спросила она, не узнавая собственнаго голоса.

— Давно... т.-е. я пріѣхалъ вчера...—отвѣчалъ онъ тоже не своимъ голосомъ.

— Какъ вы попали сюда? Зачѣмъ вы желали видѣть?

Вмѣсто отвѣта, Андрей оглянулся назадъ и со злобой посмотрѣлъ на геніальнаго ботаника. Такъ вотъ *онъ* какой... Зачѣмъ же Парасковея Пятница обманывала, увѣряя, что Жиличко уѣхалъ на лѣто домой. Въ слѣдующій моментъ онъ овладѣлъ собой и какъ-то громко проговорилъ:

— Я хотѣлъ видѣть васъ... Только видѣть, и ничего больше. Не бойтесь, объясненій не будетъ и жалкихъ словъ тоже. Но я не могъ васъ не видѣть... Это сильнѣе меня...

Онъ сильно измѣнился за этотъ годъ, похудѣлъ и казался выше. Въ выраженіи блѣднаго лица, обрамленнаго пушистой русой бородкой, сказывалось что-то больное. Раньше Честюнина боялась этой встрѣчи, а теперь ей вдругъ сдѣлалось его жаль. Онъ такой большой и такой безпомощный... Ей хотѣлось сказать ему что-нибудь хорошее и доброе, но не было такихъ словъ. Она шла рядомъ съ нимъ въ своемъ темномъ платьѣ, какъ тѣнь, и ненавидѣла себя. Насталъ день расплаты...

— Вы насъ совсѣмъ забыли, Марья Гавриловна,—заговорилъ онъ, сдерживая волненіе.—Мама вамъ кланяется... Я былъ у ней передъ самымъ отъѣздомъ. Всѣ здоровы...

— На будущее лѣто я пріѣду въ Сузумье, а нынче я... т.-е. я... Мы пріѣдемъ вмѣстѣ съ дядей.

Дальше имъ нечего было говорить, и оба напрасно подбирали про себя слова. Потомъ онъ вдругъ остановился и проговорилъ какъ-то залпомъ:

— Вѣдь вы потому не пріѣхали нынче въ Сузумье, Марья Гавриловна, что не хотѣли встрѣчаться со мной? Да?

— Не будемъ говорить объ этомъ...

Онъ помолчалъ и неожиданно прибавилъ:

— Я, кажется, помѣшалъ вамъ...

— Именно?

— Вы сидѣли въ обществѣ людей, которыя для васъ дороги...

— О, да... Это мои новые знакомые по Павловску.

Она даже улыбнулась. Онъ ревновалъ ее къ Брусницину, котораго принялъ за Жиличко. Наболтала все Парасковея

Пятница—это вѣрно. Она чувствовала, что онъ ей не вѣритъ, и объяснила фальшивымъ тономъ, какимъ лгутъ неопытные люди.

— Это приватъ-доцентъ Брусницинъ, а дама—его сестра. Очень интересные люди...

Безъ жалкихъ словъ все-таки дѣло не обошлось. Они вырвались сами собой и полились бурнымъ потокомъ.

— Маруся, что съ вами случилось? Развѣ вы были такой, когда уѣзжали сюда? Вы забыли свои обѣщанія, все то, что писали въ первыхъ письмахъ...

— Я уже просила васъ не подымать такихъ вопросовъ. Есть вещи неисправимыя...

Онъ отшатнулся отъ нея, какъ отъ зачумленной, и посмотрѣлъ такими дикимя глазами.

— Значитъ вы, Маруся... вы принадлежите другому?

Онъ едва выговорилъ послѣднюю фразу, точно она приросла къ языку.

— Вы угадали, Андрей...—спокойно отвѣтила она.—Я принадлежу другому, и этотъ другой я сама.

Онъ облегченно вздохнулъ, но не повѣрилъ. Развѣ можно кому-нибудь и чему-нибудь вѣрить послѣ всего того, что случилось... Ему казалось, что даже воздухъ вотъ этого парка насыщенъ ложью.

— Благодарю васъ, Маруся... Да, благодарю васъ. Я ѣхалъ въ Петербургъ съ самымъ гадкимъ чувствомъ, и радъ, что ошибся. О, какое счастье иногда ошибаться... Я теперь опять могу думать о васъ, какъ раньше, т.-е. не совсѣмъ такъ, но у меня остается что-то вродѣ надежды... Нѣтъ, я говорю не то. Не дай Богъ дожить вамъ когда-нибудь до ревности... И какъ я радъ видѣть васъ свободной, такой же, какой я васъ зналъ, т.-е. совсѣмъ не такой... Ахъ, я опять говорю не то!.. Мнѣ было больно думать, что *другой* около васъ, что этотъ другой смотритъ на васъ, слушаетъ вашъ голосъ... И я заживо хоронилъ себя. Да, мнѣ было жаль себя, свое чувство... Виноватъ, я не буду ничего говорить о своихъ чувствахъ. Мнѣ хотѣлось хоть издали увидать васъ, услышать вашъ голосъ... Знаете, когда близкій человѣкъ около васъ, вы его все-таки мало замѣчаете, а когда онъ

умираетъ... Боже мой, чего бы не далъ, чтобы этотъ дорогой покойникъ прошелъ хоть издали!..

— Это вы меня въ покойники записали?

— Да...—съ твердостью отвѣтилъ онъ.—Вѣдь я понимаю, что вы умерли для меня. И все-таки ѣду сюда, чтобы своими глазами убѣдиться въ этой печальной истинѣ, нѣтъ, я лгу—я обманываю себя несбыточными надеждами и вижу васъ сейчасъ, какъ во снѣ.

Потомъ онъ плакалъ, о чемъ-то умолялъ и въ то же время клялся, что ему ничего не нужно, потомъ въ чемъ-то укорялъ, кому-то грозилъ, кому-то не вѣрилъ и опять плакалъ. Это была самая жалкая сцена, какой Честюнина даже не могла себѣ представить. Ей уже не было его жаль. Она выслушала все до конца, не проронивъ ни одного слова.

— Что же вы молчите, Маруся? Вы меня презираете?..

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Мнѣ интересно знать одно, когда вы думаете уѣхать домой? Вы не обижайтесь, что я такъ прямо ставлю вопросъ, но я говорю въ вашихъ же интересахъ...

— Въ моихъ интересахъ?!.. Нѣтъ, я останусь здѣсь. Я найду себѣ мѣсто въ Петербургѣ и буду для васъ вѣчнымъ живымъ упрекомъ... У меня больше ничего нѣтъ, я весь здѣсь.

— Это угроза?

— Развѣ я могу угрожать?!.. Боже, Боже...

— Послушайте, не будьте ребенкомъ, Андрей Ильичъ... Я ужъ сказала вамъ, что есть вещи непоправимыя, и зачѣмъ вы поднимаете покойниковъ изъ могилъ. Пользуюсь вашимъ сравненіемъ...

— Но, вѣдь, у большинства покойниковъ остается надежда на вѣчную жизнь...

— Я не могу говорить съ вами. Да вы сейчасъ и не поймете меня... Къ чему всѣ эти объясненія вообще?

У него въ глазахъ являлось что-то сумасшедшее, и она начала его бояться. Развѣ нормальное люди такъ говорятъ?

— Я больше не могу...—рѣшительно заявила она.—Мы договоримъ въ другой разъ. Для нынѣшняго дня достаточно...

Она подала ему руку и быстро пошла по аллеѣ, залитой яркимъ солнцемъ. Онъ снялъ шляпу и стоялъ на

одномъ мѣстѣ, какъ ошеломленный А она уходила все дальше и дальше и ни разу не оглянулась. Гдѣ-то весело чиликала птичка, кто-то проходилъ мимо него по аллеѣ, а онъ все стоялъ, пошатываясь, какъ пьяный.

— Такъ вотъ какъ...—думалъ онъ вслухъ, повертывая шляпу въ рукахъ. — Хорошо. Не вѣрю. — Слышишь: не вѣрю!.. Ни одному слову не вѣрю... О, я покажу, что значитъ обманывать и убью вотъ перваго этого проклятаго ботаника.

Онъ повернулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по тому направленію, гдѣ долженъ былъ сидѣть проклятый ботаникъ, но потомъ остановился, что-то сообразилъ и быстро зашагалъ къ вокзалу. До поѣзда оставалось всего десять минутъ и онъ боялся опоздать, хотя торопиться ему рѣшительно не было никакого основанія, да и ѣхать было некуда.

А солнце свѣтило такъ любовно, кругомъ было такъ много зелени, по аллеямъ мелькали счастливыя парочки... Сколько хорошаго онъ привезъ сюда съ собой и не сказалъ ничего именно изъ этого хорошаго, а все время держалъ себя, какъ сумасшедшій. Онъ даже пощупалъ свою голову, точно этимъ можно было убѣдиться въ своемъ здравомысліи.

XVI.

Для Честюниной наступило ужасное время, ужасное въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Каждое утро, когда она вставала съ постели, ее охватывалъ страхъ. Да, она теперь боялась подойти къ своему окну и поднять стору, потому что каждое утро повторялась одна и та же картина: напротивъ по аллеѣ шагалъ, какъ часовой, мужчина въ черной шляпѣ... Потомъ онъ садился на скамейку, закуривалъ папиросу и такъ ждалъ неизвѣстно чего цѣлые часы. Она начинала ненавидѣть этого сумасшедшаго, который давно обратилъ на себя вниманіе дачныхъ дворниковъ и каждую минуту могъ ее скомпрометировать. Получалось уже формальное преслѣдованіе. Несомнѣнно, этотъ человѣкъ былъ сумасшедшій, и Честюнина не рѣшалась выйти даже въ паркъ чтобы не встрѣтиться съ нимъ. Теперь она больше уже не могла его видѣть и при встрѣчѣ убѣжала бы, какъ курица.

Она презирала себя за это преступное малодушіе и все-таки продолжала бояться.

Такая пытка продолжалась почти цѣлую недѣлю. Какъ на зло Катя, совсѣмъ пропала, а сейчасъ Честюнина нуждалась именно въ ея помощи. Когда Катя, наконецъ, явилась, она ее почти не узнала,—это была какая-то виноватая, жалкая, несчастная. Анохинъ первые дни спрашивалъ про нее, а потомъ велѣлъ убрать со стола ея приборъ.

— Катя, что ты дѣлаешь? Гдѣ ты пропадала столько времени?

Катя безсильно опустилась на стулъ и заплакала.

— Катя, что съ тобой?..

— Маня, милая... Что отецъ?

— Наивный вопросъ... Я замучилась съ нимъ. Самое нехорошее то, что онъ ни слова не говоритъ о тебѣ въ послѣдніе дни и даже велѣлъ убрать со стола твой приборъ.

Катя неожиданно бросилась передъ ней на колѣни и трагическимъ тономъ проговорила:

— Маня, милая, родная, спаси меня!.. Ты одна только можешь меня спасти... Умоляю всѣмъ святымъ для тебя. Я тебя спасала и ты меня спаси... Я пришла въ этотъ домъ въ послѣдній разъ и мнѣ тяжело уйти изъ него выгнанной навсегда.

— Что же я могу сдѣлать?

— Иди сейчасъ къ отцу и скажи ему, что я выхожу замужъ... Да... Сейчасъ же. Впрочемъ, нѣтъ, необходимо подготовить старика. Онъ на службу поѣдетъ только въ двѣнадцать, а сейчасъ десять—значитъ, въ нашемъ распоряженіи цѣлыхъ два часа, а это больше вѣчности. Да? Ты сдѣлаешь это? Ахъ, какъ мнѣ страшно...

Катя опять зарыдала, закрывъ лицо руками.

— Я не могу... нерѣшительно проговорила Честюнина.— Это убьетъ дядю... Я подозрѣваю, что ты выходишь замужъ за актера.

— Не за актера, а за артиста. Помнишь, молодой человѣкъ въ цилиндрѣ?

— Бурцевъ?

— Ахъ, совсѣмъ не Бурцевъ... У него три фамиліи: на сценѣ онъ Романовъ, по отцу Зазеръ, а по матери Брылкинъ.

— Которая же настоящая фамилія?

— Всѣ настоящія... Впрочемъ, это все равно! Двойная фамилія теперь въ модѣ, и я буду m-me Романова-Зазеръ. А Брылкиной не хочу быть... Брылкины торгуютъ въ табачныхъ лавочкахъ, служатъ кондукторами въ конкѣ... Свадьба у насъ черезъ недѣлю. Будутъ все свои. Посаженной матерью я уже пригласила Парасковею Пятницу. Мы у ней уже наняли себѣ комнату, знаешь, ту самую, въ которой жилъ *тотъ*... ну, лохматый твой... да. А какая это чудная женщина, Маня... Она сама предлагала мнѣ съѣздить въ Павловскъ и объясниться съ отцомъ. Она одна только въ цѣломъ свѣтѣ понимаетъ меня... А главное, Манюрочка, нужно все устроить до возвращенія мамы. Она все можетъ разстроить... будетъ проклинать... падать въ обмороки. Если бы еще былъ Эженъ, я подкупила бы его. Помнишь, у меня есть браслетъ съ сафиромъ—я его заложила бы и всѣ бы деньги отдала Эжену. Онъ безпутный, но въ сущности добрый мальчикъ и вполнѣ бы понялъ меня... Знаешь, кого я встрѣтила сейчасъ на вокзалѣ? Ну, этотъ твой ботаникъ... Настоящее чучело въ очкахъ и чучелка при немъ. Табло... Зачѣмъ только такіе люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ!.. Послушай, ты, можетъ быть, обижаешься, что я не пригласила тебя въ посаженныя матери?..

Что было тутъ говорить? Одинъ сумасшедшій ходитъ по аллеѣ, а другой здѣсь, рядомъ. Честюнина взяла Катю за руку, подвела къ окну и сказала:

— Видишь вонъ того господина, который вышагиваетъ по аллеѣ? Онъ также неизлѣчимо-поврежденный, какъ и ты... Я думаю, что вы лучше всего сговоритесь и поймете другъ друга. Помнишь письмо съ канцелярскимъ почеркомъ? Такъ вотъ это и есть его таинственный авторъ... Поняла? Онъ меня уже цѣлую недѣлю выдерживаетъ въ осадномъ положеніи. Такъ пойдешь и скажешь ему, что это нехорошо и что я рѣшительно не желаю его видѣть. Поняла?

— Значитъ, развязка романа съ канцелярскимъ почеркомъ?

— Полная...

— О, я съ удовольствіемъ его раздѣлаю... Не безпокойся, въ другой разъ не придетъ. Наши дворники Богъ

знаетъ, что могутъ подумать. Нѣтъ, это нахальство... Итакъ, я его спроважу, а ты переговори съ отцомъ. Я тебя буду ждать здѣсь... Вотъ лягу на кровать, закрою голову подушкой и буду ждать своего смертнаго приговора. Ахъ, какъ страшно... Зачѣмъ я родилась на свѣтъ? Зачѣмъ не умерла въ раннемъ дѣтствѣ?

Василій Васильичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и что-то писалъ. Около него на стулѣ лежалъ портфель, туго набитый дѣловыми бумагами. Честюнина вошла, поздоровалась и проговорила:

— Пріѣхала Катя...

— А...

Онъ съ тревогой посмотрѣлъ на нее и по ея лицу угадалъ все. Она видѣла, какъ у старика тряслись руки, и какъ онъ машинально засовывалъ расходную книгу въ свой портфель.

— Ты меня пришла подготовить? Да?.. О, не нужно, ничего не нужно—я давно уже подготовился ко всему.

Честюнина, сбиваясь и подбирая слова, объяснила, въ чемъ дѣло. Василій Васильевичъ выслушалъ ее молча, застегнулъ свой лѣтній пиджакъ и проговорилъ:

— Что же, отлично... Я знаю ея характеръ. Можетъ быть, она думаетъ, что я сдѣлаюсь антрепренеромъ?

Старикъ захохоталъ, поднялся и схватилъ себя за голову.

— Я этого ожидалъ... Ради Бога, не называй *его* имени. Я не хочу слышать, какъ фамилія моего позора, моего несчастія, моего отцовскаго горя...

— Если бы вы сами переговорили съ ней, дядя...

— Не могу!... Маша, вѣдь, я не понимаю, что такое ты говорила сейчасъ... Нѣтъ, не понимаю...

— Она ждетъ отвѣта.

— Отвѣта? Скажи ей, какъ говоритъ Маргарита Готье: отвѣта не будетъ. Черезъ недѣлю свадьба? И я отдамъ свою родную дочь на позоръ гаерамъ, клоунамъ, балаганщикамъ?!.. Ха-ха... Отвѣта не будетъ, Маша. Такъ и скажи этой сумасшедшей...

Катя выслушала свой смертный приговоръ съ побѣлѣвшимъ лицомъ и осталась имъ недовольна. Она ожидала протеста въ совершенно другой формѣ.

— Я его заставлю дать отвѣтъ...—проговорила она рѣшительно.—Да, заставлю, такъ и передай ему. Онъ меня самъ заставляетъ это сдѣлать...

У нея тряслись губы отъ волненія. Потомъ она подошла къ Честюниной, наклонила голову и серьезно проговорила:

— Перекрести меня, Маня...

Честюнина крѣпко ее расцѣловала и расплакалась. Въ этой Катѣ всегда было что-то трагическое, не смотря на всѣ ея буффонады и заразительное веселье. Она сейчасъ не пробовала ее даже уговаривать, потому что это было совершенно безполезно. Развѣ можно уговорить сумасшедшаго человѣка? Катя простилась самымъ трогательнымъ образомъ и быстро вышла. Въ ея манерахъ уже появилось что-то театральное, что никакъ не вязалось съ серьезностью переживаемаго момента.

Катя вышла на улицу съ рѣшительнымъ видомъ, потомъ быстро пошла къ вокзалу, но по дорогѣ вспомнила о порученіи сестры и вернулась въ аллею. Она подошла къ нему и проговорила:

— Андрей Ильичъ Нестеровъ? Очень рада познакомиться... Намъ по пути на вокзалъ, и вы будете любезны, проводите меня. Я—сестра Мани...

Честюнина видѣла изъ своего окна, какъ онъ покорно шелъ за Катей. Потомъ она остановилась и заставила его предложить руку. Никто бы не подумалъ, что эта улыбавшаяся красивая дѣвушка навсегда оставляла родное гнѣздо и свою рѣшимость скрывала подъ самой безпечной болтовней, какъ птичка прячетъ свои яйца въ соломѣ.

— Вамъ необходимо перемѣнить климатъ, г. Нестеровъ,—болтала Катя, распуская зонтъ.—Я думаю сдѣлать то же самое...

Черезъ день Честюнина получила письмо отъ Андрея. Онъ писалъ, что уѣзжаетъ домой и что сейчасъ плохо отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ мысляхъ... „Простите безумца“,—писалъ онъ.—„Каждый сходитъ съ ума по своему... Вы были со мной болѣе чѣмъ жестоки, и я ненавижу себя за то, что не могу даже разсердиться на васъ. Уношу съ собой вѣчную память о милой дѣвушкѣ, которой желаю счастья, много счастья... Я держалъ себя позорно—

сознаюсь, но нельзя требовать отъ человѣка хорошихъ манеръ, когда его жгутъ на медленномъ огнѣ. Кстати, какая милая дѣвушка ваша сестра... Передайте ей мой сердечный привѣтъ и скажите, что если она когда-нибудь будетъ нуждаться въ братской рукѣ—я къ ея услугамъ. Это немного высокопарно, но въ моемъ положенiи извинительно. Пишу и не могу кончить письма, потому что въ концѣ-концовъ я все-таки долженъ понимать, что люблю васъ и всегда буду любить... Я даже не претендую на простую дружбу, а умоляю оставить мнѣ самую маленькую надежду—нѣтъ, не надежду, а право думать о васъ, хорошо думать... Преданный вамъ Андрей Нестеровъ“.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

РАЗВИТІЕ ПРОФЕССІЙ.

Перев. съ англійскаго Т. К—ль.

*(Продолженіе *).*

VIII.

Танцоры и музыканты.

Въ изслѣдованіи о «Происхожденіи и роли музыки», напечатанномъ первый разъ въ 1857 г., я указывалъ на тотъ психофизическій законъ, что мускульныя движенія порождаются вообще чувствами. Каковы бы ни были эти движенія—слабыя или рѣзкія, производимыя всѣмъ тѣламъ или нѣкоторыми его членами, пріятно или непріятно испытываемое чувство, во всякомъ случаѣ, всѣ движенія—за исключеніемъ, впрочемъ, рефлекторныхъ и непроизвольныхъ,—являются всегда результатомъ чувствъ. Тамъ же я отмѣтилъ, какъ слѣдствіе этого психофизическаго закона, тотъ фактъ, что рѣзкія мускульныя движенія членовъ тѣла, порождающія жестикуляцію и скачки, и рѣзкія сокращенія грудныхъ и голосовыхъ мускуловъ, производящія смѣхъ и восклицанія, являются обычнымъ выраженіемъ сильной радости.

Дѣти, увидѣвъ издалека любимаго родственника, бѣгутъ къ нему въ припрыжку съ веселыми криками: въ этомъ дѣйствіи мы видимъ первую ступень доступныхъ зрѣнію и слуху проявленій радости, которыя въ концѣ концовъ развиваются въ пѣніе и танцы. Если вмѣсто любимаго родственника, встрѣчаемаго дѣтьми, мы имѣемъ дѣло съ завоевателемъ или королемъ, котораго привѣтствуетъ его народъ, то мы безъ труда можемъ представить себѣ, что будемъ свидѣтелями такихъ же проявленій радости, выражающихся звуками голоса и тѣлодвиженіями; съ теченіемъ времени эти проявленія должны будутъ превратиться въ знаки почтенія и преданности, которыя, дойдя до высшей ступени, переходятъ въ обожаніе. Легко вообразить себѣ, какъ эти естественныя выра-

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь 1896 г.

женія радости, которыя являются сначала совершенно непроизвольно въ присутствіи побѣдителя или благодѣтеля народа, превращаются со временемъ въ обычай при всѣхъ случаяхъ публичныхъ заявленій вѣрноподданническихъ чувствъ. Въ началѣ эти прыжки и неправильные жесты, сопровождаемые восклицаніями и неритмическими криками, производятся безъ всякаго взаимнаго соглашенія, но вскорѣ они сами собой упорядочиваются и, благодаря постоянному повторенію, превращаются въ тѣ размѣренныя движенія, которыя мы зовемъ танцами, и тѣ организованные звуки, изъ которыхъ состоитъ пѣніе. Не трудно также догадаться, что изъ толпы, устраивающей въ началѣ неправильныя оваціи, а потомъ правильныя торжественныя встрѣчи вождямъ, должны мало-по-малу выдѣлиться люди, отличающіеся своимъ искусствомъ; они становятся извѣстными танцорами или пѣвцами и вскорѣ пріобрѣтаютъ профессіональный характеръ.

Прежде чѣмъ перейти къ примѣрамъ, подтверждающимъ это мнѣніе съ положительной стороны, посмотримъ на тѣ отрицательныя доказательства, которыя доставляютъ намъ дикари, не имѣющіе еще ни постоянныхъ вождей, ни государей; у нихъ эти профессіи совершенно отсутствуютъ, даже въ зародышѣ. Правда, мы находимъ у нихъ нѣкоторые грубые танцы, сопровождаемые шумными звуками, но это лишь изображенія войны или охоты. Можно, положимъ, воспроизводить подвиги славныхъ воиновъ для ихъ прославленія, но эту форму рѣдко принимаютъ чествованія завоевателя, выражающіяся въ радостныхъ жестахъ и въ пѣніи побѣдныхъ пѣсенъ. Въ позднѣйшія эпохи такія первобытныя церемоніи превращаются въ правильныя военныя упражненія, исполняемыя всей массой воиновъ. Такъ, у кафровъ военные танцы составляютъ самую важную часть воинскаго обученія и повторяются очень часто. Говорятъ, что въ пляскахъ зулусовъ движенія напоминаютъ военные пріемы. По словамъ Томсона, военные танцы новозеландцевъ подражаютъ движеніямъ полка европейскихъ солдатъ. Ясно, что танцы, какъ профессія развились не изъ этихъ упражненій.

Профессія танцора, пѣвца и музыканта, происшедшая такъ, какъ мы только-что указывали, описывается въ извѣстномъ текстѣ Библіи. Когда Давидъ, полководецъ израильтянъ, возвращался съ похода на филистимлянъ, «то женщины изъ всѣхъ городовъ израильскихъ выходили на встрѣчу Саулу царю съ пѣніемъ и плясками, съ торжественными тимпанами и кимвалами. И восклицали игравшія женщины, говоря: Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ— десятки тысячъ» (I кн. Царствъ, XVIII, 6, 7). Въ этомъ случаѣ первобытное чествованіе побѣдоноснаго вождя прыжками и кри-

ками, принявшее въ полуцивилизованномъ состояніи болѣе размѣренную и ритмическую форму танцевъ и пѣсенъ, относилось одновременно и къ правящему вождю и къ другому, подчиненному ему полководцу. На этотъ разъ чествованіе носило свѣтскій характеръ, но при другихъ обстоятельствахъ оно бывало по преимуществу религіознымъ. Пѣсня Маріамъ при переходѣ израильтянъ черезъ Красное море, сопровождаемая танцами и игрою женщинъ на тамбуринахъ и призывавшая «воспѣть Господа, ибо высоко превознесся Онъ», представляетъ чествованіе подобнаго же рода, относящееся также къ вождю (Мужъ брани - называли еврейскаго Бога), уже невидимому, но предполагаемому предводителю народа и его пособнику въ битвахъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что религіозные танцы, пѣніе и славословіе носятъ одну и ту же форму, независимо отъ того, видимъ или нѣтъ ихъ объектъ.

Обычаи, свойственные современнымъ полуцивилизованнымъ народамъ, подтверждаютъ то положеніе, что первоначально оваціи, которыми встрѣчаютъ возвращающагося на родину завоевателя, были непроизвольными проявленіями одобренія и почтенія, а съ теченіемъ времени превратились въ установленныя церемоніи, предназначенныя для умилостивленія. Практическая выгода требуетъ, чтобы правителю доставляли удовольствіе, повторяя пѣсни, въ которыхъ воспѣваются его подвиги, и выражая танцами радость въ его присутствіи. Описывая марутсовъ, Голюбъ говоритъ: «Всѣ музыканты (королевскаго оркестра) обязаны быть и пѣвцами, такъ какъ они должны пѣть пѣсни въ честь короля въ промежуткахъ между музыкальными пьесами или подъ тихій аккомпанементъ своихъ инструментовъ». Швейнфуртъ разсказываетъ, что при дворѣ короля Мунца, предводителя манбутовъ, содержатся музыканты, пѣвцы и танцоры по профессіи, главная обязанность которыхъ прославлять короля и угождать ему; а въ Дагомеѣ, по словамъ Бюртака, «барды бываютъ обоихъ половъ и женщины - барды живутъ во дворцѣ. Король содержитъ цѣлую труппу этихъ придворныхъ артистовъ». Такого рода оффиціальныя славословія совершаются не только въ честь короля, но и въ честь менѣе важныхъ правителей. Въ процессіяхъ ашантіевъ «всякаго знатнаго сопровождаетъ свита льстецовъ, прославляющая въ гиперболическихъ пѣсняхъ «могущественное имя ихъ господина». На Золотомъ Берегу каждый начальникъ имѣетъ трубача и пѣсню, относящуюся къ нему одному. Паркъ разсказываетъ, что у мандингосовъ есть такіе пѣвцы, которые «поютъ экспромптомъ пѣсни въ честь своихъ вождей и въ честь всякаго, кто имъ заплатитъ». Въ этомъ случаѣ мы видимъ уже значительное уклоненіе отъ первоначальнаго

назначенія пѣсни. Винтерботтамъ указываетъ намъ на подобный же фактъ. «У фуласовъ существуетъ классъ людей, называемый пѣвцы, которые, какъ древніе барды, путешествуютъ по странѣ и поютъ пѣсни во славу тѣхъ, кто покупаетъ себѣ славу».

Переходя изъ Африки на Мадагаскаръ, мы находимъ, что тамъ королева содержитъ значительную труппу пѣвицъ, которыя живутъ при дворѣ и сопровождаютъ повелительницу во всѣхъ ея экскурсіяхъ. Рафль разсказываетъ также, что на Явѣ есть три класса танцовщицъ, танцующихъ при публикѣ: 1) наложницы правителя и наслѣднаго принца; это наиболѣе искусныя; 2) наложницы знатныхъ; 3) обыкновенныя мѣстныя танцовщицы.

Всѣ эти примѣры показываютъ намъ, что прославленіе голосомъ и тѣлодвиженіями, происходившее раньше непроизвольно и случайно, превратилось въ правильный церемоніалъ. Пѣніе и танцы производятся теперь уже не всѣмъ народомъ, а особой категоріей людей. Затѣмъ произошло еще два важныхъ измѣненія. Первоначально одни и тѣ же славильщики и пѣли, и танцовали, теперь они рѣзко раздѣлились на два класса—пѣвцовъ и танцоровъ. Кромѣ того, мы можемъ замѣтить, если не у пѣвцовъ, то, во всякомъ случаѣ, у танцоровъ, что упражненія ихъ перестали служить выраженіемъ радости и привѣтствія правителю, а превратились въ состязанія ловкости и граціи, въ средства доставленія эстетическаго удовольствія. У евреевъ это превращеніе произошло во времена Ирода, когда дочь Иродіады забавляла отца танцами; подобное же явленіе наблюдалось въ эту эпоху въ Индіи, гдѣ труппы баядерокъ составляли необходимую принадлежность дворца.

Побѣдныя пѣсни и пляски передъ видимымъ правителемъ близко соприкасаются, какъ мы это видѣли у евреевъ, съ подобными же обрядами передъ невидимымъ господиномъ. Кромѣ пророчицы Маріамъ и ея подругъ, вспомнимъ Давида, плясавшаго передъ ковчегомъ. Послѣ этого насъ не должны удивлять аналогичные факты у другихъ полуцивилизованныхъ народовъ. Маркіамъ, описывая одно празднество у пухери, говоритъ: «Этотъ ковчегъ считается жилищемъ божества, онъ переносится съ большой торжественностью и народъ пляшетъ вокругъ, увѣнчанный цвѣтами и хлѣбными колосьями». Въ одномъ изслѣдованіи о бхиляхъ мы читаемъ о такъ называемыхъ бравасахъ—жрецахъ горныхъ боговъ: «Сила ихъ спитъ, пока музыка не возбудитъ ихъ, поэтому, они содержатъ музыкантовъ, которые поютъ безчисленные гимны во славу горныхъ боговъ. Когда это пѣніе зажжетъ въ нихъ искру духовнаго огня, жрецы начинаютъ плясать съ дикими тѣлодвиженіями».

Въ Абиссиніи пляски имѣютъ подобное же значеніе. На обязанности жрецовъ лежитъ «читать молитвы, пѣть, совершать таинство и плясать; пляски обязательны во время религіозныхъ процессій». Въ этомъ случаѣ пляска, вѣроятно, перешла въ эту квазихристіанскую религію изъ какой-либо первобытной религіи (подобное заимствованіе можно наблюдать и у католическихъ миссіонеровъ). Это подтверждается слѣдующимъ примѣромъ, взятымъ изъ другой страны. Описывая обычаи пуебласовъ, Луми говоритъ: «Cochmar или священные танцы, бывшіе въ большомъ употребленіи до Христофора Колумба, продолжаютъ еще практиковаться, но теперь они соединяются съ церковными праздниками, ихъ считаютъ одинаково пріятными какъ Tata Dios (Богу), такъ и Солнцу». Путь, которымъ пѣніе и танцы, совершаемые передъ видимымъ господиномъ, перешли въ пѣніе и танцы передъ невидимымъ, легче прослѣдить по лѣтописямъ цивилизованныхъ народовъ. Исторія евреевъ, напримѣръ, даетъ много примѣровъ, кромѣ указанныхъ выше. Въ первой книгѣ Царствъ (X, 5) мы находимъ разсказъ о томъ, какъ группа пророковъ спускалась съ высотъ подъ звуки гуслей, арфы и флейты, а по нѣкоторымъ переводамъ даже съ пѣніемъ и танцами. Въ первой книгѣ Паралипоменонъ (IX, 33) мы читаемъ, что «пѣвцы—главные въ поколѣніяхъ левитскихъ». Въ псалмѣ CXLIX встрѣчается слѣдующее воззваніе: «Да хвалятъ имя его танцами, на тимпанахъ и гусляхъ да поютъ ему». Все это существовало бокъ-о-бокъ съ обычаемъ правовой мести по отношенію къ язычникамъ.

Въ исторіи Египта мы не находимъ такого превращенія танцевъ и пѣнія въ форму культа и сліянія ихъ съ жречествомъ; это зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ того, что у насъ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о первыхъ ступеняхъ египетской цивилизаціи. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Геродота, во время празднествъ въ честь Бахуса, музыкантъ, игравшій на флейтѣ, шелъ во главѣ процессіи, окруженный хористами, воспѣвавшими славу бога. Перечисляя кимвалы, флейты и арфы, употребляемыя «въ религіозныхъ процессіяхъ», Вилькинсонъ говоритъ, что музыканты принадлежали къ сословію жрецовъ и получали вознагражденіе за свою службу, подобно еврейскимъ левитамъ. Онъ разсказываетъ, что пѣніе и рукоплесканіе было частью богослуженія. Стѣнная живопись доказываетъ то же. «Они танцовали также въ храмахъ въ честь боговъ и это видно на многочисленныхъ изображеніяхъ священныхъ процессій». Теперь Вилькинсонъ нѣсколько устарѣлъ, но показанія его не расходятся съ самыми новѣйшими изслѣдователями.

Между храмомъ и дворцомъ всегда существовала самая тѣсная

связь. Бругшъ утверждаетъ, что одинъ изъ придворныхъ сановниковъ «завѣдывалъ пѣніемъ и танцами», а Деккеръ говоритъ, что «при каждомъ храмѣ былъ свой пѣвецъ». Тиле сообщаетъ объ Имъ-Готенѣ, сынѣ Фта: «Въ текстѣ говорится о немъ, какъ о первомъ изъ шеръ-хибовъ—классъ жрецовъ, бывшихъ одновременно пѣвцами и лѣкарями»,

Въ историческія времена въ Египтѣ музыка пріобрѣла, по мнѣнію Равлинсона, совершенно свѣтскій характеръ. «Музыка употреблялась по преимуществу въ качествѣ легкаго развлеченія. Религіозныя церемоніи, въ составъ которыхъ входила музыка, носили по преимуществу двусмысленный характеръ».

Развитіе этихъ профессій шло подобнымъ же путемъ и въ Греціи. Мы находимъ у Гуля и Конера краткое указаніе на то, что первоначально всѣ танцы были слиты съ религіознымъ культомъ. Соединеніе танцевъ и пѣнія, какъ элементовъ одной религіозной церемоніи, указано въ слѣдующемъ замѣчаніи Мильтона: «*Хоръ*—слово, вызывающее у насъ представленіе о чемъ-то музыкальномъ, первоначально было терминомъ, относившимся къ танцамъ. *Хоромъ* назывался одинъ изъ самыхъ сложныхъ лирическихъ танцевъ-балладъ». Слѣдующее описаніе Грота показываетъ, что это соединеніе танцевъ и музыки носило религіозный характеръ: «*Хоръ* съ танцами и пѣніемъ являлся важной частью богослуженія во всей Греціи. Въ древнія времена въ немъ принимали участіе всѣ граждане, но постепенно онъ принялъ болѣе искусственныя формы и сталъ исполняться на празднествахъ спеціально подготовленными лицами». Дональдсенъ говоритъ также, что «музыка и танцы лежали въ основѣ религіозной, политической и военной организаціи дорійскаго государства». «Соблюденіе военной дисциплины и упроченіе принципа субординаціи,—прибавляетъ онъ,—вотъ что имѣли въ виду эти суровые законодатели, помимо развитія артистическаго вкуса; конечно, религіозныя чувства оказывали большое вліяніе на ихъ мысли и дѣйствія, но богъ, которому они поклонялись, былъ богъ войны, музыки и гражданскаго управленія». Я позволю себѣ сдѣлать одно замѣчаніе,—это сообщеніе содержитъ въ себѣ одну ошибку, свойственную многимъ историческимъ толкованіямъ. Авторъ ошибочно утверждаетъ, что танцы были введены законодателемъ: они были развитіемъ непроизвольныхъ проявленій чувствъ. Въ Греціи музыка рано стала пріобрѣтать свѣтскій характеръ; мы узнаемъ это изъ преданій, касающихся религіозныхъ празднествъ пиѳійскихъ, олимпійскихъ и проч., на которыхъ происходили состязанія въ искусствѣ и силѣ. Пиѳійскія игры—первыя по времени, очень мало уклонялись отъ

первоначальной цѣли; онѣ состояли исключительно изъ состязаній музыкантовъ и поэтовъ. Но установленіе наградъ указываетъ намъ, что изъ первоначальныхъ смѣшанныхъ хоровъ съ теченіемъ времени выдѣлились нѣкоторые хоры, отличившіяся выразительностью своихъ гимновъ и тонкимъ музыкальнымъ исполненіемъ. Читая описанія того, что многіе музыканты, аккомпанировавшіе священнымъ пѣснопѣніямъ и танцамъ, выдавались своимъ искусствомъ и получали на большихъ греческихъ играхъ награды за игру на флейтѣ, на лирѣ или на трубѣ, мы замѣчаемъ начало дифференціаціи между инструментальными и вокальными исполнителями, дифференціаціи, которая такъ ясно выразилась впослѣдствіи. По поводу одной пьесы, исполненной въ 250 г. до Р. Х., Магафи говоритъ: «Эта сложная инструментальная симфонія явилась простымъ развитіемъ древняго состязанія инструментовъ, происходившаго въ Дельфахъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ».

Вскорѣ музыка пріобрѣла тамъ вполнѣ свѣтскій характеръ. Кромѣ музыкальныхъ произведеній въ честь боговъ, появляются другія произведенія, имѣвшія исключительною цѣлью доставить эстетическія наслажденія. Различая духовную и свѣтскую музыку, Магафи говоритъ, что первая не имѣла ничего общаго съ пѣніемъ и музыкой, которыя исполнялись частными обществами; эти послѣднія были сильно распространены въ Аѳинахъ; въ Спартѣ же занятіе музыкой предоставлялось исключительно профессіональнымъ музыкантамъ.

Аналогичный примѣръ даетъ намъ римская исторія. У Моммсена мы читаемъ, что «въ наиболѣе древнихъ религіозныхъ церемоніяхъ танцы, а затѣмъ музыка, какъ аккомпаниментъ для танцевъ, встрѣчались гораздо чаще, чѣмъ пѣніе. Во время большой процессіи, которой открывался праздникъ тріумфа въ Римѣ, главное мѣсто, непосредственно вслѣдъ за изображеніями боговъ и за тріумфаторомъ, предназначалось танцорамъ — серьезнымъ и комическимъ. «Скакуны (salii) были едва-ли не самыми древними и ужасными жрецами». Гуль и Конеръ пишутъ равнымъ образомъ, «Общественныя игры были съ самаго начала соединены съ религіозными обрядами; въ этомъ отношеніи римляне походятъ на грековъ. Иногда эти игры устраивались по обѣту, данному богамъ, чтобы заслужить ихъ благосклонность, и исполнялись въ благодарность за ихъ благодѣянія».

Это наблюденіе согласуется со словами Поскета, который, приведя древнюю молитву Марсу, говоритъ: «Первобытные гимны представляли собой, очевидно, сочетаніе священныхъ плясокъ съ соотвѣтствующими пѣснопѣніями; преобладаніе пляски указываетъ,

какъ легко гимнъ процессій превращался въ небольшое драматическое представленіе, символически изображавшее предполагаемыя дѣянія даннаго бога».

Здѣсь мы видимъ явленіе, аналогичное съ торжественной встрѣчей Давида и Саула, мы видимъ, что культъ бога-героя служитъ повтореніемъ тѣхъ восторговъ, которые доставались на долю побѣдителя, когда еще при его жизни прославлялись его подвиги. Жрецы и народъ исполняли въ этомъ послѣднемъ случаѣ то, что въ первомъ производилось народомъ и придворными. Въ Римѣ, также какъ и въ Греціи, религіозная музыка превратилась въ свѣтскую, въ искусство, служившее для удовольствія. Ингъ говоритъ: «Во времена республики римлянинъ считалъ для себя стыдомъ прослыть искуснымъ музыкантомъ. Сципіонъ Эмиліанъ произнесъ въ сенатѣ грозную рѣчь противъ школъ музыки и танцевъ, въ одной изъ которыхъ онъ видѣлъ однажды даже сына римскаго консула». Но во времена Цезарей занятіе музыкой вошло уже въ составъ либеральнаго образованія; въ доказательство напомнимъ всѣмъ извѣстный разсказъ о Неронѣ, какъ объ артистѣ. Въ ту же эпоху хоры обученныхъ рабовъ пѣли и играли во время обѣдовъ для увеселенія гостей, или своего хозяина.

Продолжая слѣдить за эволюціей этихъ двухъ профессій, первоначально слитыхъ, мы замѣчаемъ слѣдующій фактъ: послѣ ихъ разъединенія одна изъ нихъ пріобрѣла вполнѣ свѣтскій характеръ, другая, между тѣмъ, долго сохраняла религіозный оттѣнокъ и лишь гораздо позднѣе приняла свѣтскія формы.

Легко догадаться, почему танцы перестали входить въ составъ религіозныхъ церемоній, тогда какъ музыка продолжала составлять часть ихъ.

Во-первыхъ, танцы, какъ нѣмое искусство, не могутъ выразить того разнообразія чувствъ и мыслей, которое даетъ намъ музыка, особенно съ помощью словъ. Нѣкогда танцы служили выраженіемъ радости въ присутствіи или самого героя, или его мнимой души. По самой природѣ вещей въ нихъ находитъ себѣ исходъ тотъ избытокъ энергіи, который сопровождаетъ сильно возбужденное чувство, но они не могутъ выразить ни страха, ни покорности, ни раскаянія, составляющихъ часть религіознаго чувства въ болѣе позднюю эпоху. Естественно, что танцы, хотя и не вполнѣ изгнанные изъ богослуженія, въ средніе вѣка употреблялись весьма рѣдко. Сохранилась только одна часть первоначальныхъ обрядовъ, а именно процессіи. Какъ при торжественныхъ встрѣчахъ побѣдителей, такъ и при прославленіи какого-нибудь дѣянія бога, радостныя припрыгиванія сопровождали всегда дви-

женія народной толпы; прыганье прекратилось, но движеніе народной массы продолжалось. Оно продолжается и до нашихъ дней въ двухъ видахъ. У насъ бываютъ религіозныя процессіи вокругъ храма или по улицамъ, и болѣе или менѣе торжественныя свѣтскія процессіи,—когда государь или представитель государя въѣзжаетъ въ городъ, его сопровождаютъ войска, чиновники и народъ. Торжественныя встрѣчи судей, представителей короля, показываютъ, что старая форма, за исключеніемъ танцевъ, продолжаетъ существовать.

Отмѣтимъ еще одинъ фактъ. Какъ только танцы превратились въ свѣтское развлеченіе, они пріобрѣли отчасти профессіональный характеръ. Правда, на самыхъ низшихъ ступеняхъ цивилизаціи они иногда имѣли, кромѣ религіозныхъ, другія формы и цѣли (какъ, напримѣръ, мимическое изображеніе удачной охоты, первобытныя военныя пляски) и очень возможно, что свѣтскіе танцы явились развитіемъ этихъ послѣднихъ, но если мы мысленно прослѣдимъ переходъ отъ плясокъ, совершаемыхъ во время тріумфальныхъ процессій передъ вождемъ, къ тѣмъ, которые входили въ придворный церемоніалъ и исполнялись профессіональными танцорами, а отъ нихъ къ тѣмъ, которыя исполняются теперь въ театрѣ, мы увидимъ, что формы свѣтскихъ танцевъ сохраняютъ до сихъ поръ нѣкоторые слѣды того происхожденія, на которое мы указывали.

Оставимъ въ сторонѣ это вводное разсужденіе и перейдемъ отъ примѣровъ, взятыхъ изъ древнихъ цивилизацій, къ примѣрамъ, доставляемымъ языческими или полуцивилизованными народами Европы; прежде всего остановимся на слѣдующемъ сообщеніи Страбона о кельтахъ. «У нихъ есть три категоріи людей, особенно почитаемыхъ: барды, ваты и друиды. Барды сочиняютъ и поютъ гимны; ваты занимаются таинствами и изученіемъ природы, а друиды тоже изслѣдованіемъ природы, и, кромѣ того, изученіемъ нравственной философіи». Барды воспѣвали подвиги своихъ вождей, аккомпанируя себѣ на арфѣ. Надо думать, что переживаніе языческихъ обрядовъ въ христіанскую эпоху вызвало у скандинавовъ появленіе класса, извѣстнаго подъ именемъ скальдовъ, а у англичанъ—арфистовъ и пѣсенниковъ. Такъ, мы читаемъ: «Пѣсенники соединяли съ пѣніемъ пантомиму, пляску, прыганье и фокусничество. Имъ необходимо было составлять товарищества». «Вскорѣ послѣ завоеванія, эти музыканты потеряли старинное саксонское названіе—gleemen и стали называться менестрелями». Въ древній періодъ англійской исторіи менестрель «принадлежалъ иногда къ свитѣ господина, которому онъ служилъ, какъ мы ви-

димъ, въ поэмѣ Беовульфа». Такъ какъ на обязанности менестреля лежало прославлять своего господина или его предковъ, то мы заключаемъ, что въ первомъ случаѣ онъ прославлялъ, какъ придворный, своего живого господина, а во второмъ онъ прославлялъ господина умершаго, какъ жрецъ прославляетъ свое божество.

Съ упадкомъ языческихъ боговъ, героевъ и предковъ, музыка сдѣлалась, съ одной стороны, свѣтской, съ другой—появилась новая музыка, которая начала развиватьсл къ тѣсной связи съ новой религіей. Англо-саксы усердно занимались музыкой. При монастыряхъ были основаны постоянныя школы музыки, напр., въ Кентербери. То же самое происходило и при норманахъ. «Тогда было обращено большое вниманіе на церковную музыку и духовенство часто сочиняло напѣвы для своихъ хоровъ».

«Молодые люди изучали церковную музыку въ университетахъ, чтобы получить званіе баккалавра или доктора по этому факультету, что обезпечивало имъ хорошее положеніе въ свѣтѣ». Но лучшимъ доказательствомъ того, что въ христіанскую эпоху учителя музыки носили духовное званіе, служатъ біографическія данныя о старинныхъ музыкантахъ всей Европы. Начнемъ съ святого Амвросія въ VI вѣкѣ, который упорядочилъ пріемы церковнаго пѣнія при божественной службѣ. За нимъ слѣдуетъ святой Григорій, который открылъ въ 590 г. музыкальную гамму. X вѣкъ даетъ намъ Гумбольда, монаха, замѣнившаго двухлинейную нотную систему многолинейной. Въ XI вѣкѣ монахъ Гвидо д'Арецо усовершенствовалъ далѣе линейную систему нотъ. Подраздѣленіе музыки на свѣтскую и духовную началось въ XII вѣкѣ съ появленіемъ минезингеровъ, «ихъ мелодіи были построены на церковной гаммѣ». Изъ нихъ выдѣлились впослѣдствіи мейстерзингеры, которые исполняли свои пѣсни преимущественно въ церквахъ, «брали священные сюжеты и пѣли въ религіозномъ тонѣ». Первый композиторъ, облекавшій свои произведенія въ правильную форму, былъ каноникъ каѳедральнаго собора въ Камбрэ-Дюфэ въ 1474 г. Въ XVI вѣкѣ появляется Лассо, написавшій 1.300 музыкальныхъ пьесъ его общественное положеніе неизвѣстно. Болѣе свѣтскимъ характеромъ отличается Филиппъ де-Монте, каноникъ въ Камбрэ, издавшій въ томъ же XVI в. 30 книгъ мадригаловъ. Около этого же времени Лютеръ написалъ нѣмецкую мессу. Въ слѣдующемъ столѣтіи мы встрѣчаемъ знаменитаго композитора Палестрину, человѣка, хотя и свѣтскаго по происхожденію, но выбраннаго въ духовныя должности, и священника Аллегри—хориста и композитора. Въ болѣе новыя времена жилъ Кериссими, капелланъ, композиторъ, и Скарлатти, также maestro di capella. Франція дала Рамо—

органиста, а Германія двухъ своихъ величайшихъ композиторовъ: Генделя, бывшаго сначала капелланомъ въ Гановерѣ, а потомъ въ Англіи, и Баха, который былъ въ началѣ органистомъ; этотъ глубоко религіозный человѣкъ построилъ современныя музыкальныя произведенія на древне-церковныхъ напѣвахъ. Изъ остальныхъ выдающихся музыкантовъ XVIII вѣка надо упомянуть Петера Мартина и Зингарели — оба были капелланами; одновременно съ ними подвизались аббатъ Воигеръ и Херубини, также капелланъ.

Къ этимъ примѣрамъ добавимъ нѣсколько другихъ, взятыхъ изъ англійской жизни. Возвращаясь къ 1515 году, мы встрѣчаемъ тамъ Талиса, «отца англійской каѳедральной музыки», носившаго званіе «джентельмена королевской капеллы; въ томъ же вѣкѣ жилъ Морлей, пѣвчій и чтецъ апостола и Евангелія; онъ, хотя носилъ полудуховное званіе, но сочинялъ свѣтскую музыку; тоже можно сказать и о Бирда, и о Фарранѣ, а немного позднѣе о Гиббонѣ—органистѣ и свѣтскомъ композиторѣ. Въ XVI вѣкѣ мы находимъ Лауэза, псаломщика въ королевской капеллѣ и духовнаго композитора, Чайльда, пѣвчаго, органиста и духовнаго композитора, и Блоу. За ними слѣдуютъ четыре поколѣнія Пурцеловъ, всѣ служившіе церкви, какъ канторы и органисты, Гильтонъ органистъ и причетникъ приходской церкви, писавшій духовную и свѣтскую музыку, и Грофтъ, органистъ, первый канторъ и композиторъ, какъ свѣтскій, такъ и духовный. То же можно сказать и о новѣйшихъ композиторахъ--Бойсѣ, Букѣ, Вэбѣ и Горслеѣ, которые, занимая церковныя должности, прославились своими пѣснями, романсами и шансонетками.

Мы не должны, конечно, игнорировать тотъ фактъ, что рядомъ съ искусственно выработанными формами музыки, являвшимися дальнѣйшимъ развитіемъ музыки, употреблявшейся при богослуженіи, существовала независимо и росла народная музыка. Съ самыхъ древнихъ временъ, чувства, вызываемыя разнообразными случаями жизни, непроизвольно искали себѣ выраженія въ пѣніи. Но признаніе этой истины не противорѣчитъ другой, болѣе широкой истинѣ, что наиболѣе совершенная музыка настоящаго времени развилась изъ религіознаго богослуженія и долгое время находилась въ рукахъ духовенства; изъ этого-то класса или изъ полусвѣтскихъ членовъ его вышли путемъ дифференціаціи композиторы и профессора свѣтской музыки. Отмѣтимъ еще одинъ фактъ дальнѣйшей дифференціаціи. Изъ музыкальнаго искусства, развиваемаго духовенствомъ для церковной службы и постепенно оказывавшимъ вліяніе на простую свѣтскую музыку, существовавшую въ народѣ, развились высшіе роды музыки, извѣстные въ на-

стоящее время. Мы не знаемъ, изобрѣтены ли за̀-ново народныя пляски, встрѣчаемыя въ послѣднія столѣтія, или, что вѣроятнѣе, онѣ являются видоизмѣненіемъ древнихъ плясокъ, пѣсенъ, употреблявшихся при языческомъ богослуженіи, во всякомъ случаѣ новѣйшія изслѣдованія открыли тотъ замѣчательный фактъ, что современныя большія оркестровыя произведенія имъ обязаны своимъ происхожденіемъ. Сюиты Баха и Генделя ведутъ свое начало отъ мотивовъ различныхъ танцевъ, и, превратившись въ симфоніи, до сихъ поръ, въ части, называемой искустомъ, сохраняютъ слѣды своего происхожденія.

И вмѣстѣ съ развитіемъ музыки, появилась сама собой новая дифференціація, композиторъ отдѣлился отъ исполнителя. Конечно, иногда исполнители бываютъ въ то же время и композиторами, но композиторъ остается, тѣмъ не менѣе, свободнымъ артистомъ, который никогда не принимаетъ участія въ публичныхъ представленіяхъ.

Въ этомъ случаѣ, какъ и въ остальныхъ, процессъ эволюціи знаменуется интеграціей, сопровождающей дифференціацію. Отложимъ примѣры, добытые изъ первобытныхъ цивилизацій, до слѣдующей главы, такъ какъ они съ ней болѣе тѣсно связаны. Здѣсь мы укажемъ только факты, относящіеся къ новѣйшему времени.

Кромѣ неорганизованной группы профессіональныхъ исполнителей и небольшой организованной корпораціи профессоровъ и преподавателей музыки, мы имѣемъ въ настоящее время массу лицъ, сдавшихъ экзамены въ музыкальныхъ школахъ и получившихъ дипломы. По мѣрѣ интеграціи связь между этими лицами опредѣляется все болѣе и болѣе. Всюду открываются мѣстныя музыкальныя общества, устраиваются музыкальныя празднества и организуется завѣдываніе ими, создаются музыкальныя корпораціи съ своими школами, своими учениками, съ факультетами профессоровъ и директорами.

Далѣе, какъ бы для того, чтобы связать различныя группы музыкантовъ, занимающихся своимъ искусствомъ по профессіи съ дилеттантами, упражняющимися въ музыкѣ ради удовольствія, мы имѣемъ періодическую литературу, разнообразные журналы, посвященные отчетамъ и разборамъ концертовъ, операъ и ораторій; онѣ содѣйствуютъ развитію музыки и являются представителями интересовъ музыкантовъ, преподавателей и исполнителей.

Изъ «Popular Science Monthly». **Гербертъ Спенсеръ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемпфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Анненской.

(Продолженіе) *).

VII.

Марчелла Максвель долго не могла убѣдить и себя и своего мужа, что она любитъ его.

Когда Марчелла Бойсъ въ первый разъ дала слово Альдусу Рёберну—такъ звали внука и наслѣдника стараго лорда Максвеля—она смотрѣла на него лишь, какъ на средство для достиженія своей цѣли. Она была въ то время красивая, еще не вполнѣ развившаяся дѣвушка того типа, который часто встрѣчается въ наши дни. По происхожденію она принадлежала къ классу деревенскихъ сквайровъ, а благодаря нѣсколькимъ годамъ студенческой жизни въ Лондонѣ, къ той молодежи, которая ни въ чемъ не признаетъ авторитетовъ и подвергаетъ анализу все, что встрѣчаетъ на своемъ пути,—молодежи, которая прилагаетъ ко всѣмъ соціальнымъ явленіямъ мѣрку своего собственнаго чувства и обращаетъ свои симпатіи только на одинъ родъ страданій. Отецъ ея,—человѣкъ съ сомнительнымъ прошлымъ, которое, повидимому, было извѣстно всѣмъ, кромѣ его дочери, воспитывавшейся въ школѣ, вдали отъ семьи,—неожиданно получилъ въ наслѣдство имѣніе въ Брукшайрѣ. Когда Марчелла вступила въ мѣстное общество, въ душѣ ея бушевало презрѣніе къ существующему соціальному строю, это чувство еще болѣе усилилось, когда она увидѣла, что, вслѣдствіе исторіи отца ея, ни ея мать, ни она сама не могутъ разсчитывать на дружелюбный пріемъ со стороны старыхъ друзей семьи въ Брукшайрѣ. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, дѣвушка, красивая

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1896 г.

собой, пылкая и талантливая, должна была бурно начать свою новую жизнь и почти неизбѣжно дѣлать промахи.

Для перваго дебюта, она овладѣла лучшею «партіей» въ графствѣ и затѣмъ относилась къ своей побѣдѣ съ самымъ беззаботнымъ легкомысліемъ; это удовлетворяло ея гордость, но возбуждало недовѣріе и неудовольствіе большинства друзей Ребурна. Дѣло въ томъ, что Ребурнъ, при первой встрѣчѣ почувствовавшій къ ней страсть, которой онъ навсегда остался вѣренъ, былъ далеко не заурядный деревенскій сквайръ; онъ внушалъ всѣмъ, кто близко зналъ его, необыкновенную симпатію и уваженіе, какъ человѣкъ, въ высшей степени способный, сдержанный и скромный. Онъ являлся единственнымъ представителемъ знаменитаго рода и съ дѣтства видѣлъ вокругъ себя много горя, привыкъ думать, что ему предстоитъ тяжелая отвѣтственность. Въ немъ была душа поэта и мыслителя; онъ полюбилъ Марчеллу Бойсъ со всею деликатностью, со всѣмъ идеализирующимъ уваженіемъ, какое страсть порождаетъ въ сильныхъ и богато одаренныхъ натурахъ. Но онъ не отличался блестящею внѣшностью и живымъ характеромъ; по убѣжденіямъ онъ вѣрилъ въ аристократію, къ которой самъ принадлежалъ, и чувствовалъ органическое отвращеніе ко всякимъ перемѣнамъ, хотя съ этимъ чувствомъ постоянно боролись въ душѣ его разные нравственные запросы; внѣшнія условности и предразсудки не возмущали его, онъ подчинялся имъ легко, пожалуй, даже равнодушно. Не трудно было предвидѣть, что подобнаго рода человѣкъ не въ состояніи будетъ удержать Марчеллу Бойсъ, ту Марчеллу, какою она была тогда. Она приняла его предложеніе отчасти изъ гордости, чтобы похвастать своимъ торжествомъ передъ Брукшайромъ; отчасти, чтобы имѣть широкое поприще для борьбы противъ установленныхъ правилъ и обычаевъ. А между тѣмъ, въ самомъ характерѣ Марчеллы лежало нѣчто, громко возстававшее въ защиту правъ Ребурна. Она никогда не въ состояніи была довести до конца эгоистичный или безсердечный планъ. Подъ ея кажущеюся необузданностью скрывалась натура, созданная для самопожертвованія, для любви, подобно тому, какъ иногда подъ видомъ кротости и уступчивости скрываются натуры другого типа, корыстныя и холодныя.

Во всякомъ случаѣ, между ними произошелъ разрывъ; мы не станемъ описывать здѣсь, какимъ образомъ это случилось. Ребурнъ и Марчелла поссорились и разошлись; но когда всѣ отношенія между ними были порваны, Марчелла въ первый разъ поняла истинныя свойства сложнаго характера Ребурна; онъ же, от-

части изъ ревности, отчасти изъ чувства собственнаго достоинства, не дѣлалъ никакихъ усилій, чтобы удержать ее.

Послѣ этого Марчелла, недовольная собой, уѣхала въ Лондонъ, поступила въ сидѣлки, и принуждена была, такъ сказать, нести наказаніе отъ самой жизни. Обстоятельства карали и учили ее:— служба въ больницѣ, жизнь среди бѣдныхъ, усилія разрѣшить тѣ задачи, которыя ставитъ бѣдность, вліяніе нѣкоторыхъ друзей. Романтическое самомнѣніе ранней юности исчезло; она начала судить о себѣ, а слѣдовательно, и о другихъ болѣе справедливо, и въ нѣкоторыя минуты раздумья ей стало казаться, что разрушенное счастье человѣка, который приближался къ ней съ такою полною преданностью, была не бездѣлица, не пустой капризъ.

Время шло; являлись все новые опыты въ жизни. Человѣкъ, который въ Брукшайрѣ возбудилъ ревность Ребурна, встрѣтился съ Марчеллой Бойсъ въ Лондонѣ и самымъ практичнымъ образомъ разсчиталъ, на сколько можетъ быть выгодно для него обладаніе такой красавицей. Она увлекалась имъ то съ лихорадочнымъ жаромъ, то какъ-то вяло, и одно время, когда онъ сталъ особенно страстно преслѣдовать ее, она, страдая отъ одиночества и неудовлетворенности, едва не сдѣлалась его женой. Но судьба спасла ее. Все это время она изрѣдка видалась у общихъ друзей съ Альдусомъ Ребурномъ. Сначала встрѣчи съ нимъ вызывали у нея одни только мучительныя угрызенія совѣсти. Ей бы хотѣлось стать его другомъ и, какъ другъ, убѣдить его забыть ее и жениться на другой. Но онъ продолжалъ любить и ревновать ее и не хотѣлъ принять того, что она молча предлагала ему. Та твердость, съ какою онъ отказался отъ ея дружбы, заинтересовала ее, заставила ее жалѣть о томъ, что она пробудила въ немъ страсть. Произошли нѣкоторыя обстоятельства, которыя показали ей все его благородство и безкорыстіе и въ то же время уронили его соперника въ ея уваженіи. Въ ту минуту, когда сердце ея освобождалось отъ недостойной любви, она ощутила волненіе новаго чувства и въ отчаяніи считала себя погибшей. На помощь ей явилась смерть.

Альдусъ Ребурнъ, котораго хорошо знали немногіе, въ теченіе своей жизни пріобрѣлъ одного вполнѣ преданнаго друга. Этотъ другъ, человѣкъ рѣдкихъ качествъ, игралъ всегда роль главной двигательной силы Ребурна, не смотря на то, что самъ лично все время долженъ былъ заботиться объ одномъ,—о поддержаніи въ цѣлости слабо дѣйствовавшей машины собственнаго тѣла. Эдвардъ Алленъ своимъ вліяніемъ подстрекалъ и подогрѣвалъ мало подвижную натуру Ребурна и придавалъ его врожденному аристокра-

тизму то «безпокойное недовольство», которое вноситъ благородную ноту въ жизнь. Алленъ читалъ лекціи и занимался политической экономіей. Во всякомъ случаѣ, онъ умеръ молодымъ; Ребурнъ никогда и не ожидалъ, что ему суждена долгая жизнь.

Когда Марчелла Бойсъ была невѣстой Ребурна, Алленъ чувствовалъ къ ней сильнѣйшее недовѣріе и непріязнь. Затѣмъ, насталъ разрывъ, и, по странному стеченію обстоятельствъ, Алленъ и Марчелла гораздо лучше узнали другъ друга послѣ него, чѣмъ до него. Онъ обладалъ чудодѣйственною силою святого; его чистая, прямая натура оказывала на страстную душу Марчеллы вліяніе, какого не имѣла на нее до тѣхъ поръ ни чья любовь. При первомъ припадкѣ его недолгой, послѣдней болѣзни его отвезли въ Брукшайръ-гиль, въ тотъ домъ, который достался по наслѣдству Ребурну, ставшему незадолго передъ этимъ лордомъ Максвелемъ. Случайно Марчелла была по сосѣдству. Она снова встрѣтилась съ Ребурномъ; имъ пришлось вмѣстѣ испытывать великую жалость, вмѣстѣ любоваться великой красотою. Смерть Аллена, смерть «мудраго человѣка», въ древнемъ библейскомъ значеніи, не имѣла въ себѣ ничего ужаснаго. Слѣдя за ея постепеннымъ, неизбѣжнымъ приближеніемъ, можно было плакать и въ то же время чуствовать утѣшеніе.

Послѣ этого явились недоразумѣнія и сомнѣнія, естественный приливъ и отливъ любви, родившейся изъ борьбы. Но то, что должно было свершиться, приближалось съ каждымъ днемъ, пока, наконецъ, явилась счастливая случайность, которая всегда является на помощь счастливцамъ. Марчелла, болѣе зрѣлая и болѣе нѣжная, чѣмъ была раньше, открыла свое сердце человѣку, который все время неизмѣнно любилъ ее; и дѣвушка, когда-то презиравшая все, что онъ давалъ ей, отдалась только Максвелю съ самоотверженною страстью и раскаяніемъ, необыкновенно очаровательными въ этой чудной, вполнѣ развитой, красавицѣ.

Таковъ былъ романъ Максвелей. Послѣ ихъ свадьбы прошло около пяти лѣтъ почти полнаго счастія. Полное равенство и товарищескія отношенія, ежедневныя заботы семейной жизни, глубокіе и сладкіе уроки любви, желанное рожденіе ребенка, постоянныя заботы о правильномъ примѣненіи принадлежащей имъ власти—все это уравновѣсило бурную натуру женщины и измѣнило нѣсколько пессимистическій и мнительный характеръ мужа. Нельзя сказать, чтобы жизнь съ Марчеллой Максвель всегда легко давалась. И теперь, какъ въ прежнее время, она оставалась въ нравственномъ отношеніи существовомъ, проникнутымъ благородными порывами и стремленіями; ее попрежнему мучили неосуществи-

мые идеалы, она попрежнему бросалась преслѣдовать ихъ во что бы то ни стало и другихъ побуждала къ тому же. Много разъ ее мучило то, что она считала равнодушіемъ Максвеля къ людямъ и дѣламъ, которыя она во что бы то ни стало хотѣла устроить, между тѣмъ какъ онъ часто въ тайнѣ недоумѣвалъ, долго ли пойдутъ они все впередъ, и, не сознаваясь въ этомъ даже самому себѣ, въ глубинѣ души вздыхалъ объ отдыхѣ, котораго никакъ не могъ дождаться.

Но если можно сказать, что Марчелла постоянно увлекала тѣхъ, кто любилъ ее, въ самый центръ бури, за то какія золотыя минуты давала имъ эта буря! Не было женщины, болѣе способной окружать любимаго человѣка нѣжною и глубокою страстью. Не смотря на всѣ свои «дѣла», она была такъ женственна въ отношеніяхъ къ мужу: когда жизнь и ея испытанія утомляли его, она такъ быстро могла откинуть роль пророчицы, реформаторши, чтобы снова превратиться въ ребенка и возлюбленную, что съ избыткомъ вознаграждала его за тѣ тревоги, которыя она съ собой приносила, за всѣ хлопоты и затрудненія, которыя заставляла его преодолѣвать. Ея недостатки оставались при ней; для него она были свѣтомъ жизни.

Нѣсколько времени послѣ свадьбы они жили въ великолѣпномъ домѣ Максвелей, въ Брукшайрѣ, и Марчелла принялась за управленіе большимъ хозяйствомъ по дому и имѣнію съ своей обычной энергіей и самобытностью. Она примѣняла новые способы отысканія слугъ и управленія ими; новые способы помощи бѣднымъ, и хотѣла сдѣлать Максвель-Кортъ центромъ не для одного класса общества, а для всѣхъ. Она дѣлала много промаховъ, но ни одинъ изъ нихъ не носилъ характера пошлости или низости. У нея была поэтичная, изобрѣтательная натура, а счастливое исполненіе ея личныхъ желаній усиливало въ ней стремленіе быть щедрой и приносить пользу другимъ.

Старая тетка Максвеля, которая вела хозяйство при его дѣдушкѣ, поселилась въ отдѣльномъ домикѣ въ концѣ парка, и старый дворецкій, вѣрный помощникъ миссъ Ребурнъ въ теченіе 30 лѣтъ, послѣдовалъ за ней туда же, сбитый съ толку страннымъ образомъ дѣйствій «милэди». Миссъ Ребурнъ, вышеупомянутая старая дѣва, которая въ дни борьбы Марчеллы съ Альдусомъ, ненавидѣла и боялась ее, намѣревалась было всячески угождать новой царицѣ; но когда дѣло дошло до того, что ее пригласили пить чай на лугу вмѣстѣ съ ея собственными прачками, она почувствовала, что не можетъ примириться съ подобнымъ прогрессомъ и удалилась. Марчелла вздохнула, упрекнула себя за фана-

тизмъ и нетерпимость, и въ первый разъ почувствовала себя свободной женщиной въ своемъ собственномъ домѣ.

Между тѣмъ фамильный домъ въ Лондонѣ былъ проданъ и, занятая заботами о своемъ новорожденномъ сынѣ и множествомъ деревенскихъ дѣлъ, Марчелла не стремилась въ Лондонъ. Но къ концу второго года она замѣтила,—хотя самъ онъ мало говорилъ объ этомъ,—что въ душѣ ея мужа жило постоянное и сильное стремленіе вернуться къ своимъ политическимъ интересамъ и связямъ. Покойный лордъ Максвель нѣсколько разъ былъ членомъ консервативныхъ кабинетовъ, а внукъ его, заслуживъ почетную извѣстность, какъ членъ палаты общинъ, принялъ второстепенное мѣсто въ министерствѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти дѣдушки, открывшей ему двери палаты лордовъ. Послѣ этого онъ съ своею обычною добросовѣстностью, серьезно отнесся къ своимъ обязанностямъ крупнаго землевладѣльца. Первый министръ дѣлалъ ему лестныя предложенія, друзья убѣждали его; но онъ, тѣмъ не менѣе, отказался отъ своей должности и заперся въ деревнѣ.

Теперь, послѣ трехъ лѣтъ усиленной дѣятельности, имѣніе пришло въ цвѣтущее состояніе; «новые способы» новыхъ владѣльцевъ оказались удачными; и какъ у Максвеля, такъ и у Марчеллы нашлись способные помощники, которые могли продолжать дѣло безъ нихъ. Кромѣ того, вопросы, которые въ данную минуту волновали политическіе умы, имѣли особенное значеніе для Максвеля, какъ идеалиста и мыслителя. Его деревенскіе друзья и сосѣди никакъ не могли понять этого значенія, такъ какъ дѣло шло просто о дальнѣйшемъ развитіи фабричнаго законодательства. Группа предводителей рабочей партіи старалась склонить общественное мнѣніе и правительство въ пользу билля, касавшагося спеціально нѣкоторыхъ отраслей промышленности западнаго Лондона; это былъ первый биль, который имѣлъ въ виду урегулировать рабочіе часы и сверхурочную работу не только женщинъ и дѣтей, но и взрослыхъ мужчинъ. Въ этомъ биллѣ предлагалось, кромѣ того, запретить раздачу работы на домъ въ двухъ или трехъ производствахъ, находившихся въ особенно тяжелыхъ условіяхъ, и перенести эти работы на фабрики, находившіяся подъ контролемъ фабричнаго законодательства. Предлагаемая реформа имѣла важное значеніе и являлась, очевидно, началомъ еще болѣе широкихъ реформъ.

Максвель понималъ ея смыслъ и былъ вполнѣ подготовленъ къ ней. Въ послѣдніе годы жизни друга его Аллена, они постоянно съ полною серьезностью и безпристастіемъ занимались обсужденіемъ того вліянія, какое демократія будетъ имѣть на промыш-

ленность. Оба находили не только неизбѣжнымъ, но и весьма желательнымъ, чтобы демократія, принимая участіе въ правленіи, вносила все болѣе порядка и нравственности въ условіи труда рабочихъ. Но ни одинъ изъ нихъ не воображалъ, чтобы въ какой-нибудь странѣ цивилизованнаго міра государство могло стать единственнымъ землевладѣльцемъ и единственнымъ капиталистомъ, или чтобы коллективизмъ, какъ система, могъ имѣть серьезный успѣхъ. Для нихъ обоихъ частная и личная собственность,—начиная съ первой игрушки ребенка, съ маленькаго садика, который онъ засѣваетъ заботливо выращенными сѣменами, до большого промышленнаго предпріятія или большого имѣнія включительно,—была однимъ изъ первыхъ и главнѣйшихъ элементовъ человѣческаго развитія, который нельзя уничтожить человѣческими усиліями, а если и можно, то цѣною такого раззоренія и бѣдствія для человѣчества, что въ случаѣ осуществленія этой мѣры, она будетъ немедленно взята назадъ.

Но Максвель былъ гораздо меньше заинтересованъ этимъ вопросомъ, чѣмъ другимъ, родственнымъ ему, вопросомъ объ ограниченіи частной собственности силою общественнаго сознанія. Если бы вы заставили его высказаться, онъ сказалъ бы, и его спокойное, безстрастное лицо зажглось бы внутреннимъ огнемъ, что великое промышленное развитіе послѣдняго столѣтія показало намъ, какія гигантскія силы дѣйствуютъ при эволюціи человѣческихъ обществъ, что, выдвинувъ на первый планъ эти силы, оно освѣтило намъ ихъ съ новой точки зрѣнія. Громадное развитіе личной воли и та власть, какую наука дала человѣку въ послѣднее столѣтіе, приводили его въ восторгъ, казались ему закономъ безграничнаго прогресса человѣчества. Но лицомъ къ лицу съ этимъ страшнымъ ростомъ индивидуальной силы надо было имѣть въ виду борьбу соціальныхъ интересовъ, надо было облегчить побѣду болѣе высокимъ элементамъ и, во всякомъ случаѣ, внести въ борьбу начала нравственности и общественности, чтобы общество не погубило и самое себя и государство; тотъ медленный путь, какимъ современное общество пришло къ охраненію себя отъ произвола личности, къ защитѣ слабаго отъ его слабости, бѣднаго отъ его бѣдности, къ избавленію женщины и ребенка отъ жестокихъ требованій капитала, къ постепенному проведенію во всѣхъ отрасляхъ производства той аксіомы, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ законнаго права строить свое благосостояніе на униженіи и истощеніи своихъ ближнихъ—все это возбуждало въ немъ еще болѣе глубокій энтузіазмъ, какъ въ высоко-нравственной натурѣ. Вмѣстѣ со всѣми главнѣйшими фактами, отмѣчающими долгій путь этической и со-

ціальной жизни человѣка, они казались ему самыми поразительными доказательствами существованія чего-то «болѣе великаго, чѣмъ все извѣстное намъ», чего-то втайнѣ работающаго среди грязи и безобразія нашей будничной жизни. Уничтожьте капиталъ, какъ капиталъ, и собственность, какъ собственность, и цивилизація погибла. Но заставьте силу общественнаго сознанія, какъ можно бдительнѣе слѣдить за дѣятельностью фабрики и частнаго хозяйства, фермы и мастерской, и результатомъ этого явится новое подтвержденіе божественнаго закона, что кто хочетъ жить—долженъ умереть, кто хочетъ побѣдить—долженъ уступить.

Таково было, по крайней мѣрѣ, убѣжденіе Максвеля; хотя, какъ человѣкъ практическій, онъ допускалъ разныя ограниченія, требуемыя условіями времени и случайныхъ обстоятельствъ. Совмѣстная жизнь съ нимъ сообщила ту же вѣру и Марчеллѣ. Съ естественнымъ самомнѣніемъ сильной натуры, она навѣрно стала бы утверждать, что ея убѣжденія явились сами собой, выработаны ею самою, помощью ея лондонскихъ наблюденій, чтенія и проч. Въ дѣйствительности они явились какъ чистое порожденіе чистой любви. Она восприняла ихъ въ то время, когда училась любить Альдуса Рёборна; и удивительно, что, чѣмъ болѣе ея философскія воззрѣнія на жизнь становились въ зависимость отъ чисто-личныхъ вліяній счастія и брака, тѣмъ болѣе изощрила она свой умъ въ логическихъ доказательствахъ ихъ справедливости. Она научилась лучше аргументировать и лучше думать; но, говоря по правдѣ, въ основѣ ея аргументовъ и ея мыслей лежали идеи и аргументы Максвеля.

Такимъ образомъ, когда началась агитація по спеціальному вопросу о новомъ биллѣ, и Максвель сталъ волноваться, по своему обыкновенію, молча,—она тоже заволновалась. Они достали старый портфель съ бумагами и письмами Аллена и, сидя вмѣстѣ въ большой библіотекѣ Кёрта, провели много вечеровъ за просматриваніемъ ихъ. И Марчелла, и Альдусъ видѣли, какъ были написаны многіе изъ этихъ безчисленныхъ документовъ, этихъ безконечныхъ записокъ по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ, и съ любовью вспоминали, съ какимъ страшнымъ трудомъ приводилъ ихъ въ порядокъ умирающій другъ. Они напомнили ей многихъ рабочихъ, съ которыми она подружилась, пока была сидѣлкой въ больницѣ, а онъ вспоминалъ тѣ изслѣдованія, какія дѣлалъ, тѣ данныя, какія собиралъ, пока служилъ помощникомъ секретаря въ министерствѣ. Второе либеральное министерство клонилось къ паденію. Если образуется консервативное министерство, и для Альдуса Максвеля откроется въ немъ мѣсто, что дѣлать? принять ли его?

Въ одинъ майскій вечеръ, передъ обѣдомъ, когда они вдвоемъ ходили взадъ и впередъ по большой террасѣ передъ домомъ, Альдусъ остановился и окинулъ взглядомъ величественное зданіе.

— Что за польза говорить обо всѣхъ этихъ вещахъ, пока мы живемъ въ немъ,—сказалъ онъ, указывая на домъ полусердитымъ, полушутливымъ жестомъ.

Марчелла засмѣялась.

— Бѣдная улитка!—сказала она, прижимаясь лицомъ къ его плечу,—она все тоскуетъ, что судьба дала ей такую большую раковину. Но вѣдь мы же можемъ немного освободиться отъ нея. Давай-ка, освободимся! Мнѣ пришла идея! Я знаю отлично, что мы должны сдѣлать, мы должны поѣхать и нанять домъ на Мильэндъ-Родѣ.

Она отбѣжала отъ него и достала письмо изъ маленькой сумочки, висѣвшей на ея серебряномъ поясѣ. Это было письмо одного изъ ея прежнихъ друзей, очень умнаго, краснорѣчиваго человѣка, приказчика въ одномъ книжномъ магазинѣ на Сити.

Онъ сообщалъ, что онъ и жена его сняли домъ на Мильэндъ-Родѣ и надѣются, подобно многимъ зажиточнымъ ремесленникамъ, имѣть доходъ, отдавая квартиры въ наемъ. Такъ какъ, по его словамъ, онъ все еще принадлежитъ къ числу «эксплуатируемыхъ», то онъ считаетъ вполнѣ справедливымъ съ своей стороны «поэксплуатировать» другихъ, пока вся проклятая система не рухнетъ. Но лэди Максвель знаетъ, что жена его порядочная женщина и что самъ онъ не способенъ никого надуть. У лэди Максвель такъ много друзей, и среди рабочихъ, и среди лордовъ и лэди, что она, если пожелаетъ, несомнѣнно можетъ помочь Джону Армингтону и женѣ его найти жильцовъ.

Ей стоитъ замолвить за нихъ словечко тамъ и сямъ, и дѣло будетъ въ шляпѣ. Они, конечно, не ожидаютъ, что она пришлетъ къ нимъ лордовъ и лэди, но у нея, конечно, найдется много и такихъ людей, какіе для нихъ подходящи.

Письмо Армингтона пришло очень кстати. Черезъ недѣлю послѣ полученія его, лордъ и лэди Максвель сами поселились въ домѣ на Мильэндъ-Родѣ и еще разъ дали свѣтскому обществу случай удивляться своему образу дѣйствій.

Они обставили свое переселеніе возможною тайною; но разъ они очутились на Эстъ-Эндѣ, имъ уже нельзя было скрываться, какъ ни сердилась лэди Максвель. У нихъ явилось множество друзей среди свѣтскихъ и духовныхъ и оффиціальныхъ лицъ Эстъ-Энда. Всѣ фабричные инспектора познакомились съ ними и маленькій грязноватый домикъ сдѣлался сборнымъ пунктомъ разнаго рода

личностей. Члены парламента, члены школьнаго совѣта, студенты, священники, должностныя лица рабочихъ союзовъ, мѣстные чиновники и учителя, всѣ находили тамъ пріютъ и дружескій привѣтъ. Иногда по вечерамъ въ узкихъ дверяхъ появлялась цѣлая толпа фабричныхъ дѣвушекъ разныхъ типовъ, однѣ застѣнчивыя, другія нахальныя, и Марчелла обуздывала однѣхъ, ободряла другихъ съ удивительнымъ тактомъ, пріобрѣтеннымъ ею въ прежнія времена. Или та же дверь отворялась для цѣлой группы чахлыхъ еврейчиковъ изъ разныхъ несчастныхъ угловъ Европы; съ ними Марчелла говорила черезъ переводчика и для нихъ она и ея старая служанка варили такой хорошій кофе, что сердца ихъ умилялись.

Наконецъ, вся улица на Мильэндъ-Родъ близко познакомилась съ этой парочкой, съ этимъ дѣятельнымъ мужемъ и не менѣе дѣятельною женою. Она слѣдила за ними, когда они утромъ садились на конку или въ вагонъ желѣзной дороги, она видѣла, какъ они возвращались вечеромъ обыкновенно въ разное время и съ разныхъ сторонъ; она съ удовольствіемъ наблюдала, какъ жена, когда ей случалось пріѣхать раньше, черезъ нѣсколько времени выходила къ конкѣ встрѣтить мужа. Многія женщины подбѣгали къ окнамъ посмотрѣть на нее, когда она проходила, высокая, стройная въ простомъ черномъ платьѣ и черной шляпкѣ, легкою и твердою походкою съ свободнымъ, безсознательнымъ достоинствомъ; и многіе глаза слѣдили за ней по дорогѣ; видѣли, какъ она останавливалась и ждала конки; видѣли, какъ конка подъѣзжала и мужчина въ сѣромъ пальто выходилъ изъ кареты, видѣли, какъ жена, улыбаясь брала часть книгъ и писемъ, которыми мужъ былъ обыкновенно нагруженъ, и какъ они шли вмѣстѣ по улицѣ, болтая и смѣясь.

— А говорятъ,—сообщала жена портного своей сосѣдкѣ,— будто у нихъ доходу по тысячѣ въ день, а въ воскресенье еще больше, и такой большущій собственный домъ, что въ него можно помѣстить всю пивоварню Чаррингтона и то незамѣтно будетъ. Отчего они не живутъ въ своемъ домѣ? И у нихъ всего двѣ служанки для всѣхъ работъ. Ну, не чудачество-ли это?

Улица Мильэндъ была согласна съ тѣмъ, что это чудачество. Если бы это чудачество сопровождалось покровительственнымъ или властолюбивымъ тономъ, улица Мильэндъ, которая умѣла поддерживать соботвенное достоинство, отнеслась бы къ нимъ враждебно. Но трудно было подозрѣвать въ чемъ-нибудь дурномъ двухъ занятыхъ, скромныхъ людей, вполнѣ поглощенныхъ своимъ долгомъ и не находившихъ, повидимому, ничего удивительнаго ни въ этомъ

дѣлѣ, ни въ самомъ себѣ. Максвель, правда, былъ нѣсколько застѣнчивъ и холоденъ. Но, къ счастью, его застѣнчивость особенно та, какую онъ выказывалъ въ Мильэндѣ, не могла быть принята за высокомѣріе. Секретари мѣстныхъ рабочихъ союзовъ, люди очень щекотливые, съ которыми онъ искалъ знакомства, обыкновенно послѣ десяти минутъ разговора старались всячески ободрить его и въ то же время охотно сообщали ему всѣ желательныя для него свѣдѣнія.

Что касается Марчеллы, тѣ мѣсяцы, которые она провела въ этой части Лондона, были счастливѣйшими въ ея жизни. Всѣ портные, мѣховщики, машинисты и швеи, которые окружали ее въ Эстъ-Эндѣ, интересовали ее гораздо больше, чѣмъ обитатели большихъ домовъ и разные модные франты. А когда ея чувства симпатіи находили себѣ пищу, тогда Марчелла была очаровательна и сама для себя, и для другихъ. Въ Мильэндъ-Родѣ ей нисколько не было трудно исполнять, что отъ нея требовалось. Всего тяжелѣе давались ей всегда, какъ она и сама признавалась, такъ называемыя обязанности къ равнымъ; а отъ нихъ она была избавлена въ Мильэндѣ.

Единственное темное пятно на этомъ счастливомъ періодѣ жизни состояло въ томъ, что даже Марчелла не могла рѣшиться перевезти маленькаго Аллена, ихъ единственнаго сына, изъ Кёрта въ Западный Лондонъ. Это была весна и лѣса вокругъ Кёрта пестрѣли бѣлыми и голубыми цвѣтами. Марчелла чувствовала, что необходимо оставить мальчика съ цвѣтами и съ «матерью землею»,—слишкомъ грустнымъ предостереженіемъ являлись ей блѣдныя щечки дѣтей въ Мильэндъ-Родѣ и въ прилегающей мѣстности. Но каждую пятницу вечеромъ она и Максвель прощались съ своими служанками, двумя дѣвочками изъ рабочаго дома, и съ нѣмкой поденщицей, брали съ собой деревенскаго мальчика, который чистилъ имъ ножи и сапоги, и старую служанку, которая жила еще у матери Марчеллы, и отправлялись домой въ Брукшайръ.

Такимъ образомъ, въ субботу утромъ, маленькій Алленъ обыкновенно сообщалъ своему другу, сыну садовника, что «мама пріѣхала домой» и онъ потому не можетъ вполнѣ располагать собой. Онъ объяснялъ, что долженъ показать мамѣ «кучу вещей»: двухъ новыхъ котятъ, гнѣздо воробья, больное мѣсто на плечѣ пони, дыру, которую мамина лошадь продѣлала въ дверяхъ конюшни, и множество другихъ рѣдкостей, Чтобы создать связь между ребенкомъ съ одной стороны, землею и народомъ—съ другой, Марчелла старалась брать къ нему въ няньки дѣвушекъ изъ сосѣд-

ней деревни. Такъ какъ эта деревня отстояла всего на 30 миль отъ Лондона, то въ ней говорили такъ же, какъ говоритъ простонародье въ Лондонѣ, и наслѣдникъ Максвеля скоро усвоилъ себѣ этотъ жаргонъ. Марчелла была недовольна, но Алленъ, тѣмъ не менѣе, болталъ, смѣялся, тянулъ однѣ буквы и проглатывалъ другія.

Какіе счастливые дни были эти субботы и для матери, и для сына! Все утро до четырехъ часовъ они были неразлучны, они вмѣстѣ гуляли по полямъ и лѣсамъ, она—одна изъ красивѣйшихъ женщинъ, онъ—толстый мальчуганъ, съ нѣсколько квадратнымъ лицомъ, съ необыкновенно черными и большими глазами, толстыми щеками, рѣзко очерченнымъ подбородкомъ, смуглою кожею и большимъ, веселымъ ртомъ.

Но, увы! къ началу вечера, Алленъ находилъ, что на свѣтѣ скучно жить. Не смотря на всѣ его совѣты, мама позволяла, чтобы Анета одѣвала ее въ парадное платье; съ поѣзда 5 ч. 10 мин. пріѣзжали кареты, и группы гостей или цѣлый вечеръ бродили на лужайкахъ около Кёрта, или собирались въ красной гостиной за чайнымъ столомъ мамы и тамъ громко смѣялись и разговаривали; для Аллена оставалось свободнымъ одно только мѣстечко на колѣняхъ у мамы, и онъ занималъ его, грустно прижимая къ груди ея свою темноватую головку и засунувъ кулачокъ въ ротъ ради утѣшенія; занималъ онъ это мѣстечко слишкомъ долго для живого мальчика, который могъ бы провести это время въ веселыхъ играхъ съ товарищами.

Марчелла въ глубинѣ души и сама была точно также недовольна, ей очень хотѣлось бы свободно наслаждаться своимъ еженедѣльнымъ праздникомъ въ обществѣ маленькаго Аллена. Но проекты законовъ, которые создаются въ Лондонѣ должны найти поддержку въ Майферѣ и ему подобныхъ городкахъ, иначе они остаются погребенными въ портфеляхъ своихъ авторовъ. Въ Англіи до сихъ поръ существуетъ «правящій пласс», и, несмотря на успѣхи демократіи, «правящій классъ» всѣхъ интересуетъ. Максвель отлично понималъ это, и для него субботы были простымъ продолженіемъ его жизни въ Миль-Эндѣ. Марчелла сочувствовала и помогала ему, но ее часто выводили изъ терпѣнія тѣ женщины, которыхъ эти пэры и политики, эти администраторы и журналисты привозили съ собой; она не смѣла поддаваться чувствамъ личной симпатіи или антипатіи къ кому бы то ни было, такъ какъ постоянно боялась сдѣлать какое-нибудь упущеніе, какой нибудь промахъ съ свѣтской точки зрѣнія и повредить Альдусу.

Впрочемъ, до сихъ поръ она, благодаря своимъ стараніямъ, ни разу ни въ чемъ не повредила ему. Во все время ихъ пребыванія въ Эстъ-Эндѣ, либеральное правительство, задавшееся широкими планами, которые оно не имѣло силъ провести на практикѣ, стремилось къ неизбѣжному паденію. Когда настала катастрофа, власть перешла въ руки слабаго консервативнаго министерства, въ которомъ Максвель занялъ видный постъ, и парламентъ не былъ распущенъ. Новое министерство слышало отовсюду требованіе соціальной реформы и съ цѣлью испытать силы собственной партіи и узнать желанія страны, оно приняло фабричный билль, касающійся Западнаго Лондона, тотъ самый билль, который теперь, съ общаго согласія всѣхъ, кто надъ нимъ трудился, перешелъ въ руки Максвеля. Этотъ билль вызвалъ расколъ въ партіи: но у министерства хватило мужества распустить палату и обратиться къ странѣ съ программою, въ которой главное мѣсто занималъ билль Максвеля. Рабочіе союзы оказали ему поддержку; сторонники реакціи и сторонники прогресса заключили на время неестественный союзъ, чтобы бороться за него; и министерство получило большинство, хотя незначительное. Лордъ Ардагъ, престарѣлый предводитель партіи, сдѣлался первымъ министромъ; Максвель президентомъ совѣта; его старый другъ и сотоварищъ, Генри Даусонъ, получилъ портфель министерства внутреннихъ дѣлъ и, слѣдовательно, былъ отвѣтственъ за проведеніе въ палатѣ общинъ давно ожидаемаго билля. Вотъ каковы были шансы Максвеля на побѣду.

Эти-то «шансы» Максвеля въ настоящее время поглощали все вниманіе и всю энергію жены Максвеля, они-то заставили ее въ воскресенье послѣ визита Тресседи раздумывать о характерѣ и образѣ мыслей молодого человѣка, въ то время, какъ она разсѣянно стояла передъ портретомъ своего мужа.

Съ перваго появленія группы Фонтеноя на политическомъ поприщѣ, она угадала ея силу и въ особенности силу самого Фонтеноя. Разъ или два встрѣчаясь съ нимъ въ обществѣ, она попыталась познакомиться, сблизиться съ нимъ. Но Фонтеной былъ не любезенъ съ женщинами, со всѣми женщинами, кромѣ одной, женщины сильнаго ума и характера, всѣ убѣжденія и старанія которой шли въ разрѣзъ съ убѣжденіями и стремленіями Максвелей. Марчелла не имѣла успѣха. Лордъ Фонтеной обратилъ къ ней свое неподвижное лицо и опухшіе глаза съ выраженіемъ тяжелой, равнодушной скуки; Марчелла отлично понимала, что это маска, но такая маска, которая вполнѣ защищаетъ его отъ вліянія и ея краснорѣчія, и ея красоты. Прочіе

члены партіи были молодые аристократы изъ типа или ультрааристократовъ, или спортсменовъ. Она попытала свои силы надъ нѣкоторыми изъ нихъ, но тоже безъ всякаго успѣха. И разъ или два при болѣе энергичныхъ нападеніяхъ съ ея стороны она вдругъ замѣчала въ обращеніи своего противника что-то дерзкое, въ его взглядѣ выраженіе чувственности, которымъ онъ какъ будто напоминалъ ей, что она женщина, и ничего болѣе.

Но этотъ молодой Тресседи, не смотря на всю свою узость и горечь, былъ человѣкъ другога сорта; такъ, по крайней мѣрѣ, ей казалось.

Она снова начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, наконецъ остановилась передъ большимъ трюмо въ стилѣ Людовика XV и полубезсознательно принялась разсматривать изображеніе глядѣвшее на нее изъ него.

Ея собственная красота постоянно доставляла ей удовольствіе, хотя, можетъ быть, не по тѣмъ причинамъ, которыя дѣйствуютъ на другихъ женщинъ. Она инстинктивно чувствовала, что, благодаря этой красотѣ, жизнь для нея идетъ легче, чѣмъ шла бы при иныхъ условіяхъ; что красота давала ей вполнѣ естественно лишній шансъ во всякой игрѣ, въ которой она захочетъ принять участіе, и что даже среди рабочихъ, среди предводителей рабочихъ союзовъ и оффиціальныхъ лицъ Эстъ-Энда она много разъ помогала ей устраивать дѣла въ желательномъ для нея смыслѣ. Она привыкла чтобы ею любовались, привыкла быть центромъ, привыкла господствовать; и, не додумываясь до настоящей основы этого факта, она отлично сознавала, какою долею успѣха была обязана своимъ красивымъ глазамъ, губамъ и фигурѣ. Иногда ей казалось, что для нея все возможно, и это придовало ей блестящую самоувѣренность.

Ручка двери повернулась. Она обернулось съ улыбкой и ждала.

Высокій мужчина въ сѣромъ пиджакѣ вошелъ, быстро прошелъ комнату и обнялъ ее рукой. Она склонила голову на его плечо и ласково погладила его по щекѣ.

— Отчего ты такъ поздно? Бетти поручила побранить тебя.

— Я прошелся съ Даусономъ. На возвратномъ пути меня задержали двое, трое знакомыхъ, между прочимъ Ращдель (лордъ Ращдель былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ). Изъ Парижа пришли интересныя телеграммы; я ихъ списалъ для тебя.— У Англіи были въ это время періодически повторяющіяся недоразумѣнія съ Франціей. Происходила усиленная дипломатическая переписка и министерство иностранныхъ дѣлъ было въ тревогѣ.

Марчелла зажгла спиртовую лампочку и заварила мужу свѣжаго чаю, пока онъ ей разсказывалъ разныя новости, и они начали оживленно, по пріятельски обсуждать разные пункты телеграммъ, которыя онъ для нея списалъ. Затѣмъ она сказала:

— Да, я тоже могу разсказать тебѣ интересную вещь. Молодой Тресседи былъ у насъ на чаѣ.

— Какъ, неужели? Говорятъ, у него масса нелѣпыхъ идей, и онъ надѣлаетъ намъ не мало непріятностей. Какъ онъ тебѣ понравился?

— О, онъ очень уменъ, очень ограниченъ и зараженъ предразсудками,—сказала она, смѣясь. — Я никогда не видала болѣе странной смѣси знаній и невѣжества.

— Какихъ знаній? Знанія Индіи, Востока и т. под.?

Она утвердительно кивнула.

— Знаній всего, исключая того дѣла, за которое онъ пріѣхалъ бороться! Знаешь, что, Альдусъ...

Она остановилась. Она сидѣла на стулѣ подлѣ него, положивъ руки ему на колѣни.

— Ну, что я знаю?..—спросилъ онъ, кладя свою руку на ея.

— Мнѣ кажется,—этотъ человѣкъ можетъ быть обращенъ, его можно перетянуть на нашу сторону.—Максвель засмѣялся.

— Значитъ, Фонтеной оказался не такимъ проницательнымъ, какъ обыкновенно. Говорятъ, онъ смотритъ на него, какъ на свою опору.

— Все равно. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ты попробовалъ подружиться съ нимъ.

Максвель занялся печеньемъ и ничего не отвѣчалъ. Онъ раза два, три встрѣчалъ Тресседи и, по правдѣ сказать, всегда чувствовалъ къ молодому человѣку какую-то неопредѣленную антипатію. Марчелла продолжала разговаривать.

— Нѣтъ,—сказала она,—нѣтъ, я знаю, онъ не въ твоемъ вкусѣ. А что, если я попробую дѣйствовать?..

И она встала съ своей очаровательной улыбкой, полунѣжной, полулукавой и вышла изъ комнаты позвать Аллена. Максвель смотрѣлъ ей вслѣдъ, не сознавая, что она говоритъ, замѣчая только ея фигуру, ея голосъ, ту атмосферу прелести и жизненности, которая окружала ее.

Между тѣмъ, время шло, настаіъ вечеръ вторыхъ преній по запросу Фонтеноя. Джоржъ Тресседи получилъ право слова и произнесъ весьма красиво свою первую рѣчь, за которую получилъ гораздо больше похвалъ и отъ своей партіи, и отъ прессы, чѣмъ самъ считалъ справедливымъ. Онъ перепуталъ свои замѣтки и по

собственному мнѣнію скомкалъ свои аргументы. По окончаніи засѣданія онъ заявилъ Фонтеною, что хотѣлъ бы лучше быть повѣшеннымъ, и ушелъ домой, радуясь одному, что не позволилъ Летти придти въ парламентъ.

На самомъ дѣлѣ онъ нисколько не испортилъ репутаціи, которая начинала устанавливаться за нимъ. Фонтеной былъ доволенъ, и резолюцію отвергли незначительнымъ большинствомъ голосовъ; благодаря этому, успѣхъ билля Максвеля, который долженъ былъ быть внесенъ послѣ Пасхи, сталъ сомнительнымъ и непріязнь противниковъ его обострилась.

VIII.

— Господи! что за отвратительное мѣсто! Придется истратить, по крайней мѣрѣ, пять тысячъ, чтобы сдѣлать его сноснымъ.

Это замѣчаніе принадлежало Летти Тресседи. Она грустно стояла на лужайкѣ въ Фёртѣ, смотря на старомодный домъ, куда Джоржъ привезъ ее пять дней тому назадъ. Послѣ ихъ свадьбы прошло двѣ недѣли, и они должны были прожить еще недѣлю въ деревнѣ, прежде чѣмъ вернуться въ Лондонъ и въ парламентъ. Но Летти уже рѣшила, что Фёртъ *долженъ* быть перестроенъ и зáново меблированъ или она никогда не станетъ жить въ немъ.

Она бросилась со вздохомъ на садовое кресло, продолжая разсматривать домъ. Это было зданіе нѣсколько казарменнаго вида, болѣе высокое, чѣмъ широкое, выстроенное въ началѣ нынѣшняго вѣка архитекторомъ, который находилъ, что ему въ распоряженіе отпущена слишкомъ скудная сумма, и потому рѣшилъ употребить ее на украшеніе не внѣшней, а внутренней стороны дома. Вслѣдствіе этого внутри его было много красивыхъ вещей, хотя Летти до сихъ поръ не хотѣла признать этого; карнизы, камины и двери были, очевидно, сдѣланы человѣкомъ со вкусомъ. Но снаружи это было зданіе настолько высокое, что въ немъ могло помѣщаться все необходимое количество комнатъ при значительной экономіи квадратнаго пространства; съ передней стѣной, въ которой были продѣланы, черезъ опредѣленные промежутки, отверстія для оконъ и дверей, и съ высокой крышей, на которой первоначальная черепица была замѣнена шиферомъ; и два низкіе некрасивые флигеля, въ которыхъ помѣщалась кухня и комнаты для прислуги. Штукатурка на стѣнахъ дома потемнѣла подъ вліяніемъ времени, погоды и дыма изъ угольныхъ копей Тресседи. Благодаря своему грязному цвѣту, своимъ простымъ окнамъ, своему фабричному виду, Фёртъ производилъ несомнѣнн

невеселое и непріятное впечатлѣніе, которое еще болѣе усиливалось отъ окружающей его мѣстности. Онъ стоялъ на вершинѣ высокаго холма, на которой росло мало деревьевъ, и тѣ были испорчены вѣтромъ; проѣздная дорога и тропинки, которыя вели на холмъ, были черны отъ угольной пыли. Цвѣтникъ сзади дома былъ малъ и заброшенъ; ни плодовый садъ, ни огородъ, ни маленькій паркъ, примыкавшій къ нему, не отличались ни красотой, ни великолѣпіемъ; все носило отпечатокъ владѣльцевъ, которые не были богаты ни деньгами, ни воображеніемъ, которые довольствовались скромною жизнью въ скромной обстановкѣ.

Глядя на ихъ произведеніе, новая хозяйка Фёрта съ большою горечью думала о нихъ. Что можно сдѣлать съ такой усадьбой? Какъ можетъ она пригласить сюда лондонскихъ гостей? Прислуга, и та придетъ въ ужасъ! А какой смыслъ въ деревенскомъ домѣ, если въ немъ нельзя имѣть деревенскихъ развлеченій и удобствъ?

Недостатокъ въ деньгахъ уже давалъ ей себя чувствовать и раздражалъ ее. Внутреннее убранство дома было отчасти подновлено; въ Лондонѣ передъ Пасхой она помогала Джоржу выбирать обои и занавѣси для комнатъ, которыя предоставлялись исключительно въ ея владѣніе. Но она знала, что одно время Джоржъ хотѣлъ сдѣлать гораздо больше, чѣмъ было сдѣлано теперь; и въ первый день по пріѣздѣ онъ сталъ даже какъ будто оправдываться.

— Дорогая моя, я надѣялся купить тебѣ сотню хорошенькихъ вещицъ! Но времена нынче тяжелыя, страхъ какія тяжелыя!— сказалъ онъ ей, смѣясь. — Мы будемъ понемногу покупать все, что надо,—ты вѣдь не сердишься?

Затѣмъ она пыталась заставить его сказать, почему онъ отказался отъ нѣкоторыхъ плановъ поправокъ, которые онъ задумалъ въ первыя недѣли послѣ ихъ помолвки. Но онъ не былъ откровененъ и ссылался постоянно на «чертовскія копи» и на незначительность доходовъ за послѣдніе шесть мѣсяцевъ.

Но Летти была вполнѣ увѣрена, что сравнительно стѣсненное положеніе ихъ финансовъ, съ которымъ она познакомилась еще бывши невѣстою, зависѣло, главнымъ образомъ, вовсе не отъ копей. Она сжала свои бѣленькіе зубки въ припадкѣ внезапнаго гнѣва, когда сказала себѣ, что во всемъ виноваты не копи, а лэди Тресседи. Джоржъ былъ теперь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ только потому, что въ послѣдніе полгода мать не постыдилась вытянуть отъ него значительныя суммы денегъ. Летти, жена Джоржа, должна быть лишена приличной и комфортабельной обстановки, лишена возможности видѣться со своими друзьями и

занять достойное ея положенiе въ свѣтѣ, изъ за того, что мать Джоржа, смѣшная, раскрашенная старуха, которая думаетъ о флиртѣ и французскихъ костюмахъ, вмѣсто того, чтобы спокойно сидѣть на креслѣ во вдовьемъ чепцѣ—живетъ на счетъ его, и безъ того весьма умѣренныхъ доходовъ, и беретъ то, что ей не принадлежитъ.

— Я увѣрена, — говорила сама себѣ Летти, глядя на некрасивый домъ,—что у нея есть какая-то тайна, что-нибудь, чего она стыдится, и что она не говоритъ Джоржу. Она *не могла* истратить всѣ эти деньги на наряды. Я увѣрена, что она порочная женщина, у нея въ гостяхъ бываютъ такiя странныя личности.

Нѣжное личико молодой женщины приняло злое выраженiе, пока она въ сотый разъ перебирала въ умѣ всѣ пороки лэди Тресседи.

Вдругъ калитка сада отворилась, и Летти, поднявъ голову, увидѣла, что Джоржъ дѣлаетъ ей знаки привѣтствiя. Онъ разстался съ ней на все утро, едва ли не въ первый разъ послѣ свадьбы, чтобы съѣздить поговорить съ своимъ главноуправляющимъ объ общемъ положенiи дѣлъ.

Когда онъ подходилъ къ ней, она сразу замѣтила, что онъ утомленъ и разстроенъ. Но при видѣ ея лицо его прояснилось. Онъ бросился на траву у ея ногъ и прижалъ губы къ бѣленькой ручкѣ, которая лежала на ея колѣняхъ.

— Вы безъ меня скучали, сударына?—спросилъ онъ голосомъ, не допускавшимъ отрицательнаго отвѣта.

Не смотря на свои непрiятныя мысли, Летти съумѣла покраснѣть и улыбнуться, такъ какъ она, по его глазамъ, увидѣла, что она ему нравится, что онъ замѣтилъ, какой хорошенькiй костюмъ она надѣла къ завтраку, и что всѣ тѣ ласки, какихъ она была лишена въ его отсутствiе, снова возвращаются ей. Другiя женщины—всѣ болѣе или менѣе одного съ нею типа,—до сихъ поръ находили его манеры обворожительными. Онъ занимался ухаживаньемъ, какъ искусствомъ, и имѣлъ свои собственныя идеи о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ женщинами: не слишкомъ сдержанно и не слишкомъ сентиментально, а главное, не однообразно.

Онъ снова настойчиво повторилъ свой вопросъ. Летти отвѣчала шаловливо весело, думая про себя о домѣ:

— Я вовсе не желаю поощрять твое тщеславiе. Къ тому же я была страшно занята.

— Ты не хочешь поощрять мое тщеславiе? А я хочу! Я уѣду на все послѣ обѣда, если не получу поощренiя. Ахъ, такъ-то

лучше! Знаешь ли ты, — у тебя на твоей прелестной шейкѣ вьется самый прелестный локончикъ въ свѣтѣ, и твои волосы поймали сегодня утромъ лучъ солнца.

Летти инстинктивно подняла руку, чтобы разгладить локончикъ. Онъ схватилъ ее за руку.

— Не смѣй! Не смѣй его трогать, маленькая злодѣйка! Чѣмъ же ты это была занята?

— О, я осматривала весь домъ вмѣстѣ съ миссисъ Матью,— сказала Летти совсѣмъ другимъ тономъ.—Джорджъ, это, право, ужасно, сколько тамъ надо передѣлывать. Знаешь, положительно, мы можемъ помѣстить не больше четырехъ человѣкъ, какъ бы мы ни старались. А въ какомъ положеніи верхніе этажи! Нѣтъ, послушай, Джорджъ!

И крѣпко сжимая его руку въ своихъ, она стала съ жаромъ перечислять ему все, что было нужно: новые обои, новыя занавѣсы, новыя перила на лѣстницѣ, новые краны для горячей воды, надстройка флигелей и т. д. до передѣлки конюшенъ и сада включительно. Какъ только она начала свое перечисленіе, на лицѣ Джорджа снова появилось озабоченное выраженіе. Онъ всталъ съ травы и сѣлъ на скамейку подлѣ нея.

— Очень жаль, что тебѣ такъ не нравится усадьба,—сказалъ онъ, когда она остановилась, чтобы перевести духъ, и мрачно посмотрѣлъ на свой домъ, заслужившій такіе презрительные отзывы.—Въ сущности, ты права, это противное зданіе. Но бѣда въ томъ, моя дорогая, что я не вижу, какъ мы можемъ сдѣлать все то, о чемъ ты говоришь. Увы! я принесъ весьма дурныя вѣсти изъ копей!

Онъ быстро повернулся къ ней. У него мелькнула мысль, не виноватъ ли онъ въ томъ, что женился на ней обманомъ, представляясь богаче, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, онъ объяснилъ ей, какіе получаетъ доходы и какому риску подвергается его состояніе. Все было откровенно и честно изложено ея отцу, а, слѣдовательно, и ей самой. Летти съ самаго дѣтства знала все, что ей хотѣлось знать, и командовала всей своей семьей.

Летти покраснѣла при его послѣднихъ словахъ.

— Ты хочешь сказать, — спросила она, — что эти люди дѣйствительно затѣваютъ стачку?

— Боюсь, что такъ. Мы должны сократить заработную плату, чтобы не работать въ убытокъ, а рабочіе грозятъ въ такомъ случаѣ уйти.

— Они должно быть хотятъ, чтобы ты имъ подарилъ копи!— ѣдко замѣтила Летти.—Я много наслушалась разсказовъ объ ихъ

лѣности и расточительности! Миссисъ Матью говоритъ, что они иначе не ѣдятъ, какъ самое лучшее мясо, что у всѣхъ у нихъ есть въ домахъ фортепьяно или гармоніумы, что ихъ комнаты просто набиты мебелью и что невѣроятно, сколько денегъ они проигрываютъ на пари во время собачьихъ боевъ и игры въ мячъ. А теперь они хотятъ раззорить и себя, и насъ, вмѣсто того, чтобы дать тебѣ пользоваться небольшимъ барышемъ.

— Въ этомъ все дѣло,—сказалъ Джоржъ, отклоняясь на спинку скамейки,—въ этомъ все дѣло!

Они замолчали. Глаза обоихъ были устремлены на деревню углекоповъ у подножія холма. Съ этого мѣста сада видна была вся долина съ разбросанными по ней рядами домовъ, копи на противоположной сторонѣ ея, прямая черная линія насыпи, колеса, ворота и высокія трубы, поднимавшіяся къ небу. Налѣво были разбросаны тамъ и сямъ такія же трубы и насыпи, а направо холмистая долина была покрыта лѣсомъ, тянувшимся до самыхъ Уэльскихъ горъ. Эти лѣса придавали оригинальную, дикую прелесть Фёрту, часто удивлявшую пріѣзжихъ. Среди нихъ были молодые заросли, маленькіе ручейки, холмики, покрытые папоротникомъ, которые удерживали свою позицію, не смотря на постоянно увеличивавшіяся кучи отбросовъ изъ копей. Всѣ деревеньки отличались некрасивымъ однообразіемъ. Это были новѣйщія произведенія угля, не имѣвшія ни исторіи, ни оригинальности. Прямые ряды красныхъ котеджей казались частью грязнаго предмѣстья какого-нибудь города, и кирпичные дома для митинговъ не смягчали общаго впечатлѣнія.

Видъ съ Фёртскаго холма былъ съ ранняго дѣтства знакомъ Тресседи и не имѣлъ для него ни малѣйшей прелести. Мальчикомъ онъ не любилъ своего дома и не водилъ знакомства съ деревней. Мать его ненавидѣла и имѣніе, и рабочихъ. Она вышла замужъ очень молодою изъ-за денегъ и положенія за его суроваго стараго отца, который умѣлъ держать въ повиновеніи свою легкомысленную жену посредствомъ молчаливой упрямой настойчивости и тираніи, которая сломила бы натуру, болѣе сильную, чѣмъ лэди Тресседи. Она постоянно стремилась уѣхать изъ Фёрта; онъ старался приковать ее къ дому. Онъ всегда чувствовалъ себя неспокойно, когда принужденъ былъ уѣзжать изъ своего имѣнія, отъ своихъ копей; она чувствовала себя на десять лѣтъ моложе, какъ только переставала видѣть мрачный черный домъ на холмѣ.

Этотъ свой вкусъ она съумѣла передать и сыну. Джоржъ также былъ всегда радъ, когда могъ удалиться отъ Ферта и его обитателей. Рабочіе на копяхъ представлялись ему грубой чернью,

преданной грубымъ удовольствіямъ и грубымъ суевѣріямъ. Что касается ихъ мнимой нищеты и бѣдствій, то онъ съ дѣтства былъ твердо убѣжденъ, что они и отъ хозяевъ, и отъ общества получаютъ больше, чѣмъ заслуживаютъ.

— Право, мнѣ часто думается, — заговорилъ онъ наконецъ, высказывая мысли, которыя занимали его въ послѣднія минуты,— я часто думаю, какъ жаль, что мой дѣдъ открылъ этотъ уголь! Въ концѣ концовъ, я думаю, мы устроились бы лучше безъ него. Во всякомъ случаѣ, мы не были бы связаны съ этими дикими ордами, которыя такъ же мало понимаютъ разумное разсужденіе, какъ ихъ угольныя кучи.

Летти ничего не отвѣчала. Она снова повернулась къ дому. Вдругъ, она заговорила съ такой энергіей, что онъ былъ удивленъ.

— Джоржъ! что мы будемъ дѣлать съ этимъ домомъ? Это меня преслѣдуетъ, какъ кошмаръ. Удивительно, какъ это онъ пришелъ въ такой упадокъ? Неужели твоя мать жила здѣсь, пока ты путешествовалъ?

Лицо Джоржа омрачилось.

— Я всегда думалъ, что она живетъ здѣсь,—сказалъ онъ.— Такъ мы съ ней условились. Но теперь мнѣ кажется, что она большую часть времени проводила въ Лондонѣ. Это и не удивительно: она такъ ненавидитъ здѣшній домъ.

— Конечно, она жила въ Лондонѣ,—подумала про себя Летти,— тратила массу денегъ, путалась въ долгахъ и предоставляла дому разрушаться. Сколько лѣтъ даже бѣлья никто не чинилъ,—громко сказала она.

— Миссисъ Матью разсказываетъ, что обыкновенно въ домѣ оставалась по цѣлымъ мѣсяцамъ одна работница и одна деревенская дѣвочка, и онѣ могли продѣлывать въ комнатахъ все, что хотѣли, никто за ними не смотрѣлъ, никто, такъ было все время, пока ты путешествовалъ.

Джоржъ посмотрѣлъ на жену и, вмѣсто отвѣта, обнялъ ее одною рукою.

— Дорогая моя! ты не знаешь, сколько мнѣ было непріятностей все утро, не будемъ же поднимать теперь непріятныхъ разговоровъ. Во всякомъ случаѣ, вѣдь намъ хорошо быть здѣсь вмѣстѣ, неправда ли, хорошо? Мы какъ - нибудь справимся, не умремъ съ голоду. Можетъ быть, дѣло съ рабочими уладится; трудно повѣрить, чтобы они дошли до такого безумія, и потомъ мать не будетъ же постоянно тянуть съ насъ деньги, какъ тянула послѣднее время. Надобно быть потерпѣливѣе; можетъ быть, ми удастся продать часть земли, и у насъ будутъ наличныя деньги,

которыя одна маленькая особа можетъ употребить на украшеніе и себя, и дома. И между прочимъ, madame ma femme, позвольте вамъ замѣтить, что Джоржъ всегда рекомендовалъ вамъ себя, какъ весьма невыгоднаго жениха.

Летти отлично помнила всѣ факты и цифры, которыя онъ ей сообщалъ; но она почему-то смотрѣла на нихъ прежде съ оптимизмомъ, вполнѣ естественнымъ въ дѣвушкѣ, рѣшившейся выйти замужъ. Она быстро забыла всѣ неблагопріятныя условія, на которыя онъ ей указывалъ, и его среднія числа превратились въ минимальныя. Нѣтъ, она не могла сказать, что ее не предупреждали; тѣмъ не менѣе, послѣдствія оказались совсѣмъ не такими, какъ она ожидала.

Во всякомъ случаѣ, когда мужъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, она не могла сердиться и уступила ему. Они пошли гулять въ рощу, растилавшуюся у подножія холма, она кокетничала, онъ ухаживалъ за ней и говорилъ ей комплименты. Онъ чувствовалъ, что ея свѣжесть, воздушно-легкая фигурка въ мягкомъ изящномъ костюмѣ гармонировала съ этимъ апрѣльскимъ днемъ, съ благоуханіемъ лѣсовъ и луговъ, съ нѣжною листвою деревьевъ, скрывавшею черные слѣды угольной пыли.

Очарованіе, какое онъ испытывалъ, пока былъ ея женихомъ, снова вернулось, и Джоржъ съ жадностью отдавался ему. Летти должна была покориться, хотя въ глубинѣ души она сознавала, что они теряютъ время.

Когда прозвонилъ колоколъ къ завтраку и они повернули домой, онъ очнулся, брови его снова сдвинулись и онъ сказалъ ей:

— Знаешь, дорогая, Даллинъ говорилъ мнѣ сегодня утромъ (Даллинъ былъ главноуправляющій Тресседи), что, по его мнѣнію, было бы хорошо, если бы мы могли сблизиться съ кѣмъ-нибудь изъ здѣшнихъ. Рабочій союзъ не имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ въ нашей долинѣ такой большой силы, какъ въ другихъ мѣстахъ. Именно потому-то этотъ проклятый Берроу и поселился здѣсь. Говорятъ, нѣкоторые изъ наиболѣе интеллигентныхъ рабочихъ поддаются убѣжденіямъ. Мои дяди постоянно хотѣли дѣйствовать строгостью; это вполнѣ естественно! Здѣшніе рабочіе грубые, неблагодарные скоты, которые говорятъ невозможныя нелѣпости и никогда не помнятъ добра, какое имъ дѣлаютъ. Но, во всякомъ случаѣ, если приходится жить ихъ трудомъ, надобно умѣть управлять ими и знать ихъ требованія. Что, если бы послѣ завтрака ты сходила и показалась бы въ деревнѣ?

Летти съ сомнѣніемъ покачала головой.

— Я, право, совсѣмъ не умѣю ладить съ простонародьемъ,

Джоржъ. Это ужасно, я знаю. Но что же мнѣ дѣлать, я не леди Максвель. Дома, въ нашихъ котеджахъ, другое дѣло: тамъ бѣдный народъ почтителенъ, всегда кланяется; а здѣшніе рабочіе держатъ себя совершенно независимо, говоритъ м-съ Матью, они готовы сдѣлать всякую грубость тому, кто имъ не понравится.

Джоржъ засмѣялся.

— Сходи, покажись имъ въ этомъ нарядѣ, я держу пари,— никто не сдѣлаетъ тебѣ грубости. Кромѣ того, я буду съ тобой и могу защитить тебя. Мы, конечно, не пойдемъ къ самымъ энергичнымъ членамъ рабочаго союза. Но тамъ есть нѣсколько человѣкъ—моя старая няня, которую я очень любилъ, одинъ кочегаръ, очень хорошій парень, и еще двое, трое другихъ. Я думаю, тебѣ это будетъ пріятно.

Летти была вполнѣ увѣрена, что это не будетъ ей нисколько пріятно; но она все-таки согласилась, и они пошли завтракать.

Послѣ завтрака мужъ и жена отправились въ свою экскурсію. Летти чувствовала, что ей предстоитъ тяжелое испытаніе, и находила, что со стороны Джоржа глупо подвергать ее этому. Тѣмъ не менѣе, она всячески старалась казаться веселой и, чтобы угодить Джоржу, не сняла своего изящнаго парижскаго платья, хотя ей представлялось нелѣпымъ таскать его по деревенскимъ улицамъ, гдѣ ее никто не видѣлъ, кромѣ углекоповъ и ихъ женъ.

— Какое несчастіе, — сказалъ Джоржъ, пока они спускались съ своего холма, — что этотъ Берроу поселился именно здѣсь, у насъ на носу!

— Да, онъ и въ Мальфордѣ надѣлалъ тебѣ не мало непріятностей, не правда ли?—отвѣчала Летти.—Я не понимаю, какъ онъ очутился здѣсь?

Джоржъ объяснилъ, что въ прошлую зиму вліяніе рабочаго союза въ округѣ Ферта пошатнулось. Многіе рабочіе вышли изъ него; подозрѣніе въ неправильномъ употребленіи капиталовъ и въ неправильномъ веденіи дѣлъ, періодически возникающія въ рабочихъ союзахъ, распространилось и въ этой мѣстности, можно было ожидать, что всѣ рабочіе отпадутъ отъ союза. Тогда центральный комитетъ поспѣшилъ прислать сюда Берроу, чтобы организовать дѣло. Его умѣлая борьба противъ Тресседи на выборахъ въ Мальфордѣ создала ему извѣстность; онъ могъ вліять и своимъ авторитетомъ, и своимъ краснорѣчіемъ. Четыре мѣсяца прожилъ онъ въ Фертѣ, разъѣзжая и ораторствуя по всему округу; и вотъ, вмѣсто того, чтобы выходить изъ союза, рабочіе толпами присоединялись къ нему и теперь готовы помѣряться силами съ хозяиномъ такъ же, какъ ихъ товарищи въ другихъ частяхъ страны.

— И прежде чѣмъ Бѣрроу уѣдетъ отъ насъ, хозяева здѣшняго округа потеряютъ не мало сотенъ и тысячъ. Можно сказать,— это дорого стоющій человѣкъ!—закончилъ Джоржъ съ грустной усмѣшкой.

Его голова была полна мыслями о Бѣрроу и о всѣхъ мѣстныхъ новостяхъ, которыя разсказывалъ ему все утро главноуправляющій; но онъ старался не говорить ни о чемъ подобномъ за завтракомъ. Летти имѣла странную манеру относиться къ непріятнымъ извѣстіямъ: она всегда давала понять тому, кто ихъ передавалъ, что онъ такъ или иначе виноватъ въ случившемся; и Джоржъ въ эти первыя недѣли брака уже успѣлъ замѣтить полубезсознательно эту и еще двѣ, три подобныя же особенности ея характера.

— Чего я не могу понять,—сказала Летти,—это, какъ *позволяютъ* людямъ—въ родѣ этого Бѣрроу разъѣзжать по странѣ и всѣхъ мутить!

Джоржъ разсмѣялся, но съ трудомъ сдержалъ чувство раздраженія. Глупыя замѣчанія хорошенькихъ женщинъ обыкновенно только забавляли его; но исторія съ Бѣрроу слишкомъ волновала его.

— Видишь ли что, — отвѣчалъ онъ сухо, — мы живемъ въ свободной странѣ, и въ настоящее время Бѣрроу и ему подобные управляютъ нами. Максвель и К°. запряглись въ оглобли, а Бѣрроу сидитъ на козлахъ и подгоняетъ ихъ кнутомъ. Самое интересное то, что въ этомъ дѣлѣ личность не играетъ никакой роли. Здѣшній народъ очень хорошо знаетъ, что Бѣрроу пьетъ, что женщина, съ которой онъ живетъ, не жена его...

— Джоржъ!—вскричала Летти, — какъ ты можешь говорить такія ужасныя вещи!

— Извини, дорогая, но я не виноватъ, что на свѣтѣ не все идетъ по правиламъ приличія. Онъ привезъ ее откуда-то; говорятъ, она жена какого-то торговаго агента и осталась одна въ какомъ-то глухомъ мѣстечкѣ. Во всякомъ случаѣ, она не разведена, и мужъ ея живъ. Она имѣетъ видъ ходячаго скелета и, должно быть, скоро умретъ. Не смотря на это, Бѣрроу, говорятъ, обожаетъ ее. Что касается меня, не ужасайся, пожалуйста, я чувствую нѣкоторую симпатію къ Берроу именно за эту маленькую исторію. Но, конечно, я не такъ благочестивъ, какъ здѣшній народъ. А они не обращаютъ на это вниманія; и не обращаютъ вниманія на то, что онъ пьетъ; они думаютъ, что онъ тратитъ ихъ деньги на великолѣпные обѣды въ гостинницахъ, и на это не обращаютъ вниманія. Они ни на что не обращаютъ вни-

манія. Когда Бёрроу говоритъ свои рѣчи, они до хрипоты кричатъ ему привѣтствія; они гордятся, если онъ пожметъ имъ руку; за глаза они разсказываютъ про него самыя скандальныя вещи, и, тѣмъ не менѣе, любятъ его, можетъ быть, именно потому, что онъ такой негодяй. Это странно, а между тѣмъ это правда. Ну, вотъ мы и пришли; теперь, моя дорогая, готовься къ тому, что тебя станутъ разглядывать.

Они вошли въ улицу деревни и вся Фёртъ-Магна, по какому-то волшебству, сразу узнала, что это были молодые. Пожилые люди въ кожаныхъ передникахъ пріотворяли двери домовъ, чтобы посмотрѣть на нихъ; покупщики выбѣгали изъ лавокъ со свертками и корзинками. Люди, работавшіе въ утренней смѣнѣ, только-что вернулись съ копей и жены приготовлялись мыть своихъ почернѣлыхъ супруговъ, прежде чѣмъ садиться за чай. Но и чай и омовенія были забыты при видѣ владѣльца Фертъ-плэса и новой лэди Тресседи. Глаза деревни все подмѣтали: новенькій сюртукъ и коричневый жилетъ молодого человѣка, его худощавое смуглое лицо и красивые усы; сѣрое платье молодой, розовый бантъ на ея шеѣ, кольца блестящихъ темныхъ волосъ, на которыхъ сидѣла ея шляпа, и пряжки на ея хорошенькихъ башмачкахъ. Затѣмъ, деревня снова скрылась за дверями домовъ и тамъ судила и рядила на просторѣ. На поклоны Джоржа ему отвѣчали не особенно дружелюбно; а Летти нашла, что женщины оглядывали ее дерзко и непріязненно.

— Мэри Батчелоръ живетъ здѣсь,—сказалъ Джоржъ, сворачивая въ боковую улицу, не безъ чувства облегченія.—Надѣюсь, она никуда не ушла, нѣтъ, вотъ она! Здѣшній народъ нельзя назвать привѣтливымъ, не правда ли?—Они подошли къ группѣ изъ трехъ котеджей, стоявшихъ очень близко одинъ къ другому. Двери ихъ были открыты. Въ одномъ котеджѣ жена углекопа стирала бѣлье; въ дверяхъ другого агентъ магазина швейныхъ машинъ ожидалъ, чтобы ему уплатили недѣльный взносъ; на порогѣ третьяго стояла пожилая женщина, защищая рукою глаза отъ солнца и присматриваясь къ подходившимъ господамъ.

— Ну, Мэри, — сказалъ Джоржъ,—вы, надѣюсь, не забыли меня? Я привелъ показать вамъ свою жену.

И онъ дружески протянулъ ей руку.

Старуха посмотрѣла на нихъ обоихъ какими-то дикими глазами. Ея лицо съ длиннымъ подбородкомъ и большимъ носомъ было блѣдно, сѣдые волосы выбивались изъ подъ чепца съ черной лентой, ея черное платье имѣло неряшливый видъ, который сразу бросился въ глаза Джоржу. Мэри Батчелоръ всегда,

какъ онъ ее помнилъ, и старой няней и потомъ деревенской начетчицей, отличалась необыкновенною опрятностью и аккуратностью.

— Мэри, съ вами что-нибудь случилось?—спросилъ онъ, удерживая ея руку.

— Войдите въ домъ,—отвѣчала она, схвативъ его за руку и не обращая вниманія на Летти.—Онъ умеръ, онъ никого не обидитъ, онъ былъ здѣсь за три дня до того, какъ его похоронили, я не хотѣла отдавать его, но они его унесли, съ тѣхъ поръ прошло уже три недѣли.

— Что такое, Мэри? что вы говорите? кто умеръ? Вѣдь не Джемсъ? Не сынъ вашъ? — спрашивалъ Джоржъ, слѣдуя за ней въ домъ.

— Да, да, Джемсъ, сынъ мой!—отвѣчала она мрачно.—Сядьте, пожалуйста, на этотъ стулъ, можетъ быть, и...—она нерѣшительно посмотрѣла сначала на Летти, потомъ на мокрый полъ, который она начала, было подтирать, — можетъ быть, и лэди присядетъ. Я какъ будто въ туманѣ. У меня все дѣло валится изъ рукъ, да, валится, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ они его унесли.

И она сама опустилась на стулъ съ глубокимъ вздохомъ, очевидно забывая своихъ посѣтителей, а ея большія костлявыя руки безпомощно лежали на колѣняхъ. Джоржъ съ минуту молча стоялъ подлѣ нея.

— Мнѣ непріятно признаться, что я ничего объ этомъ не слышалъ, — проговорилъ онъ, наконецъ, ласково. — Вы думаете, что я долженъ былъ слышать. Но я не зналъ. Я былъ въ городѣ и сильно занятъ.

— Да,—отвѣчала Мэри, не поднимая глазъ,—и вы женились. Я знала, вы это не отъ злого сердца.

Она снова замолчала, подняла передникъ и отерла имъ слезы, которыя, повидимому, не переставая, текли изъ ея глазъ.

Въ другомъ углу комнаты сидѣлъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати. Онъ только, что вымылся послѣ утреннихъ работъ и отдыхалъ у огня, читая засаленный альманахъ игры въ мячъ. Онъ не всталъ, когда вошли посѣтители, и пока бабушка его говорила, онъ беззвучно шевелилъ губами, сосчитывая удары примѣрной игры. Это былъ болѣзненный, непріятный съ виду мальчикъ.

— Я подожду тебя на улицѣ, Джоржъ — шопотомъ проговорила Летти. Она чувствовала какое-то инстинктивное отвращеніе къ бѣдной матери и ея исторіи. Но Джоржъ попросилъ ее остаться и она сѣла поближе къ дверямъ, приподнимая свою хорошенькую юбку, чтобы не запачкать ее на грязномъ полу.

— Разскажите мнѣ, какъ это случилось,—попросилъ Джорджъ садясь противъ несчастной матери и наклоняясь къ ней. — Его убило въ копяхъ? Джеми не у насъ работалъ, я знаю. Онъ, кажется, работалъ у м-ра Моррисона?

Миссисъ Батчелоръ кивнула утвердительно. Затѣмъ она подняла голову и какая-то судорога пробѣжала по лицу ея.

— Это дѣло Джона Бургеса;—сказала она, устремивъ глаза на Джоржа,—это онъ лишилъ жизни моего мальчика. Но онъ и самъ погибъ, такъ нечего мнѣ его бранить. Джеми три года служилъ нагрузчикомъ и изрѣдка ходилъ копать уголь. Недѣль съ пять тому назадъ, Джонъ Бургесъ, онъ, знаете, былъ подрядчикомъ у мистера Мориссона, нанялъ его колоть по 6 шил. 6 пенс. въ день. Онъ былъ такъ радъ, просто весь сіялъ. Во вторникъ онъ, какъ всегда, пошелъ на вечернюю смѣну. Я видѣла, какъ онъ шелъ по улицѣ, и мнѣ показалось, что онъ какой-то не веселый. И какъ онъ ушелъ, я стала плакать, мнѣ стало грустно, что онъ такой, и я молилась Господу Богу за него. И вдругъ, часовъ, такъ, въ шесть бѣжитъ народъ, кричатъ, что случилось несчастіе, что его несутъ, но что онъ живъ, чтобы я не убивалась. Когда его нашли, онъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, на колѣняхъ съ поднятыми руками и мотыку держалъ въ рукахъ, такъ его и засталъ взрывъ. А его бѣдная спина,—охъ, Господи, его спину всю сожгло!

Дрожь пробѣжала по ней, но затѣмъ она скоро оправилась и продолжала свой разсказъ, все также пристально глядя на Джоржа и поднявъ костлявую руку, будто требуя особаго вниманія.

— И они принесли его и положили его на это мѣсто, — она указали на лавку, стоявшую около печки, — а доктора не приходили, имъ тутъ нечего было дѣлать; и меня оставили съ нимъ одну. Онъ такъ полежалъ немного, да и пришелъ въ чувство; я ему и говорю: «Джеми, говорю, какъ это случилось?»—А онъ говоритъ: «Матушка, говоритъ, это Джонъ Бургесъ; онъ, говоритъ, открылъ мою лампу, хотѣлъ свою зажечь, она у него потухла, а больше, говоритъ, я ничего не помню». А потомъ, помолчалъ немного, да и говоритъ: «Матушка, не плачьте, я радъ, что умираю, а то я сталъ бы пьяницей», говоритъ. Потомъ онъ вздохнулъ раза два—три, такъ, какъ будто ему тяжко, я его поцѣловала...

Она остановилась, лицо ея судорожно передергивалось, дрожащія руки были крѣпко стиснуты. Летти чувствовала, что на глаза ея навертываются слезы.

— А ему въ августѣ было бы всего 21 годъ, и какой былъ

славный мальчикъ; кто только его зналъ, всѣ его любили. Когда онъ лежалъ тутъ, я думала про себя: вотъ это ужъ третьяго берутъ у меня копи. И я вспомнила своего отца и дядю, какъ ихъ принесли домой обоихъ вмѣстѣ, когда мнѣ было всего еще 13 лѣтъ. Никакого у нихъ не было увѣчья, у отца на лбу только немножко крови, а оба были мертвые, и все это отъ газу. Тогда 36 человѣкъ было убито взрывомъ; и я помню, какъ старый м-ръ Мориссонъ, отецъ м-ра Вальтера, прислалъ для всѣхъ для нихъ гробы, а рабочіе не хотѣли принимать ихъ, потому что они были нехорошіе. Ни одинъ рабочій не хотѣлъ идти въ шахту, пока ихъ не перемѣнятъ. Если люди жизни своей лишаются, — говорили они тогда,—такъ хозяева могутъ дать имъ хоть гробы порядочные. Ну, а мнѣ никто ничего не далъ, я сама похоронила моего Джима и все для него устроила, какъ можно получше.

Она опять отерла глаза и жалобно простонала. Джоржъ проговорилъ нѣсколько словъ ласковымъ голосомъ, стараясь придумать, чѣмъ ее утѣшать. Мэри Батчелоръ положила свою руку на его.

— Да, я знала, что вы пожалѣете, и ваша жена...

Она слегка обернулась къ Летти, стараясь своими заплаканными глазами разглядѣть, какова молодая жена Джоржа. Она съ минуту смотрѣла на маленькую нарядную особу, сидѣвшую въ углу, на букетъ розъ на ея шляпѣ, на ея браслеты, на ея розовыя щечки подъ легкою вуалью; смотрѣла какъ-то странно, какъ-будто на что-то очень далекое. Затѣмъ, очевидно, какая-то другая мысль блеснула въ ея умѣ. Она перестала смотрѣть на Летти и думать о ней. Ея рука крѣпче стиснула руку Джоржа.

— Я все думаю,—съ рыданіемъ въ голосѣ заговорила она,— о томъ, что онъ сказалъ на счетъ пьянства. Онъ никогда ничего не пилъ до нынѣшней зимы, а нынѣшнюю зиму какъ будто и удержаться не могъ, такъ его и тянуло къ этой самой водкѣ; не разъ онъ приходилъ домой въ нетрезвомъ видѣ въ тѣ дни, когда получалъ разсчетъ, и онъ зналъ, что это меня огорчаетъ. А кого въ этомъ винить, скажите мнѣ на милость, кого въ этомъ винить?

Ея голосъ возвысился почти до крика.

— Его отецъ умеръ отъ этого и его дѣдъ тоже. Его дѣда нашли мертвымъ на дорогѣ послѣ того, какъ его напоили до безчувствія въ трактирѣ Морзеса, гдѣ подрядчикъ сговаривался съ нимъ и съ другими рабочими. А онъ никогда бы не сталъ пьяницей, если бы его не заставляли. Но подрядчикъ, который нанималъ на работы, содержалъ трактиръ, и кто у него не пилъ,

тому онъ не давалъ и работы. Въ субботу напейся до безчувствія, ну, такъ въ понедѣльникъ получишь работу. «Если ты такъ чертовски важничаешь,—говорилъ онъ ему,—такъ и сиди себѣ дома». Ужъ, вы простите, сэръ, я вамъ его собственныя слова повторяю. Старый Джонъ не разъ говорилъ, что готовъ изъ своего заработка платить подрядчику по шиллингу въ недѣлю, только бы онъ не заставлялъ его пить. А Вильямъ, мой мужъ, и его тоже споили; когда онъ лежалъ при смерти, мнѣ докторъ прямо сказалъ, что у него вся кровь испорчена водкой; и Джеми слышалъ это, навѣрно слышалъ, я видѣла, какъ онъ стоялъ на лѣстницѣ и прислушивался.

Она снова замолчала, забывшись среди туманныхъ, несвязныхъ воспоминаній, а слезы тихо текли по щекамъ ея.

Послѣ минутнаго молчанія Джоржъ сказалъ, самъ не зная что говоритъ:

— Мы очень жалѣемъ васъ, Мэри: и жена, и я; намъ бы очень хотѣлось сдѣлать что-нибудь для васъ. Вамъ, пожалуй, все равно, даже, можетъ быть, еще тяжелѣе при мысли, что теперь несчастія въ копяхъ случаются рѣже, чѣмъ прежде, что многое сдѣлано для рабочихъ. А, вѣдь, не правда ли, теперь лучше, чѣмъ было прежде?

Мэри ничего не отвѣчала.

Джоржъ сидѣлъ, глядя на нее и сознавая,—что рѣдко съ нимъ случалось,—что онъ слишкомъ молодъ и неопытенъ; сознавая тоже, что Летти была здѣсь некстати, что она мѣшала, что она подавляюще дѣйствовала на чувство, что при ней было какъ-то стыдно выказывать его. Онъ могъ только продолжать говорить на ту же тему: о разныхъ улучшеніяхъ и постепенныхъ измѣненіяхъ; объ уничтоженіи разныхъ злоупотребленій подрядчиковъ и заборныхъ лавокъ; о бо́льшей безопасности рабочихъ; о законахъ, предписывающихъ мѣры предосторожности; объ инспекторахъ. Онъ подъ конецъ сталъ даже краснорѣчивъ и, все-таки, смотря на себя со стороны, замѣчалъ, что играетъ комичную роль.

Мери Батчелоръ нѣсколько времени слушала его, опустивъ голову, съ покорностью старой служанки, пока какое-то слово его не заставило ее снова вздрогнуть, не вызвало съ ея стороны горькаго протеста:

— Да, мистеръ Джоржъ, все, что вы говорите, правда, нечего сказать, все это правда. Инспектора люди умные, и жалованье нынче платятъ хорошо. А все-таки скажу вамъ! У меня сынъ служитъ на желѣзной дорогѣ въ Личфильдѣ и все жалуется, что

ему много приходится работать,—убьетъ меня эта работа, говоритъ. А я ему всегда говорю: «Тебѣ, Гарри, надо Бога багодарить, что ты не въ копяхъ». Я его никогда не жалѣю. А иной разъ, проснусь я утромъ и думаю о тѣхъ, что работаютъ ползкомъ, въ темнотѣ, подъ самою моею постелью; вѣдь, говорятъ, копи идутъ теперь подъ самою Фертскою деревнею, и думаю я: «Скоро ли то всѣ вы, бѣдняги, успокоитесь, какъ мой Джимъ»? Вы говорите о несчастіяхъ, мистеръ Джоржъ, и это все правда. А только попробуйте-ка вы походить по здѣшней деревнѣ изъ дома въ домъ, и вы увидите, что здѣсь, какъ говорится въ Библіи— мнѣ часто приходятъ въ голову эти слова: *не было дома*, да, ни одного дома, *гдѣ бы не оплакивали своего мертвеца.*

Она снова опустила голову, бормоча что-то про себя. Джоржъ безъ труда понялъ, что передъ ней проходилъ цѣлый рядъ ужасныхъ сценъ, обжоги, раны, скоропостижная смерть. Одна или двѣ фразы, которыя онъ разобралъ въ ея бормотаньи, подробности какихъ-то несчастій, безъ обозначенія именъ и мѣста, заставили его содрогнуться. Онъ боялся, что и Летти услышитъ ихъ, и уже потянулся за шляпой, когда миссисъ Батчелоръ снова схватила его за руку. На ея блѣдномъ лицѣ скользнуло что-то вродѣ жалкой улыбки.

— Да, здѣшній народъ говоритъ то же, что вы. «Господи, миссисъ Батчелоръ,—говорятъ они мнѣ,—у насъ въ копяхъ такъ же безопасно, какъ въ церкви», и смѣются; и мой Джими тоже не разъ смѣялся надо мной. А женщины, мистеръ Джоржъ, знаютъ лучше, да, лучше, потому что, вѣдь, покойниковъ обмываютъ женщины.

Ее снова охватила дрожь. Джоржъ машинально всталъ и сдѣлалъ знакъ Летти. Она тоже встала, но не выходила. Она стояла въ дверяхъ и ея большіе, сѣрые глаза какъ-будто не могли оторваться отъ говорившей женщины; а сзади нея на улицѣ собралась толпа дѣтей и разглядывала красивую лэди.

Мэри Батчелоръ видѣла одного только Тресседи, котораго она продолжала держать за руку.

— Да, знаете, я, вѣдь, не тревожила моего Джима. Нѣтъ, я его оставила въ томъ платьѣ, въ какомъ онъ былъ на работѣ. Я не могла дотронуться до его спины, нѣтъ, никакъ не могла! Я сама сшила ему саванъ и надѣла его поверхъ его рабочаго платья и я вымыла ему лицо, и руки, и ноги, и поцѣловала его и сказала: «Джими, поди ты къ Господу Богу и скажи ты Ему, что ты всю жизнь старался, какъ можно лучше, а Онъ не далъ тебѣ Своей милости». Нѣтъ, не далъ, надо правду сказать!

У нея вырвалось громкое рыданье, и она на минуту опустила голову на руки. Затѣмъ, откинувъ съ лица сѣдые волосы, она встала и постаралась овладѣть собой.

— Да, да, мистеръ Джоржъ, да, да, но я не буду васъ больше безпокоить.

Но, пожимая его руку на прощанье, она прибавила съ жаромъ:

— И я сказала священнику, что не могу быть больше начетчицей. Во мнѣ что-то порвалось со смертью Джима. Я не могу ничего хорошаго сказать другимъ, мнѣ надо быть одной. Я все время ропщу на Господа Бога! Ну, прощайте, прощайте!

Она произнесла эти послѣднія слова какъ-то разсѣянно, равнодушно. Но когда, выходя изъ котеджа, Джоржъ спросилъ у нея, что это за мальчикъ сидитъ у печки, лицо ея омрачилось. Она быстро вышла за дверь вмѣстѣ съ ними и сказала на ухо Джоржу:

— Это сынъ моей дочери, моей дочери отъ перваго мужа. Его отецъ и мать умерли, и онъ пришелъ изъ Брамвича жить со мной. Но отъ него мнѣ мало радости. Онъ ни на кого не обращаетъ вниманія. Когда Джими умиралъ, онъ точно также сидѣлъ со своими мячами. Я бы рада избавиться отъ него, да нечего дѣлать, приходится жить съ нимъ.

Летти, между тѣмъ, подошла къ мальчику и съ любопытствомъ разсматривала его.

— Вы тоже работаете въ копяхъ?—спросила она его.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ односложно:

— Да.

— А вамъ нравится эта работа?

Онъ глубоко разсмѣялся.

— Должно быть, вамъ она нравится,—проговорилъ онъ и, повернувшись къ ней спиной, снова занялся своимъ альманахомъ.

— Отложимъ наши визиты до другого дня,—сказалъ Джоржъ съ досадой, когда они вышли на широкую улицу.—Мнѣ не хочется ходить по деревнѣ. Мы въ другой разъ постараемся очаровать ее своими сладкими рѣчами. Пройдемся немного по долинѣ, но подальше отъ домовъ.

Летти согласилась и они пошли по деревенской улицѣ, причемъ она съ любопытствомъ заглядывала въ открытыя двери домовъ, какъ будто въ отместку за то дерзкое вниманіе, съ какимъ жители встрѣтили ее и Джоржа.

— Дома у нихъ очень удобные,—заговорила она. — Пока ты разговаривалъ съ миссисъ Батчелоръ, я заглянула въ ея заднюю

комнату. Миссисъ Матью сказала правду, у нея тамъ хорошіе ковры, занавѣсы, два комода, гармоніумъ, картины, цвѣты на окнахъ. Джоржъ, что это значитъ: подрядчики?

— Подрядчики,—отвѣчалъ онъ разсѣянно,—это люди, которые по договору съ владѣльцемъ копей берутъ на себя добываніе угля. Они нанимаютъ углекоповъ и въ нѣкоторыхъ копяхъ они съ ними и расплачиваются, а въ нѣкоторыхъ плата идетъ непосредственно отъ владѣльца.

— А что такое «заборная лавка»?

— Это мѣстное названіе. Видишь ли, иногда подрядчики или сами владѣльцы открывали трактиры и лавки съ съѣстными припасами; рабочіе «забирали» въ этихъ лавкахъ и при разсчетѣ получали очень мало чистыми деньгами. Они были обязаны пить пиво подрядчика и пользоваться припасами изъ лавки подрядчика, по той цѣнѣ, какую назначитъ подрядчикъ, и всѣ ихъ счеты онъ же самъ велъ. О, это было отвратительно; къ счастью, это уже давно уничтожено!

— То-то, уничтожено!—съ негодованіемъ сказала Летти.— Они никогда не помнятъ добра, какое имъ дѣлаютъ. Видѣлъ ты, какъ отлично былъ сервированъ чай въ нѣкоторыхъ домахъ и какія перья на шляпахъ у дѣвушекъ? Я и сама никогда не ношу такихъ.

Къ ней вернулась вся ея обычная живость и язвительность. Слѣды слезъ, неожиданно появившихся на глазахъ ея при разсказѣ миссисъ Батчелоръ, исчезли. Ея лукавые глаза посматривали направо и налѣво, стараясь проникнуть во всѣ тайны деревни.

— И эти люди толкуютъ, что умираютъ съ голода! — вскричала она презрительно, когда они вышли изъ деревни на дорогу.— А между тѣмъ не трудно видѣть...

Джоржъ, внезапно выведенный изъ своей задумчивости, понялъ, что она хотѣла сказать, и замѣтилъ, смотря на нее страннымъ взглядомъ:

— Ты находишь, что ихъ дома не особенно дурны? Не правда ли, мы всегда удивляемся, когда бѣдняки живутъ сколько-нибудь порядочно? Намъ кажется, что это дѣлаетъ намъ честь,—я, по крайней мѣрѣ, много разъ подмѣчалъ у себя подобное чувство. Невольно думается: они, вѣдь, могли бы обойтись и безъ этого, я могъ бы все это забрать себѣ, какой я удивительно великодушный человѣкъ!

Онъ засмѣялся.

— Я совсѣмъ этого не думала! — возразила Летти съ неудовольствіемъ.

*

— Въ самомъ дѣлѣ, не думала? Видишь ли, моя дорогая, какъ ни хороши эти домики, но тебѣ, къ счастью, не приходится жить въ нихъ и самой стирать свое бѣлье. Можетъ быть, Фертъ и дрянной домъ, а все-таки ты могла бы помѣстить въ немъ двадцать такихъ домишекъ, можетъ быть, я и бѣднякъ, а я все же могу нанять тебѣ двухъ горничныхъ. Что это ты идешь такъ скоро, уходишь отъ меня?

И не смотря на ея сопротивленіе, онъ взялъ ея руку, продѣлъ въ свою и удержалъ.

— Смотри на меня, милая,—сказалъ онъ повелительно. — Никто не видитъ насъ здѣсь среди этихъ деревьевъ и высокихъ холмовъ. Мнѣ хочется смотрѣть на тебя, на твою красоту и свѣжесть, хочется забыть ту несчастную и ея разсказъ. Знаешь, гдѣ-то, внутри, у меня есть какое-то черное озеро, и когда что-нибудь взволнуетъ его, мнѣ просто хочется повѣситься,—до того противнымъ кажется мнѣ весь міръ. Теперь мое озеро бушуетъ, оно взволновалось не тогда, когда она говорила, а когда я оглянулся на эту несчастную старуху и увидѣлъ, какъ она стоитъ въ дверяхъ. Она была такая веселая старушка, счастливая и тѣмъ, что читала Библію, и своимъ Джими, она была совершенно увѣрена, что послѣ смерти попадетъ на небо, и что черезъ нѣсколько времени ея Джими придетъ къ ней туда же. Она, повидимому, отлично знала все, что Всемогущій судилъ и ей, и всѣмъ другимъ людямъ. Ея пьяница мужъ умеръ; мой отецъ оставилъ ей немного денегъ; кажется, и старый дядя тоже что-то оставилъ. Она готова была болтать, и молиться, и читать св. Писаніе со всякимъ, кому угодно. А теперь она будетъ плакать и тосковать до конца жизни; и она даже не увѣрена, что послѣ смерти попадетъ на небо; а вмѣсто Джими, она должна жить съ этой вѣчной обузой на шеѣ, съ этимъ противнымъ мальчишкой, который года черезъ два станетъ бить ее! Подумай только, если бы съ кѣмъ-нибудь изъ насъ случилось что-нибудь подобное, что-нибудь ужасное, какое-нибудь страшное несчастіе, послѣ котораго мы стали бы жалѣть, что родились на свѣтъ! Дорогая моя, мнѣ кажется, я сумасшедшій! Остановись здѣсь въ тѣни, дай мнѣ поцѣловать тебя!

Онъ заставилъ ее остановиться въ тѣнистомъ уголку, между двумя дубами, у подножія которыхъ протекаетъ ручеекъ. Онъ обнялъ ее одной рукой и прильнулъ къ ея пунцовымъ губкамъ съ какою-то жадною страстью. Затѣмъ, продолжая обнимать ее одною рукою, онъ окинулъ взглядомъ долину съ разбросанными по ней деревнями, трубами, паровыми фабриками.

— Меня сильно поразило то, что она говорила о людяхъ, работающихъ у насъ подъ ногами. Они и теперь работаютъ тамъ, Летти, откалываютъ уголь въ потѣ лица. Отчего они тамъ, а мы съ тобой здѣсь? Я очень радъ этому, и ты тоже—не правда ли? Но я никогда не повѣрю, что для кого-нибудь все равно быть тамъ или здѣсь! Будемъ всѣмъ, чѣмъ угодно, но не лицемѣрами!

Летти недоумѣвала и отчасти тревожилась. Такой припадокъ болѣзненной чувствительности былъ съ нимъ при ней только разъ въ ту странную, непріятную ночь, когда онъ заставилъ ее сидѣть съ собой на набережной. Отчего бы это ни происходило, но въ такія минуты ей казалось, что онъ самъ на себя не похожъ. А между тѣмъ это дѣйствовало извѣстнымъ образомъ и на нее: въ ней просыпалось какое-то невѣдомое ей до тѣхъ поръ смутное стремленіе взять его подъ свое покровительство, защитить его. Она подняла руку и погладила его по головѣ.

— Какія странныя вещи ты говоришь, Джоржъ! Мнѣ иногда представляется,—она очень мило засмѣялась,—что ты готовъ перейти на сторону миссисъ Максвель и ея друзей.

Джоржъ презрительно усмѣхнулся.

— Спаси насъ, Господи, отъ перебѣжчиковъ! — проговорилъ онъ весело.—Лучше ужь быть лицемѣромъ. Смотри-ка, женушка, кажется, дождь собирается. Не повернуть-ли намъ домой?

Они пошли домой, смѣясь и болтая. Въ дверяхъ дома слуга подалъ Джоржу телеграмму. Онъ распечаталъ ее и прочелъ:

«Должна пріѣхать посовѣтоваться по важному дѣлу. Буду Фертъ съ 9 час. 30 мин. Амелія Тресседи».

Летти, глядѣвшая изъ-за плеча Джоржа, вскрикнула отъ досады.

Чтобы скрыться отъ глазъ и ушей слуги, они быстро вошли въ курительную Джоржа, выходившую въ сѣни, и заперли за собой дверь.

— Джоржъ, она ѣдетъ опять выманивать у тебя деньги!—вскричала Летти и всякая черта ея маленькаго личика выражала величайшее негодованіе.

— Ну, моя дорогая, изъ камня нельзя выжать крови,—отвѣчалъ Джоржъ, комкая въ рукѣ телеграмму и отбрасывая ее въ сторону.—Со стороны матери, конечно, очень не хорошо, что она хочетъ испортить намъ нашъ медовый мѣсяцъ. Но дѣлать нечего. Распорядись, чтобы ей приготовили ея комнаты.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милюкова.

(*Продолженіе*) *).

III.

Союзъ государства и церкви въ XVI вѣкѣ и его послѣдствія.— Зародышъ раскола въ національномъ характерѣ церкви.—Причины предпочтенія русской церковной практики—греческой.—Экспертиза Максима Грека и причина ея неудачи.—Перемѣна въ положеніи партій къ XVII вѣку.—Ученый взглядъ на исправленіе книгъ.—Кружокъ новаторовъ на почвѣ національнаго благочестія. — Переходъ Никона на сторону ученаго взгляда. — Характеръ исправленій Никона и отношеніе къ нимъ ревнителей русской церковной старины.—Окончательный разрывъ ихъ съ церковью.—Аввакумъ, какъ представитель крайняго взгляда.—Его отношеніе къ царю.—Его совѣты паствѣ.— Религіозный характеръ раскола.

Какъ мы видѣли въ предъидущемъ отдѣлѣ, русская церковь къ концу XVI вѣка и по содержанію, и по формѣ сдѣлалась національной. Русское благочестіе было признано самымъ чистымъ во всемъ мірѣ; зависимость русской церкви отъ константинопольскаго патріарха прекратилась съ учрежденіемъ самостоятельнаго русскаго патріаршества. Оба эти результата достигнуты были церковью при помощи самаго тѣснаго союза съ государствомъ. Государственная власть признала неприкосновеннымъ духовное содержаніе русской церкви и приняла на себя его охрану. Въ свою очередь, представители духовенства дали религіозное освященіе власти московскаго государя и теоретически признали за государствомъ не только право, но и обязанность опеки надъ церковью. Въ торжественный моментъ національнаго возвеличенія, какимъ была для государства и церкви средина XVI столѣтія, взаимное согласіе обѣихъ сторонъ казалось полнымъ и союзъ ихъ ненарушимымъ. Проводя въ жизнь свою соединенную программу, царь Иванъ Васильевичъ и митрополитъ Макарій не могли, конечно, предвидѣть, что скоро наступитъ время, когда и государство, и церковь почувствуютъ неудобство этого слишкомъ тѣснаго союза.

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1896 г.

Санкціонируя русскую церковную старину, государственная власть, навѣрное, не ожидала, что не пройдетъ и вѣка, какъ ей самой же придется наложить на эту старину свои руки и вступить въ борьбу съ традиціей, закрѣпленной въ народномъ сознаніи ея собственными усиліями. И развивая теорію государственнаго покровительства церкви, Іосифъ Волоколамскій и его послѣдователи едва ли думали, что теорія эта приведетъ, въ концѣ-концовъ, къ полному уничтоженію свѣтскихъ привилегій церкви и къ введенію ея въ рамки государственныхъ учрежденій. А между тѣмъ, и то, и другое послѣдствіе естественно вытекали изъ той же основной причины, которой обусловливалось и пріобрѣтеніе церковью XVI вѣка, въ союзѣ съ властью, ея національнаго характера. Состояніе религіозности въ древней Руси было причиной того, что признаніе этой религіозности неизмѣнной и непогрѣшимой привело къ расколу. Та же слабость внутренней жизни повела къ тому, что государственное покровительство превратилось мало-по-малу въ государственную опеку надъ церковью.

Прежде всего, мы остановимся на первомъ послѣдствіи національзаціи русской церкви и посмотримъ, какъ эта національзація повела къ расколу.

Нѣтъ надобности повторять, что формализмъ стариннаго русскаго благочестія былъ той коренной чертой, которая одинаково характеризуетъ и расколъ, и національную церковь XVI вѣка. Проникнуть въ сущность вѣры мѣшало русскому человѣку, прежде всего, полное отсутствіе необходимыхъ предварительныхъ познаній. Про огромное большинство русскихъ начетчиковъ XV — XVI столѣтій можно было бы повторить то, что сказалъ одинъ изъ исправителей церковныхъ книгъ, старецъ Арсеній, про своихъ противниковъ начала XVII вѣка. И они тоже «едва азбуку умѣли, а того навѣрное не знали, какія въ азбукѣ буквы гласныя и согласныя; а о частяхъ рѣчи, залогахъ, родахъ, числахъ, временахъ и лицахъ—то даже имъ и на разумъ не всхаживало... Не пройдя искуса, подобные люди упрутся обыкновенно не только на одну строчку, но и на одно слово, и толкуютъ: здѣсь такъ написано. А оказывается-то, вовсе не такъ. Не на букву только, а на смыслъ надо обращать вниманіе, и на намѣреніе автора... Въ сущности, не знаютъ они ни православія, ни кривославія,—только божественное писаніе по чернидамъ проходятъ, не добираясь до смысла».

При этомъ условіи немудрено, что «единый азъ» или даже «единая точка» могла оказаться «преткновеніемъ» для всего «богословія» древнерусскаго начетчика. Религія превращалась для него въ рядъ молитвенныхъ формулъ, а молитвенная формула

пріобрѣтала символическій смыслъ. Выкинуть изъ нея или измѣнить въ ней хотя бы малѣйшую подробность—значило для русскаго человѣка лишить всю формулу ея таинственной силы, въ которую онъ вѣрилъ, не добираясь до ея источника. Задолго до раскола это отношеніе къ буквѣ какъ нельзя лучше охарактеризовано было въ наивной замѣткѣ новгородскаго лѣтописца XV столѣтія. Подъ 1476 годомъ лѣтописецъ счелъ нужнымъ записать о слѣдующемъ важномъ событіи. «Въ лѣто 6984 нѣкіе философы начали пѣть: о Господи, помилуй; а другіе поютъ просто: Господи помилуй». Очевидно, «философы» слышали что-то про греческій звательный падежъ, и хотѣли поправить русскую форму съ помощью греческой. Въ этомъ столкновеніи двухъ звательныхъ падежей мы можемъ видѣть, въ миніатюрѣ, всю сущность позднѣйшаго раскола. Разница только въ томъ, что новгородскій лѣтописецъ, сопоставляя установившійся въ церковной практикѣ обычай съ греческой поправкой «философовъ», не зналъ, на чью сторону склониться; а въ то же время, какъ онъ писалъ свою замѣтку, въ рукахъ русскихъ начетчиковъ очутился самый надежный критерій, съ помощью котораго уже смѣло можно было русскую практику предпочесть греческой теоріи.

Греки отступили отъ чистаго православія (см. пред. отдѣлъ). Русскіе сохранили его отъ отцовъ нерушимо. Естественно, что при разницѣ церковныхъ формъ и обрядовъ—все предпочтеніе должно принадлежать національнымъ русскимъ формамъ; онѣ однѣ должны считаться истинно православными. Мало того: разъ явилось сомнѣніе въ чистотѣ вѣры у грековъ, эти-то случаи разницы и должны были получить особенное значеніе. Они именно и доказывали, что греческое православіе испорчено, а русское—цѣло. Въ особенно тщательномъ охраненіи всего того, что не походило на греческое, должна была заключаться теперь высшая и важнѣйшая задача русскаго благочестія.

Эти соображенія помогутъ намъ понять, почему всѣ, какія бы ни было, мелочныя отличія русской церковной практики сдѣлались теперь предметомъ особенной заботы. Дѣды и прадѣды, даже замѣчая эти особенности, старались оправдать ихъ тѣмъ, что *такъ дѣлаетъ* и греческая церковь. Внуки и правнуки, наоборотъ, стали видѣть лучшее доказательство правоты своихъ національно-религіозныхъ особенностей какъ разъ въ томъ, что олатынившаяся и обусурманившаяся греческая церковь *уже такъ не дѣлаетъ*. Въ разницѣ формы они усиленно старались теперь открыть и обличить разницу духа. Если греческая церковь не крестится двумя перстами и троитъ аллилуію, тѣмъ хуже для нея: значитъ, она не-

право вѣруетъ въ догматъ святой Троицы и ложно понимаетъ отношеніе между двумя естествами Богочеловѣка. Если греки въ процессіяхъ духовныхъ ходятъ не по солнцу, а противъ солнца, опять-таки, тѣмъ хуже для нихъ: стало быть, они отказываются идти во слѣдъ Христу и наступить на адъ, страну мрака. И такъ далѣе.

Какъ же отнеслась духовная и свѣтская власть XVI вѣка къ этимъ русскимъ мнѣніямъ, которыя, вѣкъ спустя, осуждены были, какъ раскольническія? Послѣ всего сказаннаго само собою ясно,— и теперь это стало уже общепризнаннымъ,—что власти отнеслись къ охранѣ старыхъ національно-церковныхъ особенностей не только сочувственно, но и покровительственно. Они освятили эти особенности въ глазахъ русскихъ людей своимъ авторитетнымъ признаніемъ. Извѣстный намъ митрополитъ Даніилъ внесъ ученіе о двуперстномъ сложеніи въ одно изъ своихъ поученій. Въ другомъ поученіи онъ вооружается противъ брадобритія, которое его современники считали, уже въ XVI вѣкѣ, «поруганіемъ образа Божія». Въ составленной при участіи Даніила Кормчей книгѣ помѣщено на этотъ случай мнимое правило св. апостолъ: «если кто браду брѣетъ и умретъ, не подобаетъ его хоронить... съ невѣрными да причтется». Послѣ Даніила эти и подобныя мнѣнія были торжественно признаны и, по выраженію преосв. Макарія, возведены на степень догматовъ Стоглавымъ соборомъ, завершившимъ, какъ мы видѣли, торжество осифлянской партіи. «Кто двумя перстами не крестится, да будетъ проклятъ»,—провозгласилъ соборъ, прибавляя при этомъ:—«такъ святые отцы рѣшили». Троеніе аллилуіи и бритье бороды, по постановленію Стоглаваго собора, также «нѣсть православныхъ преданія,—но латинская ересь».

Однако же, какъ вся совокупность осифлянскихъ воззрѣній, такъ, въ частности, и мнѣніе ихъ о непогрѣшимости русскаго благочестія, не осталось безъ протеста. Въ 1518 году пріѣхалъ въ Москву ученый грекъ Максимъ, окончившій свое образованіе въ Италіи. Какъ грекъ, онъ считалъ незаконной ту независимость отъ константинопольскаго патріарха, которую въ его время уже пріобрѣла фактически русская церковь. Какъ человѣкъ образованный и ученый, онъ не могъ не замѣтить тѣхъ пробѣловъ и недостатковъ, отъ которыхъ страдало тогдашнее русское благочестіе. «Приняли вы святое крещеніе и вѣру держите православную,—честную и святую,—а плода добраго не имѣете», не стѣсняясь заявлять Максимъ передъ лицомъ судившаго его собора. Естественно, что въ борьбѣ московскихъ партій всѣ симпатіи Максима склонялись не на сторону тогдашнихъ русскихъ націо-

налистовъ. Скоро онъ пріобрѣлъ себѣ друзей въ средѣ учениковъ Нила Сорскаго, а съ осифлянами сталъ въ натянутыя отношенія и навлекъ на себя личное раздраженіе митрополита Даніила. Принявшись, по порученію великаго князя, за исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ, онъ затронулъ самое чувствительное мѣсто національнаго благочестія. Ближайшихъ сотрудниковъ Максима въ этомъ дѣлѣ пробирала «великая дрожь», когда Максимъ приказывалъ имъ зачеркнуть слово или даже цѣлую строчку старинной молитвенной формулы. Не только его враги, но даже и его сторонники не были подготовлены къ тому, чтобы понять, что дѣло тутъ идетъ только о формѣ. Съ формой тѣ и другіе связывали силу и дѣйствительность обряда: естественно, что одни считали употребленіе невѣрной формулы—богохульствомъ, а другіе утверждали, что дѣйствительность древнерусскаго обряда доказана опытомъ, такъ какъ съ его помощью спаслись старые русскіе чудотворцы. По сильному выраженію ученика Нила Сорскаго, извѣстнаго намъ Вассіана, старыя, не исправленныя книги «отъ дьявола писаны, а не отъ святаго Духа». «До Максима»,—говорилъ онъ, «мы по тѣмъ книгамъ только Бога хулили, а не славили; а нынѣ мы Бога познали Максимомъ». Конечно, противники ученаго грека, приписывая ему самому этотъ взглядъ, высказываемый его послѣдователями, приходили въ негодованіе. «Великую ты досаду, человѣче, прилагаешь своими исправленіями возсіявшимъ въ нашей землѣ преподобнѣйшимъ чудотворцамъ. Они вѣдь этими священными книгами благоугодили Богу, жили по нимъ и по смерти прославились чудесами». Тщетно Максимъ доказывалъ, что можно «поклоняться» русскимъ чудотворцамъ и въ то же время не считать ихъ учеными языковѣдами; что для того, чтобы судить о его исправленіяхъ, надо знать «книжный разумъ греческаго ученія»; что «еллинскій языкъ—зѣло есть хитрѣйшій», и вполнѣ усвоить его можно только, «просидѣвъ много лѣтъ у нарочитыхъ учителей»; что даже и природный грекъ, не пройдя этой школы, не можетъ знать этого языка въ совершенствѣ. Очевидно, всѣ эти доводы не могли имѣть никакой силы въ глазахъ людей, которымъ всякая недоступная имъ премудрость казалась волшебствомъ и дьявольскимъ навожденіемъ, которые, какъ митр. Даніилъ, обвиняли Максима въ томъ, что онъ «волшебными хитростями еллинскими писалъ водками на дланѣхъ своихъ и, распростирая длани свои противъ великаго князя», старался околдовать его. «Ты хвалишься еллинскими и жидовскими мудрованіями», отвѣчали обвинители Максиму на его разъясненія, «волшебными хитростями и чернокнижными волхвованіями, а все это противно

христіанскому житію и закону, и не подобаетъ христіанину вдаваться въ подобное мудрованіе».

Такъ велика была разница между міровоззрѣніемъ образованной Европы и полуязыческой Россіи. Сведенные случаемъ, представители обоихъ міровъ говорили, очевидно, на разныхъ языкахъ и понять другъ друга не имѣли возможности. Чувствуя себя чуждымъ этому обществу, Максимъ, наконецъ, просился назадъ домой, на святую гору. Но его силой задержали въ Москвѣ. «Боимся мы», такъ объяснялъ ему причины этой задержки одинъ изъ его пріятелей: «пришелъ ты къ намъ, а человѣкъ ты разумный; и ты здѣсь увидѣлъ наше и хорошее, и дурное, а туда придешь—все разскажешь». И не смотря на всѣ заявленія Максима, что онъ русскимъ властямъ не подвѣдомственъ, а подчиненъ только греческимъ, ему не удалось вернуться на родину. Два раза его подвергали суду, по обвиненіямъ, большею частью столь же нелѣпымъ, какъ вышеприведенныя. Дважды осужденный,—во второй разъ послѣ отчаянной попытки убѣдить своихъ судей болѣе доступными ихъ пониманію пріемами,—онъ былъ отданъ, подобно Вассіану, въ руки своихъ враговъ, въ Волоколамскій монастырь, потомъ въ Тверской Отрочь, на заточеніе и прожилъ еще достаточно времени, чтобы видѣть окончательное торжество своихъ противниковъ на Стоглавомъ соборѣ.

Окончательнымъ, впрочемъ, этому торжеству не пришлось быть въ глазахъ исторіи. Передвиньте исторію книжныхъ исправленій Максима Грека на вѣкъ позднѣе; перемѣните роли: обвиненнаго Максима сдѣлайте обвинителемъ, а обвинителя Даніила посадите на скамью подсудимыхъ вмѣстѣ со всей той полуграмотной и неграмотной массой, которой онъ былъ типичнымъ представителемъ. Затѣмъ останется только замѣнить Максима Никономъ, къ которому гораздо лучше идетъ роль обвинителя, а на мѣсто торжествующаго Даніила поставить юрьевецкаго протопопа Аввакума, и мы представимъ себѣ всю суть той перемѣны, которая осифлянъ XVI вѣка превратила въ раскольниковъ XVII-го.

Но что же случилось въ промежуткѣ? Превратилось ли огромное большинство приверженцевъ національной церкви, сочувствовавшихъ осужденію Максима, въ меньшинство, принужденное отступить передъ приговоромъ новаго большинства, болѣе просвѣщеннаго? Ничуть не бывало. Старое большинство и осталось большинствомъ; перемѣны, совершившіяся на протяженіи вѣка, прошли для него совершенно незамѣченными, и послѣдствія этихъ перемѣнъ застигли его совершенно врасплохъ. Перемѣнилось, повидимому, немногое. Въ отдаленномъ Кіевѣ открылась духовная

школа, въ которой можно было научиться древнимъ языкамъ и грамматикѣ. Нѣсколько питомцевъ этой школы допущены были къ изданію богослужебныхъ книгъ на московскомъ печатномъ дворѣ,—единственной тогда московской типографіи (казенной). Сличая по своимъ служебнымъ обязанностямъ рукописные и печатные тексты издаваемыхъ книгъ, они нашли, что печатныя изданія неудовлетворительны, а рукописи полны варіантовъ и разночтеній. Единственнымъ средствомъ установить правильный и однообразный текстъ — было обратиться къ греческимъ оригиналамъ. Выписали грековъ и греческіе оригиналы, стали сличать и, помимо ошибокъ перевода и описокъ переписчика, замѣтили въ русскихъ книгахъ оригинальныя русскія вставки, соотвѣтствовавшія восторжествовавшимъ въ XVI вѣкѣ національно-обрядовымъ особенностямъ. Особенности эти признаны были въ XVI вѣкѣ исконной принадлежностью древняго православія. Теперь съ греческими текстами въ рукахъ, онѣ представились издателямъ просто-на-просто позднѣйшими вставками, а частью совсѣмъ недавними. Вставки эти предстояло выбросить изъ исправленнаго текста. Выводъ былъ простъ и естественъ, но онъ рѣзко противорѣчилъ общепринятой національной теоріи. Первые, кто пришли къ такому выводу, и сдѣлались жертвами этого противорѣчія. Что значилъ, въ самомъ дѣлѣ, голосъ нѣсколькихъ спеціалистовъ противъ голоса всей церкви? Да и кто такіе были эти спеціалисты? Это были, во-первыхъ, южно-руссы, кіевляне. Но и южно-русская церковь, и Кіевская духовная академія давно уже были заподозрѣны въ латинствѣ. Южно-русская церковь, говорилось въ Москвѣ, уклонилась, подобно греческой, въ унію. Въ академіи учатъ по латинскимъ книгамъ. Духовная власть воспретила принимать кіевскихъ духовныхъ лицъ въ общеніе съ православными иначе, какъ послѣ предварительной «исправы». Книги кіевской печати запрещено было покупать въ Москвѣ подъ угрозой гражданскаго наказанія и церковнаго проклятія. Понятно, что должна была думать масса о православіи людей, отъ вліянія которыхъ ее оберегали такъ заботливо. Что касается мнѣнія русскихъ о грекахъ, оно намъ уже извѣстно (см. выше). Ссылка на греческіе оригиналы, какъ на авторитетъ для исправленія русскихъ книгъ, была точно также неубѣдительна въ глазахъ русскихъ. На Руси было извѣстно, что послѣ паденія Константинополя греческія книги печатались въ католическихъ странахъ. На этомъ основаніи греческія книги вообще считались испорченными той же латинской ересью, какъ и греческая вѣра. Такимъ образомъ, всѣ доводы въ пользу исправленія книгъ по греческимъ текстамъ не имѣли

никакой силы въ глазахъ господствовавшаго національнаго воззрѣнія; *старина*, съ точки зрѣнія націоналистовъ, была на сторонѣ русскихъ церковныхъ текстовъ..

Какъ мы сказали, партія старины была достаточно сильна, чтобы восторжествовать надъ первыми сторонниками исправленія книгъ по греческимъ оригиналамъ,—надъ Діонисіемъ и Арсеніемъ. Но за пострадавшими спеціалистами явились другіе, еще болѣе свѣдущіе. Кіевское и греческое вліяніе, несмотря на всѣ затрудненія, проникало всюду. Кіявляне сидѣли на печатномъ дворѣ; кіевляне передѣлывали для русскихъ читателей продукты кіевской богословской литературы: въ противоположность національной теоріи, здѣсь доказывалось, что греки не еретики, что греческая церковь такъ же право вѣритъ, какъ русская, и что русскому патріарху необходимо быть въ тѣснѣйшемъ общеніи съ четырьмя восточными. Что систематическая пропаганда этихъ взглядовъ была небезплодна,—это мы можемъ видѣть на примѣрѣ самого Никона.

Когда-то и онъ принадлежалъ къ кружку ревнителей благочестія, собравшемуся около царя Алексѣя и насчитывавшему въ своей средѣ не мало талантливыхъ и энергичныхъ дѣятелей. Одинъ изъ членовъ этого кружка, Степанъ Вонифатьевъ, былъ царскимъ духовникомъ. Другой, его пріятель, вызванный имъ изъ Нижняго, Иванъ Нероновъ, проповѣдовалъ въ Казанскомъ соборѣ съ такимъ успѣхомъ, что церковь не могла вмѣстить всѣхъ, желавшихъ его слушать: народъ толпился на паперти, взбирался на окна; паства зачастую плакала и самъ проповѣдникъ едва могъ говорить отъ рыданій. Вслѣдъ за Нероновымъ потянулись въ Москву его нижегородскіе земляки, которыхъ кружокъ скоро устроилъ по городамъ проповѣдниками: Аввакума послали въ Юрьевецъ, Лонгина — въ Муромъ, Даніила — въ Кострому, Лазаря — въ Романовъ. Намѣренія кружка были самыя благія. Друзья хотѣли сблизить паству и пастырей путемъ живой проповѣди, поднять церковное благолѣпіе, словомъ, реформировать церковную службу такъ, чтобы она не была скучнымъ, непонятнымъ обрядомъ, а говорила бы уму и сердцу присутствующихъ. При всей скромности этихъ стремленій, они имѣли, все-таки, настолько новаторскій характеръ, что дѣятельность друзей вызвала сильное раздраженіе среди рядового московскаго духовенства, привыкшаго къ ремесленному выполненію пастырскихъ обязанностей. Никольскій попъ Прокофій, какъ только, бывало, встрѣтитъ Гавриловскаго попа Ивана, такъ сейчасъ же начинаетъ жаловаться: «заводите вы, ханжи, ересь новую,—единогласное пѣніе, и людей въ

церкви учите; а мы людей прежде сего въ церквахъ не учивали, а учивали ихъ втайнѣ. Бѣса вы всѣ, ханжи, въ себѣ имате».

Никонъ, еще до своего патріаршества, вполнѣ раздѣлялъ стремленія кружка. Даже въ патріархи, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ былъ рекомендованъ Вонифатьевымъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ на царя Алексѣя. Но послѣ принятія патріаршества въ отношеніяхъ Никона къ кружку произошла крутая перемѣна, которой не могли простить ему старые пріятели. Нероновъ и Аввакумъ съ горечью жалуются, что прежде Никонъ «имѣлъ совѣтъ съ протопопомъ Стефаномъ и на домъ къ нему часто пріѣзжалъ и дружески совѣщался о всякомъ дѣлѣ», а теперь «не сталъ пускать друзей и въ крестовую». «Доселѣ ты другъ намъ былъ, а нынѣ на насъ возсталъ», говоритъ Нероновъ. Такимъ образомъ, кружокъ «ревнителей о вѣрѣ» раскололся. Мы не знаемъ, были ли для этого личныя причины; но намъ гораздо важнѣе причины принципіальныя. Дѣло въ томъ, что Никонъ измѣнилъ теоріи національнаго благочестія и со всѣмъ жаромъ своего характера отдался вліянію новыхъ вѣяній. «Иноземцевъ ты законоположеніе хвалишь и ихъ обычаи пріемлешь», жалуется Никону на него самого Иванъ Нероновъ. «А мы прежде сего у тебя же слыхали», прибавляетъ онъ, «что многожды ты говаривалъ намъ: греки-де и малороссы потеряли вѣру и крѣпость, и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ. А нынѣ—то у тебя и святые люди и законоучители».

Побужденіемъ, заставившимъ Никона такъ круто перемѣнить флангъ, былъ вопросъ о книжныхъ исправленіяхъ. Едва ставъ патріархомъ, онъ рѣшился составить себѣ личное мнѣніе о положеніи дѣла. Онъ самъ отправился въ патріаршую библіотеку, сличалъ тамъ, насколько умѣлъ, книги московской печати съ древними греческими и лично убѣдился въ существованіи разногласій. Съ тѣхъ поръ Никонъ безусловно становится на сторону греческаго авторитета. «Рѣшивъ исправить русскія церковныя книги съ греческаго», говоритъ одинъ новѣйшій изслѣдователь, «рѣшивъ русскіе церковные обряды и чины привести въ полное соотвѣтствіе съ современными греческими, Никонъ на этомъ уже не останавливается и идетъ дальше. Онъ переноситъ къ намъ греческіе амвоны, греческій архіерейскій посохъ, греческіе клобуки и мантіи, греческіе церковные напѣвы, принимаетъ греческихъ живописцевъ, мастеровъ серебрянаго дѣла, начинаетъ строить монастыри по образцу греческихъ, приближаетъ къ себѣ грековъ, слушаетъ ихъ, дѣйствуетъ по ихъ совѣтамъ и указаніямъ, всюду выдвигаетъ на первый планъ греческій

авторитетъ, отдавая ему значительное преимущество передъ вѣковою русскою стариною, передъ русскими, всѣми признаваемыми доселѣ авторитетами». «Я хоть и русскій, и сынъ русскаго,— рѣшительно заявляетъ Никонъ на соборѣ 1656 года, — но вѣра моя и убѣжденія—греческія».

Съ этой прямолинейностью и страстностью естественно, что Никонъ не ограничился необходимымъ и слишкомъ перегнулъ дугу въ другую сторону. Вмѣсто исправленій стараго текста, онъ во многихъ случаяхъ предпринялъ совсѣмъ новый переводъ съ греческаго. Русскіе ревнители старины приходили въ недоумѣніе, сравнивая этотъ новый переводъ со старымъ и находя, что Никонъ «ту же рѣчь напечаталъ, но новымъ нарѣчіемъ: гдѣ «церковь» была, тутъ «храмъ», а гдѣ «храмъ», тутъ «церковь»; гдѣ «отроцы», тамъ «дѣти», а гдѣ «дѣти», тутъ «отроцы»; вмѣсто «креста»—«древо»; вмѣсто «пѣвцы» — «пѣснословцы». «Чѣмъ же сіе лучше онаго», спрашивали ревнители старины, «и что въ старыхъ книгахъ ересь, и какое слово противно божественному писанію?» Въ исправленіяхъ подобнаго рода они видѣли, съ своей точки зрѣнія, одну слѣпую ненависть къ старому. «Печатай, Арсенъ, книги какъ-нибудь, лишь бы не по старому», такъ пародировали они принципы никоновскаго книжнаго исправленія. Къ довершенію неудовольствія, раскольникамъ извѣстно было то, что недавно стало извѣстно исторической наукѣ: именно, что основной принципъ книжнаго исправленія,—сличеніе съ *древне*-греческими оригиналами,—не примѣнялся на практикѣ. По исчисленію новѣйшаго изслѣдователя, изъ 500 рукописей, привезенныхъ съ Востока командированнымъ для этой цѣли Сухановымъ, только 7 рукописей годились для исправленія по нимъ служебныхъ книгъ. Тому же изслѣдователю удалось найти подлинникъ, по которому исправлялся русскій служебникъ, и подлинникомъ этимъ оказался греческій эвхологій, напечатанный въ 1602 году, въ Венеціи.

Дурно ли, хорошо ли, но дѣло было сдѣлано. Время академическихъ споровъ прошло; отъ словъ приходилось перейти къ дѣлу. Люди равнодушные и слабые могли еще до времени держать нейтралитетъ между воюющими сторонами; но всѣмъ заинтересованнымъ въ спорѣ, матеріально или духовно, приходилось дѣлать рѣшительный выборъ. На одной сторонѣ стоялъ Никонъ, вооруженный авторитетомъ восточныхъ патріарховъ, а также и той «веревкой», которой, по его собственному признанію, онъ иногда «смирялъ помалу въ церкви» своихъ подчиненныхъ, и которая въ его употребленіи сильно напоминаетъ знаменитую дубинку Петра Великаго. На другой сторонѣ очутилась вся масса ревнителей рус-

скаго благочестія, пріученная авторитетомъ церкви вѣрить въ непогрѣшимость этого благочестія и въ русскую всемірно-историческую задачу — сохранить его неприкосновеннымъ до второго пришествія. Что должна была теперь дѣлать вся эта масса? Ей оставалось только одно: приложить къ русской оффиціальной церкви ту же теорію, которую она прилагала къ церквамъ римской, греческой и малороссійской. Въ знаменитой «Книгѣ о вѣрѣ», изданной въ 1648 году, это приложеніе было уже предусмотрѣно напередъ. Римская церковь, говорилось тамъ, отложилась въ 1000 году, малороссійская—въ 1595; въ 1666-мъ году должна придти очередь и великорусской церкви. Случилось такъ, что 1666-й годъ былъ годомъ собора, осудившаго противниковъ Никона; а въ слѣдующемъ году этотъ приговоръ закрѣпленъ былъ проклятіемъ, произнесеннымъ надъ раскольниками самими восточными патріархами. Такимъ образомъ, пророчество «Книги о вѣрѣ» сбылось. Никонъ «истребилъ древлее отеческое благочестіе» и «утвердилъ инославное римское нечестіе». Царь вмѣстѣ съ патріархомъ отступилъ отъ святой православной вѣры. До собора 1667 г. и провозглашенной имъ клятвы, сторонники національнаго благочестія могли еще надѣяться, что ихъ мнѣніе восторжествуетъ. Ссора Никона съ царемъ и восьмилѣтнее междупатріаршество поддерживали эту надежду. Съ каждымъ годомъ, однако, становилось все яснѣе, что склонить царя на возстановленіе старой вѣры не удастся. Вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнялось и настроеніе ревнителей древняго благочестія. Все, что было въ ихъ рядахъ умѣреннаго и нерѣшительнаго,—все это стушевалось по мѣрѣ того, какъ выяснилась полная безнадежность положенія. Одни открыто смирились, другія замолчали; первыя роли въ борьбѣ перешли къ людямъ такого закала, какъ юрьевецкій протопопъ Аввакумъ. И Аввакумъ, однако, не сразу потерялъ надежду на мирный исходъ борьбы. «Вздохни-ка по старому,—обращается онъ къ царю въ одну изъ своихъ оптимистическихъ минутъ, — какъ при Стефанѣ (Вонифатьевѣ) бывало, и рцы по русскому языку: Господи помилуй мя грѣшнаго! А «киріелейсон»-отъ отставь: такъ еллины говорятъ, плюнь на нихъ! Ты, вѣдь, Михайловичъ, русакъ, а не грекъ. Говори своимъ природнымъ языкомъ; не уничижай его ни въ церкви, ни въ дому, ни въ простой рѣчи... Любитъ насъ Богъ не меньше грековъ: предалъ намъ и грамоту нашимъ языкомъ чрезъ Кирилла и Меѳодія. Чего-жъ намъ еще хочется лучше того? Развѣ языка ангельскаго? Да нѣтъ, нынѣ не дадутъ—до общаго воскресенія». Совсѣмъ другимъ языкомъ говоритъ съ царемъ тотъ же Аввакумъ въ горькія минуты своего одиночнаго заключенія въ

Пустозерскомъ подземельи. «Нынѣ послѣднее тебѣ плачевное моленіе приношу изъ темницы, яко изъ гроба... помилуй единородную душу твою и вниди въ первое твое благочестіе... Здѣсь ты намъ праведнаго суда съ отступниками не далъ, такъ тамъ, на Христовомъ судѣ, будешь самъ отвѣчать всѣмъ намъ... Тамъ будетъ и тебѣ тошно,—да тогда не пособишь себѣ ни мало... Жаль намъ твоей царской души, да помочь не можемъ: самъ ты не хочешь своего спасенія... А что ты не велѣлъ насъ по смерти у церкви хоронить и при жизни лишилъ святыхъ тайнъ:.. хорошо ты это придумалъ съ своими властями... И мученикамъ святымъ, какъ ты всякій день слышишь въ церкви, не было честнаго погребенія... чѣмъ мы ихъ лучше?.. Чѣмъ ты больше насъ оскорбляешь, и мучишь, и томишь, тѣмъ мы тебя, царя, больше любимъ и Бога за тебя молимъ до смерти твоей... Спаси, Господи, и обрати къ истинѣ твоей! Если же не обратитесь, то всѣ погибнете вѣчно, а не временно... Нѣтъ, государь, будетъ плакать о тебѣ: вижу, не исцѣлить тебя! Ну, прости же, Господа ради, пока не увидимся съ тобою *тамъ*. Присылалъ ты мнѣ сказать: разсудитъ-де, протопопъ, меня съ тобою праведный судія, Христосъ. И я на томъ же положилъ: будь по твоей волѣ; тебѣ, государь, такъ угодно,—ино и мнѣ такъ любо. Ты царствуй много лѣтъ, а я много лѣтъ мучусь; и пойдемъ вмѣстѣ въ дома свои вѣчныя, когда Богу будетъ угодно... Видишь ли, самодержавный: ты владѣешь, живя на свободѣ, одной только русской землей; а мнѣ Сынъ Божій, за темничное сидѣнье, покорилъ небо и землю. Ты, отъ здѣшняго своего царствія отойдя въ вѣчное жилище, только возьмешь гробъ да саванъ; а я, по вашему распоряженію, не сподоблюсь савана и гроба: нагія мои кости псами и птицами небесными растерзаны будутъ и по землѣ влачимы. Но и такъ—хорошо мнѣ и пріятно на землѣ лежать, свѣтомъ быть одѣту, небомъ быть покрыту... Ну, да, хоть, государь, и приказалъ ты выкинуть меня собакамъ, благословляю тебя еще разъ послѣднимъ благословеніемъ».

Мрачнымъ паѳосомъ проникнутъ этотъ послѣдній земной разсчетъ съ царемъ, не лишенный, впрочемъ, тайной мысли подѣйствовать на его мягкую души. Совсѣмъ инымъ настроеніемъ дышетъ послѣднее завѣщаніе знаменитаго расколоучителя къ паствѣ. Это бодрый, одушевленный призывъ къ неустанной борьбѣ за вѣрное дѣло. «Нут-ко, правовѣрне,—нареки имя Христово, стань среди Москвы, перекрестись знаменіемъ спасителя нашего Христа, двумя перстами, какъ мы отъ святыхъ отецъ пріяли; вотъ тебѣ—царство небесное дома родилось. Богъ благословитъ: мучься за

сложеніе перстъ, не разсуждай много. А я съ тобой за это о Христѣ умереть готовъ. Хоть я и не смысленъ гораздо,—не ученый человѣкъ; — за то знаю, что вся въ церкви, отъ святыхъ отецъ переданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, яко же пріяхъ... До насъ положено: лежи оно такъ во вѣки вѣковъ».

Такъ, положа руку на сердце, готовое громко исповѣдовать свою вѣру середи Москвы, отдѣлялось русское народное благочестіе отъ благочестія господствующей церкви. Болѣзненный и обильный послѣдствіями разрывъ между интеллигенціей и народомъ, за который славянофилы упрекали Петра, совершился полвѣка раньше, и совершился въ сферѣ гораздо болѣе деликатной, нежели та, которую непосредственно задѣвала Петровская реформа. Религіозный протестъ могъ удесятирить свои силы, соединившись съ протестомъ политическимъ и соціальнымъ; но это нисколько не измѣняетъ того основного факта, что вопросы совѣсти были первой и главной причиной разрыва. Русскому человѣку въ серединѣ XVII вѣка пришлось проклинать то, во что столѣтіемъ раньше его учили свято вѣровать. Для только-что пробужденной совѣсти переходъ былъ слишкомъ рѣзокъ. Естественно, что масса отказалась на этотъ разъ слѣдовать за своими руководителями и, предоставленная самой себѣ, очутилась въ совершенныхъ потемкахъ. Въ эти потемки намъ и предстоитъ теперь за нею послѣдовать.

Лучшимъ основнымъ пособіемъ для внѣшней и догматической исторіи раскола остается «Исторія русскаго раскола», извѣстнаго подъ именемъ старообрядства, *еп. Макарія* (2-е изд. Спб. 1858). Судъ надъ Максимомъ Грекомъ см. въ упомянутомъ сочиненіи *Жмакина*. О кружкѣ ревнителей благочестія и о его отношеніи къ исправленію книгъ см. *Н. Ѳ. Каптерева*: Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ, вып. 1-й. Время патріаршества Іосифа. М. 1887. Подробный разборъ свидѣтельствъ о двуперстіи въ древней русской церкви см. въ *его же* «Оправданіи на несправедливыя объясненія», «Православное Обозрѣніе», 1888, №№ 8 и 9. О характерѣ исправленій Никона см. «Сильверста Медвѣдева извѣстіе истинное православнымъ и показаніе свѣтлое о новоправленіи книжномъ и о прочемъ». Съ предисловіемъ и примѣчаніями *Сергѣя Бѣлокурова*, Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1885, кн. IV. Сочиненія Аввакума см. въ V и VII томахъ «Матеріаловъ для исторіи раскола за первое время его существованія», подъ ред. *Н. Субботина*. Біографія Аввакума, вмѣстѣ съ общимъ очеркомъ движенія, составлена *В. А. Мякотинымъ*, въ біографической библіотекѣ Ф. Павленкова.

IV.

Значеніе обрядовыхъ различій по взгляду греческаго патріарха и русскихъ властей.—Смягченіе этого взгляда въ позднѣйшее время.—Чей взглядъ одержалъ верхъ на соборѣ 1667 г.—Отношеніе къ собору раскольниковъ.—Ожиданіе антихриста въ 1666 и 1699 годахъ.— Петръ-антихристъ.— Несоотвѣтствіе событій ожиданіямъ старообрядцевъ. — Разнообразіе старообрядческой общины во взглядѣ на будущее.—Мнѣніе *поповщины*.—Неполнота іерархіи.—Поиски «древлеправославныхъ епископовъ».—Вопросъ о чинѣ принятія бѣглаго священства.—Столкновеніе мнѣній дьяконовщины и перемазанцевъ.—Соборъ 1779 года.—Единовѣріе.—Поиски собственныхъ архіереевъ.—Перемѣна въ положеніи раскола при Екатеринѣ II, Павлѣ и Александрѣ II.—Роль Иргизскихъ монастырей. — Новая перемѣна при воцареніи имп. Николая I. — «Оскудѣніе священства» и возрожденіе мысли объ исканіи архіерея.—Происхожденіе Бѣлокриницкой іерархіи. — Внутреннія разногласія въ поповщинѣ позднѣйшаго времени.

Въ 1645 году царь Алексѣй Михайловичъ съ патріархомъ Никономъ обратились къ константинопольскому патріарху Паисію съ рядомъ вопросовъ, касавшихся исправленія церковныхъ книгъ и обрядовыхъ разногласій въ русской церкви. Паисій, отъ лица своего и собраннаго имъ собора греческаго духовенства, отвѣчалъ московскому патріарху слѣдующее: «Твое преблаженство сильно жалуешься на несогласіе нѣкоторыхъ чиновъ, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ церквахъ, и полагаешь, что эти различные чины растлѣваютъ нашу вѣру. Хвалимъ мысль: ибо кто боится преступленій малыхъ, тотъ предохраняетъ себя и отъ великихъ. Но исправляемъ намѣреніе: ибо иное дѣло еретики, которыхъ апостолъ заповѣдуетъ на первомъ и второмъ наказаніи отрицаться,— и иное дѣло раскольники... Церковь не отъ начала пріобрѣла все теперешнее чинопослѣдованіе, а постепенно и въ разныхъ церквахъ—разновременно. Раньше св. Дамаскина и Козьмы не имѣли мы ни тропарей, ни кондаковъ, ни каноновъ; однако же все это не произвело раздѣленій между церквами, когда соблюдалась неизмѣнно та же вѣра,—и церкви эти не считались ни еретическими, ни раскольническими. Такъ и нынѣ — не должно думать, будто развращается вѣра наша православная, если кто-либо творитъ послѣдованіе свое немного иначе, чѣмъ другіе, въ вещахъ несу-

щественныхъ, т. е. не касающихся членовъ или догматовъ вѣры». Высказанный наканунѣ возникновенія раскола, этотъ взглядъ греческаго патріарха не былъ поддержанъ ни имъ самимъ, ни какими-либо другими авторитетными представителями восточной церкви. Въ рѣшительную для раскола минуту, когда восточная церковь устами двухъ восточныхъ патріарховъ (антіохійскаго и александрійскаго), уполномоченныхъ остальными, изрекла надъ старообрядцами клятвы, 1667 года,—восторжествовалъ, собственно, мѣстный, русскій взглядъ на свою домашнюю распрю. Мы видѣли, что ни та, ни другая сторона въ пылу борьбы не могла стать на ту точку зрѣнія терпимости къ обряду, которую внушалъ Никону и царю Алексѣю Паисій. Обѣимъ сторонамъ обрядъ представлялся неразрывно связаннымъ съ догматомъ; и если сторонники національной старины въ греческихъ церковныхъ особенностяхъ видѣли ересь и догматическое заблужденіе, то приверженцы греческаго авторитета тотъ же взглядъ цѣликомъ перенесли на старинную русскую церковную практику. Около двухъ столѣтій понадобилось для того, чтобы разсѣять взаимное недоразумѣніе и придти къ обоюдному признанію, что за обрядовыми различіями не скрывается никакой разницы въ догматахъ. «Болѣе чѣмъ столѣтній опытъ показалъ», говорилъ московскій митрополитъ Филаретъ въ своихъ «Бесѣдахъ глаголемому старообрядцу», «что вы, старообрядцы, отъ православнаго ученія о пресвятой Троицѣ и о воплощеніи Сына Божія не отпали, и что въ крестномъ знаменіи продолжаете образовать таинство пресвятыя Троицы и воплощеніе Сына Божія, какъ и православная церковь, — только не такимъ расположеніемъ перстовъ, какое она издревле употребляетъ. Измѣненіе знаменія перестало быть важнымъ и подлежащимъ строгому суду, когда оказалось, что существо таинства сохранено». Съ своей стороны, и значительная часть старообрядцевъ въ извѣстномъ «Окружномъ посланіи» 1862 года пришла къ признанію, что «господствующая въ Россіи церковь, а равно и греческая, вѣруетъ не въ инаго Бога, но въ единаго съ нами; посему, хотя мы произносимъ и пишемъ имя Спасителя «Ісусъ», но и пишемое и произносимое «Іисусъ» хулити не дерзаемъ... Подобнѣ и четвероконечный крестъ Христовъ—образъ есть креста Христова отъ дней апостольскихъ и донынѣ, пріемлемый православно-каѳолической церковью... Поэтому мы не безчестимъ и не хулимъ этого креста».

Отъ этихъ примирительныхъ признаній далеки были предводители партій, боровшихся въ срединѣ XVII столѣтія. Потому такъ рѣзко поставлено было дѣло на соборахъ 1666 и 1667 гг.,

и по той же причинѣ въ проклятіяхъ этихъ соборовъ ревнители старой вѣры увидѣли не голосъ всей церкви, а побѣдный кличъ своихъ враговъ, случайно и временно восторжествовавшихъ. Правда, соборный приговоръ былъ скрѣпленъ патріархами; но патріархи въ этомъ случаѣ послужили, по мнѣнію старообрядцевъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ никоніанъ. Непосредственнымъ руководителемъ ихъ старообрядцы считали нѣкоего Діонисія, грека, который «до патріарша прихода за десять лѣтъ пріиде къ Москвѣ отъ Аѳонскія горы, и русскому языку и обычаемъ всѣмъ наученъ былъ... Патріархи тѣ вновь пришли и ничего не знали, но что онъ имъ скажетъ, то они и знаютъ, тому и вѣрятъ». Этотъ-то Діонисій «развратилъ души патріарховъ, говоря имъ: отцы святые, заѣзжіе вы здѣсь люди; если будете здѣсь судить по своему, чести вамъ большой и подарковъ не будетъ ни отъ государя, ни отъ властей, а сошлютъ васъ въ монастырь куда-нибудь, какъ Максима святогорца, и домой не отпустетъ, если будете противиться. Какъ имъ надобно, такъ и пущайте. Патріархи его послушали, такъ и стали дѣлать: ни въ чемъ не спорили, а только потакали». Надо прибавить, что докладная записка Діонисія, знакомившая патріарховъ съ совершенно чуждымъ имъ дѣломъ раскола, въ настоящее время найдена и напечатана: содержаніе ея, дѣйствительно, цѣликомъ перенесено было въ соборный приговоръ 1667 года.

Находя, что столпы восточной церкви всецѣло руководились на соборѣ восторжествовавшимъ въ данную минуту мнѣніемъ русскихъ іерарховъ, ревнители стараго благочестія, конечно, не могли считать соборнаго приговора—рѣшеніемъ всей церкви. Роль, которую, по ихъ мнѣнію, съиграли на соборѣ патріархи, должна была казаться имъ только новымъ доказательствомъ стараго русскаго взгляда на испорченность восточнаго благочестія. Сохраненіе благочестія въ первобытной чистотѣ русскіе люди привыкли считать спеціальной миссіей *русской* церкви; теперь оно становилось миссіей той горсти людей, которая еще представляла собой *старую* русскую церковь. Такимъ образомъ, не они отдѣлялись отъ церкви,—церковь отдѣлялась отъ нихъ, переставая, въ то же время, быть истинной церковью. Въ нихъ, напротивъ, истинная церковь должна была, по обѣтованію, сохраниться до скончанія вѣка.

Но что, если скончаніе вѣка, дѣйствительно, наступаетъ? Въ такомъ случаѣ, понятно было бы и полное прекращеніе истинной вѣры на землѣ. Гибель древняго православія, въ этомъ случаѣ, должна была бы представляться уже не случайной и не времен-

ной; напротивъ, это фактъ роковой, необходимый, изначала рѣшенный въ предвѣчномъ совѣтѣ. Мы стоимъ здѣсь передъ другой стороной старообрядческой дилеммы,—стороной, которая еще болѣе ярко, чѣмъ первая, представилась воображенію старообрядцевъ, въ самый моментъ ихъ разрыва съ господствующей церковью. Рѣшеніе дилеммы зависѣло отъ хода событій: и въ текущихъ событіяхъ ревнители старой вѣры принялись съ напряженнымъ вниманіемъ улавливать признаки наступленія послѣдняго времени. Извѣстное намъ пророчество «Книги о вѣрѣ», грозившее великой опасностью русской церкви въ 1666 году, сопоставлено было для этой цѣли съ апокалипсическими пророчествами о пришествіи антихриста. По Апокалипсису власть антихриста продлжится на землѣ два съ половиною года, т. е. съ 1666 по 1669, а затѣмъ начнется свѣтопреставленіе: солнце померкнетъ, звѣзды спадутъ съ неба, сгоритъ земля и, наконецъ, послѣдняя труба архангела призоветъ на страшный судъ праведныхъ и грѣшныхъ.

Протопопъ Аввакумъ, въ разгарѣ этихъ ожиданій, уже видѣлъ антихриста собственными глазами. «Я, братія моя», пишетъ онъ, «видѣлъ антихриста, собаку бѣшеную,—право, видѣлъ! Плоть у него вся смрадъ и зѣло дурна, огнемъ пышетъ изо-рта, а изъ ноздрей и изъ ушей пламя смрадное исходитъ; по немъ царь нашъ послѣдуетъ и власти и множество народа». Подъ вліяніемъ подобныхъ страховъ, вѣроятно, по всей русской землѣ происходили явленія, о которыхъ дошли до насъ извѣстія относительно нижегородскаго края. Съ осени 1668 года тамъ забросили поля, не пахали и не сѣяли; по наступленіи роковаго 1669 года бросили и избы. Собираясь толпами, люди молились, постились, каялись другъ другу въ грѣхахъ, пріобщались св. дарами, освященными до никоновскихъ новшествъ, и, приготовившись такимъ образомъ, съ трепетомъ ожидали архангельской трубы. По старинному повѣрью, кончина міра должна придтись ночью, въ полночь; и вотъ, при наступленіи ночи, ревнители стараго благочестія надѣвали старыя рубахи и саваны, ложились въ долбленые изъ цѣльнаго дерева гробы и ждали трубнаго гласа.

Ночи, однако, проходили за ночами, прошелъ и весь грозный годъ, и всѣ страхи и ужасы оказались напрасными. Міръ стоялъ по прежнему, и все также торжествовало въ мірѣ никоніанство.

Очевидно, что-нибудь да было не такъ. У оптимистовъ снова возрождалась надежда на торжество праваго дѣла, на возстановленіе истинной вѣры въ истинной церкви. Пессимисты пересмотрѣли еще разъ книги и пророчества, и нашли въ своихъ старыхъ выкладкахъ ошибку. Все дѣло въ томъ, что «Книга о вѣрѣ» считаетъ годы отъ

Рождества Христова, а сатана связанъ былъ на тысячу лѣтъ въ день Христова *Воскресенія*. Съ этого момента, а не съ рожденія Христа, и надо вычислять годъ свѣтопреставленія. Стало быть, пришествіе антихриста отодвигается на весь промежутокъ земной жизни Спасителя,—на 33 года. Онъ явится, слѣдовательно, не въ 1666 году, какъ слѣдовало бы по разсчету «Книги о вѣрѣ», а въ 1699. Черезъ два съ половиной года, т. е. въ 1702 году, наступитъ и кончина міра. «О послѣднемъ днѣ и объ антихристѣ не блазнитеся,—писалъ теперь Аввакумъ,—еще онъ, послѣдній чортъ, не бывалъ. Нынѣшніе бояре комнатные, ближніе друзья его, еще водятся, яко бѣсы,—путь ему подстилаютъ и имя Христово выгоняютъ. А какъ вычистятъ вездѣ, такъ еще Илія и Енохъ, обличители, прежде придутъ, а потомъ антихристъ—въ свое время». Такимъ образомъ, напряженное ожиданіе архангельской трубы прекратилось на время. Одни стали ждать Иліи и Еноха, другіе съ удвоеннымъ рвеніемъ бросились въ борьбу за возстановленіе въ Россіи полнаго господства древляго благочестія.

Въ Ильяхъ и Енохахъ недостатка не оказалось, также какъ и въ открытыхъ схваткахъ раскола съ господствующей церковью. Но всѣ попытки активной борьбы кончились неудачей; правительство Софьи открыло формальное гоненіе противъ старообрядцевъ. Защитники старой вѣры разбѣжались по глухимъ окраинамъ государства, стали проникать и за польскую границу. Расколъ пріунылъ и, по мѣрѣ приближенія 1699 года, снова предался ожиданіямъ кончины міра.

На этотъ разъ ожиданія были не напрасны. 25 августа 1698 года, т. е. за пять дней до того страшнаго новаго года *), въ который долженъ былъ объявиться антихристъ, вернулся изъ заграничнаго путешествія Петръ. Стрѣльцы задумали-было загородить ему дорогу въ Москву и истребить его вмѣстѣ со всѣми нѣмцами; но планъ этотъ остался неосуществленнымъ. Петръ пріѣхалъ въ столицу, и, не заѣзжая въ Кремль, не поклонившись ни Иверской, ни московскимъ чудотворцамъ, «къ общему удивленію», по словамъ одного иностраннаго наблюдателя, проѣхалъ прямо въ Нѣмецкую слободу къ Аннѣ Монсъ. Затѣмъ, часть ночи онъ пропировалъ у Лефорта, а остальную ночь провелъ не въ своемъ царскомъ дворцѣ, а въ гвардейской казармѣ, въ Преображенскомъ. Удивленіе перешло въ ужасъ, когда на слѣдующее утро, принимая поздравленія съ пріѣздомъ, царь собственноручно обстригъ нѣсколько боярскихъ бородъ. Надо знать, что брадобритіе

*) Новый годъ начинался до Петра съ сентября.

только-что передъ тѣмъ еще разъ было строго осуждено и проклято патріархомъ Адріаномъ, какъ смертный грѣхъ, ведущій къ отлученію отъ церкви, лишенію святыхъ таинъ и христіанскаго погребенія. «Гдѣ станетъ (брадобрѣйца) на страшномъ судѣ,—съ праведными, украшенными брадою, или съ еретиками брадобрѣйцами,—сами разсудите», такъ кончалъ патріархъ свое окружное посланіе о брадобритіи. Наглядный отвѣтъ на этотъ вопросъ давали старообрядческія гравюры страшнаго суда.

Наступилъ черезъ пять дней и новый годъ. Царь, вмѣсто того, чтобы, по старому обычаю, присутствовать въ этотъ день на торжественной церемоніи въ Кремлѣ, принять благословеніе отъ патріарха и «здравствовать народъ» съ новолѣтіемъ, провелъ весь день на пиру у Шеина. Шуты его рѣзали послѣднія бороды при громкомъ хохотѣ присутствующихъ, тогда какъ у жертвъ этихъ шутокъ скребло на сердцѣ. Затѣмъ началась суровая расправа со стрѣльцами, въ которой царь принималъ личное участіе. Казни чередовались съ пирами.

Всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы подтвердить уже готовое предположеніе о томъ, что царь и есть ожидаемый антихристъ. Ясно, все это было сдѣлано съ той, цѣлью, чтобы его не признали и не обличили. Къ московскимъ святынямъ царь не пошелъ, — разумѣется, потому, что онъ зналъ, — сила Господня не допустила бы его, окаяннаго, до святого мѣста. Гробамъ предковъ онъ не захотѣлъ поклониться и съ своими родными не повидался: понятно, вѣдь, они ему чужіе и еще, пожалуй, обнаружатъ его обманъ. По той же причинѣ онъ и народу не показался въ день новолѣтія. Могли еще узнать его по предсказанному сроку его появленія,—поэтому онъ измѣнилъ хронологію: велѣлъ считать годы не отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова, и при этомъ «укралъ у Бога» цѣлыхъ восемь лѣтъ, сосчитавши отъ сотворенія міра до Рождества Христова не 5500 лѣтъ, какъ прежде считали, а 5508 лѣтъ. Такимъ образомъ, 7208-й годъ вышелъ при переводѣ на новый счетъ не 1708-мъ, какъ бы слѣдовало, а 1700-мъ. Чтобы еще болѣе запутать счисленіе, онъ велѣлъ считать новый годъ съ января вмѣсто сентября, забывъ совсѣмъ, что въ январѣ міръ не могъ быть сотворенъ: въ январѣ яблоки были бы не зрѣлы и змію нечѣмъ было бы искусить Еву. Наконецъ, и знаменіе антихриста онъ принялъ на себя коварно: онъ назвалъ себя «императоръ», и скрылъ, такимъ образомъ, свое званіе подъ буквой *м*. Дѣло въ томъ, что, если выкинуть эту букву и приравнять остальныя буквы числамъ (по славянскому изображенію), то въ суммѣ получится ровно 666—число апокалипсическаго звѣря.

Словомъ, на этотъ разъ—это былъ, уже несомнѣнно,—антихристъ. Согласно пророчеству, онъ появился въ 1699 году. Слѣдовательно, въ 1702 году надо было ждать свѣтопреставленья. И опять стали повторяться тѣ же сцены, какія мы видѣли въ 1669 году: вновь явились «гробополагатели», воспѣвавшіе по ночамъ въ своихъ колодахъ заунывную пѣсню:

Древянъ гробъ сосновый,
Ради мене строенъ,
Въ немъ буду лежати
Трубна гласа ждати;
Ангели вострубятъ—
Изъ гроба возбудятъ и т. д.

И опять годы шли за годами, а солнце свѣтило по прежнему, звѣзды не падали съ неба и ничто не предвѣщало близкаго свѣтопреставленія. Мало того, религіозныя преслѣдованія, сильныя въ первое время царствованія Петра, были затѣмъ ослаблены; впервые расколъ получилъ право на гражданское существованіе, сдѣлавшись только доходной статьей нуждавшагося въ деньгахъ правительства.

Ревнители старины были совершенно сбиты съ толку всѣмъ этимъ ходомъ событій. Но ни одно изъ предположеній упомянутой дилеммы не осуществлялось. Никакихъ же другихъ возможностей, кромѣ двухъ, старообрядцы не могли предположить по самому существу своего міровоззрѣнія. Что-нибудь одно: или православіе не погибло окончательно и сохранилось въ ихъ средѣ—тогда оно должно, наконецъ, восторжествовать. Или же оно окончательно погибло,—въ такомъ случаѣ на землѣ царствуетъ антихристъ и надо ждать свѣтопреставленія. Въ томъ и другомъ случаѣ, положеніе дѣлъ представлялось временнымъ, и въ ожиданіи скорой развязки оставалось или бороться за полную побѣду старой вѣры, или готовиться къ отвѣту на страшномъ судѣ. На томъ или другомъ исходѣ и сосредоточивались до сихъ поръ всѣ помыслы старообрядцевъ. Но теперь, совершенно неожиданно для всѣхъ, положеніе оказалось болѣе ложнымъ. Кончина міра не наступала, съ другой стороны, съ каждымъ годомъ все меньше оставалось надежды на побѣду надъ никоніанствомъ. Самые упорные должны были, наконецъ, сознаться, что приходится подумать не о загробной жизни, а о продолженіи земного существованія, и притомъ, не въ видѣ господствующей церкви, а въ качествѣ отдѣльной отъ нея религіозной общины. О правильной организаціи этой общины нужно было теперь позаботиться.

Пока вся задача ревнителей старины ограничивалась отрицательной стороной—борьбой съ никоніанами—до тѣхъ поръ расколъ

былъ единодушенъ. Существовали, конечно, съ самаго начала два противоположные взгляда на исходъ затѣянной борьбы, но, въ ожиданіи событій, долженствовавшихъ оправдать одинъ изъ нихъ, некогда было думать объ окончательномъ разрывѣ. Теперь, когда ни одинъ исходъ не оправдался событіями и когда на очередь становился вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи и внутреннемъ устройствѣ старообрядческой общины, разногласія выдвинулись на первый планъ. Смотря по тому, на какую развязку продолжала разсчитывать та или другая сторона, и организація и даже самое ученіе общины должны были сложиться совершенно различно. Если, дѣйствительно, несмотря на то, что свѣтопреставленіе не состоялось, антихристъ царствуетъ въ мірѣ и православіе окончательно утрачено, тогда приходилось признать, что нѣтъ больше въ мірѣ и истинной церкви, нѣтъ, стало быть, и таинствъ,—и не можетъ быть больше никакихъ другихъ средствъ общенія между людьми и Богомъ, кромѣ молитвы и иныхъ религіозныхъ упражненій, не требующихъ посредства церкви и доступныхъ каждому вѣрующему. По этому пути и пошла значительная часть раскола, получившая названіе *безпоповщины*. И изъ другой, болѣе умѣренной половины нѣкоторые склонны были вѣрить въ царство антихриста, хотя и не рѣшались сдѣлать отсюда всѣ необходимые логическіе выводы *). Для массы слабыхъ душъ эти выводы и оказались, дѣйствительно, слишкомъ жестоки и страшны. Люди, готовые умереть за единую букву азъ, должны были теперь на всю жизнь остаться безъ причащенія и покаянія, принуждены были обходиться безъ таинства брака и т. д. Естественно, что значительное большинство предпочло отодвинуть на второй планъ мысль объ антихристѣ и предположить, что истинная церковь Христова продолжаетъ существовать въ мірѣ. Въ началѣ это разумѣлось само собою, такъ какъ старообрядцы себя и считали истинной церковью. Но скоро явилось важное усложненіе. Въ пылу борьбы, увѣренные въ близкой побѣдѣ старой вѣры, старообрядцы не приготовились, какъ слѣдуетъ, къ существованію въ видѣ отдѣльной религіозной общины. Чтобы сохранить въ своей средѣ непрерывность церковной традиціи, надобно было имѣть у себя всѣ три степени церковной іерархіи: епископство, пресвитерство и діаконство. Только при этомъ условіи старообрядческая церковь

---

*) Мы разумѣемъ здѣсь такъ называемую Онуфріевщину, самый крайній толкъ поповщины, появившійся въ 90-хъ годахъ XVII вѣка, и скоро осужденный болѣе умѣреннымъ большинствомъ и переставшій, повидимому, существовать, какъ только выработалось ученіе обѣихъ главныхъ половинъ раскола.

могла быть увѣрена, что въ ней поддерживается преемство апостольскаго рукоположенія; только такимъ образомъ могло быть обезпечено правильное поставленіе священниковъ, а, стало быть, и выполненіе всѣхъ остальныхъ таинствъ. Между тѣмъ, изъ немногихъ архіереевъ, сочувствовавшихъ расколу при его зарожденіи, одни перешли въ рѣшительную минуту къ никоніанству, другіе (Павелъ Коломенскій) умерли раньше, чѣмъ расколъ успѣлъ сознать себя отдѣльной общиной. Съ исчезновеніемъ враждебныхъ никоніанству епископовъ, цѣпь православнаго святительства, казалось, порвалась на вѣчныя времена. Грозный смыслъ этого факта не сразу, однако, былъ понятъ ревнителями старой вѣры. Въ первое время, кромѣ надеждъ на побѣду древляго православія, отсутствіе въ расколѣ епископовъ не возбуждало особыхъ опасеній и потому, что за-то было довольно священниковъ, посвященныхъ еще до Никона. Время шло, однако же, своимъ чередомъ; всѣ эти священники мало-по-малу состарѣлись и отошли въ вѣчность. Въ какое затрудненіе это поставило старообрядцевъ, видно изъ того значенія, которое пріобрѣли послѣдніе оставшіеся въ живыхъ священники дониконовскаго поставленія. Гдѣ были они, тамъ созидался и іерархическій центръ старообрядчества. Такимъ образомъ, послѣдній изъ нихъ, Ѳеодосій, спасаясь отъ преслѣдованій, перенесъ этотъ центръ изъ Керженскихъ лѣсовъ за польскую границу, на Вѣтку. Здѣсь появилась въ 1695 году и первая старообрядческая церковь, освященная, поневолѣ, самимъ Ѳеодосіемъ. Ѳеодосій же первый долженъ былъ освятить своимъ примѣромъ и то отступленіе отъ прежнихъ строгихъ требованій, благодаря которому стало считаться достаточнымъ, чтобы священникъ, переходящій въ старую вѣру, только *крестился* до Никона, а посвященъ онъ могъ быть и никоніанами. Съ помощью этой уловки удалось оттянуть страшный вопросъ еще на нѣсколько десятилѣтій. Но прошли и эти десятилѣтія; вымерло поколѣніе, крещенное до Никона, и вопросъ снова сталъ на очередь въ еще болѣе грозной формѣ. Гдѣ же была теперь истинная церковь, если истиннаго священства больше не было на свѣтѣ? Очевидно, это была уже не церковь, «а самочинное сборище»; послѣдніе проблески апостольскаго преемства потухли со смертью послѣднихъ поповъ, родившихся до московскихъ клятвъ 1667 года.

Для встревоженныхъ душъ богобоязненной паствы такой отвѣтъ былъ, опять-таки, слишкомъ ужасенъ. Нѣтъ, есть она, истинная Христова церковь древляго благочестія, и не можетъ ея не быть, такъ какъ цѣпь апостольскаго преемства не можетъ порваться раньше кончины міра. «Скорѣе солнце отъ теченія

своего престанетъ, чѣмъ церковь Божія будетъ безъ вѣсти», рѣшали эти болѣе умѣренные сторонники раскола. И вотъ, начинаются усиленные поиски за «древлеправославными епископами», не принявшими «никоновскихъ премѣненій». Гдѣ эти епископы и эта древлеправославная церковь,—раскольники сами не знаютъ; но тутъ начинаетъ работать благочестивая фантазія, подкрѣпляемая старыми народными легендами. Истинная церковь—гдѣ-то далеко на востокѣ; она въ Японіи, въ «Опоньскомъ царствѣ», въ Бѣловодьѣ на океанѣ морѣ, на семидесяти островахъ. Марко инокъ изъ Топозерскаго монастыря былъ тамъ самолично и нашелъ 179 церквей «асирскаго языка» и 40 церквей русскихъ, построенныхъ бѣжавшими изъ Соловецкой обители иноками. Сюда помѣстилъ расколъ свою благочестивую Утопію. Но Утопіи было мало; нужна была дѣйствительность. И вотъ, вопреки всѣмъ историческимъ фактамъ, создается мнѣніе, что гораздо ближе, въ Антіохіи, уцѣлѣло древлее православіе. Изъ Антіохіи искомая опора православія перемѣщается еще ближе—и еще болѣе на зло извѣстнымъ намъ взглядамъ старообрядцевъ—въ Царьградъ. Въ первыхъ годахъ XVIII в. посланецъ отъ старообрядческихъ общинъ ѣдетъ къ грекамъ—провѣдать, какова у нихъ на самомъ дѣлѣ вѣра. Результатъ оказался, однако же, неудовлетворительнымъ. Ставить вопросъ принципіально, очевидно, было нельзя. Приходилось пойти на уступки и усвоить то, впослѣдствіи обычное у раскольниковъ правило, что по «нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ». Если нельзя было найти священства внѣ русской господствующей церкви, то оставалось обратиться за нимъ къ никоніанамъ.

Фактически такъ дѣлалось уже давно. Пока время проходило въ тщетныхъ поискахъ «древлеправославнаго архіерея», не могла же раскольничья община оставаться безъ священниковъ. Таинства отправлялись попами, получившими священство отъ никоніанскихъ архіереевъ. Чтобы оправдать подобную мѣру, вспомнили правило святыхъ отцовъ, по которому дозволялось отъ нѣкоторыхъ еретическихъ церквей принимать священниковъ, не лишая ихъ сана. Тутъ, однако, явилось новое серьезное затрудненіе. Восточная церковь дѣлила еретиковъ на три разряда: еретиковъ перваго чина дозволялось принимать не иначе, какъ повторяя надъ ними крещеніе; еретиковъ второго чина—повторяя надъ ними мѵропомазаніе, еретиковъ третьяго чина—требуя отъ нихъ только проклятія ереси. Русская церковь уже подведена была, въ первое время, старообрядцами подъ разрядъ перваго чина, и, слѣдовательно, переходящихъ изъ нея въ расколъ приходилось перекре-

щивать. Но, во-первыхъ, отеческое правило, разрѣшавшее принимать священниковъ изъ чужой церкви, къ еретикамъ перваго чина вовсе не относилась. Во-вторыхъ, если даже старообрядцы и рѣшались принимать такихъ священниковъ черезъ перекрещиваніе, то возникалъ вопросъ: послѣ вторичнаго крещенія можетъ ли сохранить свою силу благодать священства; другими словами, становясь старообрядцемъ, не перестаетъ ли перекрещиваемый быть священникомъ? Чтобы обойти это затрудненіе, нѣкоторые изъ старообрядцевъ рѣшились прибѣгнуть къ характерной для ихъ формальнаго взгляда уловкѣ. Одни предлагали крестить священниковъ въ полномъ облаченіи; другіе—крестить, не погружая ихъ въ воду. Въ обоихъ случаяхъ благодать священства не смывалась водою крещенія. Но, очевидно, перехитрить такимъ способомъ каноническія правила представлялось не особенно удобнымъ. Поэтому, отъ перекрещиванія старообрядцы скоро отказались и пошли на новый компромиссъ. Рѣшено было считать никоніанъ—еретиками второго чина; такимъ образомъ, приходящихъ изъ господствующей церкви міряпъ и священниковъ можно было не перекрещивать, а только «перемазывать», т. е. подвергать мѵропомазанію. Но и тутъ представились тѣ же возраженія, т. е., что мѵропомазаніе точно такъ же, какъ и крещеніе, уничтожаетъ силу предшествовавшаго таинства священства. Тѣ же и уловки были пущены въ ходъ, чтобы сохранить эту силу священства. Помазуемаго облекали въ полное священническое облаченіе. Очевидно, и эта уступка такъ же не достигаетъ цѣли, какъ предъидущая. Въ виду этого, среди наиболѣе умѣренныхъ сторонниковъ «поповщины» уже въ началѣ XVIII вѣка явилось мнѣніе, что можно принимать священниковъ и третьимъ чиномъ, т. е. требовать отъ нихъ только проклятія ересей. Въ сущности, отъ признанія никоніанства ересью третьяго чина недалеко было и до полнаго примиренія съ господствующей церковью *). Примиренія, однако, не состоялость. Вмѣсто того, защитникъ умѣреннаго взгляда, діаконъ Александръ (отъ котораго и все направленіе получило названіе «дьяковщины») принужденъ былъ всенародно отказаться отъ своихъ взглядовъ, а затѣмъ, «не терпя мученія совѣсти своей» и «боясь суда Божія и вѣчныхъ мукъ», явился въ Петербургъ и заявилъ, что сдѣлалъ это поневолѣ. Онъ былъ затѣмъ публично обезглавленъ въ Нижнемъ. Но ученіе его не умерло съ нимъ; во второй

*) Неувѣренность въ спасительной силѣ старообрядческихъ поповъ и освященныхъ ими церквей какъ бы чувствуется въ самомъ характерѣ вопросовъ, предложенныхъ этой группой старообрядцевъ нижегородскому епископу Питириму (1716).

половинѣ XVIII столѣтія дьяконовцы еще разъ столкнулись съ болѣе рѣшительными послѣдователями поповщины по тѣмъ же вопросамъ, которые возбуждали въ нихъ сомнѣнія въ началѣ вѣка. Для «перемазыванія» нужно было правильно освященное мvро, которое такъ же трудно было достать, какъ и дровлеправославнаго архіерея. Какъ дьяконъ Александръ отказывался признать мvро, сваренное на Вѣткѣ извѣстнымъ намъ Ѳеодосіемъ, такъ его послѣдователи возстали противъ знаменитаго мvроваренія, совершеннаго въ 1779 году поповцами на Рогожскомъ кладбищѣ. Для обсужденія вопроса собрался старообрядческій соборъ 1779 года, на которомъ сторонники новаго мvра одержали рѣшительную побѣду надъ дьяконовцами; вмѣстѣ съ тѣмъ и требованіе «перемазыванія» священниковъ одержало верхъ надъ предложеніемъ принимать ихъ по третьему чину. Вожди дьяконовщины, Никодимъ и Михайло Калмыкъ, остались почти одни съ своими умѣренными взглядами. Тотчасъ послѣ собора Никодимъ принялся усердно хлопотать о примиреніи съ господствующей церковью; но, не смотря на покровительство Потемкина и Румянцева, рѣшеніе вопроса затянулось до самаго конца XVIII вѣка. Только въ 1800 г. проектъ Никодима осуществился, но осуществился въ формѣ, которая не удовлетворила бы самого иниціатора, если бы онъ дожилъ до этого времени. Дьяконовцы просили себѣ отъ господствующей церкви епископа; вмѣсто того «пункты» митроп. Платона дали имъ «единовѣріе», т. е. право получать священниковъ, подчиненныхъ православному архіерею, для службы по старому обряду.

Огромное большинство поповцевъ, признавая вопросъ о полнотѣ іерархіи самымъ больнымъ мѣстомъ старообрядчества, пошли къ разрѣшенію этого вопроса совсѣмъ другимъ путемъ. Уже въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка они остановились на мысли—найти себѣ архіерея; но они искали его не у господствующей церкви. Мы не будемъ здѣсь останавливаться подробно на длинной исторіи этихъ поисковъ,—исторіи, полной и комическихъ, и грустныхъ подробностей. Начинается эта исторія съ продѣлокъ молдовлахійскаго митрополита въ Яссахъ, выжимавшаго съ раскольниковъ деньги и подарки, а затѣмъ прогонявшаго ихъ вонъ, а разъ даже обрившаго бороду раскольничьему кандидату въ епископы. Затѣмъ появляется передъ нимъ добродушная фигура пьяницы и сластолюбца Епифанія, обокравшаго свой монастырь, сидѣвшаго въ тюрьмѣ и въ Кіевѣ, и въ Петербургѣ, и въ Соловкахъ, и въ Москвѣ. Отбитый раскольниками на вторичномъ пути изъ Москвы въ Соловки и за это согласившійся обратить на служеніе расколу свой санъ епископа (полученный еще раньше отъ ясскаго митро-

полита), Епифаній не сжился ни съ теоріей, ни съ житейскими привычками раскольниковъ. Впрочемъ, меньше чѣмъ черезъ годъ онъ былъ арестованъ при первомъ разгромѣ Вѣтки войсками Анны Іоанновны (1735), къ обоюдному удовольствію своему и своей паствы. За простецомъ Епифаніемъ является тонкій пройдоха, молодой и красивый Аѳиногенъ, самозванно объявившій себя архіереемъ и бѣжавшій, когда его обманъ открылся, за-границу. Тамъ онъ сбросилъ рясу, обрился, принялъ католичество, поступилъ въ военную службу и женился на богатой и знатной польской красавицѣ. Не успѣлъ исчезнуть съ раскольничьяго горизонта Аѳиногенъ, какъ является на смѣну ему Анѳимъ, московскій колодникъ, пострадавшій за древлее православіе и покорившій своими рваными ноздрями сердце богатой московской барыни и двухъ ея хорошенькихъ воспитанницъ. Съ ними онъ бѣжалъ къ старообрядцамъ и устроилъ себѣ, послѣ долгихъ хлопотъ, обрядъ заочнаго посвященія въ епископы. Посвящать его долженъ былъ Аѳиногенъ, щеголявшій, какъ потомъ оказалось, въ этотъ день и часъ по улицамъ Каменца-Подольска въ костюмѣ польскаго жолнера. Потерявъ постепенно довѣріе всѣхъ старообрядческихъ общинъ, этотъ ахіерей былъ, наконецъ, утопленъ въ Днѣстрѣ казаками.

Всѣ эти неудачи не охладили бы, однако, рвенія староборядцевъ къ исканію архіерейства, и не завязали бы ихъ кошельковъ, если бы обстоятельства рѣшительнымъ образомъ не перемѣнились съ воцареніемъ императрицы Екатерины II. Съ этого времени начинается для старообрядчества період терпимости, продолжавшійся также при Павлѣ и при Александрѣ I. Бѣжавшіе когда-то отъ преслѣдованій за-границу, поповцы могли теперь снова перенести свой центръ въ предѣлы Россіи. Два года спустя по воцареніи, императрица Екатерина II прямо приглашала ихъ вернуться на родину и отводила имъ земли въ саратовскомъ поволжьѣ. Въ то же время (1764) Вѣтка была вторично и окончательно раззорена русскими войсками; на нѣсколько времени главенство среди поповщины перешло къ сосѣднему Стародубью. Но это положеніе стародубскіе скиты удержали за собой не на долго. Ихъ авторитетъ особенно пострадалъ послѣ пораженія умѣренныхъ взглядовъ Никодима и Михаила, бывшихъ ихъ представителями на «перемазанскомъ» соборѣ 1779 года. Зато тѣмъ же самымъ соборомъ чрезвычайно ловко воспользовался одинъ изъ главныхъ организаторовъ новыхъ монастырей, возникшихъ вслѣдствіе приглашенія Екатерины на р. Иргизѣ, Сергій Юршевъ. Рѣшительно ставъ на сторону вновь свареннаго мура и высказывшись въ пользу «перемазанія» священниковъ, Сергій скоро до-

бился того, что монополія этого перемазыванія была признана всей поповщиной за Иргизомъ. Бѣглыхъ поповъ было теперь у старообрядцевъ сколько угодно, такъ какъ правительство стало смотрѣть на нихъ сквозь пальцы. Стало возможнымъ даже дѣлать выборъ между попами, не принимая тѣхъ, которые особенно запятнали себя предыдущей жизнью. Это право выбора и подготовки къ старообрядческому служенію было формально признано теперь за Иргизомъ; раскольничій соборъ 1783 года рѣшилъ ни откуда, кромѣ Иргиза, не принимать священниковъ. Чтобы еще болѣе заставить весь старообрядческій міръ нуждаться въ своихъ священникахъ и «уставщикахъ», Иргизскіе монастыри не раздавали въ частныя руки ни мѵра, ни запасныхъ даровъ, на которые такъ щедра была Вѣтка. То и другое можно было достать исключительно отъ священника, получившаго «исправу», т. е. перемазаннаго на Иргизѣ: но за то иргизскіе священники имѣли всего вдоволь и были всегда готовы къ услугамъ своей паствы. Такимъ образомъ, съ одной стороны, бѣглые попы сдѣлались самой доходной статьей иргизскихъ монастырей и послужили основой ихъ матеріальнаго благосостоянія; съ другой стороны, потребность въ священствѣ удовлетворялась теперь съ помощью правильной организаціи; часто даже старообрядчество оказывалось въ этомъ отношеніи лучше обставленнымъ, чѣмъ сосѣдніе православные приходы. Особенной нужды въ собственномъ архіереѣ теперь больше не чувствовалось, и поиски архіереевъ прекращаются на цѣлую половину столѣтія, т. е. на все время, пока дѣйствовалъ Иргизъ.

Описанное положеніе дѣлъ круто измѣнилось съ воцареніемъ императора Николая Павловича. Снисходительное отношеніе къ бѣглымъ попамъ и терпимость къ отправленію старообрядческаго богослуженія считались главной причиной, вслѣдствіе которой раскольники не обнаруживали желанія принять единовѣріе. Лучшимъ средствомъ побудить ихъ—искать удовлетворенія религіозныхъ потребностей въ предѣлахъ православной церкви—стало казаться стѣсненіе ихъ самостоятельной религіозной жизни. Согласно съ этимъ взглядомъ, льготы, данныя старообрядцамъ Екатериной II и Александромъ I, начали постепенно отмѣняться; за бѣглыми попами установлено было самое строгое наблюденіе. Пріемъ новыхъ поповъ и разсылка старыхъ по всей Россіи были запрещены иргизскимъ монастырямъ, а вслѣдъ затѣмъ и самые монастыри, одинъ за другимъ, были обращены въ единовѣрческіе. «Посредствомъ подкупа», говоритъ объ этомъ новѣйшій изслѣдователь Иргиза, «присоединилъ князь Голицынъ (губернаторъ, какъ и оба слѣдующіе) въ 1829 году монастырь Нижній»; «силой воинской» Степановъ въ

1837 году отнялъ у раскола монастыри средніе; «ночнымъ нападеніемъ волка на овчарню» Фадѣевъ въ 1841 году захватилъ верхніе монастыри. Совершились великое «вавилонское паденіе», и 28 мая 1841 года «солнце православія зашло на Иргизѣ».

Но не для одного Иргиза наступили тяжелыя времена. Въ такомъ первостепенномъ центрѣ поповщины, какимъ было столичное «Рогожское кладбище», въ концѣ концовъ оставалось всего два попа. Десятками паръ принуждены были они вѣнчать браки; сотнями, хоромъ, производили исповѣдь по списку грѣховъ, громогласно читавшемуся причетникомъ; отпѣвать же приходилось заочно, тысячами и десятками тысячъ, иногда полгода и годъ спустя послѣ похоронъ. Притокъ бѣглыхъ поповъ совершенно изсякъ и повсюду старообрядческое священство пришло въ «крайнее оскудѣніе». Несмотря, однако же, на все это, разсчетъ, диктовавшій стѣснительныя мѣры, оказался ошибочнымъ. Въ единовѣріе шли, но не многіе и не искренно... «Цѣной невыносимаго полицейскаго гнета», говоритъ только что упоминавшійся изслѣдователь, «цѣной страшной нравственной тяготы и муки десятковъ тысячъ народа— православіе пріобщало на свои пажити жалкіе 2% изъобщаго числа страдающихъ людей» (рѣчь идетъ о Саратовскомъ краѣ). Вѣроятно, гораздо больше ушло въ безпоповщину, съ которой поповцы были поставлены фактически въ одинаковое положеніе. Большинство не думало, однако, ни о единовѣріи, ни о безпоповствѣ. Оно терпѣло, считало свое положеніе временнымъ и думало крѣпкую думу: какъ бы добыть себѣ архіерея и создать, такимъ образомъ, собственную законченную іерархію. Въ послѣднемъ изъ уничтоженныхъ на Иргизѣ монастырей возродилась снова эта старая мечта поповщины, и на этотъ разъ мечта превратилась въ фактъ. Не прошло пяти лѣтъ послѣ закрытія Верхняго монастыря, какъ усиленные поиски доведенныхъ до послѣдней крайности старообрядцевъ увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. «Солнце православія», померкшее на Иргизѣ, взошло съ новымъ блескомъ за австрійской границей.

Еще за десять лѣтъ до окончательнаго обращенія иргизскихъ монастырей въ единовѣріе, на Рогожскомъ соборѣ 1832 года, мысль объ отысканіи архіерея принята была большинствомъ поповцевъ. Не оказалось недостатка и въ благотворителяхъ (какъ старообрядческія тузы С. Громовъ и Ѳ. Рахмановъ) и въ энтузіастахъ (какъ Павелъ Великодворскій), готовыхъ жертвовать свои средства и трудъ на осуществленіе любимой идеи поповщины. Идеальной задачей поповцевъ оставалось, попрежнему, найти гдѣнибудь въ невѣдомыхъ краяхъ настоящаго «древлеправославнаго

архіерея», сохранившаго старую вѣру во всей ея неприкосновенности. Но стоило только поставить вопросъ на практическую почву, чтобы тотчасъ же убѣдиться въ безнадежности подобныхъ поисковъ. Для очистки совѣсти, главный дѣятель предпріятія, Павелъ Великодворскій побывалъ и на православномъ Востокѣ. Но раньше, чѣмъ кончились эти странствія его, онъ долженъ былъ убѣдиться, что мѣстомъ дѣйствія и розысковъ гораздо удобнѣе сдѣлать, вмѣсто Персіи и Египта, Сиріи и Палестины—сосѣднія турецкія и австрійскія области. Едва перейдя австрійскую границу, онъ нашелъ въ Буковинѣ нѣсколько маленькихъ старообрядческихъ колоній, получившихъ при самомъ переселеніи сюда (въ 1783 г.) право полной свободы вѣроисповѣданія отъ австрійскаго императора. На этой «привилегіи» Іосифа II Павелъ и основалъ свой планъ — добиться оффиціальнаго разрѣшенія жителямъ «Бѣлой Криницы» (такъ называлось одно изъ этихъ поселеній) имѣть своего епископа. Преодолѣвъ множество препятствій со стороны мѣстныхъ жителей и областнаго начальства, Павелъ, наконецъ, добился своей цѣли, перенеся дѣло на рѣшеніе высшихъ властей и самого императора. Получивъ дозволеніе поселить въ Бѣлой Криницѣ епископа, онъ принялся за розыски лица, которое бы согласилось взять на себя эту роль первоначальника старообрядческой іерархіи. Пока онъ странствовалъ по Сиріи, Палестинѣ и Египту, константинопольскіе эмигранты намѣтили возможныхъ кандидатовъ въ архіереи, изъ числа проживавшихъ въ Константинополѣ безъ мѣста епископовъ. Одинъ изъ нихъ, Амвросій, изверженный изъ своей босно-сараевской епархіи патріархомъ по настоянію турецкаго правительства за то, что поддержалъ народное движеніе противъ мѣстнаго паши, принялъ предложеніе старообрядцевъ. Водворившись (1846) въ Бѣлой Криницѣ и принявъ отъ бѣглаго попа «исправу» (вторымъ чиномъ), онъ, по заранѣе составленному условію, немедленно рукоположилъ себѣ преемника изъ мѣстныхъ старообрядцевъ. Такая заботливость оказалась не лишней. Едва прошелъ годъ со времени открытія Бѣлокриницкой каѳедры, какъ Амвросій, по требованію русскаго правительства, отправленъ былъ въ ссылку, и мѣсто его занялъ его ставленникъ, Кириллъ, человѣкъ, случайно попавшій въ архіереи и совсѣмъ не подготовленный къ выполненію важной роли, выпавшей на его долю. Роль, дѣйствительно, была трудна и отвѣтственна.

Такой важный фактъ, какъ появленіе въ расколѣ—впервые со времени его возникновенія—полной и правильной іерархіи долженъ былъ сильно встряхнуть старообрядческіе умы. Къ ненормальному положенію, длившемуся вѣками, старообрядцы настолько

успѣли привыкнуть, что появленіе въ ихъ средѣ раскольничьяго архіерея само по себѣ казалось многимъ непростительнымъ новшествомъ и отступленіемъ отъ того, какъ жили отцы. У другихъ присоединялось къ этому сомнѣніе, вызванное «перемазаніемъ» Амвросія. Сторонники наиболѣе умѣреннаго толка поповщины (дьяконовцы), ослабленные, но не уничтоженные соборомъ 1779 г., продолжали стоять на своемъ: перемазаніе, по ихъ мнѣнію, смывало благодать хиротоніи, и епископа слѣдовало, поэтому, принять не вторымъ, а третьимъ чиномъ. По той и другой причинѣ часть поповщины вовсе не приняла австрійской іерархіи и предпочла остаться, по старому, при бѣглыхъ попахъ. Но и среди тѣхъ, которые считали первосвятительство необходимымъ признакомъ истинной церкви и приняли съ восторгомъ бѣлокриницкаго митрополита,—перемѣна, совершившаяся въ церковномъ строѣ, должна была вызвать много новыхъ мыслей и сомнѣній. Три вопроса, главнымъ образомъ, волновали теперь старообрядческій міръ. Во-первыхъ, это былъ вопросъ объ отношеніи мірянъ къ новому церковному управленію; во-вторыхъ, объ отношеніи русскихъ архіереевъ къ заграничному митрополиту и, въ-третьихъ, объ отношеніи новоустроенной поповщинской церкви къ церкви православной. По каждому изъ этихъ вопросовъ возникали противоположныя мнѣнія и сталкивались противоположные интересы. Съ появленіемъ высшей церковной власти вліятельные міряне-старообрядцы должны были передать въ ея руки завѣдываніе церковными дѣлами. Конечно, отказаться отъ своей привычной власти имъ было не совсѣмъ пріятно. Напротивъ, масса старообрядческаго простонародья охотно готова была подчиниться высшему церковному авторитету. Эта разница въ отношеніи къ новой іерархіи верха и низа старообрядческаго общества соединялась съ подобной же разницей во взглядѣ на власть иноземнаго митрополита надъ національной церковью. Русскіе старообрядческіе епископы, большею частью, стремились къ независимости отъ митрополита, и московское знатное старообрядчество готово было помогать имъ въ этомъ отношеніи. Въ Москвѣ созданъ былъ, на подобіе синода, «духовный совѣтъ» изъ архіереевъ, долженствовавшій представлять собою высшую власть надъ русской старообрядческой церковью. При посредствѣ этого «совѣта» старообрядческая знать, во-первыхъ, устраняла непосредственную связь митрополита надъ церковью, во-вторыхъ, сохраняла за собой возможность вліять на церковныя дѣла. Интересы рядовой старообрядческой массы и въ этомъ случаѣ не совпадали съ интересами вліятельнаго меньшинства; масса хотѣла знать надъ собой только одного митрополита и за нимъ признавала верховный голосъ въ

дѣлахъ вѣры. Наконецъ, къ обѣимъ только-что упомянутымъ причинамъ внутреннихъ разногласій присоединилась третья, наиболѣе щекотливая. Пріобрѣтая архіереевъ, старообрядческая церковь невольно сближалась съ православной, и это сближеніе среди однихъ вызвало сильную реакцію, среди другимъ—попытки теоретическаго оправданія. Крайняя партія, находившая себѣ поддержку особенно въ простомъ народѣ, съ особенной настойчивостью возобновила старыя ученія о томъ, что вообще нѣтъ нигдѣ и быть не можетъ истинной церкви, такъ какъ въ мірѣ царствуетъ антихристъ. Напротивъ, интеллигентное меньшинство, не чуждое столичнаго лоска, готовое и нѣмецкое платье надѣть, и въ театрѣ побывать, склонно было внести въ расколъ новый духъ терпимости. Въ опроверженіе безпоповщинскихъ ученій объ антихристѣ, эта партія напоминала, что самое приниманіе бѣглыхъ поповъ отъ никоніанъ и принятіе архіерея изъ грековъ, предполагаетъ въ поповцахъ увѣренность, что существуютъ въ мірѣ и помимо нихъ остатки истинной церкви. Выразителемъ этого настроенія явился составитель извѣстнаго «Окружного посланія», міряниъ Иларіонъ Егоровъ Ксеновъ, особенно подчеркнувшій въ своемъ произведеніи близость поповства къ господствующей церкви. Московская старообрядческая интеллигенція и, стало быть, московскій духовный совѣтъ сталъ открыто на сторону Окружного посланія. Это былъ вызовъ, брошенный старообрядческой массѣ; «Окружное посланіе» послужило искрой, которая воспламенила горючій матеріалъ, накопившійся въ поповщинѣ со времени учрежденія бѣлокриницкой митрополіи. Роль митрополита была ясна: противодѣйствуя автономическимъ стремленіямъ московскаго «совѣта», онъ долженъ былъ отвергнуть принятое совѣтомъ «Окружное посланіе», и обратиться непосредственно къ массѣ съ протестомъ противъ примирительныхъ тенденцій передового старообрядчества. Но невѣжественному и безхарактерному Кириллу роль эта была не подъ силу. Въ разгорѣвшейся борьбѣ онъ дѣлался поочередно орудіемъ то той, то другой партіи; въ теченіе короткаго промежутка (1863—1870 гг.) онъ столько разъ переходилъ отъ одного рѣшенія къ другому, то проклиная «Окружное посланіе» и всѣ дѣйствія «совѣта», то одобряя ихъ безусловно, то, наконецъ, пускаясь на компромиссы, что, въ концѣ концовъ, сдѣлался для обѣихъ партій одинаково безполезенъ или безвреденъ. Жалкая роль Кирилла помогла автономнымъ и примирительнымъ стремленіямъ старообрядческаго меньшинства одержать скорую и рѣшительную побѣду. Со смертью Кирилла (1873), его преемникъ принужденъ былъ формально признать самостоятельность русской старообрядческой

церкви. Восторжествовало среди послѣдователей этой церкви и умѣренное мнѣніе «окружниковъ». Изъ 19-ти существующихъ въ Россіи архіерейскихъ старообрядческихъ каѳедръ 13 заняты сторонниками «Окружного посланія», и только 3 принадлежатъ его противникамъ или «раздорникамъ».

Изъ бѣглаго очерка исторіи поповщины видно, что это направленіе религіозной мысли раздѣлило обычную судьбу всѣхъ среднихъ направленій. Развиваться такое направленіе могло бы лишь въ сторону одной изъ примиренныхъ въ немъ крайностей. Будучи компромиссомъ между православіемъ и безпоповщиной, поповщина могла приблизиться либо къ господствующей церкви, либо къ болѣе послѣдовательной партіи раскола. Но сближенію съ господствующей церковью препятствовало, какъ мы видѣли, прежде всего отношеніе къ расколу духовной и свѣтской власти. Примиреніе, при данныхъ условіяхъ, не могло состояться на условіяхъ, которыя бы удовлетворили обѣ стороны, и не могло быть, поэтому, искреннимъ. Вотъ почему единственная серьезная попытка такого примиренія оказалась, по единодушному приговору обѣихъ сторонъ, вполнѣ неудачной. Что касается сближенія съ безпоповщиной, этотъ исходъ былъ доступенъ только для болѣе рѣшительныхъ. Такимъ образомъ, постоянно колеблясь между двумя крайностями и не рѣшаясь остановиться ни на одной изъ нихъ, поповщина была обречена вращаться въ одномъ и томъ же заколдованномъ кругѣ старыхъ идей. Сколько-нибудь серьезные признаки внутренняго развитія въ ней не могли привести ни къ какой значительной перемѣнѣ, потому что результаты такого развитія тотчасъ же выходили, въ ту или другую сторону, изъ рамокъ этого промежуточнаго направленія. Такимъ образомъ, чтобы прослѣдить, въ какомъ направленіи совершалась дальнѣйшая религіозная эволюція русской народной массы, намъ нужно перейти къ исторіи другихъ направленій, болѣе цѣльныхъ и послѣдовательныхъ.

Богатый матеріалъ для исторіи поповщинскихъ и безпоповщинскихъ толковъ читатель найдетъ въ старой книгѣ прот. *Андрея Іоаннова Журавлева* (1-е изд. 1794 г.; 6-е 1890). Отзывъ Паисія см. у *Макарія*. Записка грека Діонисія напечатана *Н. Ѳ. Каптеревымъ* въ «Православномъ Обозрѣніи» 1888, №№ 7 и 12. Объ ожиданіи антихриста, исканіи архіереевъ, оскудѣніи священства см. Историческіе очерки поповщины *П. И. Мельникова* (первыя VII главъ отдѣльно. М. 1864 и въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1863, №№ 4 — 6; главы VIII—XIV въ «Русск. Вѣстн.», 1864, № 5; 1866, №№ 5 и 9; 1867, № 2). О Петрѣ-антихристѣ см. еще: «Выписана исторія печатная о Петрѣ I; собраніе отъ свящ. писанія объ антихристѣ въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и

Др. Р.», 1863, I. Отношеніе дьяконовцевъ къ чинопріятію бѣглыхъ поповъ должно было выясниться уже въ началѣ XVIII в., въ зависимости отъ ихъ ученія о св. мурѣ. Отвѣты діаконовщины (написанные Андреемъ Денисовымъ, о немъ см. ниже) изложены въ «Описаніи нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола». Записки *Александра Б.* (преосв. Никанора), т. II. Спб. 1861. Вопросы діаконовцевъ и отвѣты Питирима, см. въ его «Пращицѣ». О миссіонерской дѣятельности Питирима см. Исторію нижегородской іерархіи, арх. *Макарія*. Спб. 1857. Судьба дьякона Александра разсказана по документамъ *Г. Есиповымъ*, Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, к. I, Спб. 1861. Документы, относящіеся къ перемазанскому собору 1779 г., кромѣ Журавлева, см. еще въ Сборникѣ для исторіи старообрядчества, изд. *Н. Поповымъ*, т. I, М. 1864. Хлопоты Никодима о законномъ архіереѣ документально изложены *Тим. Верховскимъ* въ статьѣ: Исканіе старообрядцами въ XVIII вѣкѣ законнаго архіерейства. Спб. 1868 (и въ «Правосл. Обозр.» 1867). Лучшее и новѣйшее изслѣдованіе по исторіи иргизскихъ монастырей принадлежитъ *Н. С. Соколову*. Расколъ въ Саратовскомъ краѣ, т. I. Поповщина въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Саратовъ 1888. Хлопоты и поиски Павла Великодворскаго обстоятельно изложены въ «Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи» *Н. Субботина*, т. I, М. 1874. Событія, вызванныя въ раскольничьемъ мірѣ «Окружнымъ посланіемъ», тогда же разсказывались *Н. Субботинымъ* въ рядѣ статей, всего болѣе освѣдомленныхъ, но и болѣе тенденціозныхъ. См. его «Современныя движенія въ расколѣ» «Рус. Вѣстн.» 1863, №№ 5, 7, 11, 12; 1864, №№ 1, 2; 1865, №№ 1, 2, 3 и отдѣльно 3 выпуска. М. 1863, 1865, 1866. *Его же* «Современныя лѣтописи раскола», два выпуска. М. 1869—1870, съ документами, и «Лѣтопись происходящихъ въ расколѣ событій», М. 1872 и подъ тѣмъ же заглавіемъ въ «Братскомъ Словѣ». Окружное посланіе и документы, относящіеся къ борьбѣ за него, см. также въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей», 1865, III, *К. Николаева*, «Очеркъ исторіи поповщины съ 1846 года» и 1868, III; 1869, I. «Документы о старообрядцахъ нашего времени», сообщ. *И. Г.* Дальнѣйшія библіографическія указанія см. въ книгѣ *А. С. Пругавина*, Расколъ-сектантство, вып. первый. Библіографія старообрядчества и его развѣтвленій, М. 1887, и *Сахарова*, Указатель литературы о расколѣ, вып. I и II, 1887, 1892. Сжатые, но содержательные очерки, см. въ Энцикл. словарѣ Арсеньева подъ ст. «Бѣглопоповщина», «Бѣлокриницкая іерархія» и «Единовѣріе».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЕРОЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕГЕНДЫ.

(*Окончаніе* *).

VII.

«Императоръ Наполеонъ» или «генералъ Бонапартъ»?

Въ обыденной жизни безпрестанно говорятъ: *судьба*, *счастливая случайность*, *несчастное стеченіе обстоятельствъ*. И эти выраженія многихъ вполнѣ удовлетворяютъ, а было время, когда подобный взглядъ на родъ человѣческихъ дѣлъ являлся общепризнанной, безусловно законной нравственной философіей.

Античный грекъ не могъ представить ни одной рѣшительной катастрофы въ существованіи какой бы то ни было личности безъ видимаго вмѣшательства сверхестественныхъ силъ. Пятый актъ всякой трагедіи неминуемо доженъ увѣнчаться грознымъ безапелляціоннымъ судомъ верховнаго существа и только послѣ божественнаго участія возможно заключеніе драмы.

Прошли вѣка и люди постепенно, хотя, сравнительно, и въ незначительномъ меньшинствѣ, стали освобождаться отъ вѣчно тяготѣвшей надъ ними мысли о внѣшнемъ произвольномъ распорядкѣ ихъ судебъ. Карающій и награждающій рокъ былъ открытъ въ самой природѣ, въ сердцѣ и разумѣ жертвъ и побѣдителей. Самая борьба, оказалось, зависитъ гораздо болѣе отъ *личности*, чѣмъ отъ *обстоятельствъ*. Никакія внѣшнія условія не могутъ вызвать борьбы, если ея не приметъ герой и покорно уступитъ чуждой ему силѣ. Съ другой стороны—тамъ, гдѣ множество людей чувствуютъ себя удовлетворенными и даже счастливыми, одинъ изъ нихъ можетъ открыть повелительнѣйшіе поводы протестовать и сопротивляться.

Шекспиръ въ области поэзіи явился могучимъ исповѣдникомъ этихъ истинъ. Съ его сцены навсегда удалена машина, спускавшая того или другого олимпійца на театръ эллинскихъ трагиковъ. Въ первомъ актѣ новой драмы заключается зерно ея дальнѣйшаго развитія и зародышъ ея конца. Здѣсь судьба—естествен-

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1896 г.

ное развитіе природы героя, пришедшей въ столкновеніе съ природой другихъ людей, и колесо фортуны ничто иное, какъ вихрь нашихъ страстей, идей и стремленій.

Но надо быть геніальнымъ поэтомъ-психологомъ, чтобы раскрыть пути *внутренней драмы* и выставить на всеобщее зрѣлище затаенныя пружины человѣческой души, одинаково неотразимо двигающія и эпизодами, и развязкой. Надо также предварительно освободиться отъ густого тумана предразсудковъ, стихійнаго человѣческаго самолюбія и ослѣпленія, чтобы во всѣхъ даже самыхъ унизительныхъ и жалкихъ положеніяхъ распознать присутствіе личной вины и личной, хотя и не сознанной воли.

Самый яркій примѣръ дѣйствительной исторической драмы представляетъ несомнѣнно жизнь и гибель Наполеона. Его льстецы были правы, когда называли величайшей поэзіей безпримѣрно быстрое возрожденіе его звѣзды. Мы знаемъ, эта поэзія принадлежитъ къ самому реальному, даже натуральному направленію, звѣзда озаряла отнюдь не меньше, если не больше, тонко-разсчитанныхъ мелкихъ интригъ, чѣмъ героическихъ подвиговъ, и до конца озаряла бездну ничтожества, настоящее сонмище презрѣнныхъ раболѣпныхъ тварей рядомъ съ главнымъ героемъ.

Но не смотря на всю пестроту и часто отталкивающій видъ картины, въ ней дѣйствительно много, не поэзіи въ идеальномъ смыслѣ, а исключительно всемірно-историческаго, то, что старый поэтъ назвалъ бы «дыханіемъ судьбы». Мы до сихъ поръ имѣли въ виду выяснить менѣе всего таинственныя основы наполеоновскаго могущества и совершенно не возвышенное направленіе его славы. Мы дошли съ цезаремъ до вершины его неограниченной власти, когда всѣмъ его существомъ овладѣло одно неистребимое чувство самообожанія и предъ его затуманеннымъ взоромъ цѣлый міръ начиналъ исчезать съ реальными подробностями своей жизни и своими подлинными исконными силами.

На всемъ пространствѣ имперіи Наполеонъ видѣлъ только массы уже законченныхъ или будущихъ рабовъ, сплошное царство низкихъ инстинктовъ, вѣчно продажное и льстивое, падкое на деньги и на ласку сильнаго человѣка.

«Я купилъ столько же людей деньгами, сколько и побѣдилъ ихъ оружіемъ»,—имѣлъ бы право сказать Бонапартъ, оглядываясь на пройденный путь. И дальше не могло быть иначе. Были бы солдаты и золото, будутъ подданные и слуги: такова мораль великой бонапартовской эпопеи!

И если бы міръ вынесъ подобный принципъ господства надъ человѣчествомъ, онъ подписалъ бы смертный приговоръ своему

прогрессу. Бонапартизмъ, водворившійся на мѣсто сознательной мысли и личнаго достоинства, знаменовалъ бы конечное разложеніе нравственности и цивилизаціи.

Слѣдовательно, верховнымъ требованіемъ справедливости и міpового порядка неизбѣжно полагался предѣлъ наполеоновскому царству, источникъ смертельнаго недуга таился съ самаго начала въ натурѣ властителя и въ духѣ его власти.

Наполеонъ шелъ къ пропасти, увлекаемый будто стихійной силой все той же звѣздой деспотизма и порабощенія. И надъ полями славнѣйшихъ битвъ генерала Бонапарта, и надъ московскимъ пожаромъ, порвавшимъ первую нить наполеоновской славы, стояло все то же свѣтило, и шло оно однимъ и тѣмъ же неуклоннымъ путемъ. Только самому цезарю и ближайшимъ изумленнымъ свидѣтелямъ его драмы могло казаться, что въ жизнь его вмѣшалась какая-то новая роковая сила. раньше невѣдомая и далекая. Наполеонъ неоднократно, въ минуту колебаній своихъ окружающихъ, указывалъ на солнце, называя его своей звѣздой. Онъ долженъ бы до конца вести сравненіе: солнце на востокѣ, на меридіанѣ и на западѣ—одно и чрезъ всѣ эти пространства его влечетъ все одна и та же сила. Такъ и съ судьбой Наполеона. Въ ту самую минуту, когда онъ поднимался по тюльерійской лѣстницѣ въ консульскомъ мундирѣ, едва замѣчая шумѣвшую кругомъ толпу и будто прикованный глазами къ ослѣпительному призраку своего могущества и безгранично манящихъ наслажденій своего всепоглощающаго *я*,—въ эти минуты уже пробилъ часъ св. Елены...

Много человѣку требуется душевной мощи противостать житейскимъ неудачамъ и людскимъ обидамъ, но не меньше опасности и въ сплошномъ счастьѣ и непрестанномъ торжествѣ надъ другими. Древніе боялись слишкомъ постояннаго благополучія и неизмѣнныхъ успѣховъ: имъ грезилась зависть боговъ, готовая разразиться надъ баловнемъ фортуны. Они и здѣсь ждали кары извнѣ,—на самомъ дѣлѣ она заключена въ самомъ счастливцѣ, она коренится въ слабости человѣческой натуры, не выносящей головокружительнаго подъема на высоту, въ самообольщеніи человѣческаго разума, утрачивающаго ясность и самообладаніе среди побѣдъ, неожиданно быстрыхъ и простыхъ, надъ всѣми препятствіями.

Въ шекспировской драмѣ *Юлій Цезарь* есть нѣсколько сценъ, превосходно изображающихъ упадокъ человѣческаго духа въ моменты высшаго развитія внѣшней власти. Цезарь наканунѣ насильственной смерти, его со всѣхъ сторонъ предупреждаютъ объ угрожающей опасности, вѣщатель, авгуры, жена, друзья. Но онъ

загипнотизированъ вѣрой въ себя и въ свое счастье, у него одинъ отвѣтъ—всѣ «грезятъ»,—онъ одинъ мыслитъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, именно у цезаря грезы смѣнили способность отдавать отчетъ въ окружающихъ явленіяхъ и въ самыхъ размѣрахъ могущества хотя бы и великаго смертнаго.

...Я постояненъ,
Какъ сѣвера звѣзда, которой равной
По твердости и свойствамъ неизмѣннымъ
Нѣтъ нá небѣ. Тамъ много яркихъ звѣздъ,
И всѣ онѣ горятъ, сіяютъ, блещутъ,
Но неизмѣнна лишь одна изъ нихъ.
То жъ на землѣ: людей на ней довольно,
Но люди—плоть и кровь; они такъ слабы!
И между нихъ лишь одного я знаю,
Который недоступенъ, какъ твердыня,
Котораго ничто не поколеблетъ;
То—цезарь...

Это говорится въ сенатѣ, въ лицо заговорщикамъ, и Шекспиръ каждымъ словомъ своего героя предвосхитилъ рѣчи будущаго французскаго цезаря XIX-го вѣка. Римскій цезарь немедленно платится за свое ослѣпленіе и самообожаніе, не менѣе жестокая расплата постигнетъ и другого человѣка, вообразившаго себя внѣ общечеловѣческихъ законовъ. И извнѣ откроется лишь та сцена, на которой совершится казнь,—судъ и приговоръ будетъ произнесенъ самимъ преступникомъ надъ собой.

Въ первый годъ императорской власти Наполеонъ жаловался, что ему нечего дѣлать въ Европѣ, только Востокъ остается достойнымъ поприщемъ для его генія. И позже онъ безпрестанно толковалъ на ту же тему. Иногда только Азія замѣнялась Америкой и имперіи Магомета и Чингисъ-Хана заслонялись древними государствами Мексики и Перу. Наполеонъ во всей исторіи, кажется, не оставилъ безъ вниманія ни одно историческое преданіе о великомъ завоеваніи и въ особенности о всеподавляющей власти. Въ эти минуты онъ поднимался даже до поэзіи, *осіанизированъ*, по выраженію очевидца: недаромъ онъ любилъ читать произведеніе Макферсона [1]). Но походъ на Востокъ, двусмысленныя, хотя эффектныя подвижничества въ Египтѣ, не превратили его ни въ Александра, ни въ Чингисъ-Хана. За то въ Европѣ слѣдовалъ длинный рядъ блестящихъ побѣдъ, и завоеватель отъ Парижа до Берлина долженъ былъ съ каждымъ годомъ убѣждаться, что можно кое-что сдѣлать и въ Европѣ, и, при извѣстной отвагѣ, «узы цивилизаціи», въ сущности, не особенно «стѣснительны».

---

[1]) Pradt. *O. c.* p. 19—20.

Проходятъ семь лѣтъ. Подъ рукой Наполеона четыре вассальныхъ королевства, остальные государи унижены или даже развѣнчаны, германскій императоръ превращенъ просто въ австрійскаго, прусскій король и его супруга играютъ роль посмѣшищъ среди французскихъ солдатъ. Торжество, повидимому, полное. И оно увѣнчивается бракомъ съ принцессой крови, отпрыскомъ древней династіи Габсбурговъ.

Это едва ли не драгоцѣннѣйшій призъ въ глазахъ самого Наполеона. По крайней мѣрѣ, его нетерпѣніе вступить въ права супруга нарушаетъ всякій этикетъ, не только придворный, а самый обыкновенный, европейско-культурный. Ставъ мужемъ настоящей принцессы, онъ усердно показываетъ себя вмѣстѣ съ ней парижской публикѣ, ухаживаетъ за Маріей-Луизой, какъ никогда не ухаживалъ ни за одной женщиной, и безпрестанно толкуетъ о своемъ супружескомъ счастьѣ. Для полноты блаженства не достаетъ наслѣдника. Наконецъ, является и наслѣдникъ, «римскій король». Чего еще остается желать? Не только личная власть, даже династія утверждена.

Но Бонапартъ пересталъ бы быть самимъ собой, если бы успокоился на подобныхъ результатахъ. Чѣмъ больше рабовъ онъ видѣлъ кругомъ себя, тѣмъ сильнѣе разгоралась его жажда власти. И онъ съ своей точки зрѣнія могъ разсуждать совершенно логически.

Францiя отдалась ему въ полное распоряженіе съ необычайной готовностью, изъ ея народа онъ извлекъ для себя преданную армію, гренадеровъ-преторіянцевъ и фанатиковъ, готовыхъ при случаѣ разогнать какое угодно представительное собраніе и даже, въ случаѣ приказа, встряхнуть «добрый городъ Парижъ». А вѣдь Францiя искони слыветъ цивилизованнѣйшей страной въ Европѣ и притомъ самой воинственной. Ясно, всѣ другія должны послѣдовать ея примѣру. И большинство уже послѣдовало, но не всѣ: остались Англія и Россія.

Что̀ же это за соперницы? Англія—состоитъ изъ корыстныхъ, мелкихъ торгашей, Россія населена дикарями. Побѣда надъ той и другой не можетъ сто́ить особенныхъ усилій. И надо начать съ Россіи. Изъ нея черезъ Кавказъ можно напасть на Индію и подорвать самый источникъ англійскаго благосостоянія. А потомъ?

«Въ пять лѣтъ я буду владыкой міра. Остается Россія, но я ее раздавлю». Это говорилось въ концѣ 1811 года.

«Однимъ человѣкомъ меньше—и я повелитель вселенной». Этотъ одинъ человѣкъ—русскій императоръ.

Но куда же и какъ онъ исчезнетъ?

Очень просто. Стóитъ Наполеону появиться въ Россію, немедленно вспыхнетъ въ Петербургѣ революція—и царь погибнетъ.

Правда, весьма многое можно было возразить размечтавшемуся владыкѣ міра. И ему возражали, даже самые скромные и чинные придворные.

У Наполеона въ отвѣтъ оказывалась или «пикантная острота», или драматическія сцены, въ родѣ слѣдующей съ кардиналомъ, дядей императора.

Наполеонъ, выслушавъ его замѣчанія, открылъ окно и, показывая на небо, спросилъ:

— Вы видите эту звѣзду?

— Нѣтъ, государь!

— Смотрите лучше.

— Государь, я не вижу звѣзды.

— Ну, а я вижу... И очень ясно. Поэтому, отправляйтесь по своимъ собственнымъ дѣламъ и положитесь на тѣхъ, кто видитъ нѣсколько дальше, чѣмъ вы... [2]).

Но, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ видѣлъ очень далеко, постарался собрать свѣдѣнія о странѣ, куда готовился идти, снабдить армію всѣмъ необходимымъ для столь далекаго похода.

Ничего подобнаго не дѣлалъ, да и не могъ дѣлать Наполеонъ.

Прежде всего, онъ давно отвыкъ отъ знакомства съ подлинной дѣйствительностью и довольствовался личными фантазіями. Такъ было проще и гораздо пріятнѣе. Стóило лечь на софу, отдаться игрѣ воображенія, и все оказывалось яснымъ и необычайно простымъ.

Такъ Наполеонъ и поступалъ, по цѣлымъ днямъ пребывая въ *dolce far niente* и въ розовыхъ мечтахъ. Когда ему приходило на умъ подѣлиться ими съ кѣмъ-либо изъ придворныхъ,—случайный повѣренный слышалъ странныя и невразумительныя вещи. Сыпались безсвязныя фразы. Изъ нихъ нельзя было понять, что собственно заставляетъ Наполеона воевать съ Россіей! Нарушеніе континентальной системы? Но онъ самъ не соблюдалъ своей выдумки. Страхъ предъ русскимъ могуществомъ? Это было бы совершенно невѣроятно. Императоръ Александръ отнюдь не имѣлъ желанія воевать, и посолъ Наполеона въ Петербургѣ осмѣлился предъ лицомъ своего господина разбить всѣ его придирки и предлоги къ войнѣ.

Но даже и эти придирки Наполеонъ не могъ передавать въ

---

[2]) Duc de Vicence. I, 88.—*Mémorial*, I, 187.

ясной формѣ. Однажды его адъютантъ, выслушавъ его разсужденія, не могъ не воскликнуть, конечно, по уходѣ изъ императорскаго кабинета:

— Что за человѣкъ! И какія фантазіи! Гдѣ существуетъ горячешная рубаха для этого генія! Трудно повѣрить, будто находишься между сумасшедшимъ домомъ и Пантеономъ!

Наконецъ, императоръ просто запретилъ говорить о предстоящемъ разрывѣ съ Россіей и съ тѣхъ поръ окончательно отдался своимъ галлюцинаціямъ. Ему казалось, достаточно одной, двухъ битвъ, и онъ будетъ въ Москвѣ. Его ждутъ тамъ. Крѣпостные поднимутся противъ помѣщиковъ и правительства. Онъ, Наполеонъ, надѣлаетъ фальшивыхъ русскихъ бумажекъ и къ нему въ изобиліи потекутъ и люди, и провіантъ. Въ результатѣ — русскій царь будетъ на колѣняхъ просить мира [3]).

Изъ всѣхъ этихъ мечтаній осуществилось одно: Наполеонъ, дѣйствительно, пустилъ въ оборотъ русскія фальшивыя деньги...

Оставалось еще кое съ чѣмъ покончить, чтобы даже при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ провести зиму въ Москвѣ. Вѣдь, ни для кого не могло быть тайной, что русскій климатъ довольно суровъ, и можетъ причинить не мало безпокойствъ войскамъ.

Фактъ —самый существенный, и Наполеону, обладателю «необъятныхъ положительныхъ свѣдѣній»,—по выраженію современнаго историка, — слѣдовало бы знать его. Но подобный фактъ могъ разстроить игру фантазій и потому былъ удаленъ съ горизонта. Наполеонъ остался при убѣжденіи, что холода въ Москвѣ не могутъ начаться раньше ноября [4]).

Такимъ путемъ были порѣшены всѣ безпокойные вопросы. Витая въ области невѣроятныхъ иллюзій, Наполеонъ въ одномъ отношеніи оставался на твердой исконно-бонапартовской почвѣ. Мы знаемъ двойную игру генерала Бонапарта съ итальянскими городами, республиканскія декламаціи и завѣренія на счетъ свободы по адресу туземцевъ и презрительныя насмѣшки въ донесеніяхъ парижскому правительству.

Теперь подобную же политику ведетъ императоръ Наполеонъ съ поляками. Онъ пользуется ихъ патріотической жаждой возстановить королевство и рекомендуетъ своему послу въ Варшавѣ довести ихъ «до восторга, но не до безумія». Это значило: онъ разсчитывалъ «вести войну польской кровью», дать полякамъ денегъ

---

[3]) Pradt. 57. Chateaubriand III, 254.

[4]) Staël. XIII, 264.

за ихъ восторгъ, но рѣшительно воспротивиться ихъ политической свободѣ. И Наполеонъ не скрывалъ этихъ плановъ отъ своихъ министровъ, при случаѣ не отступалъ и предъ рѣзкими отповѣдями слишкомъ горячимъ польскимъ патріотамъ.

Здѣсь, слѣдовательно, онъ дѣйствовалъ по опредѣленному плану, вытекавшему изъ самой его натуры.

Все остальное представляло фантастическую сказку. Началась она блистательно и должна была окончательно погасить и безъ того еле мерцавшій здравый смыслъ полководца.

Девятаго мая 1812 года Наполеонъ оставилъ Парижъ. Путешествіе носило характеръ увеселительной прогулки. Никакихъ приготовленій и хлопотъ, неразлучныхъ со всякимъ военнымъ походомъ, здѣсь не было. Арміи предстояло совершать путешествіе по примѣру первобытныхъ кочевниковъ, т. е. кормиться грабежомъ и мародерствомъ. Магазиновъ, подвижныхъ складовъ провіанта геній Наполеона не признавалъ. Онъ, вѣдь, шелъ въ страну, гдѣ его ждали, какъ спасителя.

Въ Дрезденѣ Наполеонъ остановился и созвалъ подвластныхъ и союзныхъ государей. Это была цѣлая поэма—пребываніе французскаго императора въ саксонской столицѣ. Праздники, аудіенціи, свита изъ монарховъ, безудержный разгулъ всевозможныхъ надеждъ и плановъ,—все, казалось, соединилось ради прощальнаго момента наполеоновской славы. Но лесть обвивала завоевателя непроницаемымъ облакомъ и скрывала предъ нимъ грозную пропасть [5]). Захвативъ обозъ съ любимымъ виномъ, Наполеонъ вступилъ въ предѣлы России во главѣ 550.000 солдатъ; французовъ было болѣе половины, остальные набраны изъ всѣхъ народовъ европейскаго континента. Со времени тринадцатаго вѣка Россія и Европа не видѣли такого грандіознаго военнаго предпріятія. Правда, въ арміи было очень много воиновъ-мальчиковъ, перехваченныхъ дезертировъ, вообще, она не напоминала былыхъ республиканскихъ войскъ итальянскаго или египетскаго похода. Но за то количество ея производило подавляющее впечатлѣніе и ни одинъ изъ союзниковъ Наполеона не сомнѣвался въ гибели Россіи.

Разочарованія начались немедленно. Оказалось, русскія войска избѣгали сраженія и не давали Наполеону возможности покончить войну въ нѣсколько ударовъ. Барклай-де-Толли отступалъ, вызывая негодованіе русскихъ. Но на самомъ дѣлѣ такой образъ дѣйствій свидѣтельствовалъ о блестящемъ планѣ главнокомандующаго и съ каждымъ шагомъ влекъ непріятеля къ катастрофѣ.

---

[5]) *Napoleon in Dresden.* Herausgegeben von F. v. D. Dresden. 1813.

Наполеонъ, въ сущности, никогда не велъ войны, онъ только стремительно нападалъ и завязывалъ сраженія. Весь его военный геній ограничивался искусствомъ выиграть битву. Здѣсь Наполеонъ не имѣлъ себѣ равнаго. Но едва лишь приходилось вести борьбу въ теченіи долгаго времени, наполеоновскій талантъ оказывался безсильнымъ. Это доказала уже исторія съ Испаніей. Наполеонъ никакъ не могъ привести къ порядку націю, избѣгавшую рѣшительныхъ сраженій, и испанскія неудачи были предзнаменованіемъ трагическаго исхода русской войны.

Армія Барклая отступала—спокойная и невредимая, а непріятельская, лишенная правильнаго продовольствія, неминуемо превращалась въ громадную шайку мародеровъ. Солдаты забирали у населенія, конечно, не только съѣстные припасы, но и вещи, и все это несли въ лагерь. Въ результатѣ войско цивилизованныхъ народовъ принимало видъ орды, дикаго скопища переселенцевъ, и количество добычи отражалось на быстротѣ передвиженія. Одновременно падала дисциплина — неизбѣжное слѣдствіе грабежей и безпорядочныхъ случайныхъ поисковъ за пропитаніемъ. Наконецъ, все должно было окончиться страшнѣйшей язвой всякой арміи, а тѣмъ болѣе подобной,—дезертирствомъ. Грабежъ не всегда могъ удаваться, приходилось голодать, или искать продовольствія на большихъ разстояніяхъ, — въ результатѣ уже въ Вильнѣ числилось до 50.000 дезертировъ.

Очевидно, не требовалось ни битвъ, ни морозовъ, чтобы «великая армія» сначала превратилась въ полчища, а потомъ въ становище бродягъ и мародеровъ. Только численность поддержала ея существованіе до Москвы. Въ меньшемъ количествѣ она растаяла бы еще въ теченія лѣта, Наполеону осталась бы развѣ только гвардія, которую охраняли и продовольствовали съ особенной заботливостью.

Подъ Краснымъ у Наполеона было уже только двѣ трети первоначальнаго числа, и онъ не переставалъ жесточайшею бранью поносить русскаго главнокомандующаго. Брань выражала невольное чувство отчаянія и показывала, какимъ героемъ окажется Наполеонъ въ минуты испытаній. Къ несчастью, этотъ героизмъ начинали понимать въ самой арміи. Генералы смѣялись надъ негодованіемъ императора противъ Барклая, а солдаты не пожелали отпраздновать день 15-го августа, рожденіе цезаря.

А Наполеонъ будто ничего этого не замѣчалъ или не хотѣлъ придавать ни малѣйшаго значенія. Съ обычнымъ вниманіемъ онъ прочитывалъ ежедневно донесенія своей многобразной парижской и провинціальной полиціи, разнообразилъ это чтеніе исторіей

Карла XII, своего предшественника по нашествію на Россію, по временамъ впадалъ въ какое то оцѣпененіе, утрачивая всякій интересъ къ внѣшней дѣйствительности. А въ это время генералы должны были, вмѣсто корпіи, употреблять паклю отъ пушекъ, госпиталей не было, больные оставались безъ помощи.

Иногда казалось, Наполеонъ будто безсознательно слѣдуетъ за своей арміей. Онъ-было оживился въ виду большого сраженія при Бородинѣ, но въ самой битвѣ не принималъ никакого участія. Все его вниманіе сосредоточилось на гвардіи: ея онъ не

хотѣлъ пускать въ огонь, не смотря на требованія маршаловъ, самъ оставался такъ далеко отъ сраженія, что не могъ слѣдить за его ходомъ, поминутно садился, вставалъ, прогуливался съ видомъ полнаго безстрастія. Его безпрестанно извѣщали о громадныхъ потеряхъ, о гибели того или другого генерала; онъ дѣлалъ жестъ покорности судьбѣ, и снова погружался въ полусонное состояніе.

Маршаловъ до глубины души возмущало такое поведеніе.

— Что̀ онъ дѣлаетъ тамъ позади арміи?—кричалъ Ней. — Онъ

оттуда не можетъ знать ни о пораженіяхъ, ни объ удачахъ. Разъ онъ не хочетъ лично воевать, разъ онъ больше не генералъ и всюду хочетъ разыгрывать императора,—пусть вернется въ Тюльери и оставитъ насъ однихъ.

Мюратъ сознавался, что въ день Бородинской битвы онъ «не узнавалъ генія Наполеона». Принцъ Евгеній, пасынокъ Наполеона, заявлялъ, что онъ «совершенно не понималъ нерѣшительности своего вотчима».

Ходъ сраженія изображали крайне невыгодно для чести вождя. Оно совершилось такъ, будто французы находились еще въ дѣтскомъ, первобытномъ періодѣ военнаго искусства. Выигранное еще утромъ на одномъ флангѣ,—его приходилось послѣдовательно вести по всему фронту, безъ всякаго единства и высшаго руководства. Побѣда была очень сомнительна, но и та принадлежала исключительно солдатамъ, а не вождямъ, и ужъ, конечно, не императору [6]).

Вся его распорядительность ограничилась фразистымъ, по обыкновенію, обращеніемъ къ солдатамъ передъ сраженіемъ. Въ приказѣ по войскамъ перечислялись одержанныя раньше побѣды и рѣчь заключалась драматическимъ восклицаніемъ: «Пусть самое отдаленное потомство съ гордостью станетъ вспоминать о вашемъ поведеніи въ этотъ день и будетъ говорить о васъ: «онъ былъ въ этой великой битвѣ подъ стѣнами Москвы! Это—храбрецъ!»

Утромъ, указывая на востокъ, Наполеонъ воскликнулъ:

— Вотъ солнце Аустерлица!

Но день не былъ днемъ Аустерлица. Маршалы справедливо упрекали Наполеона за изумительную непослѣдовательность. Онъ бросилъ въ битву истомленную и истощенную армію, а самъ отошелъ въ сторону, все предоставивъ на волю судьбы и на усмотрѣніе каждаго генерала отдѣльно. Правда, говорили о лихорадкѣ, о физическомъ недомоганіи императора. Но оно не могло до такой степени оторвать полководца отъ арміи въ рѣшительнѣйшій моментъ, когда она, по словамъ самого Наполеона, «открывала ворота въ Москву», и маршалы не стали бы негодовать на больного и физически разбитаго человѣка. Причина другая. Она обнаружилась на Бородинскомъ полѣ еще не вполнѣ. У Наполеона осталась способность къ реторическимъ фразамъ. Скоро и фразы исчезнутъ. Герой станетъ погружаться въ пучину того самаго маразма, въ какомъ цѣпенѣла Франція подъ его рукой.

И все объяснялось однимъ фактомъ. На избалованнаго удач-

---

6) Ségur, *Hist. de Nap. et de la grande armée.* Leipz. 1843, 256.

ника повѣялъ суровый вѣтеръ перваго обмана въ иллюзіяхъ и ожиданіяхъ. Счастье начало отворачиваться отъ своего любимца, точнѣе—Наполеонъ пожиналъ плоды своего ослѣпленія, изъ моря галлюцинацій спускался въ область дѣйствительности, и невольно, неотразимо чувствовалъ себя растерявнымъ, захваченнымъ врасплохъ. До сихъ поръ онъ прекрасно справлялся съ своею ролью при помощи полицейскихъ свѣдѣній, коммерческой бухгалтеріи, казарменныхъ распорядковъ. Онъ жилъ и управлялъ день за день. У него и признака не было дѣйствительнаго государственнаго таланта—*предвидѣнія*, способности съ каждымъ фактомъ связывать извѣстныя нравственныя, психологическія и политическія слѣдствія. Онъ всецѣло былъ прикованъ къ тому или другому отдѣльному ходу своей административной или военной игры. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ дѣйствительныхъ причинахъ своего быстраго возвышенія; все приписалъ своему генію, своей звѣздѣ; не понималъ сущности своего растлѣвающаго вліянія на своихъ слугъ, купленныхъ золотомъ и почестями: все объяснялъ тѣмъ же геніемъ и исконными рабскими инстинктами человѣчества.

Въ результатѣ—одинъ сюрпризъ за другимъ, вплоть до заключительной катастрофы. Наполеонъ не пойметъ, какъ французская нація окажется способной отнестись безучастно къ его участи. Наполеонъ еще больше будетъ пораженъ измѣнами маршаловъ и генераловъ, имъ облагодѣтельствованныхъ... Всюду предъ нами человѣкъ съ широко раскрытыми изумленными глазами, будто только-что разбуженный отъ глубокаго сна, или человѣкъ въ нервномъ отчаяніи, въ слезахъ малодушія, въ состояніи полной безпомощности... Трудно представить еще другой столь же яркій примѣръ логически послѣдовательной расплаты отдѣльной личности за всѣ изъяны своей нравственной натуры и за слѣпоту своей политической мысли.

И посмотрите, сколько еще *не предвидѣлъ* Наполеонъ даже послѣ отступленія русскихъ, послѣ единодушной ненависти всего русскаго народа къ завоевателю, послѣ пожара Смоленска! Очевидно, въ этой странѣ нечего было ждать встрѣчъ и привѣтствій. Разстилалась кругомъ необозримая пустыня, жилища пустѣли и крѣпостные мужики бѣжали вмѣстѣ съ своими господами... Столько предупрежденій, и ни одно не могло разрушить очарованныхъ воздушныхъ замковъ «великаго человѣка»!

Оправляясь отъ душевнаго упадка, Наполеонъ принимался восклицать: «Москва! Священная Москва! Тамъ—миръ!» Это означало: онъ вступитъ въ Москву, императоръ Александръ испугается, русскій народъ будетъ подавленъ, и война окончится къ

удовольствію французовъ... Но почему же въ Москвѣ должно произойти нѣчто совершенно другое, чѣмъ во всѣхъ другихъ городахъ Россіи? Почему именно москвичи выйдутъ къ иноплеменному врагу съ хлѣбомъ-солью въ то время, какъ смольяне [7]) покидали и жгли свой городъ? Почему послѣ взятія Москвы русскіе вдругъ укротятся, послѣ того какъ на каждомъ шагу и, между прочимъ, въ Смоленскѣ, Наполеонъ лично могъ убѣдиться въ непримиримой фанатической злобѣ простого народа противъ его арміи?

Подобные вопросы не существовали для Наполеона, и ему снова пришлось впасть въ столбнякъ при извѣстіи, что Москва оставлена, изливаться въ воп.тяхъ негодованія и отчаянія, когда Москва загорѣлась и, наконецъ, прибѣгнуть къ невѣроятному средству—жаловаться императору Александру на поджогъ Москвы Ростопчинымъ и просить мира. Отвѣта, конечно, не послѣдовало. Но его ждетъ Наполеонъ во что бы то ни стало, ждетъ, читая романы, занимаясь критикой французскихъ стиховъ, слушая итальянскаго пѣвца, составляя уставъ для парижскаго театра. Изъ Петербурга—ни слова, тогда сыплются угрозы пойти на Петербургъ, въ три мѣсяца овладѣть двумя столицами имперіи. Ни одинъ маршалъ не можетъ сочувствовать этому плану, тогда отчаянный вопль: «Я хочу мира! Мнѣ нуженъ миръ! Я его хочу безусловно, спасите только честь!» [8]).

И посолъ ѣхалъ въ русскій лагерь; но кто же сталъ бы выпутывать хищнаго звѣря изъ сѣтей, которыя притомъ самъ же звѣрь разставилъ себѣ?

И день идетъ за днемъ. Наступаетъ октябрь, выпадаетъ первый снѣгъ. Тогда только, послѣ пятинедѣльнаго сидѣнія въ Москвѣ, Наполеонъ рѣшаетъ выступить, отдавъ приказъ взорвать Кремль. Армія въ конецъ разстроена, у нея нѣтъ хлѣба, хотя много награбленной добычи, нѣтъ одежды, нѣтъ лошадей, а впереди русская зима, и полководецъ будто нарочно дожидался холодовъ, чтобы отдать на жертву имъ своихъ солдатъ ..

По истинѣ безпримѣрное явленіе во всей исторіи человѣчества и оно всею тяжестью падаетъ не на судьбу, не на фатальное стеченіе обстоятельствъ, о чемъ до самой смерти твердилъ Наполеонъ, а на его личное неразуміе, его мелкую душу, разбившуюся при первомъ же столкновеніи съ неожиданно-неблагопріятнымъ оборотомъ дѣла. И самый этотъ оборотъ—только результатъ заблужденій и безсилія Наполеона, какъ полководца, не генерала

---

7) *Ib.* 180.

8) *Ib.* 284—6.

*

«быстроты и натиска», а именно вождя, не азартнаго игрока, искуснаго въ стремительныхъ вдохновенныхъ комбинаціяхъ, а всесторонняго глубокаго военнаго генія, неизмѣнно-разумнаго и сознательнаго.

Исторія наполеоновскаго отступленія—сплошная драма, ея нельзя читать безъ содроганія. Но императоръ знаетъ лишь одно средство противъ бѣдствій—не знать и не слышать о нихъ.

Ему доносятъ о потеряхъ арміи, объ ея лишеніяхъ,—онъ отвѣчаетъ:

— Я не спрашиваю у васъ всѣхъ этихъ подробностей!

Если ему хотятъ непремѣнно внушить больше сочувствія къ страданіямъ его подданныхъ, онъ жалобно возражаетъ:

— Зачѣмъ вы хотите отнять у меня спокойствіе? [9])

И чтобы окончательно спасти это спокойствіе, Наполеонъ рѣшается покинуть окончательно остатки своихъ войскъ. Но какъ покинуть!

Въ арміи его авторитетъ упалъ совершенно. Мюратъ открыто заявлялъ своимъ офицерамъ, что нѣтъ больше возможности «служить безумцу» и что его «дѣло окончательно проиграно». А въ Парижѣ распространилась вѣсть о смерти императора, и одного слуха было достаточно, чтобы составился заговоръ, успѣлъ развиться, захватить даже генераловъ и офицеровъ. Правда, результата онъ не имѣлъ, но Наполеона страшно поразило одно обстоятельство: никто не вспомнилъ о Наполеонѣ II, т. е. императорская династія будто и не существовала. Погибни Наполеонъ на самомъ дѣлѣ, заговоръ навѣрное окончился бы въ пользу роялистовъ [10]).

Новое предупрежденіе, краснорѣчиво указывавшее на нравственную безпочвенность наполеоновской власти въ странѣ. Кругомъ императора, очевидно, начинала открываться пустота при первомъ же поводѣ и эта пустота неминуемо грозила поглотить его. Инстинктивно опасность понималъ самъ Наполеонъ.

Онъ съ поразительной быстротой направился во Францію. Въ Вильнѣ были магазины съ хлѣбомъ и мясомъ, онъ миновалъ городъ, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій. Онъ боялся распространить слухъ о гибели своей арміи и подорвать свой престижъ. Трудно представить, съ какимъ изумленіемъ были встрѣчены въ Вильнѣ оборванныя калѣки, жалкіе обломки еще недавно грознаго сооруженія! Солдаты не могли отдохнуть и утолить голодъ, ихъ

---

[9]) *Ib.* 432.

[10]) Duc de Vicence I, 83, 91, 221. *Mémorial.* I, 441. Merlet. *O. c.* 64.

не пускали въ дома, отказывали въ провіантѣ, на нихъ обыватели вымещали обманъ ихъ повелителя и свое заблужденіе. Такъ Наполеонъ за свой эгоизмъ расплачивался послѣдней кровью загубленной имъ арміи...

Предъ отъѣздомъ въ Парижъ онъ издалъ послѣдній бюллетень, объявлялъ Франціи о полномъ разстройствѣ арміи, но особенно подчеркивались слѣдующія обстоятельства: императоръ совершалъ путь, окруженный гвардіей, его сопровождалъ придворный штабъ, «священный эскадронъ не терялъ изъ виду императора во всѣхъ его движеніяхъ» и въ заключеніе: «Здоровье его величества никогда не было въ лучшемъ состояніи».

Очевидно, Франція, только что утратившая триста тысячъ своихъ дѣтей, должна была утѣшиться благоденствіемъ своего властителя, безпощаднаго въ своихъ требованіяхъ и неизлѣчимаго въ иллюзіяхъ.

Сначала Наполеонъ даже не вѣрилъ, что разгромъ «великой арміи» можетъ поднять всю Европу противъ него. Правда, его предупреждали на этотъ счетъ еще до похода въ Россію, но что̀ значили для подобнаго олимпійца даже факты, не только предупрежденія? Теперь до него доходятъ слухи, что Пруссія возстала. Это—пустяки: она, по мнѣнію Наполеона, не можетъ выставить больше семидесяти пяти тысячъ, а у него въ то же время будетъ восемьсотъ. Въ дѣйствительности оказалось, Пруссія, охваченная чувствомъ патріотизма и національнаго негодованія противъ иноземнаго поработителя, въ два мѣсяца создала армію въ сто тридцать тысячъ, и немного спустя присоединились сто двадцать тысячъ ополченія. А Наполеонъ едва могъ собрать триста тысячъ, и можно представить себѣ составъ этого войска, послѣ того, какъ уже въ великой арміи французовъ было наполовину неузаконеннаго возраста! Развязка была извѣстна заранѣе, но чего никто не могъ ожидать, это — совершенно исключительнаго впечатлѣнія разгрома на самого вождя.

Онъ прежде всего немедленно оказался одинокимъ, лишь только путь къ его паденію обозначился. Маршалы одинъ за другимъ стали отказывать въ повиновеніи, и Наполеону нерѣдко приходится открыто жаловаться на единодушное непослушаніе подчиненныхъ. Въ одно мгновеніе обнаружилось, что никакія общечеловѣческія связи не соединяли императора съ его ближайшими сотрудниками, никто лично не могъ тронуться его участью и каждый стремился выбраться на берегъ независимо отъ благодѣтеля и даже цѣной его униженій.

Наполеонъ сознательно покупалъ услуги людей, безусловно не-

годныхъ въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ,—въ родѣ Талейрана, любилъ играть военной доблестью завѣдомыхъ глупцовъ, въ родѣ Мюрата, и былъ убѣжденъ, что оба они—въ сущности, люди совершенно различные, даже противоположные по уму и талантамъ,—держатся только за его фортуну. То же самое и Фуше—главнѣйшій проводникъ наполеоновскаго деспотизма въ обществѣ и въ печати. Наполеонъ зналъ психологію всѣхъ этихъ героевъ, ему небезъизвѣстны были даже интриги Талейрана съ врагами имперіи еще во время ея процвѣтанія,—понималъ онъ и его цинически-оппортюнистскій принципъ: «Никогда не слѣдуетъ возмущаться противъ обстоятельствъ, это совершенно ни къ чему не ведетъ»,—и все-таки держалъ при себѣ завѣдомое олицетвореніе всякой низости. А Фуше былъ двойникомъ Талейрана: «Фуше—Талейранъ клубовъ, Талейранъ—Фуше салоновъ», выражался Наполеонъ, и преспокойно опиралъ на нихъ свою систему, считая прочнѣйшими основами человѣческихъ дѣлъ — безпринципность и продажность.

Наконецъ, еще спеціально бонапартовская черта политики—все сосредоточивать въ своихъ, властительныхъ рукахъ и другихъ превращать въ слѣпыхъ автоматическихъ исполнителей—должна была повлечь колебанія всей системы, лишь только пошатнулась вершина. Даже люди съ лучшими намѣреніями и еще въ самомъ началѣ драмы не знали, за что взяться, какъ поддержать шатавшееся зданіе [11]). И роковой неразрывной цѣпью, за жестокими уроками дѣйствительности шла душевная смута господина и безпомощность или измѣна его слугъ.

Въ результатѣ подъ Лейпцигомъ, т. е. наканунѣ рѣшительнаго момента въ судьбѣ имперіи, Мюратъ прямо изъ палатки Наполеона отправился въ австрійскій лагерь вести переговоры на счетъ своей неаполитанской короны. Его жена — Каролина, сестра Наполеона, дѣятельно участвовала въ измѣнѣ и переговорахъ [12]). А Талейранъ и Фуше явились сильнѣйшими поборниками реставраціи.

То же самое и другіе маршалы и министры, нѣкоторые изъ нихъ даже ухитрятся измѣнить по нѣскольку разъ — во время перваго и второго низверженія Наполеона съ престола, напримѣръ, маршалъ Сультъ. Найдутся мстители, которые не удовлетворятся измѣной, станутъ въ лицо поносить своего господина, напримѣръ, Ней и въ особенности Ожеро. И всѣ они первые будутъ настаи-

---

[11]) Ségur, 298.
[12]) Lévy. 334—5.

вать на отреченіи въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ. «У этихъ людей нѣтъ ни сердца, ни души», воскликнетъ Наполеонъ, «зрѣлище — позорное для человѣчества», прибавятъ впослѣдствіи его поклонники [13]),—но много ли зрѣлищъ, почетныхъ для человѣчества, представило міру пятнадцатилѣтнее господство Наполеона надъ Франціей?

И даже въ минуты испытаній у Наполеона не найдется достаточно нравственныхъ силъ--сохранить хотя бы тѣнь личнаго человѣческаго достоинства. Людовикъ XVI и даже многіе аристократы старой монархіи, взведенные революціей на гильотину, кажутся недосягаемыми образцами героизма сравнительно съ «наслѣдникомъ Карла Великаго». Тамъ, у короля по крайней мѣрѣ,—благородное самоотреченіе и мужественное сознаніе своей незаслуженной гибели—до послѣдней минуты, здѣсь—затравленный хищный звѣрь, жалкій, слезливый, дрожащій отъ страха сойти съ ума. Мы можемъ сколько угодно презирать политическую бездарность и нравственную слабость Людовика на тронѣ, такъ же какъ можетъ найтись не мало восторженныхъ поклонниковъ наполеоновскихъ военныхъ побѣдъ, но ни то, ни другое не можетъ затмить истиннаго достоинства короля въ несчастіи и постыднаго малодушія цезаря въ паденіи.

И кто бы могъ ожидать, что этотъ самый цезарь, столь глубоко презиравшій женщинъ, все свое спасеніе возложитъ на свою супругу! Какъ онъ могъ не узнать доблестей Маріи-Луизы—безличнѣйшей женщины во всей Франціи и ожидать отъ нея подвиговъ «великой Маріи-Терезіи»? Да, именно такъ говорилъ Наполеонъ, и приводилъ въ изумленіе даже Бертье, а Коленкуръ прямо заявлялъ: «Марія-Луиза—болѣе чѣмъ бездарна, она ниже своего положенія» [14]). И это она доказала съ необыкновеннымъ эффектомъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ измѣнивъ мужу ради австрійскаго графа и потомъ переходя изъ рукъ въ руки, вплоть до французскаго литератора и пѣвца - авантюриста. Именно на ея могилѣ однимъ парижскимъ острякомъ вполнѣ логически было предложено сдѣлать эпитафію: «Она начала съ развѣнчаннаго императора и кончила освистаннымъ теноромъ» [15]).

Марія-Луиза, конечно, не спасла имперіи, Лейпцигъ нанесъ по-

---

[13]) Lévy. 632.

[14]) Duc de Vicence. I, 156—7.

[15]) Арсэнъ Гуссэ. Излож. его мемуаровъ—*Ист. В.* XXXVII—XXXVIII; ср. XXXVII, 653. Lévy, 230. Young, III, 345. Характеристика отношеній Наполеона къ Маріи - Луизѣ и исторія его брака съ ней — подробно въ запискахъ камердинера Констана. *Mémoires*. Paris 1830, IV.

слѣдній ударъ власти Наполеона, маршалы—измѣнили, повергли его въ безумное отчаяніе, и въ Фонтэнбло происходитъ потрясающая сцена, вскрывающая всю нищету души падшаго императора. Онъ тщетно искалъ смерти на полѣ битвы [16]), теперь рѣшилъ отравиться. Доза яда оказалась не достаточно сильной, больной не выдержалъ боли и застоналъ, сбѣжалась прислуга, докторъ, Коленкуръ, дали противоядіе, и Наполеонъ былъ спасенъ. И какія рѣчи повелъ онъ, стеная и плача!

Жалобы на «людскую низость», ужасъ предъ картиной безумія, какую онъ видѣлъ когда-то въ сумасшедшемъ домѣ [17])... Все, что угодно, только не недавній грозный повелитель милліоновъ, скорѣе знакомый намъ генералъ Вандемьера, падавшій въ обморокъ отъ криковъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

И это не случайный нервный припадокъ, это *натура* отважнаго солдата, но отнюдь не возвышеннаго человѣка, воодушевленнаго и вооруженнаго идеальнымъ принципомъ противъ превратностей судьбы. Это—мораль дикаря, первобытнаго искателя приключеній или азартнаго игрока, а не политическаго дѣятеля, даже не доблестнаго культурнаго полководца. «Моя звѣзда», «счастливая рука», «желѣзная голова»—такого сорта философія исключаетъ сознательную, неизмѣнно ясную дѣятельность широкой общественной и государственной мысли, а въ личной жизни ведетъ къ двумъ крайностямъ—къ головокружительному риску и къ мгновенному душевному упадку. Это наше «панъ» или «пропалъ», средины нѣтъ, потому что весь вопросъ въ «звѣздѣ», т. е. счастьѣ, какъ его понимаетъ ограниченный умъ, а не въ твердой, направляющей разумной волѣ человѣка.

И совершенно естественно, такіе герои—боги и деспоты при благопріятствующихъ обстоятельствахъ, рабы и трусы въ бѣдѣ. Истинное величіе есть величіе несчастья, истинно-человѣческая побѣда—торжество надъ внѣшними униженіями; у Наполеона не оказалось ничего подобнаго.

Послѣ исторіи съ отравой онъ отрекся отъ престола, принялъ предложенное ему владѣніе о-ва Эльбы и, въ сопровожденіи коммиссаровъ союзныхъ державъ, отправился въ свою новую имперію. Титулъ *императора* ему сохранили, только не французскаго; онъ прибавилъ къ нему потомъ «государь о-ва Эльбы». Императоръ простился съ своей старой гвардіей, обѣщалъ ей описывать въ изгнаніи ихъ совмѣстные подвиги и оставилъ Парижъ съ конвоемъ

---

[16]) Duc de Vicence. I, 348—350. Другіе опровергаютъ это извѣстіе. *Nouvelle rélation de l'itinéraire de Nap.* 13.

[17]) *Ib.* 84—93.

изъ той же гвардіи. Населеніе, въ виду такой военной силы, сначала привѣтствовало изгнанника, но лишь только французскія войска удалились,—отъ иностраннаго конвоя Наполеонъ гордо отказался, немедленно, уже за Ліономъ, начались оскорбленія. Первое нанесъ маршалъ Ожеро. Онъ только-что издалъ къ своимъ солдатамъ прокламацію о Наполеонѣ-тиранѣ и трусѣ, не съумѣвшемъ умереть смертью солдата. Теперь онъ лично, съ явнымъ презрѣніемъ встрѣтилъ Наполеона, не отдалъ ему чести, осыпалъ упреками въ ненасытномъ честолюбіи, говорилъ ему на *ты* и, въ отвѣтъ на прощальныя объятія бывшаго господина, отвѣтилъ пренебрежительнымъ жестомъ. А потомъ слѣдовали сцены, едва поддающіяся описанію.

Въ деревнѣ, гдѣ мѣняли лошадей, встрѣчались висѣлицы съ повѣшенными на нихъ манекенами, и надпись, на залитой кровью груди, гласила: такова рано или поздно будетъ участь тирана.

Карету осаждали мужчины и женщины, особенно послѣднія съ неукротимымъ ожесточеніемъ требовали у коммиссаровъ отдать имъ «парижскаго людоѣда». Наполеонъ прятался за своихъ спутниковъ, блѣдный, разсѣянный и безмолвный. Русскій коммиссаръ усиливался успокоить народъ, взывалъ къ его чувству сострадания: «Предоставьте его самому себѣ», говорилъ графъ Шуваловъ, «взгляните на него, вы видите, презрѣніе—единственное оружіе, какое вы можете употребить противъ этого человѣка, который пересталъ быть опаснымъ. Было бы недостойно французской націи мстить ему инымъ способомъ».

Народъ повиновался. Но изгнанникъ рѣшилъ прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ, сначала онъ переодѣлся курьеромъ и поѣхалъ верхомъ впереди кареты, на свое мѣсто посадивъ русскаго офицера, потомъ составилъ себѣ нарядъ изъ платья всѣхъ коммиссаровъ, у одного взялъ мундиръ, у другого фуражку, у третьяго плащъ, просилъ своего сосѣда въ каретѣ пѣть или свистать, кучера—курить: все это, по его соображеніямъ, должно было обезпечить его безопасность [18]).

Во время остановокъ онъ отказывался отъ пищи, боясь отравы, приставалъ къ спутникамъ съ просьбами отыскать дверь или окно, куда бы онъ могъ убѣжать въ случаѣ тревоги, дрожалъ при малѣйшемъ шумѣ, говорилъ нервными, безпорядочными фразами, опустилъ голову на руки и плакалъ горькими слезами. Мало этого. Онъ долженъ былъ сочувственно выслушивать проклятія хозяекъ

---

[18]) Всѣ эти подробности въ *Itinéraire*—прусскаго коммиссара и *Suite de l'itinéraire*, написанномъ по разсказу генерала Коллера, австрійскаго коммиссара. Ср. Chateaubriand. III, 374 etc.

деревенскихъ гостинницъ, не узнававшихъ императора и ему лично выражавшихъ надежду услышать вскорѣ о гибели Бонапарта. «Его утопятъ? не правда ли?» — «Надѣюсь», отвѣчалъ Наполеонъ [19])...

Съ такимъ мужествомъ боролся Наполеонъ за свою жизнь! Но картина немедленно перемѣнилась, лишь только онъ прибылъ въ свои владѣнія. Немедленно возродился императоръ, правда, скорѣе театральный, бутафорскій, чѣмъ настоящій, но, во всякомъ случаѣ, «государь». Наполеонъ остановился въ зданіи городской думы своей новой столицы, одну изъ комнатъ разукрасили золотой бумагой, кусками старой, но красной матеріи, нàскоро устроили тронъ съ такимъ же убранствомъ, и началась оживленная и пестрая пародія на минувшій императорскій блескъ и строжайшій этикетъ.

Воскресли камергеры, званые вечера, балы, маскарады. Явились придворныя дамы изъ мѣстныхъ портнихъ и буржуазокъ, угощенія цѣной въ тысячу франковъ, образовались министерства и государственный совѣтъ, армія, приблизительно, въ полторы тысячи солдатъ, но раздѣленная на разныя «войска», даже флотъ соотвѣтствующаго состава и силы, съ экипажемъ въ 129 человѣкъ. Дождемъ посыпались административныя реформы; конечно, преимущественно въ области пословъ и полиціи. Дѣятельность развилась лихорадочная, и такъ какъ въ результатѣ все-таки она походила на верченье бѣлки въ колесѣ, то императоръ постарался, по крайней мѣрѣ, надѣлать нѣсколько клѣтокъ-резиденцій и безпрестанно переѣзжать изъ одного «дворца» въ другой. Очевидно, не мало было еще энергіи у этого человѣка и совершенно напрасно онъ увѣрялъ, что займется на Эльбѣ составленіемъ *Мемуаровъ*, забудетъ всѣ интересы внѣ своего «острова покоя», и напрасно на потолкѣ дворцовой столовой читался новый девизъ: *Napoleo ubicunque felix—Наполеонъ счастливъ вездѣ*. Въ ближайшемъ будущемъ предстояло еще одно приключеніе, послѣднее, но за то едва ли не самое романтическое.

VII.

«Генералъ Бонапартъ».

Наполеонъ, «государь Эльбы», менѣе всего могъ чувствовать себя счастливымъ, прежде всего, по многимъ личнымъ и внѣшнимъ причинамъ. Онъ во что бы то ни стало хотѣлъ имѣть при себѣ

[19]) *Mém.* II, 680.

жену и сына; но Марія-Луиза уже отдала свое сердце графу Нейппергу, и Наполеонъ долженъ былъ удовлетвориться двухдневнымъ визитомъ польской графини Валевской, одной изъ его старинныхъ героинь и матери его сына... Потомъ, Наполеону нужны были деньги,—ему не выдавали назначенной субсидіи. Наконецъ, онъ какъ-то весьма вѣрно опредѣлилъ свою общеевропейскую роль: «Я не опасенъ только мертвый». Именно такъ смотрѣли на него союзные государи, и одинъ планъ возникалъ за другимъ, какъ отдѣлаться отъ безпокойнаго человѣка. Англичане предлагали ссылку на какой-либо отдаленный островъ, непремѣнно съ нездоровымъ климатомъ, другіе желали бы напустить на «государя Эльбы» пиратовъ Средиземнаго моря, а Талейранъ предлагалъ просто воспользоваться рукой наемнаго убійцы.

Никто, слѣдовательно, съ Наполеономъ не думалъ обращаться, какъ съ императоромъ, вообще коронованнымъ лицомъ. Въ глазахъ всѣхъ европейскихъ государей онъ былъ просто врагомъ мира и даже человѣческаго общества. Ни двойная коронація, ни бракъ съ принцессой крови не могли освятить карьеры Наполеона, такъ же какъ не создали человѣческихъ связей между его личностью и сердцами его сотрудниковъ, не установили нравственныхъ основъ власти надъ подданными. Онъ какъ былъ, такъ и оставался внѣшней варварской силой, державшейся только чувствомъ страха. И Наполеонъ тщетно станетъ взывать къ международному праву и даже къ состраданію побѣдителей: начальникъ, ничего подобнаго не признававшій въ своихъ удачахъ, самъ въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ подписывалъ свой приговоръ въ паденіи.

Ясно, романтическое приключеніе не могло привести ни къ какому положительному результату. При первомъ же извѣстіи о появленіи Наполеона во Франціи союзные государи единодушно рѣшили безпощадную войну, не противъ «императора», а противъ своего рода Калибана—существа «внѣ человѣческаго общества». Такъ именно и объявляли союзники, и Наполеонъ только обнаружилъ обычную способность уходить въ царство несбыточныхъ мечтаній отъ самой настоятельной дѣйствительности, когда усиливался помириться съ непріятелемъ, обращался снова къ Маріи-Луизѣ, и даже готовъ былъ превратиться въ либерала. Послѣднее обстоятельство—одно изъ самыхъ любопытныхъ въ исторіи нравственныхъ метаморфозъ нашего героя.

Наполеонъ явился во Францію, твердо увѣренный въ полномъ сочувствіи арміи. Реставрація въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ успѣла до послѣдней степени озлобить солдатъ и тысячи офицеровъ. Наполеоновскихъ легіонеровъ выгоняли въ отставку, лишали

пенсій, мѣста ихъ отдавали сыновьямъ аристократовъ, эмигрантовъ, возстановили привилегированные полки и на каждомъ шагу оскорбляли славное прошлое императорской эпопеи. Естественно, воспоминаніе о «маленькомъ капралѣ» быстро стало священнымъ, какъ предметъ недостойно унижаемый, и увлекательнымъ, какъ запрещенный плодъ. Солдаты хранили наполеоновскія знамена, трехцвѣтныя кокарды, орлы, праздновали 15-е августа и съ часу на часъ создавали легенду о возвращеніи императора. Все это Наполеонъ отлично зналъ не только отъ своихъ сочувственниковъ, но даже изъ парижскихъ и лондонскихъ газетъ, и здѣсь же рядомъ читалъ о проектахъ во что бы то ни стало отдѣлаться отъ него. «Я солдатъ», говорилъ онъ, «пусть они убьютъ меня, я открою имъ свою грудь, но я не хочу быть увезеннымъ». И въ то же время бонапартисты, занимавшіе раньше оффиціальные посты, дѣятельно поддерживали въ немъ убѣжденіе, что онъ можетъ разсчитывать на армію.

И разсчеты блистательно оправдались. Наполеонъ дѣйствительно предъ первымъ же отрядомъ разстегнулъ свой сѣрый сюртукъ и предложилъ солдатамъ стрѣлять въ «своего стараго генерала», въ «своего императора». Привѣтственные клики были отвѣтомъ, и это зналъ раньше не только самъ герой, но и офицеры королевской арміи. «Трехцвѣтная кокарда» и «сѣрый сюртукъ», по мнѣнію генераловъ и полковниковъ, неминуемо должны были увлечь солдатъ, и объявленія Наполеона, что онъ дойдетъ до Парижа безъ единаго ружейнаго выстрѣла и что его орелъ полетитъ безпрепятственно съ колокольни на колокольню вплоть до башенъ парижской Богоматери,—исполнились буквально.

Но исполнились благодаря солдатамъ. Горожане далеко не вездѣ привѣтствовали цезаря, мэры городовъ отказывались давать его войскамъ продовольствіе, къ Наполеону, кромѣ солдатъ, присоединялись рабочіе и крестьяне, сохранившіе воспоминанія и впечатлѣнія революціи. Требовалось, очевидно, завоевать населеніе какими-либо гражданскими средствами,—отсюда идея конституціи. Она тѣмъ болѣе была необходима, что Людовикъ XVIII являлся конституціоннымъ монархомъ.

Но можно ли было ожидать отъ Бонапарта искренняго помышленія о гражданской свободѣ? Можно ли было въ личности казарменнаго администратора и въ системѣ политическаго жандарма найти хотя бы малѣйшій намекъ на уваженіе къ чужой самостоятельности?—это было бы преобразованіемъ основныхъ началъ всей натуры человѣка и полнѣйшимъ самоотрицаніемъ великаго эгоиста.

Наполеонъ впослѣдствіи свое путешествіе съ Эльбы въ Парижъ называлъ «счастливѣйшей эпохой своей жизни», и это было бы совершенно справедливо, если бы счастье среди солдатъ не было отравлено необходимостью быть очень ловкимъ политикомъ и, по бонапартистскому обычаю, лживымъ соблазнителемъ увлекающихся душъ среди народа и даже «идеологовъ».

Не смотря на крики солдатъ, у Наполеона по пути въ Парижъ не было былой непоколебимой вѣры въ звѣзду. Бѣгство съ Эльбы являлось менѣе всего сознательно героическимъ подвигомъ, отчасти оно было вынуждено страхомъ предъ замыслами державъ, отчасти явилось результатомъ исконной наклонности стараго авантюриста къ азартной игрѣ. Естественно, минутные порывы смѣнялись колебаніями и невольной боязнью исхода. Именно эти настроенія и вызвали совершенно небонапартистское представленіе на тему конституціи и гражданскихъ вольностей.

Въ городахъ по пути въ Парижъ Наполеонъ именовалъ французовъ «гражданами», себя—первымъ гражданиномъ Франціи, объявлялъ объ уничтоженіи дворянскихъ титуловъ... Но лишь только императорскій орелъ долетѣлъ до парижскихъ башенъ, правда, ночью, будто украдкой, граждане въ устахъ Наполеона превратились въ «подданныхъ», пышность двора возстановлена, и даже разыграна комедія «Майскаго поля» по программѣ Карла Великаго, и конституція оказалась лишь «дополнительнымъ актомъ» къ учрежденіямъ имперіи. Всякій, сколько нибудь слѣдившій за карьерой Бонапарта, могъ вполнѣ точно предсказать его поступки. Во всѣхъ концахъ Европы онъ успѣлъ запечатлѣть свой «государственный геній» одной и той же политикой, въ Италіи—реторической республиканской ложью, въ Испаніи—обѣщаніемъ кортесовъ, въ Польшѣ—игрой на патріотизмѣ и свободолюбіи шляхты, теперь пришла очередь Франціи. И повсюду искусному артисту удавалось находить наивныхъ людей, вѣровавшихъ въ его либерализмъ и благородство.

Въ Парижѣ таковымъ оказался Бенжамэнъ Констанъ, когда-то отважный и жестоко наказанный трибунъ, долголѣтній врагъ бонапартизма, наравнѣ съ г-жею Сталь, наконецъ, во время перваго сверженія Наполеона—авторъ блестящаго трактата *О духѣ завоеванія и похищенія власти*.

Здѣсь съ поразительнымъ краснорѣчіемъ и логикой была развѣнчана система наполеоновскаго деспотизма, стремленіе завоевателя все свести къ *однообразію*, т. е. подорвать источники нравственной и національной жизни, превратить государство въ мертвый механизмъ. Авторъ одинаково сильно изображалъ тлетворное

вліяніе личности и власти Наполеона на отдѣльныхъ людей и на цѣлыя націи, выставлялъ на видъ главнѣйшія основы успѣховъ императора—«безнравственность и низость» его орудій, вскрывалъ глубину варварства и одичанія въ пріемахъ Бонапарта среди борьбы и торжества, и, что особенно любопытно въ устахъ современника, Констанъ подчеркивалъ политическое и культурное ничтожество міра, въ которомъ пришлось дѣйствовать герою [20]).

Сочиненіе Констана, по своему содержанію и исторической цѣнности, несравненно выше брошюры Шатобріана, вышедшей одновременно и направленной также противъ Наполеона. Ренэ, по обыкновенію, занимался моральной и чувствительной декламаціей, и развѣ только одинъ мотивъ его можно признать дѣйствительно поучительнымъ,—яркую картину жесточайшихъ военныхъ наборовъ и непрестаннаго истребленія людей при Бонапартѣ... [21]).

Что думалъ и чувствовалъ Шатобріанъ по поводу предпріятій Наполеона, существеннаго интереса для насъ не представляетъ. Но другое дѣло Констанъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ, умнѣйшихъ и серьезнѣйшихъ французовъ-швейцарцевъ своего времени. Легкомысленный Ренэ всю жизнь смотрѣлся въ зеркало и по настроенію или, просто, по капризу, а чаще всего по внушенію психопатическаго самообожанія и мелочнаго тщеславія, надѣвалъ тотъ или другой костюмъ. Но какъ могъ Констанъ изъ трибунаизгнанника превратиться въ члена наполеоновскаго государственнаго совѣта?

Г-жа Сталь, несомнѣнно, имѣла въ виду своего бывшаго друга, когда писала о «друзьяхъ свободы»—жертвахъ иллюзіи во время ста дней [22]). И Констанъ врядъ ли могъ бы привести особенно убѣдительныя «смягчающія обстоятельства». Онъ самъ разсказываетъ о своемъ первомъ свиданіи съ Бонапартомъ. Императоръ

---

[20]) *De l'esprit de conquête et de l'usurpation.* Paris 1814, 4-e ed. 45, 53, 60, 90, 96, 141.

[21]) *De Buonaparte et des Bourbons. O. compl.* Bruxelles 1828, XXIV, 34 etc. Шатобріанъ, съ свойственнымъ ему наивнымъ тщеславіемъ, превозноситъ и свою брошюру и въ особенности «эффектъ», какой она произвела. Людовикъ XVIII, восхищенный похвалами бурбонской династіи, — призналъ брошюру болѣе для него полезной, чѣмъ стотысячная армія. Но эта цѣнность брошюры не помѣшала Бурбону сѣсть на французскій престолъ исключительно благодаря иноземнымъ завоевателямъ, измѣнникамъ-бонапартистамъ и жалкой кучкѣ сенъ-жерменскихъ аристократовъ. Chateaubriand. III, 353 etc. О началѣ реставраціи—у Thureau-Dangin'a—*Le parti libéral sous la Réstauration.* Paris 1888, chap. I. Рахау. *Ист. Франціи.* Спб. 1866, I. Гервинусъ *Ист. XIX-го вѣка* Спб. 1863, I.

[22]) XIV, 95.

соглашался на конституцію, признавалъ даже, что ее хотятъ во Франціи, но хочетъ только *меньшинство*, а народъ, «толпа» стремится исключительно къ нему—Бонапарту. Онъ раньше стремился къ міровому господству, и самъ міръ «приглашалъ его, Наполеона, править имъ—міромъ, но теперь, если можно управлять съ конституціей, «въ добрый часъ». Наполеонъ призванъ дать Франціи «правительство, ей свойственное», и «если народъ дѣйствительно хочетъ свободы, онъ уступитъ»... [23]).

Такъ говорилъ Бонапартъ, и не требовалось большой проницательности, а просто обыкновенная способность понимать чужую рѣчь, чтобы придти въ недоумѣніе послѣ всѣхъ этихъ *если*, *меньшинство за конституцію* и *большинство за императора*, *правительство свойственное Франціи*. Очевидно, рѣчь гораздо больше клонилась къ совершенно противоположному выводу, чѣмъ сдѣланный Констаномъ. Но въ то же время Констанъ, несомнѣнно, видѣлъ, что бонапартизмъ въ прежней формѣ немыслимъ, что Наполеонъ самъ чувствуетъ непрочность почвы и не прочь на уступки просто изъ разсчета, что, наконецъ, онъ рѣшается дать свободу печати и осуществляетъ это рѣшеніе на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, Констанъ въ теченіе долгихъ лѣтъ томился по широкой общественной дѣятельности, признавалъ ее единственнымъ условіемъ человѣческаго счастія, или развѣ еще полнѣйшее одиночество—выбора нѣтъ. Но къ отшельничеству блестящій спутникъ г-жи Сталь не былъ способенъ. Наконецъ, Бонапартъ самъ обратился къ Констану, очаровалъ его простымъ, повидимому, искреннимъ пріемомъ, просилъ его совѣтовъ и проектовъ конституціи и немедленно сдѣлалъ членомъ совѣта [24]). И новый совѣтникъ жадно набросился на политику, принесъ ей въ жертву даже чары г-жи Рекамье, въ то время искушавшей Констана...

Но Бонапартъ велъ свою линію. Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ Коленкуромъ онъ о либерализмѣ и конституціи отзывался совершенно въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ раньше о «метафизикѣ» и «идеологіи». «Безумныя утопіи возникли въ умахъ во время моего отсутствія, и весьма замѣчательно, что именно при Бурбонахъ воскресли лживыя теоріи, ставящія слова на мѣсто дѣла...—Эти *англизированные* короли заставили меня въ десять мѣсяцевъ потерять трудъ десяти лѣтъ, который я потратилъ для укрощенія революціи». И дальше слѣдовало обычное прославленіе

---

[23]) *Mém.* II. 388 — 391. Гр. Деланаръ приводитъ разсказъ Наполеона, какъ доказательство искренности либеральныхъ плановъ Наполеона.

[24]) О свиданіяхъ съ Наполеономъ въ *Journal Intime*—Констана.

деспотизма [25]). Наполеонъ ждалъ лишь рѣшительной побѣды надъ союзными арміями, чтобы заставить французовъ замолчать о конституціи. При первомъ же проявленіи оппозиціи въ представительномъ собраніи, Наполеонъ пришелъ въ негодованіе. «Что они хотятъ сдѣлать изъ меня игрушку или Людовика XVI?» кричалъ онъ и допытывался, какія *личныя* претензіи имѣютъ къ нему ораторы оппозиціи [26]). Согласно бонапартистской психологіи, Наполеонъ никакъ не могъ напасть на мысль, что, можетъ быть, даже въ истощенной и забитой Франціи есть люди принциповъ и убѣжденій.

Относительно народа тотъ же страхъ или презрѣніе. Констану онъ называлъ себя «человѣкомъ народа», «императоромъ крестьянъ, плебеевъ», но когда рабочее населеніе парижскихъ предмѣстій предложило ему стать въ ряды его войска и онъ принужденъ былъ сдѣлать смотръ добровольцамъ, впечатлѣніе оказалось болѣе чѣмъ аристократическое.

«Если бы я зналъ, что мнѣ придется испытать столь глубокія униженія, я остался бы на Эльбѣ».

А всѣ униженія заключались только въ нѣсколькихъ ласковыхъ словахъ.

Таковъ въ дѣйствительности былъ этотъ либералъ и демократъ! И несомнѣнно, онъ показалъ бы себя въ самомъ яркомъ истинномъ свѣтѣ, если бы его приключеніе окончилось къ его удовольствію.

Но соперники обнаружили небывалое единодушіе всѣ вмѣстѣ и изумительную стойкость каждый отдѣльно. Мужество Веллингтона и англичанъ, выдерживавшихъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ ожесточенную аттаку сильнѣйшаго непріятеля, энергія Блюхера и пруссаковъ, день тому назадъ разбитыхъ, успѣвшихъ оправиться и придти на помощь англичанамъ—такова краткая исторія приснопамятнаго дня Ватерлоо. Эти факты признаны самими французами [27]). Наполеону снова пришлось искать смерти въ сраженіи, но солдаты, «краснѣя отъ ярости», кричали ему: «Уходите отсюда! Вы видите,—смерть не беретъ васъ»... Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ самъ Наполеонъ [28]). Но всѣ подобные раз-

---

[25]) Duc de Vicence. II, 147.

[26]) *Ib.* II, 182—3.

[27]) О Ватерло обширная литература,—особенно подробно вопросъ разъясняется въ книгѣ Charras'a—*Histoire de la campagne de 1815* и статья о ней Литтре—*Philosophie positive.* 1868, II, 321; въ соч. Thiers'a: *Hist. de consulat et de l'empire*, tome XX и ст. Sherer'a *Etudes critiques.* Paris 1865, II, 29.

[28]) Duc de Vicence. II, 204.

сказы самого героя далеко не отличаются достовѣрностью. Напротивъ, всѣ данныя—вѣрить въ совершенно противоположные факты.

При Ватерло онъ почти не участвовалъ въ сраженіи даже издали, какъ это было, напримѣръ, при Бородино. На него напала слабость, болѣзненные припадки сонливости повторялись нѣсколько разъ во время битвы, и полководецъ воспрянулъ духомъ лишь затѣмъ, чтобы убѣжать со сцены дѣйствія, оставивъ на произволъ судьбы свою гибнущую армію. Это—обычный образъ дѣйствій Бонапарта: такъ онъ бѣжалъ изъ Египта, изъ Россіи, но позорнѣе всего оказалось поведеніе при Ватерло—и маршалы и офицеры пришли въ крайнее, вполнѣ законное негодованіе. На этотъ разъ, Наполеонъ не заслуживалъ иного отношенія, кромѣ презрѣнія. Даже Коленкуръ рѣшился замѣтить бѣглецу, что онъ съ отчаяніемъ видитъ императора въ Парижѣ и что ему «не слѣдовало бы» покидать своей арміи [30]). Трудно было закончить карьеру цезаря болѣе жалкимъ и постыднымъ исходомъ. Весь эгоизмъ, самый грубый, животный страхъ за жизнь и полное отсутствіе благородства обнаружились съ разительной откровенностью. Солдатъ, бѣжавшій съ поля сраженія, требовалъ у страны новой крови и новыхъ жертвъ! Отвѣтъ, разумѣется, былъ совершенно ясенъ съ самаго начала... [31]).

Слѣдуетъ длинное вступленіе къ заключительному акту трагедіи. Наполеонъ, оттолкнутый министрами и народными представителями, уѣзжаетъ изъ Парижа, поселяется въ окрестностяхъ и ждетъ поворота счастья. А въ палатѣ его уже именуютъ просто *Наполеонъ Бонапартъ*, слышать не хотятъ объ его власти и династіи. Тогда онъ предлагаетъ себя въ качествѣ простого генерала для войны съ иноземцами, т.-е. желаетъ начать свою сказку съ начала, но эта чувствительная дипломатія не имѣетъ ни малѣйшаго успѣха, отъ него требуютъ, чтобы онъ поскорѣе убирался подальше отъ Парижа. Наполеонъ отправился въ Рошфоръ и надѣялся-было уѣхать по морю на всѣ четыре стороны. Но англичане уже сторожили добычу и по пріѣздѣ Наполеона въ приморскій городъ немедленно раскрыли свои карты: императоръ оказался, ни болѣе, ни менѣе, какъ военноплѣннымъ. Тогда онъ рѣшился прибѣгнуть къ чувству состраданія побѣдителей и написалъ англійскому принцу-регенту, впослѣдствіи королю Георгу IV слѣдующее письмо:

---

[30]) *Ib.* II, 208—9.

[31]) Ср. Villemain. *Souvenirs*. II, chap. XI.

«Ставъ добычей мятежныхъ партій, раздѣляющихъ мою страну, и вражды величайшихъ державъ Европы, я закончилъ свою политическую карьеру и, подобно Ѳемистоклу, являюсь къ очагу британскаго народа; я становлюсь подъ покровительство его законовъ, и прошу покровительства вашего высочества, какъ самаго могущественнаго, самаго надежнаго и самаго благороднаго изъ моихъ враговъ».

Напелеонъ завѣрялъ, что онъ будетъ жить въ Англіи частнымъ человѣкомъ, довольствоваться верховой ѣздой и обществомъ ученыхъ... Но кто же могъ повѣритъ герою такой «счастливѣйшей эпохи», какъ путешествіе съ Эльбы въ Парижъ? И странно было слышать комплименты англійскимъ законамъ отъ человѣка, не перестававшаго раньше поносить Англію и издѣваться надъ ея

порядками. И Наполеону неминуемо приходилось отказаться еще отъ одной иллюзіи—въ англійской политической свободѣ найти защиту и покровительство, и теперь, наконецъ, былъ приведенъ въ исполненіе давнишній планъ—удалить плѣнника изъ Европы на какой-либо островъ съ дурнымъ климатомъ. Герцогъ Веллингтонъ предложилъ островъ св. Елены. Герцогъ лично былъ знакомъ съ естественными условіями острова и его предложеніе какъ нельзя лучше достигало цѣли, возможно скорѣе видѣть Бонапарта совершенно безопаснымъ. Англія, въ сущности, выполняла манифестъ священнаго союза, объявлявшій французскаго императора внѣ закона. Теперь онъ не могъ оффиціально носить и императорскаго титула: міръ снова услышалъ старое имя—*генералъ Бонапартъ*...

Зачѣмъ было совершено подобное разжалованіе? Оно въ теченіе послѣднихъ лѣтъ жизни Наполеона являлось источникомъ жесточайшихъ мученій, *генералъ Бонапартъ* звучало для него невыносимымъ оскорбленіемъ, и онъ съ самаго начала не переставалъ протестовать предъ міромъ и исторіей... Но поступокъ англійскаго правительства, можетъ быть отчасти и мелочный, былъ вполнѣ логиченъ. Нельзя было наказывать ссылкой *государя*, *императора*, и странно было бы украшать пышными титулами военноплѣннаго, по собственной волѣ покинувшаго свою армію и поле сраженія. Наполеонъ, никогда не полагавшій въ основу своей власти нравственнаго и правоваго принципа, послѣ Ватерло и по человѣчеству не могъ внушать уваженія, и *генералъ Бонапартъ* выражалъ одновременно и естественное презрѣніе къ человѣку, и точно характеризовалъ насильственную, весьма часто разбойническую, военную и политическую карьеру корсиканца. Наполеонъ самъ поставилъ себя внѣ законовъ съ первой же минуты власти и могъ разсчитывать развѣ только на чувство состраданія побѣдителей, отнюдь не на законность и право. Но возможно ли было подобное чувство въ то время, когда всѣхъ наполнялъ совершенно основательный страхъ предъ будущими «счастливѣйшими эпохами» въ жизни авантюриста?

Въ результатѣ—генералъ Бонапартъ на англійскомъ кораблѣ долженъ былъ отплыть въ послѣднее мѣсто своего упокоенія.

Чтò собственно представлялъ изъ себя островъ св. Елены, достаточно ясно изъ восклицанія его губернатора и тюремщика Наполеона—генерала Гедзона Лоу: «Какое сатанинское внушеніе заставило англійскій кабинетъ и континентальныя державы остановить глаза на этой ужасной скалѣ, заброшенной среди океана, подобно смертельно-печальной одиночной тюрьмѣ?» [32]).

[32]) *Mémorial de Hudson Lowe*. Paris 1830, 59. Авторъ на свой вопросъ отвѣчаетъ—называя герцога Веллингтона.

Гедзонъ Лоу отнюдь не былъ расположенъ сѣтовать на участь плѣнника. Онъ самъ разсказываетъ, что въ англійской арміи нашелся единственный онъ—охотникъ занять положеніе тюремщика, и выполнялъ въ теченіе пяти лѣтъ свою роль съ чрезвычайнымъ усердіемъ. Уже соглашеніе державъ опредѣлило судьбу Наполеона очень строго, если принять во вниманіе отдаленность тюрьмы отъ Европы на 2.000 миль и вообще отъ континента на 500. Не

смотря на крайнюю затруднительность бѣгства съ острова при такихъ условіяхъ, Наполеонъ былъ подвергнутъ самому мелочному и неотступному надзору. Онъ не имѣлъ права ни вести, ни получать никакой корреспонденціи безъ вѣдома губернатора, не могъ вступать ни въ какія сношенія съ обитателями острова, даже гулять безъ надзора, его жилище со всѣхъ сторонъ окружала стража, въ опредѣленные часы доступъ прекращался, вообще предписывался тюремный режимъ.

Гэдзонъ Лоу, въ предыдущей своей карьерѣ отличившійся искусствомъ организовать шпіонство, разбойничьи шайки, производить тайкомъ смуты среди враждебныхъ Англіи націй, былъ пропитанъ фанатическимъ чувствомъ служебнаго долга и безпощаднымъ патріотизмомъ. Онъ самъ сознается, что его одушевляла національная ненависть англичанина къ Бонапарту, что онъ, кромѣ того, глубоко презиралъ въ лицѣ сверженнаго императора, какъ эгоиста, тщеславнаго деспота, солдата-узурпатора и отрицалъ за нимъ нравственное право на снисхожденіе и гуманность. Наконецъ, Гэдзонъ Лоу имѣлъ несчастіе обладать исключительно отталкивающей внѣшностью,—рыжеволосый, съ густыми огненными рѣсницами, почти закрывавшими глаза, съ худымъ оффиціально-рѣзкимъ и непреклоннымъ лицомъ, въ минуты гнѣва бѣшенымъ и страшнымъ. При первомъ же взглядѣ на губернатора, Наполеонъ громко заявилъ своей свитѣ, что это «наружность висѣльника» [33]). Но, независимо и отъ наружности, достаточно сопоставить такія данныя, какъ унизительныя предписанія англійскаго министерства, чиновничій педантизмъ и спеціально-надзирательскія способности губернатора, претензіи и самолюбіе Наполеона и его спутниковъ, достаточно всего этого, чтобы заранѣе предугадать пятилѣтнюю агонію изгнанника.

Внѣшнія условія благопріятствовали ей вполнѣ. Дома для Наполеона не успѣли выстроить, пришлось поселиться «въ очень печальномъ и очень жалкомъ жилищѣ» [34]), съ крышей изъ просмоленнаго картона, безъ всякихъ удобствъ внутри. Дождь, сырость, цѣлыя стада крысъ свободно проникали въ этотъ дворецъ. Самъ губернаторъ считалъ невыносимымъ житье при подобныхъ условіяхъ. Климатъ острова былъ извѣстенъ своей вредоносностью, и это обстоятельство, можетъ быть, отчасти было причиной единодушнаго отказа англійскихъ офицеровъ сторожить Наполеона.

На содержаніе его отпускалось ежегодно 12.000 фунтовъ, ихъ не хватало; губернаторъ былъ неумолимо экономенъ, и Наполеону приходилось обращаться за помощью къ своей свитѣ, она покупала часто яйца, масло и прочую провизію для обѣда. Случалось, мясо къ столу доставляли испорченное, вино дурное, кофе низшаго сорта, и Наполеонъ входилъ въ самыя мелочныя препирательства съ губернаторомъ, въ лицо осыпая его бранью, и въ отвѣтъ получалъ, что онъ—генералъ Бонапартъ не джентльмэнъ, приходилъ въ восторгъ, когда прислуга оскорбляла его притѣсни-

---

[33]) Lowe, 63. *Mém.* I, 445.

[34]) Lowe, 69.

телей, вообще велъ себя далеко не по императорски. Корсиканская наклонность къ кухоннымъ дрязгамъ и заугольнымъ сплетнямъ, присущая Наполеону во времена власти, теперь еще больше развилась на досугѣ. Но главнѣйшій, трагикомическій источникъ междоусобицъ—титулъ.

Наполеонъ выходилъ изъ себя при имени *генерала Бонапарта*, желалъ остаться *императоромъ Наполеономъ*, какъ было на Эльбѣ, отбрасывая слово «французовъ», уже совершено немыслимое въ изгнаніи. Губернаторъ, съ своей стороны, настаивалъ на *генералѣ*, посылалъ даже *генералу Бонапарту* приглашенія на обѣдъ для свиданія съ дамами-путешественницами, заставлялъ и свиту Наполеона усвоить этотъ титулъ, угрожалъ ее удалить съ острова [34]). Это несомнѣнно была совершенно излишняя придирчивость, но не менѣе удивительно и упорство Наполеона, который отказывался отъ лѣкарствъ во время болѣзни и отъ безусловно необходимыхъ прогулокъ, исключительно изъ-за титула.

Губернаторъ былъ увѣренъ, что Англія и въ особенности державы священнаго союза ждутъ не дождутся смерти Бонапарта и будутъ довольны какими угодно жестокими мѣрами противъ узника. И Лоу пытался окружить его шпіонами, превратить въ доносчика даже доктора [35]), и когда это не удалось, предпочелъ оставить на долгое время больного безъ врача, даже сигнатурки отъ лѣкарствъ отрывались стражей изъ опасенія, что такимъ путемъ можетъ пройти корреспонденція.

Подобныя строгости, несомнѣнно, свидѣтельствовали больше объ усердіи и личной ненависти Лоу, чѣмъ объ опасности со стороны плѣнника. Лоу самъ разсказываетъ, что англійскіе офицеры не всегда рѣшались исполнять его распоряженія. Губернаторъ не только сторожилъ своего узника, но старался и перевоспитать его нравственно, аккуратно доставлялъ ему пасквили, какія появлялись въ Европѣ, запрещая въ то же время свободную выписку газетъ и книгъ. Лоу былъ убѣжденъ, что Наполеонъ смирится и познàетъ, наконецъ, свои ошибки и преступленія [36]).

Результаты, конечно, вышли совершенно обратные. Наполеонъ все время считалъ себя жертвой насилія и жестокости, безпрестанно грозилъ Англіи—судомъ исторіи, а губернатору—местью Провидѣнія. О раскаяніи не могло быть и рѣчи. Напротивъ, по

---

[34]) *Mém.* I, 449, 555; II 354; Lowe, 181 etc.

[35]) Докторъ, подвергшійся изгнанію, ирландецъ О'Меора. Его записки—*Наполеонъ въ изгнаніи* и воспоминаніе его преемника, корсиканца Antomarchi—о послѣднихъ дняхъ изгнанника—въ *Mémorial de Sainte-Helène.* Paris 1842.

[36]) *Mém.* II, 646, 710; Lowe, 258—9.

извѣстному психологическому закону, у Наполеона среди лишеній и обидъ развилась до послѣдней степени идеализація прошлаго и мечтательная надежда на будущее.

Наполеонъ въ теченіе пяти лѣтъ изгнанія дѣятельно создавалъ поэму своей славы и своего генія. Трудно представить настроеніе человѣка, съ такой отвагой извращавшаго исторію и воздвигавшаго себѣ пьедесталъ.

Прежде всего, Наполеонъ постарался унизить въ глазахъ потомства сотрудниковъ, своихъ маршаловъ, министровъ, членовъ государственнаго совѣта, отрицая у однихъ талантъ, у другихъ самостоятельный умъ. Всѣ блестящія дѣла совершались исключительно имъ, а сомнительныя, въ родѣ убійства герцога Ангіенскаго, не въ мѣру усердными рабами. Здѣсь былъ виноватъ Талейранъ... Хотя, странно, Наполеонъ никакъ не могъ выдержать одного тона: по свидѣтельству гр. Лаказа, его преданнѣйшаго спутника, у Наполеона было *два* объясненія трагедіи съ герцогомъ, одно: такъ сказать, *экзотерическое*—для публики, другое *изотерическое*—для друзей. Люди посторонніе должны были удовлетвориться соображеніями изъ области *естественнаго* права самозащиты и террора по адресу враговъ: роялисты угрожали жизни перваго консула. Съ друзьями Наполеонъ «снисходилъ» до болѣе откровеннаго объясненія: герцогъ былъ казненъ по *обычному* праву, т.-е. на основаніи судебныхъ формъ, хотя, можетъ быть, первый консулъ и поступилъ «сурово»... [37]). Зачѣмъ, послѣ всего этого, еще приплетать Талейрана: не ясно ли было и безъ него? Но такова ужъ была наполеоновская любовь къ истинѣ и душевному величію.

Та же любовь заставила его свою прошлую государственную дѣятельность считать утвержденіемъ и освященіемъ принциповъ революціи и политической трибуны, называя себя «мессіей» этихъ принциповъ, въ то же время приходить въ восторгъ отъ организаціи префектуръ и созданія «префектовъ-императоровъ» [38]). Рядомъ съ самозванствомъ роли, конечно, и неизмѣнныя бонапартистскія иллюзіи. Наполеонъ былъ увѣренъ, что вся Европа сожалѣетъ объ его участи, Англія чувствуетъ себя несчастной послѣ Ватерло, и что государи и народы должны быть одинаково ему благодарны: онъ «утвердилъ троны» и «установилъ разумные предѣлы народныхъ правъ». Безъ него весь этотъ порядокъ можетъ разстроиться [39]).

---

[37]) *Mém.* II, 476 etc.; 627.
[38]) *Mém.* I, 436; II, 401.
[39]) *Ib.* I, 388.

Такъ было въ прошломъ, и чего натворилъ бы Бонапартъ въ будущемъ—этого и не пересказать. Ему слѣдовало только побѣдить Росію, и тогда онъ цивилизовалъ бы міръ, именно вмѣстѣ съ Англіей объединилъ бы и осчастливилъ бы Европу—«силой или убѣжденіемъ» [40])...

Кажется невѣроятнымъ, что могли оказаться благосклонные слушатели подобной, даже для Наполеона слишкомъ беззастѣнчивой болтовни. Но таково до конца было счастье этого великаго лгуна, какимъ еще признали его въ дѣтствѣ его же домашніе! Наполеоновскій вздоръ о либерализмѣ, объ утвержденіи троновъ, объ единодушіи съ Англіей слушали люди, отлично знавшіе всю карьеру Наполеона, его правительственную систему и его внѣшнюю политику. И никто не напомнилъ ему о континентальной системѣ, о тюрьмахъ и казняхъ, объ изреченіяхъ наканунѣ похода въ Россію. Теперь даже съ полнымъ сочувствіемъ внимали его плану военной классификаціи и поразительному открытію, что его военные наборы были «орудіемъ просвѣщенія»!... [41])

Очевидно, предъ нами начало легенды, ея первый творецъ—самъ герой, ея первые распространители—его восхищенные и ослѣпленные слушатели, ея первые мотивы—ложь и самообманъ. Мало этого, мы можемъ проникнуть еще глубже въ психологію этого творчества. Она—ничто иное, какъ больной мозгъ, разстроенные нервы, безуміе рядомъ съ шарлатанствомъ.

Предъ нами подробный отчетъ доктора о состояніи здоровья Наполеона. Кромѣ физическихъ недуговъ, здѣсь говорится о безсонницѣ, раздраженіи, головокруженіяхъ, вообще «разстройствахъ души» и причины указываются въ крайне неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ [42]). И естественно, у Наполеона чередовались противоположныя, но одинаково болѣзненныя настроенія. То онъ создавалъ для себя «incognito», надѣвая для этого длинный зеленый сюртукъ, большую круглую шляпу и ни съ кѣмъ не говорилъ, то становился чрезвычайно болтливымъ, и тогда небылицы и ясновидѣнія неслись вихремъ, смутнымъ и полубезсознательнымъ.

Мы уже знаемъ, какъ подѣйствовало на Бонапарта первое дыханіе несчастія и неудачъ. Еще съ похода въ Россію онъ началъ впадать въ душевное оцѣпенѣніе, оно смѣнялось нервными пароксизмами, припадками самохвальства, несбыточныхъ иллюзій и маніи величія. Спокойная и правильная дѣятельность мысли, на сколько она вообще была возможна для Наполеона, повидимому, исчезала

---

[40]) *Ib.* I, 456—7.

[41]) *Ib.* II, 442.

[42]) *Mém.* II, 719.

окончательно,—и естественно на островѣ св. Елены недугъ долженъ былъ достигнуть высшаго развитія.

До какой степени душевный строй Наполеона измѣнился и ослабѣлъ, показываютъ факты, единодушно засвидѣтельствованные и спутниками изгнанника и губернаторомъ. Несчастье принизило Наполеона, вернуло его къ его исходной точкѣ, къ первичному корсиканскому состоянію. Претензіи и эгоизмъ остались отъ времени власти, натура постепенно принимала свой первобытный характеръ. Наполеонъ оказывался самымъ обыкновеннымъ суевѣрнымъ католикомъ, не было и помину о прежней философической реторикѣ и дерзкой ироніи. Теперь онъ читалъ книги религіознаго содержанія, и заявлялъ, что «вѣруетъ во все, во что вѣруетъ католическая церковь», и заявлялъ это по-итальянски. Вообще онъ теперь безпрестанно употреблялъ свой родной языкъ, будто забывая французскій.

И надо помнить, что религіозное чувство у Бонапарта отнюдь не свидѣтельствовало о самосознаніи, раскаяніи и смиреніи. Онъ ни на минуту не усомнился въ величіи и законности *всѣхъ* своихъ подвиговъ и *всей* своей политики, внутренней и внѣшней. Напротивъ, раньше по временамъ на него находило нѣкоторое просвѣтленіе мысли относительно своей политической роли. Такъ, Бонапартъ, оцѣнивая однажды міровое значеніе Руссо и свое собственное, мечтательно замѣтилъ: будущему предстоитъ рѣшить, не лучше ли было бы для спокойствія земли, чтобы Руссо и онъ, Бонапартъ, никогда не существовали? Въ другой разъ герой выразился еще откровеннѣе. Онъ спросилъ однажды у одного придворнаго, что станутъ говорить послѣ его смерти? Собесѣдникъ началъ-было ораторствовать на счетъ единодушныхъ сожалѣній...

«Вовсе нѣтъ», прервалъ императоръ, и изобразивъ, какъ страшно подавленный человѣкъ испускаетъ вздохъ облегченія, прибавилъ: «Скажутъ: *Ouf*!» [43]).

И эта картина, несомнѣнно, льстила воображенію могущественнаго деспота, онъ просто бравировалъ своимъ гнетомъ и самовластіемъ и забавлялся циническимъ издѣвательствомъ надъ запуганностью и рабствомъ окружающихъ. Не то во времена униженій и безпомощности. Теперь ему оставалось утѣшаться мыслью, что міръ изнываетъ по немъ и будущее увѣнчаетъ славой не только его, но и его спутниковъ, столь покорно и самоотверженно внимающихъ его бреду.

Прочтите въ запискахъ гр. Делаказа, какъ Бонапартъ харак-

---

[43]) Ségur у Тэна, о. с. I, 89.

теризовалъ свою карьеру и слушатель признавалъ эту характеристику «прекраснымъ резюме исторіи императора»! Здѣсь рѣшительно всѣ доблести и подвиги, какіе только можетъ совершить идеально одаренный и возвышенно-благородный смертный. Онъ «разсѣялъ хаосъ», онъ «облагородилъ народы и утвердилъ власть государей», онъ не любилъ войны и всегда только защищался... Да! и это говорилось и слушалось! Онъ стремился ко всемірной монархіи, но на это вызывали его враги Франціи. Онъ былъ честолюбивъ; но это было «величайшее и возвышеннѣйшее, какое только когда-либо существовало». Онъ стремился «освятить, наконецъ, власть разума и безпрепятственную дѣятельность, полное развитіе всѣхъ человѣческихъ способностей. И здѣсь историкъ, можетъ быть, окажется вынужденнымъ и обязаннымъ сожалѣть, что подобное честолюбіе не завершилось, не получило полнаго удовлетворенія». Помолчавъ нѣсколько секундъ, Наполеонъ прибавилъ: «Вотъ, мой милый, въ немногихъ словахъ вся моя исторія» [44]).

Естественно, англійскій губернаторъ имѣлъ всѣ основанія изумляться слѣпому культу спутниковъ Наполеона и цезарской игрѣ воображенія ихъ господина [45]).

Несчастье, конечно, имѣетъ свои права, но оно не должно поправить собой вопіющую фальсификацію прошлаго и горячечныя иллюзіи на счетъ настоящаго и будущаго. Даже самому Наполеону казалось забавной трепетная услужливость, съ какой выслушивались его историческія упражненія и передавались другимъ [46]).

Но самая естественная истина не существовала для очевидцевъ наполеоновскаго плѣна, и психологически это объяснимо. Положеніе Наполеона дѣйствительно представляло сплошную и жестокую трагедію, контрастъ недавняго могущества и безпощадныхъ униженій слишкомъ рѣзко поражалъ глаза и мысль, и ближайшимъ свидѣтелямъ трудно было невольное чувство примирить съ критикой.

Делаказъ разсказываетъ мелкій, но въ высшей степени краснорѣчивый случай. Наполеона такъ часто угощали дурнымъ завтракомъ и кофе, что онъ испытывалъ нѣчто въ родѣ счастья въ болѣе сносные дни. Въ одинъ изъ такихъ дней онъ, поглаживая рукою желудокъ, заявилъ, что чувствуетъ себя хорошо. «Трудно выразить, что̂ я чувствовалъ при этихъ простыхъ словахъ», прибавляетъ разсказчикъ [47]).

---

[44]) *Mém.* I, 534.
[45]) Lowe, 163, 210.
[46]) На этотъ фактъ указываетъ самъ гр. Делаказъ. *Mém.* I, 457.
[47]) *Ib.* I, 181.

И какъ понятно его настроеніе. Наполеонъ явился величайшей губительной силой среди европейскаго мира и цивилизаціи, стихійнымъ врагомъ разума и нравственнаго человѣческаго развитія, виновникомъ безчисленныхъ тлетворныхъ явленій въ исторіи новаго времени, переживших надолго его дѣятельность, но расплата за все будущее и за всѣ преступленія оказалась безграничной и безпощадной, оказалась въ сущности неотступной, мелочной и въ то же время всеобъемлющей местью, похожей на пытку. И все равно, какъ въ годы лишеній въ Наполеонѣ начиналъ обнаруживаться жалкій, бѣдный смертный, готовый искать утѣшенія тамъ, гдѣ раньше для него было лишь достойное презрѣнія и смѣха, такъ и за деспотомъ и самообольщеннымъ эгоистомъ возставалъ страдающій человѣкъ. И мы, конечно, должны на записки спутниковъ Наполеона смотрѣть, какъ на романъ, притомъ написанный самимъ счастливымъ любовникомъ о своей героинѣ, но мы не можемъ не отдать справедливости личнымъ чувствамъ автора и въ то же время героя. Уже самый фактъ путешествія на островъ св. Елены съ развѣнчаннымъ изгнанникомъ стóитъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ и долженъ бы даже самому Наполеону, выросшему на презрѣніи къ людямъ, открыть глаза на нѣкоторыя достоинства человѣческой природы.

И все-таки мы безусловно обязаны помнить, что это—область чувствъ, хотя бы и вполнѣ законная, но отнюдь не имѣющая рѣшительнаго значенія въ историческомъ сужденіи объ исторической личности. *Дѣла* Наполеона покрываютъ совершенно его *слова* и поэму, созданную его поклонниками. Исторія, оцѣнивъ по достоинству лишенія Наполеона въ изгнаніи, распоряженія англійскаго правительства и дѣйствія Гэдзона Лоу, признáетъ также, что цезарь и въ несчастіи отнюдь не сталъ искреннѣе и правдивѣе, чѣмъ въ дни власти, что сознательная ложь и неизмѣнныя иллюзіи по прежнему оставались могущественнѣйшими свойствами его нравственнаго характера и проявлялись одинаково въ крупныхъ и мелкихъ вопросахъ: императоръ одинаково беззастѣнчиво лгалъ и провозглашая себя мессіей народной свободы и разума, и приписывая себѣ премію Ліонской академіи за извѣстное намъ разсужденіе о счастьи: Академіей оно было признано наихудшимъ изъ всѣхъ представленныхъ на конкурсъ. И эта ложь, и эта мелочность сопровождали героя до самой могилы. Завѣщаніе Наполеона столь же истинно-бонапартистское произведеніе, какъ военные бюллетени, и святоеленскія рѣчи.

Въ самомъ началѣ умирающій заявлялъ о своемъ желаніи по-

коиться на берегахъ Сены «среди французскаго народа, который я такъ любилъ». Дальше сыну онъ завѣщавалъ такой *свой* девизъ: *Все для французскаго народа—Tout pour le peuple français*,—въ своей преждевременной смерти обвинялъ «англійскую олигархію и ея наемнаго убійцу», двукратное нашествіе иноземцевъ на Францію приписывалъ измѣнникамъ — Мормону, Ожеро, Талейрану и Лафайэту, оправдывалъ *судъ* надъ герцогомъ Ангіенскимъ, но ни слова не говорилъ о *казни*, дальше слѣдовало изумительно точное и подробное перечисленіе вещей, вплоть до туалетныхъ принадлежностей, стараго платья, шпоръ, пряжекъ, подвязокъ, туфлей, носовыхъ платовъ, табакерокъ, причемъ нѣкоторые предметы сопровождаются указаніями, гдѣ и когда ими пользовался императоръ и обозначены были номера ящиковъ, гдѣ были спрятаны тѣ или другія вещи. Въ своемъ родѣ это единственное завѣщаніе, по липемѣрію и чувствительности тона. Наконецъ, одинъ параграфъ заканчиваетъ картину. Наполеонъ завѣщалъ 10.000 франковъ унтеръ-офицеру, котораго обвиняли въ покушеніи убить герцога Веллингтона. Судъ оправдалъ его, но Наполеонъ заявляетъ, унтеръ-офицеръ «имѣлъ право убить олигарха», который отправилъ его, Наполеона, на островъ св. Елены, и убійство герцога было бы вполнѣ оправдано «интересами Франціи» [48]).

Это значило и въ могилу уносить врожденную корсиканскую вендетту и исконное бонапартистское смѣшеніе понятій о правѣ и насиліи, о справедливости и преступленіи. Современники наполеоновской кончины оказались неизмѣримо благороднѣе. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ человѣческій родъ весьма часто заслуживаетъ того презрѣнія, какимъ бросалъ въ него Наполеонъ открыто и съ величайшимъ наслажденіемъ. Но въ сравненіи съ самимъ героемъ этотъ родъ оказался на недосягаемой высотѣ всепрощенія и наивно-идеальныхъ чувствъ. Предъ смертью императоръ предсказывалъ, что даже Англія отомститъ его мучителямъ. Чтобы ожидать подобнаго факта, надо было вѣрить въ человѣческую природу, не рабскую и низкую, а сострадательную и благородную. Отдавалъ ли Наполеонъ самому себѣ отчетъ въ смыслѣ своей угрозы? Вѣроятнѣе всего—нѣтъ. Месть современниковъ и потомства онъ считалъ долгомъ своему величію и своимъ совершенствамъ политическаго и культурнаго дѣятеля. Онъ далекъ былъ отъ мысли, что въ этой мести скажется прежде всего только человѣческое негодованіе противъ всякаго насилія и слѣпой же-

---

[48]) *Testament de Napoléon.* 24 avr. 1821, art. 5°. Перепеч. въ *Mémorial*, II.

стокости, а потомъ къ голосу гуманныхъ идеалистовъ присоединятся политики. Для этихъ, въ сущности будетъ довольно безразлична судьба Наполеона и тотъ или другой нравственный характеръ его личности. Наполеоновская исторія и героическія черты завоевателя послужатъ только средствомъ, орудіемъ для извѣстныхъ стремленій, постороннихъ и чуждыхъ исторической истинѣ и культурнымъ интересамъ. Для однихъ Наполеонъ будетъ жертва насилія и жестокости, страдающая человѣческая личность, искупившая все зло своей жизни безпримѣрными бѣдствіями и униженіями; это—герой сердца, поэтическихъ протестовъ и вдохновеній. Для другихъ—имя погибшаго императора превратится въ пароль и лозунгъ партійной войны, это будетъ представитель національной славы и силы, Карлъ Великій, державшій въ страхѣ и унижавшій европейскихъ государей, дѣтище революціи и личной демократической карьеры, это будетъ герой политическаго разсчета, метательный шаръ парламентской и общественной борьбы. На этихъ основахъ и воздвигнется *легенда* и будетъ она тѣмъ дальше уходить отъ дѣйствительности, чѣмъ больше поэтическая идеализація и политическая интрига наклонны извращать факты и идеи.

IX.

Легенда.

Гэдзонъ Лоу разсказываетъ, какъ онъ арестовалъ бумаги графа Делаказа и пришелъ въ ужасъ отъ его записокъ. Онѣ впослѣдствіи должны были явиться подъ названіемъ *Меморіалъ св. Елены*, разлетѣться по всему міру и покрыть позоромъ личность губернатора. Лоу сознавалъ, что въ запискахъ было много правды именно относительно положенія плѣнника, его совѣсть начала страдать, но вскорѣ успокоилась; у губернатора были подробныя и опредѣленныя инструкціи министерства—и онъ обязанъ исполнять свой долгъ.

Но скоро Лоу пришлось ужасно поплатиться за свою исполнительность и національныя чувства къ плѣннику. Лишь только Наполеонъ скончался и его тюремщикъ явился въ Англію, немедленно стало исполняться предсказаніе императора и съ жестокостью, какую онъ врядъ ли могъ предвидѣть. Отъ Лоу отшатнулись его соотечественники и министры, снабжавшіе его предписаніями. Онъ всюду встрѣчалъ «ужасъ» и «униженія». Ему нигдѣ не было мѣста и онъ рѣшилъ искать убѣжища въ далекихъ странахъ. Повсюду, гдѣ онъ ни появлялся,—на Цейлонѣ, въ

Бомбеѣ, на островѣ Маврикія,—его преслѣдовали оскорбленіями, бросали въ него грязью, называли «убійцей», «палачомъ св. Елены», «разбойникомъ», грозили повѣсить или утопить... Тогда Лоу убѣдился, что онъ является «проклятіемъ среди націй всего міра»: такъ онъ самъ выражается, и рѣшился схоронить себя въ захолустномъ городкѣ европейскаго континента, подъ именемъ *Гэдзона* [49]).

Достаточно этихъ мытарствъ наполеоновскаго стража, чтобы оцѣнить вліяніе сообщеній спутниковъ императора и отношеніе европейской публики къ его личности и судьбѣ. Наполеонъ предсказывалъ, что *несчастіе* превратитъ его въ глазахъ народовъ въ мессію свободы и разума. И это предсказаніе начало исполняться, какъ и относительно Гэдзона Лоу, хотя и не съ такимъ блескомъ.

Психологію современниковъ можно точно прослѣдить по настроеніямъ даровитѣйшаго поэта эпохи. Во время перваго низверженія Наполеона Байронъ посвятилъ ему *Оду*, преисполненную грозными обращеніями къ павшему деспоту. Наполеонъ именовался богомъ народовъ, безумцемъ, истребителемъ человѣческаго рода, сравнивался съ Аттилой, и, наконецъ, съ рабомъ, который геройскую смерть предпочелъ унизительной жизни: Thy choise is ignobly brave,—заключалъ поэтъ, *твой выборъ подло смѣлъ!*

Но чувства поэта совершенно измѣнились два года спустя, когда Наполеонъ оказался узникомъ св. Елены. Въ новой *Одѣ* къ острову поэтъ призываетъ на помощь всю силу своей рѣчи, чтобы достойно воспѣть «священную» скалу, «алтарь» для всей земли. Имени Наполеона предрекаются почести отъ монарховъ, поэтовъ, мудрецовъ. Теперь звѣзда св. Елены—звѣзда свободы и она должна затмить тлетворныя метеоры сѣвера. Поэтическая идеализація, слѣдовательно, переходитъ въ политику и Наполеонъ противопоставляется священному союзу. Байронъ будто предвосхищаетъ завѣщаніе императора и позднѣйшія идеи его поклонниковъ. Наполеонъ предъ смертью говорилъ о «тріумвирахъ, угнетающихъ Европу», а себя до конца считалъ воплощеніемъ свободы и права: эта мысль будетъ усвоена легендой въ первый періодъ ея развитія.

Тотъ же Байронъ вѣрно объяснилъ перемѣну общественнаго настроенія относительно Наполеона: «Твое имя никогда не производило на людей болѣе сильнаго впечатлѣнія, чѣмъ теперь, когда ты только безсильная игрушка славы» [50]). И это впечатлѣніе до

---

[49]) Lowe, Chap. I и L.

[50]) *Child Harold's Piligromage*, III, XXXVII.

такой степени прочно, что даже въ поэмѣ *Донъ-Жуанъ* поэтъ предсказываетъ появленіе второго Наполеона, между тѣмъ какъ раньше въ *Одѣ къ Наполеону*—позорный конецъ его власти считался безнадежной гибелью бонапартизма... Но надо отдать справедливость Байрону: при всей перемѣнѣ въ чувствахъ, онъ никогда не доходилъ до ослѣпленія, онъ не забывалъ вспоминать о бѣгствѣ Наполеона съ поля сраженія, о рабствѣ его предъ собственными страстями, о безпощадномъ истребленіи людей [51]). Очевидно, свободолюбивый поэтъ возставалъ только противъ жестокости своего отечества, и, можетъ быть, невольно сравнивалъ положеніе развѣнчаннаго императора съ своимъ: оба они были изгнанниками и надъ ними тяготѣла одна и таже мстительная рука...

Гораздо выше поднялась идеализація Наполеона у другого поэта, не обладавшаго политическими инстинктами англичанина и совершенно лишеннаго байронической протестующей натуры. Геніальный поэтъ и не менѣе даровитый тайный совѣтникъ фонъ-Гёте превратился въ прахъ и пепелъ предъ лучами наполеоновскаго солнца.

«Одно изъ величайшихъ несчастій человѣческаго рода», говорила умная писательница, «впечатлѣніе, какое успѣхъ силы производитъ на умы» [52]). Самъ Гёте, разсказывая, какъ разъ Наполеонъ однимъ взглядомъ напугалъ парижскаго торговца, соображалъ, что Бонапартъ въ это время непремѣнно былъ императоромъ, а не консуломъ: «иначе его взглядъ не былъ бы такъ страшенъ» [53]). Очевидно, поэтъ понималъ эффектъ внѣшняго положенія личности, и все-таки самъ подпалъ этому эффекту сильнѣе всякаго торговца.

Во время пребыванія въ Эрфуртѣ осенью 1808 года, Наполеону предложили повидать знаменитаго нѣмецкаго поэта и важнаго сановника при дворѣ герцога Веймарскаго—Гете, или Mr. Goet, какъ выражался потомъ императоръ. Гёте явился и услышалъ отъ Наполеона самыя лестныя вещи; оказалось, великій человѣкъ «изучилъ» Вертера и сдѣлалъ нѣсколько справедливыхъ, по мнѣнію автора, замѣчаній, рекомендовалъ Гёте написать трагедію *Смерть Цезаря*, увѣренный, что онъ выполнитъ этотъ сюжетъ достойнымъ образомъ и лучше Вольтера, приглашалъ его въ Парижъ, наконецъ, по уходѣ Гете, воскликнулъ: «вотъ это человѣкъ».

Трудно представить, какое впечатлѣніе это свиданіе произвело на Гете, и притомъ навсегда, до конца жизни! Онъ не столько

---

[51]) *Ib.* III, XXXVIII, *The age of bronze.*

[52]) Staël, XIII, 237.

[53]) *Разговоры Гёте, собранные Эккерманомъ.* Спб. 1891, I, 261—2.

цѣнилъ то, что написалъ *Вертера*, сколько то, что это произведеніе читалъ Наполеонъ. Онъ вспоминалъ о замѣчаніяхъ императора всегда съ необычайной таинственностью, отказывался сообщить о нихъ даже близкимъ людямъ. Онъ открывалъ у Наполеона самыя фантастическія добродѣтели,—неизмѣнную ясность мысли и твердость духа передъ сраженіемъ, во время сраженія, послѣ побѣды и послѣ пораженія, умѣнье окружать себя талантами и «всякую значительную силу поставить на должное мѣсто», и даже — невѣроятно выговорить—умѣренность въ завоеваніяхъ! Наконецъ, Бонапартъ «краткое изображеніе міра» [54]). Естественно, Гете раздѣлялъ идеалы своего героя на счетъ господства надъ всей Европой, привѣтствовалъ рожденіе римскаго короля не хуже полицейскихъ поэтовъ Парижа и продолжалъ вѣровать въ счастье Наполеона до самаго Ватерло, а въ его величіе до самой своей смерти...

И у Гёте къ поэтической идеализаціи примѣшивается нѣчто политическое, только совершенно противоположное байроновскимъ идеямъ. Гёте обожаетъ Наполеона, какъ укротителя революціи, какъ законодателя со шпагой въ рукѣ, гарантирующаго покой и счастье филистеровъ... Съ послѣднимъ обстоятельствомъ не всѣ могли согласиться, но какое дѣло Гёте до другихъ? Его покой, несомнѣнно, былъ обезпеченъ. И когда настаетъ общегерманская національная борьба съ поработителемъ Европы, Гёте ищетъ убѣжища въ восточной литературѣ и, ослѣпленный геніемъ своего героя, не вѣритъ въ успѣхъ своей родины...

Бонапартизмъ Гёте, слѣдовательно, ничто иное, какъ политическая безпринципность, точнѣе органическое равнодушіе къ широкимъ общественнымъ вопросамъ,—черта, весьма распространенная среди германскихъ ученыхъ и писателей XVIII-го и начала XIX-го вѣка, черта, которую позже такими горючими слезами пришлось оплакивать дѣятелямъ сороковыхъ годовъ, первымъ поборникамъ государственнаго возрожденія Германіи.

Совершенно другой источникъ легенды открылся во Франціи. Здѣсь соединилось все вмѣстѣ: и исконная французская сентиментальная аффектація, и политическая незрѣлость умовъ, и азартное политиканство. Еще при жизни Наполеона по Франціи, въ особенности по деревенскимъ захолустьямъ, ходило множество небылицъ. Ихъ распространяли наполеоновскіе инвалиды, оскорбленные бурбонскимъ правительствомъ. Даже образованнѣйшіе воины наполеоновской эпохи, въ родѣ генерала графа Сегюра, не могли

---

[54]) *Ib.* I, 77, 227; II, 62—4, 176, 207.

помириться съ новымъ порядкомъ вещей, быстро забыли бѣдствія имперіи и помнили только о побѣдахъ и блескѣ тріумфовъ. Наполеонъ казался имъ Прометеемъ, прикованнымъ къ скалѣ. А народъ, въ свою очередь, внушаемый солдатами, разсказывалъ о бѣгствѣ Наполеона съ острова св. Елены чрезъ громадное подземелье, съ 300.000 негровъ, о появленіи его то въ Азіи, то въ Африкѣ, то въ Америкѣ. Не мало самозванцевъ успѣло воспользоваться этимъ настроеніемъ, выманивая деньги у простаковъ.

Все это были сравнительно невинныя иллюзіи, но вопросъ становился серьезнѣе, когда литература и политика вмѣшались въ дѣло. Сильнѣйшій толчокъ былъ данъ смертью изгнанника. Разсказы спутниковъ Наполеона произвели страшное, потрясающее впечатлѣніе. Они будто нарочно были разсчитаны одновременно на чувствительнѣйшія стороны французскаго характера: съ одной стороны—эффектная драма, съ другой—оскорбленная національная гордость.

Разсказы Делаказа быстро усвоивались безъ всякаго недовѣрія и сомнѣнія. Особенно трогательные моменты пріобрѣтали національную популярность. Политики находили доказательства, что Наполеонъ былъ либералъ и даже республиканецъ, читатели изъ народа останавливались на демократическихъ поступкахъ и чувствахъ императора.

Какое, напримѣръ, волненіе должны были испытывать эти читатели при слѣдующемъ эпизодѣ!

Однажды Наполеонъ гулялъ въ сопровожденіи двухъ дамъ. Разговоръ шелъ свѣтскій и любезный. Вдругъ дорогу пересѣкло нѣсколько черныхъ рабовъ-носильщиковъ съ громадными тяжестями на плечахъ. Одна изъ дамъ возмутилась и приказала носильщикамъ уйти съ дороги. Наполеонъ воспротивился распоряженію своей спутницы и давая дорогу рабочимъ, воскликнулъ:

— Respect au fardeau, madame!..

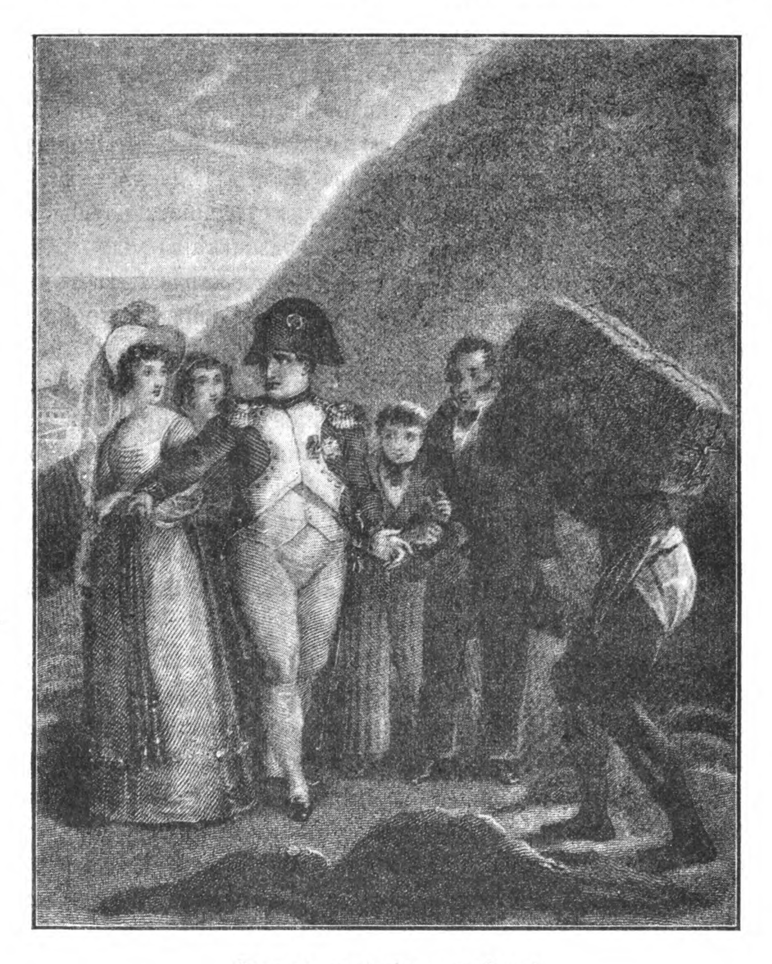
Другая спутница, двадцатилѣтняя красавица, замерла въ восторгѣ отъ этого восклицанія и шепнула строгой дамѣ:

— Боже! У него внѣшность и характеръ совершенно другіе, чѣмъ мнѣ говорили!

Это *почтеніе предъ бременемъ* должно было сдѣлать карьеру: оно напоминало лучшіе бюллетени и военныя рѣчи Бонапарта. И здѣсь же лирическія изліянія на счетъ великихъ принциповъ *нашей революціи*, неопровержимое завѣреніе, что послѣ побѣды надъ Россіей для Франціи и всей Европы открылось бы Эльдорадо земного счастья и свободы...

Въ обычное спокойное время читатели, можетъ быть, и рас-

познали бы во всѣхъ этихъ представленіяхъ *механизмъ бюллетеней*, но образъ Бонапарта выросталъ предъ подданными Бурбоновъ, жалкаго, разбитаго духомъ и тѣломъ Людовика XVIII, а потомъ—ханжи, іезуитскаго выученика и скрытаго деспота—Карла X. И при всемъ безсиліи и ничтожествѣ Бурбоны, особенно Карлъ X,

Respect au fardeau, madame!

стремились вернуть незабвенныя времена своихъ предковъ, осыпали милостями на счетъ народа эмигрантовъ и ихъ потомковъ, расчищали поприще католической интриги и въ то же время играли самую кроткую роль въ кругу иностранныхъ государей... Какая бьющая въ глаза противоположность съ эпохой имперіи, когда «былъ открытъ путь талантамъ» — это собственное заявленіе императора, и европейскіе монархи составляли свиту фран-

цузскаго цезаря. Ради этого стоитъ забыть Фуше въ санѣ герцога, Мюрата на престолѣ и милліоны жизней лучшихъ дѣтей Франціи!

И вотъ, Наполеонъ и его трехцвѣтное знамя становятся путеводными свѣтилами либерализма, вообще оппозиціи бурбонскимъ вожделѣніямъ о старомъ порядкѣ. Теперь все царствованіе Бонапарта сливается съ революціей и ея конецъ считается *съ 1815 года*, со дня Ватерло. Осуществляется, слѣдовательно, ложь святоеленскаго изгнанника и его имя дѣйствительно противоставляется всему, что не революція, т. е. и священному союзу и легитимной монархіи.

Такъ смотрятъ на императора въ журналистикѣ и въ парламентѣ. Знаменитый въ свое время Арманъ Каррель, публицистъ-республиканецъ, превосходно изобразилъ смыслъ бонапартизма въ эпоху смерти Бонапарта:

«Въ тотъ самый день, когда Бонапартъ умеръ, онъ сдѣлался представителемъ всѣхъ оппозицій, настоящихъ и будущихъ — монархическимъ правительствамъ, которыя будутъ возникать во Франціи. Онъ воплотилъ въ себѣ столько могущества, что всякая партія можетъ противоставить его всему, что́ онъ считаетъ лишеннымъ силы, достоинства, системы».

Это одинъ мотивъ. Другой—разсчитанный на болѣе твердыя головы, но болѣе податливыя сердца—легендарный демократизмъ цезаря. «Маленькій капралъ», сѣрый сюртукъ, поношенная скромная шляпа—всѣ эти слова и предметы становятся неистощимымъ бутафорскимъ реквизитомъ для бонапартистской феерія. Парламентскимъ ораторамъ и партійнымъ публицистамъ было бы, конечно, зазорно заниматься подобными игрушками, но на это есть поэты, исконныя дѣти въ политикѣ и имъ, въ виду этого, позволяется «дѣлать» ее какими угодно средствами. Чего нельзя сказать, то можно пропѣть, и одновременно съ политиканствующимъ бонапартизмомъ является бонапартистскій пѣсенникъ—Беранже.

Поэтъ глубоко убѣжденъ въ одной истинѣ: Наполеонъ—олицетвореніе народнаго духа и народной силы и народной славы, и весь французскій «народъ—бонапартистъ, но отнюдь не имперіалистъ». Это Беранже строго различаетъ, въ стихахъ, конечно, потому что всѣ бонапартистскія доблести и исторически и миѳологически могли воплотиться и дѣйствительно воплотились только въ имперіи и деспотизмѣ. Но отъ поэта строгой логики не требуется,—у него есть вещи почувствительнѣе, и перечитайте всѣ эти *Souvenirs du Peuple*, *Le vieux Caporal*, *Waterloo*—вы будете поражены наивностью и дѣтскостью поэтическаго вдохновенія.

*

Petit chapeau, redingote grise—на первомъ планѣ, а вмѣсто иллюминаціи—воспоминанія гренадеровъ, какъ они «тузили всѣхъ королей». Первобытный патріотизмъ и капральскій воинственный азартъ, подбитый сентиментальными бывальщинами старичковъ и старушекъ—вотъ и вся политика Беранже. Для полноты картины слѣдуетъ только припомнить посвященіе пѣсенъ Луціану Бонапарту. Оказывается, этому генію поэтъ обязанъ всей своей карьерой и вѣрой въ свой талантъ. «Стихоплётствуя безъ цѣли, безъ ободренія, безъ руководительства и безъ совѣтовъ», онъ послалъ свои опыты Луціану, тотъ наградилъ его деньгами, и съ тѣхъ поръ Беранже по смерть благодаренъ одному изъ Бонапартовъ и завѣряетъ, что Франція именемъ Луціана Бонапарта будетъ вѣчно гордиться...

Это та самая «гордость Франціи», которая на посту министра внутреннихъ дѣлъ ознаменовала себя позорнѣйшимъ взяточничествомъ: первый консулъ принужденъ былъ удалить ее съ этой должности; потомъ, въ качествѣ посла при лиссабонскомъ дворѣ та же «гордость Франціи» продала мирный договоръ Португаліи за тридцать милліоновъ франковъ... [55]).

Но не смотря на это, пѣсни Беранже съ великимъ успѣхомъ поддерживали легенду, и впослѣдствіи правительство Наполеона III знало, что дѣлало, устраивая похороны поэта на свой счетъ. И все-таки Беранже числился въ либералахъ, даже въ радикалахъ и ужъ, конечно, въ демократахъ: такова была политическая система и болѣе серьезныхъ противниковъ бурбонской династіи. Крайнія газеты, въ родѣ *Tribune*, прямо заявляли: «республика должна явиться къ намъ черезъ Наполеона II». Республиканскіе банкеты заканчивались процессіями къ Вандомской колоннѣ, съ революціонными пѣснями, и 5-го мая, въ день смерти Наполеона, рѣшетка вокругъ колонны увѣнчивалась вѣнками при крикахъ: *да здравствуетъ республика!..* Отчего же послѣ этого пенсіонеру Бонапарта не считать себя какимъ угодно крайнимъ радикаломъ и другомъ народа?

Болѣе чистый характеръ носили поэмы юнаго Виктора Гюго, сына наполеоновскаго генерала, слѣдовательно, семейными воспоминаніями привязаннаго къ легендѣ [56]). Гюго воспѣлъ Бонапарта, и его сына, и Вандомскую колонну, и тріумфальную арку, и очень энергично: по крайней мѣрѣ *empereur* у него риѳмуетъ съ *fureur*

---

[55]) О Люціанѣ у Léwy, livre III, IV.

[56]) Бонапартистская поэзія Гюго была собрана и издана въ одномъ томѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ подъ заглавіемъ *Le retour de l'Empereur*. Издатели называли свой сборникъ—«une espèce de l'epopée napoléonienne».

и *terreur*. Очень курьезное и въ тоже время не лишенное смысла совпаденіе. Содержаніе поэмъ не представляетъ большого интереса: все это будто военные марши или заказанныя оды на торжественные случаи.—«Roi! génie! empereur! martyr!»—вотъ стихъ,

Наполеонъ II.

заключающій въ себѣ всѣ мотивы бонапартистскаго вдохновенія Гюго. Но для насъ любопытно, что и для Гюго Бонапартъ—геній *свободы*, онъ «для народовъ, слишкомъ медлительныхъ въ прогрессѣ, мечомъ хотѣлъ завоевать то, что̀ долженъ завоевывать

умъ», и онъ особенно великъ въ паденіи [57]). Опять буквальное повтореніе сообщеній Делаказа: такъ удачно былъ данъ тонъ удивительной сказкѣ самимъ сказочнымъ царевичемъ!

Гюго впослѣдствіи излѣчился отъ недуга и, поражая въ *Châtiments* «маленькаго Наполеона», «большого» онъ сравнивалъ съ Аттилой... Но ему еще пришлось воспѣть 15-е декабря 1840 года, день погребенія праха Наполеона на берегахъ Сены.

Раньше этого событія бонапартистскій жаръ былъ подогрѣтъ безвременной и, несомнѣнно, драматической кончиной сына Наполеона. Какъ смотрѣли на него бонапартисты и вообще слагатели легенды, показываетъ его имя *Наполеонъ II*, — будто бы онъ наслѣдовалъ отцу на самомъ дѣлѣ [58]). Но этотъ Наполеонъ именовался оффиціально герцогомъ Рейхштадтскимъ, былъ разлученъ даже съ матерью, оторванъ отъ всего, что могло бы дать ему представленіе объ его происхожденіи. Для него составлялись особые учебники, онъ никогда не видалъ газетъ, не зналъ своего настоящаго имени и не смѣлъ говорить ни съ кѣмъ, кромѣ своего гувернера. До пятнадцати лѣтъ герцогъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о своемъ отцѣ.

Въ это время въ гувернеры къ нему опредѣлили португальскаго принца, донъ-Мигуэля, развратнаго авантюриста и преступника, едва умѣвшаго читать и писать. Послѣднія качества, очевидно, и соблазнили австрійское правительство, но оно не сообразило, что подобный гувернеръ менѣе всего способенъ хранить государственныя тайны. И онъ дѣйствительно открылъ принцу все, что зналъ объ его отцѣ, доставилъ ему даже нѣкоторыя историческія сочиненія и разсказалъ драму св. Елены. Принцъ слушалъ со слезами глубочайшаго негодованія и однажды, не сдержавъ себя, раздраженный притѣсненіями, онъ воскликнулъ: «что они хотятъ сдѣлать со мной? Или они думаютъ, что у меня голова моего отца?»...

Донъ-Мигуэля немедленно удалили, подвергли принца еще болѣе строгому надзору и быстро довели его до полной апатіи и нравственнаго маразма. Принцъ погрузился въ молчаніе и полное одиночество, организмъ быстро таялъ и въ іюлѣ 1832 года Наполеона II не стала.

Онъ не могъ знать, что именно въ это время его имя особенно часто произносилось во Франціи. Наканунѣ іюльской революціи оно воодушевляло республиканцевъ, замѣнило имя Напо-

---

[57]) *Le retour de l'Empereur*. IV; *Lui*, I. etc.

[58]) Между прочимъ Байронъ предлагалъ пріурочить это имя сыну Наполеона, не сомнѣваясь въ будущей славѣ и власти принца.

леона I и эта популярность не могла не повліять на быстроту развязки. Бонапартисты не безъ основанія Австрію и Англію ставили рядомъ по ихъ ролямъ въ судьбѣ Наполеоновъ. Въ радикальныхъ газетахъ по поводу кончины герцога Рейхштадтскаго, повторилась исторія изъ эпохи смерти Наполеона I: тѣ же оды бонапартистскому либерализму и величію и на этотъ разъ до такой степени шумныя и настойчивыя, что іюльская монархія—созданіе революціи, оказалась вынужденною освятить легенду, сначала возстановила статую на Вандомской колоннѣ, а потомъ перевезла и самый прахъ съ о-ва св. Елены. Всѣ эти событія, конечно, поддерживали лихорадку и правительство своими уступками только разожгло страсти: мѣсто Наполеона II занялъ Луи Наполеонъ. Въ началѣ іюльской монархіи онъ издалъ свои *политическія мечтанія* и заявилъ, что его принципы «всецѣло республиканскіе». Потомъ слѣдовалъ *проектъ конституціи*, гдѣ было все—и плебисцитъ, и республика, и самодержавіе народа, и право на трудъ, т. е. соціализмъ... Эта декламація была далеко не безцѣльна. Съ Луи Наполеономъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ въ сношеніяхъ даже Лафайэттъ—герой всѣхъ революцій и всякой оппозиціи,—и карьера второго императора развивалась одновременно съ усиленіемъ оппозиціонныхъ силъ при іюльской монархіи. Будущее, конечно, показало, чего стóитъ республиканизмъ Бонапарта: герой не остановился предъ клятвопреступленіемъ—и въ одну ночь республика оказалась имперіей.

Таковъ смыслъ и ходъ легенды вплоть до ея живого воплощенія въ лицѣ Наполеона III. Намъ ясны основы, на которыхъ она выросла. Главная изъ нихъ та же, что создала власть родоначальника бонапартизма: политическая близорукость и бездарность, нравственная безпринципность и легкомысліе, партійное ожесточеніе и междоусобная парламентская война во что бы то ни стало, менѣе всего изъ-за разумно понятыхъ принциповъ свободы и народнаго блага, короче, мутная вода въ общественной и частной жизни. Именно въ такомъ смыслѣ объясняетъ разцвѣтъ бонапартизма даже Гейне, самый восторженный поклонникъ Бонапарта и менѣе всего повинный въ твердыхъ политическихъ принципахъ: «странное междуцарствіе безъ умственныхъ сановниковъ» [59]), это очень метко сказано о бонапартисткомъ карнавалѣ во время реставраціи и іюльской монархіи. Наполеонъ III и въ пятидесятыхъ годахъ оказался такой же сильной личностью, хотя

---

[59]) Парижъ 20 іюня 1840. *Французскія дѣла*. Сочиненія. Спб. 1866, VIII, 90—1.

бы даже только по своему имени, какою его предшественникъ явился на опустошенной сценѣ террора.

Мы видимъ, легенда отнюдь не новѣйшаго происхожденія, она родилась на скалѣ св. Елены и питалась мистификаціями и иллюзіями сначала самого героя, потомъ его спутниковъ и, наконецъ, прозелитовъ. Наше время только длитъ многолѣтнее преданіе и этимъ доказываетъ, что политическая и нравственная почва для бонапартизма до сихъ не исчезла, пожалуй, даже окрѣпла. На смѣну поэтовъ и публицистовъ являются ученые и вмѣсто чувствъ и фразъ пускаютъ въ ходъ факты и цитаты.

Какія операціи производятся въ этой современной *положительной* области, съ совершенной ясностью можно увидѣть изъ немногочисленныхъ, но краснорѣчивыхъ данныхъ.

Мы заранѣе знаемъ, что всякая нравственная или политическая идеализація Бонапарта—непремѣнно плодъ или наивнаго недоразумѣнія, или сознательной лжи. Слишкомъ много яркихъ и безусловно достовѣрныхъ завѣтовъ и дѣлъ оставилъ исторіи Бонапартъ, чтобы можно было его естественнымъ путемъ возводить на ту или другую идеальную высоту.

Возьмемъ двѣ поэмы на тему легенды: одна имѣетъ дѣло съ *человѣкомъ*, другая съ *политикано́мъ*, въ одной предъ нами должно явиться существо, у котораго «струна гуманности самая отзывчивая», въ другой—«геній внѣ сравненія» [60]). Вторая поэма во всемъ будетъ опровергать первую: гдѣ въ одной—снисходительность къ окружающимъ и даже къ прислугѣ, тамъ въ другой—удары, пинки, ругательства, гдѣ въ одной строгая семейная мораль и необычайно любящее сердце, тамъ въ другой—противоестественныя преступленія противъ нравственности и наглый смѣхъ надъ всякимъ чувствомъ. Короче, одного сказочника можно было бы опровергнуть и окончательно разбить съ помощью другого. Но для насъ любопытнѣе видѣть, какъ тотъ и другой самъ побиваетъ себя, а ихъ обоихъ вмѣстѣ— исторія.

Леви считаетъ Наполеона образцомъ добродушнаго буржуа и гуманнѣйшаго властителя. Доказательства слѣдующія. Наполеонъ прощаетъ Луціану-брату скандальнѣйшую дѣятельность, но безпощадно преслѣдуетъ другихъ за малѣйшія упущенія. Онъ терпитъ при себѣ Талейрана, зная его интриги, изъ добросердечія, но здѣсь же приводится письмо Наполеона къ Іосифу; изъ него видно, что вѣрность Талейрана зависитъ отъ поворота фортуны, т. е. извѣстный намъ мотивъ на счетъ звѣзды и продажныхъ

---

[60]) Lévy. *Taine intime*, 413. Taine. *Le régime moderne* I, 5, 21, etc.

рабовъ. Наконецъ, Наполеонъ содержитъ армію въ Италіи и даже посылаетъ деньги во Францію, но здѣсь же указывается, что въ теченіе одного года Италія ограблена на четыреста милліоновъ. И такъ повсюду, гдѣ Леви неосторожно приводитъ факты. Если же источники явно противъ него, тогда онъ стремится подорвать ихъ кредитъ соображеніями на счетъ «семейныхъ обстоятельствъ», напримѣръ, г-жа Сталь и г-жа Ремюза даютъ неблагопріятныя свѣдѣнія о Наполеонѣ, потому что обѣ въ него безнадежно влюблены, или обходитъ даже благосклоннѣйшихъ къ Наполеону свидѣтелей, напримѣръ, Коленкура, на счетъ безсердечныхъ отношеній Бонапарта къ товарищамъ по школѣ и къ женщинамъ; третій пріемъ еще проще: авторъ просто извращаетъ и факты, и источники. Напримѣръ, описывается путешествіе Наполеона на Эльбу, ярость народа изображена довольно вѣрно, но поведеніе Наполеона легендарно прикрашено: онъ, *«умоляемый своей свитой»*, рѣшилъ переодѣться и ѣхать курьеромъ. Мы знаемъ, кто кого умолялъ и знаемъ доподлинно какъ разъ отъ того самаго очевидца, на котораго ссылается авторъ. Но оригинальнѣе всего Леви доказываетъ великую для себя и вообще для всѣхъ легендаристовъ истину, что Наполеонъ—истинный французъ. Доказательства—разныя лестныя изреченія Бонапарта по адресу французовъ и Франціи: всѣмъ имъ можно въ изобиліи противоставить столь же краснорѣчивыя изреченія, но совершено другого смысла, доказывающія, что Наполеонъ считалъ себя итальянцемъ и презиралъ французовъ. Впрочемъ, самое сильное заключительное восклицаніе автора гласитъ: «Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы могъ не быть французомъ герой императорской эпопеи?» Это восклицаніе говоритъ само за себя и невольно подсказываетъ отвѣтъ: Наполеонъ, герой эпопеи, также мало могъ быть французомъ, какъ Леви, авторъ легенды, историкомъ.

У Тэна болѣе серьезныя цѣли. Онъ не могъ, конечно, прославлять гуманность и французское сердце Бонапарта, и свою характеристику Наполеона-человѣка основалъ преимущественно на показаніяхъ свидѣтелей, особенно презираемыхъ Леви, г-жи Сталь и г-жи Ремюза. Г-жа Сталь съ большимъ краснорѣчіемъ изобразила эгоизмъ Наполеона: эту страницу ея сочиненія Тэнъ кладетъ въ основу своихъ разсужденій, объявляя *la passion maîtresse* Бонапарта—*l'amour propre*. Потомъ г-жа Сталь указала на сходство Наполеона съ итальянскими тираннами XIV и XV вѣковъ, Тэнъ объявилъ его *кондотьеромъ* и назвалъ его первообразы изъ итальянской исторіи.

Можно было бы ожидать, что историкъ и дальше послѣдуетъ

за своимъ источникомъ, характеризуя Наполеона государственнаго дѣятеля. Этого нѣтъ, потому что историку нужна легенда, а г-жа Сталь представляетъ очень прозаически геній и умъ цезаря.

Она прежде всего говоритъ, что военный талантъ далеко не всегда свидѣтельствуетъ о высшихъ умственныхъ способностяхъ, что всемогущему человѣку несравненно легче прослыть умнымъ, чѣмъ обыкновенному, что претензія Наполеона на всезнаніе и всеобъемлющее управленіе — шарлатанство, что, наконецъ, его власть—просто военная тираннія.

Все это не на руку Тэну. Ему нуженъ Наполеонъ съ исключительнымъ умомъ, политическимъ геніемъ, необъятными свѣдѣніями. Мы имѣли возможность оцѣнить всѣ эти чудеса, открытыя историкомъ. Для насъ теперь любопытно рѣшить вопросъ, что именно заставило Тэна заговорить вдругъ восторженнымъ и гиперболическимъ стилемъ?

Очень простое обстоятельство, похожее на то, какое Гете отчасти заставило преклониться передъ Наполеономъ. Цезарь конфисковалъ революцію въ свою пользу, наложилъ желѣзную руку на мечтавшую и волновавшуюся Францію, вообще явилъ въ лицѣ своемъ самое разительное и послѣдовательное отрицаніе революціи. А Тэнъ раньше характеристики Наполеона написалъ три тома съ открытымъ и необыкновенно стремительнымъ намѣреніемъ уничтожить революцію, какъ дневной разбой, грабежъ и всякаго рода развратъ. Очевидно, величіе Наполеона было предопредѣлено заранѣе, и Тэнъ съ полной искренностью міросозерцаніе цезаря, все исключительно основанное на низменныхъ инстинктахъ человѣчества и звѣрскихъ наклонностяхъ отдѣльной личности и цѣлаго общества, противопоставилъ идеализму и вѣрѣ людей прошлаго вѣка.

Еще въ книгѣ о *Старомъ порядкѣ* Тэнъ заявилъ, что для человѣка «животнаго, плотояднаго и хищнаго», единственное надежное правительство—вѣчно вооруженный жандармъ; такой взглядъ исповѣдывалъ и Бонапартъ, и вполнѣ осуществилъ его своей государственной дѣятельностью. Естественно, Тэнъ станетъ превозносить до небесъ государственную проницательность и положительность своего героя, и будетъ привѣтствовать его именно за то, что онъ отлично умѣлъ владѣть шпагой, «разбивать головы» и «ломать кости»: ничего этого не признавали теоретики и идеологи XVIII вѣка, и первые революціонные правители «буржуа-философы», «гуманные оптимисты» [62]). Наполеонъ по части всевозможныхъ экскурсій былъ внѣ конкурса и — честь ему и слава.

---

[61]) Ср. Lévy 563 и Taine 6, 9, 10, etc.

[62]) *La Revolution* I, 260.

Тэнъ, слѣдовательно, попалъ относительно Наполеона въ то самое положеніе, въ какомъ находились старые контрреволюціонеры и мракобѣсы, при консульствѣ и имперіи. Они привѣтствовали Бонапарта исключительно ради его «сильной власти» и непримиримой ненависти къ умственному движенію предыдущей эпохи, и отзывы Тэна о революціи и реакціи должны были окончательно совпасть съ философіей такихъ людей, какъ Бональди, Деместръ. Даже больше, Тэнъ въ своемъ идеальномъ представленіи о политической системѣ Бонапарта повторилъ идеи наемныхъ поэтовъ имперіи.

Эти поэты, согласно вкусу самого властителя, усиленно отыскивали тождественныхъ чертъ въ современномъ цезарѣ и его античныхъ предшественниковъ. Наполеонъ во снѣ и на яву грезилъ римскими преданіями, конечно, изъ эпохи упадка, и поощрялъ соотвѣтствующіе поэтическіе сюжеты въ драматической литературѣ. Тэнъ путемъ науки стремится доказать, что Бонапартъ дѣйствительно двойникъ римскихъ императоровъ: онъ «Діоклетіанъ изъ Айяччо», «Константинъ конкордата», «Юстиніанъ гражданскаго кодекса», «Ѳеодосій Тюльери и С.-Клу», вообще «ультраклассикъ» и его система—«образцовое произведеніе классическаго духа», истинное созданіе разума, необычайно стройное и прочное [63]).

Ясно, Наполеонъ для Тэна служилъ такимъ же желательнымъ орудіемъ, какимъ онъ былъ въ рукахъ бонапартистовъ первой половины XIX вѣка. Только содержимое этого орудія другое, оно измѣнилось сообразно съ цѣлью застрѣльщика. Раньше бонапартизму приходилось бороться *противъ реакціи*, и Бонапартъ долженъ былъ олицетворять *революцію.* Новѣйшій историкъ, весь проникнутый ненавистью къ демократіи и запуганный ея совершенно непонятнымъ для него историческимъ движеніемъ, преисполненъ яростнымъ личнымъ чувствомъ противъ исходнаго момента этого движенія, *противъ революціи*, и Бонапартъ долженъ подняться на идеальную высоту уже не какъ преставитель «республиканизма» и «принциповъ нашей революціи», а какъ положительный классическій врагъ всѣхъ этихъ утопій и вообще всякой идеологіи.

Послѣдняя роль, конечно, несравненно свойственнѣе нашему герою, она именно и есть сущность бонапартизма и освѣщеніе ея путемъ фактовъ и историческихъ свидѣтельствъ—несомнѣнная заслуга автора. Но другой вопросъ, законно ли и научно ли настроеніе историка, восхищеннаго естественными доблестями бонапартизма? Дѣйствительно ли *положительныя* воззрѣнія Наполеона на человѣчество и его ультраклассическая *казарма*—это выраже-

---

[63]) Merlet. o. c. 165; Taine. *Rég. mod*, I, 179, 187.

ніе самого историка—послѣднія слова морали и политики? Повидимому, въ отвѣтѣ на подобный вопросъ не можетъ быть затрудненія: стоитъ его рѣшить *утвердительно*, и тогда исчезнетъ рѣшительно всякій смыслъ дѣйствительно человѣческой жизни, окажется тяжелымъ и безумнымъ сномъ всякая вѣра въ другіе задатки человѣческой природы, помимо хищничества и звѣрства, и надежда на иные результаты историческаго развитія, кромѣ непрестанной всеобщей войны.

Тэнъ именно и пришелъ къ такой философіи, и его легенда о Бонапартѣ, точнѣе легендарное освѣщеніе дѣйствительной личности Бонапарта,—только моментъ этой философіи. Тэнъ въ личныхъ признакахъ рисуетъ совершенно безнадежную даль человѣческой исторіи: люди навсегда останутся охотниками за дичью, не перестанутъ быть убійцами или жертвами. «Естественное назначеніе человѣка, какъ всякаго животнаго, или быть убитымъ, или умереть съ голоду», и такъ пребудетъ до конца [64]). При такомъ порядкѣ вещей, разумѣется, высшее назначеніе принадлежитъ *сильнѣйшимъ животнымъ* въ самомъ прямомъ смыслѣ слова, т. е. существамъ, менѣе всего способнымъ считаться съ идеями культурнаго разума и внушеніями гуманнаго чувства. Таковымъ именно и являлся французскій цезарь въ своихъ откровеннѣйшихъ признаніяхъ во времена власти и во всей своей дѣятельности.

Этимъ совпаденіемъ бонапартизма съ философіей крайняго пессимизма и матеріализма окончательно освѣщается нравственный и культурный смыслъ наполеоновской личности, человѣческой, культурной и политической. Легенда въ своемъ послѣднемъ высшемъ развитіи сослужила великую службу исторической правдѣ и совѣсти человѣчества: бонапартизмъ, въ лицѣ своего родоначальника, выросшій на почвѣ политическаго и нравственнаго ничтожества и униженія современниковъ, во всѣ эпохи своего развитія оставался вѣрнымъ своимъ первоисточникамъ,—отражалъ, сопровождалъ и питалъ ограниченность и незрѣлость общественной мысли, пошлость и низменность нравственнаго міросозерцанія, и бонапартистская легенда до тѣхъ поръ не замолкнетъ, пока въ нашемъ мірѣ не возобладаютъ ея естественные и могущественнѣйшіе враги—высоко просвѣщенная свободная общественная мысль и непоколебимая нравственная энергія.

Ив. Ивановъ.

---

64) *Vie et opinions de M. Graindorge.* Paris 1867, 317—324.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ФАКТОРЪ И ИДЕИ.

(Отвѣтъ моимъ оппонентамъ).

Моя статья «Значеніе экономическаго фактора въ исторіи», помѣщенная въ декабрьской книжкѣ «Міра Божьяго» за прошлый годъ, вызвала нѣсколько возраженій. Г-нъ Оболенскій посвятилъ ей фельетонъ въ № 357 «Новостей», г-нъ Михайловскій разбираетъ её въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Русскаго Богатства», а проф. Карѣевъ отводитъ ей главу въ своей недавно вышедшей книгѣ: «Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ». Всѣ три названные автора не соглашаются съ основнымъ положеніемъ моей статьи о господствующемъ значеніи въ общественной жизни экономическихъ отношеній, и упрекаютъ меня въ томъ, что я не придаю должнаго значенія въ исторіи идеямъ. Особенно негодуетъ на меня г-нъ Михайловскій: по его словамъ, я говорю ужасныя, непростительныя вещи, отрицаю пользу науки и просвѣщенія, проповѣдую квіэтизмъ, не вижу въ человѣческой жизни ничего, кромѣ хозяйства, даже не признаю законовъ наслѣдственности и т. д., и т. д. Словомъ, «беру великій грѣхъ на свою душу», а статья моя «не украшаетъ почтенный журналъ», дерзнувшій помѣстить ее.

Г-нъ Михайловскій полагаетъ, что нужно выбирать одно изъ двухъ — или искать причину всѣхъ историческихъ перемѣнъ въ условіяхъ хозяйства—и въ такомъ случаѣ незачѣмъ писать книги, читать лекціи, заботиться о народномъ образованіи, потому что все равно—говори, не говори,—а выйдетъ то, что требуется этими самыми хозяйственными условіями; или же—нужно признать значеніе факторовъ не-экономическихъ, напр., идей, умственнаго развитія человѣчества, и тогда нельзя на первый планъ выдвигать экономическій факторъ. Г-нъ Михайловскій думаетъ, что поймалъ меня на противорѣчіи съ самимъ собой: для чего я пишу книги и читаю лекціи, если я все свожу къ экономическому фактору? «Онъ, этотъ факторъ, по словамъ г-на Михайловскаго, и самъ съумѣетъ

заявить себя». И эта альтернатива представляется ему до такой степени неотразимой, что, хотя я въ своей статьѣ неоднократно заявляю, что отнюдь не думаю отрицать вліянія идей на ходъ исторіи и придаю имъ огромное значеніе—г-нъ Михайловскій считаетъ себя вправѣ игнорировать мои заявленія. Все мое пониманіе исторіи требуетъ, по его мнѣнію, признанія идей и идеаловъ пустяками, и потому, какъ бы я ни открещивался отъ подобнаго вывода, онъ все-таки непосредственно вытекаетъ изъ моихъ посылокъ.

Вотъ этимъ-то вопросомъ я и хочу заняться въ настоящее время.

Нужно-ли выбирать между признаніемъ господства экономическаго фактора, и въ такомъ случаѣ отрицать значеніе идей, ил можно одновременно признавать и то, и другое? Прежде чѣмъ перейти къ идеямъ, я остановлюсь на болѣе простомъ вопросѣ—на изобрѣтеніяхъ. Дѣло въ томъ, что противъ доктрины, которую я защищаю, нерѣдко слышатся возраженія въ такомъ родѣ: она объясняетъ весь экономическій процессъ эволюціей производительныхъ силъ. Но отчего зависитъ состояніе производительныхъ силъ въ каждый данный моментъ? Отъ состоянія техники. А отчего зависитъ состояніе техники? Отъ нашего пониманія законовъ природы. Промышленный переворотъ въ Англіи въ концѣ прошлаго вѣка былъ вызванъ изобрѣтеніемъ цѣлаго ряда машинъ. Но вѣдь эти изобрѣтенія сами по себѣ являются ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ дѣятельности человѣческаго ума; слѣдовательно, если даже признать, что измѣненіе производительныхъ силъ ведетъ къ измѣненію всего соціальнаго строя, то конечная причина соціальной эволюціи все-таки будетъ заключаться не въ экономическихъ отношеніяхъ, а въ развитіи человѣческаго ума. Именно этотъ аргументъ приводитъ противъ меня г-нъ Оболенскій въ фельетонѣ въ «Новостяхъ» и развиваетъ его въ своей статьѣ «Представляетъ ли англійскій капитализмъ нормальную стадію развитія», помѣщенной въ февральской книжкѣ «Новаго Слова». Г-нъ Оболенскій пытается выяснить причины быстраго развитія фабричнаго производства въ Англіи въ концѣ прошлаго вѣка, и приходитъ къ выводу, что «генезисъ англійскаго капитализма былъ обусловленъ схожденіемъ нѣсколькихъ серій самостоятельныхъ эволюцій, пришедшихъ къ англійской промышленности извнѣ (напр., географическихъ открытій, научнаго прогресса и изобрѣтеній, ряда успѣшныхъ войнъ, и т. д.)». Я очень радъ, что г-нъ Оболенскій переноситъ споръ на конкретную почву. Примѣръ англійскихъ изобрѣтеній, вызвавшихъ промышленную революцію, особенно поучителенъ еще и потому, что врядъ ли какія-либо изо-

брѣтенія имѣли большее историческое значеніе. Никто, разумѣется, не станетъ отрицать соціальнаго значенія капитализма, а современный капитализмъ былъ бы немыслимъ безъ техническихъ успѣховъ конца XVIII вѣка. Изъ всѣхъ изобрѣтеній этой эпохи самымъ важнымъ было изобрѣтеніе прядильной и ткацкой машины, которое, собственно, и вызвало промышленную революцію.

Чѣмъ же были вызваны эти изобрѣтенія? Для г-на Оболенскаго все дѣло объясняется эволюціей науки. Но, къ сожалѣнію, ни о какой научной эволюціи въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ Аркрайтъ (изобрѣтатель ватерной прядильной машины) до конца своей жизни не умѣлъ грамотно писать, и былъ человѣкомъ совершенно невѣжественнымъ, Гаргривсъ, изобрѣтатель прядильной машины «Дженни», тоже былъ простымъ ручнымъ ткачемъ и никакими науками никогда не занимался, такъ же какъ и Кромптонъ—такой же ручной ткачъ, изобрѣтшій такъ называемую мюльную машину, которая окончательно убила ручное пряденіе. Но если эти изобрѣтенія вызваны не успѣхами науки, то чѣмъ же? Можетъ быть, просто случайностью, тѣмъ, что въ Англіи въ концѣ XVIII вѣка родилось нѣсколько талантливыхъ людей, обладавшихъ выдающеюся изобрѣтательностью? Такое объясненіе было бы типичнымъ для господствующей исторической школы.

Но хотя изобрѣтатели прядильной машины несомнѣнно были людьми способными, тѣмъ не менѣе, нужно еще объяснить, почему способности ихъ направились именно на изобрѣтеніе прядильной машины, а не на что-либо другое. Къ счастью, исторія великихъ изобрѣтеній прошлаго вѣка настолько извѣстна, что мы можемъ личность изобрѣтателя оставить совсѣмъ въ сторонѣ. Исторія эта весьма любопытна и поучительна, и, надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня, если я остановлюсь на ней нѣсколько подробнѣе.

Чѣмъ было вызвано самое важное изъ этихъ изобрѣтаній—прядильная машина? На это пусть отвѣтитъ Бэнсъ, писатель 30-хъ годовъ, не зараженный никакими новѣйшими доктринами, авторъ замѣчательной книги «History of the Cotton Manufacture», которая и по настоящее время не потеряла своего значенія. «Хлопчато-бумажная промышленность никогда не получила бы широкаго распространенія въ Англіи и не пріобрѣла бы первостепеннаго національного значенія, если бы не былъ открытъ способъ производить, при одинаковой затратѣ труда, большее количество пряжи... Въ половинѣ XVIII вѣка спросъ на бумажныя издѣлія сильно превысилъ предложеніе. Прядильщикъ никакъ не могъ угнаться за

ткачемъ. Пряжа и тканье производились въ одномъ и томъ же коттэджѣ, но вся семья ткача не могла снабдить его достаточнымъ количествомъ пряжи, и ткачъ былъ принужденъ съ большимъ трудомъ собирать пряжу у окрестныхъ прядильщиковъ. Прялка съ однимъ колесомъ, хотя она работала съ утра до ночи въ тысячахъ коттэджей, не могла угнаться за ткацкимъ станкомъ и за спросомъ торговца» (Baines, 117). Понятно, говоритъ Бэнсъ далѣе,—при такихъ условіяхъ тысячи лицъ ломали себя голову надъ тѣмъ, какъ бы устроить прялку такимъ образомъ, чтобы на ней можно было одновременно прясть нѣсколько нитокъ. И такая прялка была, наконецъ, изобрѣтена, или, точнѣе говоря, старое изобрѣтеніе было усовершенствовано, приспособлено къ практическимъ цѣлямъ, и, подъ именемъ ватерной машины Аркрайта, произвело величайшій переворотъ въ промышленной техникѣ всего міра.

Еще въ 1738 году нѣкій Джонъ Вайетъ изъ Бирмингама взялъ патентъ на прядильную машину. Изобрѣтатель былъ такъ бѣденъ, что даже принужденъ былъ взять патентъ не на свое имя. Какъ большинство истинныхъ изобрѣтателей, одаренныхъ творческимъ геніемъ, Вайетъ, не обладалъ практическими талантами—устроенная имъ прядильная фабрика не пошла, и самъ изобрѣтатель въ скоромъ времени очутился въ долговой тюрьмѣ. Интересно, что причина банкротства первой прядильной фабрики заключалась въ трудности найти сбытъ для пряжи. Изобрѣтеніе было сдѣлано слишкомъ рано—на него еще не было спроса, экономическія условія для него еще не созрѣли, и Вайетъ раззорился, а его машина не обратила на себя ничьего вниманія, и въ скоромъ времени была такъ основательно забыта, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ Аркрайтъ могъ безпрепятственно взять патентъ на такую же машину, какъ на свое изобрѣтеніе. Въ 1764 г. или 1765 г. нѣкто Гайгсъ вновь изобрѣлъ прядильную машину; будучи человѣкомъ бѣднымъ, онъ не могъ устроить фабрики и старался держать свое изобрѣтеніе въ секретѣ; но такъ какъ въ то время уже появился сильный спросъ на пряжу, то Гайгсу не удалось удержать своего секрета, и вся честь и выгоды преобразованія хлопчатобумажнаго производства достались Ричарду Аркрайту. Аркрайтъ былъ простой цирюльникъ, безъ всякаго образованія (какъ уже сказано, онъ до конца жизни не выучился грамотно писать); ему удалось похитить изобрѣтеніе Гайгса и въ 1768 г. онъ устроилъ прядильную фабрику, на которой пряденіе совершалось при помощи усовершенствованной имъ самимъ машины Гайгса, которая въ существенныхъ чертахъ мало отличалась отъ машины Вайета.

Ричардъ Аркрайтъ, безъ сомнѣнія, обладалъ выдающимися техническими способностями, но еще замѣчательнѣе его практическая ловкость и предпріимчивость, благодаря которой онъ не раздѣлилъ судьбы истинныхъ изобрѣтателей ватерной машины и поставилъ дѣло на практическую почву. Онъ первый устроилъ бумагопрядильную фабрику, имѣвшую успѣхъ, и этимъ далъ толчокъ къ поразительно быстрому распространенію такихъ фабрикъ въ Англіи. Его машина изготовляла только основу. Машина для изготовленія утка была самостоятельно изобрѣтена Гаргривсомъ, простымъ ткачемъ изъ окрестностей Блэкборна. Какъ и прочіе ткачи, Гаргривсъ нуждался въ пряжѣ, которую такъ трудно было достать въ то время. И вотъ, чтобы какъ-нибудь ускорить пряденіе, онъ устроилъ свою знаменитую машину, которую назвалъ «Дженни», въ честь своей дочери. Онъ старался держать въ секретѣ свое изобрѣтеніе, сдѣланное, по всей вѣроятности, въ 1764 г., и пользовался имъ лично—семья его пряла на новой машинѣ, а онъ ткалъ. Но въ то время удержать въ секретѣ такое важное изобрѣтеніе, въ которомъ чувствовалась громадная потребность, было уже невозможно. «Дженни» быстро распространились по всей странѣ, а самъ Гаргривсъ умеръ въ бѣдности.

Третьимъ, не менѣе важнымъ изобрѣтеніемъ, была мюльная машина Кромптона, которая до извѣстной степени представляла комбинацію машинъ Аркрайта и Гаргривса. Кромптонъ былъ такой же простой ткачъ, какъ Гаргривсъ, и, также какъ и послѣдній, былъ подвинутъ къ своему изобрѣтенію нуждою въ пряжѣ. Машина Кромптона была изобрѣтена въ 1779 г.; по словамъ Кромптона, въ слѣдующемъ же году онъ былъ поставленъ въ необходимость или предать свое изобрѣтеніе гласности, или разрушить машину, такъ какъ держать ее въ секретѣ и работать на ней дома было невозможно.

Наконецъ, послѣднее великое изобрѣтеніе въ области прядильно-ткацкаго производства—механическій ткацкій станокъ—было сдѣлано лицомъ, вполнѣ чуждымъ промышленности. Провинціальный священникъ, д-ръ Картрайтъ, изобрѣтатель перваго механическаго ткацкаго станка, разсказываетъ, что онъ натолкнулся на мысль о своемъ изобрѣтеніи совершенно случайно. Однажды ему случилось разговаривать со своимъ знакомымъ фабрикантомъ о необходимости изобрѣсти ткацкую машину, потому что иначе некуда дѣвать пряжу, изготовляемую на вновь изобрѣтенныхъ прядильныхъ машинахъ. Ему пришло въ голову, что устроить такую машину должно быть не очень трудно; никогда не видавши ни одного ткацкаго станка, онъ принялся за работу, и дѣйствительно, въ ско-

ромъ времени, при помощи плотника и слесаря соорудилъ первую ткацкую машину, и немедленно взялъ на нее патентъ (1785).

Теперь спрашивается, возможно ли считать всѣ эти изобрѣтенія дѣломъ случая, или геніальности изобрѣтателей? Я не думаю, конечно, отрицать, что для этихъ изобрѣтеній требовались не заурядныя умственныя способности. Но можно ли считать случайностью, если монета упадетъ нѣсколько разъ рѣшеткою, при подбрасываніи ея, скажемъ, 10 разъ? Вотъ если-бы она ни разу не упала рѣшеткой, это было бы, дѣйствительно, случаемъ очень рѣдкимъ. Точно также обстоитъ дѣло и съ изобрѣтеніями. Въ извѣстное время, по чисто экономическимъ условіямъ, является потребность въ томъ или иномъ улучшеніи техники производства. Тысячи людей ломаютъ себѣ голову, какъ бы усовершенствовать ту или иную операцію—было бы странно, если бы никто ничего новаго не придумалъ. Не тотъ, такъ другой—если бы не Вайетъ, то Гайгсъ, не Гайгсъ, то Аркрайтъ, Кромптонъ, или другіе, менѣе извѣстные люди, сдѣлали бы въ концѣ XVIII вѣка тѣ улучшенія въ ручной прялкѣ, которыя были такъ настоятельно необходимы въ то время. Если бы въ концѣ XVIII вѣка не появился сильный спросъ на бумажныя ткани,—никому не пришло бы и въ голову тратить свои умственныя силы на придумываніе способовъ «пряденія безъ помощи рукъ».

Но, быть можетъ, читатель спроситъ: почему же спросъ на пряжу такъ усилился именно во второй половинѣ XVIII вѣка? На это также отвѣтить не трудно. Дѣло въ томъ, что въ это время условія обмѣна въ Англіи глубоко измѣнились. Уже съ XVI вѣка въ Англіи начинаетъ быстро развиваться морская торговля, благодаря великимъ географическимъ открытіямъ, ознаменовавшимъ начало новой исторіи. Но до половины XVIII вѣка торговля все-таки была очень ограничена и не играла доминирующей роли въ экономической жизни Англіи по очень простой причинѣ: море было широкой дорогой, открытой для всѣхъ предпріимчивыхъ людей, но сообщеніе внутри страны было крайне затруднительно, вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія дорогъ. Преобладающая форма торговли въ то время была морская. За нѣсколько десятковъ миль отъ берега торговля уже падала, и внутри страны господствовало натуральное хозяйство. Но со второй половины XVIII вѣка условія сообщенія внутри страны измѣнились: съ 1755 г. Англія энергично приступила къ постройкѣ сѣти каналовъ, которые въ концѣ XVIII вѣка играли такую же роль, какъ желѣзныя дороги въ наше время. Къ эпохѣ промышленной революціи Англія пріобрѣла превосходные внутренніе пути сообщенія, что и вызвало быстрое

расширеніе внутренней торговли и увеличеніе спроса на мануфактурныя издѣлія, въ томъ числѣ и на бумажныя ткани.

Но, быть можетъ, читатель все-таки еще не удовлетворенъ— англійская торговля не могла бы развиться безъ великихъ географическихъ открытій конца XV и начала XVI вѣка. А развѣ эти открытія были вызваны экономическими причинами? Да, чисто экономическими. Колумбъ искалъ морского пути въ Индію не вслѣдствіе пытливости своего ума, а потому, что открытіе этого пути настоятельно требовалось торговлей. Роджерсъ въ своей книгѣ «The Economic Interpretation of History» (стр. 10—11) слѣдующимъ образомъ объясняетъ причины открытія Америки. Въ XII и XIII столѣтіяхъ торговые пути изъ Индіи въ Западную Европу проходили черезъ Левантъ или Египетъ и итальянскіе приморскіе города. Затѣмъ восточные товары переправлялись черезъ Альпы и шли дальше по Рейну. Процвѣтаніе въ средніе вѣка Генуи и Венеціи, городовъ по Рейну и во Фландріи объясняется именно тѣмъ, что эти города лежали на великомъ торговомъ пути въ Индію. Разложеніе Византійскаго государства и завоеваніе его дикими, некультурными народами загородило единственный каналъ, по которому восточные товары приливали къ Европѣ. Города, стоявшіе на этомъ пути, пришли въ упадокъ, и отысканіе новаго морского пути въ Индію стало настоятельной необходимостью. Васко де-Гама и Колумбъ отправились разными путями искать одного и того же—восточныхъ товаровъ, подвозъ которыхъ сухимъ путемъ сдѣлался крайне затруднителенъ.

Итакъ, вотъ какія причины повели къ созданію современнаго капитализма со всѣми его многообразными проявленіями въ области политики, науки и другихъ областяхъ народной жизни. Изобрѣтенія, которыя непосредственно вызвали промышленную революцію, были естественнымъ результатомъ экономической эволюціи Англіи. Всякій, знакомый съ исторіей этихъ изобрѣтеній, безусловно согласится съ Гельдомъ, «что возникновеніе фабричнаго производства абсолютно не зависѣло отъ случая, но явилось результатомъ въ высшей степени систематическаго развитія» (Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands, 594), причемъ, какъ замѣчаетъ Гельдъ, первенствующую роль въ этомъ развитіи играли условія сбыта.

Исторія изобрѣтенія паровой машины слишкомъ извѣстна, чтобы на ней стоило останавливаться. Уже въ 1543 г. испанскій капитанъ Бласко-де-Гарэ (Blasco de Garay) устроилъ лодку, двигавшуюся паромъ. Затѣмъ цѣлый рядъ другихъ изобрѣтателей вновь изобрѣтали паровую машину, пока Ньюкомэнъ, въ 1705 г.

(простой кузнецъ) не взялъ патентъ на свою машину для выкачиванія воды изъ рудниковъ. Наконецъ, эта машина была усовершенствована Уаттомъ и дала крупному производству ту силу, которая требовалась для приведенія въ дѣйствіе громоздкихъ механизмовъ. «Вошедшая въ пословицу печальная судьба самыхъ геніальныхъ изобрѣтателей не есть доказательство человѣческой неблагодарности, какъ предполагаетъ со своей обычной поверхностностью идеологическое пониманіе исторіи, но есть легко объяснимое слѣдствіе того факта, что не изобрѣтеніе само по себѣ вызываетъ экономическій переворотъ, а экономическій переворотъ вызываетъ изобрѣтеніе» (F. Mehring, Lessing-Legende, 456).

Въ послѣднее время огромное вліяніе на техническія изобрѣтенія оказывали стачки рабочихъ. «Со времени 1825 г. почти всѣ новѣйшія изобрѣтенія были вызваны столкновеніями между предпринимателями и рабочими. Послѣ каждой, сколько-нибудь значительной стачки, возникала новая машина» (Das Elend der Philosophie, 139). Другимъ стимуломъ къ промышленнымъ изобрѣтеніямъ являются промышленные кризисы. По словамъ экономиста I. Чадвика, «очень важно имѣть въ виду, что крупныя улучшенія въ хлопчато-бумажномъ производствѣ вызываются преимущественно послѣдовательными періодами промышленнаго застоя. Аксіомой Кеннеди, котораго называютъ отцемъ хлопчато-бумажной промышленности, было, что улучшенія въ производствѣ дѣлаются только во время сильнаго паденія прибыли». О томъ же говорятъ фабриканты и фабричные инспектора въ Англіи, отзывы которыхъ приведены въ моей книгѣ «Промышленные кризисы въ современной Англіи». Разумѣется, я нисколько не отрицаю вліянія успѣховъ науки на изобрѣтенія. Но дѣло въ томъ, что экономическія условія опредѣляютъ, куда именно направляется научная изобрѣтательность. Какъ извѣстно, высота заработной платы непосредственно вліяетъ на состояніе техники. Въ Соединенныхъ Штатахъ употребляются такія машины, которыя не могутъ быть примѣняемы къ производству въ Европѣ, вслѣдствіе того, что въ Соединенныхъ Штатахъ заработная плата выше, чѣмъ въ Европѣ. Это вошло уже во всѣ учебники политической экономіи; не можетъ быть никакого сомнѣнія, что необыкновенная изобрѣтательность американцевъ находится въ непосредственной связи съ необходимостью для предпринимателей этой страны вводить все новыя и новыя машины. Точно также вполнѣ понятно, почему русскіе люди до сихъ поръ не могутъ похвалиться какими-либо важными техническими изобрѣтеніями; при ничтожной заработной платѣ, которую получаетъ нашъ рабочій, при отсутствіи иностран-

ной и слабости внутренней конкурренціи, нашъ предприниматель, не напрягая своей предпріимчивости, свободно получаетъ такіе колоссальные барыши, о которыхъ давно позабылъ его западно-европейскій собратъ. Неудивительно, что нашъ предприниматель не гонится за нововведеніями въ области техники—и при отсталыхъ способахъ производства ему живется вполнѣ хорошо.

Теперь спрашивается: можно-ли изъ всего сказаннаго сдѣлать тотъ выводъ, что я отрицаю экономическое значеніе изобрѣтеній? Я думаю, этого вывода не сдѣлаетъ даже г-нъ Михайловскій, хотя изъ моей предшествовавшей статьи, гдѣ я доказывалъ, что идеи—продуктъ соціальной среды, важнѣйшимъ элементомъ которой являются экономическія отношенія, г-нъ Михайловскій вывелъ заключеніе, что я не придаю никакого значенія идеямъ. Нѣтъ, изобрѣтенія не только вліяли на промышленную эволюцію, но мы не можемъ себѣ и представить этой эволюціи безъ изобрѣтеній. Состояніе нашихъ знаній опредѣляетъ мѣру нашей власти надъ природой; изъ всѣхъ экономическихъ факторовъ степень нашего умѣнія пользоваться силами природы есть, безъ сомнѣнія, наиболѣе важный факторъ. Если мы въ настоящее время ушли въ матеріальной культурѣ неизмѣримо далеко отъ нашихъ отдаленныхъ предковъ, то это произошло не вслѣдствіе улучшенія естественныхъ условій хозяйства, а только вслѣдствіе большого умѣнія пользоваться силами природы. И Дюрингъ, безъ сомнѣнія, правъ, утверждая, «что среди причинъ, вліяющихъ на производительную дѣятельность человѣка, во главѣ слѣдуетъ поставить законъ техническаго снаряженія, можно сказать, вооруженія данной отъ природы хозяйственной силы человѣка... Всѣ прочіе факторы подчинены этому и не существуетъ экономической силы, имѣющей большее значеніе» (Cursus der National und Social Oekonomie, 64).

Тѣмъ не менѣе, самое это техническое вооруженіе человѣка оказывается результатомъ экономической эволюціи. Разсказанная мною исторія изобрѣтенія прядильной машины поучительна также и въ томъ отношеніи, что изъ нея видно, какими причинами опредѣляется экономическое значеніе того или иного изобрѣтенія. Еще въ началѣ XVIII вѣка экономическія условія Англіи не требовали примѣненія машины къ пряденію—и потому изобрѣтеніе прядильной машины не только не произвело промышленнаго переворота, но осталось совершенно незамѣченнымъ страною (хотя и въ этомъ случаѣ оно было вызвано экономическими причинами). Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести сколько угодно и относительно другихъ изобрѣтеній. Въ теченіе XVI и XVII вѣка въ Германіи

неоднократно изобрѣтались ткацкія машины, которыя не находили себѣ никакого примѣненія въ производствѣ; городскія власти запрещали употребленіе такихъ машинъ, и изобрѣтателямъ иногда приходилось расплачиваться за свое изобрѣтеніе жизнью.

Надѣюсь, теперь вопросъ объ историческомъ значеніи изобрѣтеній вполнѣ ясенъ. Изобрѣтенія являются продуктомъ сознательной работы человѣка, результатомъ его умственной дѣятельности, и, тѣмъ не менѣе, они не случайны, но появленіе ихъ обусловливается общими экономическими условіями данной эпохи. Не всякое изобрѣтеніе, и не во всякій моментъ принимается жизнью; только въ томъ случаѣ, когда изобрѣтеніе удовлетворяетъ насущныя потребности хозяйства, оно воспринимается имъ и можетъ вести къ полному преобразованію соціальнаго строя.

Покончивъ съ изобрѣтеніями, перейду къ идеямъ.

Дѣйствительно ли съ той точки зрѣнія, которую я защищаю, идеи и идеалы являются пустяками,—что приписываетъ мнѣ г-нъ Михайловскій? Вліяютъ ли идеи на ходъ исторіи? Такъ какъ общество слагается изъ отдѣльныхъ людей, каждый изъ которыхъ дѣйствуетъ вполнѣ сознательно, подъ вліяніемъ тѣхъ правильныхъ или неправильныхъ идей, которыми онъ располагаетъ, то, очевидно, и жизнь общества, и его исторія должны подчиняться вліянію идей.

Подобно тому, какъ нельзя себѣ представить промышленной революціи прошлаго вѣка безъ преобразованія техники и изобрѣтенія машинъ, такъ и никакой соціальный переворотъ не можетъ произойти безъ предшествующаго ему и непосредственно вызывающаго его измѣненія идей, взглядовъ, вѣрованій и идеаловъ общества.

Такъ, напр., было бы совершенно нелѣпо отрицать вліяніе идей физіократовъ, Монтескье, Вольтера, Руссо, энциклопедистовъ и другихъ писателей на дѣятелей французской революціи. Знаменитая «декларація правъ» до такой степени проникнута политическими теоріями своего времени, что Сенъ-Симонъ, безъ сомнѣнія, былъ правъ, называя эту декларацію ничѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ «высшей метафизики къ высшей юриспруденціи». По словамъ М. Ковалевскаго («Происхожденіе современной демократіи»-I, 62), «то обстоятельство, что большинство дѣятелей 89-го года было знакомо съ требованіями свободы не изъ указаній опыта, а изъ чтенія метафизическихъ трактатовъ и кабинетныхъ размышленій, не могло не отразиться на ихъ дѣятельности. Читая дебаты учредительнаго собранія, выносишь представленіе о какомъ-то свѣтскомъ соборѣ, занятомъ скорѣе формулированіемъ политическихъ догматовъ, нежели реформой въ законодательствѣ и управленіи». Сами

депутаты признавали, что они придаютъ законодательную санкцію тѣмъ принципамъ, которые задолго до нихъ установлены писателями и философами XVIII вѣка. «Философія XVIII вѣка, по словамъ Тэна, походила на религію, на пуританство XIII и магометанство VII вѣковъ. Такой же порывъ вѣры, надежды и энтузіазма, такой же духъ пропаганды и господства, такая же нетерпимость, такое же стремленіе передѣлать человѣка и вылить всю жизнь человѣка по ранѣе установленному образцу. Эта доктрина имѣла своихъ учителей, свои догмы, свой популярный катехизисъ, своихъ фанатиковъ, своихъ инквизиторовъ и своихъ мучениковъ... Но она отличалась отъ предшествовавшихъ тѣмъ, что требуетъ подчиненіи себѣ во имя разума, а не во имя Бога» (Ancien Regime, 267). Соціальное и политическое законодательство французской революціи и было осуществленіемъ догматовъ этой религіи.

Всѣхъ этихъ фактовъ, разумѣется, не станетъ отрицать никакой защитникъ преобладанія въ исторіи экономическаго фактора. Такъ, напр., Каутскій прямо заявляетъ въ своей брошюрѣ «Die Klassengegensätze von 1789»: «не можетъ быть никакого сомнѣнія, что буржуазная интеллигенція наложила свою печать на французскую революцію. Поскольку революція была выполнена путемъ законодательства и правительственныхъ распоряженій, революція есть дѣло этой интеллигенціи» (46).

Точно также я не стану возражать противъ заключенія Бокля, что «французской революціи, какъ и всякой другой крупной революціи... предшествовала перемѣна въ привычкахъ и понятіяхъ національнаго ума» («Исторія цивилизаціи въ Англіи», перев. Буйницкаго, I, 376). Если бы не было ни физіократовъ, ни Вольтера, ни Руссо, ни энциклопедистовъ, ни всего того умственнаго движенія, выразителями котораго были люди революціи, то революція была бы немыслима. Это настолько очевидно, что странно объ этомъ и говорить. Но что прикажете дѣлать, если г-нъ Михайловскій выставляетъ противъ меня такіе удивительные аргументы, какъ необходимость науки и просвѣщенія для развитія общества, если онъ противопоставляетъ экономическій факторъ, «который самъ себя заявитъ»—просвѣтительной дѣятельности человѣка. Какъ-будто экономическій факторъ—это что-то отличное отъ людей, какая-то особая сила, существующая внѣ общества! Экономическій факторъ именно тѣмъ себя и заявляетъ, что люди не сидятъ, сложа руки, а работаютъ, пишутъ книги, борются, стремятся къ осуществленію своихъ идеаловъ. Французская революція была дѣломъ тѣхъ лицъ, которыя прямо или косвенно принимали въ ней участіе, но, тѣмъ не менѣе, она

была такимъ же естественнымъ продуктомъ экономической эволюціи Франціи, какимъ была промышленная революція Англіи по отношенію къ англійскимъ условіямъ хозяйства.

Экономическое и соціальное положеніе Франціи наканунѣ революціи достаточно извѣстно. Масса населенія была доведена господствующей политической системой до того, что, по словамъ проф. Карѣева, «не будетъ преувеличеніемъ сказать, что чуть не на каждый годъ прошлаго вѣка во Франціи приходится по одному бунту, вызванному голодомъ, а пожалуй, и болѣе, не считая мелкихъ случаевъ грабежа хлѣбныхъ магазиновъ, обозовъ и т. п.» (Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи, 217). Но даже и изъ привиллегированныхъ классовъ, дворянства и духовенства, только немногіе пользовались дѣйствительнымъ богатствомъ. Большая часть дворянства была разорена. Развитіе денежнаго хозяйства, жизнь въ городѣ, при отсталости господствовавшей системы обработки земли, вели къ тому, что большая часть дворянства попадала въ экономическую зависимость отъ того класса, который заключалъ въ себѣ все, что только было самаго энергичнаго, просвѣщеннаго и предпріимчиваго во Франціи—класса буржуазіи. Буржуазія, созданная денежнымъ хозяйствомъ, торговлею и капиталистической промышленностью, являлась важнѣйшей экономической и соціальной силой дореволюціонной Франціи. Въ ея рукахъ были сосредоточены не только матеріальныя богатства страны, но и духовныя богатства, знанія и умъ. Интересы буржуазіи настоятельно требовали отмѣны феодальнаго режима. Вспомнимъ, что требованіе экономической свободы, «laissez faire, laissez passer», было формулировано ни кѣмъ инымъ, какъ купцомъ Гурнэ. Не только торговля и промышленность страны не могли развиваться вслѣдствіе стѣсненій, налагавшихся господствовавшей политической системой, но и сами буржуа—предприниматели, капиталисты, представители всевозможныхъ либеральныхъ профессій, врачи, адвокаты, писатели и т. д., были приравниваемы законодательствомъ къ обширной массѣ простонародья, лишеннаго всякаго политическаго вліянія. Будучи экономически-господствующимъ классомъ, буржуазія была классомъ политически-подчиненнымъ.

«Какъ ни стараются историки французской революціи представить ее дѣломъ, съ одной стороны, философовъ—Вольтера и Руссо, съ другой—ораторовъ въ національномъ собраніи, Мирабо и Робеспьера, они не могутъ обойти того факта, что конфликтъ, который повелъ къ революціи, возникъ изъ антагонизма двухъ первыхъ сословій третьему... и они должны признать, что этотъ конфликтъ имѣлъ свои корни въ экономическихъ отношеніяхъ».

(Kautsky, Die Klassengegensätze von 1789, 7). Интересамъ какого общественнаго класса служила революція? Это лучше всего видно изъ соціальнаго законодательства учредительнаго собранія. М. Ковалевскій, отводящій въ своемъ послѣднемъ трудѣ около сотни страницъ разслѣдованію этого вопроса, приходитъ къ тому заключенію, что «на податныхъ реформахъ учредительнаго собранія лежитъ та же печать покровительства владѣльческимъ классамъ и, въ частности, буржуазіи, какимъ отличается его законодательство о собственности и трудѣ» (Происхожденіе современной демократіи, II, 256), хотя, разумѣется, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы паденіе феодализма не было выгодно также и другимъ классамъ населенія, прежде всего, классу крестьянъ, мелкихъ земельныхъ собственниковъ, избавившихся отъ феодальныхъ повинностей, а затѣмъ и классу рабочихъ.

Достиженіе всѣхъ этихъ результатовъ было возможно только благодаря поразительной энергіи въ борьбѣ за свои идеалы, которую проявила буржуазная интеллигенція. Хотя эта интеллигенція отстаивала въ общемъ интересы того класса, изъ котораго она вышла, тѣмъ не менѣе, было бы большой узостью видѣть въ этой борьбѣ только одни эгоистическіе мотивы, или даже только классовые интересы. «Только во имя всеобщихъ правъ общества отдѣльный классъ можетъ требовать себѣ господства надъ всѣми другими... чтобы одно сословіе явилось сословіемъ освободителемъ «par excellence», нужно, чтобы какое-нибудь другое сословіе явилось въ общественномъ сознаніи сословіемъ, поработителемъ по преимуществу. Отрицательно-универсальное значеніе французскаго дворянства и духовенства обусловило положительно универсальное значеніе сосѣдняго съ ними и стоявшаго противъ нихъ—класса буржуазіи».

Итакъ, идеи французскихъ мыслителей, писателей и ученыхъ XVIII вѣка несомнѣнно оказали огромное вліяніе на исторію. Доказываетъ ли это, что интеллектуальный факторъ имѣетъ въ исторіи господствующее значеніе, или, наоборотъ, вліяніе всей этой литературы, отстаивавшей на всѣ лады свободу личности, и доказываетъ важность экономическихъ отношеній? Если вспомнить, что все это умственное движеніе имѣло своимъ главнымъ результатомъ проведеніе въ жизнь «той теоріи государственнаго невмѣшательства въ экономическую дѣятельность, которую Гурнэ высказалъ въ извѣстномъ афоризмѣ «laissez faire» и которая на цѣлое столѣтіе опредѣлила собой характеръ господствующей экономической доктрины и политику европейскихъ правительствъ по отношенію къ промысламъ и къ торговлѣ» (Ковалевскій, I, 501),

то нельзя колебаться въ отвѣтѣ. Да, эти теоріи повліяли на исторію, но именно потому, что сами онѣ были выраженіемъ стремленій и идеаловъ могущественнаго общественнаго класса. и что всѣ практическія заключенія, которыя вытекали изъ этихъ теорій, находились въ полномъ согласіи съ требованіями экономическаго развитія Франціи. Просвѣтительные идеалы XVIII в. не только не стремились задержать это развитіе, или даже повернуть его назадъ, но самое это развитіе было бы совершенно невозможно безъ осуществленія этихъ идеаловъ. На этомъ и основывается ихъ великое историческое значеніе.

Точно также освободительные идеалы нашей интеллигенціи 30-хъ—40-хъ годовъ, безъ сомнѣнія, оказали глубокое вліяніе на жизнь. Освобожденіе крестьянъ находится въ непосредственной связи съ распространеніемъ въ нашемъ обществѣ сознанія необходимости уничтоженія крѣпостного права, а такое сознаніе не могло бы возникнуть, если бы эта мысль не пропагандировалась въ обществѣ всѣми возможными путями. Дѣятели того времени имѣли право признавать эту реформу своимъ дѣломъ. Но кто же станетъ въ настоящее время отрицать, что эта реформа была необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго экономическаго развитія Россіи и что отмѣна крѣпостного права настоятельно требовалась экономическими потребностями государства? Въ нашей дореформенной экономической литературѣ эта мысль неоднократно высказывалась подъ разными видами, несмотря на всѣ строгости тогдашней цензуры. Необходимость крестьянской реформы, какъ извѣстно, прекрасно сознавалась и высшимъ правительствомъ. Нисколько не отрицая вліянія идеальныхъ моментовъ на этотъ важнѣйшій законодательный актъ нашего времени, нельзя не признавать этого акта необходимымъ результатомъ экономическихъ отношеній *). Вообще, «неправильность заключается не въ признаніи идеальныхъ мотивовъ, а въ томъ, что изслѣдованіе не доводится до причины, обусловливающей эти мотивы».(Engels. «L. Feuerbach», 53).

Но, разумѣется, не всякія идеи оказываютъ вліяніе на жизнь. Какъ и изобрѣтенія, идеи могутъ приходить слишкомъ рано; экономическія отношенія могутъ быть еще недостаточно развиты для воспріятія той или иной идеи, и въ такомъ случаѣ идея можетъ не оказать никакого вліянія на современниковъ, но впослѣдствіи явится могущественнымъ историческимъ факторомъ. Въ исторіи нѣтъ недостатка въ подобныхъ примѣрахъ. То, что кажется

* См. напр., «Очерки по исторіи русской культуры», П. Н. Милюкова, ч. I, стр. 200, или «М. Б.» 1895 г. декабрь, стр. 208.

утопіей въ одну историческую эпоху, впослѣдствіи становится дѣйствительностью, и жизнь слагается въ такія формы, которыя были предвидѣны одинокими мыслителями еще въ то время, когда ихъ мечтанія возбуждали только смѣхъ толпы. Безъ сомнѣнія, и такія идеи возникали на почвѣ экономическихъ отношеній своего времени, но экономическая эволюція идетъ медленнѣе человѣческой мысли. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, идеи являются выраженіемъ устарѣвшихъ формъ хозяйства, стремленіемъ задержать экономическое развитіе или даже повернуть его назадъ. Такъ, напр., хотя бы излюбленная идея 70-хъ годовъ, что «мы можемъ и должны избѣжать того отлученія производителей отъ силъ природы и орудій производства, которое совершалось въ Западной Европѣ, что называется, зря, безъ участія направляющаго разума, и единственно роковою силою сцѣпленія событій»—и что «если капитализмъ и имѣетъ какую-либо общественно-историческую задачу или миссію, такъ развѣ чисто-отрицательную»*). Эту идею г-нъ Михайловскій и его единомышленники усиленно пропагандируютъ уже многіе годы. Не трудно понять, на почвѣ какихъ экономическихъ отношеній возникла эта идея. Вслѣдствіе экономической отсталости Россіи, въ ней сохранилось натуральное хозяйство вплоть до новѣйшаго времени; нашъ крестьянинъ сидѣлъ на землѣ и, несмотря на свою бѣдность, пользовался нѣкоторымъ подобіемъ «экономической самостоятельности»; вмѣстѣ съ этимъ сохранялись и такія формы хозяйства, которыя давно уже исчезли на Западѣ, напр., община и артель, охраняющія, по мнѣнію нашихъ народниковъ, экономическую самостоятельность производителя. Такъ какъ мѣновое хозяйство и капитализмъ естественно приводятъ къ потерѣ этой самостоятельности, то г-нъ Михайловскій, и другіе защитники крестьянскихъ идеаловъ и признали миссію капитализма чисто-отрицательной и стали призывать русское общество къ борьбѣ съ развитіемъ капитализма, посягающаго на вѣковые устои русской жизни. Но, вѣроятно, и самъ г-нъ Михайловскій не станетъ отрицать, что его «идея» о вредѣ капитализма не оказала вліянія на жизнь. Экономическое развитіе Россіи идетъ себѣ своимъ путемъ, игнорируя усилія г-на Михайловскаго и другихъ задержать это развитіе и направить его по какому-то новому пути. Статьи г-на Михайловскаго не помѣшали нашему капитализму подчинить себѣ самостоятельнаго производителя, интересы котораго такъ горячо, хотя и такъ неудачно, пытается защищать г-нъ Михайловскій. Причина этой неудачи заключается

*) Отечественныя Записки 1883 г. Письмо въ редакцію Посторонняго.

въ томъ, что мой оппонентъ, забывъ объ экономическихъ законахъ, вообразилъ, будто жизнь всецѣло направляется идеалами «критически-мыслящихъ личностей», — тогда какъ эти идеалы вліяютъ на жизнь только въ томъ случаѣ, если они соотвѣтствуютъ экономическимъ условіямъ даннаго историческаго момента, и не вступаютъ въ конфликтъ съ направленіемъ экономическаго развитія.

Итакъ, несмотря на признаніе господства экономическихъ отношеній въ общественной жизни, я отнюдь не отрицаю значенія идеальныхъ моментовъ въ исторіи. Но что же въ такомъ случаѣ подало поводъ г-ну Михайловскому съ такой настойчивостью приписывать мнѣ взгляды, въ которыхъ я нисколько неповиненъ? А вотъ что: возражая противъ утвержденія Луи-Блана, что исторія дѣлается книгами, я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній объ ограниченности вліянія научныхъ идей и книгъ въ общественной жизни. Г-нъ Михайловскій со мной несогласенъ. Но развѣ онъ считаетъ вліяніе научныхъ идей неограниченнымъ, и думаетъ, что хорошая книга можетъ измѣнить природу человѣка и направить общество, куда угодно? Вѣроятно, идеализмъ г-на Михайловскаго не доходитъ до такой крайней степени. А въ такомъ случаѣ, противъ чего же онъ возражаетъ?

Проф. Карѣевъ, вмѣстѣ съ г-номъ Михайловскимъ, упрекаетъ меня въ томъ, что я говорю въ этомъ мѣстѣ только о научныхъ идеяхъ и о книгахъ, а не объ идеяхъ вообще — религіозныхъ, этическихъ и всякихъ другихъ. Но, вѣдь, я возражаю Луи Блану, который говорилъ именно о книгахъ и научныхъ идеяхъ. Что же касается до историческаго вліянія идей вообще, то я его никогда и не думалъ отрицать.

Перехожу теперь къ той части моей статьи, которая особенно возмутила г-на Михайловскаго, а также вызвала неодобрительныя замѣчанія проф. Карѣева. Вотъ это мѣсто: «Въ средніе вѣка самые сильные умы посвящали себя теологіи... Теперь во главѣ наукъ стоитъ естествознаніе. Почему же блаженный Августинъ изучалъ не природу, а Дарвинъ не сдѣлался теологомъ? Не вслѣдствіе своей индивидуальности, а просто потому, что Августинъ жилъ въ то время, когда теологія господствовала надъ умами человѣчества... А Дарвинъ жилъ въ наше время, когда крупная промышленность преобразовала хозяйство, и на первый планъ выдвинула практическія задачи, разрѣшеніе которыхъ невозможно безъ познанія законовъ природы». Другими словами, я утверждаю: 1) что состояніе общества опредѣляетъ, какого рода вопросы останавливаютъ на себѣ вниманіе выдающихся умовъ эпохи (напр., Августина и Дарвина), 2) что въ средніе вѣка такими вопросами

были, преимущественно, вопросы теологическіе, а въ настоящее время—преимущественно вопросы естествознанія, и 3) что развитіе естествознанія въ наше время связано съ ростомъ крупной промышленности. Г-нъ Михайловскій не можетъ допустить, чтобы была какая-нибудь зависимость между изслѣдованіями Дарвина и крупной промышленностью. Тѣмъ не менѣе, зависимость эта существуетъ.

Герб. Спенсеръ, въ своемъ опытѣ «The Genesis of Science», указываетъ на тѣсную связь промышленныхъ искусствъ съ науками. «Науки, фактически, неразрывно вплетены въ сложную сѣть искусствъ, и только условно ихъ отдѣляютъ отъ этой сѣти. Первоначально науки и искусства составляли неразрывное цѣлое... Съ того времени наблюдается постоянное взаимодѣйствіе наукъ и искусствъ. Взаимная зависимость все росла, нетолько между науками и искусствами, но также и между самими искусствами и самими науками» (Essays, vol II, 69). Въ этомъ опытѣ Спенсеръ обращаетъ вниманіе на то, что промышленныя искусства доставляютъ наукѣ рабочіе инструменты и матеріалы. Но промышленность оказываетъ и другое вліяніе на науку: она ставитъ практическія задачи, которыя должна рѣшить наука, опредѣляетъ общее направленіе научной мысли. Г-нъ Михайловскій съ негодованіемъ отвергаетъ самую мысль о томъ, чтобы развитіе естествознанія находилось въ какой-либо связи съ условіями хозяйства. Но сами естествоиспытатели, люди науки, смотрятъ на этотъ вопросъ иначе. Вотъ, напр., что говоритъ по этому поводу одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ естествоиспытателей: «Всякая наука для своего процвѣтанія нуждается въ нравственной и матеріальной поддержкѣ общества. Въ свою очередь, общество оказываетъ поддержку только тому, что оно признаетъ полезнымъ... Почти каждая наука обязана своимъ происхожденіемъ какому-нибудь искусству, точно также какъ всякое искусство, въ свою очередь, вытекаетъ изъ какой-нибудь потребности человѣка. Таковъ, повидимому, неизбѣжный историческій ходъ развитія человѣческихъ знаній» (Проф. К. Тимирязевъ: «Жизнь растенія», стр. 7). Далѣе проф. Тимирязевъ доказываетъ, что причина отсталости физіологіи растеній заключается въ томъ, что до послѣдняго времени эта наука не имѣла примѣненія къ хозяйству. «Раціональное земледѣліе гораздо моложе раціональной медицины; потому и потребность въ физіологіи растеній, спросъ на нее явились позднѣе... Если мы сравнимъ скромныя опытныя станціи и еще болѣе скромныя лабораторіи западно-европейскихъ и нашихъ университетовъ съ роскошными палатами, въ которыхъ поселилась меди-

цина, а главное, если мы сравнимъ какіе-нибудь десятки ботаниковъ, занимающихся физіологіей растеній, съ тѣми тысячами медиковъ, которые по лицу Европы занимались и занимаются физіологіей животныхъ, то охотно согласимся, что въ этихъ массахъ тружениковъ было больше шансовъ для появленія Гельмгольцевъ, Клодъ-Бернаровъ, Дюбуа-Реймоновъ, и другихъ славныхъ дѣятелей, рядомъ съ которыми ботаники-физіологи не вправѣ выставить еще ни одного имени. Въ этомъ обиліи матеріальныхъ, а главное, умственныхъ силъ и заключается причина успѣха физіологіи животныхъ».

Итакъ, причина успѣховъ той или иной науки, въ ту или иную эпоху, зависитъ отъ обилія матеріальныхъ и умственныхъ силъ, притекающихъ къ этой наукѣ. Появленіе геніальныхъ ученыхъ въ той или иной области, по мнѣнію проф. Тимирязева, объясняется именно этимъ притокомъ силъ. Геніальныя способности среди людей являются вообще случайностью, и случайностю крайне рѣдкою. Но чѣмъ больше лицъ посвящаютъ свои силы извѣстному предмету, тѣмъ болѣе шансовъ, что среди нихъ найдутся люди талантливые и геніальные, Со всѣмъ этимъ не будетъ спорить, вѣроятно, и г-нъ Михайловскій.

Точно также нельзя отрицать, что развитіе естествознанія немыслимо безъ лабораторій, обсерваторій, опытныхъ станцій и другихъ спеціальныхъ приспособленій, нерѣдко требующихъ громадныхъ денежныхъ затратъ. Въ настоящее время тратятся огромныя суммы на устройство подобнаго рода учрежденій, и это одна изъ причинъ успѣховъ современнаго естествознанія.

Теперь спрашивается: почему естествознаніе въ наше время привлекаетъ столько научныхъ работниковъ и пользуется такой поддержкой со стороны государства? Проф. Тимирязевъ указываетъ на вліяніе раціональной медицины на успѣхи физіологіи животныхъ. Но самое важное практическое примѣненіе естествознанія заключается не въ медицинѣ, а въ *технологіи*. Современная технологія цѣликомъ основана на наукѣ. Доказывать этого, разумѣется, не нужно. Но всегда ли такъ было? Всегда ли естественныя науки находили себѣ такое разнообразное примѣненіе въ хозяйствѣ? Конечно, г-нъ Михайловскій знаетъ, что только крупная промышленность, и въ частности фабричное производство поставило технологію на научную почву. Мелкій самостоятельный производитель прежняго времени не нуждался ни въ какой наукѣ. Поэтому, только со времени великихъ промышленныхъ изобрѣтеній конца XVIII вѣка, создавшихъ фабричное производство, естествознаніе стало хозяйственнымъ факторомъ первенствующей важности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, естественныя науки стали привлекать самыхъ сильныхъ, энергичныхъ и способныхъ научныхъ работниковъ. Конечно, эти работники руководствуются въ своихъ изслѣдованіяхъ, по большей части, чисто теоретическимъ интересомъ, научной любознательностью, но та общественная атмосфера, которая направляетъ этихъ работниковъ именно къ изученію внѣшней природы,—создана хозяйственными условіями эпохи. А такъ какъ между всѣми естественными науками существуетъ самая тѣсная связь, то даже такія отрасли естествознанія, практическое значеніе которыхъ ничтожно, какъ, напр., зоологія, сдѣлались также предметомъ усиленнаго изученія и разработки. Почему г-нъ Михайловскій думаетъ, что Дарвинъ стоялъ внѣ всякаго вліянія соціальной среды? Вѣдь, онъ хотѣлъ же сдѣлаться священникомъ—и при другихъ общественныхъ условіахъ и могъ бы имъ сдѣлаться—и тогда навѣрное не отправился бы въ кругосвѣтное плаваніе и не сталъ бы знаменитымъ натуралистомъ. Но г-нъ Михайловскій выдвигаетъ несокрушимый аргументъ—наслѣдственность. Вѣдь, отецъ и дѣдъ Дарвина тоже обнаруживали наклонность къ занятію естественными науками. По мнѣнію г-на Михайловскаго, это доказываетъ независимость Дарвина отъ общественной среды. На такіе аргументы не знаешь, что и отвѣчать. Развѣ отецъ и дѣдъ Дарвина жили на о-вахъ Фиджи, а не въ Англіи? Почему же и на нихъ не могла вліять англійская соціальная среда, какъ она вліяла на автора «Происхожденія видовъ»?

Съ другой стороны, крупная промышленность создала и матеріальныя средства, которыя такъ необходимы для развитія науки. Если бы Дарвинъ не отправился въ кругосвѣтное плаваніе на кораблѣ «Бигль», то врядъ-ли онъ натолкнулся бы на тѣ факты, которые привели его къ установленію его знаменитой теоріи происхожденія видовъ. Но, вѣдь, Дарвинъ принялъ участіе въ научной экспедиціи, снаряженной англійскимъ правительствомъ, которое и послѣ того неоднократно отправляло цѣлыя экспедиціи съ научной цѣлью. Почему же англійское правительство, также какъ и другія правительства, такъ заботится въ настоящее время о развитіи естествознанія? Играютъ ли въ этой заботѣ нѣкоторую роль и матеріальные интересы, практическая польза естественныхъ наукъ? А если это такъ, то почему же г-на Михайловскаго приводятъ въ такое негодованіе мои слова о связи крупной промышленности съ естествознаніемъ и съ работами Дарвина?

Разумѣется, я не говорилъ вздора, приписываемаго мнѣ г-номъ Михайловскимъ, будто теперь всѣ занимаются естествознаніемъ, противъ чего г-нъ Михайловскій справедливо возражаетъ, что и

теперь люди занимаются не однѣми естественными науками, а и многимъ другимъ, напримѣръ, «Гладстонъ не занимается естествознаніемъ, а занимается политикой» (!!); не отрицалъ значенія наслѣдственности, и т. д., и т. д. Приписавъ мнѣ подобныя нелѣпости, мой противникъ затѣмъ съ похвальной ревностью доказываетъ ихъ несостоятельность, что даетъ ему возможность торжествовать легкую побѣду, но едва ли содѣйствуетъ уясненію предмета спора.

Г-на Михайловскаго удивляетъ, что я приписываю философамъ и общественнымъ дѣятелямъ XVIII вѣка взглядъ, по которому «важнѣйшимъ факторомъ исторіи является развитіе человѣческаго ума... Разуму, интеллекту присваивается первенствующая роль въ жизни человѣка и всего общества, а чувства, желанія, привычки и страсти человѣка признаются маловажнымъ элементомъ въ его жизни, не имѣющимъ историческаго значенія». Я не знаю, съ чѣмъ, собственно, тутъ не согласенъ г-нъ Михайловскій. Характеристика философіи XVIII вѣка въ цитированныхъ строкахъ настолько общепринята, что странно даже доказывать ея справедливость. Приведу хотя бы слѣдующее мѣсто изъ автобіографіи Милля: «мой отецъ (ученикъ Бентама) былъ послѣднимъ представителемъ людей XVIII вѣка; онъ продолжалъ въ XIX вѣкѣ то же направленіе мысли и чувства, не участвуя ни въ хорошихъ, ни въ дурныхъ сторонахъ реакціи противъ XVIII вѣка, которая такъ характерна для первой половины нашего вѣка... Онъ признавалъ уклоненіемъ отъ истинной нравственности то значеніе, которое въ наше время придается чувству... Довѣріе моего отца къ вліянію разума на человѣчество было такъ велико, что ему казалось, все будетъ достигнуто, если населеніе будетъ умѣть читать, если всякаго рода мнѣнія будутъ имѣть свободный доступъ къ населенію въ письменной и устной формѣ, и если населеніе будетъ имѣть возможность выбирать представителей, которые будутъ выражать его мнѣнія» (Mill: «*Автобіографія*», 205, 49, 106). Г-нъ Михайловскій справедливо указываетъ, что Бентамъ признавалъ основнымъ двигателемъ человѣческой природы эгоистическое стремленіе къ наслажденію и боязнь страданій; но именно въ этомъ сведеніи всѣхъ чувствъ человѣка къ одному простому мотиву, въ отрицаніи разнообразія мотивовъ человѣческой дѣятельности, и выражалось игнорированіе роли чувства въ широкомъ смыслѣ слова въ жизни человѣка. Никто, разумѣется, никогда не отрицалъ, что люди одарены способностью къ ощущеніямъ; но, съ точки зрѣнія Бентама, этой способностью всѣ люди одарены въ одинаковой степени, а потому и измѣненія нравовъ

и обычаевъ людей зависитъ не отъ измѣненія ихъ способности къ ощущеніямъ, а отъ перемѣнъ въ интеллектуальной области. На этомъ и установилась неограниченная вѣра Бентама въ силу разумо и просвѣщенія. Неужели г-нъ Михайловскій всего этого не знаетъ?

Мнѣ не хочется утомлять читателя цитатами изъ различныхъ писателей XVIII вѣка, и потому я прямо приведу блестящую характеристику революціонней философіи, данную Тэномъ. «Въ XVIII вѣкѣ признавалось неприличнымъ изображать нѣчто живое, дѣйствительнаго человѣка, какъ онъ существуетъ въ природѣ и исторіи... Въ людяхъ видѣли только разсуждающій разсудокъ, одинаковый во всѣ времена и повсюду... Поразительныя различія людей разныхъ расъ и разныхъ вѣковъ вполнѣ игнорировались... человѣкъ представляется въ видѣ простого автомата, механизмъ котораго вполнѣ извѣстенъ... Устраните всѣ различія одного человѣка отъ другого, сохраняя въ немъ только то, что обще всѣмъ людямъ. Такой остатокъ есть «человѣкъ вообще»... общественная единица. Соедините тысячу, сотни тысячъ, милліоны, 26 милліоновъ такихъ единицъ—и вотъ французскій народъ... Для наблюдателя XVIII вѣка разумъ повсюду, и ничего нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ разума... Согласно новой доктринѣ, которая казалась откровеніемъ, и въ качествѣ таковаго заявляла претензіи на управленіе судьбами людей, мы живемъ въ настоящее время «въ вѣкъ разума»... Прежде человѣчество находилось въ состояніи дѣтства, теперь же оно стало взрослымъ. Истина, наконецъ, обнаружилась и ея царство мы видимъ впервые на землѣ... она должна всѣмъ повелѣвать, такъ какъ по своей природѣ она всеобща» («Ancien Regime», 257, 304, 308, 266).

Читатель видитъ, что я имѣю основаніе считать характеристику философіи XVIII вѣка въ моей статьѣ общепринятой. Что же касается утопистовъ XIX вѣка, то я никогда не приписывалъ имъ игнорированія элемента чувства въ общественной жизни и не сваливалъ ихъ въ одну кучу съ философами прошлаго вѣка, какъ это утверждаетъ г-нъ Михайловскій. Если я ничего не сказалъ о Контѣ, Миллѣ и Боклѣ, разбирая историческія теоріи, выдвигавшія на первый планъ разумъ и просвѣщеніе, то на это я имѣлъ свои причины: ученіе о роли «критически-мыслящей личности» въ историческомъ процессѣ, которое я, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду, имѣетъ очень мало общаго со взглядами трехъ названныхъ мыслителей, особенно настаивавшихъ на законосообразности общественной жизни и подчинявшихъ личность законамъ историческаго развитія. Ученіе это, какъ справедливо

замѣчаетъ проф. Карѣевъ, является «возвращеніемъ къ односторонней точкѣ зрѣнія XVIII вѣка» («Сущность историческаго процесса», 91).

Вообще, дѣлая съ авторитетнымъ видомъ замѣчанія своимъ противникамъ, г-нъ Михайловскій обнаруживаетъ подчасъ полное незнакомство свое съ предметомъ. Такъ, напр., я говорю, что изъ всѣхъ общестенныхъ классовъ Англіи Ад. Смитъ менѣе всего сочувствовалъ классу фабрикантовъ и торговцевъ. Г-нъ Михайловскій меня поправляетъ: «менѣе всего Смитъ сочувствовалъ не фабрикантамъ и торговцамъ, а классу крупныхъ землевладѣльцевъ». Мнѣ остается только посовѣтовать г-ну Михайловскому прочесть «Богатство народовъ» Смита: тамъ въ главѣ XI книги I онъ увидитъ, что, по мнѣнію Смита, «интересы класса людей, живущихъ прибылью, не имѣютъ никакой связи съ интересами всего общества. Въ этомъ классѣ купцы и фабриканты составляютъ два разряда людей, по своему богатству пользующіеся наибольшимъ значеніемъ, но ихъ частный интересъ не имѣетъ ничего общаго съ интересами всего общества... и даже имъ противорѣчитъ... Всякое предложеніе новаго закона, исходящее изъ этого разряда людей, должно быть встрѣчено съ крайнимъ недовѣріемъ». Напротивъ, интересы класса землевладѣльцевъ Смитъ признаетъ «тѣсно и неразрывно связанными съ интересами всего общества... Когда дѣло идетъ о какой-нибудь правительственной мѣрѣ, то поземельные собственники не могутъ извратить ее, повинуясь даже частнымъ интересамъ одного своего класса». Въ другихъ мѣстахъ своей книги Смитъ говоритъ о великодушіи землевладѣльческаго класса, о томъ, что этотъ классъ всегда оставался чуждымъ духу монополій и т. д., между тѣмъ какъ купцовъ и фабрикантовъ Смитъ называетъ «алчнымъ и корыстолюбивымъ классомъ людей, жаждущимъ монополій». Кажется, все это достаточно ясно?

Въ своей статьѣ я говорю, что капиталистическая организація хозяйства предполагаетъ три основныхъ формы дохода—ренту, прибыль и заработную плату. Г-нъ Михайловскій и съ этимъ не согласенъ: «Не капиталистическая организація предполагаетъ 3 основныхъ формы дохода, а наука знаетъ только эти 3 формы». Повидимому, г-нъ Михайловскій полагаетъ, что формы дохода суть не историческія, а логическія категоріи, что рента, прибыль и заработная плата существуютъ при всякой организаціи хозяйства. Было бы любопытно, если бы онъ нашелъ эти формы дохода хотя бы у ирокезовъ, о которыхъ разсказываетъ Морганъ. Неужели нужно объяснять ему, что только обращеніе земли и орудій производства въ частную собственность и потеря самостоятель-

ности непосредственнымъ производителемъ повели къ возникновенію ренты въ широкомъ смыслѣ слова (т. е. земельной ренты и прибыли)?

Въ заключеніе—маленькое замѣчаніе: не довольствуясь аргументами по существу (или, вѣрнѣе, по недостатку таковыхъ), г-нъ Михайловскій прибѣгаетъ къ аргументамъ ad hominem. Это, разумѣется, его дѣло. Такъ, напр., онъ полагаетъ, что «для г-на «Тугана» 600 мучительнѣйшихъ смертей—сущіе пустяки» (!?). Что можно возразить на это? Состязаться съ г-нъ Михайловскимъ на этой почвѣ я не имѣю никакого желанія. Но всему есть предѣлъ, и заявленія о грѣховности того или иного мнѣнія о факторахъ историческаго развитія («великій грѣхъ беретъ на свою душу г-нъ Туганъ») кажется мнѣ довольно неожиданнымъ на страницахъ либеральнаго журнала.

М. Туганъ-Барановскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Художественныя выставки.—Передвижная.—Академическая.—Представитель финляндскаго искусства А. А. Эдельфельтъ.—Посмертная выставка Кившенко.—«Русскій» литераторъ г. Дѣдловъ.—«Вокругъ Россіи».—Сыскъ г. Дѣдлова по окраинамъ.—Патріотическіе восторги на ярмаркѣ.—На какой почвѣ плодятся гг. Дѣдловы?—Казанскій журналъ «Дѣятель» и его неудачная дѣятельность.

Художественныхъ выставокъ и въ этомъ году не менѣе, чѣмъ въ прошломъ, и отличаются они также скорѣе обиліемъ произведеній, чѣмъ ихъ выдающимися достоинствами. Тысяча слишкомъ номеровъ пейзажей, жанровъ, портретовъ, историческихъ и батальныхъ картинъ говорятъ краснорѣчиво объ успѣхахъ живописи, ея развитіи и о ростѣ ея общественнаго значенія.

Такое обиліе, изъ году въ годъ повторяющееся въ послѣднее время, есть своего рода знаменіе времени. Картина перестаетъ быть достояніемъ немногихъ любителей и цѣнителей искусства,—она становится потребностью широкой публики. Съ картиной теперь происходитъ, повидимому, то же, что нѣкогда съ книгой, журналомъ и газетой. Лѣтъ тридцать назадъ, всѣ журналы вмѣстѣ не превосходили количествомъ числа экземпляровъ одной «Русской Мысли», напр., или «Недѣли». Газета почти не выходила за предѣлы столицъ, книги насчитывались десятками и выходъ новой составлялъ чуть не литературное событіе. Теперь эти отношенія количественно въ значительной степени измѣнились, и за одинъ годъ книжный и журнальный рынокъ даетъ теперь болѣе, чѣмъ за десятки лѣтъ прежде.

То же замѣчается въ области искусства, вообще, относительно живописи—въ частности. Интересъ къ картинѣ растетъ, вмѣстѣ съ развитіемъ вкуса и пониманіемъ живописи. Четыре выставки открываются одновременно, и вездѣ вы встрѣчаете публику постоянно, особенно въ праздничные дни, когда залы переполнены не только учащейся молодежью, но и особой сѣрой трудовой пуб-

ликой, самой внимательной и самой скромной въ своихъ сужденіяхъ. Но это — самая цѣнная публика, изъ впечатлѣній которой создается массовой вкусъ, двигающій стихійно искусство, какъ двигаетъ масса — все. И на встрѣчу этой именно массѣ идетъ и искусство, потому что тысячи картинъ, украшающія залы всѣхъ выставокъ, не могутъ быть поглощены небольшимъ кружкомъ избранныхъ цѣнителей и судей, которыхъ, къ тому же, онѣ далеко не удовлетворяютъ. Происходитъ, словомъ, популяризація искусства, что и отражается въ нѣкоторомъ пониженіи его уровня. Такъ, за послѣдніе годы замѣчается всѣми отсутствіе выдающихся произведеній, или, какъ ихъ называютъ, «гвоздей» на выставкахъ. Далѣе, выставки заполнены пейзажемъ и жанромъ, т. е. именно тѣми родами живописи, которые менѣе всего даютъ возможности проявиться сильно развитой художественной индивидуальности. Пейзажъ и жанръ въ живописи отвѣчаютъ разсказамъ, очеркамъ и повѣстямъ въ беллетристикѣ, которые почти вытѣснили романъ теперь.

Лучшая изъ выставокъ, какъ всегда, передвижная. Здѣсь виденъ строгій подборъ, нѣтъ погони за количествомъ, чувствуется критика самого художника, который выступаетъ передъ публикой не съ тѣмъ, что онъ успѣлъ написать, а съ лучшимъ, по его мнѣнію, изъ написаннаго за годъ. Въ результатѣ получается общее впечатлѣніе чрезвычайно ровное, возвышенное и свѣтлое, и на такомъ общемъ фонѣ выдвигается нѣсколько картинъ, выдающихся или мастерствомъ, съ какимъ онѣ написаны, или содержательностью. Безусловно слабыхъ вещей нѣтъ, и если иныя картины просматриваются бѣгло, не оставляютъ сильнаго впечатлѣнія, то лишь потому, что ихъ заслоняютъ другія, невольно сосредоточивающія на себѣ общее вниманіе. Пейзажъ преобладаетъ и здѣсь, и въ общемъ получается впечатлѣніе массы воздуха, свѣта и зелени, именно того, чего такъ лишенъ угрюмый Петербургъ. На всемъ лежитъ отпечатокъ яркости и свѣжести, чѣмъ особенно отличаются превосходные пейзажи г. Волкова: «Туманное утро», «На разсвѣтѣ» и «Долина». Трудно проявить большее мастерство въ передачѣ неуловимыхъ, воздушныхъ красокъ разливающагося тумана и воздушной перспективы (на картинѣ «Долина»). Хорошъ, какъ всегда, г. Шишкинъ, но всѣ его «рощи», «лѣса» и т. п. производятъ впечатлѣніе однообразія, и кто видѣлъ разъ его «лѣсъ» — видѣлъ всего г. Шишкина, у котораго повторяется неизмѣнно одинъ и тотъ же основной мотивъ: игра свѣта и тѣней сквозь листву. Сильное впечатлѣніе оставляетъ нѣсколько декоративная картина г. Шильдера «Храмъ огнепоклон-

никовъ»—контрастомъ огненныхъ столбовъ пламени на темно-синемъ фонѣ южной ночи. Съ извѣстнаго отдаленія, чрезвычайно эффектенъ видъ четырехъ, слегка волнующихся, столбовъ пламени, глубокая ночь, башни квадратнаго храма, выступающаго изъ рамокъ картины, и зрителю становится понятнымъ религіозное чувство, волнующее парса, при видѣ медленно возносящагося къ небу огня-очистителя.

Лучшая изъ жанровыхъ картинъ «Устный счетъ» г. Богданова-Бѣльскаго, удивительно милая по выраженію лицъ дѣтскихъ головокъ, занятыхъ трудной задачей. Каждый ученикъ—это типъ по цѣльности и выразительности, по прекрасно выраженной на лицѣ трудности работы, въ которую онъ углубился весь, безъ остатка. Общее впечатлѣніе жизненности и правдивости портитъ нѣсколько фигура учителя, съ какой-то не-русской, скорѣе нѣмецкой складкой. Картина написана, къ сожалѣнію, нѣсколько суховато, недостаточно колоритно. Если бы не этотъ недостатокъ, «Устный счетъ» можно бы признать настоящимъ шедевромъ по типичности и живости. Рядомъ съ нимъ можно поставить «Поденщицъ» г. Архипова, не уступающихъ въ правдивости, но выписанныхъ старательнѣе и лучше. Солнечное освѣщеніе на полномъ воздухѣ передано превосходно. Свѣтъ такъ и переливается на одеждѣ поденщицъ, ихъ лицахъ, по двору, — вы какъ бы чувствуете его теплоту, которая разнѣжила этихъ отдыхающихъ, мирно бесѣдующихъ работницъ въ уголкѣ заводскаго двора. Отъ картины вѣетъ тепломъ, миромъ и спокойствіемъ.

Иное впечатлѣніе производитъ «Смѣна» г. Касаткина, написанная сильно, хотя и слишкомъ темно. Этотъ темный до утрированности фонъ его картины ослабляетъ эффектъ усталости и изможденности лицъ рудокоповъ, поднимающихся изъ шахты, и того контраста, который производитъ идущая на смѣну живая и бодрая толпа свѣжихъ рабочихъ. За то превосходно переданъ фосфорическій блескъ глазъ, ярко выступающихъ на потемнѣвшихъ, черныхъ отъ угольной пыли лицахъ, отблескъ огня лампъ на каменныхъ плитахъ, просвѣчивающія сквозь навѣсъ шахты звѣзды, и предразсвѣтный синеватый свѣтъ утра. Стропила зданія, колеблющіяся тѣни стѣнъ, фигуры рудокоповъ, оживленіе идущихъ на смѣну и смертная истома уходящихъ — все это выписано сильно, строго и сдержанно, безъ подчеркиваній и вымученности. Къ сожалѣнію, темный фонъ черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ усилиться, и тогда картина превратится въ сплошное черное пятно.

Совершенную противоположность «Смѣнѣ», по массѣ свѣта и воздуха, представляетъ «Среди учителей» г. Полѣнова. Въ центрѣ

группы строгихъ фанатическихъ раввиновъ, укрывшихся въ тѣни колоннады храма, умѣстился на корточкахъ мальчикъ-Христосъ и весь ушелъ въ свои думы «не отъ міра сего». Выраженіе дѣтскаго лица, замечтавшагося подъ вліяніемъ слышаннаго, соединено съ такими чудными недѣтскими глазами, огромными, ушедшими въ себя, что зритель не въ силахъ оторваться отъ этого чудеснаго лица. Характерны и «учителя», и молодой ученикъ, жадно записывающій ихъ изрѣченія, и фигура Богоматери, спѣшащей съ радостной тревогой къ найденному ребенку, который ее еще не замѣчаетъ. А вдали сквозь колоннаду открывается безконечная перспектива залитого солнцемъ города. Картина написана съ большимъ реализмомъ, такъ что зрителю становится вполнѣ понятно, какъ могъ ребенокъ очутиться среди «учителей», отбившись отъ родителей и затерявшись въ толпѣ, которая наполняла преддверіе храма, гдѣ одни толкуютъ у лавочки о своихъ дѣлахъ, другіе лѣниво бесѣдуютъ, а какой-то старый раввинъ читаетъ на каѳедрѣ. Вы какъ бы присутствуете при обычной сценѣ храмовой жизни, гдѣ появленіе мальчика среди собравшихся взрослыхъ вполнѣ естественно и никого не поражаетъ.

Переходя къ академической выставкѣ, приходится отмѣтить прежде всего какой-то странный сѣроватый тонъ, который лежитъ почти на всѣхъ ея картинахъ. Получается общее впечатлѣніе, какъ будто всѣ картины, за немногими исключеніями, писаны при задернутыхъ занавѣсяхъ. Нѣтъ той полноты ощущенія свѣта и воздуха, что такъ плѣняетъ зрителя у передвижниковъ. Этотъ сѣроватый налетъ на всемъ убиваетъ въ профанахъ впечатлѣніе жизненности. Впрочемъ, можетъ быть, это зависитъ отъ бокового освѣщенія, тогда какъ у передвижниковъ свѣтъ падаетъ и сверху, и съ боковъ. Вообще, залы академіи не приспособлены для выставокъ.

Академическая выставка гораздо больше передвижной, но не интересна. Она однообразна, во многомъ видна условность, манерность, нѣтъ силы и оригинальности. Лучшіе пейзажи г. Крыжицкаго, его виды Волги у Нижняго и Днѣпръ отличаются обиліемъ воздуха и прекрасной перспективой. Изъ жанровъ какъ-то ничего нельзя отмѣтить, — до того они всѣ банальны. Что у академиковъ заслуживаетъ вниманія, такъ это скульптура, почти отсутствующая на передвижной выставкѣ. Интересна группа Донъ-Кихота и Санчо-Панса, улетающихъ на деревянномъ конѣ, въ которой художнику удалось уловить весь юморъ контраста между восторженностью благороднаго рыцаря и трусливостью «мужественнаго» оруженосца.

Академическую выставку выкупаетъ особая комната, гдѣ собраны произведенія художника-финляндца, г. Эдельфельта. Судя по представленнымъ образцамъ его творчества, въ г. Эдельфельтѣ можно привѣтствовать звѣзду первой величины. Всѣ его работы рѣзко отличаются отъ окружающихъ и приковываютъ вниманіе, какъ особой манерой письма, такъ и содержательностью, но среди нихъ есть три вещи, признаваемыя всѣми настоящими шедеврами. Главное свойство г. Эдельфельта—колоритность. Г. Эдельфельтъ долго работалъ въ Парижѣ и вполнѣ усвоилъ манеру французовъ. Лучшимъ портретомъ на выставкѣ, не только академической, но на всѣхъ выставкахъ этого сезона, является, по общему признанію, портретъ матери г. Эдельфельта. Если передать натуру такъ, чтобы получилось полное впечатлѣніе дѣйствительности, составляетъ одну изъ цѣлей искусства, то этотъ портретъ верхъ совершенства. Но искусство имѣетъ болѣе высокую цѣль,—оно создаетъ характеры и типы, какъ мы видимъ на портретахъ Рембрандта. Его «Янъ Собѣсскій» не только портретъ польскаго короля Яна III, но и типъ мужественной красоты и рыцарскаго достоинства, увѣреннаго въ своей силѣ и потому снисходительнаго къ чужой слабости, какъ только можетъ быть рыцарь и король. И портретъ матери г. Эдельфельта представляетъ именно картину — это типъ женскаго достоинства, характеръ, лучше всего опредѣляемый латинскимъ словомъ matrona соединеніе благородства и нѣжности, строгости и любви. Въ свободной посадкѣ туловища, въ живомъ поворотѣ головы чувствуется столько энергіи, силы, смягчаемой добрыми и проницательными глазами. Зритель долго застаивается передъ этимъ портретомъ и уходитъ растроганный. На ряду съ нимъ можно поставить портретъ г. Куртенъ, предсѣдателя гражданскаго сословія при финляндскомъ сенатѣ. Портретъ г. Куртена—это исторія Финляндіи послѣдняго десятилѣтія,—столько въ немъ несокрушимой энергіи, не отступающей ни предъ чѣмъ для защиты своихъ правъ и достоинства, смѣлости и ума, спокойно разсчитывающаго въ минуту опасности всѣ шансы за и противъ. Вы чувствуете, что этого человѣка ничѣмъ не смутишь и ничѣмъ не запугаешь.

Портретамъ г. Эдельфельта не уступаютъ его жанровыя картины «Горе» и «У церкви». На обѣихъ вы видите народные типы, но художникъ изображаетъ ихъ не съ народнической точки зрѣнія, какъ наши русскіе народные бытописатели, а съ общечеловѣческой. Предъ нами не «мужики», трогающіе народническія сердца своими quasi-народными аксессуарами, въ видѣ лаптей, онучъ и рваныхъ полушубковъ, а люди, и горе, сокрушившее

эту пару, выражающееся въ неутѣшныхъ рыданіяхъ дѣвушки, въ угрюмомъ лицѣ парня,—вотъ что составляетъ центръ и смыслъ картины. Въ томъ, какъ художникъ трактуетъ свои сюжеты на этихъ картинахъ, виденъ европеецъ, для котораго народъ не олицетворяется въ мужикѣ съ его миѳическими самобытными устоями, для иллюстраціи которыхъ наши художники и пишутъ свои картины изъ «народнаго» быта. Въ лицѣ парня схвачена прекрасно мужественная черта,—онъ огорченъ, подавленъ горемъ, сокрушившимъ его подругу, но въ немъ оно вызываетъ желаніе борьбы, а не смиреніе и кротость, и онъ не уступитъ, какъ настоящій мужчина, котораго сломитъ только смерть. Не менѣе характерны фигуры молельщицъ у церкви, оживленно бесѣдующихъ о новостяхъ дня. Въ чепцахъ и съ книжками, эти матроны олицетворяютъ высшій судъ и общественное мнѣніе прихода. Какъ бытовая картина, «У церкви»—прелестная вещь, написанная колоритно и сильно, съ тѣмъ сдержаннымъ достоинствомъ, которое отличаетъ манеру г. Эдельфельта.

Посмертная выставка Кившенко, устроенная тоже въ академіи, удачно характеризуетъ неутомимое трудолюбіе этого художника и его неподражаемое искусство въ изображеніи собакъ и лошадей. Разнообразіе типовъ этихъ животныхъ, живость въ ихъ изображеніи—таковы отличительныя черты Кившенко. Люди на его охотничьихъ и батальныхъ картинахъ занимаютъ послѣднее мѣсто, необходимую прибавку къ собакамъ, лошадямъ и отчасти пейзажу, который на нѣкоторыхъ картинахъ подкупаетъ обиліемъ воздуха и свѣта. Рисунки Кившенко не важны, а его иллюстраціи къ русской исторіи скомпонованы въ грубо-патріотическомъ стилѣ, свидѣтельствующемъ о бѣдности фантазіи художника.

Отъ русскаго искусства, которое если не идетъ пока вверхъ, за то расширяется и растетъ количественно, перейдемъ къ *русскому* литератору, какимъ рекомендуетъ себя г. В. Дѣдловъ во введеніи къ своей книгѣ «Вокругъ Россіи».

«Книга посвящена главнымъ образомъ,—говоритъ онъ,—нашимъ окраинамъ, на которыя я смотрю, какъ на *наши* окраины (курсивъ автора, какъ и далѣе). Возможна и другая точка зрѣнія,—считать Россію *ихней* окраиной; но стать на нее русскому литератору мудрено».

Съ умнымъ человѣкомъ всегда поговорить пріятно. Въ нѣсколькихъ строчкахъ цѣлая политическая программа, и не какая-нибудь, а именно *русскаго* литератора. Но кто же такой г. Дѣд-

ловъ? въ правѣ спросить иные изъ нашихъ юныхъ читателей, которымъ имя это можетъ и не быть извѣстно. Не лишне, поэтому, привести маленькую справку изъ «Энциклопидическаго словаря» Брокгауза и Ефрона, т. 29, стр. 43: «*Кигнъ* (Владиміръ Людвиговичъ)—род. въ 1856 г. въ нѣмецко-польской семьѣ, но самъ православный. Окончилъ юридич. факультетъ Спб. университета. Дебютировалъ въ 1876 г. въ «Недѣлѣ», усерднымъ сотрудникомъ которой состоитъ и въ настоящее время, Кромѣ беллетристическихъ произведеній (за подписью *А. Б.* или *В. Дѣдловъ*), онъ помѣщалъ здѣсь путевые очерки, велъ нѣкоторое время критическій фельетонъ и фельетонъ общественной жизни... Какъ туристъ, К. отличается впечатлительностью, которая, позволяя ему подмѣчать характерныя и яркія явленія, въ то же время часто ведетъ къ рискованнымъ обобщеніямъ и выводамъ».

Нѣкоторое противорѣчіе, которое какъ бы слышится между свидѣтельствомъ словаря о «нѣмецко-польскомъ» происхожденіи г. Кигна-Дѣдлова и особымъ натискомъ, дѣлаемымъ г. Кигномъ на словѣ «русскій литераторъ», не должно смущать ни юныхъ, ни старыхъ читателей. Не говоря уже о такихъ безспорно русскихъ литераторахъ, какъ Булгаринъ и Сенковскій, которыхъ никто, конечно, не заподозритъ въ нерусскомъ духѣ, не смотря на нерусское происхожденіе, почва, на которой стоитъ г. Дѣдловъ незыблемо все время въ своихъ странствованіяхъ «Вокругъ Россіи», немедленно убѣждаетъ насъ, что онъ—несомнѣнный «русскій» литераторъ.

Свои странствія онъ начинаетъ съ Польши и, еще не доѣзжая Варшавы, уже на границѣ спѣшитъ развернуть свое знамя, разражаясь на страхъ «ихнимъ» слѣдующей тирадой:

«Да, Польша была миражъ. У нея былъ король, но король-фантошъ. У нея было дворянство, слишкомъ измельчавшее и раздробившееся, чтобы быть чѣмъ-либо инымъ, а не шляхтой, служившей въ дворнѣ нѣсколькихъ магнатовъ. Въ Польшѣ былъ народъ,—но онъ былъ доведенъ до такой степени рабства, униженія забитости и позора, какой не знаетъ и не знала никогда вся остальная Европа. Въ Польшѣ, наконецъ, была буржуазія; третье сословіе, основавшее на Западѣ новую эру, эру пара и электричества,—но польская буржуазія была исключительно евреи. Что-то такое было вынуто изъ польскаго царства, какая-то становая кость, и оно не могло стоять и устоять, все сгибаясь и падая на землю».

Какъ видятъ читатели, эта тирада цѣликомъ позаимствована изъ знаменитаго труда знаменитаго историка Костомарова «Послѣд-

ніе годы Рѣчи Посполитой», труда, который служитъ для каждаго русскаго патріота образцомъ ученаго безпристрастія въ вопросахъ національныхъ. Съ этой точки зрѣнія русская литература никогда не сходила, начиная съ Пушкина и вплоть до г. Дѣдлова. За паспись такимъ объективизмомъ и подкрѣпивъ душу вышеприведеннымъ глубокимъ заключеніемъ о судьбахъ Польши, нашъ русскій литераторъ въѣзжаетъ въ ея предѣлы. Здѣсь его негодованію нѣтъ границъ. Прежде всего онъ возмущенъ тѣмъ, что польскія «мамуни (онѣ же мамуси, мамци)» снабжаютъ своихъ сыновей, отправляющихся учиться въ Петербургъ, шубами, «въ какихъ и въ Сибири было бы жарко». Между тѣмъ, по его наблюденіямъ, и въ Варшавѣ шубу имѣть не мѣшаетъ. Отмѣтивъ такую коварную заботливость польскихъ мамашъ и посвятивъ ей нѣсколько прочувствованыхъ, вполнѣ патріотическихъ строкъ, г. Дѣдловъ дѣлаетъ поразительное открытіе, что «въ Польшѣ всѣ— паны и пани» (стр. 12), т. е. сплошь господа, а мужика нѣтъ.

Мы отъ души поздравили бы г. Дѣдлова съ такимъ, въ высокой степени отраднымъ, заключеніемъ относительно польской культуры, если бы оно не было предвосхищено однимъ тоже «русскимъ литераторомъ»-публицистомъ лѣтъ восемь тому назадъ. На страницахъ одного вполнѣ либеральнаго журнала этотъ публицистъ, имени котораго не называемъ въ предположеніи, что оно и безъ того извѣстно всѣмъ читателямъ,—пришелъ къ совершенно такому же выводу, какъ и г. Дѣдловъ. Именно, онъ заявилъ, что вопросъ польско-русскихъ отношеній сводится къ тому, «кто побѣдитъ—русскій мужикъ или польскій панъ». По мнѣнію этого публициста, какъ въ Россіи сто милліоновъ мужиковъ, такъ въ Польшѣ одиннадцать милліоновъ пановъ. Теперь, послѣ подтвержденія г. Дѣдлова, всякое сомнѣніе въ подлинности такого изумительнаго факта должно исчезнуть.

Хотя, такимъ образомъ, мы и не можемъ поздравить г. Дѣдлова съ первенствомъ, но пусть онъ утѣшится: вѣдь, не только «les beaux èsprits se rencontrent». Послѣдуемъ за его дальнѣйшими откровеніями. Варшава его пріятно поразила. «Нѣсколько лѣтъ назадъ,—говоритъ онъ,—русскому человѣку здѣсь проходу не было. Лакеи въ ресторанахъ вамъ по часамъ не давали кушаній, папертныя пани не пускали васъ въ костелъ и вслухъ ругали за ересь и московское происхожденіе; въ магазинахъ, вмѣсто чая, совали галоши»,—словомъ, «орреръ, орреръ, орреръ», какъ говорила дама, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. Теперь не то, торжествуетъ г. Дѣдловъ. «Теперь возбужденіе смѣнилось апатіей: такіе они на этотъ разъ были тихіе, кроткіе, ласковые, добрые.

По-русски на этотъ разъ понимала вся Варшава, а говорила по-русски половина города. Ни дерзкихъ взглядовъ, ни дерзкихъ словъ» (стр. 21),—и ликующій г. Дѣдловъ снисходитъ даже до того, что «жалѣетъ» бѣдныхъ «пановъ». И въ этомъ его «жалѣніи» нельзя не видѣть отраженія того, что наши друзья-французы называютъ «le tout pardon russe»

Одобривъ варшавянъ за перемѣну духа, г. Дѣдловъ съ облегченнымъ сердцемъ направляется въ провинцію, гдѣ, къ сожалѣнію, находитъ не все благополучнымъ. Начальства, вообще говоря, онъ находитъ достаточно. Есть исправники, городовые, «разсыпана еще полиція акцизная, и еще полиція сыскная». «Н-но-о» — многозначительно протягиваетъ нашъ доброволецъ, «съ виду все это какъ будто и очень строго, но на самомъ дѣлѣ случаи вмѣшательства въ частную жизнь, въ дѣла совѣсти и убѣжденія, случаи административнаго произвола и стѣсненій, о которыхъ трубятъ заграничныя недружелюбныя намъ газеты, являются въ видѣ исключеній». Огорченный такой бездѣятельностью власти, строгой только «съ виду», г. Дѣдловъ ищетъ корни и нити «польской интриги», въ чемъ и успѣваетъ: «Мнѣ называли уѣзды, гдѣ начальникъ хоть и не полякъ, но уже тридцать лѣтъ живетъ въ Польшѣ и женатъ на полькѣ, гдѣ его помощникъ не только женатъ на полькѣ, но и самъ полякъ»—съ ужасомъ восклицаетъ г. Дѣдловъ. Мало того, продолжаетъ онъ ужасаться—«слѣдователь—полякъ, жандармскій капитанъ и начальникъ стражи женаты на полькахъ, а еще одинъ чинъ, будучи кореннымъ русакомъ, ни съ того, ни съ сего, ударился въ полякофильство и даже (*это «даже» способно убить на поваль!*) лежитъ въ костелѣ во время обѣдни на полу распластавшись, «кшыжемъ», т. е. крестомъ. Примите и то въ соображеніе, что низшее чиновничество губернскихъ и уѣздныхъ канцелярій сплошь польское» (стр. 45).

Столь устрашающая картина провинціальной распущенности не должна, однако, смущать читателя. Укоры г. Дѣдлова по адресу власти идутъ отъ любящаго сердца, и дальше мы узнаемъ, что въ провинціи этой власти по существу и дѣлать-то нечего. «Панъ» смирился и, отложивъ въ сторону «всякое мірское попеченіе», пьянствуетъ и проигрывается въ карты. «Банчишко, экипажи, лошади, костюмы и бродяжничество и прежде разоряли пана, разоряли тогда, когда пшеница доходила до двухъ рублей, а свиней свободно впускали въ Пруссію; теперь же всѣ эти солдатскія слабости ведутъ пана прямо къ гибели» (стр. 84). Еще мало-мало времени, и отъ одиннадцати милліоновъ «пановъ» ничего не оста-

нется, кромѣ этихъ воспоминаній, занесенныхъ «русскимъ литераторомъ» на страницы «Недѣли», гдѣ г. Дѣдловъ блуждалъ «Вокругъ Россіи» себѣ во славу, читателямъ въ поученіе, *имъ* на страхъ, а г. Гайдебурову на пользу.

Не слѣдуетъ думать, что г. Дѣдловъ исключительно полонофобъ, благодаря своему «нѣмецко-польскому» происхожденію. Онъ строгъ, но справедливъ, и, успокоившись за судьбы Польши, переноситъ свой сыскъ въ другія окраины. Его до чрезвычайности шокируетъ непріятное открытіе, что въ Бессарабіи («Молдаво-жидовіи», по его терминологіи) живутъ молдаване, «жиды» и румыны, въ Крыму—татаре и караимы, а на югѣ, сверхъ всего прочаго, есть колонистъ-нѣмецъ. Послѣдній его больше всего смущаетъ. Ибо— «эти люди сыты. Это бы славу Богу, но эти люди, кромѣ того, злы, не помнятъ слѣланнаго имъ добра и, вдобавокъ, далеко не малочисленны» (стр. 229). Выводъ отсюда ясенъ: caveant consules» а г. Дѣдловъ, какъ добрый патріотъ, готовъ всечасно предложить свои услуги для охраны русскихъ интересовъ.

Забота объ этихъ интересахъ увлекаетъ его даже за предѣлы Россіи, именно въ Швецію, которую онъ путемъ непонятныхъ для не-патріота умозаключеній тоже причисляетъ къ «нашимъ окраинамъ». Такое «предвосхищеніе событій» простительно пламенному сердцу. Г. Дѣдлова увлекаетъ желаніе показать читателямъ «Недѣли», что всѣ эти пресловутыя «Западныя Европы» ничего не стоютъ по сравненію съ нами. Съ этою цѣлью онъ выбираетъ изъ читателей этого журнала особаго для себя спутника, который, «во-первыхъ, никогда еще не покидалъ отечества. Во-вторыхъ, родомъ онъ откуда-то изъ Вологды или Перми, а этотъ народъ—«изъ перерусскихъ русскій», какъ говоритъ Пушкинъ о Фонвизинѣ» (стр. 386). Свѣжая впечатлительность такого «перерусскаго» сына своего отечества должна сыграть роль чувствительной фотографической пластинки, на которой запечатлѣются всѣ несовершенства Европы. Г. Дѣдловъ—человѣкъ дальновидный, и, какъ Улиссъ многоопытный, предвидѣлъ, что его не русское происхожденіе можетъ побудить иного читателя изъ скептиковъ заподозрить его въ нарочитомъ сикофантствѣ. Но вотъ передъ нами «изъ перерусскихъ русскій»—и голосъ сомнѣнія смолкаетъ самъ собой.

Вступивъ на почву Швеціи, нашъ вятичъ или пермякъ поражается шведской толпой, и на его чувствительной пластинкѣ отпечатывается слѣдующій выводъ:

« — Одно, тутъ будто и скучновато,—галды мало. Молчатъ, словно въ ротъ воды набрали. Ни галокъ, ни воронъ, ни разнос-

чиковъ, не ругается никто, не зубоскалитъ.—Спутникъ вдругъ забезпокоился: — Помните, въ прошломъ году у насъ, въ Самарѣ и въ Оренбургѣ, въ самую холеру, такъ же вотъ молчали»... А г. Дѣдловъ резюмируетъ его впечатлѣніе: «здоровая шведская толпа похожа на больную русскую» (стр. 415).

Спутникъ смущается далѣе чистотой и дешевизной жизни, отсутствіемъ нахальства и «нахрапа», но г. Дѣдловъ спѣшитъ ему на помощь, и онъ тутъ же утѣшается. «И знаете, одно меня утѣшаетъ, однимъ они тутъ противъ насъ хвастаться не могутъ.— Чѣмъ же?—Пьютъ они еще пуще нашего... Не всѣмъ же взяли! На-ко!» (стр. 466). А г. Дѣдловъ торжествующе заноситъ на страницы «Недѣли»: «Дѣйствительно, публика пила, какъ корова пойло. Коньяки и пунши, очищенныя и померанцевыя, портеры и хересы исчезали на столахъ обѣдающихъ несравненно скорѣе, чѣмъ кушанья. За вторымъ блюдомъ ужъ были подъ хмелькомъ. За третьимъ лица багровѣли. За ликерами, которые пились, какъ вода («*нѣтъ-съ, бочками сороковыми*!»), уже начали сопѣть и отдуваться. И публика была не какіе-нибудь сапожники, а первостатейная... Но всѣ не то что пили, а хлестали разные спирты; даже дамы, даже дѣвушки. Женщины пьютъ «легонькое», — хересы и портвейны, но пьютъ не хуже мужчинъ» (стр. 466).

Каждый подмѣчаетъ обыкновенно то, что ему ближе, понятнѣе, такъ сказать, родственнѣе, и русскіе литераторы не составляютъ, конечно, исключенія. Намъ припоминается, напр., другой случай въ томъ же родѣ. «Русскій литераторъ», побывавшій въ Америкѣ на Чикагской выставкѣ, разсказывалъ о митингѣ рабочихъ, и главное, что привлекало его вниманіе,—были полисмены, которые палками били рабочихъ, очищая дорогу. И слушателямъ этого разсказчика оставалось только умиляться, узнавъ, что и въ свободной странѣ палка бываетъ подчасъ въ ходу, а значитъ, и намъ, русскимъ, сокрушаться не о чемъ *).

И такъ, шведы пьютъ, а ихъ женщины... Но предоставимъ голосъ г. Дѣдлову. Желая проявить свое безпристрастіе, г. Дѣдловъ сопоставляетъ шведскихъ женщинъ съ нашими, которыхъ онъ живописуетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ Россіи, какъ всѣмъ извѣстно, тоже есть женщины (*чувствуютъ-ли читатели все остроуміе этого замѣчанія?*), но еще въ недавнее, сравнительно, время наши дамы и дѣвицы стремились походить на мужчинъ, главнымъ

*) См., между прочимъ, въ «Наблюдателѣ» впечатлѣнія русскихъ литераторовъ отъ американской жизни. Эти впечатлѣнія поучительно сравнить съ замѣтками не-русскаго литератора о той же жизни, печатающимися въ нашемъ журналѣ.

образомъ, на студентовъ, въ частности—на студентовъ медицины, которымъ приходится рѣзать трупы, чтобы заглушить трупный запахъ—курить папиросы, чтобы замаскировать свою чувствительноoть—напускать на себя грубость. Подражаніе студентамъ медицины и хирургіи было источникомъ коротких волосъ, невѣроятно крѣпкихъ рукопожатій при здравствованіи и прощаньи, сидѣнія, положивъ нога на ногу, и куренія закушенныхъ угломъ рта папиросъ. Дамы мужей своихъ называли по фамиліямъ: «Петровъ, я чувствую къ тебѣ симпатію»; «Ивановъ, ты поступилъ сегодня нечестно, выкуривъ мои папиросы». Дѣвицы, передавая подругамъ свои сердечныя тайны, именовали своихъ рыцарей не «идеалами», не «богами», не «душками», какъ это дѣлали ихъ институтки-мамаши, а «честными господами» и «свѣтлыми личностями» (стр. 449—450).

Не такова шведская женщина, которая вся женственность,—«на лицѣ небесная улыбка неизъяснимой кротости и сладости, голубые глаза смотрятъ съ преданной симпатіей, жесты и движенія наивны». Читатель готовъ и въ самомъ дѣлѣ повѣрить. Но не надо забывать, что мы имѣемъ дѣло съ «русскимъ литераторомъ», который всегда вѣренъ себѣ и подмѣчаетъ лишь то, что родственно его душѣ.

«Возьмемъ красавицу въ кафе.

« — Двѣ чашки чая,—заказываемъ мы ей.

« — Jo, jo,—стонетъ она въ отвѣтъ, какъ египетскій голубокъ.

« — Къ нимъ масла и хлѣба.

« — Jo, jo,—и красавица довѣрчиво опирается рукой о спинку вашего стула, причемъ ея глаза, голубоокой газели, смотрятъ ясно-ясно.

« — Больше ничего.

« — А двѣ рюмки батавскаго арака,—воркуетъ египетскій голубокъ.

« — Тащи, дѣвуля, и аракъ! Для тебя! — зычно восклицаетъ спутникъ, окончательно увлеченный прелестью небеснаго созданія. А небесное созданіе обходитъ залы, всѣмъ кротко улыбается, на каждую спинку стула невинно кладетъ руку и всѣмъ воркуетъ «два арака? Кружку францисканскаго? Еще бутылку пунша?»

« — Да, вѣдь, братецъ ты мой, она, выходитъ, выжига! — вдругъ взревѣлъ спутникъ, послѣ того, какъ мы съ полчаса просидѣли въ кафе, приглядываясь къ продѣлкамъ голубоокой газели. Кто ее знаетъ. Однако, было ясно, что предложенія газелью пунша, арака и францисканскаго исправно спаивали публику кафе» (стр. 451—452).

Дальше кафе-шантанныхъ красавицъ наблюденія г. Дѣдлова нейдутъ, что ни мало не мѣшаетъ ему признать шведокъ—лицемѣрками, шведовъ—развратными и пьяницами, ихъ дѣтей — вырождающимися, и закончить свой очеркъ Швеціи (собственно, только одного Стокгольма, вѣрнѣе говоря—его кабаковъ и загородныхъ гуляній) патетическимъ возгласомъ à la Гамлетъ: «Нѣтъ, неладно что-то въ скандинавскихъ королевствахъ» (стр. 459).

Чтобы отдохнуть отъ возмутительныхъ картинъ окраинной жизни, г. Дѣдловъ кончаетъ нижегородской ярмаркой, гдѣ ужъ

все несомнѣнно свое. Еще подъѣзжая, онъ уже настраивается на высокій ладъ, онъ таетъ отъ восторга при видѣ Волги, русскихъ славныхъ лицъ, а прибывъ на мѣсто, тонетъ въ пучинѣ восхищенія несомнѣнно русскими, ничѣмъ не прикрашенными порядками ярмарки. Центръ этихъ восторговъ сосредоточивается «на домашней юстиціи» ярмарки, на полицейскомъ разбирательствѣ, замѣнявшемъ здѣсь еще недавно общіе суды. Побывавъ на одномъ такомъ засѣданіи ярмарочнаго суда, «русскій» литераторъ замѣчаетъ: «Многіе его не одобряютъ, но я и о немъ скажу,—при существующихъ нравахъ менѣе простой, менѣе «брантмайорскій» судъ не достигаетъ цѣли» (стр. 586).

Если бы мы имѣли дѣло не съ «русскимъ» литераторомъ, г. Дѣдловымъ, мы могли бы замѣтить, что восторженность—самый плохой путь къ истинѣ. Но у нашихъ патріотовъ чувство вытѣсняетъ логику, почему ихъ разсужденія всегда слагаются въ ложный кругъ, изъ котораго они не въ силахъ выбраться. «Брандмайорскій судъ» оправдывается ими плохими нравами, плохіе нравы, въ свою очередь, объясняются «брандмайорскими» порядками, а все, вмѣстѣ взятое, исторгаетъ изъ переполненной благодарнымъ чувствомъ къ ярмарочному начальству груди слѣдующій вопль славословія:

«Такое впечатлѣніе производитъ нижегородская ярмарка, «всероссійское торжище», отражающее какъ въ зеркалѣ всероссійскіе порядки. нравы и обычаи. Много сквернаго отражается въ этомъ зеркалѣ, и все-таки основное впечатлѣніе отрадное и бодрое. Нѣтъ никакого сомнѣнія, варварство смѣняется культурностью, Азія превращается въ Европу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, естественныя силы, матеріальныя и духовныя, громадны и ждутъ только болѣе совершенныхъ формъ дѣятельности, чтобы проявить себя во всей мощи. Нѣтъ сомнѣнія, эти формы все полнѣе облекаютъ собою русскую силу. Такъ смотритъ врачъ на язву и искренно восхищается ею: заживленіе идетъ успѣшно, а «субъектъ» такой здоровенный, что его ничѣмъ съ ногъ не свалишь. «Перевести на здоровую порцію»,—приказываетъ врачъ. Россія еще на «выздоравливающей» порціи. Приходится съ этимъ мириться» (стр. 587).

А пока заняться «оздоровленіемъ» окраинъ...

Мы занялись такъ долго г. Дѣдловымъ вовсе не ради него. Все, имъ написанное, такъ не ново, въ сущности такъ старо, измызгано и затаскано, что и говорить-то о немъ не стоитъ. Но онъ любопытенъ и поучителенъ, какъ яркій представитель шовинизма...

Въ своихъ «Замѣткахъ» намъ уже приходалось касаться провинціальной прессы, причемъ по поводу очень недурно составленнаго «Вологодскаго сборника» мы высказали предположеніе, что

не далеко время, когда и въ провинціи объявятся свои ежемѣсячные журналы, какъ есть уже солидная ежедневная печать. Дѣйствительно, теперь предъ нами три номера казанскаго журнала «Дѣятель», возникшаго въ текущемъ году. Какъ первый, если не ошибаемся, провинціальный журналъ, «Дѣятель» несомнѣнно заслуживаетъ вниманія.

Признаемся, при всемъ доброжелательствѣ къ новому начинанію провинціи, мы чувствуемъ себя нѣсколько сконфуженными. Первый опытъ какъ-то страненъ и по внѣшности, и по содержанію. Въ вышедшихъ трехъ книжкахъ около двухсотъ страницъ, наполненныхъ какими-то обрывками статей, о которыхъ рѣшительно нельзя составить себѣ никакого представленія. Для образчика, вотъ содержаніе перваго номера: «О женскихъ курсахъ», три не полныхъ странички; «Изъ жизни Черногорья», четыре странички, какъ будто взятыя изъ любого учебника по географіи; «Спиртные напитки», начало лекціи о вредѣ пьянства; «Воспоминанія» г. Явышевскаго, около трехъ страничекъ безъ всякаго содержанія: «Теорія бумажно-денежнаго обращенія», начало публичной лекціи г. Залѣсскаго, около 4-хъ страничекъ, а вся лекція тянется въ трехъ номерахъ и еще не кончена; затѣмъ идутъ уже не статьи, а что-то въ родѣ чего-то, чему трудно подыскать названіе. И чего-чего тутъ нѣтъ: и о мусульманскихъ святыхъ, и о нищихъ, и о сельскохозяйственныхъ школахъ, и протоколы мѣстныхъ обществъ трезвости, и полемика г. И. Смирнова съ г. Вл. Короленко по вопросу о вотяцкихъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, и, наконецъ, отрывокъ драмы «Чужая воля», въ которомъ ничего нельзя понять. Въ заключеніе программа журнала, а всего, въ общей сложности, 82 страницы разгонистой печати.

И такъ составлены всѣ три номера, въ которыхъ ни складу, ни ладу, потому что въ этомъ крошевѣ нѣтъ никакой связующей нити, ничего объединяющаго, что указывало бы на цѣли журнала. Такою же неопредѣленностью отличается и программа журнала, которую позволимъ себѣ привести въ главныхъ пунктахъ, какъ своего рода раритетъ. «2) Статьи литературнаго, экономическаго гигіеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія.— 5) Свѣдѣнія полезныя въ жизни. — 6) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. — 7) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и въ другихъ странахъ.—8) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ Трезвости въ Россіи и заграницей. — 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости». Судя по особому вниманію къ пьянству и трезвости, журналъ нарочито будетъ преслѣдовать

первое и поддерживать второе. Это пока единственный выводъ, какой можно сдѣлать изъ программы и содержанія трехъ вышедшихъ книжекъ.

Съ этимъ можно бы еще примириться, хотя и нельзя не пожалѣть, что журналъ попалъ въ руки, очевидно, вполнѣ неумѣлыя. Но вотъ съ чѣмъ ужъ никакъ нельзя примириться. Новый «Дѣятель», можно сказать, не успѣлъ еще сформироваться, какъ уже проявилъ себя въ самомъ нежелательномъ направленіи.

Въ первомъ номерѣ помѣщена замѣтка г. И. Смирнова, представляющая попытку этого «ученаго» этнографа что-то возразить г. Вл. Короленко на статью послѣдняго въ «Рус. Богатствѣ» — «О мултанскомъ жертвоприношеніи». Возраженія въ замѣткѣ нѣтъ, а есть какое-то, почти школьническое, кривлянiе по очень серьезному вопросу, возбужденному г. Вл. Короленко въ своей статьѣ. Чтобы судить о манерѣ г. Смирнова возражать, приведемъ только конецъ его замѣтки, такъ какъ недостатокъ мѣста не позволяетъ привести ее цѣликомъ, во всей ея неприкосновенной наготѣ. Покривлявшись на трехъ страницахъ и ничего не возразивъ по существу, г. Смирновъ заканчиваетъ:

«Мы видѣли, что невинность семи мултанцевъ поставлена авторомъ въ зависимость отъ отсутствія у вотяковъ вообще и человѣческихъ жертвоприношеній и боговъ, которые бы ихъ требовали — и въ послѣднихъ строкахъ своей статьи онъ бросаетъ предположеніе, что состояніе трупа Матюнина есть результатъ *симуляціи* (курсивъ автора, какъ и далѣе) человѣческаго жертвоприношенія. Для семи мултанцевъ такая постановка дѣла, безъ сомнѣнія, выгодна, и *ихъ частные дѣло*, если г. Короленко докажетъ свое положеніе, будетъ, безъ сомнѣнія, выиграно, но вотяки вообще, вотскій культурный типъ, русскій культурный типъ—взятые имъ одновременно подъ защиту, отъ этого окажутся не въ авантажѣ: симулируется лишь то, что имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности».

Трудно повѣрить, что подобный вздоръ написанъ профессоромъ и напечатанъ въ журналѣ, редактируемомъ тоже профессоромъ. Въ январьской книгѣ нашего журнала, въ отдѣлѣ «На родинѣ», мы привели корреспонденцію, повѣствующую о томъ, какъ въ глухой деревушкѣ объявился «дьяволъ съ огненной головой», и что отъ сего воспослѣдовало. Наши «ученые» профессора, гг. Смирновъ и его редакторъ Александровъ, будутъ ли доказывать, что «дьяволъ съ огненной головой имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности», такъ какъ шутникъ, своей «симуляціей» подобнаго дьявола напугавшій односельчанъ, могъ «симулировать лишь то, что имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности»! До такихъ геркулесовыхъ столбовъ «ученой симуляціи» никто еще, по крайней мѣрѣ, въ печати конца XIX вѣка, не договаривался.

А впрочемъ, въ Казани, по видимому, все возможно. Если нелѣпая замѣтка «ученаго» симулянта» могла появиться на страницахъ профессорского журнала, то почему бы тамъ же не объявиться и защитнику дьявола съ огненной головой? Вѣдь могла же появиться во второмъ номерѣ того же журнала другая замѣтка, прямо-таки позорная для его редакціи. Мы имѣемъ въ виду хвалебный некрологъ профессору Н. А. Осокину, скончавшемуся въ концѣ (29 ноября) прошлаго года. Нѣкто г. Я. Посадскій посвящаетъ памяти покойнаго слѣдующія прочувствованныя строки:

«Въ послѣднее время покойный много отдавался интересамъ муниципальной (если можно такъ выразиться) дѣятельности, принимая участіе во всѣхъ ея функціяхъ. Когда въ 1878 г. онъ дѣлалъ первые шаги на этой аренѣ, онъ идеально опирался на поставленную имъ теорію, что исторія знаетъ истинное мѣсто идей въ ходѣ человѣчества и что гражданскій долгъ — не отказываться отъ такого служенія, какъ бы оно иногда ни было тяжело. Въ добавокъ, отвлекаться иногда отъ книги къ практической общественной дѣятельности было, по его мнѣнію, и пріятно, и полезно для ученыхъ занятій, особенно если эта дѣятельность, въ качествѣ уѣзднаго или губернскаго гласнаго, гласнаго думы, попечителя начальныхъ школъ и проч., имѣетъ отношеніе къ высшему народному благу, къ образованію народа. Насколько оправдались высокія мечты покойнаго въ дѣлѣ соединенія принциповъ науки съ явленіями окружавшаго его со всѣхъ сторонъ моря общественной жизни, мы говорить не будемъ. Мы только одного желаемъ отъ души, чтобы такъ много волновавшаяся, не знавшая устали натура этого человѣка, нашла себѣ вѣчный покой въ загробной жизни»...

Насколько оправдались «высокія мечты покойнаго», мы тоже не знаемъ, но вотъ что мы знаемъ и что несомнѣнно зналъ г. Посадскій, когда писалъ свои прочувствованныя строки, и что знала редакція «Дѣятеля», когда восхваляла этого «дѣятеля».

Въ «Самарской Газетѣ», а затѣмъ и во всѣхъ другихъ, какъ провинціальныхъ, такъ и столичныхъ газетахъ, въ январѣ появилось слѣдующее разоблаченіе скоропостижной смерти Осокина:

«Разоблаченія газетъ не позволяютъ уже сомнѣваться, что казанскій проф. Н. А. Осокинъ покончилъ съ собой самоубійствомъ, растративъ большія суммы различныхъ общественныхъ учрежденій. Въ братствѣ св. Гурія, казначеемъ котораго состоялъ Осокинъ, оказался недочетъ до 27.000 р. Будучи попечителемъ Ксеніевской женской гимназіи, Осокинъ оставилъ недочетъ въ кассѣ попечительства до 9.000 р. Состоя агентомъ страхового общества «Урбэнъ», покойный оставилъ недочетъ въ 6.000 р. По агентурѣ «Россійскаго страхового общества»—недочетъ въ 14.000 р. Кромѣ этихъ общественныхъ долговъ, у покойнаго была бездна частныхъ, общая сумма которыхъ доходитъ до 80.000 р. Что было дѣлать? Кредиты изсякли, оставалось одно—умереть».

И онъ умеръ. Вмѣстѣ съ г. Посадскимъ «пожелаемъ отъ всей души, чтобы такъ много» грѣшившая, чуждая чести и достоин-

ства, «натура этого человѣка нашла себѣ вѣчный покой». Но остаются живые, и къ нимъ мы въ правѣ обратиться съ запросомъ, съ какимъ лицомъ могла редакція «Дѣятеля» печатать панегирики человѣку, «идеально» опиравшемуся на возвышенную теорію, а реально запускавшему лапу во всѣ общественные сундуки, подвертывавшіеся подъ руку? Можетъ ли она «симулировать» незнаніе въ данномъ случаѣ? Такая «симуляція» была бы смѣшна. А если редакція знала,—что несомнѣнно,—то... Выводъ предоставляемъ ей самой...

Съ печатнымъ словомъ слѣдуетъ обращаться честно. Это — conditio sine qua non для всякаго работника пера, тѣмъ болѣе, если онъ—профессоръ, vir doctus и учитель молодежи. Уже разъ казанскіе профессора опозорили себя, выступивъ въ числѣ 13 на защиту того же Осокина, когда, года три назадъ, въ мѣстной газетѣ, «Волжскомъ Вѣстникѣ», появилось разоблаченіе одного, болѣе чѣмъ некрасиваго поступка этого «дѣятеля». Они заявили тогда коллективно urbi et orbi, что выходятъ изъ числа сотрудниковъ газеты, осмѣлившейся настоящимъ словомъ опредѣлить этого господина. Интересно, съ такимъ ли сіяющимъ чистотой и невинностью, горящимъ отъ благороднаго негодованія, лицомъ, эта доблестная фаланга 13-ти и теперь готова «пріять неизгладимую печать» того позора, какимъ украсила себя редакція только что народившагося казанскаго «Дѣятеля»? Въ числѣ его сотрудниковъ мы видимъ въ объявленіи журнала имена нѣкоторыхъ изъ подписавшихъ тогдашній протестъ противъ «Волжскаго Вѣстника»...

Кстати, какъ полагаетъ проф. И. Смирновъ, «имѣли ли мѣсто» въ душѣ Осокина честь и достоинство, которыя покойный такъ ловко симулировалъ въ теченіе всей жизни? Поразмысливъ надъ этимъ вопросомъ, можетъ быть, нашъ неудачный симулянтъ-этнографъ придетъ къ нѣсколько инымъ выводамъ о дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ. Можетъ быть, онъ пойметъ тогда, какую недостойную роль играетъ онъ въ этомъ злополучномъ дѣлѣ, силясь per fas et nefas отстоять то, чего нельзя отстоять иначе, какъ цѣною потери чести и достоинства, по крайней мѣрѣ, для человѣка науки. Выражаясь языкомъ г. Посадскаго, исторія знаетъ не только «мѣсто идей въ ходѣ человѣчества», но и мѣсто для фактовъ, въ родѣ дѣла мултанскихъ вотяковъ, и для людей, во что бы то ни стало старающихся обвинить вотяковъ, лишь бы... оправдать себя.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Положеніе народныхъ учителей. Московскій Комитетъ грамотности собралъ данныя о вознагражденіи, получаемомъ народными учителями и учительницами. Данныя эти (опубликованныя въ «Школьномъ Обозрѣніи») касаются 33 земскихъ губерній. Изъ нихъ видно, что размѣръ вознагражденія колеблется въ весьма значительныхъ предѣлахъ—120 до 820 руб. Самый высшій maximum жалованья въ 820 руб. существуетъ въ Петербургской губерніи (низшій тамъ—200 руб.), затѣмъ идутъ Таврическая—620 руб., Вологодская—615 р. (но за то въ послѣдней встрѣчается и минимальное жалованье въ 120 р., а среднее тамъ доходитъ всего до 268 р.), по 560 р.—Рязанская и Саратовская, 510 р.—Пермская; въ одиннадцати губерніяхъ maximum колеблется отъ 420 до 475 руб., въ одиннадцати отъ 312 до 386 руб. и въ пяти—Калужской, Новгородской, Орловской, Симбирской и Харьковской—самый высшій окладъ учительскаго жалованья—300 р. Въ самомъ лучшемъ положеніи находятся учителя въ Таврической губ. и въ самомъ худшемъ въ Тульской. Въ такихъ земствахъ, какъ земства Московской и Петербургской губ., учителямъ платятъ по 200 р., при чемъ средній размѣръ жалованья по Московской губ. не достигаетъ 300 р., а въ Петербургской едва превышаетъ 300 р. Еще хуже оплачивается трудъ учительницъ. Онѣ получаютъ отъ 543 до 95 р. Первый размѣръ вознагражденія относится къ Таврической губ., а второй къ Тульской. Затѣмъ, въ двѣнадцати губерніяхъ учительницы получаютъ отъ 120 до 150 р. Что касается, наконецъ, помощниковъ и помощницъ учителей, то трудъ ихъ оплачивается еще ниже. Такъ, въ Рязанской губ. есть помощники, получающіе по 50 р. въ годъ; въ Московской они получаютъ 65 р.

И это-то скудное жалованье учителямъ часто приходится получать не ежемѣсячно, а по четвертямъ и полугодіямъ, что, конечно, еще болѣе затрудняетъ ихъ положеніе. Не получая въ такой сравнительно значительный періодъ времени жалованья, учитель, чтобы поддержать свое существованіе, волей-неволей вынужденъ былъ кредитоваться у мѣстныхъ кулаковъ - торговцевъ. Кредитъ же этотъ, въ большинствѣ случаевъ, сопряженъ для учителя со множествомъ нравственныхъ униженій и лишнихъ затратъ въ видѣ «процентиковъ» и переплатъ, которыя неизбѣжно налагаются торговцами при отпускѣ товара въ долгъ. Кромѣ того, бывали иногда случаи, что торговцы и вовсе отказывали учителю въ кредитѣ или по личному нерасположенію къ послѣднему, или по недовѣрію къ нему, какъ человѣку, плохо обезпеченному

и временно проживающему въ данномъ околоткѣ. Въ такихъ случаяхъ бѣдному труженику приходилось изловчаться на всѣ лады, терпѣть различныя лишенія и даже голодать въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ до получки. Полученіе же учителемъ своего жалованья ежемѣсячно вполнѣ гарантируетъ его отъ унизительной зависимости какъ отъ разныхъ кулаковъ, такъ и отъ голодовки.

Кромѣ того, жалованье обыкновенно выдается учителямъ черезъ мѣстнаго старшину, который нерѣдко не выдаетъ его тотчасъ же, а «затрачиваетъ эти деньги на болѣе существенныя, по его мнѣнію, нужды; учитель, молъ, подождетъ, небольшой баринъ,— хотя иногда старшина прекрасно знаетъ, что ждать жалованья учителю нѣтъ никакой возможности. На просьбу учителя выдать жалованье, старшина самымъ равнодушнымъ тономъ отвѣчаетъ, что деньги съ крестьянъ имъ еще не получены, почему онъ и не можетъ ихъ выдать, а надо подождать. Провѣрить же, дѣйствительно-ли деньги эти не получены, весьма затруднительно для учителя. Поэтому и приходится ожидать, пока благоугодно будетъ старшинѣ объявить, что деньги на жалованье учителю собраны. Если же старшина и согласится выдать учителю жалованье, то выдаетъ рублей 5 — 6, въ то время какъ слѣдуетъ выдать въ 2 — 3 раза болѣе этого. При такихъ обстоятельствахъ учителю волей-неволей приходится прибѣгать къ весьма несимпатичному побудительному средству, съ цѣлью заставить старшину увеличить выдачу. Средство это—угощеніе старшины водочкой, при чемъ учитель долженъ непремѣнно «составить компанію», т. е. пить съ гостемъ стаканъ за стаканомъ; въ противномъ же случаѣ «начальство» усмотритъ неуваженіе своей персонѣ со стороны учителя и, конечно, еще болѣе насолитъ ему за это. Въ такихъ случаяхъ учитель является страдающимъ лицомъ рѣшительно помимо своей воли. Если учитель не догадается угостить старшину при получкѣ, то послѣдній и самъ напомнитъ ему объ этомъ. Для тебя, молъ, хлопочемъ — собираемъ и выдаемъ деньги, значитъ ты и обязанъ угостить, какъ угощаетъ и всякій другой, обращающійся къ нему за какимъ - нибудь дѣломъ. Такимъ образомъ, чтобы получить учителю отъ старшины или сельскихъ старостъ 60—70 рублей въ годъ,—приходится часто «обивать пороги» у представителей сельскаго начальства, выпрашивать у нихъ, какъ подачки, свое трудовое жалованье, угощать ихъ и, что самое тяжелое, составлять имъ «компанію», т. е. терпѣть унизительнѣйшую пытку въ нравственномъ отношеніи. Едва-ли нужно говорить, какъ все это отравляетъ существованіе учителя и подрываетъ авторитетъ его въ глазахъ крестьянскаго люда.

Въ виду всего этого нельзя не привѣтствовать новыхъ мѣропріятій Юхновской уѣздной земской управы, направленныхъ къ улучшенію положенія народныхъ учителей: управа рѣшила выдавать учителямъ жалованье ежемѣсячно, и непосредственно изъ Юхновскаго казначейства, по ассигновкамъ управы, или прямо изъ земской кассы.

Точно также бѣльское уѣздное земское собраніе (Смол. губ.) поставило на обсужденіе волостныхъ сходовъ уѣзда вопросъ о передачѣ въ распоряженіе земской управы средствъ, ассигнуемыхъ волостными правленіями на содержаніе училищъ.

Одинъ изъ корреспондентовъ «Смоленскаго Вѣстника» разсказываетъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ одной изъ волостей Бѣльскаго уѣзда:

Въ волостную земскую школу былъ назначенъ новый учитель, только-что выпущенный изъ учительской семи-

наріи. Скромный, тихій, спокойный, онъ сразу расположилъ къ себѣ членовъ мѣстнаго причта, сосѣдняго помѣщика и др. лицъ, но почему-то не спелся со старшиной. Это послѣднее обстоятельство повело къ тому, что учитель, не смотря на заступничество расположенныхъ къ нему лицъ, по нѣскольку мѣсяцевъ подрядъ не получалъ отъ старшины своего 10 руб. жалованья, и только, благодаря добротѣ одного лица, пріютившаго у себя горемычнаго, онъ не сидѣлъ голодный. Травля учителя не прекращалась: то сторожъ «жарко» закроетъ трубу и учитель угоритъ, то печь останется нетопленой, то у учителя воды нѣтъ, то керосину ему не принесутъ и т. п., и въ концѣ-концовъ бѣдняга долженъ былъ уйти изъ этой школы. Можно судить послѣ этого, какъ должно было идти дѣло въ школѣ, когда душа ея—учитель, переживалъ такое тяжелое положеніе.

Поэтому, измѣненіе порядка выдачи жалованья съ перваго взгляда хотя и можетъ показаться маловажнымъ, тѣмъ не менѣе, для самихъ учителей имѣетъ огромное значеніе, потому что освобождаетъ ихъ отъ тягостной зависимости отъ старшины. Много уже говорилось и писалось о тяжеломъ положеніи народнаго учителя, но тема эта по истинѣ неисчерпаема, и въ провинціальныхъ газетахъ постоянно наталкиваешься на новые факты. Вотъ, напр., какія свѣдѣнія сообщаетъ корреспондентъ «Волгаря» о народной школѣ въ деревнѣ Буклеяхъ, Арзамасскаго уѣзда.

Оказывается, что учитель этой школы все свободное время проводитъ... на печкѣ. Тамъ онъ пьетъ чай, обѣдаетъ и спитъ. А когда нужно идти въ классъ, то надѣваетъ теплыя валенки и тулупъ и только въ такомъ видѣ рискуетъ спустить ноги на полъ.

Въ классѣ холодно, какъ въ сараѣ. Ученики сидятъ въ шубахъ и морозятъ носы и уши.

Въ квартирѣ учителя еще холоднѣе, чѣмъ въ классѣ. Стаканъ холодной воды, поставленный на столѣ, черезъ нѣсколько минутъ покрывается льдомъ. Хлѣбъ въ шкафѣ промерзаетъ такъ, что его приходится, прежде чѣмъ кушать, долго оттаивать въ печкѣ.

Но учителя земскихъ школъ—настоящіе баловни судьбы по сравненію съ учителями такъ-называемыхъ школъ грамоты. Земскому учителю также живется не сладко, но, во всякомъ случаѣ, онъ получаетъ отъ земства нужныя пособія и можетъ какъ слѣдуетъ поставить свое дѣло. Учителя школъ грамоты находятся въ иномъ положеніи.

Въ «Орловскомъ Вѣстникѣ» помѣщены интересныя замѣтки и наблюденія сельскаго учителя по этому поводу. Авторъ сообщаетъ, что ему «не разъ приходилось посѣщать крестьянскія школы грамотности и въ особенности вольныя школки, которыхъ въ данной мѣстности числомъ было гораздо болѣе, нежели школъ, подвѣдомственнныхъ училищнымъ совѣтамъ. Всѣ такія школки создаются самимъ народомъ; всѣ онѣ похожи другъ на друга, всѣ возникаютъ по одной и той же причинѣ: ихъ создаетъ глубокое сознаніе народомъ важности и необходимости школьнаго обученія; это сознаніе поголовно завладѣло деревнею, за исключеніемъ нѣкоторыхъ невѣжественныхъ женщинъ да немногихъ стариковъ, послѣднихъ изъ могиканъ дореформенной эпохи».

Открытіе вольной школки обыкновенно начинается появленіемъ въ деревнѣ вольнаго учителя, который прежде всего заявляется къ сельскому старостѣ и спрашиваетъ: не будутъ ли они ребятъ учить? Староста приглашаетъ къ себѣ на совѣтъ двухъ или трехъ «стариковъ» и рѣшаетъ съ ними созвать сходку. Собираются мужики къ хатѣ старосты и постановляютъ о школѣ въ утвердитель-

номъ смыслѣ, «что ребятъ учить надо, нынче такое время пришло, безъ грамоты жить плохо». Затѣмъ мужики начинаютъ торговать учителя и плату за его трудъ сводятъ до жалкаго минимума: по условію учитель долженъ получать 3 или 5 руб. въ мѣсяцъ (принимается въ разсчетъ только учебное время) и харчеваться подворно; условіе о наймѣ учителя заканчивается распитіемъ четвертухи на счетъ послѣдняго или на общій счетъ. Наконецъ, для помѣщенія школки нанимается «міромъ» какая-либо хата за 3 руб. въ зиму; сельскій плотникъ, по порученію старосты, сколачиваетъ двѣ или три грубыхъ скамейки, — и школа готова.

Учительствуютъ въ такихъ, наскоро испеченныхъ, крестьянскихъ школкахъ по преимуществу сельскіе парни, а иногда и взрослые мужики, тѣ и другіе изъ бывшихъ учениковъ земскихъ училищъ. Впрочемъ, случается иногда, что въ учителя вольныхъ школокъ попадаютъ люди совсѣмъ другой категоріи, въ родѣ отставныхъ служивыхъ и разныхъ неудачниковъ, большею частью спившихся и сбившихся «съ правильнаго пути» и гранящихъ матушку Русь изъ конца въ конецъ. Такіе учителя совсѣмъ нежелательные наставники крестьянскихъ ребятъ. Правда, иногда они обладаютъ значительнымъ образовательнымъ уровнемъ и умѣньемъ учить, но по своей нравственной расшатанности и дряблости они все-таки нетерпимы въ школѣ.

Обстановка въ этихъ школкахъ самая примитивная и находится въ вопіющемъ противорѣчіи съ требованіями школьной гигіены: «Все, что только можетъ препятствовать правильному школьному обученію, все тутъ можно встрѣтить: тѣснота, грязь, удушливый, спертый воздухъ, пропитанный кислою сыростью и міазмами отъ помойной лоханки, нерѣдко сквозняки и холодъ; тутъ же иногда тѣснятся и хозяева школьнаго помѣщенія, примѣшивая къ гаму школьниковъ свои семейные разговоры, крикъ и угрозы дѣтишкамъ, а за одно съ этимъ сливаются и стоны груднего ребенка, и убаюкиванья матери надъ его колыбелью, и визгъ подъ поломъ поросятъ, ожидающихъ со двора свою мать, и блеянье курчавыхъ ягнятъ...»

Учебники въ такихъ вольныхъ школкахъ самые разнообразные и не приноровлены ни къ какой системѣ. Авторъ вышеупомянутаго очерка описываетъ такую сцену: «Вы, вѣроятно, обучаете буквослагательнымъ способомъ? — спросилъ я однажды учителя такой школки, судя по разнообразію учебниковъ.—Нѣтъ, я обучаю звуковымъ методомъ.—Значитъ, подвижная азбука есть?—Нѣтъ, нѣту такой азбуки.—А какъ же вы обучаете? — Пишу имъ буквы на клочкахъ бумажки или на классной доскѣ и такъ понемногу выучиваемся читать. Перехожу къ другой группѣ ребятъ. Тутъ еще большее разнообразіе учебниковъ: встрѣчаются «Псалтыри» въ разныхъ видахъ, «Часовникъ», разныя хрестоматіи, въ видѣ книги Паульсона, «Дѣтскаго міра» и т. п., и все это безъ начала, безъ конца, избитое, истертое, прошедшее, быть-можетъ, десятокъ рукъ, начиная съ учениковъ сосѣдней земской школы, откуда уже черезъ нѣсколько лѣтъ учебники попали въ вольную школу, выпрошенные мужиками у учителя. Нельзя было не удивляться тому терпѣнію, той несокрушимой силѣ и энергіи, какой нужно обладать, чтобы быть учителемъ при всѣхъ этихъ школьныхъ неудобствахъ».

Что же наталкиваетъ крестьянскаго парня на мысль отдаться такому беззавѣтному труду учительства? Прежде всего огульная зимняя безработица въ деревнѣ заставляетъ крестьянина искать хоть какой - нибудь работы,

«хоть ребятъ иди учить, — говорятъ парню родители,—хоть 15 руб. заработаешь въ зиму, и то подай сюда». А парни давно этому рады: ихъ манитъ къ учительству не матеріальная только сторона дѣла, ихъ манитъ къ этому труду та любовь, та привязанность къ нему, которую породила въ нихъ ихъ воспитательница, народная школа. Въ силу этой привязанности къ школѣ и ея дѣлу сельскій парень, сдѣлавшись учителемъ, иногда такъ втягивается въ свое дѣло, что никакія школьныя невзгоды не отымаютъ у него желанія учить по зимамъ ребятишекъ и развѣ только болѣзнь или крутыя домашнія обстоятельства принуждаютъ его оставить занятія въ школѣ. Нѣкоторые изъ вольныхъ учителей, уча ребятишекъ, учатся и сами, если есть по сосѣдству добрый, образованный учитель, и подъ руководствомъ послѣдняго они приготовляются и выдерживаютъ экзаменъ на сельскаго учителя

Такія вольныя школки по своему значенію, конечно, не могутъ сравниться съ хорошо - организованными земскими школами, во главѣ которыхъ стоятъ образованные учителя, но все-таки —лучше что-нибудь, чѣмъ ничего, и нельзя отрицать, что онѣ все-таки являются лучами свѣта въ темномъ царствѣ.

Благотворительная затѣя земскаго начальника. По иниціативѣ мѣстнаго земскаго начальника, г. Жеденева, въ Камышинскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, основаны были общественные сельскохозяйственные пріюты для дѣтей. Г. Жеденевъ усиленно пропагандируетъ свои пріюты, пишетъ о нихъ статьи, читаетъ доклады и старается увѣрить всѣхъ, что эти пріюты гораздо болѣе соотвѣтствуютъ народнымъ потребностямъ, чѣмъ общеобразовательныя земскія школы. Факты, однако, не подтверждаютъ этихъ взглядовъ г. земскаго начальника, и крестьяне, повидимому, нѣсколько иначе относятся къ его пріютамъ. Вотъ что сообщается въ корреспонденціи «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Камышинскаго уѣзда: «Послѣдній изъ этихъ пріютовъ открытъ въ селѣ Бурлукѣ. Такъ какъ ко времени его открытія на примѣрѣ другихъ пріютовъ уже выяснилось, что основываемые по настоянію г. Жеденева пріюты являются только лишнимъ и весьма тяжелымъ бременемъ для крестьянъ, то устройство такого же пріюта въ с. Бурлукѣ не встрѣтило сочувствія со стороны мѣстнаго населенія. Тѣмъ не менѣе, пріютъ все-таки былъ построенъ, и вотъ уже болѣе года открытъ оффиціально. Нынѣ жители с. Бурлука, въ числѣ около 250 человѣкъ, подали въ камышинскій уѣздный съѣздъ коллективную просьбу о закрытіи этого пріюта, такъ какъ надобности въ немъ они не имѣютъ и содержать его не въ состояніи. Въ пріютѣ живетъ только одна дѣвочка-сиротка изъ чужой губерніи. Содержаніе ея, по разсчету просителей, обходится въ 550 р. ежегодно, что для бурлукскаго общества нельзя не признать весьма обременительнымъ, въ особенности теперь, когда на 3.500 всѣхъ его наличныхъ жителяхъ обоего пола числится болѣе 20 тыс. руб. недоимокъ. Просьба о закрытіи пріюта подана не отъ общественнаго схода, потому что какъ волостному, такъ и сельскимъ сходамъ, касаться вопроса о закрытіи пріюта г. Жеденевымъ запрещено. Самое зданіе пріюта просители ходатайствуютъ разрѣшить имъ отвести подъ земскую школу, такъ какъ существующее школьное зданіе, вслѣдствіе своей тѣсноты, не въ состояніи вмѣстить въ себѣ всѣхъ желающихъ учиться».

Г. Жеденевъ постарался опровергнуть это сообщеніе, утверждая въ «Нов. Врем.», что оно не вѣрно, такъ какъ содержаніе каждаго ребенка въ пріютѣ обходится въ 60 р., но «Рус.

Вѣд.» утверждаютъ, что, въ томъ-то и дѣло, что въ пріютѣ теперь остался только одинъ ребенокъ. Въ прошеніи крестьяне пишутъ, что номимо 60 р. расходовъ на содержаніе этого ребенка, въ настоящее время еще тратится 360 руб. на содержаніе смотрителя пріюта съ женой и 50 р. на отопленіе пріюта. Къ этой суммѣ они еще причисляютъ 80 руб. процентовъ на 2.000 р. стоимости сооруженій пріюта. Въ концѣ прошенія крестьяне заявляютъ, что ни одного ребенка въ пріютъ они болѣе не отдадутъ. Стоимость содержанія ребенка въ другихъ пріютахъ г. Жеденева, тарасовскомъ, красноярскомъ и лопуховскомъ, въ докладѣ сельскохозяйственной коммиссіи камышенскому земскому собранію исчисляется, вмѣстѣ съ процентами на затраченный капиталъ и т. п., отъ 60 до 70 р. въ годъ.

«Русскія Вѣдомости» приводятъ также выдержку изъ журнала сельскохозяйственной коммиссіи камышинскаго земства, въ которой обсуждался вопросъ о сельскохозяйственныхъ пріютахъ г. Жедепева.

«Предсѣдательствующій гр. Д. А. Олсуфьевъ (предводитель дворянства),— читаемъ мы въ этомъ оффиціальномъ документѣ, — дѣлаетъ подробныя сообщенія о посѣщеніи имъ пріютовъ, совмѣстно съ членомъ управы И. Г. Штырловымъ. Общее впечатлѣніе отъ этихъ пріютовъ таково: хозяйство ведется плохо, надзоръ за дѣтьми оставляетъ желать очень многаго, грамотность находится въ зачаточномъ состояніи. Самая идея г. Жеденева устройства пріютовъ на началахъ самостоятельнаго ихъ существованія совершенно непримѣнима въ жизни: для осуществленія этой идеи необходимо, чтобы въ пріютѣ была, по крайней мѣрѣ, половина дѣтей рабочаго возраста—отъ 14-ти до 16-ти лѣтъ; но при условіи пріема въ пріютъ дѣтей съ 2-хъ-лѣтняго возраста нормальное процентное отношеніе воспитанниковъ отъ 14-ти до 16-ти лѣтъ не можетъ превышать 7%. Кромѣ того, воспитанниковъ въ старшемъ возрастѣ крестьяне оставляютъ въ пріютахъ крайне неохотно, что вызываетъ необходимость въ заключеніи контрактовъ съ опекунами на этотъ предметъ, существующіе же пріюты, въ ихъ настоящемъ видѣ, совершенно не оправдываютъ того, что о нихъ сообщалось г. Жеденевымъ. Это не образцовыя фермы, разсадники сельскохозяйственныхъ знаній среди населеній, а просто благотворительныя учрежденія, требующія, какъ и всякія такого рода учрежденія, постороннихъ средствъ на свое содержаніе. Содержаніе въ пріютѣ одного ребенка обходится, приблизительно, отъ 30 до 40 руб. въ годъ. Ѣздившій для осмотра пріютовъ членъ коммиссіи И. Г. Штырловъ отъ себя добавляетъ, что хлѣбъ въ тарасовскомъ пріютѣ ѣли въ нынѣшнемъ году изъ прѣлаго зерна. Предсѣдатель управы И. В. Татариновъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что, не смотря на обильный урожай хлѣбовъ въ 1894 г., въ пріютахъ, какъ видно изъ отчета г. предсѣдательствующаго коммиссіи, хлѣба собрано очень мало. Г. земскій начальникъ Порохонскій объясняетъ это тѣмъ, что, вслѣдствіе неопытности дѣтей, убиравшихъ хлѣбъ, послѣдній сложенъ былъ въ скирды неумѣло и почти наполовину сгнилъ. Затѣмъ предсѣдатель управы обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что стоимость содержанія ребенка въ пріютѣ обходится отъ 30 до 40 р.; если къ этому прибавить проценты на затраченный капиталъ, доходность земли и т. п., то стоимость содержанія дѣтей въ пріютахъ, приблизительно, должна обходиться отъ 60 — 70 р. въ годъ. Такую сумму расхода нельзя не признать весьма значительною. Извѣстно, что старые солдаты довольствуются 36-ти-рублевымъ пособіемъ, а 72 руб. въ годъ получаютъ только нуждающіеся въ

постороннемъ уходѣ. Гораздо лучше было бы отдавать дѣтей въ крестьянскія семьи. На расходуемые на содержаніе каждаго изъ воспитанниковъ пріютовъ нынѣ 60 руб. можно бы было не только содержать дѣтей въ порядочныхъ семействахъ, но даже скопить сумму до 400 рублей для каждаго на ихъ образованіе... И. В. Татариновъ припоминаетъ, что г. Жеденевъ, прося у прошлаго земскаго собранія пособія на содержаніе пріютовъ, заявлялъ, что съ полученіемъ отъ земства 300 руб. тарасовскій пріютъ къ помощи населенія прибѣгать не будетъ. Оказывается, на содержаніе каждаго воспитанника пріюта тратятся ежегодно десятки рублей; если къ сказанному прибавить то, что въ своихъ брошюрахъ г. Жеденевъ увѣряетъ, будто воспитанники у него занимаются метеорологическими наблюденіями, то несоотвѣтствіе словъ г. Жеденева съ дѣйствительностью будетъ полное». Сельско-хозяйственная коммиссія Камышинскаго земства высказалась отрицательно, и поступупила вполнѣ правильно. Благотворительность путемъ насилія мѣстнаго населенія ни коимъ образомъ не можетъ входить въ число обязанностей земства, какъ не входитъ, по закону, въ обязанности и земскаго начальника.

Музыкальныя развлеченія для народа. Въ прошломъ году одновременно съ введеніемъ винной монополіи предполагалось устроить въ монопольныхъ губерніяхъ «попечительства о народной трезвости», которыя должны были устраивать разумныя развлеченія для народа и создавать такія учрежденія, какъ чайныя, читальни и пр., для замѣны кабаковъ.

Такія попечительства, дѣйствительно, устроились во многихъ мѣстностяхъ, но—не привели ни къ какимъ результатамъ. По словамъ газетъ, многія попечительства открывали въ теченіе прошлаго года чайныя, — но эта дѣятельность, при вполнѣ формальномъ отношеніи попечительствъ къ своимъ задачамъ, конечно, не даетъ никакихъ ощутительныхъ результатовъ; въ Уфимской же губерніи большая часть чайныхъ была даже закрыта, такъ какъ завѣдывавшіе ими земскіе начальники не могли удѣлять имъ достаточно времени, а уѣздныя попечительства не располагали средствами, которыя позволили бы имъ обойтись безъ услугъ этихъ лицъ. Въ Оренбургѣ попечительство о трезвости, сознавая пользу народнаго театра, не придумало ничего лучшаго, какъ войти съ любителями драматическаго искусства въ соглашеніе, по которому генеральныя репетиціи обращались въ спектакли для народа... Насколько удобенъ и цѣлесообразенъ такой порядокъ,—ясно безъ всякихъ комментаріевъ. Въ Ставрополѣ (Самарской губ.) интеллигенція не дождалась поддержки со стороны попечительства о трезвости и принуждена была собственными силами организовать спектакль для народа... Самарскій губернскій комитетъ наложилъ свое veto на рѣшеніе самарскаго уѣзднаго попечительства устраивать библіотеки и читальни для народа...

Единственной удачной попыткой организовать разумныя развлеченія для народа принадлежитъ г-жѣ Сѣровой, вдовѣ извѣстнаго композитора.

Въ серединѣ прошлаго года въ Самарскій губернскій Комитетъ о трезвости—тотъ самый Комитетъ, который рѣшилъ, что наилучшимъ средствомъ борьбы съ пьянствомъ является шарманка, — поступило предложеніе отъ г-жи Сѣровой организовать въ деревняхъ разумныя музыкальныя развлеченія для народа. Самарскій Комитетъ, признавшій шарманку единственнымъ доступнымъ народу музыкальнымъ инструментомъ, отнесся холодно къ этому предложенію и, въ свою очередь, запросилъ г-жу Сѣрову, ка-

кимъ образомъ предполагаетъ она организовать музыкальныя развлеченія въ народѣ. Тогда г-жа Сѣрова обратилась съ просьбою о содѣйствіи ей къ г. министру финансовъ, и т. с. Витте, отнесшійся къ этому крайне сочувственно, предоставилъ ей право произвести опытъ организаціи музыкальныхъ развлеченій въ Самарской губерніи.

Опытъ этотъ былъ произведенъ въ селѣ Судосевѣ, Симбирской губерніи, гдѣ г-жа Сѣрова поселилась въ 1891 г. для помощи голодающимъ.

Поселившись въ просторной крестьянской избѣ, она организовала изъ мѣстныхъ крестьянскихъ ребятъ-подростковъ довольно большой хоръ. Вызванная голодомъ эксплоатація силъ подростковъ въ лѣтнюю пору, продолжительность великаго поста и вѣчные кашли и насморки хористовъ (вслѣдствіе отсутствія теплой одежды) вынуждали производить обученіе пѣнію лишь урывками. Тѣмъ не менѣе, достигнутые при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ результаты были настолько велики, что пѣвчіе могли наизусть исполнять довольно сложныя музыкальныя пьесы.

Успѣхи, достигнутые г-жей Сѣровой, съ особенной силой проявились при постановкѣ ею въ 1894 году, въ томъ же с. Судосевѣ, драматическаго произведенія для народной сцены «Илья Муромецъ», составленнаго Е. Карповымъ (по народнымъ сказаніямъ). Молодые крестьяне - артисты оказались такими добросовѣстными, умными и ретивыми исполнителями, что просто очаровали иниціаторшу. Исполненіе роли Ильи было образцово, прекрасно. Девятнадцатилѣтній деревенскій парень, весь дрожа отъ волненія, произнесъ эти выразительныя слова нашего могучаго и славнаго богатыря: «за сиротъ горой встану, за несчастныхъ, за обиженныхъ» съ такимъ пафосомъ и такимъ прочувствованнымъ тономъ, что сдѣлался съ этихъ поръ популярнѣйшею личностью въ деревнѣ. Молодая крестьянка, изображавшая мать Ильи и не умѣвшая на репетиціяхъ плакать, на сценѣ, при разставаньи съ сыномъ, въ старушечьей одеждѣ и при полномъ ансамблѣ, разрыдалась самымъ естественнымъ образомъ. Передъ спектаклемъ, въ антрактахъ, во время и послѣ спектакля крестьянскій хоръ (на память и безъ аккомпанимента) исполнилъ хоръ въ гридницѣ изъ «Рогнѣды», хоръ у Соловья-Разбойника изъ Балакирева и положенные на музыку самой г-жой Сѣровой «Калики перехожіе» и «Слава» Ильѣ Муромцѣ.

Въ своемъ рефератѣ, читанномъ на второмъ профессіональномъ съѣздѣ и затѣмъ напечатанномъ въ «Вѣстникѣ Воспитанія», г-жа Сѣрова разсказываетъ, съ какими неожиданными препятствіями ей приходилось бороться при «пересадкѣ ученой музыки въ народъ». Оказывается, что мѣстный училищный совѣтъ прислалъ въ земскую школу бумагу слѣдующаго содержанія: «Пѣніе г-жи Сѣровой можетъ быть разрѣшено только въ зданіи школы съ выборомъ матеріала изъ книгъ, одобренныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и каждый разъ въ присутствіи учителя». Учитель сейчасъ же вошелъ въ свои права и потребовалъ отъ г-жи Сѣровой, чтобы она «исключительно пользовалась текстомъ изъ Барановскаго сборника, употребляемаго для первоначальнато чтенія въ народныхъ школахъ Симбирской губ.».

Когда же г-жа Сѣрова замѣтила ему, что на эти слова нѣтъ музыки, то учитель посовѣтовалъ ей написать самой музыку къ нимъ. Вообще, мирная дѣятельность г-жи Сѣровой почему-то возбуждала опасенія въ средѣ мѣстныхъ властей: урядникъ однажды призвалъ къ себѣ мальчиковъ, поющихъ у ней въ хорѣ, и допрашивалъ ихъ: что они дѣлаютъ у Сѣровой. Мальчики отвѣтили кратко: «поемъ

Глинку». Урядникъ пришелъ въ недоумѣніе и обратился къ доктору съ вопросомъ—не опасно ли, въ смыслѣ подрыванья основъ, — пѣть Глинку.

— А вотъ всыпатъ вамъ горяченькихъ за вашу Глинку,—скептически поддразнивали старики-отцы своихъ сыновей, которые, не смотря ни на какія угрозы, продолжали ходить на пѣніе.

Вообще музыкальныя занятія съ народомъ привели г-жу Сѣрову къ убѣжденію, что крестьяне способны къ музыкальному образованію и пониманію музыкальныхъ произведеній нашихъ знаменитыхъ композиторовъ: Глинки, Сѣрова, Даргомыжскаго, Чайковскаго, Бородина и др. «Нашему крестьянину, — говоритъ она, — не нужны ни особая мораль, ни особая рѣчь. Опытъ убѣждаетъ въ противномъ: народъ рвется получить впечатлѣнія разумныя, пріятныя и сильныя». Она, кромѣ того, совершенно раздѣляетъ цитированное ею мнѣніе Глинки, что мелодію создаетъ народъ, а національные композиторы только ее аранжируютъ и что музыка кристаллизовалась изъ народныхъ пѣсенъ, этихъ монадъ, зародышей самыхъ сложныхъ симфоній и оперъ.

Еще о тѣлесномъ наказаніи. Въ оренбургкомъ окружномъ судѣ недавно разбиралось очень характерное въ бытовомъ отношеніи дѣло: «Волостной старшина Мезгуновъ отправился по деревнямъ взыскивать недоимки и придумалъ забрать съ собою волостныхъ судей, сдѣлавъ изъ нихъ, такимъ образомъ, кочующій судъ для расправы съ должниками. Въ с. Софійскомъ онъ, между прочимъ, выпоролъ нѣсколькихъ крестьянъ, а вернувшись въ свое волостное правленіе, приказалъ написать судебные приговоры, при чемъ росписаться за неграмотныхъ судей велѣлъ разсыльному волостного правленія. Такъ и личная расправа учинена, и форма соблюдена, т. е. приказанія старшины прикрыты судебнымъ рѣшеніемъ. Однако, въ числѣ наказанныхъ нашелся одинъ, рѣшившійся принести жалобу, вслѣдствіе чего возникло уже другого рода судебное дѣло, гдѣ подсудимымъ выступилъ самъ старшина. Тутъ-то и обнаружилось, что никакого суда, въ сущности, не было. Судьи сидѣли отдѣльно другъ отъ друга, совѣщаній не вели, а недоимщиковъ прямо приводили въ избу и, коль скоро они заявляли о неимѣніи денегъ—немедленно приступали къ расправѣ. По показанію одного изъ судей, они не имѣли времени даже слова сказать до начатія экзекуціи. Самъ же старшина въ свое оправданіе ссылался на то, что онъ собиралъ недоимки подобно другимъ старшинамъ, которые тоже разъѣзжали съ волостными судьями, т. е. обращали послѣднихъ въ ассистентовъ при наказаніяхъ. Мезгуновъ обвинялся въ составленіи подложныхъ приговоровъ волостного суда, и оренбургскій окружный судъ приговорилъ его къ десятимѣсячному заключенію въ арестантскомъ отдѣленіи».

Въ этомъ случаѣ дѣло все-таки дошло до суда и старшина получилъ должное возмездіе за свои поступки—не за то, что выпоролъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, а за то, что составилъ подложные приговоры. А къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ иногда вполнѣ «законное» примѣненіе тѣлеснаго наказанія, можно видѣть хотя бы, напр., изъ слѣдующаго случая, описываемаго корреспондентомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» изъ Балашевскаго уѣзда: «За три дня до новаго года въ андреевскомъ волостномъ правленіи произведена была экзекуція надъ четырьмя крестьянами деревни Молоденокъ, Костючкиными. Поводомъ послужило слѣдующее: крестьянинъ Михаилъ Костючкинъ, отецъ вышепоименованныхъ высѣченныхъ крестьянъ, будучи пьянъ, ни за что,

ни про что, принялся сильно бить свою жену. Сыновья, видя такую жестокую расправу съ своей матерью, заступились всѣ четверо за нее и освободили ее изъ рукъ разсвирѣпѣвшаго отца. На другой день ихъ отецъ, т. е. Михаилъ Костючкинъ, отправился въ волостное правленіе и попросилъ старшину наказать всѣхъ своихъ сыновей за непочтеніе и непослушаніе, при чемъ выразилъ желаніе, чтобы они были наказаны непремѣнно розгами. Старшина оказался изъ сочувствующихъ поркѣ и немедленно рѣшилъ дѣло въ пользу отца. Не принято было во вниманіе даже и то, что одинъ изъ сыновей Костючкина нервно-больной, котораго и домашніе, и всѣ другіе считали, по своему разумѣнію, бѣсноватымъ, прибѣгая къ всевозможнымъ леченіямъ, а старшинѣ было хорошо извѣстно и то, что его лѣчилъ отъ этого «бѣснованія» и мѣстный врачъ. Когда предварительно посадили провинившихся въ холодную, то нервно-больной находился въ крайне возбужденномъ состояніи, умолялъ старшину, чтобы онъ не подвергалъ его такому сраму и не накладывалъ позорнаго пятна, которое не изгладится и во всю жизнь; затѣмъ попросилъ свою мать, чтобы она съѣздила къ священнику и упросила его — заступиться за него. Но все это ни къ чему не привело. По словамъ газеты, когда больной узналъ о своей участи, то, разбивъ окно въ холодной, выскочилъ въ одномъ бѣльѣ, босикомъ, и пустился бѣжать по селу. Немедленно, вслѣдъ за этимъ, старшина устроилъ облаву. И вотъ, когда его преслѣдовали, то ему случайно удалось схватить вилы, которыми онъ сталъ размахивать въ то время, когда къ нему стали подступать, на всѣ стороны, но все-таки спустя нѣсколько времени народу удалось его схватить. Послѣ того, какъ его высѣкли, съ нимъ опять возобновились прежніе нервные припадки, а братья его совсѣмъ упали духомъ. На первый день новаго года больной Андрей Костючкинъ пришелъ въ село Андреевку, въ церковь къ обѣднѣ и, увидѣвъ старшину, сталъ подвергаться конвульсивнымъ движеніямъ и произносить какимъ-то особеннымъ страшнымъ голосомъ ругательныя слова по адресу старшины, а черезъ нѣсколько минутъ онъ уже впалъ въ глубокій истерическій припадокъ, какой бываетъ у насъ съ «порченными».

Двадцать лѣтъ на цѣпи. Въ редакціи «Пріаз. Края» было получено письмо, въ которомъ сообщалось о невѣроятномъ фактѣ, что крестьянка села Ново-Николаевскаго, Ростовскаго округа, Ирина Бѣлоусова уже болѣе 19 лѣтъ держитъ на цѣпи свою больную дочь Лукерію. Редакція съ недовѣріемъ отнеслась къ этому извѣстію и командировала одного изъ своихъ сотрудниковъ въ село Ново-Николаевское, чтобы разслѣдовать это дѣло на мѣстѣ. По словамъ газеты, никто не допускалъ возможности такого явленія, длящагося цѣлыхъ 20 лѣтъ, въ многолюдномъ селѣ, всего въ 35 верстахъ отъ крупнаго промышленнаго города Ростова, и въ 7 верстахъ отъ линіи желѣзной дороги. Но оказалось, что факты, сообщаемые въ письмѣ, были не выдумкой, а правдой. Вотъ какъ описываетъ корреспондентъ «Пріазовскаго Края» свое посѣщеніе этого новаго «Шильонскаго замка» — хаты, въ которой сидитъ больная на цѣпи. «Первое, что мнѣ бросилось въ глаза,—говоритъ онъ,—это—старуха, мать узницы-Лукерьи, перепуганная почему-то моимъ приходомъ и встрѣтившая меня со слезами на глазахъ. Дѣлаю шагъ впередъ и—своимъ глазамъ не вѣрю: передъ мною на припечкѣ, на соломенной подстилкѣ, сидѣла, опустивъ голову, человѣческая фигура, на грязной рубахѣ которой рѣзко и отчетливо выдѣлялись два кольца и за-

мокъ. То, въ чемъ сомнѣвались мы, чего никто изъ насъ не допускалъ,— я увидѣлъ собственными глазами! Лукерья, какъ сидѣла съ опущенной головой, покрытой платкомъ, свѣсившимся и закрывавшимъ ея лицо, такъ и осталась сидѣть, не измѣняя позы и при нашемъ приходѣ. Одѣта она была въ одну сорочку, отъ долгаго и безсмѣннаго употребленія принявшую какой-то неопредѣленный цвѣтъ; по таліи сорочка перехвачена поясомъ, который спереди замкнутъ замкомъ, а сзади при помощи кольца, соединяется съ цѣпью, прикрѣпленною другимъ концомъ къ кольцу, вдѣланному въ стѣну.

Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что слово «цѣпь» употребляется корреспондентомъ въ аллегорическомъ смыслѣ: въ сущности, это не цѣпь, а веревка, свернутая изъ нѣсколькихъ рядовъ холста, которая по своей прочности можетъ оказать сопротивленіе усиліямъ любого здороваго человѣка, такъ что она вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію. Цѣпь эта длиною въ 3 аршина; привязанная къ ней Лукерія можетъ свободно лежать и сидѣть, а также сдѣлать шага два отъ своей постели.

По словамъ корреспондента, ея осунувшееся лицо, заострившійся подбородокъ, бѣлыя губы и отсутствіе кровинки въ лицѣ, изборожденномъ морщинами,—все это говорило о долгой сидячей, подневольной жизни, лишенной воздуха, свѣта и движенія.

Исторія Лукеріи самая обыкновенная: въ молодости она была веселой, здоровой дѣвушкой, рано вышла замужъ, и на ея несчастіе попался ей мужъ, который билъ ее до изступленія и систематическимъ истязаніемъ довелъ до того, что у нея появились признаки психическаго разстройства. Мужъ началъ тогда лѣчить ее «своими средствіями» (вродѣ того, что связавъ по рукамъ и ногамъ, заперъ ее въ курятникѣ), но, видя, что ничего не помогаетъ, отправилъ ее къ матери. Мать обращалась къ разнымъ знахарямъ и знахаркамъ, и въ концѣ-концовъ прибѣгла къ послѣднему лѣчебному средству—посадила ея на цѣпь и держитъ на привязи болѣе 20 лѣтъ.

Любопытнѣе всего то, что этотъ фактъ не только не сохраняется въ тайнѣ, но, напротивъ, онъ служитъ даже источникомъ дохода для семьи Лукеріи: «вѣсть о «больной на цѣпи» распространилась въ народѣ далеко за предѣлами Ново-Николаевки и пожертвованія въ ея пользу присылаются нѣкоторыми сердобольными купчихами даже изъ Ростова. Но никому не показался страннымъ, необычнымъ—я уже не говорю варварскимъ — тотъ фактъ, что живой человѣкъ, не совершившій никакого преступленія, посаженъ на цѣпь и сидитъ на ней безсмѣнно уже много-много лѣтъ. И за это время никто не обратилъ вниманія на несчастную жертву народнаго невѣжества. Ее даже ни разу не осмотрѣлъ докторъ, не опредѣлилъ, дѣйствительно ли она больна, и если такъ, то каковъ характеръ болѣзни и каковы могутъ быть средства лѣченія».

Корреспондентъ «Пріаз. Края» замѣчаетъ: «я не спеціалистъ-психіатръ и, поэтому, мой отвѣтъ, можетъ быть, будетъ не безошибоченъ, но изъ разговоровъ съ Лукерьей я вынесъ такое впечатлѣніе, что это—человѣкъ съ пониженной умственной дѣятельностью, но далеко еще не кандидатъ въ домъ для умалишенныхъ. Буйства отъ нея — не знаю, какъ прошломъ, но теперь даже смѣшно ожидать. Надо видѣть эту несчастную, заморенную женщину, чтобы понять всю нелѣпость, при такихъ условіяхъ, предположенія о буйствѣ. Ей теперь уже лѣтъ 55—60, и что можетъ сдѣлать это жалкое, слабое существо, которое настолько обезсилѣло, что не въ состояніи и двухъ шаговъ сдѣлать?!

Когда я попросилъ Лукерью встать, она медленно и тяжело поднялась, сдѣлала два невѣрныхъ шага на своей короткой привязи, закачалась и поспѣшила опять сѣсть съ какой-то жалобной, виноватой улыбкой. Нужно было видѣть ее въ этотъ моментъ, чтобы уразумѣть весь ужасъ обстановки, въ которой бѣдная невольница провела такъ много лѣтъ и которая на нее наложила неизгладимый отпечатокъ. А все же, несмотря на свою истощенность и явное безсиліе, Лукерья и до сихъ поръ безотлучно сидитъ на цѣпи! На мой вопросъ, обращенный къ родственникамъ Лукерьи: почему они теперь не освободятъ ее, — я получилъ отвѣтъ, что «такъ спокойнѣе». Они такъ привыкли видѣть ее прикованной, что иного и представить себѣ не могутъ. Если же вѣрить одной версіи, циркулирующей въ селѣ по этому поводу, то старуха-мать не отпускаетъ Лукерью съ цѣпи въ цѣляхъ эксплуатаціи, такъ какъ не проходитъ дня, чтобы «болящей» кто-нибудь не принесъ чего, а по праздникамъ, какъ это и сама мать говоритъ, къ нимъ въ мазанку народъ валитъ цѣлыми толпами, причемъ никто безъ приношеній не является.

Мужъ Лукеріи, отказавшійся отъ нея, когда она заболѣла, теперь тоже не прочь былъ бы вернуть къ себѣ эту «доходную статью», но мать не пускаетъ».

Уходя, корреспондентъ спросилъ Лукерью, хотѣла ли бы она быть на свободѣ? Она отвѣтила покойно: «Что мнѣ тамъ дѣлать? Все уже передѣлано (кончено)!»

Изъ жизни рабочей интеллигенціи. Г. Рубакинъ, въ «Новомъ Словѣ» (февраль, № 5), касается интереснаго вопроса о появленіи новаго типа интеллигентнаго человѣка среди рабочихъ. «У насъ среди фабричнаго люда», говоритъ г. Рубакинъ, «въ настоящее время совершается крайне интересное и поучительное явленіе, еще трудно поддающееся оцѣнкѣ: мысль рабочаго человѣка, сдавливаемаго со всѣхъ сторонъ тяжелыми условіями экономическаго и всякаго иного характера, работаетъ усиленно и напряженно надъ разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ, которые, какъ извѣстно, и въ настоящее время еще считаются неотчуждаемой собственностью «культурной публики». Въ трудовой массѣ проявляется своего рода Weltschmerz, своего рода идейный подъемъ, выдвигающій идейныхъ работниковъ... Тѣ, кому приходилось жить на фабрикѣ и сталкиваться съ ея населеніемъ, навѣрное уже имѣли случай наблюдать представителей этого нарождающагося типа, носителя скорби своей среды...» «Проживъ нѣсколько лѣтъ на одной фабрикѣ», продолжаетъ г. Рубакинъ, «потолкавшись по другимъ фабрикамъ и познакомившись съ умственной физіономіей рабочаго люда, я прежде всего вынесъ изъ этого знакомства убѣжденіе, что въ глубинѣ этой рабочей фабричной массы умственный подъемъ несомнѣнно возрастаетъ, и возрастаніе это идетъ безъ всякихъ постороннихъ вліяній» — безъ участія интеллигентныхъ людей, подъ вліяніемъ окружающей жизни, которая сама наталкиваетъ на размышленія. «На воззрѣнія этихъ людей не въ состояніи подѣйствовать ни самый реакціонный журналъ, ни самая глупая газета». Изъ всего прочитаннаго они дѣлаютъ свои выводы, принаровляя ихъ къ тому, что они видятъ вокругъ себя. Г. Рубакинъ разсказываетъ далѣе о своемъ случайномъ знакомствѣ съ однимъ изъ такихъ представителей рабочей интеллигенціи, котораго онъ называетъ Иваномъ Кузьмичемъ. Иванъ Кузьмичъ родился на фабрикѣ отъ рабочаго-отца, который самъ же и выучилъ его грамотѣ «со смертнымъ боемъ»; 11-ти-лѣтнимъ мальчишкой онъ уже началъ работать

на фабрикѣ и всю жизнь проработалъ такимъ образомъ, добившись наконецъ почетнаго званія машиниста. «И вотъ, стоя цѣлыхъ 13 лѣтъ, изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, у машины, прислушиваясь къ шипѣнью паровъ и лязганію громаднаго резиноваго ремня, Иванъ Кузьмичъ еще молодымъ человѣкомъ началъ думать, какъ онъ говоритъ, «свою собственную» задушевную думу. Думалъ онъ и о томъ, «какъ люди до всего дошли», какъ у «одного единственнаго человѣка могло столько денегъ найтись, чтобы онъ такую махину сорудилъ». Съ чего началась у него работа мысли—онъ и самъ не помнилъ. «Чувствовалъ ужъ я очень... такъ вообще», говорилъ онъ неопредѣленно. До 25 лѣтъ ему книги почти не попадались подъ руки, а потомъ ужъ его на чтеніе навела артель. Вотъ какъ онъ самъ про это разсказываетъ: «...Жилъ я долго въ артели, которая состояла человѣкъ изъ 20. Всѣ жили въ одной комнатѣ, или, вѣрнѣе, каморкѣ, саженъ 20 квадратныхъ. Въ ней только и помѣщалось 10 кроватей, да большой артельный столъ... Десять человѣкъ днемъ работаютъ, а 10 ночью... Ну, на всѣхъ и хватало 10 кроватей. Только вотъ въ праздники тяжело приходилось — душно ужъ очень. Тогда иные шли ночевать куда-нибудь на фабрику... Мы вотъ какъ живемъ: вставать-то приходится въ 5 часовъ. Только всталъ — звонокъ: на работу. Въ 7 часовъ вечера приходишь домой, ну, за ужинъ. Пожилые мужчины больше ложатся спать послѣ ужина, молодые садятся играть въ карты, больше играютъ въ козла. Рѣдко-рѣдко читаютъ и книги вслухъ: «Черный воронъ», «Заднѣпровская вѣдьма», «Ермакъ», еще что-то... И вѣрите ли: меня эти книжки, какъ говорится, вотъ какъ пробрали: захотѣлось узнать, что на свѣтѣ было и бываетъ. Сначала такъ просто захотѣлось, ради интересу, а послѣ словно какой-то зудъ одолѣлъ. Я самъ сталъ выискивать книги и въ артели читать». Читали они самыя разнообразныя вещи—и Кудеяра, и князя Серебрянаго, и романы Шпильгагена. Эта читательская артель существовала болѣе 2-хъ лѣтъ, но потомъ чтенія были запрещены, потому что одного рабочаго поймали у машины съ романомъ Шпильгагена. Возникло цѣлое дѣло, но, къ счастью, кто-то изъ начальства выручилъ и объяснилъ, что книга эта дозволена. А сообща читать все-таки запретили. Но это запрещеніе ни къ чему не повело. «Послѣ этого такая меня злость взяла», разсказываетъ Иванъ Кузьмичъ, «и сказать вамъ не могу. Послѣ первой получки взялъ я всѣ 20 руб., какіе заполучилъ, и въ городъ. Въ городъ пѣшкомъ пришелъ, чтобы всѣ деньги сберечь. А тамъ—прямо на базаръ, книги искать. Книжнаго магазина еще не было въ городѣ. Нашелъ я офеню и купилъ у него, что было—томъ сочиненій Лермонтова, «Никлассъ, медвѣжья лапа», «Ожерелье королевы», одинъ томъ «Исторіи крестьянской войны», «Феликсъ Гольтъ» Элiота, много листовокъ, разныхъ журналовъ книжки. Что нашелъ, все купилъ—читай, ребята, каждый про себя, а потомъ потолкуемъ о нихъ—про это вѣдь ничего не сказано».

Очень неодобрительно относился Иванъ Кузьмичъ къ «народнымъ» книжкамъ, которые старался распространять между ними фабрикантъ. Ему казалось обиднымъ, что имъ выдаютъ только маленькія, никому неинтересныя книжки изъ библіотеки. «Фильтру для насъ устроили», говоритъ онъ.

За границей.

Проповѣдь мира въ Европѣ. Движеніе въ пользу мира возникло въ Европѣ уже довольно давно, и конгрессы мира нѣсколько разъ устраивались въ различныхъ городахъ, въ Брюсселѣ, Лондонѣ, Франкфуртѣ, Парижѣ и Женевѣ. Парижскій конгрессъ въ 1849 году, состоявшійся подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго, прогремѣлъ даже на всю Европу, но, тѣмъ не менѣе, вліяніе этихъ противниковъ войны до сихъ поръ было ограничено. Большинство продолжало смотрѣть на войну, какъ на ужасное, но необходимое зло, и только въ послѣднее время въ европейскомъ обществѣ начинаетъ, повидимому, пробуждаться твердое сознаніе, что съ этимъ зломъ надо бороться и надо стараться его искоренить. Врядъ ли теперь найдется какой-нибудь государственный дѣятель или военный, который рѣшился бы громогласно заявить о пользѣ и необходимости войны, о ея нравственномъ и воспитательномъ значеніи для націй. Никто не станетъ въ настоящее время повторять словъ Мольтке, что «безъ этой благотворной и полезной борьбы человѣчество бы погрязло въ болотѣ самаго грубаго матеріализма», и если еще существуютъ охотники до военныхъ подвиговъ даже среди государственныхъ дѣятелей, видящіе въ войнѣ только красивое и живописное зрѣлище сраженія, то, во всякомъ случаѣ, они не осмѣлятся похваляться этимъ громко, какъ бывало прежде. Послѣдній изъ маршаловъ Франціи Канроберъ отлично выразилъ въ слѣдующихъ словахъ эту перемѣну во взглядахъ на войну. «Вы совершенно правы, стараясь помѣшать войнѣ,—писалъ онъ межпарламентской конференціи, собиравшейся въ Лондонѣ въ 1890 году.—Я-то вѣдь знаю войну! Это скверная вещь, и потому избѣгайте ея». И этого мало. Съ каждымъ днемъ все прибываетъ число отставныхъ военныхъ, вступающихъ въ общества мира, и даже въ спеціальныхъ военныхъ журналахъ помѣщаются статьи противъ войны, далеко не одобряющія стремленій къ усовершенствованію способовъ взаимнаго истребленія и изобрѣтенію всѣхъ этихъ убійственныхъ снарядовъ, имѣющихъ цѣлью превратить войну въ какую-то ужасающую бойню.

Первымъ доказательствомъ успѣха пропаганды мира служитъ, конечно, чрезвычайно быстрое увеличеніе числа обществъ мира во всей Европѣ. Прежде, напримѣръ, въ Англіи насчитывалось только одно, болѣе или менѣе значительное общество мира—«Peace Society». Теперь же къ нему присоединились еще: «Международное общество третейскаго суда и ассоціація мира», во главѣ которой находится Годжсонъ Праттъ; затѣмъ «Лига международнаго третейскаго суда» и «женская ассоціація мира», находящаяся подъ предсѣдательствомъ мистриссъ Генри Ричардъ и поддерживаемая щедрою помощью своихъ болѣе или менѣе богатыхъ членовъ.

Во Франціи, кромѣ общества третейскаго суда (Société Française pour l'arbitrage), въ числѣ членовъ котораго можно встрѣтить ученыхъ, писателей и государственныхъ дѣятелей (Шарль Рише, д'Арсонваль, Жюль Симонъ, Бертело, Дежарденъ и др.), существуетъ еще нѣсколько ассоціацій мира въ провинціяхъ и, между прочимъ, нѣсколько женскихъ обществъ мира, которыя находятся въ связи съ подобными же обществами въ Англіи, Швейцаріи и Германіи.

Италія, сильнѣе всѣхъ страдающая отъ милитаризма, служитъ настоящимъ разсадникомъ антимилитаристскихъ обществъ. Такія общества существуютъ въ Сициліи, въ Неаполѣ, въ Римѣ, въ Генуѣ, въ Пармѣ, въ Венеціи, въ Туринѣ, въ Сіеннѣ и Перузѣ и даже

въ деревняхъ. Самое крупное и значительное изъ этихъ обществъ—это, безъ сомнѣнія, Ломбардское общество мира, во главѣ котораго стоитъ редакторъ очень вліятельной и распространенной газеты «Secolo», Теодоро Монета.

Въ Бельгіи и Голландіи также существуетъ нѣсколько обществъ мира. Скандинавскія же страны: Швеція, Норвегія и Данія примкнули цѣликомъ къ пропагандѣ мира и третейскаго суда, такъ что въ Даніи, напримѣръ, въ нѣсколько недѣль удалось собрать болѣе 200.000 подписей подъ петиціей въ пользу международнаго третейскаго суда.

Въ Германіи два-три года тому назадъ существовало всего лишь одно единственное общество мира во Франкфуртѣ, весьма немногочисленное и не пользующееся никакимъ особеннымъ вліяніемъ. Теперь такихъ обществъ насчитывается, по крайней мѣрѣ, тридцать; изъ нихъ главное находится въ Берлинѣ. Тамъ же издается одинъ изъ наиболѣе важныхъ органовъ, посвященныхъ проповѣди мира; это— «Die Waffen Nieder!» (Долой оружіе!), издаваемый австрійскою баронессою Бертою Зуттнеръ, пользующейся большою популярностью, какъ авторъ романа того же имени. Въ этомъ журналѣ участвуютъ многіе выдающіеся писатели и публицисты. Баронесса Зуттнеръ основала въ Вѣнѣ общество мира, въ которомъ участвуютъ многія высокопоставленныя лица. Въ Венгріи, гдѣ соберется въ этомъ году «Межпарламентская конференція», происходили недавно засѣданія вновь образовавшагося общества мира, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго венгерскаго національнаго поэта Іокая.

Нечего и говорить, что всѣ эти общества и ассоціаціи имѣютъ свои органы печати и для распространенія своихъ идей издаютъ постоянно брошюры и книги, а также устраиваютъ публичныя собранія и лекціи. Такъ, напримѣръ, въ январѣ этого года, въ высшей женской школѣ Фредерикъ Пасси, одинъ изъ главныхъ дѣятелей организаторовъ пропаганды мира во Франціи, прочелъ публичную лекцію о мирѣ 400 слушательницамъ этой школы. Въ прошломъ году, при раздачѣ наградъ въ одномъ изъ главныхъ лицеевъ Парижа, профессоръ, въ обычной торжественной рѣчи, произнесенной по этому поводу, говорилъ объ организаціи «крестоваго похода мира», составляющаго одно изъ самыхъ великихъ и славныхъ дѣлъ, которыми можетъ гордиться современная эпоха. Конечно, такого рода слова были бы немыслимы въ сравнительно еще недавнее время.

Проповѣдь мира оказала свое вліяніе и на европейскую печать, тонъ которой значительно измѣнился въ послѣднее время. Прежде газеты почти не упоминали о дѣятельности обществъ мира. Когда, въ 1873 году, Генри Ришаръ, произнеся свою замѣчательную рѣчь, заставилъ палату общинъ вотировать адресъ королевѣ, высказывающійся въ пользу третейскаго суда, то ни одна изъ европейскихъ газетъ не обмолвилась объ этомъ ни единымъ словомъ. Въ настоящее же время, сочувственно или нѣтъ, все-таки газеты всегда считаютъ нужнымъ упоминать о дѣйствіяхъ обществъ мира, о засѣданіяхъ, рѣчахъ, конференціяхъ и т. д. Во многихъ случаяхъ печать даже открыто высказывается въ пользу третейскаго суда, какъ это было недавно по поводу венецуэлльскаго, трансваальскаго и армянскаго столкновеній.

Центромъ движенія мира въ Европѣ служитъ въ настоящее время Бернъ, какъ нейтральный пунктъ, вокругъ котораго группируются всѣ европейскія общества мира. Бернъ избранъ постоянной резиденціей международнаго бюро мира и межпарламентской конференціи. Ежегодно, кромѣ того, начиная съ 1889 года, въ которомъ-нибудь изъ большихъ городовъ Европы

(а въ 1893 г. въ Америкѣ) организуется всеобщій конгрессъ, на который собираются члены и делегаты обществъ мира со всѣхъ концовъ свѣта. Въ 1889 году, на первомъ конгрессѣ въ Парижѣ, было уже болѣе ста такихъ делегатовъ, но съ каждымъ годомъ число ихъ увеличивается и съ каждымъ годомъ значеніе конгрессовъ возрастаетъ. Парижскій и лондонскій конгрессы засѣдали въ залахъ мэріи. Римскій же конгрессъ 1891 года уже собирался въ Капитоліи и членовъ конгресса принималъ съ подобающею торжественностью самъ синдикъ вѣчнаго города. На бернскомъ конгрессѣ въ 1892 году предсѣдательствовалъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ и выдающихся людей Швейцаріи, бывшій президентъ федераціи Луи Рушонне. Въ Антверпенѣ въ 1894 году бургомистръ принималъ въ ратушѣ членовъ конгресса и делегація конгресса представлялась королю. Дѣятельность этихъ конгрессовъ выразилась прежде всего въ учрежденіи международнаго бюро обществъ мира. Бюро находится въ Швейцаріи и совѣтъ его ежегодно выбирается конгрессомъ; оно служитъ соединительнымъ центромъ и справочнымъ мѣстомъ для обществъ мира всего свѣта. Роль его въ отношеніи мира и международной справедливости такая же, какъ и роль всякихъ другихъ международныхъ учрежденій: почтовыхъ и телеграфныхъ бюро, желѣзнодорожныхъ, литературной и художественной собственности и др. Это бюро собираетъ все, что только появляется въ печати по вопросамъ мира и третейскаго суда, собираетъ всякія свѣдѣнія, разъясняетъ всякіе темные вопросы и недоразумѣнія, служитъ посредникомъ въ спорныхъ вопросахъ и передаетъ предложенія.

Кромѣ обществъ мира и разныхъ ассоціацій, дѣятельность которыхъ уже принесла нѣкоторые плоды, дѣло мира встрѣчаетъ огромную поддержку въ такъ-называемомъ межпарламентскомъ союзѣ (Union interparlementaire). Союзъ этотъ возникъ въ 1888 году и въ слѣдующемъ году, во время парижской выставки, постановлено было, что члены всѣхъ европейскихъ парламентовъ, сочувствующіе идеѣ международной солидарности и справедливости, будутъ собираться ежегодно помимо конгрессовъ мира, но дѣйствуя за одно съ ними, и обсуждать сообща различные международные вопросы, могущіе причинить какія-либо политическія разногласія. Въ составъ международнаго союза входятъ избранные національные представители; кромѣ того, пятнадцать членовъ этого союза составляютъ постоянную делегацію, обязанную, отъ имени союза, слѣдить за политическимъ горизонтомъ. Норвежскій парламентъ (стортингъ) доказалъ, между прочимъ, свое сочувствіе межпарламентскому союзу тѣмъ, что постановилъ принимать на счетъ парламента всѣ расходы на переѣздъ его членовъ для участія въ засѣданіяхъ союза.

Кромѣ этихъ международныхъ учрежденій, разсѣянныхъ теперь чуть ли не по всему міру, въ Англіи существуетъ еще одно оригинальное учрежденіе, это такъ-называемое «Воскресенье мира». Въ этотъ день въ церквахъ, священники которыхъ примкнули къ пропагандѣ мира, произносятся однѣ и тѣ же проповѣди и молитвы въ пользу мира. Такія же цѣли преслѣдуются если не прямо, то косвенно, и другими конгрессами и собраніями разныхъ ученыхъ обществъ, выставками, международными конкурсами и т. п., напр., конгрессомъ религій въ Чикаго и т. п. Все это признаки, несомнѣнно указывающіе, что царству грубой силы наступаетъ конецъ и что общественная совѣсть настоятельно требуетъ возстановленія правды и справедливости въ международныхъ отношеніяхъ.

Фабіановское общество въ Англіи. Въ числѣ множества обществъ и ассоціацій, существующихъ въ Англіи и преслѣдующихъ самыя разнообразныя общественныя и политическія цѣли, одно изъ первыхъ мѣстъ, въ настоящее время, безспорно принадлежитъ такъ называемому фабіановскому обществу — «Fabian Society», основанному въ Лондонѣ въ 1883 г. группою молодыхъ людей, посвятившихъ себя дѣлу соціальной реформы и мечтавшихъ о нравственномъ возрожденіи общества. Вначалѣ «Fabian Society» было весьма немногочисленно и члены его не пользовались извѣстностью, но, мало-по-малу, общество это начало пріобрѣтать вліяніе и благодаря своей пропагандѣ и необыкновенному успѣху своихъ идей, проникнувшихъ во всѣ слои англійскаго общества, много способствовало измѣненію господствовавшаго въ этомъ обществѣ направленія. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, идея «переживанія наиболѣе способныхъ» играла первенствующую роль во всѣхъ соціальныхъ схемахъ и ставилась въ основу процвѣтанія государства. Борьба между индивидами, такая, «гдѣ каждый старается влѣзть на плечи другого», считалась не только непремѣннымъ условіемъ прогресса, но и причислялась, кромѣ того, къ «законамъ природы», противъ которыхъ людямъ трудно протестовать. Англійская либеральная партія находилась тогда подъ исключительнымъ господствомъ богатыхъ фабрикантовъ, членовъ партіи виговъ, и въ ней царили еще остатки воззрѣній манчестерской школы. Англійскіе либералы вѣрили тогда въ благодѣтельное вліяніе политики невмѣшательства какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ и не имѣли ровно никакой практической программы. Когда Гладстонъ, въ 1880 году, сталъ во главѣ правительства, всѣ были такъ поглощены восточными дѣлами и негодованіемъ противъ «болгарскихъ звѣрствъ», что отъ него также не требовали никакой программы соціальныхъ реформъ. Но такое положеніе вещей не могло долго продолжаться, и уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ политическіе дѣятели Англіи должны были, наконецъ, признать, что существуетъ цѣлый рядъ вопросовъ соціальныхъ, которые они совершенно напрасно до сихъ поръ игнорировали. Тогда-то и стали образовываться различныя ассоціаціи и союзы, напримѣръ, «Social democratic Federation», скоро распространившіеся по всей Англіи, для выработки программы соціальныхъ реформъ.

Фабіановское общество сложилось по тому же типу и такъ же, какъ и всѣ вышеуказанные союзы, и принимаетъ цѣликомъ коллективистскій идеалъ, но старается облечь его въ строго практическія формы, не увлекаясь никакими утопіями. Благодаря такому истинно практическому направленію, «Fabian Society» быстро пустило корни въ англійскомъ обществѣ. Основная цѣль общества—эмансипація земли и промышленнаго капитала, которые должны быть изъяты изъ индивидуальнаго владѣнія или присвоенія однимъ какимъ-нибудь классомъ, и должны быть переданы во владѣніе всѣхъ ради всеобщаго блага. Заимствовавъ свое названіе отъ Фабія Кунктатора, «фабіанцы» указываютъ этимъ, что они вовсе не имѣютъ въ виду никакихъ насильственныхъ переворотовъ и стремятся путемъ мирной пропаганды къ устраненію ненормальныхъ и вредныхъ для народнаго благосостоянія соціальныхъ условій, твердо вѣря, что когда въ сознаніе англійскаго общества проникнутъ идеи соціальной справедливости, то соціальныя и политическія реформы не заставятъ себя долго ждать. Руководствуясь этою точкою зрѣнія, фабіановское общество установило слѣдующую программу дѣй-

ствій: 1) оно организуетъ публичныя собранія, на которыхъ сообща обсуждаются различные соціальные вопросы; 2) оно изучаетъ экономическія проблемы и собираетъ данныя для ихъ выясненія; 3) оно собираетъ и распространяетъ документы, относящіеся къ соціальнымъ вопросамъ, и доказываетъ необходимость разрѣшенія этихъ вопросовъ въ духѣ идей, проповѣдуемыхъ обществамъ; 4) оно устраиваетъ конференціи и вызываетъ пренія по соціальнымъ вопросамъ въ различныхъ обществахъ и засѣданіяхъ; 5) оно посылаетъ своихъ представителей въ собранія и конференціи по соціальнымъ вопросамъ. Члены общества раздѣляются на небольшія мѣстныя группы и приглашаются участвовать въ дѣятельности общества по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, особенно въ томъ округѣ, въ которомъ они обитаютъ. Правильныхъ опредѣленныхъ денежныхъ взносовъ въ пользу общества не назначается, но каждый членъ вноситъ ежегодно такую сумму, какую пожелаетъ, и размѣръ его взноса извѣстенъ только правленію. Общество ищетъ своихъ союзниковъ рѣшительно во всѣхъ классахъ, полагая, что не только тѣ, кто страдаетъ отъ существующихъ соціальныхъ условій, склонны желать ихъ измѣненія, но и тѣ, кто извлекаетъ изъ нихъ свои личныя выгоды.

Въ настоящее время «Общество» состоитъ изъ 600 членовъ и вовсе не стремится къ увеличенію ихъ числа, отстраняя всѣхъ кандидатовъ, которые не могутъ оказать дѣйствительной пользы обществу своею дѣятельностью. «Общество» ежегодно издаетъ сотни тысячъ брошюръ по соціальнымъ вопросамъ и безвозмездно доставляетъ всевозможныя свѣдѣнія о соціальныхъ реформахъ всякаго рода. По требованію оно присылаетъ лекторовъ для устройства конференцій по соціальнымъ вопросамъ. Члены общества, принадлежащіе, главнымъ образомъ, къ культурному среднему классу, состоятъ преимущественно изъ лицъ болѣе зрѣлаго возраста, мужчинъ и женщинъ, посвятившихъ себя литературной, научной, артистической или профессіональной карьерѣ; это, такъ-называемый. умственный пролетаріатъ Англіи. Доходы общества получаются отъ добровольныхъ пожертвованій и необязательныхъ взносовъ и отъ изданій, и цѣликомъ уходятъ на устройство конференцій и печатаніе брошюръ и книгъ, распространяющихъ идеи общества. Брошюры эти, называемыя «Фабіанскіе трактаты», излагаютъ и обсуждаютъ всѣ главные пункты соціальныхъ реформъ, какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія и отличаются чрезвычайною добросовѣстностью и точностью въ изложеніи цифръ и статистическихъ данныхъ, касающихся того или иного вопроса. Въ нихъ можно найти самыя вѣрныя свѣдѣнія, освѣщающія современное соціальное положеніе Англіи, ея промышленности, ея финансовъ и развитія въ ней нищеты и капитализма. Въ нѣкоторыхъ брошюрахъ яснымъ и понятнымъ языкомъ излагаются главныя основы экономической теоріи и исторіи промышленности; одна изъ такихъ брошюръ, озаглавленная: «Что надо читать», заключаетъ прекрасно и тщательно составленную библіографію соціальной науки, весьма полезную для начинающаго. Вообще, Фабіановское общество старается своими изданіями удовлетворить всѣ запросы современной соціальной жизни и руководить неопытными избирателями или дѣятелями, только еще выступающими на поприще политической и общественной дѣятельности. Для послѣднихъ общество издаетъ брошюры, заключающія рядъ вопросовъ, которые могутъ быть предложены выборнымъ кандидатамъ или законодательнымъ собраніямъ. Изъ отвѣтовъ,

полученныхъ на эти вопросы, уже будетъ видно, можно ли ожидать со стороны этихъ собраній и кандидатовъ поддержки или сопротивленія реализаціи коллективистской доктрины, проповѣдуемой обществомъ. Въ другихъ брошюрахъ Фабіановскаго общества заключается самое подробное изложеніе законопроектовъ, направленныхъ къ борьбѣ съ наиболѣе важными соціальными пороками и зломъ и имѣющихъ въ виду главнѣйшія соціальныя реформы. Такія брошюры особенно полезны для избирателей рабочихъ и начинающихъ теоретиковъ, такъ какъ указываютъ имъ способы примѣненія на практикѣ теоретическихъ принциповъ. Благодаря такимъ пріемамъ, Фабіановское общество скоро сдѣлалось справочнымъ мѣстомъ и руководящимъ органомъ не для однихъ только сторонниковъ коллективистской доктрины, а также и для рабочихъ союзовъ, кооперативныхъ обществъ и вообще для всего рабочаго класса Англіи. Вліяніе Фабіановскаго общества проникло еще далѣе, и многія реформы, введенныя совѣтомъ Лондонскаго графства и даже послѣднимъ либеральнымъ министерствомъ, въ томъ, что касается финансовъ и рабочаго законодательства, можно найти цѣликомъ въ брошюрахъ Фабіановскаго общества.

Быстрый успѣхъ пропаганды Фабіановскаго общества среди англичанъ, справедливо пользующихся репутаціей самой положительной и практической націи на свѣтѣ, зависитъ именно отъ его строго практической программы. Фабіановское общество не увлекается никакими абстрактными теоріями или утопіями, и въ основу беретъ совершенно опредѣленные принципы соціальной организаціи, опирающіеся на данныя политической экономіи и исторіи и приноровленые къ современнымъ проблемамъ. Не проходитъ и года, чтобы гдѣ нибудь въ Парагваѣ, Перу, Мексикѣ или Матабеле не затѣвалась какая-нибудь община, стремящаяся къ осуществленію на опытѣ своего соціальнаго идеала, и свободная отъ всѣхъ тѣхъ золъ, отъ которыхъ такъ страдаетъ современный общественный строй. Большею частью, всѣ эти начинанія, даже наилучшимъ образомъ обставленныя, кончались разочарованіемъ, и идеальныя общины довольно быстро распадались. Фабіановское общество, въ противоположность всѣмъ этимъ затѣямъ, не ищетъ никакихъ панацей, а прежде всего старается развязать путы, мѣшающія свободному развитію и дѣятельности милліоновъ людей, изнывающихъ отъ работы въ копяхъ и на фабрикахъ и не имѣющихъ возможности переселиться въ Топологампо или Фрейландъ, гдѣ горсть утопистовъ собирается основать царство соціальной справедливости и равенства. Дѣло не въ томъ вовсе, чтобы реализировать въ какомъ-нибудь закоулкѣ земного шара высшій соціальный идеалъ, а въ томъ, чтобы, вводя постепенно въ сознаніе общества извѣстные идеи и взгляды, заставить его отказаться отъ предвзятыхъ убѣжденій и усвоить себѣ принципы соціальной справедливости, которые облегчатъ введеніе необходимыхъ соціальныхъ реформъ. Многіе ставятъ въ упрекъ Фабіановскому обществу, что оно выбираетъ слишкомъ длинный путь. «Бытъ можетъ, это и такъ,—отвѣчаютъ фабіанцы,—но, по крайней мѣрѣ, это путь вѣрный и обезпечиваетъ насъ отъ разочарованій и неудачъ, составляющихъ столь обычное явленіе въ исторіи различныхъ утопическихъ предпріятій или насильственныхъ соціальныхъ переворотовъ». Однако, несмотря на длинный путь, несомнѣнно, что пропаганда Фабіановскаго общества оказала уже замѣтное дѣйствіе на направленіе мыслей англійскаго общества и отразилась на многихъ общественныхъ и даже правитель-

ственныхъ мѣропріятіяхъ послѣдняго времени. Идеи Фабіановскаго общества повліяли на воззрѣнія всѣхъ политическихъ партій, безъ исключенія, и заставили ихъ разсуждать нѣсколько иначе, чѣмъ онѣ разсуждали прежде. Результаты такой перемѣны всего яснѣе обнаруживаются въ политическихъ программахъ большихъ англійскихъ партій, главнымъ образомъ, въ вопросѣ о землѣ. Въ англійской либеральной партіи уже образовалась новая коллективистская фракція, воззрѣнія которой на этотъ вопросъ діаметрально противоположны прежнимъ воззрѣніямъ. Она вовсе не стремится къ замѣнѣ крупнаго землевладѣнія мелкимъ, но къ общественному, коллективному землевладѣнію, къ администраціи и контролю собственности представителями общества. Билль о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ и разные другіе законопроекты, регулирующіе условія труда или эксплоатацію промышленныхъ предпріятій, указываютъ на то, что идея коллективизма все болѣе и болѣе проникаетъ въ англійское законодательство и отражается въ реформахъ, явно пропитанныхъ духомъ коллективизма и противорѣчащихъ индивидуалистическимъ принципамъ Кобдена и Брайта. Мы видимъ уже, что многія предпріятія перешли въ руки общества, между тѣмъ, какъ прежде онѣ были предметомъ частной эксплуатаціи. Мы видимъ замѣну частныхъ школъ общественными, учрежденіе національной почты, и во многихъ мѣстахъ уже поднятъ вопросъ о передачѣ изъ частныхъ рукъ какой-нибудь промышленной компаніи въ руки общества и прихода дѣла водоснабженія, освѣщенія газомъ или электричествомъ, устройства конно-желѣзныхъ дорогъ или электрическихъ трамваевъ, доковъ и жилищъ для рабочихъ. Вообще, всюду въ англійской общественной жизни можно замѣтить стремленіе къ коллективизму и къ замѣнѣ индивидуалистическаго строя капиталистической промышленности—общественнымъ. Въ настоящее время рабочіе не только лишены возможности извлекать пользу изъ усовершенствованныхъ способовъ производства, но даже поставлены въ такія условія, что право зарабатывать себѣ средства къ существованію они должны получать отъ владѣльцевъ собственности, работодателей. Поэтому-то рабочіе и страдаютъ сильнѣе всего и больше всего отъ неблагопріятнаго экономическаго положенія страны и ея финансовъ. Такія-то условія Фабіановское общество и признаетъ ненормальными и вредными для народнаго благосостоянія и стремится къ ихъ измѣненію путемъ обобществленія промышленнаго капитала и передачи въ руки общества эксплуатаціи различныхъ промышленныхъ предпріятій.

Политическая роль мѣстной печати въ Индіи и пропаганда въ пользу женскаго образованія. Свобода печати была введена въ Индіи въ 1835 году. Правда, что въ то время, всѣ газеты, безъ исключенія, издавались англичанами, или людьми, преданными англійскимъ интересамъ. Такая свобода продержалась до 1857 г., когда послѣ возмущенія были введены самыя стѣснительныя мѣры. Закономъ была отмѣнена свобода печати для газетъ, печатающихся на туземномъ нарѣчіи, и, кромѣ того, дано было право исполнительной власти прекращать изданія, даже безъ предварительнаго оповѣщанія. Многіе издатели тогда были арестованы и конфискованы у нихъ типографскіе станки. Этотъ строгій законъ продержался, впрочемъ, не болѣе года на практикѣ, но, тѣмъ не менѣе, оффиціально былъ отмѣненъ лишь въ 1868 году. Какъ разъ въ это же время въ Индіи сильно подвинулось впередъ и дѣло народнаго

просвѣщенія. Индійскіе университеты ежегодно выпускали молодыхъ ученыхъ, которые, не зная, большею частью, къ чему приложить свои способности, обращались къ журналистикѣ для изысканія средствъ къ своему существованію. Дѣйствительно, съ 1873 по 1877 гг. журналы и газеты распространились въ огромномъ числѣ. Въ настоящее же время въ Индіи издается на индусскомъ языкѣ и индусскими же редакторами около 350 газетъ. Большинство этихъ газетъ представляютъ еженедѣльные органы или же выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Всего болѣе распространены газеты въ Бенгалѣ; вообще же считается, что на 58 грамотныхъ, изъ тысячи жителей, приходится по двѣ газеты въ недѣлю, которыми они должны дѣлиться между собою.

Но судить объ истинномъ распространеніи какого-нибудь журнала надо не по числу подписчиковъ на него, а по числу читателей, которыхъ всегда бываетъ въ пять-шесть разъ больше. Въ Индіи, кромѣ того, распространенъ обычай читать въ деревняхъ вслухъ, чтобы и тѣ, кто не умѣетъ читать, могли извлечь пользу изъ гласности. Такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ газеты гораздо болѣе распространены, чѣмъ это можно было бы думать, принимая во вниманіе количество подписчиковъ. Всѣ газеты въ Индіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ журналовъ въ Мадрасѣ, почти исключительно занимаются политикой, но рядомъ съ этимъ издается не мало брошюръ и сборниковъ, посвященныхъ разнымъ другимъ вопросамъ, общественнымъ и чисто научнымъ. Конечно, туземныя индійскія газеты, даже наиболѣе распространенныя и популярныя, какъ напримѣръ «Dainik», печатающійся въ количествѣ 6.000 экземпляровъ въ день въ Калькуттѣ, далеко не могутъ сравняться по величинѣ и количеству заключающагося въ нихъ матеріала съ англійскими газетами, но не слѣдуетъ забывать, что индусская печать находится еще въ младенчествѣ, статистика же указываетъ, что она быстро развивается и распространеніе ея возрасло съ 13 милліоновъ экземпляровъ на 25 милліоновъ въ теченіе десятилѣтняго промежутка времени. (У насъ, въ Россіи, число экземпляровъ газетъ, журналовъ и ученыхъ спеціальныхъ изданій менѣе *одного* милліона).

Въ послѣднее время туземная передовая печать въ Индіи, затронула, между прочимъ, вопросъ о положеніи индусской вдовы и индусскихъ женщинъ вообще. Вопросъ этотъ былъ поднятъ, благодаря вліянію и пропагандѣ одной замѣчательной индусской дѣятельницы, Пандиты Рамабаи, посвятившей всю свою жизнь дѣлу освобожденія своихъ соотечественницъ отъ рабства и глубокаго невѣжества. Женщина въ Индіи находится въ самомъ униженномъ и рабскомъ положеніи. Невѣжество ея поразительно, тѣмъ болѣе, что оно освящено обычаемъ, и женщина поневолѣ пребываетъ въ праздности и развиваетъ въ себѣ тщеславіе и наклонность къ пустой болтовнѣ. Замужняя женщина—настоящая раба, но какъ ни тяжело ея положеніе, участь вдовы еще хуже. Она осуждена всю жизнь на горе и страданіе. Ее считаютъ нечистой, проклятой, и ни одна женщина, даже родственница, не рѣшится къ ней приблизиться. Ее всѣ обѣгаютъ, всѣ ея чуждаются и никакое оскорбленіе вдовы не считается дурнымъ поступкомъ. Даже наоборотъ, оскорбить вдову—это значитъ содѣйствовать справедливости, такъ какъ само небо покарало ее. Вдова вполнѣ беззащитна и поэтому никто съ нею не стѣсняется. «Лучше умереть, чѣмъ овдовѣть», говоритъ одна современная писательница, проживающая въ Индіи. Не удивительно, что въ прежнее время индусскія вдовы предпочитали погибать на кострѣ вмѣстѣ съ трупомъ своего мужа, не-

жели влачить печальное существованіе всю свою жизнь. Вслѣдствіе укоренившагося въ Индіи обычая раннихъ браковъ, число вдовъ тамъ чрезвычайно велико (по переписи 1893 года 23.000.000!) и притомъ масса вдовъ находится еще въ дѣтскомъ возрастѣ (13.000 вдовъ моложе 4-хъ лѣтъ) и даже не сознаетъ всего ужаса своего положенія, не понимая, отчего всѣ отъ нихъ сторонятся.

Разумѣется, такое положеніе женщинъ не могло не обратить на себя вниманія европейцевъ, и миссіонеры давно уже ратовали противъ него. Образованные индусы, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ европейцами, также подняли свои голоса за облегченіе участи женщинъ въ Индіи. Но самою ярою защитницею индусскихъ женщинъ явилась Рамабаи, которая выступила въ этой роли не вслѣдствіе увлеченія теоріями женской равноправности, а вслѣдствіе личныхъ наблюденій надъ ужасающею дѣйствительностью и личнаго опыта.

Рамабаи была дочерью ученаго отшельника Пандитъ - Ананта- Шастри. Отецъ самъ занимался ея образованіемъ и, благодаря этому, она сдѣлалась выдающеюся ученой на своей родинѣ и была удостоена этого званія въ собраніи пандитъ въ Калькуттѣ. Выйдя замужъ за бенгалійца, окончившаго курсъ въ калькуттскомъ университетѣ, она вскорѣ овдовѣла и осталась съ ребенкомъ на рукахъ въ печальномъ положеніи индусской вдовы; ей надо было не только жить самой, но и зарабатывать на пропитаніе дочери. Но она глубоко была проникнута сознаніемъ своего призванія — быть защитницею индусскихъ женщинъ, и поэтому начала проповѣдывать образованіе и освобожденіе индусокъ изъ позорнаго и унизительнаго для человѣческаго достоинства состоянія рабства, въ которомъ онѣ находились.

Самое главное, по ея мнѣнію, было— дать возможность женщинамъ получить образованіе и первымъ видимымъ результатомъ проповѣдей Рамабаи въ Пунѣ было основаніе общества поощренія образованія среди женщинъ Индіи. Рамабаи предприняла рядъ поѣздокъ по разнымъ городамъ Индіи съ цѣлью образованія такихъ обществъ и въ 1882 году ее пригласили участвовать въ коммиссіи по вопросамъ женскаго образованія, такъ какъ триста браминскихъ женщинъ обратились съ просьбою объ основаніи школъ для дѣвочекъ.

Рамабаи обладала краснорѣчіемъ и проповѣдь ея всегда дѣйствовала на слушателей и имѣла громадный успѣхъ. Съ неменьшимъ жаромъ она ратовала также за допущеніе женщинъ къ изученію медицины, такъ какъ туземки, въ большинствѣ случаевъ, лучше согласны умереть, нежели лѣчиться у мужчины.

Въ самый разгаръ своей дѣятельности Рамабаи почувствовала, однако, что въ ея образованіи существуетъ большой пробѣлъ. Это заставило ее предпринять поѣздку въ Англію, гдѣ она оставалась два года и въ концѣ концовъ приняла христіанство. Изучивъ англійскій языкъ, она написала по-англійски очень интересную книгу о положеніи женщинъ въ Индіи. Затѣмъ она поѣхала въ Америку, гдѣ одна ея соотечественница, Анандибаи Іосше, первая индусска, кончала въ это время медицинское образованіе. Во время пребыванія въ Америкѣ Рамабаи изучила, по возможности, подробнѣе систему народнаго образованія и всякаго рода училища, школы и дѣтскіе сады. Руководствуясь американскими образцами, она составила цѣлую серію учебниковъ чтенія, письма, ариѳметики, исторіи, естественной исторіи и пѣнія для индусскихъ дѣтей. Ознакомившись со всѣмъ, что ей было нужно, и заручившись матеріальною поддержкою сочувствующихъ ея идеѣ лицъ, Рамабаи верну-

лась на родину, гдѣ и принялась примѣнять къ дѣлу пріобрѣтенныя ею познанія. Она мечтала основать школу для маленькихъ вдовъ и затѣмъ вообще пропагандировать идеи женскаго образованія, справедливо полагая, что однимъ изъ главныхъ тормазовъ прогресса Индіи является невѣжество женщинъ и что освобожденіе женщинъ изъ рабскаго состоянія, возможно лишь въ томъ случаѣ, если имъ даны будутъ знанія и развитіе. Весь доходъ отъ своей книги Рамабаи пожертвовала въ пользу школы, основанной ею для дѣвочекъ-вдовъ въ Бомбеѣ въ 1890 году. При открытіи школы было всего двѣ ученицы: одна — вдова, другая — незамужняя. Къ концу года ихъ было уже 27 и 12 изъ нихъ были вдовы. Такимъ образомъ, Рамабаи дала убѣжище дѣвочкамъ-вдовамъ, стала ихъ учить и готовить въ будущемъ къ какому-нибудь труду.

Конечно, Рамабаи приходилось и приходится терпѣть еще и по сіе время много притѣсненій и непріятностей со стороны людей невѣжественныхъ и не сочувствующихъ ея взглядамъ. Презрѣніе къ вдовамъ слишкомъ сильно у индусовъ. Рамабаи постоянно приходилось слышать замѣчанія, что вдовы не имѣютъ права добиваться счастья и образованія и не заслуживаютъ никакихъ заботъ, не больше, нежели собаки или вороны. Къ женскому образованію большинство индусовъ относилось также несочувственно. «Нашимъ женщинамъ не къ чему ходить въ школу. Зачѣмъ имъ книги? Женщины должны умѣть только стряпать, смотрѣть за хозяйствомъ и дѣтьми и прислуживать мужу». Много нужно было энергіи и настойчивости и много убѣжденнаго краснорѣчія, чтобы побѣдить упорное сопротивленіе браминовъ и предразсудки цѣлой расы. Въ концѣ-концовъ Рамабаи одержала побѣду. Чтобы сильнѣе повліять на туземцевъ, она постоянно дѣлала ссылки на законы Ману, которые ей удалось изучить послѣ полученія въ Калькуттѣ ученаго званія «пандиты». На основаніи древнихъ текстовъ Рамабаи удалось доказать, что раньше женщина пользовалась въ Индіи гораздо большимъ значеніемъ и развитіемъ, чѣмъ теперь. Дѣло пошло лучше, когда на сторонѣ Рамабаи оказалась туземная печать. Одна изъ газетъ въ Мадрасѣ напечатала очень сочувственную статью, въ которой высказалась за женское образованіе, признавая, что въ Рамабаи соединяется глубокое знаніе домашняго быта, исторіи и законовъ своей родины со всестороннимъ богатымъ образованіемъ западныхъ народовъ. «Цѣлые вѣка уже не было въ Индіи такой выдающейся женщины, такого преданнаго борца за нравственное возрожденіе своего пола!» заявляетъ газета. Въ Мангаларѣ Рамабаи былъ поднесенъ привѣтственный адресъ отъ имени всѣхъ образованныхъ индусовъ, безъ различія кастъ и сектъ. Въ Пунѣ, въ самомъ центрѣ браманизма, Рамабаи была сдѣлана настоящая овація и женщины осыпали ее цвѣтами. Напрасно сторонники господствующихъ взглядовъ на женщину старались помѣшать популярности Рамабаи, лучшая часть молодежи сгруппировалась около нея и съ увлеченіемъ выслушала ея рѣчи.

Путешествія, конгрессы и разнаго рода ученые диспуты, которые ей пришлось вести, такъ утомили Рамабаи, что она отправилась погостить на недѣлю къ своему брату. Тутъ ей пришлось на себѣ испытать, какъ глубоко коренятся предразсудки въ индусскихъ семьяхъ. Не смотря на то, что ее очень любили въ семьѣ, даже гордились ея превосходствомъ и извѣстностью, но она, какъ вдова, считалась «отверженной», изгнанной изъ общества. Никто не могъ прислуживать ей и все нужное для себя она должна была дѣлать сама, даже стирать бѣлье и мыть посуду, изъ которой

пила и ѣла. Если братъ и его жена приходили къ ней въ комнату, чтобы поговорить съ нею, то они всегда потомъ переодѣвались. Но, тѣмъ не менѣе, и тутъ Рамабаи съумѣла оказать свое вліяніе и братъ ея обѣщалъ, что онъ пошлетъ въ ея школу своихъ двухъ маленькихъ дочерей-вдовъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues».—«Revue des deux Mondes».

Въ 1895 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, одна изъ большихъ газетъ, издающихся въ Новой Мексикѣ, напечатала огромными буквами слѣдущее объявленіе: «Смерть врачамъ! Мессія Новой Мексики вылѣчиваеть тысячи больныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ и глухихъ».

Маленькій городокъ Денверъ, жемчужина Колорадо, сдѣлался центромъ, куда устремлялись тысячи паломниковъ со всѣхъ концовъ Америки, чтобы воспользоваться пребываніемъ въ этомъ городѣ знаменитаго исцѣлителя Фрэнсиса Шляттера, слава котораго гремѣла во всей Америкѣ. Всѣ поѣзда были переполнены страждущими; по дорогѣ тянулась непрерывная линія пѣшеходовъ и повозокъ,—всѣ стремились къ маленькому домику, гдѣ остановился пророкъ, и всѣ уходили отъ него исцѣленные и успокоенные на счетъ своей участи.

Но радость непрочна въ этомъ мірѣ!—говоритъ французскій журналъ «Revue des Revues», разсказывающій исторію знаменитаго американскаго пророка. Въ ноябрѣ того же года, тысячи людей, по прежнему, толпились у маленькаго домика, гдѣ жилъ Шляттеръ, но лица этихъ людей выражали глубокое горе, а не радость и надежду, какъ прежде. Въ толпѣ раздавались рыданія женщинъ, мужчины произносили проклятія и угрозы, больные стонали и жаловались и все это вмѣстѣ придавало очень странный видъ сборищу, мѣстомъ котораго сдѣлался Денверъ. Что же такое случилось? Френсисъ Шляттеръ, знаменитый исцѣлитель, внезапно исчезъ изъ Колорадо. На всегда или на время—никто не зналъ. Американскія газеты, предвидящія даже такія событія, какія не случаются никогда, не предугадали этого удара, разразившагося надъ тысячами неповинныхъ паломниковъ. Наканунѣ еще Шляттеръ, по обыкновенію, расточалъ свои благословенія четыремъ тысячамъ паломниковъ, которые сошлись къ нему со всѣхъ сторонъ и никто ничего не замѣтилъ въ немъ особеннаго. «Это настоящее бѣгство!» кричала огорченная толпа.

Староста Денвера, Фоксъ, у котораго Шляттеръ остановился, былъ до глубины души огорченъ его исчезновеніемъ. Фоксъ былъ обязанъ Шляттеру исцѣленіемъ отъ глухоты; Шляттеръ только протянулъ ему руку и глухота совершенно исчезла. Фоксъ предложилъ Шляттеру крупную сумму денегъ, но Шляттеръ наотрѣзъ отказался и согласился только принять его гостепріимство на два мѣсяца, которые собирался пробыть въ Денверѣ. И вдругъ онъ исчезъ! Когда Фоксъ утромъ вошелъ въ его комнату, то нашелъ постель несмятой и комнату пустой. На каминѣ была записка слѣдующаго содержанія. «Фоксу. Моя миссія кончена. Отецъ меня призываетъ. Привѣтъ вамъ. Френсисъ Шляттеръ».

Это все, что осталось отъ Шляттера. Съ тѣхъ поръ его ищутъ, но напрасно. Онъ исчезъ безслѣдно, какъ будто и не существовалъ никогда, но легенда о немъ, конечно, не только

не можетъ исчезнуть, но съ годами должна будетъ разукраситься еще болѣе.

Кто же такой былъ этотъ Шляттеръ? Родомъ французъ, уроженецъ Эльзаса, онъ эмигрировалъ въ Америку, перепробовалъ тамъ всевозможныя ремесла и въ одинъ прекрасный день проснулся пророкомъ. Съ непокрытою головой, босой, онъ странствовалъ по обширнымъ территоріямъ штатовъ и, называя себя посланнымъ неба, проповѣдывалъ любовь, миръ и добрыя дѣла. Его посадили въ тюрьму, но онъ продолжалъ проповѣдовать арестантамъ, которые сначала надъ нимъ смѣялись, но затѣмъ примкнули къ нему; по выходѣ изъ тюрьмы онъ отправился въ Техасъ, гдѣ его странная наружность какого-то вдохновленнаго фанатика обращала на себя вниманіе всюду, куда онъ ни появлялся, и вездѣ возлѣ него образовывалась толпа, которую онъ увлекалъ за собою. Видя его босого и въ грубой одеждѣ, проповѣдующимъ толпѣ, невольно припоминались средніе вѣка, когда такіе проповѣдники составляли обычное явленіе и увлекали массу послѣдователей. Шляттеръ скоро пріобрѣлъ репутацію святого и пророка. Тогда къ нему стали стекаться со всѣхъ сторонъ несчастные и больные, за утѣшеніемъ и исцѣленіемъ. И онъ утѣшалъ своею проповѣдью и исцѣлялъ прикосновеніемъ рукъ. Онъ не избѣжалъ преслѣдованій. Въ одномъ мѣстѣ его приняли за сумасшедшаго и заперли въ больницу. По выходѣ оттуда слава его еще возрасла. Въ Калифорніи, куда онъ отправился, его сопровождала восторженная толпа народа. То же было и въ Мексикѣ, и въ Санъ-Франциско. Даже индѣйцы, среди которыхъ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, поклонялись ему, какъ святому, и шли къ нему за исцѣленіемъ. Чаще же всего онъ появлялся въ Денверѣ, который сдѣлался его любимою резиденціей, и туда стекались всѣ вѣрующіе и невѣрующіе, желающіе собственными глазами убѣдиться въ его чудесахъ. Разумѣется, репортеры много способствовали распространенію славы и извѣстности Шляттера. Газеты были переполнены разсказами о произведенныхъ имъ чудесныхъ исцѣленіяхъ. Простое прикосновеніе руки Шляттера возвращало движеніе парализованнымъ членамъ, возстановляло слухъ и зрѣніе, уничтожало сведенія членовъ и т. п. Газеты соперничали другъ съ другомъ, кто сообщитъ наиболѣе чудесный разсказъ о Шляттерѣ, и дѣйствительно какихъ только чудесъ онѣ ему ни приписывали. По ихъ словамъ, онъ исцѣлялъ самыя неизлѣчимыя болѣзни, ракъ, чахотку, дифтеритъ, не только прикосновеніемъ рукъ, но даже прикосновеніемъ своихъ «перчатокъ». Дѣло въ томъ, что Шляттеръ, никогда не бралъ ни отъ кого денегъ и питалъ полное презрѣніе къ всемогущему доллару, но единственное, что онъ принималъ—это перчатки, которымъ онъ передавалъ чудодѣйственную силу своимъ прикосновеніемъ и затѣмъ раздавалъ больнымъ и несчастнымъ. Поэтому-то Шляттеръ и получалъ цѣлыя горы перчатокъ съ разныхъ сторонъ для раздачи народу. Вѣра была самымъ лучшимъ и самымъ чудодѣйственнымъ средствомъ въ данномъ случаѣ. Шляттеръ все болѣе и болѣе проникался своею миссіей, и чѣмъ сильнѣе слагалось въ немъ это убѣжденіе, тѣмъ больше онъ дѣйствовалъ на толпу. Фрэнсисъ Шляттеръ самъ увѣровалъ въ свое призваніе и небесное происхожденіе своихъ рѣчей. Его блуждающій взоръ, изможденное лицо, производили на толпу поразительное впечатлѣніе, и когда Шляттеръ постился въ теченіе 40 дней, то это впечатлѣніе еще возрасло.

Если прослѣдить, насколько возможно, случаи исцѣленій Шляттера.

стараясь относиться къ нимъ безпристрастно, то можно видѣть, что почти всѣ они принадлежатъ къ заболѣваніямъ нервнаго харакера, которыя, какъ доказалъ еще Шарко, могутъ излѣчиваться путемъ внушеній. Несомнѣнно, что Шляттеръ, какъ фанатикъ, обладалъ огромною силою внушенія. Окружающій его ореолъ святости, созданный ему репутаціей пророка, его странная наружность, вдохновленныя рѣчи, его глубокое убѣжденіе въ томъ, что онъ дѣйствительно посланникъ небесъ, не могли не производить сильнаго впечатлѣнія на нервныхъ людей. И вѣра творила чудеса; одного прикосновенія перчатки Шляттера бывало достаточно, чтобы возвратить нервному паралитику способность движенія, возстановить его зрѣніе и т. д. Шляттеръ самъ всегда восклицалъ при этомъ, что «излѣчиваетъ только вѣра», и толпа жаждущихъ исцѣленія и облегченія, становилась вѣрующей.

Весьма вѣроятно, что въ разсказахъ о Шляттерѣ заключается много преувеличеній, но въ такихъ случаяхъ всегда къ истинѣ примѣшивается вымыселъ, даже безъ предвзятой цѣли, создается легенда, которая сама по себѣ уже дѣйствуетъ на воображеніе людей и заставляетъ ихъ невольно смотрѣть на вещи иными глазами.

Въ то время, какъ Вольтеръ царилъ во Франціи, въ Англіи властвовалъ сынъ мелкаго книгопродавца, знаменитый докторъ Самюэль Джонсонъ, и даже авторитетъ Вольтера не былъ такъ прочно установленъ, какъ авторитетъ Джонсона, всѣ замѣчанія котораго принимались какъ догматы, не допускающіе никакихъ возраженій и оспариваній. Джонсонъ былъ настоящимъ литературнымъ диктаторомъ и англійское общество безусловно преклонялось передъ его рѣшеніями, его живымъ, неистощимымъ юморомъ и здравымъ смысломъ. Его враги были погибшіе люди въ смыслѣ общественномъ, и стоило одинъ разъ съ нимъ не согласиться, чтобы испортить себѣ репутацію. Но не только въ вопросахъ литературной критики рѣшенія Джонсона имѣли такое значеніе; въ вопросахъ нравственности, религіи, политическихъ учрежденій, соціальныхъ приличій и т. п. его замѣчанія также считались предписаніями и никто не осмѣливался оспаривать его. Онъ какъ будто поставилъ себѣ задачей наставлять своихъ соотечественниковъ, какъ они должны думать, во что они должны вѣрить, что должны уважать, что ненавидѣть и презирать. Когда массивная, неуклюжая фигура доктора Джонсона появлялась въ обществѣ, всѣ устремлялись къ нему на встрѣчу, считая за особенную честь услужить ему чѣмъ-нибудь. Въ началѣ того же столѣтія такимъ же значеніемъ въ англійскомъ обществѣ пользовался Аддисонъ, но власть его далеко не была столь тиранническою, какъ власть Джонсона, который не допускалъ никакихъ уклоненій отъ предписываемаго имъ кодекса понятій и вѣрованій, необходимыхъ для каждаго «респектабельнаго» англичанина.

Чѣмъ же объясняется такая власть Джонсона надъ англійскимъ обществомъ? Авторъ статьи о немъ, помѣщенной въ «Revue des deux Mondes», г. Вальберъ, говоритъ, что его литературныя произведенія не даютъ ключа къ этой загадкѣ. Онѣ не поражаютъ своею геніальностью и даже въ нихъ не замѣтно перворазряднаго таланта, но въ нихъ выражается мнѣніе огромнаго большинства англичанъ времени Джонсона и отражаются всѣ дорогіе имъ предразсудки. «Между Франціей и Англіей XVIII вѣка существовала та разница, — говоритъ Вальберъ,—что одна, сама того не сознавая, шла на встрѣчу революціи, другая же уже пережила свою революцію. Наканунѣ подобныхъ обще-

ственныхъ движеній всегда поднимаются разные вопросы и обнаруживается чрезвычайная смѣлость сужденій; никакія доктрины, никакія смѣлыя ученія, утопіи, химеры не кажутся страшными; наступаетъ то, что Мирабо называлъ «фанатизмомъ надежды». Но на другой день послѣ такихъ кризисовъ умъ успокаивается, многія иллюзіи пропадаютъ и люди обнаруживаютъ больше склонности къ опасеніямъ, нежели къ надеждамъ. Англія пережила все это и научилась горькимъ опытомъ, что полнаго довольства не можетъ быть и что надо стараться цѣнить то, что есть. Гановерскую династію не любили въ Англіи, да и она не очень старалась объ этомъ, но ее поддерживали, опасаясь худшаго. Англиканская церковь была многимъ антипатична, но ее находили полезной и поэтому, отнявъ отъ нея право преслѣдовать диссидентовъ, ей сохранили ея привиллегіи. Энтузіазмъ и скептицизмъ—вотъ два главныхъ врага общественнаго спокойствія, и поэтому на нихъ наложено было запрещеніе. Въ противоположность тому, что происходило во Франціи, мы видимъ, что въ Англіи свобода мысли не оказывала почти никакого вліянія на литературу, преимущество отдавалось умѣреннымъ воззрѣніямъ, такъ какъ они обладаютъ двойнымъ качествомъ—придаютъ прочность учрежденіямъ и облегчаютъ жизнь. Французскіе философы того времени были склонны ко всевозможнымъ увлеченіямъ и обнаруживали смѣлость и почти юношескій пылъ. Не то англійскіе мыслители, которые были умудрены опытомъ, научились предвидѣть и опасаться. Вопреки своимъ французскимъ собратамъ, они обнаруживали особенную склонность къ компромиссамъ и самое плохое соглашеніе предпочитали спору».

Джонсонъ былъ наилучшимъ представителемъ господствовавшихъ въ то время воззрѣній. Онъ не думалъ возвышаться надъ ними, но, благодаря врожденному юмору, онъ придавалъ пикантность новизны даже самымъ банальнымъ истинамъ. Онъ умѣлъ приправить особеннымъ образомъ общія мѣста, сообщить имъ остроту, превратить ихъ въ парадоксы, и англійской публикѣ нравилось, что ей преподносили близкія ея сердцу истины и предразсудки въ новомъ одѣяніи, и она съ удовольствіемъ принимала ихъ. Джонсонъ отлично умѣлъ приспособляться ко вкусу своихъ современниковъ, оставаясь въ то же время искуснымъ полемистомъ, блестящимъ «гладіаторомъ пера», никогда не стѣснявшимся высказывать хлесткія и рѣзкія сужденія, но лишь подъ условіемъ, чтобы эти сужденія не расходились съ міровоззрѣніемъ общества, представляя только преувеличеніе господствующихъ въ немъ понятій и предубѣжденій.

Но страшный на словахъ, Джонсонъ, въ сущности, никому не желалъ зла и былъ очень добродушенъ. Это располагало къ нему, разумѣется. Слава далась ему не легко и не скоро. Онъ долго работалъ въ Лондонѣ на разныя издательскія фирмы, которыя безсовѣстно эксплоатировали трудъ начинающихъ писателей. Ему приходилось даже нерѣдко голодать въ этотъ періодъ своей жизни и на одномъ изъ его писемъ, относящихся къ этому времени, стоитъ оригинальная подпись: «Джонсонъ не обѣдавшій». Первымъ шагомъ къ извѣстности послужилъ Джонсону задуманный и изданный имъ словарь англійскаго языка. Когда вышли въ свѣтъ первые два тома, то всѣ были поражены изумленіемъ, что такую гигантскую работу сдѣлалъ одинъ человѣкъ. Съ этого момента Джонсонъ уже дѣлается знаменитостью, въ немъ начинаютъ заискивать, и онъ, мало-по-малу, становится литературнымъ диктаторомъ.

Но если трудно объяснить себѣ не-

обыкновенное вліяніе и значеніе Джонсона въ англійскомъ обществѣ, то еще труднѣе понять его успѣхъ среди женщинъ. Джонсонъ былъ не только не красивъ, но имѣлъ смѣшную и даже отталкивающую наружность. Несмотря на его безобразіе и полное отсутствіе заботъ о своей наружности, Джонсонъ не только производилъ сильное впечатлѣніе на женщинъ, но онѣ искренно восхищались имъ и модныя красавицы серьезно старались обратить на себя его вниманіе. Крэгъ, въ своей книгѣ о Джонсонѣ, говоритъ, что никогда ни за однимъ смертнымъ женщины не ухаживали такъ, какъ за Джонсономъ. «Стоило этому неуклюжему слону появиться гдѣ-нибудь въ обществѣ,—говоритъ Крэгъ,—чтобы всѣ, самые изящные кавалеры тотчасъ же отходили на задній планъ. Дамы ихъ бросали и устремлялись къ Джонсону». Между тѣмъ, Джонсонъ вовсе не былъ любезенъ съ женщинами и даже относился къ нимъ нѣсколько презрительно, не стѣсняясь говорилъ имъ дерзости; но женщинамъ все нравилось въ немъ: его неловкія манеры, неуклюжая наружность, неряшливый костюмъ, безобразный парикъ, всегда надѣтый криво, истасканный, выцвѣтшій сюртукъ и грязные ногти. Женщины, находясь въ обществѣ Джонсона, совершенно забывали о его наружности. Джонсонъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ слова и былъ чрезвычайно остроуменъ, поэтому въ обществѣ онъ всегда имѣлъ успѣхъ и увлекалъ всѣхъ, какъ блестящій и очень интересный собесѣдникъ. Кромѣ того, подъ невзрачною наружностью Джонсона скрывалось горячее и отзывчивое на чужія страданія сердце. Несмотря на свой злой и ѣдкій языкъ, онъ былъ оченъ сострадателенъ. Онъ зналъ, что такое нужда, такъ какъ ему приходилось прежде упорнымъ трудомъ добывать себѣ пропитаніе, и вслѣдствіе этого онъ съ величайшею готовностью дѣлился всѣмъ, что имѣлъ, со всѣми нуждающимися. Когда умерла его жена, онъ сдѣлалъ изъ своего дома пріютъ и убѣжище для несчастныхъ и больныхъ женщинъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ жизни. Выходя изъ салона какой-нибудь герцогини, гдѣ за нимъ увивались модныя львицы, Джонсонъ шелъ къ своимъ бѣднякамъ, изъ которыхъ одна была слѣпая, жившая у него изъ милости, и развлекалъ ихъ бесѣдой. Но Джонсонъ обращался ласково съ ними и даже смягчалъ свой голосъ, когда разговаривалъ съ ними. Ясно, что непривѣтливая внѣшность Джонсона скрывала сокровища любви, и это чувствовалось женщинами, которыя льнули къ нему, хотя онъ самъ и не любилъ ни одну изъ нихъ настоящимъ образомъ и никогда не ставилъ женщину на одну доску съ собой, въ шутку называя ихъ насѣкомыми и считая безуміемъ всякіе разговоры о равноправности женщинъ.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Огняновъ прекратилъ свою бесѣду съ Соколовымъ и сказалъ:

— Боюсь я, братъ, что меня снова могутъ осмѣять...

Стефчовъ не поднималъ глазъ отъ газеты, которую держалъ въ рукахъ.

— Кто тебя засмѣетъ, никто не можетъ тебя засмѣять!—проговорилъ дѣдъ Нисторъ,—ты намъ снова дашь Геновеву... дѣти за нею скучаютъ. Наша Пенка тогда хворала, и не была тамъ. Теперь только и говоритъ: тате, хочу Геновеву, да хочу Геновеву.

— Ладно, дѣдъ Нисторъ, только я боюсь свистка,—проговорилъ Огняновъ, вперивъ глаза въ Стефчова.

— Особенно, когда свистъ выходитъ изъ навозной кучи,—дополнилъ язвительно Соколовъ.

Стефчовъ покраснѣлъ отъ сдержанной злобы, но продолжалъ смотрѣть въ газету. Онъ чувствовалъ себя неловко подъ пронизывающимъ взглядомъ Огнянова, котораго начиналъ бояться. Глаза Огнянова горѣли страннымъ блескомъ.

— И я присоединяюсь къ твоимъ словамъ, дѣдъ Нисторъ, я тоже хочу Геновеву,—отозвался Чону Дойчиновъ.—Только Голоса пусть возьметъ Киріакъ, ему болѣе подходитъ. Фратю хоть и надувается, а все Божій человѣкъ: напрасно его люди ругаютъ.

Отъ этого простодушнаго и полнаго ядомъ комплимента Стефчовъ покраснѣлъ до ушей. Въ то же время похвала обидѣла и Фратя...

Огняновъ и Соколовъ невольно улыбнулись. Это же сдѣлалъ и хаджи Сміонъ, не разобравшій хорошенько въ чемъ дѣло.

Стефчовъ поднялъ глаза и раздраженно посмотрѣлъ на Огнянова и Соколова.

— Да,—проговорилъ онъ съ притворнымъ хладнокровіемъ, хотя голосъ его дрожалъ отъ гнѣва,—я надѣюсь, бай Огняновъ *изъ Лозенграда* скоро дастъ намъ и трагедію. Онъ можетъ быть увѣренъ, что никто не будетъ смѣяться въ ней, и менѣе всего онъ самъ.

Стефчовъ особенно напиралъ на слова «изъ Лозенграда» (откуда объявилъ себя родомъ Огняновъ). Огняновъ замѣтилъ это и измѣнился въ лицѣ. Однако, онъ отвѣтилъ твердымъ голосомъ:

— Если у насъ есть такіе за сценой искусные машинисты, я хочу сказать—шпіоны, какъ Стефчовъ, то не удивительно будетъ, если у насъ разыграется и трагедія.

И онъ бросилъ на него презрительный взглядъ. На этотъ разъ Соколовъ потянулъ своего друга за рукавъ:

— Оставь его,—шепнулъ онъ.

— Я не выношу подлецовъ,—произнесъ громко Огняновъ, достаточно громко, чтобы Стефчовъ его услыхалъ.

Въ это время Бойчо замѣтилъ Мунчо, стоявшаго въ дверяхъ кофейни. Мунчо не сводилъ съ него глазъ, кивалъ головой и пріятельски улыбался. Выраженіе лица идіота было доброе, кроткое и счастливое. Бойчо и раньше замѣчалъ, что Мунчо смотрѣлъ на него внимательно и любовно, но не могъ отгадать причины этой привязанности. Когда ихъ глаза встрѣтились, лицо Мунча озарилось еще болѣе блаженной улыбкой и глаза его заблестѣли непонятнымъ и безсмысленнымъ восторгомъ. Онъ наклонился внутрь кофейни, по направленію Огнянова, и, улыбаясь всѣми мускулами своего лица, протяжно проговорилъ:

— Рус-і-я-нинъ! и началъ водить пальцемъ по горлу, какъ бы изображая, какъ рѣжутъ.

Всѣ присутствующіе смотрѣли на него съ удивленіемъ.

Изумленъ былъ и Огняновъ. Уже не первый разъ Мунчо дѣлалъ ему такіе знаки.

— Графъ, что тебѣ говоритъ Мунчо?—спросили нѣкоторые.

— Не знаю,—отвѣтилъ, улыбаясь, Огняновъ,—онъ меня очень любитъ.

Мунчо, повидимому, понялъ ихъ недоумѣніе и, чтобы объяснить имъ лучше, за что онъ восхищенъ Огняновымъ, торжественно тупо посмотрѣлъ на всѣхъ, указалъ пальцемъ на Огнянова и воскликнулъ еще громче:

— Ру-с-с-і-яннъ!—Потомъ махнулъ рукой на сѣверъ и началъ еще энергичнѣе рѣзать пальцемъ свое горло.

Это повтореніе невольно смутило Огнянова: ему пришло въ голову, что, по какой-нибудь фатальной случайности, Мунчо видѣлъ или почуялъ приключеніе въ мельницѣ дѣда Стояна. Онъ съ трепетомъ посмотрѣлъ на Стефчова, но успокоился, замѣтивъ, что Стефчовъ отвернулся и шептался съ кѣмъ-то, не обращая вниманія на Мунчо.

Въ этотъ моментъ Стефчовъ всталъ, отстранилъ Мунчо отъ дверей и вышелъ, бросивъ на Огнянова злобный и мстительный взглядъ.

Стефчовъ кипѣлъ отъ злобы. Его самолюбіе потерпѣло столько ударовъ отъ Огнянова и онъ не имѣлъ случая отомстить. Онъ хотѣлъ мстить, но тайно, потому что явная борьба съ Огняновымъ его пугала. Революціонная пѣснь въ театрѣ доставила ему оружіе, но, какъ мы видѣли, его доносъ не удался. Бей не могъ допустить, чтобы Огняновъ запѣлъ бунтовскую пѣснь въ его присутствіи, и не повѣрилъ Стефчову. Стефчовъ не нашелъ благоразумнымъ настаивать на этомъ случаѣ. Но вскорѣ онъ открылъ кое-что другое: три дня спустя онъ случайно познакомился съ однимъ пріѣзжимъ изъ Лозенграда и узналъ, что тамъ никогда не было никакихъ Бойчо, ни Огняновыхъ. Для Стефчова это была нить, которая, надѣялся онъ, поведетъ его къ новымъ открытіямъ. Навѣрно, думалъ онъ, за Бойчо Огняновымъ скрывается другое лицо, и это не безъ причины. Онъ дружитъ съ Соколовымъ, который давно уже извѣстенъ за безпокойнаго человѣка. Навѣрное, эти два человѣка что-то замышляютъ, до что именно? Разумѣется, дѣло не чисто. Отправляясь отъ одного соображенія къ другому, Стефчовъ инстинктивно почувствовалъ, что Огняновъ не чуждъ и таинственному приключенію на Петкáнчевой улицѣ; какъ разъ въ это время появился въ городѣ Огняновъ, какъ разъ со времени появленія Огнянова стало замѣтнымъ усиленное броженіе умовъ. Киріакъ рѣшилъ во что бы то ни стало проникнуть въ тайны, скрывающіяся за Огняновымъ, и отдался этому дѣлу со всѣмъ упорствомъ и страстностью злой и завистливой души... Новыя обстоятельства пришли скоро на помощь Стефчову въ его подземной борьбѣ съ Огняновымъ.

XIX.

Тревога.

Тучи сходились надъ головой Огнянова. Но онъ почти ничего не подозрѣвалъ. Шестимѣсячное безмятежное пребываніе въ Бѣлой-Церкви усилило его самоувѣренность до легкомыслія. Поглощенный всецѣло заботами совсѣмъ другого рода, онъ не находилъ времени думать о такой мелочи, какъ личная безопасность. Изъ всѣхъ чувствъ, чувство страха было менѣе всего развито у него.

Впрочемъ, теперь онъ не былъ совершенно спокоенъ и, выходя изъ кофейни, сказалъ доктору:

— А какъ ты думаешь, въ угрозахъ Стефчова есть что-либо серьезное?

— Стефчовъ имѣетъ зубъ на тебя, и если бы этотъ мерзавецъ могъ причинить зло, онъ бы сдѣлалъ это до сихъ поръ. Онъ не удовольствовался бы сатирой.

— А этотъ Мунчо, что значитъ эта комедія? Я начинаю безпокоиться.

Докторъ засмѣялся.

— Не превращайся въ ребенка.

— Да, это не заслуживаетъ вниманія, но Стефчовъ, Стефчовъ! не знаетъ ли онъ чего-либо про меня?

— Какъ можетъ онъ знать? Вѣрно, хаджи Ровоама пустила новый слухъ про насъ. Ты знаешь, эта сплетница не можетъ прожить часа, чтобъ не выдумать чего-либо.

— Нѣтъ, это опасная вѣдьма, она можетъ почуять тамъ, гдѣ другой долженъ видѣть и слышать. Она и наставляетъ Стефчова, какъ она же тиранитъ Раду...

— Э, да она же про тебя пустила слухъ, что ты шпіонъ, помнишь? Говорю тебѣ, что — просто болтушка.

— Но она же про тебя распустила слухъ—вѣрный... Да, ты знаешь-ли? Стефчовъ устраиваетъ утромъ помолвки.

Лицо доктора измѣнилось.

— Съ Лалкой?

— Съ ней.

— Откуда ты знаешь?

— Отъ Рады узналъ... хаджи Ровоама—свахой, конечно. А сваты—хаджи Сміонъ, этотъ вездѣсущій хамелеонъ, и Алафранга.

Докторъ не могъ скрыть волненія. Онъ ускорилъ шаги, Огняновъ посмотрѣлъ на него удивленный.

— Ты мнѣ не говорилъ, докторъ, что сердце твое не свободно?

— Я люблю Лалу,—мрачно отвѣтилъ Соколовъ.

— И она знаетъ?

— Она меня тоже любитъ... или, вѣрнѣе, я ей нравлюсь болѣе Стефчова. Только я не вѣрю, чтобы чувство ея было глубоко. И невольная краска залила лицо Соколова.

— Къ твоему счастію, или къ несчастію, оно глубже, чѣмъ ты думаешь,—мнѣ это хорошо извѣстно,—сказалъ Огняновъ, глядя сочувственно на доктора.

— Откуда-жъ ты знаешь?—спросилъ докторъ, еще болѣе краснѣя.

— Отъ Рады; ты знаешь, онѣ дружатъ. Лалка ей говоритъ все, что у нея на душѣ. Ты не можешь себѣ представить, сколько слезъ она пролила, когда тебя отвезли въ Карлово, и какъ сильна была ея радость, когда тебя освободили. Рада все это видѣла.

— Невинное дитя,—сказалъ докторъ глухо,—ее погубятъ, если отдадутъ за этого...

— Почему ты ее не сваталъ до сихъ поръ?—спросилъ участливо Огняновъ.

Докторъ посмотрѣлъ на него удивленно.

— Да развѣ ты не знаешь, что ея отецъ и на глаза меня не пускаетъ?

— Тогда похить ее!

— Теперь? Когда мы готовимъ возстаніе? Оно можетъ вспыхнуть года черезъ два, но вѣдь можетъ и завтра, кто знаетъ? Въ такія смутныя времена мнѣ и мысль не приходитъ въ голову о женитьбѣ... да и грѣшно было бы увлечь эту дѣвушку въ пропасть...

— Твоя правда,—задумчиво проговорилъ Огняновъ;—это же соображеніе и мнѣ мѣшаетъ повѣнчаться съ Радой; иначе, я-бъ ее избавилъ, эту прелестную сироту, отъ цѣлой массы мученій и сдѣлалъ бы ее счастливой... она заслуживаетъ счастье—прелестное сердце, братъ мой! А теперь она убивается и связала судьбу свою съ моей... Бѣдная!

Облако прошло по лицу Огнянова. Муки доктора о судьбѣ Лалки вызывали въ немъ сильное участіе.

— Я вызову эту проказу на дуэль! Нужно его убить!.. Иначе, онъ убьетъ другихъ!—разгорячился внезапно Огняновъ.

*

Оба друга имѣли мрачный видъ. Огняновъ остановился.

— Хочешь, я пойду и дамъ ему пощечину посреди кофейни?

— Онъ ее проглотитъ, какъ и прежнія... Это человѣкъ нахальный... Потомъ, это ни къ чему не приведетъ...

— Она его опозоритъ.

— Пощечина не позоритъ въ глазахъ Юрдана Діамандія.

— Но въ глазахъ дѣвушки, она почувствуетъ.

— Лалку не спросятъ, притомъ она благоговѣетъ передъ волей отца,— отвѣтилъ докторъ меланхолически и протянулъ свою руку.

— Уходишь? Но вечеромъ мы пойдемъ къ попу Ставрѣ?

— Нѣтъ, мнѣ не хочется, иди одинъ.

— Нѣтъ, мы должны пойти оба. Мы дали слово. Попъ Ставря не Богъ вѣсть, что за голова, но сердце у него честное... Да и, можетъ, мы что и придумаемъ.

— Ладно, буду ждать тебя.

И пріятели разошлись.

Огняновъ пошелъ въ училище. Въ училищной комнатѣ онъ нашелъ одного только Мердвенджіева, глубоко погруженнаго въ чтеніе какой-то турецкой книги. Огняновъ съ нимъ не поздоровался. Онъ чувствовалъ съ самаго начала какое то отвращеніе къ этому человѣку съ пѣсенникомъ въ одной рукѣ и турецкой грамматикой въ другой. Письмо его къ Радѣ еще усилило это чувство, какъ и его заискиваніе передъ Стефчовымъ. Огняновъ возбужденно ходилъ по комнатѣ, пуская большими клубами дымъ изъ папиросы, поглощенный недавнимъ разговоромъ съ докторомъ, и не обращая ни малѣйшаго вниманія на пѣвца; но вотъ онъ увидѣлъ на столѣ новый номеръ газеты «Дунай», единственный экземпляръ, получавшійся Мердвенджіевымъ отъ его турецкихъ покровителей.

Онъ бросилъ разсѣянный взглядъ на болгарскую половину газеты и ужъ хотѣлъ уйти, но вдругъ жирный шрифтъ остановилъ его вниманіе. Едва сдерживая волненіе, онъ прочиталъ слѣдующее:

«*Бѣгство арестанта изъ Діарбекирской крѣпости*: Иванъ Краличъ, изъ города Видина, Дунайской области, 28 лѣтъ, высокаго роста, съ черными глазами, вьющимися волосами, смуглымъ цвѣтомъ лица, за участіе въ безпорядкахъ 1868 года былъ осужденъ на вѣчное заточеніе въ Діарбекирской крѣпости и бѣжалъ изъ нея въ мартѣ мѣсяцѣ настоящаго года; нынѣ онъ укрывается въ державѣ его султанскаго величества; разыскивается властями, которыя и дали эти указанія о бѣглецѣ. Вѣрные подданные падишаха обязаны, слѣдовательно, подъ страхомъ строгаго наказанія за ослушаніе, указать или выдать упомянутаго бѣглаго преступника, если они его узнаютъ, законной власти, дабы онъ принялъ достойное наказаніе по справедливымъ императорскимъ законамъ».

При всемъ усиліи воли, Огняновъ не могъ сохранить хладнокровія: лицо его измѣнилось, губы поблѣднѣли. Слишкомъ неожиданно было то, что онъ прочиталъ. Онъ бросилъ быстрый взглядъ на пѣвца. Мердвенджіевъ сидѣлъ надъ книгами въ прежнемъ неподвижномъ положеніи. Повидимому, онъ не замѣтилъ волненія Огнянова, и врядъ ли обратилъ вниманіе на статейку, которая сама по себѣ не представляла интереса. Мало-по-малу Огняновъ вернулъ обычное хладнокровіе. Его первая мысль была—уничтожить этотъ опасный документъ. Онъ преодолѣлъ свое отвращеніе къ пѣвцу и заговорилъ съ нимъ.

— Бай Мердвенджіевъ,—сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ,—читали вы этотъ нумеръ? Дайте его мнѣ, я его просмотрю у себя дома. Хроника его очень интересна.

— Не читалъ, но можете его взять,—отвѣтилъ пѣвецъ лѣниво и снова углубился въ свое чтеніе.

Огняновъ ушелъ съ зловѣщимъ «Дунаемъ» въ карманѣ—единственнымъ экземпляромъ, который получался въ Бѣлой-Церкви.

XX.

Козни.

Киріакъ Стефчовъ сегодня, въ кофейнѣ, оставилъ поле битвы съ тѣмъ лишь, чтобы вернуться снова и броситься на противника съ болѣе дѣйствительнымъ оружіемъ въ рукахъ.

Страшная ненависть къ этому человѣку заглушила въ душѣ его тѣ немногіе остатки честности, какіе уцѣлѣли до сихъ поръ въ борьбѣ съ его низменными инстинктами. Мысль о предательствѣ засѣла въ его головѣ. У него были и нѣкоторыя данныя, чтобы сдѣлать предательство дѣйствительнымъ. Мелкія интриги и клеветы, которыя онъ распускалъ про Огнянова, не помогли; напротивъ, Огняновъ уничтожилъ ихъ побѣдоносно и еще болѣе выросъ въ общественномъ мнѣніи. Въ послѣднемъ Киріака особенно убѣдило заступничество публики во время представленія «Геновевы». Будь это Михалаки Алафранка, онъ бы совершилъ предательство съ спокойной совѣстью, видя въ этомъ хорошее дѣло. Но Киріакъ, не смотря на все коварство души, чувствовалъ еще гнусность этого поступка, но не имѣлъ силы воздержаться отъ него. Бѣшенная жажда мести сжигала его. Онъ рѣшилъ это сдѣлать, но такъ, чтобы концы были спрятаны въ воду...

— Да, этотъ бродяга не называется Огняновъ, и онъ не изъ Лозенграда,—это во-первыхъ; во-вторыхъ, за нимъ гнались на Петканчевой улицѣ, и бунтовскія книги были его... Докторъ Соколовъ дѣйствительно былъ въ это время у беевой жены... Правду говоритъ хаджи Ровоама... мнѣ кое-что объ этомъ намекнулъ и полицейскій Филю... Это она подмѣнила книжки... Какимъ образомъ—не знаю...Въ-третьихъ, но это мы скоро узнаемъ... Самое страшное для него—отправить его не въ Діарбекиръ, а на висѣлицу... Я сокрушу этого недотрогу!

Онъ шелъ по направленію женскаго монастыря, гдѣ онъ назначилъ свиданіе съ Мердвенджіевымъ.

— Ты права была,—сказалъ онъ хаджи Ровоамѣ, входя къ ней.

— Господь да благословитъ тебя, Киріакъ, а я ужъ думала, что промахнулась немного, — отвѣтила она шутливо, не разобравъ хорошенько, о чемъ онъ говоритъ.—Кто это гонитъ тебя, что ты пыхтишь, какъ мѣха?

— Я только-что поссорился съ Огняновымъ...

— Этотъ проклятый парень вскружилъ голову нашей легкомысленной Радѣ...—зашипѣла монашка,—далъ ей какія-то бунтовскія пѣсни заучить. Это истинная проказа! Теперь и старый, и малый распѣваютъ эти пѣсни... Того и гляди, огонь охватитъ весь свѣтъ. Одни собираютъ, трудятся, какъ муравьи, цѣлый вѣкъ, а другіе превращаютъ въ прахъ и пепелъ... И это люди! Это—головорѣзы... и наша Рада туда же! Святая Богородица! Вотъ и въ ту ночь, какія гнусныя вещи пѣлись въ театрѣ; турецкія власти спятъ, что-ли?

— Я поссорился сильно съ Огняновымъ и рѣшилъ его уничтожить, во что бы то ни стало,—проговорилъ сердито Стефчовъ, но, вспомнивъ, что неблагоразумно довѣряться болтливой монашкѣ, прибавилъ:—То-есть, поли-

ція изслѣдуетъ и найдетъ... Только, молчаніе!

— Да развѣ ты меня не знаешь...

— Знаю, потому и говорю: молчаніе.

Въ это время послышались шаги снаружи. Стефчовъ посмотрѣлъ въ окошко и радостно воскликнулъ:

— Мердвенджіевъ идетъ! Ну что?— спросилъ онъ пѣвца.

— Мышка въ ловушкѣ,— отвѣтилъ Мердвенджіевъ.

— Какъ? Что онъ?

— Поблѣднѣлъ, позеленѣлъ, задрожалъ... Это онъ!

— А что онъ говорилъ?

— Просилъ меня дать почитать. Это въ первый разъ, до этого онъ всегда пренебрегалъ и газетой, и мной.

Стефчовъ выпрямился и захлопалъ въ ладоши.

— Что такое?—спросила хаджи Ровоама въ недоумѣніи.

— И онъ не подозрѣваетъ опасноности?—спросилъ Стефчовъ.

— Ни мало... Я притворился, что читаю, ничего не вижу, и видѣлъ все: медвѣдь спитъ, а ухо его насторожѣ,— добавилъ гордо Мердвенджіевъ.

— Браво, настоящій Мердевенъ! И сатира мастерски написана. Славный редакторъ!

— Только не оставьте меня и дальше... Ты похлопочи о мѣстѣ, которое освободится.

— Будь спокоенъ.

Пѣвецъ поблагодарилъ его рукой, по турецки.

— Я думаю и этого Попова подкузьмить... смотритъ на тебя, какъ волкъ, и навѣрное, онъ изъ стаи Кралича.

— Что это за Краличъ?—спросила снова хаджи Ровоама, удивленная, что она чего-либо не знаетъ.

Стефчовъ, не отвѣчая ей, разсѣянно смотрѣлъ въ окно, поглощенный своими думами.

— А ты знаешь? Вчера училищный совѣтъ собирался, — отозвался Мердвенджіевъ.

— Кто же былъ?

— Всѣ были... Михалаки предлагалъ его исключить. Но другіе защитили. Болѣе всѣхъ Марко Ивановъ... Рѣшили сдѣлать ему только замѣчаніе за пѣсню. Ничего, словомъ, не вышло.

— Бай Марко влюбился въ этого Кралича, но онъ когда-нибудь за это горько расплатится... И чего суется этотъ простакъ! Ну, а Мичу?

— Бай Мичу тоже за Огнянова.

— Ну, понятно... воронъ ворону глазъ не выклюетъ; и Мичу, куда только ни зайдетъ, тамъ и ругаетъ правительство, какъ Марко.

— Повадился горшокъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить,— проговорила хаджи Ровоама.

— А Григоръ? А Пенковъ?

— И тѣ того же поля ягоды.

— Пусть меня черти возьмутъ, если я не закрою ихъ училища... если одни филины и пугачи не будутъ тамъ жить!—крикнулъ яростно Стефчовъ, быстро бѣгая по кельѣ взадъ и впередъ.

— Такъ, такъ, свяжи попа, чтобы приходъ усмирился! Изъ этого училища выходятъ всѣ развратныя, бунтовщическія пѣсни, — отозвалась монашка;—но кто же этотъ Краличъ, Киріакъ?

— Краличъ? королекъ, будущій королекъ Болгаріи,—отвѣтилъ онъ иронически.

Мердвенджіевъ взялъ шапку и отворилъ дверь.

— Такъ не забывай о моемъ дѣлѣ, Киріакъ,—сказалъ онъ просящимъ голосомъ. Бѣдный пѣвецъ думалъ, что дѣло идетъ просто объ исключеніи Огнянова, мѣсто котораго его искушало.

— Это вопросъ рѣшенный...

Стефчовъ остался одинъ съ монашкой, чтобы потолковать о другомъ важномъ дѣлѣ: о своемъ сватовствѣ Лалки... Когда стемнѣло, онъ направился въ конакъ.

Въ Пиперкотовой улицѣ онъ встрѣтилъ Михалаки Алафранга.

— Куда?—спросилъ его тотъ.

— Ты знаешь? «Дунай» сорвалъ маску съ Огнянова: онъ весь обрисованъ тамъ! Онъ бѣглецъ изъ Діарбекира и его ищутъ повсюду... Я готовъ поклясться, что это онъ... И имя его другое...

— Что-жъ ты думаешь, Киріакъ? Это — опасный человѣкъ, онъ погубитъ и невинныхъ людей... Я еще вчера предлагалъ прогнать его, онъ для насъ не годится. Куда-жъ ты? Объяви объ этомъ бею, чтобъ онъ принялъ мѣры...

— Это не мое дѣло, у меня и газеты нѣтъ, она у Мердвенджіева и Мердвенжіевъ знаетъ... — отвѣтилъ Стефчовъ; онъ хотѣлъ остаться въ сторонѣ отъ подозрѣній въ предательствѣ и коварно бросалъ тѣнь на Мердвенджіева, съ умысломъ упоминая его имя.

— Заяви, заяви, ты окажешь большую услугу населенію, — повторилъ Михалаки совсѣмъ просто и естественно, какъ будто онъ посылалъ Стефчова на базаръ купить рыбу.— Да, а мы завтра съ хаджи идемъ къ дѣду Юрдану... Я ужъ теперь тебя поздравляю... Узелъ завязанъ. И Михалаки стиснулъ его руку.

— Мерси, мерси.

Стемнѣло уже совершенно. Стефчовъ и Михалаки пошептались еще нѣкоторое время въ темнотѣ и разошлись.

Стефчовъ тронулся впередъ, напѣвая свою любимую турецкую пѣсенку. Онъ шелъ въ конакъ.

XXI.

Въ гостяхъ у попа Ставри.

Вечеръ былъ прекрасный, когда Соколовъ и Огняновъ отправились къ попу Ставри въ гости.

Попъ Ставри жилъ почти на краю города. Оба пріятеля молча прошли нѣсколько темныхъ улицъ. Они оба были погружены въ свои думы. Огняновъ уничтожилъ газету «Дунай», и потому нѣсколько успокоился. Онъ вторично видѣлъ Мердвенджіева и снова не замѣтилъ на его лицѣ ничего подозрительнаго. Однако, небольшое облако сомнѣнія смущало еще его душу. Докторъ, конечно, былъ озабоченъ не менѣе его.

Движеніе уменьшалось по мѣрѣ того, какъ они удалялись отъ центра города. Тѣсныя, кривыя улицы становились глухими и безлюдными. Только лай собакъ увеличивался.

— Ба, что это тамъ?—спросилъ докторъ, указывая на человѣческую тѣнь, прятавшуюся за стѣной. Въ тотъ же мигъ неизвѣстный духъ бросился бѣжать.

— Испугался этотъ господинъ! Дай-ка догонимъ его и спросимъ, почему онъ не хочетъ поздороваться съ нами,—сказалъ Огняновъ и бросился въ догонку.

Докторъ, занятый своими думами, не былъ расположенъ къ такому упражненію, однако и онъ побѣжалъ за Огняновымъ.

Незнакомецъ бѣжалъ быстро. Повидимому, это былъ недобрый человѣкъ, или же онъ думалъ, что за нимъ бѣгутъ недобрые люди. Онъ скоро опередилъ своихъ преслѣдователей, потому что, если смѣлость даетъ крылья плечамъ, страхъ даетъ ихъ ногамъ. Скоро друзья увидѣли, что они гонятся за вѣтромъ. Неизвѣстный юркнулъ въ какую-то калитку и ничего болѣе не было слышно. Оба пріятеля засмѣялись.

— Зачѣмъ мы гонимся за этимъ бѣднымъ человѣкомъ?—спросилъ докторъ.

— Я думалъ, это какой - нибудь агентъ Стефчова... они по вечерамъ разбрасываютъ сатиры. Вотъ мнѣ и хотѣлось поймать его съ поличнымъ.

Соколовъ снова погрузился въ думы.

— Куда жъ ты, докторъ? Вѣдь это домъ попа,—крикнулъ ему Огняновъ и постучалъ въ ворота.

Разсѣянный докторъ вернулся назадъ.

Ворота отворились и въ нихъ обрисовалась темная фигура попа Ставри.

— Толците и отвéрзется ва́мъ! Входите! Докторъ! Графъ! — привѣтствовалъ ихъ весело попъ Ставри.

Какъ мы уже говорили, за Огняновымъ такъ и осталось званіе графа; только бей называлъ его консуломъ. Сочувствіе, которое супругъ Геновевы возбудилъ въ театрѣ, осталось за нимъ и послѣ представленія. Дѣти провожали его на улицахъ крикомъ «графъ! графъ!» и бѣжали къ нему, чтобы онъ погладилъ ихъ по головѣ. Дѣдъ попъ, который вначалѣ былъ противъ Огнянова, послѣ представленія рѣшительно сталъ на его сторону.

Изъ комнаты наверху раздавались звуки флейты. Когда попъ ввелъ туда гостей, тамъ уже было много народу. Между прочими вошедшіе замѣтили и Кандова, и Николая Нетковича, и Слѣпаго. Ганчо, сынъ дѣда Ставри и товарищъ Бойча, принесъ еще водки и особый родъ закуски—*мезе*, приготовленной изъ зеленыхъ овощей, нарѣзанныхъ и политыхъ деревяннымъ масломъ и посыпанныхъ густо краснымъ перцемъ. Флейта умолкла.

— Колчо,—отозвался Николай Нетковичъ,—сыграй намъ.

Колчо снова подхватилъ и сыгралъ съ большимъ успѣхомъ нѣсколько европейскихъ мотивовъ.

— Эй, давайте-ка водочки и мезенца, чтобы поправить голосъ смычка; вы забывате меня,—сказалъ онъ, прекративъ игру.

— Хорошо дѣлаешь, Колчо! кто проситъ, тотъ хорошо себя носитъ,—сказалъ попъ.

Огняновъ налилъ и молча подалъ ему.

Тотъ ощупалъ его руку и сказалъ:

— Бай Огняновъ, ты ли? Благодарю... другіе тебя называютъ графомъ, но, вслѣдствіе одной незначительной причины, я не могъ тебя видѣть въ театрѣ графомъ.

Гости, усмѣхаясь переглянулись.

— Бай Колчо, спой нашъ монашескій тропарь,—попросилъ его Огняновъ.

Колчо принялъ торжественный видъ, откашлялся и запѣлъ, подражая старому церковному псаломщику, хаджи Аѳанасію:

— Благослови Господи, праведницъ твоихъ: Госпожу Серафиму и кроткую Херувиму; чернолицую Софію и бѣлую Рипсилію; дебелую Магдалину и сухопарую Ирину; госпожу Параскеву—незлобивую дѣву, и хаджи Ровоаму—безгрѣшную мадаму...

Колчо перечислилъ до конца всѣхъ монашекъ, придавая эпитеты, какъ разъ обратные ихъ истиньымъ достоинствамъ.

Компанія заливалась хохотомъ.

— Айда, айда, садитесь-ка за столъ! И не стыдно смѣяться надъ божьими женами?—крикнула шутливо попадья.

Всѣ усѣлись за ужинъ.

Дѣдъ попъ благословилъ трапезу и гости принялись отдавагь ей подобающую честь; только Соколовъ ѣлъ разсѣянно. Передъ дѣдомъ попомъ стояла исполинская бутылка съ янтарнымъ виномъ, и онъ разливалъ эту благодать направо и налѣво.

— Вино веселитъ сердце человѣка и тѣло укрѣпляетъ,—говорилъ онъ, наливая по порядку чаши. — Графъ, пей!—Николчо, потягивай хорошенько!—Кандовъ, дуй, ты русскій человѣкъ!—Докторъ, хвати ка побольше, это не лѣкарство, а даръ божій. — Колчо, двинь-ка, двинь, сынъ мой,

а послѣ споешь намъ румынскую: «Лино, Лино, выйди ко мнѣ...»

Такой оригинальной командой развеселившійся дѣдъ попъ утолялъ и возбуждалъ снова жажду гостей, и чаши встрѣчались, перекрещивались, чокались и танцовали кругомъ стола.

Послѣ ужина и разговоры стали одушевленнѣе и разнообразнѣе. Говорили, понятно, о Геновевѣ, и о «свистѣ» Стефчова, котораго дѣдъ попъ оцѣнилъ безъ всякихъ стѣсненій. Огняновъ искусно перенесъ разговоръ на болѣе безобидную почву и, между прочимъ, заговорилъ о достоинствѣ разныхъ винъ. Дѣдъ попъ попалъ въ свою стихію и перечислилъ достоинства всѣхъ винъ. Вино пиклиндолское онъ находилъ наилучшимъ изъ шампанскихъ.

— Оно грѣетъ, какъ солнце, свѣтитъ, какъ золото, горитъ, какъ янтарь, рѣжетъ, какъ бритва. Отъ этого вина помолодѣлъ бы пророкъ Давидъ... Десять капель этого вина дѣлаютъ человѣка философомъ, пятьдесятъ— царемъ, сто капель—святымъ!—разглагольствовалъ попъ Ставри съ такой восторженностью, что у самаго левантскаго постника потекли бы слюнки изо рта.

Скоро разговоръ сдѣлался общимъ. Неожиданно съ улицы послышалась веселая пѣснь. Какой-то хлопецъ распѣвалъ во все горло:

«А кто купитъ амулеты
«Красной Милкѣ Тудуркиной,
«Амулеты—серебрянны?

«Купитъ мнѣ ихъ Киріакъ,—
«Буду ихъ всегда носить я,
«А онъ будетъ любоваться!

«А кто купитъ бѣлу юбку
«Красной Милкѣ Тудуркиной.
«Юбку бѣлу—атласную?

«Купитъ мнѣ ее Киріакъ,—
«Буду все ее носить я,
«А онъ будетъ любоваться!..»

Пѣсня затихала и, наконецъ, заглохла въ ближайшей улицѣ. Но она вызвала общій разговоръ о Милкѣ Турдуркиной, ближайшей сосѣдкѣ попа Ставри. Милка была красивая, но легкомысленная дѣвушка, о которой ходило по городу не мало исторій и слава о ней росла съ каждымъ днемъ. Скоро стали распѣвать и новую пѣсню о похожденіяхъ Милки. Почтенные отцы этой части города переполошились за своихъ дочерей: дурной примѣръ заразителенъ. Совѣтовали ея родителямъ обвѣнчать ее съ Рачко Лиловымъ Бакирджичемъ, который отъ нея былъ безъ ума. Но родители послѣдняго не соглашались на этотъ бракъ. Кто отдастъ своего сына за безпутную?

— Но почему Лило Бакирджичъ и слышать не хочетъ о ней?—сказала попадья, — на комъ же онъ хочетъ женить своего комара Рачу? На дочкѣ чорбаджія или боярина? Милка— дѣвка молодая, красивая... Ну, согрѣшила, по глупости, такъ вѣдь не всегда же она глупой останется! Съ годами и умъ приходитъ... Ужъ если любятъ другъ друга, пусть и поженятся... Пусть и живутъ себѣ полюбовно, какъ Господь далъ. Развѣ лучше, какъ теперь?

— Да и парень-то глупый, и его не оставляютъ въ мирѣ отъ искушенія лукавыхъ, — подхватилъ дѣдъ попъ;—гдѣ бродяги соберутся, тамъ про него и рѣчь, что пѣсня, то про него... Что жъ подѣлаешъ? Люди изъ одного дѣлаютъ сто, изъ мухи—слона! Да и Милка Тудуричина—она тоже ославлена! Я и сказалъ ея батькѣ, чтобы схватилъ его, какъ придетъ къ дѣвкѣ, да и скрутилъ ихъ, и дѣло кончено. Послѣ вѣнца все забывается.

— А говорили прежде, что сынъ чорбаджія Стефчова хочетъ ее взять?— замѣтила одна; — тогда и дѣвушка была еще честная.

— Да сколькихъ ей не прочили!.. А вышла только дурная слава,—отозвалась другая.

— А знаете, Стефчовъ Киріакъ

завтра свататься хочетъ за Лалку Юрданову?—замѣтила третья.

Эти слова причинили доктору острую боль.

— Да извѣстно, что у Стефчова глаза жадные... — сказалъ попъ Ставри.

— А Милка, ей нравится Рачко? спросилъ Огняновъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Да какъ вамъ сказать? ходитъ же тайкомъ къ дѣвкѣ, значитъ нравится... Къ чему тянуть: окрутить ихъ, и люди замолчатъ. Боже Іисусе Христе... согрѣшили мы мірскими соблазнами... А завтра св. Андрей. Ганчо, налей-ка по чашѣ изъ Долнерѣчинскаго, надо всполоснуть горло, а то пересохло... Анко, Михалче, ступайте спать, вы еще малые ребята....

Дверь отворилась вдругъ и вошелъ Ганчо.

— Тамъ у Милкиныхъ страшный шумъ,—сказалъ онъ.

— Какой шумъ?

— Не знаю хорошенько, — отвѣтилъ Ганчо, заикаясь, — но мнѣ кажется, тамъ Лиловъ затворенъ. Цѣлая толпа собралась.

— Если это Рачко, посмотримъ, что выйдетъ,—сказалъ дѣдъ попъ.— Айда, дѣтки, пойдемъ... можетъ, вашъ дѣдъ попъ и понадобится тамъ... Безъ поповскаго благословенія ничего не выйдетъ...

Всѣ вышли.

XXII.

Другой попадается въ ловушку.

Милка Тудуричина жила вблизи дома попа Ставри. Въ тѣсномъ дворѣ, у лѣстницы, шумѣло нѣсколько десятковъ голосовъ. Сутолока возрастала съ каждой минутой. Новые любопытные сосѣди увеличивали толпу, въ которой блестѣло два-три фонаря. Отецъ Милки кричалъ; мать голосила и металась съ мѣста на мѣсто, какъ перепуганная курица. Скоро прибѣжалъ и отецъ Рачка, растолкалъ толпу и ринулся къ двери, чтобы выручить оттуда своего сына... Но нѣсколько сильныхъ рукъ его оттолкнули назадъ.

— Что это за толкотня тамъ, други,—кричалъ онъ и снова бросался къ двери.

— Бай Лило, стой смирно,—крикнулъ ему кто-то,—не видишь, какое дѣло?

— Дитя мое!—пищала Лиловица,— я не отдамъ своего сына за такую!— и она бросалась на тѣхъ, которые ее удерживали.

— Что же вы съ нимъ сдѣлаете? Повѣсите его? Убилъ онъ кого?—И снова, растрепанная и обезумѣвшая, она кидалась къ двери.

— Мы обвѣнчаемъ его, какъ и слѣдуетъ.

— Не хочу я такой невѣстки!

— Сынъ твой ее хочетъ,—его мы и поженимъ.

Мать не знала, что предпринять. Она чувствовала, что ничего не въ силахъ противъ этого общественнаго суда.

Она начала голосить и причитать: «Зарѣзали мое дитя! Погубили жизнь мою!.. Чтобъ чума подкосила ту, которая приворожила сына моего!»

Суматоха росла вмѣстѣ съ толпой. Посреди всеобщаго гвалта слышались нѣкоторые, болѣе громкіе голоса, и всѣ они кричали разное:

— Подъ вѣнецъ! Подъ вѣнецъ! Черезъ три дня все забудется!—кричалъ одинъ.

— А вотъ жандармъ идетъ!—крикнули.

Шерифъ-ага и двое полицейскихъ растолкали полпу.

— Теперь, обвѣнчаемъ ихъ,—заревѣлъ кто-то.

— Послали ли за попомъ?—спросилъ Генчо Стояновъ.

— Здѣсь я!—отозвался дѣдъ попъ Ставри и протолкался со своими гостями впередъ.—Не хлопочите, дѣдъ попъ знаетъ христіанскій законъ... Ганчо, пойди, принеси мнѣ патрихиль и требникъ.

Въ это время дверь была отперта.

— Выходите!—крикнулъ жандармъ.

— Милке, Рачко! выходите! — крикнули и другіе. Толпа окружила жандарма. Всѣ старались увидѣть парня и дѣвушку, какъ будто они ихъ ни разу раньше не видѣли. Фонари были подняты надъ головами и хорошо освѣщали отворенную дверь. Первая показалась Милка. Глаза ея были опущены въ землю. Она совершенно растерялась и ничего не отвѣчала своей матери, которая голосила что-то неудобопонятное. Но вдругъ она подняла глаза и посмотрѣла удивленно и испуганно. Милка казалась теперь еще прекраснѣе и она привлекла на свою сторону сердитыхъ сосѣдей. Молодость и красота обезоруживаютъ быстро озлобленіе толпы. На многихъ лицахъ можно было прочитать прощеніе.

— Славная будетъ женка! — проговорилъ кто-то.

— Ужъ какой будетъ, такой и будетъ... лишь бы они счастливо жили,—сказалъ Нисторъ Фрыкалце.

Попъ Ставри стоялъ впереди со своими гостями, изъ коихъ нѣкоторые не видѣли еще дѣвушки.

— Рачко, выходи и ты! — крикнулъ дѣдъ попъ, заглядывая черезъ дверь въ темную комнату.

— Не стыдись, хлопче, вылѣзай,—сказалъ другой,—ужъ мы все тебѣ простимъ, да еще дѣдъ попъ васъ благословитъ на вѣки вѣковъ.

Парень не выходилъ.

— Онъ внутри? Почему онъ не выходитъ?—спросилъ попъ Милку.

Она утвердительно кивнула головой и удивленно посмотрѣла на дверь.

Жандарма начало разбирать нетерпѣніе:—Вылѣзай!—Другіе тоже звали Рачку. Толпа приблизилась къ двери. Любопытство расло. Но никто не появлялся.

Тогда жандармъ вошелъ въ комнату, а толпа хлынула за нимъ. Въ углу стоялъ парень—неподвижный.

Но это не былъ Рачко Бакирджійче.

То былъ Стефчовъ.

Всѣ оторопѣли. Жандармъ отступилъ назадъ. Онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ. Не вѣрили своимъ глазамъ и другіе. Попъ Ставри опустилъ патрихиль; товарищи его переглядывались въ изумленіи. Соколовъ вперилъ злобный, торжествующій взглядъ въ своего соперника; злорадная улыбка была на лицѣ его; онъ съ наслажденіемъ созерцалъ зрѣлище этого сокрушающаго позора. Стефчовъ, убитый, посрамленный, уничтоженный, не походилъ на самого себя. Онъ озирался боязливо. «Стефчовъ, Стефчовъ, Стефчовъ!» разносилось шепотомъ его имя кругомъ. Онъ снова оглянулся, будто искалъ, гдѣ ему укрыться, или какъ бы скорѣе провалиться сквозь землю!..

Какъ онъ попалъ туда? По роковому стеченію обстоятельствъ.

Разставшись, въ этотъ вечеръ, съ Михалаки, онъ продолжалъ свой путь въ конакъ. Но когда онъ дошелъ до дверей его, онъ остановился въ нерѣшительности. Какъ ни была черна и ожесточенна его душа, патріотизмъ болгарина заговорилъ въ немъ и запротестовалъ. Онъ устрашился своего поступка и рѣшилъ отложить его до утра: утро вечера мудренѣе. Онъ пошелъ къ одному родственнику, который жилъ на краю города, но не засталъ его и пошелъ обратно. Именно въ это время ему на встрѣчу шли докторъ и Огняновъ, направлявшіеся къ попу Ставри. Стефчовъ

узналъ ихъ и, боясь встрѣчи въ глухой улицѣ, бросился назадъ. Когда же онъ услыхалъ за собой погоню, онъ въ безумномъ страхѣ пустился бѣжать, что есть мочи. Достигнувъ знакомой калитки двора Милки, онъ безсознательно бросился туда и спрятался въ густой травѣ во дворѣ. Когда шумъ снаружи стихъ, онъ собрался уже выйти изъ своего убѣжища. Но въ это время черезъ дворъ прошла какая-то женская фигура и и поднялась по лѣстницѣ. Стефчовъ по походкѣ узналъ Милку. Онъ когда-то увлекъ Милку первый, и потомъ бросилъ ее. Теперь Стефчовъ съ безпокойствомъ вспомнилъ, что у Милки имѣются нѣсколько его писемъ, при помощи которыхъ она сможетъ отомстить ему, когда узнаетъ о его помолвкѣ. Какой-нибудь врагъ его можетъ легко настроить раздраженную дѣвушку. И онъ рѣшилъ выманить у нея эти письма, если удастся, въ этотъ же вечеръ. Онъ тихонько подошелъ къ двери и вошелъ къ дѣвушкѣ.

Это было подмѣчено отчимомъ Милки, который подстерегалъ Рачо, чтобы поступить съ нимъ по совѣту сосѣдей. Въ темнотѣ онъ принялъ Стефчова за Рачо, и заперъ его вмѣстѣ съ Милкой. Затѣмъ онъ побѣжалъ сзывать ближнихъ сосѣдей, и поднялась уже извѣстная суматоха.

. . . .

Жандармъ скоро сообразилъ, какъ поступить.

— Эй, разступитесь, я допрошу господина въ полиціи!—крикнулъ онъ сурово толпѣ. Толпа зашумѣла.

— Не надо, не надо въ полицію! Тутъ все сдѣлаемъ, что нужно! — крикнулъ кто-то сзади, не разобравъ, вѣроятно, что вмѣсто Рачко схваченъ Стефчовъ.

— Да, это Стефчовъ! — сказали нѣкоторые.

— Стефчовъ?! Какъ?

Шумъ увеличивался.

— Что-жъ, если чорбаджійскій сынъ?—кричалъ кто-то;—и съ нимъ надо такъ же, какъ съ Рачо: у него нѣтъ особыхъ правъ!

— Все равно, повѣнчаемъ ихъ,— кричалъ другой.

Огняновъ тихо сказалъ жандарму:

— Шерифъ-ага,—отведи поскорѣе его милость, столько народу смотритъ... вѣдь тяжело.

Онъ забылъ врага своего и видѣлъ только жертву, подавленную позоромъ. Онъ не могъ выносить долѣе зрѣлища человѣческаго униженія.

Жандармъ посмотрѣлъ подозрительно на Огнянова.

— Оставь его, что тебѣ нужно? пусть краснѣетъ! — потянулъ его за рукавъ мстительный Соколовъ.

Стефчовъ только теперь замѣтилъ своихъ двухъ гонителей. Ему пришло въ голову, что они—творцы его позора; онъ замѣтилъ ихъ улыбки. Бѣшеный гнѣвъ закипѣлъ въ его душѣ, и взглядъ, который онъ бросилъ на нихъ, навѣрное устрашилъ бы ихъ, если-бы они его замѣтили...

Жандармъ взялъ за руку Стефчова и повелъ его.

— Дорогу,—крикнулъ онъ,—это не ваше дѣло... Вы искали здѣсь Бакирджійче. Посторонитесь, господа!

Толпа пропустила ихъ.

— Какъ это случилось? — спросилъ тихо, съ участіемъ Шерифъага.

— Огняновъ и Соколовъ предали меня,—шепнулъ Стефчовъ.

Толпа повалила за ними.

XXIII.

Два привидѣнія.

На другой день былъ праздникъ. Игуменъ Наѳанаилъ стоялъ въ церкви у аналоя и допѣвалъ свой тропарь. Кто-то до него дотронулся и онъ обернулся.

Передъ нимъ стоялъ Мунчо.

— Что тебѣ нужно, Мунчо? Ступай отсюда!—сказалъ онъ ему и принялся опять за свой тропарь.

Но Мунчо вторично и сильнѣе сдавилъ его локоть и не выпускалъ его. Онъ снова обернулся, разсерженный, и тогда замѣтилъ, что Мунчо сильно возбужденъ: глаза его блестѣли и выражали ужасъ, и все его тѣло трепетало.

— Что съ тобой, Мунчо?—строго спросилъ игуменъ.

Мунчо страшно завертѣлъ головой, еще больше выпучилъ свои глаза, надулся и съ усиліемъ проговорилъ:

— Ру-с-с-і-я-нъ... у-мель-ни-цѣ.. Т-ту-рр-ки! и, вмѣсто того, чтобы договорить свою мысль, онъ сталъ двигать рукой, какъ будто копалъ землю.

Игуменъ смотрѣлъ на него сначала съ недоумѣніемъ, потомъ, вдругъ, ужасная мысль мелькнула въ его головѣ. Мунчо, должно быть, знаетъ, что у мельницы закопаны турки; а такъ какъ онъ упомянулъ и Руссіана, то онъ, вѣроятно, знаетъ и всю тайну. Какъ! этого онъ не понялъ... Онъ сообразилъ только одно, что тайна уже извѣстна властямъ!

— Бойчо погибъ!—бормоталъ Наѳанаилъ въ отчаяніи; онъ забылъ и тропарь, и пѣніе, и не видѣлъ отца Гедеона, который стоялъ у противоположнаго аналоя и дѣлалъ ему отчаянные знаки головой и глазами, чтобы дать понять ему, что его очередь пришла пѣть.

Наѳанаилъ посмотрѣлъ на алтарь, гдѣ Викентій былъ занятъ литургіей, предоставилъ отцу Гедеону расправляться, какъ знаетъ, съ тропарями и вышелъ изъ церкви. Черезъ мигъ онъ былъ въ конюшнѣ, черезъ другой—онъ летѣлъ, какъ стрѣла, къ городу.

Въ этотъ день былъ сильный морозъ. Ночью иней палъ на землю и побѣлилъ траву и вѣтви деревьевъ. Игуменъ непрестанно пришпоривалъ своего вороного коня, изъ ноздрей котораго паръ валилъ цѣлыми облаками. Онъ спѣшилъ спасти Огнянова, если только еще время. Сказка, которую онъ раньше распространилъ, чтобы устранить всякое подозрѣніе въ убійствѣ турокъ, была всѣми принята на вѣру. Кто же теперь расшевелилъ бездѣятельнаго начальника полиціи? Нѣтъ, здѣсь вмѣшалось предательство. Онъ не допускалъ, чтобы это сдѣлалъ Мунчо—если онъ дѣйствительно знаетъ тайну: вѣдь идіотъ такъ обожалъ Огнянова! неужели онъ его безсознательно выдалъ? Но, во всякомъ случаѣ, должно быть и предательство. И оно можетъ имѣть ужасныя послѣдствія для Огнянова.

Въ четыре минуты, вмѣсто обыкновенныхъ пятнадцати, онъ доскакалъ до города. Конь былъ весь въ пѣнѣ. Онъ его оставилъ по дорогѣ у брата и пѣшкомъ дошелъ до дома Огнянова.

— Тутъ ли Бойчо?—спросилъ онъ тревожно.

— Вышелъ. Только что передъ вами было трое полицейскихъ и искали его повсюду. И что имъ нужно. проклятымъ? Подумаешь, человѣка убилъ!—отвѣтилъ разсерженный хозяинъ.

— Куда онъ вышелъ?

— Не знаю.

— Плохо, но надежда есть еще,—

сказалъ себѣ игуменъ и бѣгомъ помчался къ Соколову. Онъ зналъ, что Огняновъ не особенно усердно посѣщалъ церковь, и потому ему не пришло въ голову искать его тамъ. Проходя черезъ кофейню Ганки, онъ заглянулъ туда, но и тамъ не нашелъ Огнянова.

— Дома есть кто-нибудь, бабушка?—спросилъ онъ, вбѣгая во дворъ Соколова.

— Нѣтъ никого, ваше священство,—отвѣтила старушка и бросила метлу, чтобы подойти къ рукѣ духовника.

— Гдѣ докторъ?—спросилъ онъ съ гнѣвомъ.

— Не знаю, отецъ мой,—отвѣтила женщина, заикаясь и смущенно глядя передъ собой.

— Ахъ! — вздохнулъ игуменъ и пошелъ обратно.

— Постой! Постой!—крикнула ему старушка въ догонку.

— Чего тебѣ? — спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ.

Она приняла таинственный видъ и тихо сказала:

— Онъ здѣсь, только скрывается, его искали проклятые турки... Прости, отецъ!

— Отъ меня онъ не станетъ прятаться, чего ты сразу мнѣ не сказала?—проговорилъ игуменъ и быстро побѣжалъ къ двери. На стукъ его дверь тотчасъ открылась и онъ увидѣлъ доктора.

— Гдѣ Бойчо?—было первое слово игумена.

— У Рады... А что? — Соколовъ догадался, что онъ сейчасъ узнаетъ, что-нибудь ужасное. Онъ поблѣднѣлъ.

— Копаютъ около мельницы. Предательство!

— Ахъ, погибъ Огняновъ! — съ отчаяннымъ видомъ вскрикнулъ докторъ.—Необходимо тотчасъ дать ему знать...

— Искала его полиція, но не нашла,—продолжалъ взволнованно игуменъ;—я прискакалъ на конѣ, чтобы его скорѣе предупредить... Боже мой, что станется съ этимъ парнемъ! погубили его... Куда ты?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Бѣгу къ Бойчо... Надо его спасти, если еще не поздно, — сказалъ докторъ, отворяя дверь.

Игуменъ посмотрѣлъ на него съ еще большимъ недоумѣніемъ.

— Но развѣ не ищутъ и тебя? Лучше мнѣ идти...

— Немыслимо. Твое появленіе у Рады или въ церкви можетъ быть замѣчено и даже можетъ вызвать скандалъ.

— Но ты попадешь въ ихъ руки!

— Возможно, но такъ или иначе необходимо его извѣстить. Бойчо угрожаетъ большая опасность. Я проберусь глухими улицами.

И Соколовъ убѣжалъ.

Игуменъ со слезами на глазахъ благословилъ его.

Докторъ зналъ, что въ это утро Огняновъ долженъ былъ быть въ женскомъ училищѣ, гдѣ у него было назначено свиданіе съ однимъ делегатомъ П—скаго революціоннаго комитета. Черезъ нѣсколько минутъ онъ очутился на церковномъ дворѣ, взбѣжалъ по лѣстницѣ училища и влетѣлъ въ комнату Рады, какъ ураганъ. Неожиданное появленіе Соколовъ, да еще въ такой ранній часъ, поразило Раду.

— Былъ здѣсь Бойчо?—спросилъ онъ, запыхавшись и забывъ поздороваться.

— Только что вышелъ,—отвѣтила Рада.—Чего ты?

— Куда онъ ушелъ?

— Въ церковь... Да что съ тобой? Боже мой!

— Въ церковь?—воскликнулъ Соколовъ, ничего не отвѣтивъ, и отворилъ дверь, чтобы побѣжать въ церковь. Но онъ тотчасъ отшатнулся. Онъ увидѣлъ жандарма, разставляющаго стражу у выхода изъ церкви.

— Что съ тобой?—крикнула учительница, предчувствуя бѣду.

Соколовъ показалъ ей изъ окошка на полицейскихъ.

— Видишь, караулятъ Бойчо. Его предали, Рада. Ищутъ и меня... Ахъ! несчастіе, несчастіе! — говорилъ онъ, схватившись руками за голову.

Рада въ безсиліи опустилась на скамью. Ея круглое лицо, поблѣднѣвшее отъ страха, казалось въ окаймлявшемъ его черномъ платкѣ еще болѣе блѣднымъ. Оно походило на мраморное.

Соколовъ уставился въ окошко. Онъ не могъ показаться полиціи и искалъ взглядомъ какого-нибудь вѣрнаго человѣка, который взялся бы предупредить Огнянова объ опасности. Неожиданно онъ увидѣлъ Фратю, который проходилъ мимо окна, чтобы зайти въ церковь.

— Фрате, Фрате,—окликнулъ онъ его тихо,—подойди!

Господинъ Фратю остановился невдалекѣ.

— Фрате, ты идешь въ мужскую церковь?

— Туда, конечно,—отвѣтилъ онъ.

— Молю тебя, скажи тамъ Бойчо, что полиція его ждетъ у выхода, пусть приметъ мѣры.

Господинъ Фратю бросилъ безпокойный взглядъ на церковь и увидѣлъ, что всѣ ея три выхода дѣйствительно заняты полиціей. На его маленькомъ лицѣ изобразился тупой страхъ.

— Такъ скажешь?—спросилъ нетерпѣливо докторъ.

— Я?... Хорошо, я скажу,—отвѣтилъ съ видимымъ колебаніемъ благоразумный Фратю... Потомъ подозрительно прибавилъ:

— Но почему ты ему не скажешь, докторъ?

— Ищутъ и меня, — прошепталъ докторъ.

Лицо господина Фратю еще болѣе перемѣнилось. Онъ поспѣшилъ поскорѣе уйти отъ этого опаснаго собесѣдника.

— Фрате, скорѣе, слышишь!—въ догонку пустилъ ему Соколовъ.

Господинъ Фратю утвердительно кивнулъ головой, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ по направленію къ церкви и вдругъ круто повернулъ къ женскому монастырю.

Докторъ видѣлъ это и рвалъ на себѣ волосы. Онъ видѣлъ, что вотъ-вотъ предостереженіе опоздаетъ, и тогда одно развѣ чудо могло спасти Огнянова.

Предательство дѣйствительно было. Въ эту же ночь Стефчовъ, приведенный въ конакъ, разсказалъ бею про всѣ свои открытія и подозрѣнія касательно личности Огнянова. Во время самаго разсказа внезапная мысль мелькнула въ его головѣ. Онъ вспомнилъ случай съ собакой Емексиза, который давно уже разсказалъ ему Шерифъ-ага. Ни онъ, ни жандармъ не вникнули тогда глубже въ эту странную исторію. Теперь ему стало все ясно. Почему собака такъ усердно рыла тамъ землю? Почему она такъ яростно набросилась на Огнянова? Не въ этомъ ли кроется объясненіе тайны исчезновенія двухъ турокъ? А вѣдь они исчезли какъ разъ въ то же время, когда Огняновъ появился въ городѣ. Непремѣнно — это дѣло рукъ Огняновыхъ. Злобный умъ Стефчова сообразилъ все это съ быстротою молніи и улики въ его глазахъ получили неотразимую силу и наглядность.

Стефчовъ посовѣтовалъ копать немедленно около старой мельницы. Бей принялъ важный видъ и отдалъ тотчасъ же приказаніе. Онъ рѣшилъ арестовать рано утромъ Огнянова, чтобы тотъ не могъ какъ-нибудь скрыться и совершить новыя убійства... Въ это же утро были найдены оба трупа и гибель Огнянова рѣшена. Его стерегли у входа въ церковь, какъ звѣря. Жандармъ предпочелъ стеречь его у дверей, а не арестовать въ самой

церкви. Послѣднее могло бы вызвать непріятное волненіе въ народѣ и вызвало бы Огнянова на отчаянное сопротивленіе. Взять его врасплохъ казалось болѣе удобнымъ.

Въ то время, какъ Соколовъ сокрушался въ одномъ углу комнаты, а Рада лежала безъ чувствъ въ другомъ, на лѣстницѣ послышались тяжелые шаги.

Докторъ встрепенулся и сталъ прислушиваться. Шаги медленно приближались вмѣстѣ со стукомъ палки и, наконецъ, прекратились у дверей. И кто-то запѣлъ на церковный ладъ извѣстный тропарь монахинь: «Благослови, Господи, праведницъ твоихъ: святую Серафиму и кроткую Херувиму; черноокую Софію и бѣлолицую Рипсилію; дебелую Ирину и сухопарую Магдалину; госпожу Ровоаму, что давно нѣту дома»...

— Колчо! — крикнулъ докторъ и открылъ дверь и слѣпой вошелъ увѣренной походкой.

— Изъ церкви ты, Колчо?

— Изъ церкви...

— Видѣлъ тамъ Огнянова?— спросилъ нетерпѣливо докторъ.

— Мои очки еще не прибыли изъ Америки, такъ что я не видѣлъ. Но знаю, онъ тамъ, впереди.

Докторъ сказалъ ему серьезнымъ голосомъ:

— Колчо, оставь шутки. Огнянова преслѣдуетъ полиція и жандармъ стережетъ его у церковныхъ дверей. Онъ ничего не подозрѣваетъ. Онъ погибъ, если не будетъ немедленно предупрежденъ.

— Я иду!

— Умоляю тебя, Колчо!—отозвалась Рада, у которой ожила надежда.

— Я бы самъ пошелъ, но и меня ищетъ полиція, а на тебя не обратятъ вниманія,—сказалъ докторъ.

— Я за Огнянова отдамъ, если потребуется, мою несчастную жизнь... Что сказать ему?—спросилъ съ живымъ участіемъ слѣпой.

— Скажи ему эти слова: «Все открыто; полиція ждетъ у церковныхъ дверей, спасайся какъ можешь!»—потомъ онъ прибавилъ мрачно:

— Если только уже не послали кого-нибудь, чтобы вызвать его изъ церкви обманомъ...

Колчо сообразилъ, насколько драгоцѣнна каждая минута, и быстро вышелъ.

XXIV.

Миссія становится трудной.

Колчо спустился ощупью, постукивая палкой, съ лѣстницы. По двору онъ пошелъ съ большей увѣренностью; входя въ церковь, онъ услышалъ голосъ Шерифа-аги и остановился; онъ началъ шарить по своимъ карманамъ, дѣлая видъ, что ищетъ платка, а въ дѣйствительности, чтобы подслушать слова жандарма.

— Хасанъ-ага, — говорилъ тихо последній,—пойди и прикажи смотрѣть во всѣ глаза... Если окажетъ сопротивленіе, пусть стрѣляютъ, не ожидая моего приказа...

— Ненко! пойди, паренекъ, покличь поскорѣе графа, учителя Огнянова, скажи ему, что его зоветъ одинъ человѣкъ, — говорилъ полицейскій Фильчо какому-то мальчику, какъ догадался Колчо по голосамъ.

Опасаясь, чтобы его не предупредили, Колчо поспѣшилъ въ церковь. Хаджи Аѳанасій допѣвалъ послѣднюю херувимскую и скоро народъ долженъ былъ начать расходиться. А народу въ церкви было много. Толпа была чрезвычайно многолюдна, потому что въ этотъ день должны были служить

нѣсколько панихидъ и многіе хотѣли также причащаться. Такимъ образомъ, дорога въ середину храма была закрыта. Слѣпецъ тотчасъ потонулъ въ толпѣ, непроницаемой и темной какъ ночь—вѣчная для него. Инстинктъ вѣрно указывалъ ему дорогу; но какъ пробить эту стѣну притиснутыхъ вмѣстѣ рукъ, боковъ, грудей, ногъ? Онъ былъ малъ и немощенъ и ему немыслимо было пробраться къ Огнянову, который стоялъ около самаго алтаря. Эта работа была бы трудна и для гиганта! Колчо протолкался немного впередъ и остановился изнеможенный. Онъ сдѣлалъ еще одну попытку направо, налѣво, но нѣтъ, далѣе идти нѣтъ возможности: стѣна сдѣлалась непроницаемой, какъ и окружающая его ночь. Многіе даже сердито стали ворчать на него, чтобы онъ не лѣзъ впередъ, что его еще задушатъ или раздавятъ. Нѣсколько желѣзныхъ локтей вдвинулись въ его слабыя ребра и грозили ихъ сокрушить. Онъ задыхался. Черезъ нѣсколько минутъ раздастся: «Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите!» и потокъ подастся назадъ и увлечетъ за собой и его, Колчо, и тогда Огняновъ погибъ! Кто знаетъ, можетъ быть, въ этотъ самый мигъ мальчикъ пробрался къ Бойчо другимъ, болѣе легкимъ, путемъ и тотъ сейчасъ выберется изъ церкви, не подозрѣвая западни. Можетъ быть, мальчикъ пробирается мимо него, можетъ даже отталкиваетъ его, чтобы пробраться впередъ, а онъ не можетъ его видѣть. И рука Колчо инстинктивно щупаетъ кругомъ себя, не натолкнется ли на дѣтскій станъ. Вотъ она дѣйствительно нащупала талію, принадлежащую, повидимому, подростку, и напуганному воображенію Колчо кажется уже, что это и есть тотъ страшный мальчикъ, котораго послали позвать Огнянова. Онъ въ изступленіи, онъ стискиваетъ, что есть силы, этого мальчика за руку, тянетъ ее къ себѣ и безсознательно кричитъ: «Ты-ли это, мальчикъ? Какъ тебя зовутъ, мальчикъ? Ступай назадъ, мальчикъ!..» но тотчасъ же толпа ихъ раздѣлила своимъ напоромъ. Николчо былъ въ отчаяніи. Бѣдная его душа испытывала страшныя страданія. Онъ съ ужасомъ чувствовалъ, что жизнь Огнянова виситъ на волоскѣ, и этотъ волосокъ—онъ—Колчо, слабый, ничтожный, затерявшійся въ этомъ морѣ людей слѣпецъ. А херувимская уже кончается... Этотъ хаджи Аѳанасій, обыкновенно онъ такъ медленно и долго тянетъ свое пѣніе, а теперь какъ ужасно быстро! Что дѣлать? Въ критическіе моменты приходятъ къ крайнимъ рѣшеніямъ. И Колчо закричалъ отчаяннымъ голосомъ: —«Пропустите, господа! Умираю! Умираю, задыхаюсь, матушки!» и онъ со всѣхъ силъ сталъ толкать въ спины впереди стоявшихъ. Эти крики побудили каждаго, кого онъ толкалъ, съ огромными усиліями отступить въ сторону, давя сосѣдей и очищая такимъ образомъ дорогу несчастному, умирающему слѣпцу. Благодаря этому, Колчо скоро дотащился, еле живой, до алтаря, гдѣ былъ Огняновъ. Онъ сразу—такова чудесная сила инстинкта лишенныхъ зрѣнія—догадался, никого не спрашивая, гдѣ Огняновъ, увѣренно схватилъ его за полу и спросилъ тихо:

— Ты ли это, бай Бойчо?

— А что?—отвѣтилъ Огняновъ.

— Нагнись!

Огняновъ приложилъ ухо къ его губамъ. Когда онъ поднялъ голову, онъ былъ блѣденъ.

Съ минуту онъ думалъ. Страшно надувшіяся вены на вискахъ показывали сильную умственную работу.

Онъ снова наклонился и шепнулъ что-то Колчо.

Потомъ сошелъ съ клироса, протиснулся впередъ и тотчасъ затерялся въ толпѣ причащающихся, ожидавшихъ у алтаря.

Въ этотъ самый моментъ царскія

врата растворились и попъ Никодимъ съ причастіемъ въ рукѣ возгласилъ: «Со страхомъ Божіимъ!» и литургія кончилась.

Толпа, подобно потоку, прорвавшему плотину, хлынула назадъ, къ выходамъ. Черезъ полчаса послѣднія причащавшіяся старухи вышли и церковь опустѣла.

Только у алтаря еще стоялъ священникъ и снималъ свою рясу.

Тогда въ церковь вошли полицейскіе и жандармъ. Шерифъ-ага былъ разъяренъ, что Огняновъ еще не вышелъ изъ церкви. Онъ, значитъ, спрятался въ ней. Двери были заперты изнутри и обыскъ начался. Одни взобрались наверхъ, въ женское отдѣленіе, другіе остались внизу, третьи вошли черезъ боковыя двери въ алтарь. Перевернули все, осмотрѣли всѣ закоулки, гдѣ бы могъ спрятаться Огняновъ, поднимались на амвонъ, заглядывали за престолъ, въ шкафъ съ священными вещами, въ сундуки съ старыми иконами, въ углубленія у оконъ, но нигдѣ ничего не нашли. Огняновъ какъ сквозь землю провалился. Церковный сторожъ самъ показывалъ всѣ подозрительныя мѣста; даже попъ Никодимъ и тотъ заметался туда-сюда съ самымъ недоумѣвающимъ видомъ. Послѣдній принялся даже книги и вещи на престолѣ перебирать внимательно... Самъ жандармъ удивился такому усердію священника, а полицейскій Млалъ замѣтилъ ему, что не только человѣкъ, но даже цыпленокъ не могъ бы укрыться на престолѣ.

— Какъ? Да я ищу другое!—отвѣтилъ удивленный священникъ.

— Какъ другое?

— Моего полушубка нѣтъ, и камилавки, и синихъ очковъ.

Бѣдный попъ уже дрожалъ отъ холода.

— А, теперь понялъ, Шерифъ-ага!—крикнулъ бай Млалъ.

Шерифъ-ага, запыхавшійся и облитый потомъ, подошелъ.

— Бродяга останется бродягой всегда!—прибавилъ со скрытой радостью полицейскій;—укралъ у попа одежды.

Шерифъ-ага былъ пораженъ.

— Какъ такъ, попе?

— Нѣту ни моего кожуха, ни камилавки, ни синихъ очковъ, нигдѣ не могу найти!

— Да, онъ ихъ укралъ!—сказалъ Шерифъ-ага, съ видомъ человѣка, сдѣлавшаго великое открытіе.

— Чего еще говорить? Графъ одѣлъ кожухъ, надвинулъ шапку, и переодѣтый вышелъ, такъ что мы его не узнали,—пояснилъ полицейскій.

— Такъ оно и есть, — подтвердилъ попъ,—когда я былъ занятъ причастіемъ, кто-нибудь ихъ взялъ.

— Правда, я видѣлъ у дверей попа въ синихъ очкахъ, — отозвался одинъ изъ полицейскихъ.

— И ты его не схватилъ, болванъ? — закричалъ на него начальникъ.

— Какъ я могъ догадаться? Мы стерегли не попа, а человѣка, — оправдывался полицейскій.

— Такъ это онъ былъ, мать моя!—воскликнулъ съ удивленіемъ бай Млалъ; — вотъ почему онъ закутался и прикрылся такъ, что одни очки его видны были... Родной отецъ его не узналъ бы!..

Въ дверь сильно постучались. Шерифъ-ага велѣлъ открыть.

Вошли полицейскій Филчо и сторожъ.

— Шерифъ-ага! графъ въ ловушкѣ!—крикнулъ Филчо.

— Спрятался въ женскій монастырь, его видѣли,—добавилъ сторожъ.

— Скорѣе въ монастырь!

И всѣ побѣжали туда.

XXV.

Незваные гости.

Черезъ минуту власти очутились у воротъ женскаго монастыря. Шерифъ-ага поставилъ у воротъ двухъ полицейскихъ съ обнаженными саблями и заряженными револьверами.

— Никого не пускайте, ни туда, ни назадъ! — приказалъ онъ и съ остальными подчиненными вошелъ во дворъ.

Нашествіе ихъ произвело великое смущеніе въ монастырѣ и разнесло страхъ по всѣмъ келіямъ. Выскочили монашки, забѣгали по корридорамъ; вслѣдъ за ними выбѣжали ихъ гости, поднялся крикъ, шумъ и невообразимая сутолока. Напрасно жандармъ махалъ имъ рукой, чтобы не пугались, и кричалъ имъ что-то по турецки, они ничего не слушали и еще меньше понимали. Между тѣмъ полицейскіе арестовали всѣхъ поповъ, какіе тамъ оказались, и нѣсколько человѣкъ, носившихъ очки, хотя не синіе, и даже двухъ, которые носили имя Бочо, и всѣхъ вмѣстѣ заперли въ отдѣльной комнатѣ. Между арестованными оказался и Кандовъ, и Брзобѣгунекъ. Но послѣдній былъ тотчасъ же освобожденъ самимъ Шерифъагой, который передъ нимъ пространно извинился: онъ былъ не рая *), а подданный австрійскаго императора...

Кандовъ горячо протестовалъ черезъ окошко своей тюрьмы противъ этого наглаго посягательства на его свободу и сердился до ярости; товарищи его стояли спокойно, такъ какъ они уже были знакомы съ турецкимъ образомъ правленія.

— Ты, какъ видно, не зналъ раньше турокъ, Кандовъ? — сказалъ одинъ попъ.

— Но это насиліе, произволъ, беззаконіе! нарушеніе самаго святого права человѣка!

— На такой произволъ и беззаконіе отвѣчаютъ не криками; развѣ башка Шерифъ-аги пойметъ ихъ? а вотъ чѣмъ, — сказалъ Бочо, рѣзникъ, показывая ножъ.

Второпяхъ Шерифъ-ага не догадался разузнать, кто видѣлъ Огнянова входящимъ въ монастырь, и въ какой одеждѣ его видѣли, а тотчасъ же приступилъ къ обыску верхняго этажа, куда спрятался бѣглецъ. На этомъ чердакѣ находилась и келья хаджи Ровоамы. Монашки, очнувшіяся отъ перваго испуга, заголосили, запротестовали, обидѣлись, что ихъ подозрѣваютъ въ укрывательствѣ человѣка, возстававшаго противъ правительства. Болѣе всѣхъ возмущалась хаджи Ровоама и такъ раскричалась на жандарма — она знала по турецки, — что послѣдній вынужденъ былъ позорно отступить. Но остальныя кельи обыскивали усердно: искали Огнянова повсюду; его рѣшили схватить во что бы то ни стало въ этомъ монастырѣ. По приказу Шерифъ-аги, ревностно перерывали и обыскивали всѣ шкафы, сундуки, углы, потаенныя мѣста. Народъ со страхомъ ожидалъ, что вотъ-вотъ вытащатъ графа изъ-подъ какой-нибудь кровати.

Одно время послышались зловѣщіе крики: «схватили!» Но оказалось, что схватили господина Фратю, который залѣзъ подъ палати монахини Нимфодоры; его тотчасъ отпустили.

Рада, опершись на перила лѣстницы, слѣдила съ болѣзненнымъ вниманіемъ за обыскомъ. Отъ страха она была блѣдна, какъ смерть. Ея видъ ясно показывалъ всѣмъ, что она любитъ Огнянова. Монахини бросали на нее враждебные взгляды, но она не

*) Т.-е. покоренный.

обращала на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Время отъ времени сдерживаемыя слезы прорывались и обильно текли изъ глазъ.

Въ сторонкѣ, двѣ монашенки тихо шушукались и показывали глазами на келью хаджи Дарьи, тетки Соколова и защитницы Бойчо. Навѣрное, Бойчо теперь тамъ, а обыскъ уже приближался къ хаджи Дарьѣ. Сердце Рады сжалось. Ужасъ ее приковалъ къ мѣсту... Боже, что будетъ!

Колчо подошелъ къ ней; онъ ее узналъ по ея всхлипыванію, и тихо сказалъ ей:

— Радке, одна ли тутъ?

— Одна, бай Колчо, — отвѣтила она сквозь слезы.

— Не безпокойся, Радке, — шепнулъ онъ ей.

— Какъ, бай Колчо? А если его найдутъ? Онъ, вѣдь, тутъ... ты самъ говорилъ, что его здѣсь видѣли.

— Полагаю, что его нѣтъ здѣсь, Радке.

— Всѣ думаютъ, что онъ тутъ.

— Это я пустилъ этотъ слухъ... Бойчо, въ церкви, самъ велѣлъ мнѣ это сдѣлать. Пустъ полиція здѣсь его поищетъ. А Бойчо теперь свободенъ, какъ горный волкъ.

Бѣдная дѣвушка едва удержалась, чтобы не обнять слѣпца. Лице ея сдѣлалось яснымъ, лучезарнымъ, какъ небо послѣ бури.

Спокойная и радостная вошла она къ хаджи Ровоамѣ, которая тотчасъ замѣтила эту перемѣну и съ досадой подумала:

— Неужели эта проклятая узнала, что его нѣтъ въ монастырѣ?

Потомъ, посмотрѣвъ на Раду испытующимъ взоромъ, сказала:

— Радо, наплакалась? прекрасно, прекрасно; дѣлайся посмѣшищемъ людей, плачь за этимъ гайдукомъ и кровопійцей.

Сердце Рады прыгало отъ счастья.

— Буду плакать,—отвѣтила она дерзко,—пусть хоть одинъ плачетъ, когда всѣ радуются...

Этотъ смѣлый отвѣтъ показался монахинѣ ужасно неприличнымъ. Она не привыкла, чтобы ей такъ отвѣчали.

— Безстыдница! — крикнула она.

— Я не безстыдница.

— Безстыдница и безумная! Твой проклятый убійца еще сегодня попадетъ на висѣлицу!

— Если его поймаютъ,—отвѣтила язвительно Рада.

Хаджи Ровоама закипѣла. Безумная ярость ее душила.

— Вонъ отсюда, проклятая! Не смѣй черезъ порогъ мой болѣе переступать,—закричада хаджи Ровоама и вытолкала ее изъ кельи.

Рада снова вышла на корридоръ. Что значитъ для нея презрѣніе хаджи Ровоамы, изгнаніе изъ ея кельи? Она была спокойна, сердце ея билось ровно. Ей даже было пріятно, что она разъ навсегда порвала съ этой жестокой покровительницей.

Завтра, а можетъ быть, и сегодня еще, ее выгонятъ изъ училища, и она очутится подъ открытымъ небомъ, безъ крова и куска хлѣба. Но что все это для нея значитъ? Она знаетъ, что Бойчо спасенъ. Онъ теперь свободенъ, какъ горный волкъ, какъ сказалъ Колчо. Боже мой, какъ добръ этотъ Колчо! Какая мягкая, сердобольная душа, сострадательная къ другимъ, а своего горя онъ не видитъ, забываетъ, бѣдный! Сколько людей зрячихъ нарочно закрываютъ глаза и дѣлаются жестокими къ мукамъ другихъ! И этотъ Стефчовъ—звѣрь, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ожидаетъ гибели Огнянова? Но Бойчо былъ теперь далекъ отъ опасности... Враги не будутъ радоваться, а честные люди будутъ довольны! Но никого, никого нѣтъ, кто былъ бы такъ счастливъ, какъ она!

Охваченная этими думами и чувствами, она вдругъ увидѣла Кол-

чо, который медленно спускался съ лѣстницы.

— Колчо!—позвала она, не зная зачѣмъ.

— Радке, ты зовешь? — и Колчо обернулся.

— Боже мой, зачѣмъ я его позвала, выбьется мальчикъ изъ силъ!—проговорила она, краснѣя. Потомъ побѣжала къ нему, остановила его и сказала:

— Бай Колчо, ничего не нужно... дай пожать твою руку,—и она горячо и благодарно стиснула его руку.

Обыскъ продолжался. Шерифъ-ага предоставилъ другому надзоръ за нимъ, а самъ, измученный, пошелъ къ задержаннымъ камилавкамъ и очкамъ, отпустить которыхъ онъ лишь теперь догадался.

Кандовъ снова началъ протестовать противъ насилія надъ личностью его, нарушенія всякой справедливости.

Шерифъ-ага, удивленный, попросилъ перевести ему слова этого сердитаго господина.

— Скажи снова, Кандовъ, я переведу жандарму, — сказалъ Бенчо Дерманъ, знакомый съ турецкимъ языкомъ.

— Скажите ему, прошу васъ, что моя личная неприкосновенность и мое человѣческоо достоинство, — вопреки всякой законности и основамъ первичной справедливости...

Бенчо Дерманъ отчаянно замахалъ руками:

— Да и словъ такихъ нѣтъ совсѣмъ на турецкомъ. Оставь это, бай Кандовъ!

Наконецъ, монастырь освободился отъ непріятныхъ гостей. Они принялись теперь перерывать весь городъ и окрестности.

XXVI.

Скиталецъ

Присутствіе духа и на этотъ разъ спасло Огнянова.

Онъ сунулъ въ кусты поповскія одѣянія, лишь только оставилъ городъ и углубился въ горы.

Снѣжная мятель, которая помогла ему пройти незамѣченнымъ по запустѣвшимъ улицамъ, здѣсь бушевала съ еще большею силой.

Огняновъ повернулъ, не имѣя опредѣленной цѣли, на западъ и сталъ пробираться черезъ виноградники, пересѣченные долинами и ложами высохшихъ потоковъ. Въ одномъ скрытомъ мѣстечкѣ онъ присѣлъ и принялся думать о своемъ положеніи. Оно было мрачно. Какой-то злой рокъ, взявшій несомнѣнно Стефчова въ союзники, преслѣдовалъ его неумолимо. Въ одинъ часъ онъ увидѣлъ разрушеннымъ все зданіе, которое онъ строилъ съ такой любовью, съ такимъ воодушевленіемъ. Онъ видѣлъ дьякона, доктора, дѣда Стояна, можетъ быть, и другихъ близкихъ и преданныхъ друзей,—въ тюрьмѣ, Раду разбитой скорбью, враговъ торжествующихъ. Онъ не могъ догадаться о всѣхъ козняхъ своихъ враговъ. Статейка въ «Дунаѣ» и низкое предательство пѣвца доставили могучее оружіе въ ихъ руки. Передъ его глазами вставали всѣ гибельныя послѣдствія этого предательства. Итакъ, дѣло безвозвратно погибло? Не поведетъ ли эта гибель къ новымъ, еще худшимъ несчастіямъ? Бѣгство ему теперь казалось подлостью. Онъ долженъ вернуться, чтобы убѣдиться лично, до какой степени разгромъ непоправимъ; о себѣ онъ теперь думалъ менѣе всего... Но, ясно, что отнынѣ онъ долженъ быть неузнаваемымъ. Это соображеніе заставило его продолжать свой

путь. Онъ рѣшилъ идти въ Овчеры, наиболѣе преданное ему село, которое онъ часто посѣщалъ во время своихъ разъѣздовъ съ агитаціонной цѣлью. У старика Дѣлка ему легко было найти необходимую одежду. Но дорога въ Овчерки, часто пересѣкаемая оврагами и котловинами, была полна опасностей для Огнянова, потому что она пролегала черезъ турецкія деревни. Слухъ объ открытіи труповъ распространится съ быстротой молніи по этимъ полуразбойничьимъ гнѣздамъ. И если его не схватятъ, какъ подозрительнаго, его убьютъ, какъ невѣрнаго: каждый день въ этой мѣстности по нѣсколько убитыхъ болгаръ. Городская одежда еще болѣе увеличивала вѣроятность быть убитымъ. Было бы безразсуднымъ преодолѣть свой страхъ и пуститься на вѣрную гибель. Онъ рѣшилъ дождаться ночи. Съ этой цѣлью онъ поднялся еще выше по склону Старой Горы, гдѣ густыя рощи и кустарники могли его укрыть.

Черезъ два часа мучительнаго пути по обрывамъ и дикимъ отлогамъ онъ добрался до первой рощи. Запрятавшись въ сухой хворостъ, онъ растянулся на спину и собрался соснуть или хоть отдохнуть. Небо совсѣмъ прояснилось. Осеннее солнце грѣло мягко и привѣтливо и блистало въ капелькахъ воды, въ которую превратился ночной иней. Рѣдкіе воробьи пролетали мимо него и садились на тропки поискать корму. Балканскій орелъ высоко рѣялъ въ небѣ надъ головой Огнянова. Замѣтилъ ли онъ вблизи какую-нибудь добычу, или же самого Огнянова онъ принималъ за нее? Эта мысль мелькнула въ его головѣ и онъ сдѣлался еще мрачнѣе. Орелъ казался ему теперь зловѣщимъ предзнаменованіемъ. Это былъ, какъ будто, живой образъ его безпощадной судьбы; эта плотоядная птица какъ бы выжидала, пока приготовятъ ея кровавый обѣдъ, чтобы затѣмъ спуститься со своихъ синихъ высотъ. А все было возможно. Это глухое мѣсто, часто посѣщаемое турками-охотниками, истинными разбойниками, было далеко не безопасно. И Огняновъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ заката солнца и нѣсколько разъ мѣнялъ свое убѣжище, чтобы получше спрятаться.

Неожиданный выстрѣлъ изъ ружья оборвалъ сразу всѣ грезы Огнянова.

Онъ оглянулся. Балканское эхо повторило звукъ и замолкло.

— Навѣрное, охотники стрѣляютъ,—сказалъ онъ себѣ.

Огняновъ успокоился, но не надолго. Черезъ нѣсколько минутъ раздался лай, и недалеко отъ него. Вслѣдъ за лаемъ послышался и человѣческій голосъ. Огнянову невольно пришла на умъ собака Емексиза, который былъ изъ ближняго села. Ему показался этотъ лай весьма знакомымъ. Онъ снова послышался ближе и яснѣе, зашумѣли кусты, какъ будто бы ихъ обдало вѣтромъ и двѣ собаки съ опущенными въ землю мордами выбѣжали изъ кустовъ.

Огняновъ вздохнулъ свободно.

Это не была собака Емексизъ-Пехливана, которую онъ выдрессировалъ для охоты за людьми, какъ за дичью... Это проклятое животное было крайне злопамятно... Обѣ собаки, почуявъ что-то въ хворостѣ, подбѣжали къ нему, обнюхали его и побѣжали далѣе. Внезапно Огняновъ услышалъ, что приближаются человѣческіе шаги. Онъ пустился бѣгомъ изъ своего хвороста, не оборачиваясь назадъ. Раздались три выстрѣла, онъ почувствовалъ, что что-то ударило ему въ ногу, и утроилъ быстроту бѣга.

Гонялись ли за нимъ, что тамъ дѣлается назади, онъ не зналъ. Ему встрѣтилась маленькая рѣчка; онъ спрятался между орѣшниками, которыми поросли ея берега. Охотники, вѣроятно, потеряли его изъ виду. Долго прислушивался Огняновъ, но ничего не было слышно и онъ на-

чалъ успокаиваться. Тогда онъ почувствовалъ, какъ что-то теплое течетъ по его ногѣ. «Я раненъ», сказалъ онъ себѣ испуганно, увидѣвъ, что сапогъ его полонъ кровью. Онъ снялъ его и убѣдился, что нога его ранена. Рана виднѣлась съ двухъ сторонъ икры: пуля пронизала ее насквозь и вылетѣла. Онъ оторвалъ кусокъ отъ своей рубахи и затянулъ ногу. Боль усилилась; а ему еще предстоялъ долгій и трудный путь. Потеря крови сильно его ослабила, къ тому же онъ ничего еще не ѣлъ въ этотъ день. Скоро достаточно стемнѣло, и онъ оставилъ свое обѣжище, Вмѣстѣ съ мракомъ, увеличивалась и стужа.

Первое турецкое село, которое ему попалось на пути, казалось совсѣмъ мертвымъ. Турецкія села замираютъ и пустѣютъ тотчасъ по наступленіи сумерекъ. Только въ кофейной еще слышенъ былъ шумъ. Но Огняновъ не смѣлъ постучать, хотя терялъ сознаніе отъ голода. Еще два часа онъ ходилъ, миновалъ второе село и за нимъ увидѣлъ что-то бѣлѣющееся... Это была Стрѣша. Съ большимъ трудомъ перебрался онъ въ бродъ на другой берегъ и тамъ усѣлся, потому что отъ воды ноги его окоченѣли и рана заболѣла еще сильнѣе. Увидѣвъ, что нога опухла, онъ испугался, онъ боялся воспаленія, которое не дастъ ему куда бы то ни было добраться. Онъ всталъ, отрѣзалъ у берега тростникъ, снялъ панталоны и принялся мыть рану способомъ, какой употреблялся въ то время при возстаніяхъ. Онъ дунулъ воду черезъ длинную трубку на одно отверстіе раны и она вытекла черезъ другое. Такъ онъ повторилъ нѣсколько разъ. Перевязавъ затѣмъ потуже рану, Огняновъ двинулся далѣе по Средней Горѣ, на склонѣ которой онъ находился...

Ночной мракъ сгущался... Огняновъ искалъ Овчеры, но никакъ не могъ ихъ найти. Скоро онъ убѣдился, что потерялъ дорогу: онъ очутился въ незнакомомъ ему лѣсу... Онъ остановился въ смущеніи и сталъ прислушиваться. Неясный глухой шумъ человѣческихъ голосовъ достигъ до его уха. Онъ сообразилъ, что въ этотъ полночный часъ никакихъ людей здѣсь не могло быть, кромѣ угольщиковъ. Онъ вспомнилъ и красное пламя, которое онъ издали примѣтилъ. Но какіе это угольщики— болгары или турки? Онъ заблудился, замерзъ и обезсилѣлъ. Если это христіане, есть надежда, что они сжалятся надъ нимъ. Онъ взобрался на дерево, и оттуда снова замѣтилъ огонь уже близко. И онъ пошелъ на огонь. Черезъ вѣтки деревьевъ онъ ясно различалъ человѣческія фигуры вокругъ огня; наконецъ, до него долетѣло нѣсколько болгарскихъ словъ. Но какъ подойти къ нимъ? Онъ былъ весь въ крови. Его появленіе можетъ перепугать и прогнать этихъ болгаръ, можетъ имѣть и еще худшія послѣдствія для него... Ихъ было трое, одинъ лежалъ завернувшись въ одѣяло, двое другихъ бесѣдовали подлѣ тлѣющаго костра Въ сторонѣ была привязана лошадь, покрытая попоной; она жевала сѣно. Огняновъ сталъ прислушиваться.

— Подбрось-ка еще дровецъ, не балакай... а я дамъ еще сѣнца кобылѣ,—сказалъ старшій и поднялся.

— Да я знаю этого Вериговчанина! Это—Ненко, дѣда Ивана сынъ!— радостно сказалъ себѣ Огняновъ.

Веригово, село за Средней-Горой, было также знакомо Огнянову.

Ненко подошелъ къ лошади и вытащилъ изъ козьяго мѣха сѣна. Тогда Огняновъ приблизился къ нему и сказалъ:

— Добраго тебѣ вечера, бай Ненчо!—Ненчо испуганно встрепенулся.

— Кто ты?

— Не узнаешь меня, бай Ненчо?

Слабый свѣтъ отъ костра озарилъ лицо Огнянова.

— Ты ли это, учитель? Иди, Иди, наши люди здѣсь... Нашъ Цвѣтанъ, бай Дойчинъ... Мать моя, да ты совсѣмъ закоченѣлъ, — говорилъ селянинъ, приближаясь съ Огняновымъ къ костру.

— Цвѣтанче, подбрось-ка побольше дровецъ, пусть большой огонь поднимется... Нужно высушить и отогрѣть одного христіанина.. Узнаешь его?

— Учитель! — крикнулъ радостно парень;—да откуда идешь ты?—и онъ подложилъ немного сухого хворосту, чтобы Огняновъ могъ сѣсть.

— Здравствуй, Цвѣтанчо!

— Ударили его пулей эти звѣри,—съ гнѣвомъ проговорилъ Ненчо; — но, слава Богу, не опасно.

— Ба!

— Дѣдо Дойчине, вставай, гостя имѣемъ!—разбудилъ или, вѣрнѣе, растолкалъ Ненчо спящаго.

Скоро большой огонь запылалъ около нихъ. Угольщики съ состраданіемъ поглядывали на поблѣднѣвшее лицо Огнянова, который наскоро разсказывалъ про свои приключенія. Онъ началъ чувствовать благотворное дѣйствіе огня. Его окоченѣвшіе члены отогрѣвались и рана не такъ сильно болѣла. Дѣдо Дойчинъ вынулъ изъ своей торбы краюху хлѣба и головку луку и подалъ Огнянову.

— Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... Тепломъ, по милости Божьей, мы богаче самого царя. Отвѣдай, учитель...

Огняновъ почувствовалъ себя еще лучше. Душа его переполнилась какимъ-то новымъ, великимъ наслажденіемъ. Этотъ красивый, золотой, великодушный огонь, таинственная гора напротивъ, эти лица—простые, почернѣвшіе, грубые, на которыхъ свѣтился теплый, пріятельскій взглядъ, и эти загрубѣлыя черныя труженическія руки, подававшія ему скромный залогъ болгарскаго гостепріимства,— все это ему показалось невыразимо трогательно. И если бы онъ не чувствовалъ физической боли, Огняновъ навѣрное въ восхищеніи запѣлъ бы: «Гора-ль ты, гора зеленая!»

...Передъ разсвѣтомъ Ненко, ведшій коня, на которомъ былъ посаженъ Огняновъ, постучалъ въ одни ворота въ Вериговомъ. Собаки залаяли во дворѣ и самъ дѣдъ Маринъ показался въ воротахъ. По необычному времени, въ какое постучались, онъ сразу догадался, что гость прибылъ тоже необычный.

Поздоровались и тотчасъ объяснились.

— Пусть Господь поразитъ этихъ поганцевъ! пусть собаки ихъ ѣдятъ, пусть черти ихъ душу возьмутъ!— говорилъ дѣдъ Маринъ, осторожно снимая Огнянова, рана котораго болѣла сильнѣе, растревоженная ѣздой.

Бойчо былъ помѣщенъ въ боковой комнатѣ, гдѣ онъ уже однажды ночевалъ раньше.

Дѣдъ Маринъ внимательно осмотрѣлъ и перевязалъ его рану.

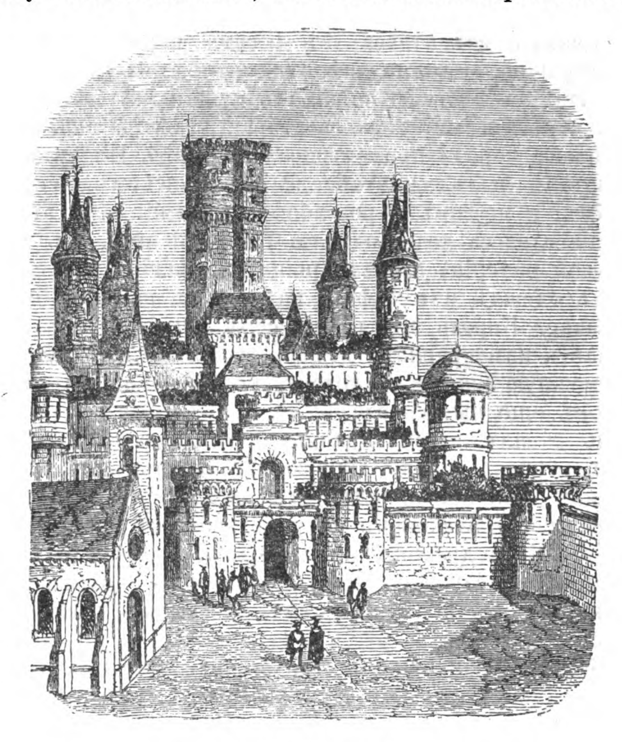
— Оправишься скоро,—замѣтилъ онъ.

XXVII.

Въ Вериговомъ.

Лѣченіе Огнянова подвигалось успѣшно, хотя и не такъ быстро, какъ предсказалъ дѣдъ Маринъ. Гостепріимная его семья всячески угождала больному, чтобы этимъ сколько-нибудь облегчить его страданія. Лѣкаремъ былъ самъ дѣдъ Маринъ—онъ коечто смыслилъ,—а баба Мариниха старалась отличиться въ поварскомъ искусствѣ. Откупорили боченокъ съ бѣ-

ролевы Матильды Англійской, дочери Генриха I и вдовы императора германскаго Генриха V, задумавшей воспроизвести на большомъ коврѣ (сохраняющемся до сихъ поръ въ музеѣ въ Байё), исторію Гарольда и Вильгельма Завоевателя. Въ этихъ обширныхъ залахъ мебели было немного, но она соотвѣтствовала ихъ размѣрамъ: кровати, помѣщавшіяся на возвышеніи, достигали двѣнадцати квадратныхъ футовъ. Живя на военномъ положеніи, сеньёры охотно раздѣляли ложе со своими вассалами, которыхъ они собирали у себя въ замкахъ, и это считалось выраженіемъ почета.

Замокъ Монлери.

Братство по оружію вполнѣ устраняло понятіе о рабствѣ при отправленіи домашнихъ обязанностей, исполнявшихся сеньёрами по отношенію къ государямъ, такъ же, какъ и младшими рыцарями по отношенію къ своимъ сеньёрамъ. Напротивъ, это считалось знакомъ довѣрія со стороны болѣе богатаго и выраженіемъ дружбы со стороны болѣе бѣднаго. Дворянинъ, съ юности отправлявшійся въ замокъ своего сюзерена, служилъ тамъ въ качествѣ *пажа*, *слуги*, *оруженосца*. Онъ разливалъ вино на пирахъ, заботился о доспѣхахъ и лошадяхъ. Онъ подводилъ дорожныхъ лошадей или *боевыхъ* коней, несъ копье или щитъ своего господина. Позднѣе, возведенный въ достоинство *сенешаля*, управляющаго служителями дома, онъ *разрѣзалъ мясо* для своего сюзерена. Многіе герцоги и графы имѣли своихъ сенешаловъ.

У Жуанвиля, хроникера Людовика Святаго, сохранилось слѣдующее описаніе большого королевскаго собранія. «Послѣ всего этого,—разсказываетъ онъ,—король собралъ большой дворъ въ Сомюрѣ, въ Анжу; я былъ тамъ и свидѣтельствую вамъ, что это собраніе было устроено лучше всѣхъ, какія я видалъ.

«За столомъ короля обѣдалъ рядомъ съ нимъ графъ Пуатье, котораго онъ недавно возвелъ въ рыцарство; рядомъ съ графомъ де-Дрё сидѣлъ графъ де-ла-Маршъ, а за графомъ де-ла-Маршъ добрый графъ Петръ Бретанскій. Передъ столомъ короля, напротивъ графа де-Дрё, сидѣлъ его величество король наварскій, въ камзолѣ и мантіи изъ атласа, въ весьма нарядной перевязи, съ золотой застежкой, и въ шляпѣ съ золотомъ. Я разрѣзывалъ ему кушанья. Нашему королю подавалъ кушанья графъ Артуасскій, его братъ, а рѣзалъ ему ножомъ добрый графъ Жанъ Суасонскій.

«За столомъ короля присматривали мессиръ Имбертъ де-Божё, который потомъ былъ коннетаблемъ французскимъ, мессиръ Ангеранъ де-Куси и мессиръ Аршамбо Бурбонскій. За этими тремя баронами находилось до тридцати рыцарей ихъ, въ камзолахъ изъ шелковой матеріи, а сзади рыцарей было большое число служителей, въ одеждѣ изъ тафты, на которой вышиты были гербы графа Пуатье. Король имѣлъ на себѣ камзолъ изъ индійскаго атласа, плащъ изъ краснаго атласа, подбитый горностаемъ, и вязанную бумажную шапку на головѣ, которая не шла къ нему, потому что онъ еще былъ молодъ.

«Король давалъ этотъ праздникъ въ залахъ Сомюра. У той стѣны, гдѣ обѣдалъ король, окруженный рыцарями и служителями, занимавшими большое пространство, обѣдали еще за отдѣльнымъ столомъ двадцать епископовъ и архіепископовъ, а за ними, около того же стола, на другомъ концѣ залы, королева Бланка, мать короля. Королевѣ служили графъ Булонскій, который впослѣдствіе былъ королемъ португальскимъ, и добрый графъ Гюгъ де-Сенъ-Поль».

«На другомъ концѣ монастыря находились кухни, погреба и кладовыя; съ той стороны носили королю и королевѣ мясо, вино и хлѣбъ. И во всѣхъ флигеляхъ, и на среднемъ дворѣ обѣдали рыцари, въ такомъ большомъ количествѣ, что я не могу ихъ пересчитать; многіе говорили, что они никогда не видывали стольких камзоловъ и отдѣлокъ изъ парчи и шелка, какъ было на этомъ праздникѣ; говорили также, что тамъ было не меньше трехъ тысячъ рыцарей» [1]).

Во времена крестовыхъ походовъ, среди множества рыцарей, закованныхъ въ желѣзо, къ *фамильнымъ именамъ* необходимо было присоединить извѣстные знаки, чтобы различать другъ друга. Эти знаки, изображавшіеся на щитѣ, восходили, вѣроятно, къ очень отдаленному времени, но число ихъ увеличилось лишь въ XII и XIII вѣкахъ, и съ тѣхъ поръ начинаютъ пользоваться *гербами*. Это были кресты, башни, мосты, изображенія животныхъ. Эмблемы эти усложнялись вслѣдствіе брачныхъ союзовъ, приводившихъ къ

---

[1]) Joinville, *Histoire de saint Louis*, XXI

сліянію гербовъ. Создалась наука, названная *геральдикой*, и понадобились *судьи* и *герольдмейстеры*, чтобы препятствовать неправильному присвоенію и поддерживать права обладателей гербовъ, всегда открытаго, видимаго признака благороднаго происхожденія.

Воодушевленные лихорадочнымъ пыломъ сеньёры, по мѣрѣ того, какъ они переставали воевать другъ съ другомъ, особенно пристрастились къ *играмъ* или *турнирамъ*, подобію войны. Игры эти, весьма старинныя (онѣ встрѣчаются и въ IX вѣкѣ), получили правильную организацію въ XI столѣтіи. «Въ 1066 году,—говоритъ турская хроника,—погибъ Жофруа де-Прейльи, которому обязаны введеніемъ турнировъ». Эти игры были, впрочемъ, чисто французскими; сосѣднія націи усвоили ихъ впослѣдствіи, и Ричардъ Львиное Сердце ввелъ ихъ въ Англіи. Оружіе должно было быть притупленнымъ, но, несмотря на предосторожности, эти примѣрныя сраженія представляли часто дѣйствительную опасность. Папы запретили турниры, но, тѣмъ не менѣе, эти битвы не прекращались до XVI вѣка. Кромѣ турнировъ, были еще вооруженная защита проходовъ, когда одинъ рыцарь защищалъ противъ нѣсколькихъ узкій проходъ, *сраженіе съ барьеромъ*, когда два пѣшіе отряда, вооруженные саблями, топорами и булавами, нападали другъ на друга и боролись до тѣхъ поръ, пока одинъ отрядъ не опрокидывалъ другой по ту сторону барьера; затѣмъ *круглые столы*, бои копьями, которые, повидимому, отличались отъ турнировъ тѣмъ, что на нихъ рыцари сражались одинъ на одинъ, а не группами.

Эта подвижная и утомительная жизнь должна была располагать воиновъ къ обильнымъ пирамъ, которые сеньёры устраивали для своихъ вассаловъ и о которыхъ объявлялось звуками рога (это называлось *протрубить воду*, потому что передъ тѣмъ, какъ сѣсть за столъ, умывали руки). Въ средніе вѣка гостей распредѣляли парами, мужчину съ женщиной, и у каждой пары была лишь одна тарелка для каждаго кушанья, что̀ называлось *ѣсть изъ одной чашки*, и одна *стопа* (кубокъ) для питья. Кромѣ того, было знàкомъ особаго благоволенія со стороны государя, если онъ предлагалъ выпить изъ своего кубка. Древнія языческія возліянія въ честь боговъ, запрещенныя соборами, были видоизмѣнены въ тосты, провозглашавшіеся за здоровье кого-либо изъ гостей. Для королей вина и кушанья сперва *пробовались*, такъ какъ въ этомъ, хотя и дружескомъ кругу, опасались возможности отравы. Кравчій пробовалъ вино, разносившій хлѣбъ и разрѣзывавшій мясо пробовали то, что̀ они подавали. Роскошь на ряду съ грубостью замѣчались и въ посудѣ.

Въ XI вѣкѣ венеціанскій дожъ Доменико Сельво женился на молодой греческой царевнѣ, дочери Константинопольскаго императора. «Восточная роскошь, введенная этой царевной въ Венеціи, удивляла современниковъ. Эта роскошь казалась неприличной до тѣхъ поръ, пока не стали ей подражать. Венеціанскіе хроникеры упоминаютъ о душистой водѣ, которую царевна употребляла во время своего туалета, золотыхъ ложкахъ, которыми она кушала, бальзамическомъ запахѣ ея одеждъ и перчаткахъ, всегда закрывавшихъ ея руки. Каждое утро множество слугъ собирали росу,

*

которою она умывалась, чтобы придать бо̀льшую свѣжесть своему лицу. Злоупотребленіе ароматами сдѣлалось для нея столь пагубнымъ, что тѣло ея стало разлагаться, и это отдаляло отъ нея всѣхъ. Только одна служанка осталась ей вѣрной, *и то не безъ помощи ароматовъ*. Но и она старалась подходить быстро и удаляться бѣгомъ. Эти подробности сообщилъ намъ Петръ Дамьенъ. Негодованіе легковѣрнаго, набожнаго писателя вызываетъ у насъ улыбку, но оно столь же поучительно, какъ и забавно. Когда онъ съ удивленіемъ утверждаетъ, что «царевна не дотрогивалась до кушаньевъ руками, что она приказывала разрѣзать ихъ на маленькіе кусочки, которые подносила ко рту при помощи золотыхъ ложекъ и вилокъ, онъ даетъ намъ не высокое понятіе о привычкахъ своихъ современниковъ; отдавая должное XI столѣтію, думается, что лучше жить и, въ особенности, обѣдать въ XIX вѣкѣ» [1]).

У королей и богатыхъ сеньёровъ на столахъ ставилась дорогая посуда изъ золота и серебра, но это были только блюда. Тарелокъ вовсе не было: ихъ замѣняли круглые куски хлѣба, называвшіеся *обрѣзнымъ хлѣбомъ*, которые послѣ обѣда раздавались бѣднымъ. Ложки уже были извѣстны, вилокъ еще не знали. Въ началѣ у нихъ было только два зубца. Въ первый разъ вилки упоминаются въ спискѣ серебрянной посуды Карла V. Салфетки также были рѣдкостью и встрѣчались лишь въ самыхъ богатыхъ замкахъ.

Христина де-Пизанъ, въ своемъ *Сокровищѣ женскаго государства*, возстаетъ противъ излишней роскоши среднихъ классовъ. Между прочимъ, она указываетъ на домашнюю обстановку женщины торговаго сословія, «жены купца,—говоритъ она,—не изъ тѣхъ, которые ѣздятъ за море, во всѣхъ странахъ имѣютъ своихъ приказчиковъ и называются «благороднымъ купечествомъ», но изъ тѣхъ, которые покупаютъ оптомъ, а продаютъ въ розницу съѣстные припасы на четыре су (когда понадобится) или больше или меньше (хотя эта женщина богата и живетъ пышно)». Во время своей болѣзни эта горожанка принимала многочисленныхъ посѣтителей: «Прежде, чѣмъ войти въ ея спальню, надо было пройти черезъ двѣ очень красивыя комнаты; въ каждой изъ нихъ стояла большая и богато убранная кровать, а во второй, кромѣ того, высокій поставецъ, уставленный серебряной посудой. Оттуда вступали въ большую, прекрасную спальню больной, со стѣнами, завѣшанными коврами, съ надписями, сдѣланными въ честь хозяйки, тонкой и богатой вышивкой золотомъ, кипрской работы. Большая, прекрасная кровать была самой лучшей отдѣлки; ковры покрывали полъ вокругъ кровати и также были затканы золотомъ. Большія парадныя простыни спускались изъ подъ одѣяла; онѣ были такого тонкаго реймскаго полотна, что ихъ цѣнили въ 300 франковъ [2]). Сверху одѣяла, затканнаго золотомъ, была другая льняная простыня, тонкая, какъ шелкъ, вся изъ одного куска и безъ шва, что̀ составляетъ новость очень дорогую, цѣною до 200

---

[1]) Armingaud, Venise et le Bas-Empire, Archives des missions scientifiques et littéraires, 2 série, t. IV, 3-e liv., p. 357.

[2]) Эта сумма равняется нынѣшнимъ 3.240 фр. (810 руб.).

франковъ [1]); эта простыня была такъ велика и широка, что покрывала со всѣхъ сторонъ парадную кровать и заходила за край названнаго одѣяла, спускавшагося со всѣхъ сторонъ. Въ этой комнатѣ былъ еще большой нарядный поставецъ, весь уставленный вызолоченной посудой. Въ постели лежала больная, одѣтая въ шелковую ткань кармазиннаго цвѣта, покоясь на большихъ подушкахъ такого же цвѣта съ большими жемчужными пуговицами». Христина прибавляетъ: «Если бы это было въ комнатѣ королевы, то и тамъ ничего не могло бы быть больше».

По мѣрѣ того, какъ матеріальная жизнь высшихъ классовъ изъ простой стремилась сдѣлаться роскошной, жители городовъ также старались проявлять себя увеличеніемъ благосостоянія. Наиболѣе богатые украшали свои дома рѣзными фигурами или башенками. Въ городахъ Западной Европы сохранились до сихъ поръ нѣкоторые изъ этихъ домовъ XII и XIII вв., нижніе этажи которыхъ выступали на улицу, какъ будто для того, чтобы съузить ее еще болѣе, а перекрещивающіяся, часто выкрашенныя балки ихъ, украшались рѣзными фигурами, изображавшими библейскія родословныя. Внутренность домовъ также украшалась и, если позволяло мѣсто, перила лѣстницы дѣлались рѣзными. Успѣхи промышленности дали горожанамъ возможность лучше одѣваться, но, тѣмъ не менѣе, они не имѣли права нарушать законы противъ роскоши, обязывавшіе ихъ носить толстыя ткани, называвшіяся *бюро* (грубое сукно). Впрочемъ, богатствомъ обладало столь незначительное число лицъ, что нравы оставались вполнѣ простыми, а боязнь быть ограбленнымъ, въ эти смутныя времена, заставляла многихъ скрывать свое богатство.

Для деревень должны были еще пройти вѣка, прежде чѣмъ участь крестьянъ могла улучшиться. Они считали себя счастливыми уже потому, что рабство было ослаблено.

Феодальная жизнь имѣла большое вліяніе на семью, для которой религія установила слишкомъ строгіе законы, такъ какъ браки между родственниками даже въ отдаленной степени были запрещены. Узы естественной семьи стали наиболѣе могущественными, тогда какъ у древнихъ имѣли силу лишь узы гражданской семьи. Жена въ отсутствіе мужа-сеньёра была повелительницей замка. Она носила королевскую, герцогскую или графскую корону. Она наслѣдовала лены, и княжескіе браки, чаще всего, заключались въ видахъ соединенія раздѣленныхъ владѣній. Тогда женились для того, чтобы пріобрѣсти землю. Короли Франціи пріобрѣли множество провинцій только этимъ способомъ, при чемъ французская корона исключалась изъ наслѣдованія. Но салическій законъ примѣнялся только во Франціи, а въ другихъ страдахъ могли царствовать и женщины.

Образованная, пользовавшаяся почетомъ жена старалась изяществомъ и лаской удерживать мужа у домашняго очага. Безъ сомнѣнія, боевая жизнь увлекала сеньёра въ дальнія страны, но зиму онъ проводилъ въ замкѣ. Рыцари заботились всего болѣе

---

[1]) 2.160 фр.=540 руб.

о пріобрѣтеніи благосклонности дамъ, которымъ они разсказывали о своихъ подвигахъ. Кромѣ того, отважныя дамы предсѣдательствовали на турнирахъ, поощряли храбрѣйшихъ и раздавали призы. Вскорѣ между воинами обнаружилось благородное соревнованіе — обращать на себя вниманіе и получать похвалы столь изящныхъ судей. Суровые повелители становились мягкими и гордились цѣпями, которыя, по выраженію того времени, удерживали ихъ на службѣ той или другой благородной дамы. Поэты выражали чувства рыцарей, и сами рыцари, подъ этимъ магическимъ вліяніемъ, вскорѣ сдѣлались поэтами, какъ, напр., Тибальдъ Шампанскій.

На югѣ, въ особенности до начала Альбигойскихъ войнъ, были *суды любви*, очаровательныя судилища, на которыхъ дамы, послѣ отдачи призовъ за храбрость, присуждали награды и увѣнчивали за умъ и изысканную вѣжливость.

Несомнѣнно, что это составляетъ наиболѣе выдающуюся черту, раздѣляющую новое общество отъ древняго. Вліяніе женщины придавало рыцарству мягкость чувствъ и вѣжливость въ обращеніи, которыя должны были мало-по-малу дѣйствовать и на остальное общество. Грекъ и римлянинъ жили, повидимому, исключительно политической жизнью: средневѣковому рыцарю были доступны душевныя удовольствія, и новый міръ цѣнилъ радости семейнаго очага, вблизи преданной жены, отвѣчающей мужу тою же привязанностью, и среди дѣтей, привыкшихъ не бояться доспѣховъ своего отца. Древнее общество должно было прибѣгать къ помощи религіи домашняго очага и къ строгимъ законамъ, скрѣплявшимъ семейныя узы: феодальное христіанское общество связывало ихъ взаимнымъ довѣріемъ, обоюдной любовью, свободой обращенія, не исключавшей уваженія, однимъ словомъ, природнымъ инстинктомъ и законами сердца.

Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Библіи и нѣкоторыхъ преимуществъ, предоставленныхъ *первенцу* у евреевъ, дворянство пришло къ тому, что, въ интересахъ своего сословія, предоставило старшему наслѣдованіе почти всего имущества. Это было средствомъ сохранить цѣлость леновъ, и старинный германскій принципъ равенства раздѣловъ, нѣкогда примѣнявшійся даже къ королевской власти, былъ отмѣненъ по отношенію даже къ самымъ мелкимъ земельнымъ участкамъ. Наслѣдникъ титула, леновъ, семейной славы, старшій сынъ долженъ былъ передать эту славу, лены и титулъ старшему изъ своихъ дѣтей, стараясь, если возможно, увеличить свои владѣнія бракомъ или завоеваніемъ. Такимъ образомъ упрочивались большіе лены и знатныя фамиліи, которыя усиливались въ то же время браками, заключавшимися младшими сыновьями и дочерьми. Дѣйствительно, старшій долженъ былъ стараться доставить своимъ братьямъ и сестрамъ вознагражденіе, пристраивая ихъ въ другія семьи или въ церковь, служившіе почти неистощимымъ источникомъ бенефицій, которыя могли переходить поочередно во всѣ семьи, такъ какъ, въ сущности, не принадлежали ни одной.

Слѣдуетъ прибавить, что право *первородства* существовало не

вездѣ. Во многихъ земляхъ (даже во Франціи, въ Турэни, Анжу, Мэнѣ, Пуату, Ангумуа, Блэзуа) допускался раздѣлъ лена. Но обширныя права отеческой власти и безусловная свобода завѣщанія создавали это право старшинства тамъ, гдѣ его не существовало. Кромѣ того, право «субституціи», *назначенія наслѣдника* помогало дворянству упрочивать крупную собственность, допуская передачу имѣній или части ихъ наслѣднику второй или третьей степени. Такъ духъ феодализма извратилъ понятія естественной справедливости, принесенныя германцами изъ ихъ лѣсовъ.

Какъ мы уже говорили, католическая религія, принятая повсемѣстно, хотя и не всегда хорошо понятая и соблюдаемая, служила связью средневѣкового общества, столь разъединеннаго съ политической точки зрѣнія. Религія, до извѣстной степени, наложила свой отпечатокъ на королевскую власть, на законы, обычаи и, какъ мы увидимъ далѣе, на литературу и искусства. Этою могущественною властью надъ тѣломъ и душою церковь была обязана своему единству, своей іерархіи и дисциплинѣ.

Тѣмъ не менѣе, одного папства недостаточно было для проявленія столь грознаго авторитета. Церковь не могла сдѣлаться неограниченной монархіей. Въ то время власть ея принадлежала вселенскимъ *соборамъ*, которые собирались часто, какъ, напр., четыре латеранскихъ собора въ Римѣ (1125, 1139, 1179, 1215), два ліонскихъ собора (1245, 1274), или общимъ, которые происходили въ XII и XIII вѣкахъ, по нѣсколько разъ въ Парижѣ, Труа, Реймсѣ, Санѣ, Бовэ, Шалонѣ на Марнѣ, Руанѣ, Віэннѣ, Тулузѣ, Клермонѣ, Буржѣ, Лаонѣ, Шартрѣ, Турѣ, Арлѣ, Валансѣ и т. д. Эти многочисленные соборы не были простыми провинціальными соборами, занимавшимися исправленіемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ злоупотребленій: они обсуждали общіе вопросы, какъ напр., вопросъ о крестовыхъ походахъ, инвеститурахъ, отлученіи королей, ученіяхъ, болѣе или менѣе сообразующихся съ католицизмомъ, объ ересяхъ, о преобразованіи монастырей или же объ установленіи законовъ противъ роскоши и о вопросахъ, относящихся къ обрядности или гражданской жизни. Для того, чтобы составить понятіе о дѣятельности церкви, нужно просмотрѣть громадный сводъ, составляющій собраніе соборныхъ актовъ. Никогда, быть можетъ, то, что̀ мы называемъ совѣщательнымъ или конституціоннымъ образомъ правленія, не проявлялось въ такой степени, какъ это было въ католической церкви; соборы могли служить образцами для феодальныхъ собраній.

Послѣ борьбы, освободившей церковь изъ подъ ига королей, выборъ епископовъ сдѣлался тщательнѣе. Избраніе ихъ не производилось болѣе духовенствомъ и народомъ, а *капитулами*, т. е. канониками или священниками, составлявшими какъ бы совѣтъ епископа. Каноники, получавшіе большіе доходы со своихъ церквей, были независимы. Безъ сомнѣнія, и они не могли избавиться отъ вліянія королей и часто бывали вынуждены выбирать предложенныхъ кандидатовъ. Но въ царствованіе государей, подобныхъ Людовику Святому, выборы были свободны и добросовѣстны, заслуги и достоинства кандидатовъ строго провѣрялись. Въ XII

и XIII вв. церковь насчитывала въ своей средѣ не мало епископовъ, извѣстныхъ своей ученостью и благочестіемъ.

Отличительнымъ знакомъ епископа была митра, родъ шапки, сперва имѣвшей сходство съ головнымъ уборомъ, какой носили еврейскіе первосвященники, стянутымъ золотымъ обручемъ надо лбомъ. Затѣмъ ее стали украшать вышивками и изображеніями святыхъ. Въ началѣ XII вѣкѣ, митра была невысокой и въ верхней части вырѣзывалась въ видѣ полумѣсяца, но затѣмъ, ее стали дѣлать выше и все болѣе и болѣе украшать драгоцѣнными камнями и золотыми вышивками. Позади ниспадали двѣ завязки, изображавшія шнурки, которыми первоначально этотъ уборъ прикрѣплялся къ головѣ. Епископы имѣли также пастырскій жезлъ, въ видѣ пастушескаго посоха, который, начиная съ VI вѣка, стали украшать золотомъ и даже дѣлать изъ золота или серебра.

Несмотря на строгость нововведеній, сдѣланныхъ въ церкви папами послѣ Григорія VII, епископы по прежнему оставались феодальными сеньёрами, герцогами, графами, князьями, завѣдуя обширными землями, управляя вассалами и городами, имѣя свои суды, въ которыхъ они судили за преступленія и проступки въ своихъ владѣніяхъ, и суды духовныхъ консисторій, гдѣ судились преступленія клириковъ. Даже въ ленахъ, гдѣ у нихъ были свои небольшіе земельные участки, они наводили страхъ тѣмъ духомъ, какимъ были проникнуты судьи духовныхъ судовъ, умѣвшіе возбуждать безчисленные процессы и обращать ихъ въ пользу церкви. Это злоупотребленіе власти поощрялось, съ другой стороны, самими тяжущимися, охотно обращавшимися къ этимъ, менѣе строгимъ судамъ и къ судьямъ, которымъ каноническое право запрещало произнесеніе смертныхъ приговоровъ. Отсюда происходили безконечныя правонарушенія; короли старались ихъ подавить, борясь съ энергіей противъ духовнаго судопроизводства, которое, въ свою очередь, упорно отстаивало себя.

Анархія и варварство IX и X вв. были такъ же пагубны для монастырей, какъ и для церквей. Захваченные воинами, заботившимися только о томъ, чтобы воспользоваться ихъ богатствами, монастыри утратили тотъ первоначальный характеръ, для котораго были основаны. Аббатства стали преобразовываться одновременно съ церквами. Движеніе это началось въ знаменитомъ аббатствѣ *Клюни*, которое въ X и XI вѣкахъ сдѣлало попытку возвратиться къ строгому уставу св. Бенедикта [1]). Въ концѣ XI вѣка (1084) *св. Бруно*, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, удалился въ горы, возвышающіяся на сѣверъ отъ Гренобля, куда его провелъ епископъ этого города, св. Гюгъ. Поднимаясь по едва проложеннымъ тропинкамъ, послѣ долгаго пути, онъ достигъ въ этихъ, тогда еще ужасныхъ мѣстахъ, крайне дикаго убѣжища: это была *пустыня*, окруженная со всѣхъ сторонъ пропастями, по краямъ которыхъ росли темные сосновые лѣса. Это мѣсто, на высотѣ

---

[1]) Основателемъ Клюни былъ св. Вернонъ (910), и реформа его продолжалась св. Одономъ. Среди ихъ преемниковъ особенно замѣчателенъ Петръ Достопочтенный.

1.000 метровъ, находилось подъ навѣсомъ Большого Сома (вершины, превышающей 2.000 метровъ) и было достаточно удалено отъ міра. Тамъ, въ величественной мѣстности, грустный характеръ которой смягчался зеленью, и которую теперь охотно посѣщаютъ путешественники, св. Бруно построилъ нѣсколько убогихъ хижинъ, гдѣ онъ и его сподвижники вели самую суровую и строгую жизнь, обрекая себя посту и молчанію, борясь съ природой и подвергаясь лишеніямъ. Суровость ихъ не ослабляла его усердныхъ послѣдователей и до сихъ поръ живущихъ въ *Большомъ Картезіанскомъ* монастырѣ. Монастыри *картезіанцевъ*, вполнѣ умершихъ для міра и поднимавшихся каждую ночь для отправленія долгихъ богослуженій, распространились во Франціи, Германіи и Италіи. Разсѣянной жизни того вѣка нельзя было противупоставить бóльшаго сосредоточенія и умерщвленія плоти.

Даже женщины искали убѣжищъ, удобныхъ для молитвы, и Робертъ д'Арбрисель (1099) основалъ аббатство Фонтевро. Робертъ д'Арбрисель, родившійся въ окрестностяхъ Ренна, еще въ молодости покинулъ Бретань, чтобы послѣдовать за Гильомъ де-Шампо и Абеляромъ. Но вскорѣ, увлеченный ревностью къ проповѣди, онъ началъ, съ одобренія папы Урбана II, проповѣдывать въ деревняхъ Анжу. Все населеніе сходилось слушать его кроткія и трогательныя поученія. Мужчины и женщины слѣдовали за нимъ, живя подъ открытымъ небомъ, питаясь подаяніемъ и сильно обременяя мѣстности, по которымъ проходили. Тогда Робертъ раздѣлилъ эту толпу между своими послѣдователями: у себя онъ оставилъ лучшихъ учениковъ и женщинъ, для которыхъ задумалъ основать монастырь. Онъ добился уступки небольшого участка земли на границѣ Турени, въ Анжу, вблизи источника Эвро. Раздѣливъ эту землю на три участка, соотвѣтственно возрасту и положенію женщинъ, слѣдовавшихъ за нимъ, онъ построилъ три церкви. Въ началѣ община состояла изъ трехъ различныхъ учрежденій: монастыря, исповѣдальни и больницы. Во избѣжаніе клеветы, какая могла бы возникнуть, въ виду его пребыванія среди множества женщинъ, Робертъ д'Арбрисель установилъ въ своемъ духовномъ обществѣ самыя строгія правила. Онъ заточилъ монахинь и наложилъ на нихъ вѣчное молчаніе. Онъ предписалъ, чтобы никогда ни одинъ монахъ не входилъ въ ограду келій, занимаемыхъ монахинями, даже для предсмертнаго пріобщенія или соборованія. Больныхъ монахинь и настоятельницъ монастырей, передъ наступающей кончиной, должно было переносить въ церковь. Такимъ образомъ, женщины находились въ заключеніи и молились; мужчины работали въ поляхъ, осушали болота, расчищали ланды и были постоянными слугами женщинъ. Аббатство управлялось настоятельницей; женщины, принадлежавшія къ самымъ богатымъ семьямъ, стремились попасть въ Фонтевро, чтобы тамъ окончить жизнь въ покаяніи.

Повсюду замѣчался необыкновенный энтузіазмъ. *Норбертъ Клевскій* учредилъ въ Премонтрэ, въ Лаонскомъ діоцезѣ, монастырь, въ которомъ ввелъ строгій уставъ, заимствованный изъ твореній св. Августина (1120). *Св. Робертъ* нашелъ, въ пяти миляхъ отъ

Дижона, въ лѣсу Сито страшное, дикое мѣсто, гдѣ вскорѣ возникъ монастырь *бенедиктинцевъ*, число которыхъ вскорѣ настолько возрасло, что онъ могъ далеко разсылать братьевъ (1110). *Св. Бернардъ*, самый ученый и краснорѣчивый человѣкъ своего времени, удалился въ пустыню, которую называли *Полынной долиной*, и тамъ построилъ *Клервскій* монастырь.

Однако, многія изъ этихъ аббатствъ, быстро обогатившихся, пришли въ упадокъ. Посланные изъ Клюни и Сито монахи путешествовали цѣлыми поѣздами съ лошадьми и повозками. Ихъ проповѣди оставались безплодными въ тѣ времена, когда возникали грозныя ереси. Для борьбы съ этими послѣдними образовались новыя духовныя братства. Создались два духовные ордена, уже не созерцательные и удаленные отъ міра, а живущіе среди мірянъ: *орденъ францисканцевъ*, основанный *св. Францискомъ Ассизскимъ*, и *доминиканцевъ — св. Доминикомъ*. Въ грубой одеждѣ, съ босыми ногами, давъ обѣтъ не имѣть никакой собственности, францисканцы жили милостыней и противупоставляли свою полнѣйшую бѣдность богатству другихъ орденовъ. Доминиканцы, не менѣе бѣдные, ставили себѣ задачей проповѣдь и были признаны папою Иннокентіемъ III (1216). Уставъ францисканцевъ былъ одобренъ Гоноріемъ III (1223). Распространяясь повсюду, эти два нищенствующіе ордена сдѣлались самыми дѣятельными защитниками вѣры, и доминиканцамъ было поручено судилище *Инквизиціи*, учрежденное въ Тулузѣ въ 1229 году для розыска еретиковъ альбигойцевъ, избѣжавшихъ направленнаго противъ нихъ страшнаго крестоваго похода. Наконецъ, Людовикъ Святой, возратившись изъ Палестины, привезъ въ Парижъ въ 1254 г. монаховъ съ горы Кармель, которыхъ назвали *кармелитами*; а орденъ *отшельниковъ св. Августина* (утвержденный Александромъ IV) дополнилъ собою такъ называемые *четыре нищенствующіе ордена*.

Эти монахи своимъ искреннимъ благочестіемъ много способствовали распространенію обрядовъ католической вѣры, молитвъ и праздниковъ. Почитаніе Св. Дѣвы Маріи, хотя и восходившее къ началу христіанства, теперь пріобрѣло еще большее значеніе. Ей посвящалась бо́льшая часть новыхъ церквей и воздвигнуто было много соборовъ во имя Божьей Матери (Notre Dame). Молитва Пресв. Дѣвѣ (Ave Maria) была дополнена папою Урбаномъ IV (1261). Церковныя службы и праздники въ честь Св. Дѣвы доставляли удовлетвореніе мистическимъ стремленіямъ и сердечнымъ изліяніямъ женщинъ. Нѣкоторые храмы Пресв. Дѣвы пользовались особымъ почитаніемъ и положили начало большимъ приливамъ богомольцевъ.

Поклоненіе святымъ и мученикамъ, въ честь которыхъ строились церкви, также становилось болѣе ревностнымъ. Меровинги и каролинги признавали покровителемъ Галліи св. Мартина Турскаго, мантія котораго, какъ говорятъ, послужила первой хоругвью. Капетинги обращались съ молитвами въ особенности къ св. Дени, какъ своему покровителю: они были его *вассалами* и брали съ алтаря храма его имени *государственную хоругвь*, развѣвавшуюся впереди войска.

Кромѣ того, изъ литургіи церковь сдѣлала изображеніе жизни Спасителя, а праздники попеременно возбуждали различныя чувства: день Рождества Христова служилъ напоминаніемъ семейныхъ радостей, и убогія ясли Божественнаго Младенца являлись утѣшеніемъ для бѣдныхъ. Поклоненіе волхвовъ и Богоявленіе праздновалось повсемѣстно, и въ этотъ день подавался за обѣдомъ традиціонный «царскій» пирогъ; послѣ долговременнаго покаянія или *Поста*, страшныя воспоминанія о страданіяхъ Спасителя возбуждали благочестивыя чувства; торжественность Пасхи или Воскресенія оживляла надежду на жизнь въ лучшемъ мірѣ; недѣля о слѣпомъ, предшествующая празднику Вознесенія, призывала благословеніе урожая. Въ XIII вѣкѣ былъ установленъ особый лѣтній праздникъ Тѣла Господня, со множествомъ цвѣтовъ. Осенью, во время листопада, когда природа, повидимому, умирала, праздновался день Всѣхъ Святыхъ и совершалось поминовеніе всѣхъ умершихъ. Такимъ образомъ, весь годъ раздѣлялся праздниками, поддерживавшими религіозное усердіе, которое увеличилось даже до того, что повело за собою слишкомъ частыя остановки работъ.

Жизнь была какъ бы окружена религіей; церковныя службы, начинавшіяся *часами* («первый часъ, или шесть часовъ утра, и «третій часъ» передъ *обѣдней*, въ девять часовъ), продолжались послѣ обѣдни въ *шестой* часъ (полдень) до *девятаго* часа (три часа); затѣмъ слѣдовала *вечерня*, служба, которая впослѣдствіи была перенесена на четвертый часъ послѣ полудня. Долгое время духовенство еще отправляло ночныя службы, на которыхъ присутствовалъ народъ и которыя происходятъ теперь только у картезіанцевъ.

Торжественныя церемоніи, величественность пѣнія, музыка органовъ, извѣстная съ IX вѣка [1]), увеличивъ пышность процессій, производили глубокое впечатлѣніе на воображеніе. Строгостямъ Великаго поста предшествовала, впрочемъ, недѣля развлеченій болѣе или менѣе необычайныхъ, масляница, *карнавалъ*, напоминавшій языческія луперкаліи и сатурналіи. Въ ту простодушную эпоху даже эти развлеченія соединялись съ религіозными празднествами: въ извѣстные дни церковь становилась мѣстомъ шумныхъ и грубыхъ сценъ, прославившихся подъ именемъ *праздника шутовъ*. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ духовенство переносило это шутовство, которое въ тѣ времена глубокой вѣры не казалось опаснымъ; просвѣщенные епископы и соборы, наконецъ, запретили эти праздники.

Праздникъ шутовъ справлялся между Рождествомъ и Крещеніемъ, именно въ день Новаго года, и къ нему примѣшивались, безъ вѣдома праздновавшихъ, нѣкоторыя изгладившіяся воспоминанія о древнихъ сатурналіяхъ. Этотъ праздникъ доставлялъ

---

[1]) Григорій, венеціанскій священникъ, ознакомился съ изготовленіемъ органовъ въ Константинополѣ. Онъ ввелъ это новое искусство въ Венеціи въ началѣ IX вѣка и примѣнялъ его съ такимъ успѣхомъ, что объ этомъ стало извѣстно въ другихъ странахъ. Онъ былъ во Франціи при Людовикѣ Добромъ.

большое удовольствіе бѣднымъ клирикамъ, замѣщавшимъ на короткое время священниковъ и епископовъ, подобно тому, какъ рабы въ Римѣ, на сатурналіяхъ, занимали мѣста своихъ господъ. Они избирали епископа изъ шутовъ, давали ему посохъ и митру и отводили въ церковь, дѣлавшуюся поприщемъ самыхъ невѣроятныхъ сценъ. Одни въ маскахъ, другіе—съ вымазанными лицами плясали, пѣли, ѣли и пили. Все это имѣло даже свой письменный уставъ. Докторъ теологіи Белетъ, въ 1182 г., сообщаетъ, что въ церкви происходили четыре пляски: пляска левитовъ или діаконовъ, священниковъ, дѣтей или клириковъ и поддіаконовъ. Въ библіотекѣ города Сана сохраняется рукопись, содержащая церемоніалъ праздника шутовъ.

Пѣсня объ Ослѣ была одною изъ главныхъ церемоній этого праздника: предметомъ ея было чествованіе скромнаго и полезнаго животнаго, присутствовавшаго при рожденіи Іисуса Христа и несшаго Его на себѣ во время входа въ Іерусалимъ. Церковь въ Санѣ была одною изъ тѣхъ, гдѣ праздникъ этотъ исполнялся съ наибольшей пышностью. Передъ началомъ вечерни духовенство отправлялось процессіей къ дверямъ собора. Два каноника брали осла и вели его къ столу, гдѣ пономарь читалъ порядокъ церемоніи и провозглашалъ имена тѣхъ, кто долженъ былъ принять въ ней участіе. Скромное животное покрывали великолѣпной мантіей и вели къ аналою, при пѣніи шутовскихъ пѣсенъ. Затѣмъ происходилъ обрядъ, во время котораго пѣли все, что поется въ теченіе года. Въ промежуткахъ между стихирами кормили и поили осла; затѣмъ пѣлось еще три пѣсни, и осла уводили на паперть, гдѣ весь народъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, плясалъ вокругъ него или старался подражать его реву. Эти безсмысленные обычаи продолжались въ теченіе почти 400 лѣтъ, несмотря на противодѣйствіе просвѣщенной части духовенства и запрещенія соборовъ, пытавшіяся возвратить религіознымъ обрядамъ чистоту, какая всегда должна быть имъ свойственна.

Впрочемъ, хотя церковь имѣла уже въ своей средѣ много просвѣщенныхъ лицъ, одушевленныхъ искреннимъ благочестіемъ, среди народа царило глубокое невѣжество, и даже духовенство часто искажало религію суевѣріемъ. Боязнь дьявола преобладала надъ любовью къ Богу. Благочестіе, связанное съ поклоненіемъ мощамъ, съ нѣкоторыми религіозными упражненіями и съ богомольями, замѣняло истинное благочестіе. Человѣкъ матеріализировалъ католическую религію такъ же, какъ нѣкогда — религію языческую; онъ исказилъ бы ее, если бы знаменитые ученые и монахи не прилагали непрерывныхъ усилій къ поддержанію духовнаго характера христіанской вѣры и къ подъему сердецъ. Старая основа суевѣрій, оставшаяся отъ древнихъ временъ, продолжала существовать подъ другими названіями, и каждый святой имѣлъ свой особый даръ исцѣленія, въ виду чего къ нему обращались съ соотвѣтственными молитвами.

Несмотря на свою неограниченную власть, церковь, тѣмъ не менѣе, должна была бороться съ многочисленными ересями, какъ, напр., ересью Бернгарда Турскаго (XI в.), отвергавшаго таинство

Евхаристіи, или ересью Петра Бруйскаго (XII в.), еще болѣе смѣлой, возобновленной пустынникомъ Генрихомъ; оттуда названіе генриціанъ, данное послѣдователямъ этого ученія.

На югѣ Франціи серьезно угрожали церкви успѣхи ереси, возстановившей ученіе манихеянъ. *Патарины*, называвшіеся также *катарами* (или чистыми), возстановили ученіе о двухъ обоготворенныхъ началахъ добра и зла. Несомнѣнно, что они учили строгой нравственности, составлявшей противоположность безпорядочности общества, уже изнѣженнаго и развращеннаго въ южныхъ провинціяхъ. Но ихъ ученія граничили съ фанатизмомъ и, во всякомъ случаѣ, подрывали авторитетъ священства: церкви покидались и опустошались. Поэтому папа Иннокентій III, послѣ тщетныхъ попытокъ обратить патариновъ, обозначавшихся общимъ именемъ *альбигойцевъ*, проповѣдями монаховъ Сито и доминиканскихъ монаховъ, предоставилъ эти провинціи, гдѣ процвѣтали *веселыя науки* и *суды любви* варварству сеньёровъ сѣвера. Лангедокъ былъ опустошенъ, сеньёры его лишены своихъ владѣній, и югъ долго вспоминалъ ужасы священной войны съ альбигойцами (1208—1229), которые вовсе не повели къ сближенію сѣвера Франціи съ югомъ, а, наоборотъ, увеличили непріязнь между ними. Вполнѣ господствуя надъ Европой, церковь повторяла ошибки, какія ставились въ упрекъ римскимъ императорамъ. Она пользовалась свѣтской властью для господства надъ совѣстью, тогда какъ сама утвердилась побѣдою совѣсти надъ королевскою властью. Увлеченная ревностью къ преслѣдованію, столь несвойственному ея духу, она продолжала крестовые походы противъ альбигойцевъ судилищемъ *инквизиціи*, тайное судопроизводство которой и безпощадные приговоры заслужили всемірное порицаніе. Церковь, избиравшая своихъ представителей среди народностей, еще близкихъ къ варварству, заимствовала ихъ жестокость. Она носила отпечатокъ своего времени, и хотя съ XIII вѣка замѣчается уже нѣкоторый прогрессъ, но средніе вѣка тогда далеко еще не закончились.

Всего болѣе былъ замѣтенъ прогрессъ матеріальный. Крестовые походы и продолжительное пребываніе европейцевъ въ Азіи оказали пользу промышленности и торговлѣ. Съ Востока были вывезены *дамасскія* ткани, тирское стекло, вѣтряныя мельницы, *ленъ* и *шелкъ*. При посредствѣ арабовъ добывали *хлопокъ*; но нужно было еще много вѣковъ, чтобы выучиться вполнѣ имъ пользоваться. Венеціанцы научились въ Роккѣ, въ Сиріи, изготовленію *квасцовъ*, въ Константинополѣ, Алеппо и Александріи—работамъ изъ слоновой кости. Съ Востока явились также производста *киновари*, *мыла*, *воска*. *сулемы*. Въ Азіи научились золоченію кожъ; Греція, а именно Эвбея и Өессалія доставляли искусныхъ ремесленниковъ, соединявшихъ въ тканяхъ шелкъ съ серебромъ и золотомъ.

Итальянскія республики въ особенности проявляли промышленную дѣятельность, съ которой въ этомъ отношеніи могла сравниться только Фландрія.

Человѣкъ только и искалъ работы; но въ этомъ странномъ обществѣ, гдѣ гнетъ увеличивалъ препятствія, трудъ не былъ

свободнымъ. Корпорація (*цехъ*), восходившая къ послѣднимъ временамъ римской имперіи, была защитой, поддержкой, своего рода силой. Она охраняла ремесленниковъ не только отъ сеньёровъ, но и отъ чужеземныхъ рабочихъ. Она ограничивала число ремесленниковъ, обезпечивала имъ исключительное право работы и доставляла возможность болѣе быстраго обогащенія. При маломъ развитіи промышленности и безпорядкѣ, господствовавшемъ въ обществѣ, это покровительство впослѣдствіи было драгоцѣнной опорой для промышленности, тѣмъ же, чѣмъ для торговли было запрещеніе ввоза иностранныхъ товаровъ. Кромѣ того, въ основѣ цеховъ лежало превосходное начало, которое мы стараемся оживить въ нашемъ, слишкомъ разрозненномъ обществѣ,—именно товарищества или ассоціаціи. Но эта ассоціація сдѣлалась слишкомъ узкой, эгоистической, тиранической, враждебной всякому усовершенствованію, приверженной къ своимъ привиллегіямъ до фанатизма, къ своимъ правиламъ—до нелѣпости, къ установившимся привычкамъ—до величайшаго вреда для себя.

Корпорація не могла разростаться: число учениковъ каждаго мастера было опредѣленнымъ. Обученіе нѣкоторымъ ремесламъ, за которое надо было платить, продолжалось отъ восьми до десяти лѣтъ. Ученикъ дѣлался слугою (или работникомъ) и оставался имъ до полученія званія *мастера*. Но для этого надо было ждать освобожденія мѣста мастера, и надо было оплачивать право сеньёра, такъ какъ ремесла, не будучи свободными, нуждались въ разрѣшеніи короля или сеньёра, а также право корпораціи и право каждаго мастера цеха. Впослѣдствіи работника, для того, чтобы заслужить званіе мастера, заставляли исполнять долгую и дорогую работу, *шедевръ*, которая раззоряла ремесленника или, по меньшей мѣрѣ, вводила его въ долги.

Ремесла имѣли своихъ старшинъ, назначавшихся мастерами или сеньёрами: это были *эксперты* или *присяжные*, обязанные наблюдать за ремеслами и за исполненіемъ правилъ. Позднѣе, эти обязанности сдѣлались должностями, дорого оплачивавшимися и приносившими большіе доходы--должностями *цеховыхъ присяжныхъ*, которые наблюдали за работой. Съ добрымъ намѣреніемъ предупреждать обманъ и ограждать честь корпораціи, было увечено число правилъ въ такой мѣрѣ, что они сдѣлались не только стѣсненіемъ, но и препятствіемъ ко всякому усовершенствованію или улучшенію. Нужны были вѣка, чтобы принять нововведеніе. Для ремесленниковъ опредѣлялись вѣсъ, длина, ширина предметовъ, которые они должны были выдѣлывать; было установлено качество сырого матеріала и способъ его употребленія. Каждый кусокъ ткани, каждая вещь, изготовленные внѣ обычныхъ правилъ, уничтожались.

Ремесленники, видя въ высшихъ классахъ людей привилегированныхъ, заботились лишь о томъ, чтобы противупоставить однѣ привиллегіи другимъ. Имъ продавалось право работы. Король даровалъ каждому изъ придворныхъ должностныхъ лицъ права на доходъ съ извѣстныхъ ремеслъ: главному раздавателю хлѣба съ ремесла *булочниковъ*; главному виночерпію—*трактир-*

щиковъ; маршалу—*кузнецовъ*; главному эконому—*суконщиковъ, мелочныхъ торговцевъ* и т. д. Ремесленники должны были зарабатывать для себя и для тѣхъ, отъ кого они зависѣли. Они убивали конкурренцію, не заботясь о томъ, что они убиваютъ въ то же время промышленность.

Феодальная система стѣсняла торговлю такъ же, какъ и промышленность. Купцы, по примѣру ремесленниковъ, образовали корпораціи, которыя, въ свою очередь, то подвергались гнету, то оказывали его сами.

Ремесленники одного и того же цеха сближались между собою и чаще всего жили на однѣхъ и тѣхъ же улицахъ: ткачи—на Ткацкой улицѣ, каменьщики—на Каменотесной, каретники—на Телѣжной, кожевники—на Дубильной и т. д. Въ Парижѣ сыромятники и красильщики придерживались берега Сены, гдѣ имъ принадлежала *Кожевенная* набережная. Ремеслъ было очень много. Въ книгѣ Этьена Буало упоминаются ремесла золотыхъ дѣлъ мастеровъ, чеканщиковъ золота, эмальировщиковъ по золоту и проч. Множество ремеслъ обрабатывало мѣдь, латунь, желѣзо, сталь и олово для производствъ слесарнаго, шорнаго, пряжечнаго, булавочнаго и т. п. Сѣдельники, шорники и оружейники работали всего болѣе для дворянъ и рыцарей. «Суконныя фабрики были одной изъ главныхъ отраслей промышленности городовъ сѣверной Франціи. Парижъ соперничалъ съ Сенъ-Дени, Ланьи, Бове, Камбрэ и Фландріей. Ткацкія фабрики изо льна и пеньки занимали значительное число рукъ Парижа». Надо упомянуть еше о вышивальщицахъ, ветошникахъ, скорнякахъ, галантерейныхъ торговцахъ и т. д. Эта послѣдняя торговля была одною изъ главныхъ по продажѣ предметовъ для украшеній и роскоши.

Лавки ремесленниковъ ютились въ узкихъ переулкахъ, изъ которыхъ тогда состоялъ Парижъ; туда съ трудомъ проникалъ дневной свѣтъ, солнце же—никогда. Вслѣдствіе того, мастера и подмастерья вынуждены были работать у окна или въ лавкѣ съ открытыми настежь дверями. Кромѣ того, требовалось, чтобы они не имѣли никакихъ секретовъ своего мастерства. Золотыхъ дѣлъ мастеръ и слесарь обязаны были имѣть свою кузницу въ лавкѣ; портной не имѣлъ права шить, а пряжечный мастеръ не долженъ былъ, даже подъ предлогомъ показать ученику, точить или пилить мѣдь въ другомъ мѣстѣ, иначе какъ на станкѣ, поставленномъ возлѣ окна нижняго этажа. Нѣкоторые ремесленники въ наше время сохраняютъ эти обычаи, не понимая ихъ значенія.

Вечеромъ, при наступленіи темноты, всѣ лавки запирались, какъ только колоколъ сосѣдней церкви звонилъ къ вечернѣ, такъ какъ по вечерамъ не работали. Это была печальная жизнь: для развлеченій были воскресенья и многочисленные праздники; они наносили большой ущербъ промышленности. но противъ этого не роптали. Тамъ были еще праздники товариществъ, особыхъ ассоціацій, смѣшанные съ языческими обрядами, часто воспрещавшимися духовенствомъ и свѣтской властью. Хотя этому міру ремесленниковъ не доставало свѣжаго деревенскаго воздуха, хотя они задыхались въ своихъ деревянныхъ домахъ рѣзныхъ и рас-

писанныхъ, но темныхъ, сырыхъ, а иногда и полуразрушенныхъ; хотя они и страдали отъ испареній своего производства, часто заразительныхъ и смертельныхъ, но они больше заработывали и лучше одѣвались; каждый могъ сдѣлать сбереженія, если не часто посѣщалъ таверны. Каждый могъ надѣяться со временемъ сдѣлаться гражданиномъ (буржуа).

Въ Парижѣ судоходство по Сенѣ выше и ниже города исключительно принадлежало одной очень старинной компаніи, называвшейся *водянымъ торгомъ*. Ни одно судно не могло выгрузить съѣстныхъ припасовъ въ Парижѣ, если его не сопровождалъ членъ товарищества или парижской *ганзы*, которая взимала плату со всякаго провіанта, привозимаго въ Парижъ, и упорно отстаивала свою привилегію. Каждое судно, противившееся этимъ установленіямъ, подвергалось захвату и конфискаціи. Въ Руанѣ было такое же общество. Эти привилегіи становились пагубными, такъ какъ онѣ распространялись и поддерживали другъ друга. Каждый городъ хотѣлъ отплатить своему сосѣду тѣмъ же зломъ, какое терпѣлъ отъ него; каждый сеньёръ бралъ примѣръ съ городовъ и получалъ доходъ отъ всякой лодки, проходившей мимо его замка.

Если столько притѣсненій ожидало купцовъ на рѣкахъ, этихъ дарахъ природы, «этихъ живыхъ дорогахъ», какія же права предъявлялись на сухомъ пути, на дорогахъ, которыя не дѣлались сами собою и которыя даже въ то безпорядочное время требовали нѣкоторой работы! Чтобы сдѣлать небольшое путешествіе, надо было пройти черезъ нѣсколько дворянскихъ помѣстій, встрѣтить городъ, обнесенный стѣнами, переправиться черезъ рѣку. Надо было покупать право прохода по каждому, такъ сказать, участку дороги, часто весьма плохой. Мостовыя пошлины еще были справедливѣе, такъ какъ въ ту эпоху общественныхъ работъ не существовало вовсе, и мосты были частной собственностью [1]).

Если была обременительной перевозка товаровъ, то и продажа ихъ облагалась пошлинами, увеличивавшими ихъ цѣну. Трудно даже разобраться въ этихъ правахъ на мѣста въ рынкѣ, за вѣсъ, за мѣру, за продажу хлѣба, въ этихъ правахъ столь же разнообразныхъ, какъ и сами товары, и столь же многочисленныхъ, какъ и тѣ власти, которыя взимали съ купцовъ и съ рынковъ. Въ Парижѣ мелкая торговля должна была прекращаться по субботамъ во всѣхъ кварталахъ, для того, чтобы сосредоточиваться въ рынкахъ. «Только тамъ, въ этотъ день, множество ремесленниковъ могли продавать предметы своего производства: обязанные запирать свои лавки и перебираться на рынокъ, они нанимали у лица, взимавшаго пошлину за мѣсто отъ имени короля, полки или лари и выставляли тамъ съѣстные припасы и другіе товары; булочники приносили туда хлѣбъ; суконщики, ткачи, торговцы кордовской кожей, изъ другихъ городовъ и пригородовъ Па-

---

[1]) Послѣднія мостовыя пошлины въ Парижѣ были отмѣнены лишь въ 1848 г.; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были выкуплены пошлины съ мостовъ на Сонѣ въ Ліонѣ. Въ окрестностяхъ Парижа, въ Вильнёвѣ, Сенъ-Жоржѣ, Сюренѣ, Аржантёйлѣ и проч., мостовыя пошлины существуютъ до сихъ поръ.

рижа и даже еще болѣе дальнихъ мѣстъ, выставляли свои шерстяныя и шелковыя ткани» [1]).

Праздниками торговли были *ярмарки* или большія сборища купцовъ различныхъ странъ. Въ Парижѣ такихъ ярмарокъ было три: Сенъ-Жерменская, Сенъ-Ладрская и Ландитская. Послѣдняя была самой знаменитой и оживленной и устраивалась на лугу С.-Дени. Ярмарки эти продолжались по двѣ недѣли; онѣ создались для богомольцевъ у большихъ аббатствъ, сдѣлались однимъ изъ наиболѣе полезныхъ двигателей торговли и способствовали сближенію населеній различныхъ мѣстностей. Это были всемірныя выставки того времени.

Торговля, какъ мы уже говорили, такъ же, какъ и промышленность, поддерживалась монополіей. Такъ, напримѣръ, продажа мяса въ Парижѣ сосредоточивалась въ рукахъ извѣстныхъ семействъ. Мѣста на рынкѣ сдѣлались наслѣдственными, ни болѣе, ни менѣе, какъ лены. Корпораціи *глашатаевъ* [2]) принадлежало исключительное право объявленій. Въ ту эпоху невѣжества нельзя было пользоваться объявленіями, такъ какъ книгопечатанія не существовало. Поэтому о товарахъ возвѣщали глашатаи. Они не только ходили по улицамъ, объявляя о винѣ, продававшемся въ тавернѣ, въ которой служили, но предлагали его прохожимъ въ ковшахъ или деревянныхъ чашкахъ. Во время объявленій о королевскомъ винѣ, т. е. во время, назначенное для его продажи, таверны ничего не имѣли права продавать. Каждый сеньёръ имѣлъ свое время исключительной продажи.

Несмотря на неполноту исторіи торговли въ средніе вѣка, нельзя не упомянуть о классѣ наиболѣе дѣятельномъ, хотя и гонимомъ, наиболѣе богатомъ, хотя и подавленномъ больше всѣхъ торговцевъ,—объ евреяхъ. Они находились подъ гнетомъ постояннаго отлученія. Евреевъ можно было безнаказанно грабить, мучить, гнать. То устанавливались сроки и проценты за ихъ ссуды, то имъ запрещалось давать деньги за проценты или дѣлать займы самимъ, то уничтожалась часть выданныхъ ими ссудъ, и ихъ заставляли возвращать эту часть тѣмъ, кто съ ними вполнѣ уже расчитался. Людовикъ Святой, чтобы отличить евреевъ отъ остального народа, заставилъ ихъ всегда носить на груди и на спинѣ два большихъ круга изъ желтой матеріи. Филиппъ Смѣлый пошелъ еще дальше: онъ далъ имъ особую одежду и смѣшной головной уборъ [3]).

Безпрестанно изгоняемые и призываемые обратно, всегда ненавидимые и всегда необходимые, евреи, не имѣя возможности заниматься другими ремеслами, держали въ своихъ рукахъ почти всѣ капиталы и занимались *размѣномъ* или торговлею деньгами, стараясь

[1]) Depping, предисловіе къ *Livre des Métiers*.

[2]) Послѣ смерти *глашатая*, его товарищи, въ одеждѣ своей корпораціи, должны были нести тѣло на кладбище, останавливаясь по дорогѣ на каждомъ перекресткѣ; они клали трупъ на подмостки, и одинъ изъ глашатаевъ, имѣвшій при себѣ красивый кубокъ, подавалъ питье всѣмъ присутствующимъ.

[3]) Levasseur, *Histoire des classes ouvrières*.

избѣгнуть вымогательствъ. Имъ приходилось часто спасать свои богатства отъ алчности королей. Говорятъ, изгнанные евреи помѣщали свое золото въ вѣрныя руки и продолжали торговать имъ, давая путешественникамъ секретныя письма къ тѣмъ, у кого хранились ихъ богатства. Это положило начало *векселямъ*. «Они придумали векселя, говоритъ Монтескьё—и, благодаря этому средству, торговля могла избѣжать насилія и поддерживаться повсюду; самый богатый купецъ обладалъ невидимымъ богатствомъ, которое можно было пересылать совершенно незамѣтно». Этими векселями пользовались также въ Италіи Гибелины, когда они были изгнаны Гвельфами. Пользованіе векселями, уничтожившее пересылку монеты, распространилось и дало новый толчекъ торговлѣ. Съ тѣхъ поръ торговыя отношенія стали основываться на довѣріи, что̀ создало *кредитъ*.

Торговлѣ въ особенности принесли выгоды крестовые походы. Ей открылся путь, которымъ уже пользовались венеціанцы, пизанцы и генуэзцы. Городъ Монпелье завязалъ торговыя сношенія съ государствами, лежавшими по берегамъ Средиземнаго моря, и съ государствами Леванта. Въ городахъ Востока купцы изъ Монпелье владѣли особымъ кварталомъ, деньги ихъ принимались повсюду, и даже магометане въ Александріи и въ Тунисѣ относились къ ихъ флагу съ уваженіемъ [1]).

Въ особенности, развивались города южной Франціи. Во Фландріи и Пикардіи образовался союзъ изъ двадцати четырехъ городовъ, подъ названіемъ *Лондонской Ганзы*, для торговли съ Англіей.

Венеція, царица Адріатики, господствуя надъ Далмаціей и Иллирійскими островами, владѣла также портами Греціи, Іонійскихъ островов, Цикладъ и Спорадъ. Венеціанцы могли называть себя господами трехъ четвертей греческой имперіи; они долгое время только одни вели торговлю съ народами черноморскаго побережья. Генуэзцы соперничали съ ними въ этой торговлѣ, что̀ влекло за собою продолжительныя войны, изъ которыхъ главною была война за Каффу (Ѳеодосія). Венеція вознаградила себя въ Сиріи, Египтѣ и Африкѣ. Кромѣ того, сухимъ путемъ она поддерживала сношенія съ Германіей. У нѣмцевъ была торговая контора въ Ріальто. Венеція старалась также достигнуть морскимъ путемъ сѣверныхъ областей Европы, и въ 1312 г. въ первый разъ венеціанская галера пристала въ гавани Антверпена. Она взяла верхъ надъ своей соперницей Генуей и пріобрѣла неоспоримое господство надъ Средиземнымъ моремъ и надъ всѣми морями, отъ него исходящими. Впрочемъ, *Барселона* въ Испаніи, такъ же, какъ и Монпелье во Франціи, пытались присвоить себѣ часть этой громадной торговли.

Торговое движеніе обозначалось и на сѣверѣ. Нѣмецкіе города образовали союзы, скорѣе торговые, чѣмъ политическіе. *Ганзейскій союзъ*, самый значительный, былъ раздѣленъ на четыре части: *Вандальскую*, заключавшую въ себѣ города, расположенные

---

[1]) См. *Histoire de la commune de Montpellier*, par M. A. Germain.

по Балтійскому побережью, съ Любекомъ во главѣ; *Рейнскую*, главнымъ городомъ которой былъ Кёльнъ, *Германскаго берега*, управляемаго Брунсвикомъ, и *Ливонскихъ* городовъ, подчиненныхъ Данцигу. Союзъ имѣлъ четыре большихъ отдѣленія, учрежденныхъ въ *Бергенѣ*, въ Норвегіи, въ *Новгородѣ*, въ Россіи, въ *Брюгге* и въ *Лондонѣ*. Кромѣ шестидесяти четырехъ городовъ, входившихъ въ составъ этого союза, ему принадлежали еще сорокъ четыре союзныхъ города и двадцать городовъ во Франціи, въ Англіи, во Фландріи, въ Испаніи и въ Италіи, независимо отъ подчиненныхъ городовъ. Повсюду флагъ Ганзы пользовался уваженіемъ, и города, которые нарушили бы права ганзейскаго города, были бы покинуты всѣми купцами. Это былъ могущественнѣйшій торговый союзъ, какой когда-либо существовалъ.

Великое торговое движеніе началось сперва на Средиземномъ морѣ и развивало цивилизацію странъ, къ нему прилегавшихъ. Именно оно способствовало столь раннему и блестящему процвѣтанію Италіи и Лангедока. Остальная часть материка принимала незначительное участіе въ выгодахъ этой торговли. Товары изъ Азіи и съ юга Европы переправлялись съ южныхъ береговъ Франціи внутрь страны; изъ Генуи—въ Брюгге для Фландріи и странъ сѣвера; изъ Венеціи — въ Аугсбургъ для Германіи. Но вскорѣ въ мореплаваніи произошелъ переворотъ, необычайно распространившій торговлю и соединившій океанъ со Средиземнымъ моремъ и сѣверъ съ югомъ. Такимъ переворотомъ былъ проходъ чрезъ Гибралтарскій проливъ мореходами Средиземнаго моря; этотъ путь сдѣлался обычнымъ къ концу XIII вѣка, соединивъ морской путь съ сухопутнымъ, столь неудобнымъ и продолжительнымъ.

«Фландрія была мѣстомъ, гдѣ выгружали свои товары мореходы Средиземнаго моря, а Брюгге сдѣлался ихъ главнымъ складочнымъ пунктомъ. Города Балтійскаго побережья, занимавшіеся ловлею сельдей, доставляли во Фландрію соленую рыбу изъ сѣверныхъ морей, съѣстные продукты съ сѣверныхъ окраинъ материка, а также лѣсъ, деготь, пеньку, мѣха и проч. Взамѣнъ того, они получали съѣстные припасы изъ Азіи и Южной Европы. Обмѣнъ товаровъ всего свѣта происходилъ тогда во Фландріи, куда привозились пряности изъ Индіи, шелковыя ткани, квасцы, стекло и плоды изъ Италіи, шерстяныя издѣлія изъ Англіи и Испаніи, вина, сухія краски, сушеные плоды, ленъ и соль изъ Франціи, желѣзо изъ Германіи, мѣха, сушеная рыба, деготь и пенька изъ Сѣверной Европы.

«Фландрія служила не только для транзита этихъ разнообразныхъ товаровъ, но они обрабатывались въ этой странѣ, такъ какъ фламандцы получали товары въ сыромъ видѣ, а отправляли ихъ переработанными своимъ трудомъ. Города возникали и разростались точно по волшебству. Такъ, когда, въ началѣ XIV вѣка, Филиппъ Красивый, временно овладѣвшій богатой провинціей Фландріей, въѣзжалъ въ Брюгге вмѣстѣ съ королевой, своей женой, послѣдняя была поражена богатыми одеждами горожанокъ и воскликнула съ неудовольствіемъ: «Что это такое? Я думала, что

королева только я одна, а здѣсь я ихъ вижу сотнями!» Нидерланды, имѣвшіе лишь 12 городовъ и нѣсколько укрѣпленныхъ лагерей при римлянахъ, будучи, почти на всемъ пространствѣ, покрыты лѣсами, обязаны своимъ развитіемъ сначала духовенству, а затѣмъ торговлѣ, т. е. монахамъ, расчистившимъ почву, и горожанамъ, увеличившимъ благосостояніе промышленностью. Въ XV вѣкѣ Нидерланды владѣли уже 358 городами, въ числѣ которыхъ 208 были обнесены стѣнами и 6.300 селами, кромѣ деревень и поселковъ» [1]).

Торговля уже искала новыхъ путей и новыхъ странъ. Въ XII в. смѣлый путешественникъ, еврей Веніаминъ Тудельскій проникъ до Самарканда и Индостана. Въ XIII в. францисканскій монахъ Плано - Карпини былъ посланъ папою Иннокентіемъ IV, въ 1246 году, къ татарамъ. Точно также, Людовикъ Святой отправилъ къ этимъ мало извѣстнымъ народамъ францисканца Рѳисбрука (Рубруквиса, 1253 г.). Семья одного венеціанскаго комерсанта проникла въ Монголію: *Марко Поло* болѣе 17 лѣтъ прожилъ въ Китаѣ, гдѣ могъ изучить нравы и языкъ. Онъ вернулся въ Венецію черезъ Индійскій океанъ, Персію, Трапезундъ и Константинополь, затѣмъ былъ взятъ въ плѣнъ генуэзцами и, во время своей неволи, продиктовалъ знаменитую *Книгу о чудесахъ міра*, которая была приведена въ порядокъ и издана на французскомъ языкѣ (1298). Эта книга познакомила съ крайнимъ Востокомъ и доставила наиболѣе драгоцѣнныя свѣдѣнія объ Азіи, о протяженіи земли, и изучалась путешественниками, которые въ XV вѣкѣ сдѣлали столь удивительныя открытія [2]).

Любознательность, желаніе учиться повели за собою возобновленіе школъ, основанныхъ нѣкогда подъ сѣнью монастырей и церквей; въ Парижѣ школы собора Богоматери, св. Женевьевы, св. Виктора, начиная съ XI в., привлекали множество учениковъ. Сословіе учащихся, сосредоточивавшееся сперва у подножія холма св. Женевьевы, въ улицахъ Галандъ и дю - Фуарръ, вскорѣ покрыло весь холмъ, гдѣ оно ютилось среди отѣнявшихъ его тогда, зеленыхъ изгородей и деревьевъ, вокругъ знаменитыхъ учителей, преподававшихъ подъ открытымъ небомъ, какъ философы древности. Эти школы соединяли весьма смутно въ общемъ преподаваніи всѣ отрасли человѣческаго знанія: оттуда происходитъ названіе *университета*, данное этому соединенію школъ, которое было утверждено хартіей Филиппа-Августа (1200), буллами Иннокентія III (1209 и 1210) и статутами папскаго легата Роберта Курсонскаго (1215) [3]).

---

[1]) Mignet, *Mémoires historiques. Formation territoriale et politique de la France.*

[2]) Англичанинъ Джонъ Мандевиль путешествовалъ около середины XIV вѣка и написалъ свой отчетъ по англійски, по французски и по латыни.

[3]) Парижскій университетъ дѣлился на четыре «народности»: *французскую*, *англійскую* (къ которой позднѣе была присоединена нѣмецкая), *пикардійскую* и *нормандскую*. У этихъ народностей были свои «провинціи», и въ эти провинціи входили и другія чужеземныя народности, въ различныхъ группахъ: народности юга (Испанія, Италія, Константинополь и Востокъ), соединенныя въ провинціи Буржъ; народности сѣвера (Германія, Скандинавія, Польша, Венгрія)—въ англійской національности; Нидерланды — въ пикардійской.

Ученики были свободны, скудно живя въ узкихъ переулкахъ, окружавшихъ улицу Галандъ, или въ *коллегіяхъ*, основанныхъ и поддерживаемыхъ пожертвованіями благочестивыхъ людей: коллегіи св. Ѳомы Кенторберійскаго (или Луврской), коллегіи Восемнадцати, коллегіи англичанъ, датчанъ, Константинопольской, Добрыхъ дѣтей, Гаркура, Шоле, Кальви; въ коллегіяхъ, учрежденныхъ духовными орденами, подъ названіемъ — Матюреновъ, Бернарденовъ, Кармелитовъ, Сенъ-Дени, Премонтре и Клюни. Выше всѣхъ этихъ коллегій стала впослѣдствіи коллегія, основанная для изученія теологіи Робертомъ Сорбонскимъ, капеланомъ Людовика Святого, и названная по его имени *Сорбонной*.

Университетъ, въ которомъ учителя и большинство учениковъ были *клириками*, составлялъ часть церкви. Папа былъ его единственнымъ главою и судьей. Но духъ феодализма проявлялся въ недостаткѣ дисциплины этой толпы учениковъ всѣхъ возрастовъ и состояній, которые, въ силу своихъ привилегій, распространялись по городу, наполняя его шумнымъ весельемъ и смущая своимъ буйствомъ. Мало-по-малу, они истощили терпѣніе королей, своихъ покровителей, и хотя королевскій судья, при вступленіи въ должность, присягалъ не нарушать правъ университета, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ неумолимъ по отношенію къ этимъ слишкомъ распущеннымъ ученикамъ. Столкновенія между университетомъ и гражданскимъ судомъ много разъ влекли за собою прекращеніе лекцій и высылку учениковъ. Но, съ другой стороны, этими высылками пользовались многіе большіе города, куда удалялись учителя, и гдѣ основывались университеты, пріобрѣтавшіе неменьшую извѣстность [1]). Такимъ образомъ, наука распространялась все далѣе и далѣе.

Несмотря на скудость жизни въ этихъ коллегіяхъ и на безпорядки, вредившіе ученію, слава учителей университета привлекала къ нему столько учениковъ, что въ дни процессій вереницы ихъ были безконечны. Всѣ знаменитые ученые XII и XIII вѣковъ проходили тамъ курсъ или учили, и никакая слава не была прочной, если она не связывалась такъ или иначе съ Парижскимъ университетомъ. Въ XIII в. тамъ преподавали шотландецъ Дунсъ Скотъ, испанецъ Раймондъ Луллій, англичанинъ Роджэръ Бэконъ. Нѣмецъ Альбертъ Великій долженъ былъ читать на площади, получившей его имя Моберъ (Maître Albert). Парижъ посѣтили Брунетто Латини и Дантъ.

Преподаваніе въ эту эпоху было весьма сухимъ и труднымъ. Это была скорѣе оболочка знанія, чѣмъ само знаніе. Преимущественно придерживались *грамматики*, *діалектики*, *риторики* («trivium») или ариѳметики, геометріи, астрономіи и музыки («quadrivium»).

Діалектика или искусство разсуждать, преувеличивая основы Аристотеля, умножая правила силлогизма, замѣняла мысль игрою

---

[1]) *Списокъ главныхъ университетовъ*: Парижскій, 1200; Оксфордскій, около 1206; Валенсскій, 1208; Саламанкскій. 1223; Неаполитанскій, 1224; Вѣнскій, 1226; Кембриджскій, 1231; Упсальскій, 1240; Монпелье, 1283; Лиссабонскій, 1290, перенесенный въ Коимбръ въ 1308; Орлеанскій, 1305.

словъ и неуловимыми тонкостями. Отъ привычки разсуждать такимъ образомъ терялся смыслъ. Наука сдѣлалась не болѣе, какъ безпорядочной грудой выводовъ, лабиринтомъ формулъ, обозначавшихся самыми странными названіями. *Риторика* точно также заключалась въ употребленіи образовъ, заимствованныхъ у древнихъ риторовъ, что́ придавало рѣчамъ напыщенный характеръ. При этомъ исключительная забота о формѣ шла въ разрѣзъ съ естественностью, и риторика убивала краснорѣчіе.

Духъ утонченности въ такой мѣрѣ былъ духомъ того времени, что онъ исказилъ философію и теологію и получилъ названіе *схоластики* (схола—школа). Это было результатомъ безконечныхъ школьныхъ диспутовъ, причемъ ученики старались выказать изощренный умъ и начитанность, по большей части, плохо усвоенную. Слово *схоластика* осталось для обозначенія преподаванія философіи той эпохи, когда пристрастіе къ Аристотелю, дурно переведенному (такъ какъ изученіе греческаго языка было въ пренебреженіи) и дурно понятому, извращало сужденіе.

Вопросомъ, раздѣлившимъ философовъ и ученыхъ, былъ важный вопросъ о *номинализмѣ* и *реализмѣ*. Росселинъ Компьенскій высказалъ первый, что общія понятія, *роды* и *виды* были ничто иное, какъ *слова*, *звуки голоса*. Въ дѣйствительности, существовали только *индивидуумы*. Это увлекло его къ отрицанію отвлеченныхъ идей, соотвѣтствующихъ нравственнымъ истинамъ или утвержденіямъ священнаго откровенія. *Реалисты* возмутились и выступили на защиту идей или универсаловъ, какъ говорили тогда. Они увлеклись, въ свою очередь, до того, что стали утверждать, будто отвлеченныя понятія имѣли вещественное существованіе, что *человѣчество* существовало помимо людей; что *абсолютное время* существовало независимо отъ продолжительности того или другого дѣйствія, что *цвѣтъ* существуетъ помимо цвѣтныхъ предметовъ. Св. Ансельмъ и Гильомъ Шампоскій поддерживали реализмъ. Споръ ожесточался, такъ какъ онъ неизбѣжно долженъ былъ затронуть богословскія ученія. *Номиналисты* обвинялись въ ереси, *реалисты* защищали католичество; но и тѣ, и другіе истощали силы въ спорахъ, превышавшихъ пониманіе невѣжественнаго населенія и даже студентовъ. И можемъ ли мы даже теперь бросить въ нихъ камнемъ, когда наука, не смотря на свои громадные успѣхи, до сихъ поръ еще опутана остатками схоластики? Въ наши дни также спорятъ о *словахъ*, заучиваютъ пустыя формулы, болѣе или менѣе звонкія, прикрывая ихъ именемъ науки, какъ будто шелуха есть самый плодъ.

Въ основѣ этихъ, чисто праздныхъ споровъ скрывалась, тѣмъ не менѣе, любознательность, присущая человѣческому уму, занятому своимъ назначеніемъ. Схоластика была лишь неправильнымъ пріемомъ, примѣнявшимся къ высшимъ наукамъ, каковы философія и теологія, обѣ тѣсно связанныя подъ строгимъ надзоромъ церкви, обѣ поглощавшія живыя силы самыхъ знаменитыхъ ученыхъ. Итальянецъ Ланфранкъ сдѣлался архіепископомъ Кенторберійскимъ; св. Ансельмъ защищалъ религію, поколебленную тонкостями Росселина, и подчинилъ разумъ вѣрѣ; Гильомъ Шампоскій имѣлъ сна-

чала ученикомъ, а затѣмъ противникомъ знаменитаго *Абеляра*. Этотъ послѣдній увлекся за предѣлы, поставленные церковью для философіи: онъ хотѣлъ все изслѣдовать и все обсуждать, даже и догматы. Его смѣлыя попытки, имѣвшія лишь цѣлью подвергнуть оцѣнкѣ и изслѣдованію религіозныя ученія, взволновали церковь, которая выдвинула противъ него св. Бернарда, столь прославленнаго за свою строгость и краснорѣчіе, посредника въ спорахъ между королями и папами, проповѣдника второго крестоваго похода. Св. Бернардъ, оживившій ученость, благочестіе и пылкость отцовъ церкви, былъ мужественнымъ и неутомимымъ атлетомъ, который отрѣшился отъ схоластическихъ пріемовъ и увлекалъ своихъ слушателей пламенной рѣчью. *Петръ Ломбаръ*, епископъ парижскій (1159), пытался, въ свою очередь, укрѣпить теологію *Сборникомъ изреченій* св. отцовъ.

Сдерживаемая въ предѣлахъ католицизма, философія въ XIII вѣкѣ была, болѣе, чѣмъ когда-либо, предметомъ изученія ученыхъ богослововъ, продолжавшихъ увлекаться Аристотелемъ: Гильома Овернскаго, епископа Парижскаго, при Людовикѣ Святомъ, Альберта Великаго, св. Ѳомы Аквинскаго и св. Бонавентуры [1]). Альбертъ Великій положилъ начало спорамъ о *матеріи* и *формѣ*, о *сущности* и *бытіи*. Его ученикъ, *св. Ѳома Аквинскій* превзошелъ его и удостоился званія *всемірнаго* и *ангельскаго ученаго*. Его *Итогъ теологіи*, превосходное произведеніе, составляетъ полный методическій выводъ, глубокое разсужденіе обо всѣхъ вопросахъ теологіи. Если доминиканцы гордились св. Ѳомой, у францисканцевъ былъ св. Бонавентура, прозванный *серафическимъ* ученымъ за свой мистицизмъ. Онъ сводилъ всю науку къ идущему свыше свѣту или иллюминизму. *Дунсъ-Скоттъ* (Джонъ), родившійся по ту сторону Ламанша, заслужилъ прозваніе *утонченнаго* ученаго. Онъ вернулся къ ученію реалистовъ противъ номиналистовъ и сдѣлался противникомъ нѣкоторыхъ мнѣній св. Ѳомы, сторонники котораго или *томисты* съ энергіей поддерживали его ученія. Эти, непонятныя для насъ, распри волновали католическую Европу, раздѣленную между *томистами* и *скотистами*. Наконецъ, Винцентъ де-Бове, не вдаваясь въ эти тонкости, собралъ въ обширномъ энциклопедическомъ трудѣ, озаглавленномъ *Всемірное зеркало*, всѣ знанія своего времени, которымъ

---

[1]) *Схоластики и ученые отцы церкви* XI вѣка: Ланфранкъ, умершій въ 1089 г.; Росселинъ Компьенскій, въ 1090 г.; св. Ансельмъ, въ 1109 г.

XII вѣка: Ивъ Шартрскій, ум. въ 1116 г.; Ансельмъ Лаонскій, въ 1117 г.; Гильомъ Шампоскій, въ 1121 г.; Абеляръ, въ 1142 г.; св. Бернардъ, въ 1152 г.; Петръ Ломбардъ, въ 1164 г.; Петръ Блуасскій, въ 1200 г., Амори Шартрскій, въ 1209 г.

XIII вѣка: св. Францискъ Ассизскій, ум. въ 1226 г.; св. Антоній Падуанскій (португалецъ, проповѣдывавшій въ Италіи), въ 1231 г.; Гильомъ Овернскій, епископъ парижскій, въ 1248 г.; Альбертъ Великій (Швабскій) въ 1289 г.; св. Ѳома Аквинскій (доминиканецъ, род. въ Рокка-Секка, бли-Аквино), въ 1274 г.; св. Бонавентура, францисканецъ, въ 1274 г.; Гильомъ Сентъ-Амурскій, въ 1272 г.; Винцентъ де-Бове, въ 1264 г.; Роджеръ Бэконъ (англичанинъ), францисканецъ, въ 1292 г.; Дунсъ-Скоттъ (англичанинъ), францисканецъ, въ 1292 г.; Раймондъ Луллій (испанецъ), франциск. монахъ, въ 1315 г.

придалъ обдуманную классификацію. Богословскіе споры начинали утихать: одинъ изъ современниковъ св. Θомы, англійскій монахъ *Роджеръ Бэконъ* уже не хотѣлъ отдаваться знаніямъ своего времени и обратился къ изученію природы.

Философы и богословы спорили, разсуждали и состязались на латинскомъ языкѣ. Онъ былъ языкомъ церкви. Наряду съ нимъ, свѣтское общество имѣло свой языкъ, называвшійся *романскимъ*, составленный изъ смѣшенія германскихъ нарѣчій и латинскихъ словъ. Смотря по различію этого смѣшенія, на сѣверѣ различали языкъ *оиль* (langue d'oïl), а на югѣ языкъ *окъ* (langue d'oc), называвшіеся такимъ образомъ отъ слова, означавшаго *oui* (да). Языкъ оиль получилъ преобладаніе послѣ того, какъ югъ, со времени крестоваго похода противъ альбигойцевъ, былъ побѣжденъ и покоренъ сѣверомъ. Изъ языка оиль, послѣ переработки въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, образовался *французскій языкъ*.

Хотя и весьма мало выработанный языкъ оиль, начиная съ XI вѣка, уже подчинялся фантазіи поэтовъ. Феодальное и религіозное общество среднихъ вѣковъ, восторженное, несмотря на свои недостатки, не могло не отражать себя въ поэмахъ, имѣвшихъ если не совершенство античныхъ поэмъ, то, по крайней мѣрѣ, ихъ эпическій духъ. Великія дѣла франковъ, удивительная слава Карла Великаго сильно вліяли на умы. Поэтому, первый циклъ поэзіи былъ навѣянъ Карломъ Великимъ и его сподвижниками: это былъ циклъ *французскій* или *каролингскій*. Впрочемъ, труверы не ограничивались прославленіемъ могущественнаго императора: они пошли далѣе, хотя и извратили исторію. Самъ Карлъ Великій былъ превращенъ въ феодальнаго императора, и безпредѣльное воображеніе соединяло въ его лицѣ всю отвагу феодальныхъ воиновъ. Наиболѣе замѣчательна *Пѣснь о Роландѣ*, по справедливости считающаяся первымъ памятникомъ французской поэзіи. Благодаря этой поэмѣ, Роландъ, въ средніе вѣка, сдѣлался самымъ совершеннымъ типомъ рыцаря, паладина, высшаго изъ людей, какъ гомеровскій Ахиллъ. Кромѣ того, эти воинственныя пѣсни (называемыя chansons de gestes, отъ латинскаго слова gesta, дѣла, дѣйствія) носятъ отпечатокъ духа христіанства и крестовыхъ походовъ. Храбрость блестящихъ рыцарей прославляется, главнымъ образомъ, за то, что она направлена противъ сарацинъ, мусульманъ, и въ ней чувствуется отраженіе великой борьбы, волновавшей тогда христіанскую Европу.

Эдгаръ Кине говоритъ о chansons de gestes: «Въ этихъ длинныхъ разсказахъ мы находимъ монастыри, дамъ съ веселыми лицами, рвущихъ майскіе цвѣты, или ожидающихъ извѣстій на высокихъ балконахъ. Пустынникъ въ глубинѣ лѣса читаетъ расписанную книгу; дѣвушка знатнаго происхожденія ѣдетъ верхомъ на сѣромъ конѣ въ яблокахъ; гонцы и богомольцы сидятъ за столомъ и бесѣдуютъ въ разубранной залѣ; горожане стоятъ у подземнаго входа въ крѣпость; рабъ пашетъ землю. Мы видимъ флаги, развѣвающіеся по вѣтру, вышитые значки, соколиную охоту; судъ съ помощью огня, воды и поединка; плащи, турниры, героическіе мечи, Дюрандаль, Готклэръ и друг.; гар-

цующихъ лошадей, носящихъ особыя имена по примѣру гомеровскихъ—Баяра у сыновей Эймона, Бланшара Карла Великаго, Валентина Роланда. Все, что сопровождало раздоры сеньёровъ, вызовы, переговоры, оскорбленія, обращенія къ оружію, сборъ ополченія, военныя машины, наступленіе, дождь стальныхъ стрѣлъ, голодъ, убійства, разрушенныя башни,—все это проходитъ передъ нами, какъ полное зрѣлище этой шумной и молчаливой, разнообразной и монотонной, глубоко религіозной и воинственной жизни. Здѣсь настолько собраны всѣ крайнія проявленія этой жизни, что поэмы, сперва кажущіяся намъ преувеличеніями, подъ конецъ даютъ болѣе дѣйствительную и поражающую насъ правду подробностей и чувствъ, чѣмъ сама исторія.

«Труверы, такимъ образомъ, пользовались всѣми сюжетами, какіе могли доставить имъ средніе вѣка; но среди весьма многихъ главныхъ темъ, къ одной они возвращались постоянно: разъ коснувшись ея, они не могли уже ни исчерпать, ни оставить ее; это были турниры и битвы... Воинственный духъ Франціи чувствуется всего болѣе въ этихъ отважныхъ поэтахъ. При этомъ ихъ желѣзный языкъ служилъ имъ какъ нельзя лучше, бѣдный нравственными понятіями, но замѣчательно богатый и свободный, когда дѣло идетъ о вооруженіяхъ, пробитыхъ панцыряхъ, алой крови и угнетенныхъ вассалахъ. Искренній энтузіазмъ одушевляетъ поэтовъ; неожиданныя проблески свѣта являются для нихъ среди самой сильной схватки. Смѣлостью воображенія они равны своимъ героямъ: они и сами—странствующіе рыцари искусства и поэзіи. Не смотря на затрудненія невыработаннаго языка, ихъ горделивые вымыслы блещутъ свѣтлой полосою, какъ Дюрандаль, извлекаемый изъ ноженъ; безъ помощи искусства, они добиваются правдивости выраженія, обнаженные и безоружные, и отважность мысли позволяетъ имъ подняться до высокой наивности, какая потомъ никогда уже не повторялась... Вы вдыхаете въ этихъ неотдѣланныхъ стихахъ духъ необузданной силы, высшей гордости, овладѣвавшей человѣкомъ въ уединеніи башенъ въ замкахъ, откуда онъ видѣлъ у своихъ ногъ приниженную и порабощенную человѣческую природу. Это была поэзія не орловъ Олимпа, а коршуновъ и ястребовъ Галліи» [1]).

Феодализмъ облагораживается и очищается рыцарствомъ. У рыцарства была своя поэзія, для которой, какъ это ни странно, сюжеты черпались изъ древнихъ кельтическихъ легендъ: это былъ *циклъ арморикансiй*, называемый также *цикломъ Артура* [2]), миѳическаго лица бретонцевъ, сдѣлавшагося, какъ и Карлъ Великій, главнымъ героемъ множества приключеній. Условное рыцарство, христіанскія преданія, извѣстный мистицизмъ и изысканная любезность по отношенію къ дамамъ—таковъ былъ характеръ

---

[1]) Ed. Quinet, *Epopées françaises du douzième siècle.*

[2]) Главныя пѣсни жестовъ французскаго или каролингскаго цикла слѣдующія: пѣсни Логереновъ, Рауля Камбрэйскаго, романъ Берты съ большими ногами, пѣсня о Роландѣ, Герардъ Вьенскій, Саксонцы, четыре сына Эймона, Ожье Датчанинъ, Эмери Нарбонскаго.

этой поэзіи, менѣе грубой, чѣмъ поэзія предшествующаго вѣка [1]), творцы которой, напр., Робертъ Васъ и Христіанъ изъ Труа, намъ болѣе извѣстны.

Вслѣдъ затѣмъ эпическая поэзія взялась за древнія преданія [2]). Въ средніе вѣка сохранялось смутное воспоминаніе о древности, и она была извращена въ циклѣ, названномъ *Великій Римъ*. Гекторъ, Александръ, Улиссъ сдѣлались сюжетами, которыхъ труверы не могли исчерпать въ безконечныхъ тысячахъ стиховъ. Александръ былъ окруженъ двѣнадцатью пэрами, баронами и паладинами. Искаженная такимъ образомъ исторія стала народнымъ достояніемъ, и средневѣковые художники, воодушевленные поэтами, часто изображали героевъ древности въ рыцарскихъ доспѣхахъ.

Впрочемъ, во время полнаго развитія феодализма, эта восторженность уменьшилась. Любовь къ спорамъ, все болѣе и болѣе бравшая перевѣсъ, привела къ сухости, а вкусъ къ утонченности понизилъ поэзію до *аллегоріи*. *Романъ Розы*, въ 22.000 стиховъ, былъ, несомнѣнно, поэмой, но поэмой съ отвлеченными лицами: *Опасность*, *Злословіе*, *Измѣна*, *Низость*, *Ненависть*, *Скупость*. Безспорно, въ этомъ произведеніи Гильома Лорри (ум. около 1260 г.), которое было продолжено Жаномъ Мёнгъ (ум. около 1320 г.) есть не мало изящества во многихъ мѣстахъ, но въ немъ чувствуется уже иной духъ, чѣмъ въ твореніяхъ прежнихъ труверовъ. Подъ отвлеченными именами авторы скрываютъ не одно живое лицо; они насмѣхаются, осуждаютъ, порицаютъ. Они обнажаютъ раны феодальнаго и духовнаго общества, но, однако, такъ, что ихъ нельзя обвинить въ посягательствѣ на религію или королевскую власть. Они прикрываются умомъ и лукавствомъ.

Романъ Лиса былъ еще болѣе лукавымъ, чѣмъ романъ Розы. Труверъ *Рютбёфъ* (1236) выводитъ на сцену животныхъ. Его романъ—ничто иное, какъ апологія, сказка въ стихахъ (*фабліо*), какія уже появлялись тогда во множествѣ, настоящая сатира на общество того времени. Интересъ, какой выказывали современники къ продѣлкамъ и плутовству Лиса, доказываетъ, что простодушіе исчезало, что заблужденія уменьшались и что матеріальныя заботы начинали брать перевѣсъ надъ мистическими увлеченіями.

Поэзія юга не знала длинныхъ произведеній: она была не эпической, а лирической. Благодаря счастливому климату, смягченнымъ нравамъ, языку, болѣе приближавшемуся къ латинскому, болѣе гармоническому и звучному, югъ въ особенности умѣлъ выражать нѣжныя и тонкія чувства. *Трубадуры* были поэтами

[1]) Главные романы этого цикла слѣдующіе: романъ *Брута*, авторъ котораго *Робертъ Васъ*, клирикъ изъ Кана; этотъ романъ извѣстенъ также подъ названіемъ *Круглаго стола*, вокругъ котораго Артуръ собиралъ своихъ товарищей; *Рыцарь льва*, Христіана изъ Труа; *Ланселотъ дю-Лакъ* и *св. Грааль*. Эти послѣдніе написаны прозой.

[2]) Главные романы этого цикла—романы Александра, Трои, Ѳивъ и т. д.

Главные труверы: Робертъ Васъ, умершій въ 1150 г.; Христіанъ изъ Труа, Обуенъ Сезанскій въ XII вѣкѣ; Александръ, 1202; Гюонъ изъ Вильнёва, Жильбертъ изъ Монтрёйль, Мари де-Франсъ, XIII в.; Пьеръ Моклеркъ, 1237; Тибальтъ IV Шампанскій, 1253; Гильомъ де-Лорри, 1266.

судовъ любви. Иногда, впрочемъ, они присоединяли къ своимъ изящнымъ стихамъ военныя пѣсни, какъ, напр., знаменитый Бертранъ де-Борнъ, такъ хорошо выражавшій одновременно чувство природы, волненія сердца и воинственый пылъ, и игравшій въ войнахъ сыновей Генриха II съ ихъ отцомъ роль поэта и воина. Военныя пѣсни назывались *сирвантами* (sirventes), а поэтическія состязанія передъ дамами носили названіе *тенсоновъ* (tensons)[1].

Труверы сѣвера, впрочемъ, подражали, насколько могли, лирической поэзіи трубадуровъ юга. Кэнъ де-Бетюнъ, Тибальдъ IV, графъ Шампанскій, старались выразить на языкѣ оиль сердечныя чувства: ихъ стихи, часто изящные, кажутся улыбкой въ нестройной и монотонной грудѣ длинныхъ аллегоричекихъ или эпическихъ поэмъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, *Карлъ Орлеанскій* достигнетъ уже красоты формы, и царственный поэтъ подготовитъ путь народному поэту XV вѣка, *Виллону*.

Въ среднихъ вѣкахъ замѣчается также зарожденіе театра во Франціи. Замѣчательно, что новый театръ возникъ въ церквахъ, какъ и древній около своихъ храмовъ. *Мистеріи* изображались сперва передъ вѣрующими, собиравшимися въ обширныхъ церквахъ: это была религія, представленная въ дѣйствіи и въ картинахъ. Начиная съ XIII вѣка, эти представленія религіозныхъ сценъ плѣняли толпу, и Адамъ де-ла-Галль могъ уже поставить нѣкоторыя сцены внѣ церкви, въ особенности, шутливыя. Но самый разгаръ *мистерій* относится къ XIV вѣку, когда устроились религіозныя *братства* для роскошныхъ представленій, съ помощью машинъ и костюмовъ, Страстей Христовыхъ.

Прозаическая литература, хотя и пользовавшаяся языкомъ, еще не сложившимся, уже имѣетъ прекрасные образцы. Мы не можемъ не удивляться разсказамъ и описаніямъ *Жоффруа Вильгардуенскаго*, заставляющаго насъ присутствовать вмѣстѣ съ нимъ при завоеваніи Константинополя. Онъ начинаетъ собою исторію, освободивъ ее отъ сухости латинскихъ хроникъ. Монахи умѣли только собирать факты и нагромождать ихъ безъ порядка и оцѣнки. Маршалъ Шампанскій, отдаваясь своимъ воспоминаніямъ, въ непритязательномъ разсказѣ, даетъ намъ первую одушевленную картину великаго похода. А *Жуанвиль*, подчинясь пылкой дружбѣ къ Людовику Святому, возстановляетъ передъ нами, въ своихъ неподражемыхъ *Воспоминаніяхъ*, эту простую и чистую жизнь. Онъ также создаетъ исторію, не думая о томъ, исторію, рисующую характеры и оживляющую битвы; его чистосердечіе придаетъ особую прелесть этимъ сценамъ, которыя хочется перечитывать много разъ и въ которыхъ одновременно вызываютъ восхищеніе и герой, и его историкъ, именно тѣмъ, что послѣдній не старался вызвать это восхищеніе[2].

---

[1]) *Трубадуры*: Гильомъ изъ Пуатье, 1127 г.; Арно Даніэль, 1148; Рамбо д'Оранжъ, 1173; Альфонсъ II Арагонскій, 1196; Ричардъ, Львиное Сердце, 1199; Бернаръ Вантадурскій; Пьеръ Видаль, около 1200; Дофинъ Овернскій, 1234; Блака̀, 1235; Сордаль Мантуанскій, около 1300. и т. д.

[2]) *Главные хроникеры и историки XI и XII вв. Франція:* Рауль Глаберъ, ум. въ 1048 г.; Сугерій, въ 1152; Гильомъ Тирскій, въ 1194 г; Жоффруа

Объ усиленіи умственной дѣятельности свидѣтельствуютъ также успѣха науки о *правѣ*. Преподаваемое блестящимъ образомъ въ итальянскихъ школахъ, римское право привилось и во Франціи. Его изучали въ Монпелье, въ Орлеанѣ, въ Анжерѣ, въ Тулузѣ; кромѣ того, оно примѣнялось въ южныхъ провинціяхъ, областяхъ *писаннаго права* (названнаго такъ въ отличіе отъ областей съ *обычнымъ правомъ*, не установленнымъ, не записаннымъ). Это возрожденіе римскаго права не осталось безъ вліянія на улучшеніе нравовъ. Юристы, столь же ученые, какъ и простодушные, какъ, напр., Пьеръ де-Фонтенъ, переводили живописнымъ средневѣковымъ языкомъ наиболѣе суровые трактаты римскихъ юристовъ. Римское право встрѣчается въ *Установленіяхъ Людовика Святого*, въ *Книгѣ юстиціи* и др. Затѣмъ появился настоящій законовѣдъ Филиппъ де-Бомануаръ, Клермонскій судья (въ Бовези), написавшій прекрасную книгу *Обычаи Бовези*. Это было свѣтило своего времени и, какъ выражается Монтескьё», «великое свѣтило» [1]).

Науки, подвинувшіяся менѣе, все-таки прокладывали себѣ дорогу. Роджеръ Бэконъ и Альбертъ Великій занимались медициной и *математикой*. Въ особенности сдѣлала успѣхи *ариѳметика* съ тѣхъ поръ, какъ стали извѣстны цифры, называемыя *арабскими* (такъ какъ онѣ были принесены въ Европу арабами; но сами арабы заимствовали ихъ у индусовъ [2]). Роджеръ Бэконъ съ успѣхомъ занимался геометріей и алгеброй, но астрономія задерживалась еще суевѣріями астрологовъ.

Точно также и химія не могла подвигаться вслѣдствіе упорства ученыхъ, путавшихся въ безвыходномъ лабиринтѣ *алхиміи*. Поиски *философскаго камня*, который долженъ былъ доставить средство дѣлать *золото*, во всѣ времена кружившее голову людямъ, увлекали тогда всѣхъ ученыхъ. Они не понимали, что настоящій философскій камень есть трудъ и наука, создавшіе въ новѣйшія времена несмѣтныя богатства.

Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что эти попытки, эти неправильно веденные опыты привели, тѣмъ не менѣе, къ счастливымъ резуль-

---

Вильгардуенскій въ 1212; Матьё Пари, въ 1259; Гильомъ де-Нанжи, въ 1306; Жуанвиль, въ 1318.

Германія: Дитмаръ, ум. въ 1028 г.; Германъ, въ 1054; Адамъ Бременскій, въ 1090; Отонъ Фризингскій, въ 1158.

Англія: Генри Гёнтингтонъ, ум. въ 1154 г.; Роджеръ Говеденъ, въ 1199 г.

Италія: Марко Поло, географъ, ум. въ 1298 г.

Россія: Несторъ Кіевскій, ум. въ 1115 г.

Арабы: Эдриви, ум. въ 1186 г., Эль-Масинъ, 1238.

Евреи: Веніаминъ Толедскій, ум. въ 1173 г.

[1]) Изъ памятниковъ средневѣкового права слѣдуетъ указать: «Обычное право Нормандіи», «Установленія Людовика Святого», «Книга провосудія» и «Обычное право Бовези», Бомануара; въ Испаніи—«Кодексъ семи частей» (Siete Partidas) Альфонса X; въ Германіи — «Саксонское зерцало» (Sachsenspiegel, Саксонское право), около 1280 г., и «Швабское зерцало» (Schwabenspiegel, Швабское право), около 1300 г.

[2]) Цифры, которыми мы теперь пользуемся, были введены въ Европу въ XII вѣкѣ и были примѣнены въ 1202 г. Леонардомъ Фибоначчи изъ Пизы въ трактатѣ, озаглавленномъ *Liber abaci*.

татамъ. Они пріучили науку къ наблюденію, къ опытамъ, и должны были со временемъ открыть ей настоящій путь. Уже Роджеръ Бэконъ, если вѣрить болѣе или менѣе достовѣрному преданію, зналъ составъ *пороха*. Онъ говоритъ объ увеличительныхъ стеклахъ и предсказываетъ, что повозки будутъ двигаться безъ лошадей, что человѣкъ будетъ летать въ воздухѣ. Его возбужденное воображеніе какъ будто предвидитъ чудеса, которыя тогда казались безуміемъ [1]).

Эти чудеса должны были осуществиться лишь въ далекомъ будущемъ, но другія уже происходили въ ту эпоху въ Италіи, гдѣ литературное движеніе, не менѣе живое, чѣмъ во Франціи, создало сразу величайшія произведенія искусства. Итальянскій языкъ, образовавшійся изъ испорченнаго латинскаго, въ то время уже овладѣлъ своей формой: это былъ языкъ *si* (да). Несмотря на то, что одинъ изъ главнѣйшихъ писателей того времени, Брунетто Латини, написалъ свою книгу *Сокровище міра* по французски, потому что французская рѣчь была «пріятнѣе», у итальянцевъ было уже множество стихотвореній на своемъ языкѣ, подражаній провансальскимъ трубадурамъ. *Данте Алигіери* (1265—1321) утвердилъ этотъ языкъ своей прекрасной поэмой *Божественная Комедія*, въ которой чистота и изящество древности соединены съ глубиною христіанской мысли. Данте несомнѣнно исходилъ отъ древняго міра. Его твореніе—первый плодъ этого непрерывнаго общенія съ латинскими поэтами, что̀ должно было создать впослѣдствіи множество другихъ поэтовъ, если не лучшихъ, то болѣе плодовитыхъ. Данте заставляетъ Виргилія сопровождать себя въ адъ. Но то, что онъ видитъ, или, скорѣе, помѣщаетъ тамъ, это—современное ему общество, которое онъ судитъ, какъ неумолимый моралистъ съ вдохновеннымъ краснорѣчіемъ. Эта удивительная поэма есть первый образецъ христіанской литературы. Въ ней виденъ весь путь, пройденный послѣ Гомера и послѣ Виргилія. «Авторъ, это—человѣкъ, истолкователь человѣчества; это—католическій поэтъ въ полномъ смыслѣ слова. Сюжетъ его охватываетъ насъ самой живой вѣрой, наиболѣе врожденной, наиболѣе человѣчной, вѣрой въ безсмертіе души и въ неминуемое правосудіе Божіе» [2]).

Въ слѣдующемъ вѣкѣ блисталъ *Петрарка* (1304—1374). Это—поэтъ изящества, канцонъ (одъ) и сонетовъ. Петрарка — фанатическій поклонникъ древнихъ авторовъ: онъ ищетъ и открываетъ ихъ позабытыя произведенія. Онъ вдохновляется ими и заслуживаетъ быть поставленнымъ на ряду съ ними, быть увѣнчаннымъ въ Капитоліи. Петрарка возвѣщаетъ уже намъ настоящее Возрожденіе. Въ XIV вѣкѣ въ Италіи былъ и остроумный, но слишкомъ распущенный разсказчикъ. У нея были свои историки и, между прочимъ, *Виллани*.

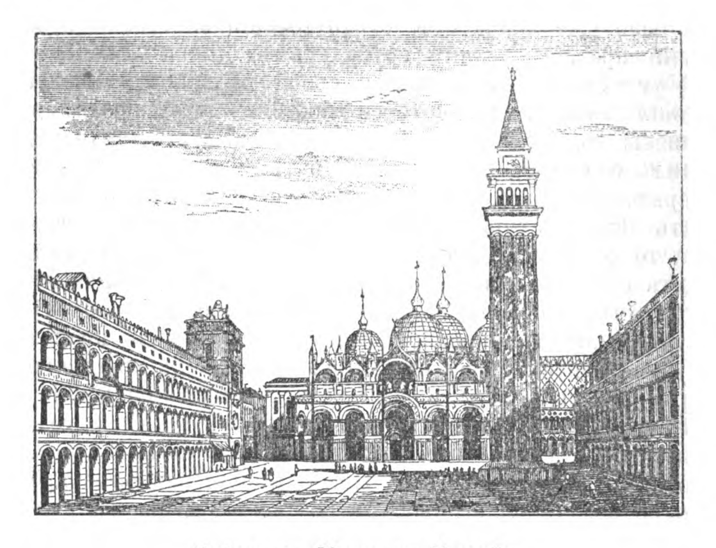
---

[1]) *Ученые, врачи, физики и астрономы:* Гербертъ (французъ), ум. въ 1002 г.; Авиценна (арабъ), въ 1050; Абенъ-Эзра (Толедскій еврей), въ 1174; Аверроэсъ (арабъ), въ 1216; Альбертъ Великій (нѣмецъ), въ 1282; Альфонсъ X (Испанія), въ 1284; Роджеръ Бэконъ (англичанинъ), въ 1294; Арнольдъ де-Вильнёвъ, въ 1314; Раймондъ Луллій (испанецъ), въ 1315.

[2]) Demogeot, *Histoire des littératures étrangères.*

Возрожденіе въ Италіи, впрочемъ, уже началось для искусствъ. Эта страна, хотя и сильно потрясенная вторженіями, довольно скоро вышла изъ состоянія варварства. Ея сношенія съ Византійской имперіей никогда не прерывались, и итальянцы, въ особенности, венеціанцы могли восхищаться константинопольскими памятниками. Римскія развалины и греческія церкви были образцами для итальянскихъ зодчихъ. Они заимствовали византійскій куполъ и прибавили къ нему римскія колонны и арки. Начиная съ XI вѣка, Пиза уже воздвигала свои знаменитые памятники: *соборъ*, *Баптистерій*, *Падающая башня* и монастырь *Кампо-Санто* [1]).

Наклонная или падающая башня, повидимому, противится законамъ равновѣсія. Нитка съ грузомъ, брошенная съ вершины, падаетъ на разстояніи почти 4-хъ метровъ отъ основанія. Разсказываютъ, что архитекторы ошиблись и замѣтили свою ошибку, но пожелали продолжать постройку, не смотря на ея наклонъ. Башня устояла.

Соборъ св. Марка въ Венеціи.

Церковь св. Марка въ Венеціи (начатая въ X вѣкѣ) построена вся въ византійскомъ стилѣ. «Св. Маркъ,—говоритъ Теофилъ Готье,—это—св. Софія въ миніатюрѣ, сокращеніе въ масштабѣ одного дюйма на футъ Юстиніанова храма. Подъ пятью куполами, увѣнчанными небольшими главами по бокамъ, открываются семь входныхъ дверей съ фасада, изъ которыхъ пять выходятъ на обширный атріумъ, а двѣ—въ боковыя наружныя галлереи. Внутренность этихъ порталовъ украшена колонками изъ бѣлаго мрамора, яшмы, пенталикскаго мрамора и другихъ дорогихъ матеріаловъ... Мозаики на золотомъ фонѣ сіяютъ подъ этими вратами посреди

[1]) Часовня для крещенія,—уединенный храмъ, стѣны котораго украшены колонками и поддерживаются арками въ коринѳскомъ стилѣ.

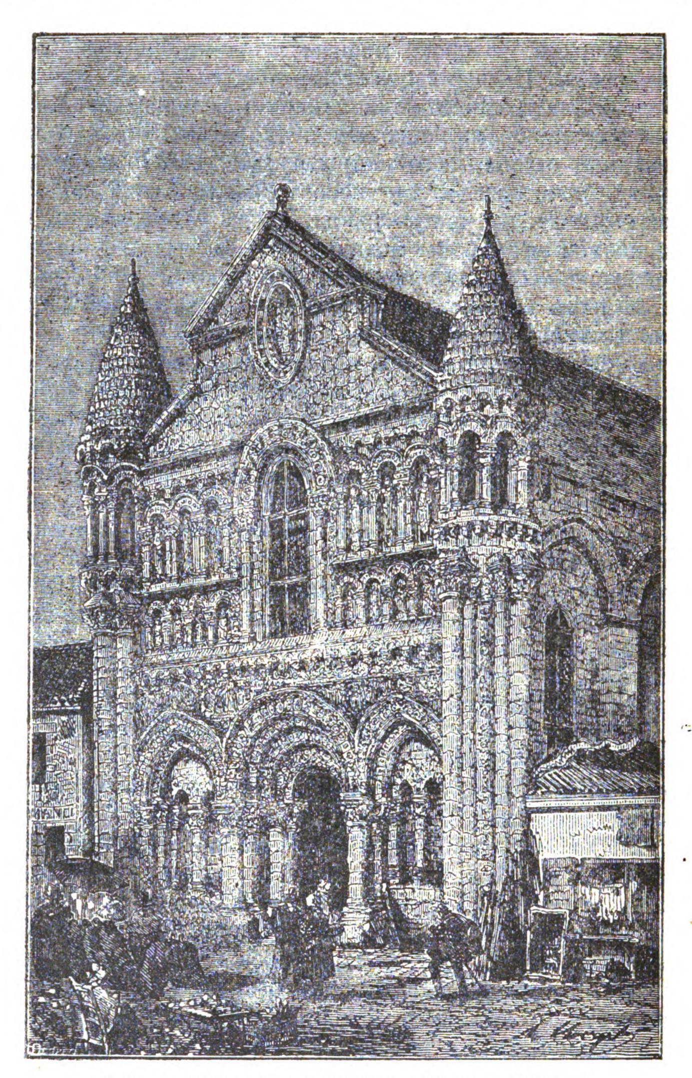
эмалей и всевозможныхъ изображеній, продолжающихся и по другую сторону церкви, въ такомъ количествѣ, что мы не успѣваемъ слѣдовать за нашимъ проводникомъ, указывающимъ всѣ эти подробности.

«Войдемъ во внутрь церкви. Ничто не можетъ сравниться съ св. Маркомъ въ Венеціи,—ни Кёльнъ, ни Страсбургъ, ни Севилья, ни даже Кордова со своей мечетью: это—удивительный и магическій эффектъ. Первое впечатлѣніе—будто это пещера, выложенная золотомъ и драгоцѣнными камнями, величественная и темная, въ одно и то же время, сіяющая и таинственная. Куполы, своды, перекладины, стѣны,—все покрыто маленькими золочеными кубическими кристаллами съ неизмѣннымъ блескомъ, гдѣ свѣтъ трепещетъ, какъ на чешуѣ рыбы, и гдѣ открывается поле для неисчерпаемой фантазіи мозаистовъ. Тамъ, гдѣ золотой фонъ оканчивается на высотѣ колоннъ, начинается обшивка изъ мраморовъ самыхъ дорогихъ и разнообразныхъ... Въ глубинѣ открываются хоры вмѣстѣ съ алтаремъ, который виденъ подъ балдахиномъ, между четырьмя колоннами изъ греческаго мрамора, вырѣзанными, какъ слоновая кость китайской работы, терпѣливыми руками, изобразившими на нихъ всю исторію Ветхаго Завѣта въ видѣ фигурокъ, величиной въ нѣсколько дюймовъ. Запрестольный образъ, называемый *Pala d'oro*—ослѣпительное собраніе эмалей, камней, черни, жемчуга, гранатовъ, сапфировъ, узоровъ изъ золота и серебра,—картина изъ драгоцѣнныхъ камней, изображающая сцены изъ жизни святаго Марка. Она была сдѣлана въ Константинополѣ въ 976 году. Наконецъ, въ закругленіи задней стѣны, слабо отсвѣчивающей за большимъ алтаремъ, выдѣляется Искупитель, въ видѣ гигантской и непропорціональной фигуры, чтобы отмѣтить, слѣдуя византійскому обычаю, разстояніе небеснаго Существа отъ слабыхъ созданій. Какъ Юпитеръ Олимпіецъ, Христосъ, если бы Онъ поднялся, раздвинулъ бы сводъ своего храма».

Церковь св. Антонія въ Падуѣ, въ восточномъ вкусѣ, соединяетъ въ себѣ всѣ стили; тамъ можно видѣть и стрѣльчатый стиль, въ XIII вѣкѣ проникшій въ Италію, встрѣчающійся также въ Ассизѣ и въ Сіеннѣ, гдѣ фасадъ церкви — настоящее чудо. Но этому стилю не суждено было утвердиться въ Италіи, и великолѣпная церковь св. Маріи во Флоренціи (Санта Марія деи Фіори) возвѣщаетъ уже стиль Возрожденія, заимствованный у древнихъ, но украшенный самымъ богатымъ воображеніемъ. Готическій стиль, впрочемъ, отчасти встрѣчается въ Кампанилѣ, четвероугольной башнѣ рядомъ съ церковью св. Маріи, и ему предстояло, въ особенности, возвысить красоту знаменитаго Миланскаго собора (XIV вѣка). Изъ числа памятниковъ перваго Возрожденія слѣдуетъ упомянуть еще о дворцахъ въ Сіеннѣ и во Флоренціи о церквахъ въ Перуджіи и въ Орвіето, о картезіанской церкви въ Павіи, о дворцѣ дожей въ Венеціи и о множествѣ другихъ, благодаря которымъ вся Италія представляетъ настоящій музей.

Во Франціи и въ сѣверныхъ странахъ, средніе вѣка, преимуще-

ственно выработали свое собственное искусство, служившее выраженіемъ его феодальнаго и христіанскаго духа. Раздробленіе государствъ и воинственная жизнь всѣхъ этихъ мелкихъ королей привели къ постройкѣ множества крѣпостей или замковъ, какихъ не было вовсе въ древнія времена. Въ началѣ это были простыя

Фасадъ собора Богоматери въ Пуатье (XII в.).

башни, ставившіяся на возвышенности или пригоркѣ; мало-помалу, онѣ превратились въ замки, со стѣнами и оградами, какъ въ замкѣ Монлери. Башни, поставленныя на извѣстномъ разстояніи, охраняли стѣны, какъ передовыя цитадели. Увѣнчанныя зубчатыми камнями, защищавшими стрѣлковъ, эти башни, пронизан-

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".

Апрѣль 1896 г.

Содержаніе. Беллетристика.—Публицистика.—Исторія всеобщая и русская.—Исторія философіи.—Юридическія науки.—Естествознаніе.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

В. Л. Величко. «Записки духа».—«Нѣчто изъ артистическаго міра».—*Г. Флоберъ.* «Госпожа Бовари».

В. Л. Величко. Записки духа. Нежданчикъ. Первая муха. Изд. М. М. Ледерле. 1895 г. Ц. 1 р. Г. Величко—не безъ возвышенныхъ чувствъ и стремленій. Его мучитъ, напр., наша житейская неискренность, присущая всѣмъ намъ, по общей человѣческой слабости, склонность къ рисовкѣ, лганью, самообману, и прочія непохвальныя качества. Онъ съ горечью задумывается надъ вопросомъ: «возможно ли довести искренность до безусловной чистоты? Возможна ли вообще безусловная объективность по отношенію къ себѣ и окружающимъ?»—И плодомъ этихъ горькихъ думъ явился разсказъ «Записки духа (Quasi una fantasia)», въ которомъ авторъ рѣшаетъ вышепоставленный вопросъ отрицательно. Чтобы взглянуть объективно на себя и окружающихъ, онъ заставляетъ героя сначала умереть и затѣмъ, въ качествѣ духа безплотнаго, объективно перетряхивать жизнь свою и всѣхъ прежде его окружавшихъ. Но такъ какъ самъ г. Величко живъ, то получается духъ далеко не объективный, а подчасъ и даже совсѣмъ пристрастный. Съ раздраженіемъ, для безплотнаго существа не совсѣмъ понятнымъ, духъ каститъ, что называется, съ плеча сначала любезныхъ родственниковъ, у которыхъ не оказывается ни капли живого чувства, хотя, какъ авторъ желаетъ внушить читателю, при жизни герой заслужилъ это чувство. Къ сожалѣнію, этого мы не видимъ, и потому вполнѣ равнодушно присутствуемъ при отпѣваніи его тѣла. Еще болѣе несправедливъ духъ, когда онъ начинаетъ ревновать любимую имъ при жизни женщину за ея предполагаемую имъ въ грядущемъ измѣну. «И башмаковъ еще не износила!»—скрежещетъ духъ, вызывая невольную улыбку у читателя, которому такая безплотная ревность кажется уже совсѣмъ неумѣстной. Будучи еще во плоти, духъ взялъ у бѣдной героини все, что можетъ дать любящая женщина, а самъ, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, измучилъ ее до послѣдней степени капризами и требованіями ничтожненькаго сердечка, неспособнаго ни къ настоящей любви, ни къ настоящей ненависти.

«Носясь надъ грѣшною землею», духъ замѣчаетъ, что его задушевный другъ тихими стопами подбирается къ покинутой жертвѣ, и жертва, хотя убита и огорчена смертью «духа», но какъ будто и ничего не имѣетъ противъ коварныхъ плановъ друга, ибо, будучи пока еще жива, бѣдняжка о живомъ и думаетъ. Духъ негодуетъ, духъ ропщетъ и грозитъ, забывая великій завѣтъ, истинно великаго сердца:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть.
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

И такъ, нѣтъ объективности ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ. Всюду влачимъ мы за собою цѣпь страстей и желаній, дѣлающихъ насъ рабами суеты суетствій. Не претендуя, поэтому, на объективность, мы все же не можемъ не замѣтить, что разсказъ г. Величко, задуманный оригинально, выполненъ плохо. Его содержаніе банально, а мѣстами и прямо пошловато.

Слѣдующій разсказъ «Нежданчикъ» слишкомъ ничтоженъ и по формѣ, и по содержанію, чтобы останавливать на немъ вниманіе читателя. Что же касается комедіи «Первая муха», то она принадлежитъ къ числу тѣхъ безчисленныхъ произведеній, о которыхъ вы забываете прежде, чѣмъ успѣете выйти изъ театра, гдѣ смотрѣли ихъ.

Нѣчто изъ артистическаго міра. Наброски перомъ и карандашемъ. Изд. М. Ледерле. Спб. 1895 г. Ц. 4 р.—Изящное, почти роскошное изданіе превосходныхъ рисунковъ, къ которымъ, не то въ качествѣ «иллюстрацій» содержанія рисунковъ, не то въ видѣ пояснительнаго текста, приложены плохіе яко-бы «беллетристическіе» разсказы. Таково содержаніе «изъ артистическаго міра». Разбирать эти разсказы даже и для рецензента, привычнаго ко всему, трудъ равно тяжелый и неблагодарный. Поэтому, обойдя эти «произведенія» гг. Боброва, Гнѣдича, Клодта, Малышева, Микѣшина и др. остановимся лучше на ихъ рисункахъ, которые заслуживаютъ несравненно большаго вниманія. У насъ много иллюстрированныхъ изданій, еженедѣльныхъ журналовъ, которые понемногу прививаютъ читающей публикѣ вкусъ къ рисунку, популяризируя лучшія картины и развивая пониманіе живописи, до сихъ поръ пребывающее на низшей ступени, близкой къ лубочному художеству. Но стоитъ сравнить всѣ эти «Нивы», «Живописныя Обозрѣнія», «Всемірныя Иллюстраціи» и проч. съ тѣмъ, что получаетъ заграничный читатель въ той же области, чтобы понять нашу отсталость во всемъ, имѣющемъ связь съ развитіемъ художественнаго вкуса. Заграничныя иллюстрированныя изданія, поражая своей дешевизной, еще болѣе изумляютъ высотой выполненія. Богатство и разнообразіе рисунковъ, гравюръ, цѣлыхъ картинъ, предлагаемыхъ читателю, въ соединеніи съ тонкостью работы, недоступной для насъ, свидѣтельствуютъ, какъ далеко ушло искусство на Западѣ, гдѣ оно перестало быть роскошью, услаждающей досуги немногихъ, ставъ потребностью для массъ. Чтобы подняться до этого западнаго уровня въ дѣлѣ искусства,

намъ надо пройти еще много-много ступеней, находящихся въ зависимости отъ очень многихъ условій. Въ числѣ ихъ не послѣднее мѣсто занимаютъ и изданія, въ родѣ разсматриваемаго нами изданія г. Ледерле—«Нѣчто изъ артистическаго міра». Всѣ помѣщенные въ немъ рисунки оригинальны, принадлежатъ лучшимъ художникамъ и выполнены образцово, что показываетъ на значительное развитіе и у насъ техники печатанія. Общее содержаніе рисунковъ нельзя назвать серьезнымъ, скорѣе они полны добродушнаго юмора, кромѣ двухъ-трехъ, затрогивающихъ болѣе серьезныя темы. Лишнимъ представляется намъ только нѣсколько скабрезный тонъ такихъ рисунковъ, какъ «Моя натурщица», «Съ натуры» и «На этюдѣ». Отсутствіе ихъ ни мало не уменьшило бы достоинствъ изданія. Мало ли что бываетъ въ артистическомъ мірѣ, чего не слѣдуетъ выносить въ большую публику.

Густавъ Флоберъ. Госпожа Бовари. Провинціальные нравы. 2 тома. Спб. 1895 г. Въ исторіи европейскаго романа Флоберъ представляетъ одну изъ самыхъ крупныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ сложныхъ фигуръ. Онъ считается однимъ изъ «maître»'овъ реалистическаго романа и, если Стендаль и Бальзакъ предшественники натурализма, то Флоберъ непосредственный учитель Гонкуровъ, Золя, Мопассана и др. Но творчество Флобера не исчерпывается всецѣло реализмомъ и соединено множествомъ нитей и съ предшествовавшимъ ему романтизмомъ, и съ философскими теченіями вѣка. Благодаря своему идейному содержанію, романы Флобера не утрачиваютъ своего значенія вмѣстѣ съ перемѣной литературныхъ вкусовъ читающей публики. Романы Золя, скроенные по точной формулѣ натурализма, отживаютъ свой вѣкъ, не смотря на громадный талантъ автора. Флоберъ же будетъ жить въ памяти читавшихъ его и интересовать всякаго новаго читателя, какое бы литературное теченіе ни было господствующимъ въ тотъ или другой моментъ. Причина этой неувядаемости его творчества заключается въ глубинѣ идей, изъ которыхъ онъ исходилъ, и въ непревзойденномъ мастерствѣ формы, дѣлающемъ каждое изъ его немногочисленныхъ произведеній классическимъ образцомъ языка.

Міросозерцаніе Флобера, сказывающееся во всѣхъ его романахъ, связываетъ его отчасти съ эпохой романтизма. Главной заслугой романтизма было освобожденіе человѣческаго «я», возведеніе индивидуализма въ основной принципъ художественнаго творчества; другой его характерной чертой было созданіе новыхъ красокъ, обогащеніе западнаго искусства блескомъ восточнаго колорита. Эти элементы романтизма выразились въ субъективномъ творчествѣ Руссо и въ возрожденномъ востокѣ повѣстей Шатобріана. У позднѣйшихъ романтиковъ эти черты перешли понемногу въ фальшивую реторику чувствъ и сентиментальность, а упоеніе востокомъ—въ чисто декоративныя восточныя клише въ поэзіи и романахъ. Флоберъ воспринялъ не эти переживанія романтизма—напротивъ того, онъ положилъ имъ конецъ своимъ почти фанатическимъ слѣдованіемъ истинѣ въ изображеніи дѣйствительности, но онъ наслѣдовалъ романтическій субъективизмъ и романтическую коло-

ритность въ ихъ первоначальной чистотѣ. Во всемъ его творчествѣ дѣйствительность является претворенной въ личности художника, освѣщенной той мечтой, которая живетъ въ его душѣ. Вмѣсто бездушныхъ фотографій жизни, къ которымъ сводится творчество натуралистовъ, Флоберъ постоянно имѣетъ въ виду трагическій контрастъ между внутренними ожиданіями человѣка и тѣмъ, что даетъ столкновеніе съ жизнью. Но этотъ міръ ожиданій и идеалистическихъ порывовъ кажется ему единственно существеннымъ. Для него внѣшняя жизнь существуетъ лишь въ силу своего воздѣйствія на внутренній міръ человѣка и все его творчество направлено на анализъ отношеній между міромъ внѣшнимъ и міромъ, отраженнымъ въ душѣ. Такимъ образомъ Флоберъ, воплощая въ своихъ герояхъ высочайшіе порывы духа и чувствъ, является прежде всего истиннымъ идеалистомъ, носителемъ божественной мечты. Выходя изъ этой мечты, онъ разрушаетъ всѣ земныя чувства и все, чѣмъ дѣйствительность отвѣчаетъ на запросы души. Флоберъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ пессимистовъ нашего вѣка, но пессимизмъ его коренится въ идеализмѣ, отличающемъ этого творца натурализма отъ его ближайшихъ преемниковъ. Позднѣйшіе романисты натуралистической школы были «нигилистами» въ истинномъ смыслѣ слова — они отрицали все высокое и божественное въ самой природѣ человѣка и видѣли во всемъ мірозданіи лишь его матеріальную оболочку. Флоберъ же, прозрѣвшій тайну идеальнаго міра въ области человѣческихъ желаній, создалъ тѣмъ самымъ идеалистическій критерій, и уже съ его высоты судилъ жизненныя явленія.

Идеалистическая основа міросозерцанія Флобера отмѣчаетъ собой все его творчество. Область человѣческихъ желаній кажется ему безграничной по своей высотѣ и весь паѳосъ его артистическаго темперамента сосредоточенъ на изображеніи этой высоты порывовъ и стремленій — и на ихъ трагическомъ контрастѣ съ жизненной дѣйствительностью. Чѣмъ выше возносится идеализмъ, тѣмъ глубже и безпощаднѣе его пессимизмъ. Онъ отрицаетъ жизнь, потому что постоянно сравниваетъ ее съ чѣмъ-то болѣе высокимъ— съ своей мечтой о жизни. И вотъ какимъ образомъ этотъ идеализмъ приходитъ къ своему реалистическому методу въ творчествѣ: чтобы показать пропасть, отдѣляющую дѣйствительность отъ представленій о ней въ порывахъ жаждущей и преисполненной высокихъ надеждъ души, Флоберъ стремится возсоздать безконечно точную, безстрастно вѣрную картину дѣйствительности и прослѣдить психологію каждаго созданнаго имъ лица до конца, до самыхъ глубокихъ и наиболѣе серьезныхъ мотивовъ дѣйствій и чувствъ. Въ изображеніи дѣйствительности Флоберъ великій реалистъ, возсоздающій жизнь во всей ея будничной сѣрости, также какъ и въ ея грандіозныхъ зрѣлищахъ. Для воплощенія своей основной идеи, для отраженія трагедіи жизни, т. е. вѣчныхъ контрастовъ иллюзій и дѣйствительности, Флоберъ создалъ особый стиль, надъ которымъ трудился всю жизнь и который составляетъ одну изъ его главнѣйшихъ литературныхъ заслугъ: точность выраженій, обдуманность каждаго опредѣленія, каждаго

оборота фразы, безконечное богатство наблюденія, выражающееся въ картинности каждаго, даже самаго мелкаго эпизода, умѣнье найти всегда «le mot qui peint»*)—все это дѣлаетъ романы Флобера геніальными воспроизведеніями дѣйствительности, тѣмъ болѣе глубокими и производящими впечатлѣніе, что это не простыя копіи, а дѣйствительность, отраженная въ идеалистическомъ пониманіи.

Широкое міросозерцаніе Флобера, соединяющее экстазъ идеалистическихъ порывовъ съ безстрастной объективностью художника реалиста, направлено какъ на то, чтобы воскресить историческое прошлое человѣчества въ его знаменательные моменты, такъ и на изображеніе современности. Въ своемъ желаніи быть невозмутимымъ созерцателемъ жизни, сопоставляющимъ ее съ своей внутренней мечтой, Флоберъ обращаетъ воображеніе на далекое прошлое, на младенческую пору человѣчества и уже тамъ видитъ основную трагедію жизни: безконечное превосходство ожиданія, желанія человѣческой души надъ тѣмъ, что ей можетъ дать исполненіе этого желанія въ дѣйствительности. Саламбо, въ романѣ, названномъ по ея имени, гордая жрица Таниты, не знаетъ никакихъ чувствъ, кромѣ преданности богинѣ. Все, что связано съ культомъ ея, священно для дѣвушки, забывшей свою молодость и свою красоту въ экстазѣ вѣры. Но ее постигаетъ скорбь именно въ томъ, что для нея наиболѣе свято: заимфъ, священное покрывало богини, похищено еретикомъ Мато, и въ его рукахъ судьбы Карѳагена, которому грозитъ месть оскорбленной богини. И дѣло жизни Саламбо теперь опредѣлилось: безстрастная и инертная до того, погруженная въ монотонно созерцательную жизнь восточной жрицы, она вся преображается, становится какъ бы воплощеніемъ одного страстнаго желанія—вернуть заимфъ. Нѣтъ жертвы, на которую она не была бы способна для достиженія этого высочайшаго счастья, и, чтобы вернуть покрывало, она отправляется въ лагерь мятежниковъ, въ палатку Мато, жертвуя своей гордостью. Покрывало возвращено, побѣда одержана — но вмѣстѣ съ борьбой прекращается и жизнь Саламбо — экстазъ стремленія къ святынѣ болѣе высокъ, чѣмъ достиженіе святыни, развѣнчанной именно этимъ достиженіемъ. Побѣдительница Саламбо умираетъ въ моментъ свадебнаго торжества при одномъ взглядѣ на неожиданно представшаго предъ нею Мато, владѣвшаго ея святыней.

И чтобы какъ можно ярче оттѣнить эту интимную драму души, стремившейся къ безконечной святой радости и разочарованной въ своемъ порывѣ, Флоберъ возсоздаетъ пеструю картину древней цивилизаціи съ исчерпывающей полнотой археологическихъ подробностей. Увлеченіе Востокомъ въ эпоху романтизма сказалось въ этомъ капитальномъ трудѣ Флобера—наряду съ глубоко философскимъ замысломъ Флоберъ создалъ образцовый историческій романъ по жизненности, драматичности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необычайной точности историческихъ деталей.

---

*) «Слово, которое живописуетъ», т. е. даетъ впечатлѣніе образа.
Прим. ред.

Другая повѣсть, остающаяся въ археологическихъ рамкахъ и полная глубокаго философскаго содержанія, «Искушеніе св. Антонія» (Tentation du Saint-Antoine). Это, быть можетъ, одна изъ самыхъ вдохновенныхъ книгъ нашего вѣка и она отмѣчена печатью глубокаго пессимизма, также какъ идеалистической первоосновой замысла. Внѣшняя фабула крайне проста: передъ святымъ отшельникомъ, заснувшимъ среди размышленій, проходятъ въ смущающихъ его видѣніяхъ всѣ религіи новыхъ и старыхъ временъ, всѣ заблужденія человѣчества, всѣ созданія фантазіи и природы, одаренныя жаждой и способностью жизни, несмотря на свое безсмысліе и на свое уродство. И доведенный до отчаянія разочарованіемъ въ величайшихъ концепціяхъ человѣческаго духа, отшельникъ примиряется съ жизнью, наблюдая силу жизненнаго инстинкта въ самыхъ уродливыхъ созданіяхъ природы. Видѣнія исчезаютъ, Антоній просыпается и, осѣнившись крестомъ, снова готовъ къ своему подвижничеству. Въ этой нескончаемой смѣнѣ видѣній выступаетъ все та же основная мысль Флобера: велика и безгранична лишь жажда вѣры—все, воплотившееся въ какой бы то ни было положительный культъ, есть заблужденіе, оскорбляющее вѣру. Всѣ вѣрованія, всѣ традиціонныя святыни разрушаются Флоберомъ съ холодной безпощадностью, съ неумолимой логикой во имя религіознаго чувства, которое выше всѣхъ догматическихъ ученій. Во имя божественнаго упованія, Флоберъ отрицаетъ все достигнутое, осуществившееся, какъ слишкомъ несовершенное, слишкомъ ограниченное.

И тоже, что эти и нѣкоторые другіе романы и повѣсти освѣщаютъ въ картинахъ исчезнувшихъ цивилизацій, Флоберъ рисуетъ и на примѣрахъ современной жизни. «Госпожа Бовари» (Madame Bovary), «Воспитаніе сердца» (Education Sentimentale), «Буваръ и Пекюше» (Bouvard et Pecuchet) относятся къ романамъ этой серіи, также какъ одна изъ классическихъ по формѣ «Трехъ сказокъ»,—«Простое сердце» (Coeur Simple). Въ каждомъ изъ этихъ произведеній Флоберъ разрушаетъ какую-нибудь изъ иллюзій жизни и культуры. Безкорыстное и красивое чувство любви, Флоберъ тоже видитъ таковымъ, лишь посколько оно живетъ въ мечтахъ молодой души—въ столкновеніяхъ съ жизнью оно представляется ему уродливымъ и пошлымъ. На эту тему написаны два лучшіе романа Флобера: «Education Sentimentale» и «Madame Bovary». Героемъ перваго изъ нихъ является молодой человѣкъ, прекрасный тѣмъ, что онъ всю жизнь имѣетъ несбыточную мечту вѣрной любви и страдаетъ отъ безнадежности своего чувства. Какъ бы ни была низменна окружающая его жизнь, какую пошлость ни внесъ бы онъ въ свою собственную жизнь своей податливостью требованіямъ и увлеченіямъ минуты,—у него есть въ душѣ лучшій міръ неисполненныхъ и тѣмъ самымъ возвышающихъ его надеждъ и стремленій.

Но самымъ безпощаднымъ образомъ Флоберъ показалъ въ «Госпожѣ Бовари» безплодность исканія любви. Романъ этотъ—наиболѣе популярный изъ всѣхъ романовъ Флобера—возбудилъ при своемъ появленіи совершенно напрасное возмущеніе блюсти-

телей нравственности. Какъ извѣстно, противъ автора возбужденъ былъ даже процессъ за то, что онъ, будто бы, возвелъ на пьедесталъ женщину, нарушившую святость семейнаго очага. На самомъ дѣлѣ, Флоберъ менѣе всего идеализировалъ свою героиню, или ставилъ ей въ заслугу ея увлеченія. Онъ только показалъ всемогущество житейской пошлости, втаптывающей въ грязь самыя лучшія побужденія. М-мъ Бовари, женщина съ чуткой нѣжной душой и съ пылкимъ воображеніемъ—при полномъ отсутствіи самостоятельной духовной жизни; она поэтому не умѣетъ понять красоты чувствъ, отчужденныхъ отъ жизни. Всякое желаніе, зарождающееся въ хорошенькой, но пустенькой головкѣ м-мъ Бовари, требуетъ непремѣнно осуществленія и вмѣсто того, чтобы питать собой глубокія чувства, высокіе порывы, растрачивается на капризы чувствъ. Во всемъ остальномъ Флоберъ рисуетъ ее пустой женщиной, не понимающей настоящихъ душевныхъ качествъ въ окружающихъ людяхъ. Она всю жизнь провела съ мужемъ, не подозрѣвая чистоты и красоты его любящей натуры, и, изнывая отъ пустоты своей жизни, старалась искать развлеченія въ пошлыхъ интригахъ. Геніальность Флобера заключается въ томъ, съ какой полнотой онъ возсоздалъ пустоту жизни бездѣятельной, безъидейной и нѣсколько безсердечной провинціальной женщины. При чтеніи романа Флобера, чувствуется все болѣе и болѣе сгущающаяся атмосфера пошлой, узкой жизни, лишенной всякихъ общихъ интересовъ, и психологія Эммы, стремящейся чѣмъ-нибудь побѣдить монотонность окружающаго, становится болѣе понятной. Не было у нея силы уйти въ свой внутренній міръ и жажда какой-либо жизни чувствъ увлекла ее на ложный путь.

Вотъ идея «Госпожи Бовари». Это не апоѳеозъ любви внѣ семейныхъ рамокъ, а скорѣе сатира на женщину, представленную пустымъ безпомощнымъ существомъ, не доросшимъ до философскаго пониманія отношеній между міромъ внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ души. Флоберъ художникъ, отражающій свое міросозерцаніе, и какъ въ «Education Sentimentale» онъ воплотилъ красоту мечты, отдѣленной отъ жизни, такъ м-мъ Бовари является представительницей противоположнаго и пагубнаго для души отношенія къ жизни. Помимо этой основной идеи, «Госпожа Бовари» первоклассное художественное произведеніе въ психологическомъ отношеніи и по достоинствамъ стиля. Такія сцены, какъ смерть Эммы, описаніе первой лжи, сказанной ею мужу, какъ описаніе прогулокъ Эммы и Леона по окрестностямъ Руана и переплетающіеся психологическіе, чисто описательные мотивы—все это запечатлѣвается навсегда въ памяти, какъ все истинно высокое въ искусствѣ.

Русскій переводъ Г-жи Бовари сдѣланъ тщательно и не портитъ впечатлѣнія.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Гр. Джаншіевъ. «Эпоха великихъ реформъ».—*Евграфъ Ковалевскій.* «Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ». — *Посредникъ.* «Гуманитарное ученіе».—«Дѣло мултанскихъ вотяковъ», подъ ред. и съ примѣч. *В. Г. Короленко.—И. И. Дитятинъ.* «Статьи по исторіи русскаго права».

Гр. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. Историческія справки. Изд. шестое. Съ портретами. Москва. 1896 г. Ц. 2 руб. 50 коп. стр. LXIV×797.—Шестое изданіе книги г. Джаншіева въ теченіе четырехъ лѣтъ само по себѣ явленіе небывалое въ нашей литературѣ, посвященной серьезнымъ вопросамъ общественной жизни.

Посвятивъ себя изученію шестидесятыхъ годовъ, г. Джаншіевъ отнесся съ большой внимательностью къ возрастающему интересу общества, увеличивая объемъ книги, которая имѣла въ первомъ изданіи только 262 стр., а теперь около 900. Включая все новыя и новыя главы, дополняя новыми данными историческія справки о различныхъ сторонахъ освободительной эпохи, авторъ даетъ теперь читателю полную картину ея, живую и образную, въ которой реформы шестидесятыхъ годовъ представляютъ послѣдовательное развитіе возрожденія русскаго народа. Свѣтлый фонъ всей картины придаетъ книгѣ г. Джаншіева характеръ особой жизненности и бодрости. Это зависитъ не только отъ характера такихъ общественныхъ явленій, какъ освобожденіе крестьянъ, судебная реформа, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, земское и городское самоуправленіе, изложеніе которыхъ составляетъ содержаніе книги г. Джаншіева,—но и отъ того горячаго чувства, которымъ проникнута вся книга, чувства любви къ правдѣ и справедливости и ненависти къ насилію и произволу. Можетъ быть, инымъ и не нравится такая нервность автора, не позволяющая ему съ хладнокровіемъ заправскаго лѣтописца взирать на правыхъ и виновныхъ,—это дѣло вкуса. Мы же находимъ, что отъ такого отношенія книга выигрываетъ въ ясности и опредѣленности, не допускающихъ никакихъ двусмысленныхъ толкованій. Характеристики г. Джаншіева рѣзки и точны, какъ рѣзки и точны были тѣ, къ кому онѣ относятся.

Особую цѣнность книгѣ придаетъ масса цитатъ, ссылокъ на матеріалы и указаній по исторіи эпохи, что дѣлаетъ трудъ г. Джаншіева незамѣнимымъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы углубиться въ изученіе той или иной реформы. Это значеніе книги почтеннаго автора особенно ярко выступаетъ при сравненіи съ предъидущими ея изданіями, показывая, съ какою внимательностью слѣдилъ г. Джаншіевъ за литературою своего предмета. Въ настоящемъ видѣ «Эпоха великихъ реформъ» г. Джаншіева представляетъ своего рода небольшую энциклопедію по вопросамъ, перечисленнымъ выше. Къ этому надо добавить еще «Юбилейныя» и «Скорбныя справки», которыя если и не имѣютъ прямого отношенія къ исторіи эпохи, за то служатъ дополненіемъ и превосходными иллюстраціями общаго повышеннаго настроенія шестидесятыхъ годовъ. Мы увѣрены, что всѣ эти выдающіяся достоинства книги г. Джаншіева вызовутъ еще не одно ея изданіе. Можно

бы посовѣтовать автору—не увеличивать при новомъ изданіи его размѣра, а болѣе строго систематизировать вошедшій въ него матеріалъ, что придастъ книгѣ болѣе стройности и законченности.

Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Высшее, среднее и низшее. Евграфа Ковалевскаго съ участіемъ О. К. Адеркаса, И. Я. Герда, проф. И. Θ. Зигеля, П. Г. Мижуева и М. А. Поспѣловой. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.—Огромный томъ въ 600 стр., заключающій разнообразный и обильный матеріалъ по народному образованію въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—таковъ почтенный трудъ г. Ковалевскаго. Недавно (см. январь 1896 г., библ. отд. «М. Б.») мы отмѣтили подобную же работу г. Д. П. «Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ». Сравнивая теперь оба труда, мы отдаемъ предпочтеніе работѣ г. Д. П. Хотя и менѣе детальная, она даетъ, тѣмъ не менѣе, болѣе полное представленіе о народномъ образованіи въ Соединенныхъ Штатахъ, выясняя, главнымъ образомъ, его основные принципы, ихъ развитіе и примѣненіе на дѣлѣ. Сборникъ г. Ковалевскаго, безспорно, весьма почтенный трудъ, но онъ прежде всего—сборникъ сырого, необработаннаго матеріала, въ которомъ не легко разобраться, на что, впрочемъ, указываетъ и самъ составитель. «Настоящій сборникъ,—говоритъ г. Ковалевскій,—представляетъ опытъ обработки матеріаловъ по народному образованію, привезенныхъ въ 1893 г. изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и присылавшихся оттуда въ теченіе 1894 г., равно какъ и сводъ личныхъ наблюденій, сдѣланныхъ во время поѣздки по Сѣверной Америкѣ составителемъ настоящаго труда и его сотрудниками». Такъ какъ и самъ г. Ковалевскій, и почти всѣ его сотрудники были на выставкѣ оффиціальными делегатами, то они имѣли возможность получить много такихъ данныхъ, которыя ускользнули бы отъ обыкновеннаго наблюдателя, что, несомнѣнно, придаетъ сборнику большую цѣнность съ точки зрѣнія полноты и богатства матеріала. Съ другой стороны, однако, та же оффиціальность лишаетъ ихъ сборникъ того жизненнаго оттѣнка, который получается только при личномъ глубокомъ интересѣ къ предмету. Поэтому, сборникъ сильно отдаетъ обычнымъ сухо-оффиціальнымъ тономъ чиновничьяго отчета, преслѣдующаго не столько дѣло, сколько видимую полноту и всесторонность, чтобы все казалось благополучнымъ и командировка удовлетворительной съ точки зрѣнія начальства. Тѣмъ не менѣе, для спеціалистовъ по народному образованію «Сборникъ» можетъ быть крайне полезенъ, какъ источникъ разныхъ данныхъ и справокъ. Но для большой публики, интересующейся тѣми же вопросами, онъ неудобенъ по своей сухости и громоздкости, и упомянутый выше трудъ г. Д. П. несравненно больше можетъ удовлетворить ее.

Гуманитарное ученіе. Изд. «Посредника». Ц. 30 к. Москва, 1896 г.—Подъ такимъ заглавіемъ «Посредникъ» издалъ рядъ статей, посвященныхъ вопросу вегетаріанства, или безубойнаго питанія. Двѣ статьи: «Гуманитарное ученіе или гуманитаріанизмъ» и «Мясо или плоды?»—принадлежатъ англичанину Г. С. Солта;

двѣ другихъ—русскимъ послѣдователямъ этого ученія. Въ первой авторъ разсматриваетъ вопросъ исторически, во второй разбираетъ примѣнимость безубойнаго питанія при современныхъ условіяхъ. Русскіе авторы останавливаются преимущественно на этической и общественной сторонѣ, причемъ г. Гриневскій придерживается спокойно-убѣдительнаго тона, а г. Изгоевъ—наступательнаго, требуя, чтобы «всякій грамотный человѣкъ, ищущій истины и не желающій лгать самому себѣ, опредѣлилъ свое отношеніе къ этому вопросу, какимъ бы онъ ему ни казался». Повинуясь такому категорическому заявленію, считаемъ долгомъ высказать, что наше отношеніе къ вегетаріанству безразлично. «Могій вмѣстити да вмѣститъ». Дѣлать же изъ него чуть не исповѣданіе вѣры, намъ кажется, по меньшей мѣрѣ, смѣшно. Печальна судьба животныхъ, которымъ приходится служить намъ пищей. Но «кольми паче» печальна судьба людей, которымъ при современныхъ условіяхъ приходится тоже поѣдать другъ друга, правда, не въ видѣ бифштекса, а подъ самыми разнообразными соусами. Начиная съ чернилъ и бумаги, которыми пользуются вегетаріанцы для своей пропаганды, и до самой чистой безубойной пищи, замѣнившей въ наши времена «акриды и медъ дивій»,—они, какъ и мы грѣшные, поѣдаютъ себѣ подобныхъ, питаясь плотью и кровью тѣхъ, кто приготовилъ всѣ упомянутыя вещи. И пока это такъ,—а надо думать, что еще долго-долго это будетъ такъ,—курьезнымъ вопросомъ, годнымъ для услажденія душъ, болѣе мягкихъ, чѣмъ прозорливыхъ, представляется вопросъ о вегетаріанствѣ. Г. Изгоевъ, со всѣмъ увлеченіемъ неофита нападающій на ѣдоковъ мяса, описываетъ городскую бойню въ Петербургѣ, возмущаясь и негодуя на тѣхъ, кто заставляетъ людей убивать животныхъ. Это возмущеніе дѣлаетъ честь его сердцу: «блаженъ мужъ, иже и скоты милуетъ». Но видѣнная имъ картина—одна изъ тысячъ, которыя онъ можетъ видѣть на любомъ заводѣ или фабрикѣ, гдѣ идетъ то же самое, только роль животныхъ играютъ люди-машины. И никакой сентиментализмъ тутъ не поможетъ. Даже скорѣе—онъ не умѣстенъ, мѣшая ясному анализу человѣческихъ отношеній, безъ чего немыслимо пониманіе путей борьбы. Обращеніе къ чувству, лежащее въ основѣ вегетаріанства, служитъ лучшимъ доказательствомъ его слабости, какъ ученія. Въ смыслѣ общественномъ оно безсильно и вліянія имѣть не можетъ, такъ какъ не личными симпатіями или антипатіями рѣшаются экономическія отношенія, а вопросы питанія меньше всего принадлежатъ къ области духовной.

Дѣло мултанскихъ вотяковъ, обвинявшихся въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ. Подъ редакц. и съ примѣч. В. Г. Короленко. Москва. Изд. «Рус. Вѣд.» 1896 г. Ц. 60 коп.— Это темное дѣло, получившее теперь такую громкую извѣстность, напоминаетъ до мельчайшихъ подробностей знаменитое дѣло семейства Каласовъ во Франціи прошлаго столѣтія, когда цѣлое судебное учрежденіе пустило въ ходъ всѣ бюрократическія пружины, чтобы отстоять правоту своего приговора, согласно которому старикъ Каласъ былъ колесованъ по обвиненію въ убійствѣ

своего сына,—за переходъ, будто бы, его изъ протестантства въ католицизмъ. Вольтеръ, возставшій со всею силою своего ума и страстнаго краснорѣчія противъ злоупотребленій, допущенныхъ судебнымъ учрежденіемъ и администраціей, добился новаго слѣдствія и отмѣны приговора, хотя невинно обвиненный уже погибъ. Но его защита и громкая гласность возмутительнаго поведенія бюрократіи послужили къ выясненію тѣхъ условій, при которыхъ дѣйствовало правосудіе въ глухихъ провинціяхъ Франціи. Онъ обнаружилъ безправіе обывателей, ихъ безсиліе и беззащитность предъ сплоченной силой бюрократіи. Для послѣдней вопросъ шелъ не о томъ, виновны ли были Каласы, или нѣтъ, а о томъ, съумѣетъ ли, сможетъ ли судъ и администрація, въ тѣсномъ союзѣ, отстоять себя, скрыть отъ общества вопіющія правонарушенія, допущенныя ими, и тотъ произволъ, который прикрывалъ насиліемъ все поведеніе бюрократіи въ дѣлѣ Каласовъ съ начала и до конца. Когда парижскій парламентъ отъ имени короля сдѣлалъ, послѣ раскрытія всего беззаконія, выговоръ южному парламенту, предсѣдатель послѣдняго скромно извинялся, ссылаясь на пословицу, что «и добрый конь спотыкается». На это парижанинъ съ неменьшимъ остроуміемъ возразилъ: «Да, но—цѣлая конюшня?!»...

Читая теперь подробный отчетъ по дѣлу мултанскихъ вотяковъ, невольно вспоминаешь эту характеристику суда и судьбу Каласа. Мы живемъ въ лучшія времена. Злополучныхъ вотяковъ не сожгутъ, но возможность новой, въ третій разъ угрожающей судебной ошибки неотвязно тревожитъ читателя. Во всемъ дѣлѣ съ поразительной ясностью видны усилія мѣстной судебной власти и администраціи — не выяснить дѣло, а доказать *свою* правоту. Дважды надѣлавъ рядъ непростительныхъ ошибокъ, мѣстная бюрократія какъ бы ставитъ на судѣ вопросомъ своей чести— доказать, что убили именно вотяки и именно съ цѣлью принесенія въ жертву богамъ. Вдаваться въ подробности здѣсь неумѣстно, и мы отсылаемъ читателя къ этому чрезвычайно поучительному отчету, раскрывающему воочію, какъ иногда творится правосудіе на нашихъ окраинахъ. Между прочимъ, надъ дѣйствіями столь виднаго въ этомъ дѣлѣ пристава Шмелева и полицейскихъ урядниковъ, производившихъ «дознаніе» по мултанскому дѣлу, производится нынѣ слѣдствіе, какъ сообщаетъ Казанская газета «Волжско-Камскій Край». Слѣдствіе ведетъ судебный слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ Кирилловъ подъ руководствомъ товарища прокурора г. Шумкова. Самое дѣло будетъ разбираться третій разъ въ маѣ мѣсяцѣ новымъ составомъ суда и присяжныхъ, хотя, къ сожалѣнію, все въ томъ же казанскомъ судебномъ округѣ, представители котораго такъ доблестно умѣютъ отстаивать... интересы своей корпораціи.

И. И. Дитятинъ. Статьи по исторіи русскаго права. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к. Собраніе важнѣйшихъ статей покойнаго проф. И. И. Дитятина (И. Дитятинъ умеръ 29 октября 1892 г. въ г. Дерптѣ), помѣщавшихся въ разное время въ журналахъ: «Юридическій Вѣстникъ», «Русская Мысль», «Времен-

никъ Демидовскаго лицея»,—представляетъ цѣнный вкладъ въ нашу публицистическую литературу. Немного найдется ученыхъ, въ дѣятельности своей стоявшихъ ближе къ самымъ живымъ интересамъ современной общественной жизни, съ большей горячностью и въ то же время знаніемъ дѣла защищавшихъ дорогія имъ начала общественности доступнымъ оружіемъ пера и слова. Мѣщанинъ по происхожденію, пройдя всѣ ступени школьнаго образованія, начиная отъ приходскаго училища и до университета, и стоя передъ открывшейся для него перспективой ученой дѣятельности, И. И. Дитятинъ не усумнился избрать для этой послѣдней задачу, прямо вытекавшую изъ насущнѣйшихъ потребностей среды, его выдвинувшей. Эта задача, примыкая къ тому великому дѣлу общественнаго устройства, которое было еще въ полномъ разгарѣ подъ вліяніемъ толчка, даннаго освободительною реформою 19 февраля 1861 года,—заключалась въ выясненіи историческихъ отношеній между властью и обществомъ, и тѣхъ практическихъ выводовъ, къ которымъ приводилъ историческій опытъ. Судьбы выборнаго начала въ мѣстномъ управленіи въ связи съ развитіемъ начала приказнаго, административнаго, развитіе идеи о человѣческой личности въ процессѣ раскрѣпощенія разныхъ слоевъ русскаго общества, постепенный ростъ идеи законности въ законодательной теоріи и административной практикѣ,—вотъ вопросы, интересовавшіе И. Дитятина съ первыхъ и до послѣднихъ шаговъ его научной и общественной дѣятельности. Выступивъ въ 1875 г. съ капитальнымъ научнымъ трудомъ: «Устройство и управленіе городовъ Россіи. Города Россіи въ XVIII столѣтіи», Иванъ Ивановичъ не ограничился для распространенія своихъ идей, добытыхъ трудомъ серьезнаго, кропотливаго изученія литературныхъ источниковъ и архивныхъ матеріаловъ, однимъ изданіемъ ученыхъ изслѣдованій; онъ размѣнялъ ихъ цѣнное содержаніе на цѣлый рядъ публичныхъ рѣчей и болѣе или менѣе популярныхъ статей въ журналахъ. Собраніе этихъ статей и рѣчей и представляетъ разсматриваемое нами изданіе. Всѣ они относятся къ тому періоду, когда новымъ учрежденіямъ городскаго и земскаго самоуправленія, не успѣвшимъ еще окрѣпнуть въ общественной жизни и сознаніи, пришлось выдерживать напоръ попятнаго къ старымъ порядкамъ движенія. Со всею страстностью натуры убѣжденнаго гражданина И. Дитятинъ всталъ на защиту дорогихъ ему началъ общественной самодѣятельности и развитія; онъ поднялъ умѣлой и знающей рукой всю обширную область историческаго опыта, чтобы выдвинуть вниманіе общества и противниковъ на многочисленные и вѣскіе примѣры, ссылки и доказательства; онъ не уставалъ повторяться, отстаивая свои любимыя положенія и зная, что правду надо повторять десятки и сотни разъ, чтобы голосъ ея былъ услышанъ среди широко разлитой и торжествующей лжи. Печальнымъ аккордомъ звучитъ въ нашихъ ушахъ общая нота, которою проникнуто посмертное изданіе статей Дитятина. Безсильная остановить ходъ событій, его литературная дѣятельность замерла, а вмѣстѣ съ нею угасла вскорѣ и самая жизнь его. Но труды и идеи его не потеряли своей жиз-

ненности и самаго непосредственнаго отношенія къ текущей дѣйствительности, въ чемъ достаточно убѣдиться, прочитавъ одни заголовки статей, вошедшихъ въ разсматриваемый сборникъ:

I. Русскій дореформенный городъ. II. Наши города за первыя три четверти настоящаго столѣтія. III. Къ исторіи «жалованныхъ грамотъ» дворянству и городамъ 1785 г. IV. Къ исторіи городового положенія 1870 года. V. Наше городское самоуправленіе. VI. Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи московскаго государства. VII. Очеркъ исторіи цеховъ въ Западной Европѣ. VIII. Екатерининская коммиссія 1767 года «О сочиненіи проекта новаго уложенія». IX. Изъ исторіи мѣстнаго управленія. X. Царскій кабакъ Московскаго государства. XI. Когда и почему возникла рознь въ Россіи между «командующими классами» и «народомъ». XII. Верховная власть въ Россіи XVIII столѣтія.

Таковъ перечень статей, содержащихся въ предлагаемомъ томѣ. Въ предѣлахъ настоящей краткой замѣтки мы не беремся давать болѣе опредѣленнаго представленія о томъ общественномъ міровоззрѣніи—цѣльномъ и твердо обоснованномъ, которое раскрывается въ перечисленныхъ статьяхъ, чѣмъ то, которое вытекаетъ изъ сказаннаго нами ранѣе. По отношенію къ книгѣ, столь богатой содержаніемъ, нашей цѣлью можетъ быть только рекомендовать ее вниманію возможно болѣе широкаго круга читателей, которые, ознакомившись съ нею, лучше и яснѣе поймутъ не только настоящее нашей общественной жизни, но и то темное неизбывное прошлое, которое тяжелымъ наслѣдіемъ тяготѣетъ надъ свободнымъ и нормальнымъ развитіемъ нашей гражданственности.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

«Исторія Греціи».

Исторія Греціи со времени пелопоннесской войны. Выпускъ первый. Сборникъ статей. Переводъ подъ редакціей Шамонина и Петрушевскаго. М. 1896. Стр. XXVII—451. Ц. 1 р. 75 к. Какъ извѣстно, годъ тому назадъ, въ Москвѣ возникла мысль привить къ Россіи, гдѣ теперь такъ ясно обнаружилась потребность во всенародности высшаго образованія, замѣчательное учрежденіе, родившееся въ Англіи, Широкій университетъ (University Extention). Она выполняется именно по англійскому образцу, какъ видно изъ заявленій коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при ученомъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. Коммиссія издала программы домашняго чтенія, которыя быстро достигли 3-го изданія.

Теперь коммиссія возымѣла превосходную мысль — издавать «Библіотеку для самообразованія», какъ необходимое подспорье къ тому «домашнему чтенію», которое и составляетъ душу Широкаго университета. Возьмемъ, напримѣръ, исторію, о которой намъ приходится говорить на этотъ разъ. Не можетъ же университетъ, хотя бы и широкій, довольствоваться одними учебниками.

Хорошо бы также дать рядъ умѣло выбранныхъ цѣльныхъ произведеній лучшихъ историковъ. Такъ и поступаетъ коммиссія, какъ видно изъ приложеннаго къ «Исторіи Греціи» списка первыхъ томиковъ «Библіотеки». На этотъ разъ изданъ сборникъ статей, цѣльныхъ и въ отрывкахъ, изъ лучшихъ авторовъ, что въ общемъ составило прекрасную хрестоматію по исторіи Греціи.

Внѣшность книги болѣе чѣмъ хороша: она выставляется редакціей, какъ заслуга издательской фирмы Сытина. Переводъ удовлетворителенъ. Прекрасна мысль дать указатель важнѣйшихъ терминовъ. Выборъ статей, конечно, подлежитъ оспариванію: тутъ много значитъ личная точка зрѣнія и составителей, и критиковъ. Такъ, нѣсколько удивляетъ отсутствіе характеристики Перикла, хотя для нея нашлись бы и западныя, и русскія пособія (Опскей, Бузескулъ), а также преувеличенное вниманіе къ Аристофану.

Вообще, выборъ статей безусловно хорошъ: дано наиболѣе крупное и современное. Сами за себя говорятъ имена авторовъ,— Ранке, Дройзенъ, Курціусъ, Шеффъ и др. Есть кое-что и изъ источниковъ — отрывки изъ Ѳукидида, Ксенофонта, Демосѳена. Мало того: мѣстами сдѣланы пояснительныя введенія и примѣчанія къ статьямъ, а также приводятся выписки изъ другихъ сочиненій, чтобы или пополнить текстъ, или указать различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ. Важнѣе и симпатичнѣе всего широкій, современный взглядъ редакціи на исторію, выразившійся въ рѣшительномъ преобладаніи внутренней, *культурной* стороны. Всѣ статьи направлены къ тому, чтобы уяснить читателю такія основныя явленія эллинскаго быта, какъ политическія партіи въ связи съ соціальнымъ вопросомъ, демагоги и олигархи, умственныя теченія эпохи въ связи съ сословнымъ развитіемъ, въ особенности же софистика, риторика и ученіе Сократа. Особенно дѣльно разсматриваются экономическія условія Эллады и связанныя съ ними общественныя теоріи грековъ. Здѣсь редакція не поскупилась на выписки изъ прекраснаго сочиненія Пелмана *), которыя могли бы служить украшеніемъ любого историческаго сборника. Здѣсь ясно обозначены черты плутократическаго развитія общества, послужившія къ разложенію Эллады въ IV в. до Р. Х. А рядомъ видимъ усилія лучшихъ умовъ, съ Аристотелемъ и Платономъ во главѣ, отвратить бѣду развитіемъ альтруизма и справедливости. Прочтя эти главы, всякій согласится съ выводомъ Пелмана: «Четвертое столѣтіе раньше насъ пережило ту борьбу, въ разгарѣ которой мы теперь находимся. Оно выковало большую часть того духовнаго оружія, которымъ мы пользуемся еще и теперь въ этой борьбѣ».

Обращаемъ также вниманіе читателей на статью Фишера о государствахъ и союзахъ въ древней Греціи. Это—сжатый, живой и дѣльный соціологическій очеркъ, напоминающій работы покойнаго Фримена. Здѣсь интересно разсмотрѣнъ, на богатомъ примѣрѣ, одинъ изъ основныхъ законовъ соціологіи—соотношенія

---

*) *Pöhlmann*. Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus. I. München. 1893.

между дифференцированіемъ и интеграціей, или борьба центробѣжныхъ и центростремительныхъ силъ въ обществѣ. Передъ нами развертывается, на крошечной классической почвѣ, вся сложная картина политической эволюціи, начиная съ рода, сельской общины и города, и кончая государствами и ихъ союзами.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ.

А. Г. Папперкъ. «Б. Спиноза».

Б. Спиноза, его жизнь и философская дѣятельность, біографическій очеркъ Г. А. Папперна. Біографическая библіотека. Ф. Павленкова. Спб. 1895. Ц. 25 к. Исторія человѣческой мысли среди величайшихъ дѣятелей своихъ не знаетъ никого могущественнѣе и, въ то же время, скромнѣе—Бенедикта Спинозы. Бѣдный еврей, изверженный, какъ вѣроотступникъ, изъ среды своихъ соотечественниковъ и пріютившійся въ Гаагѣ, среди простыхъ неученыхъ людей, полюбившихъ его за доброту и обходительность, добывавшій себѣ изо дня въ день скудныя средства къ жизни шлифовкою оптическихъ стеколъ, посвящая ночные часы философскимъ трудамъ и размышленіямъ, не дождался бы и той краткой біографіи, которую ближайшее поколѣніе оставило потомству, если бы не вниманіе, оказанное этимъ философскимъ трудамъ нѣкоторыми «высокопоставленными лицами», да не ужасъ, которымъ было окружено самое имя его для многихъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. Въ Гаагѣ, гдѣ прошли послѣдніе годы жизни Спинозы, онъ занималъ одно время комнату со столомъ у вдовы Ванъ-Вельденъ, пока разсчитавъ, что это ему не по средствамъ, не перебрался въ еще болѣе скудную обстановку въ домѣ живописца Ванъ-деръ-Спика. Въ этой то комнатѣ у вдовы Ванъ-Вельденъ, на Виркѣ, «крайней въ задней части дома, гдѣ онъ спалъ, занимался и трудился надъ выдѣлкою стеколъ», вскорѣ послѣ смерти Спинозы поселился лютеранскій пасторъ Колерусъ. Простодушный и честный, хотя ограниченный человѣкъ, пасторъ не могъ не заинтересоваться воспоминаніями окружающихъ о своемъ предшественникѣ по комнатѣ, тѣмъ болѣе, что воспоминанія эти слишкомъ ужъ рѣзко противорѣчили клеветамъ и небылицамъ, распространеннымъ вокругъ его имени литературными врагами и ненавистниками. Повторяя вслѣдъ за такимъ авторитетомъ, какъ пасторъ реформатской церкви Бурменнъ, названіе «нечестивѣйшаго изъ атеистовъ, какихъ когда-либо видѣлъ міръ», какъ вполнѣ справедливое въ примѣненіи къ Спинозѣ-философу, добрый пасторъ съ удивленіемъ останавливается передъ величіемъ, чистотой и безукоризненностью жизни Спинозы-человѣка. «Да разразитъ тебя Господь, Сатана, и да сомкнетъ нечестивыя уста твои!» съ трепетомъ заноситъ на бумагу его перо, коснувшееся заблужденій Спинозы, но изъ подъ того же пера одинъ за другимъ встаютъ передъ нами факты, событія, мелкія подробности будничной жизни Спинозы, обрисовывающія фигуру великаго философа, безтрепетнаго въ исповѣданіи

истины, столь же мужественнаго въ защитѣ правъ своей мысли, сколько чуждаго нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ, безпримѣрно скромнаго, стоящаго выше всѣхъ мелкихъ страстей. кроткаго и снисходительнаго къ простымъ, окружающимъ его людямъ, трудолюбиваго и безкорыстнаго. Передавая разсказъ Спинозы о томъ, какъ синагога пыталась купить его мнѣнія пенсіею въ 1.000 флориновъ, наивный біографъ не безъ сочувствія приводитъ увѣреніе Спинозы, что онъ никогда не согласился бы на такое предложеніе и не сталъ бы посѣщать ихъ собраній изъ подобныхъ побужденій, «потому что онъ не былъ лицемѣромъ и искалъ одной только истины». Такимъ человѣкомъ истины и встаетъ передъ нами Спиноза въ разсказѣ Колеруса, правдивомъ, поскольку это отъ него зависѣло, въ фактической своей части, наивномъ тамъ, гдѣ добрый пасторъ выступаетъ со своими обличеніями повергающихъ его въ ужасъ заблужденій непонятаго имъ философа.

Послѣдующее время немного прибавило къ описанію Колеруса въ томъ, что касается происхожденія, воспитанія, первыхъ столкновеній съ окружающей средой, условій жизни въ Гаагѣ и обстановки, сопровождавшей послѣдніе часы философа. Позднѣйшимъ біографамъ оставалось только повторять съ нѣкоторой критикой факты, переданные имъ, да черпать немногія біографическія данныя, заключавшіяся въ трудахъ и перепискѣ Спинозы. Главное же, что могло пролить свѣтъ на личность и философію Спинозы, это раскрытіе связи, которая существуетъ между его дѣятельностью и идеями—съ одной стороны, и современными ему общественными, религіозными и политическими условіями среды—съ другой. Эту задачу ставитъ себѣ Г. А. Паппернъ, авторъ разсматриваемой нами біографіи Спинозы,—одной изъ обстоятельнѣйшихъ въ библіографической библіотекѣ Ф. Павленкова, и разрѣшаетъ ее съ той степенью успѣха, которую только можно требовать при данной ограниченности мѣста. Правда, по мнѣнію г. Папперна, у насъ нѣтъ фактическихъ данныхъ для рѣшенія вопроса, какъ сложилась и развивалась философская система Спинозы. Основныя черты его оригинальнаго міросозерцанія, благодаря которымъ онъ стоитъ въ значительной степени особнякомъ среди философскихъ системъ и примыкаетъ къ научной философіи второй половины текущаго столѣтія,—единство начала, проникающаго вселенную, закономѣрность и необходимость всѣхъ явленій, какъ физическихъ, такъ и душевныхъ, отсутствіе цѣлей въ природѣ, относительный характеръ понятій добра и зла и т. д.,—всѣ эти черты содержатся въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ и письмахъ Спинозы. Но, не имѣя возможности пролить достаточно яркій свѣтъ на ходъ развитія этой системы, можно объяснить вліяніями историческаго момента нѣкоторыя ея особенности. Такъ, авторъ біографіи раскрываетъ намъ въ умственной атмосферѣ, окружавшей юношескіе годы Спинозы, происхожденіе того религіознаго элемента, который проникаетъ его систему, заключая въ основѣ своей глубокое, нѣсколько мистическое чувство, имѣвшее своимъ объектомъ міровой порядокъ. Такъ, эмпирическій характеръ цѣлаго ряда теоремъ, установленныхъ Спинозою, повидимому, искусственнымъ

и сложнымъ путемъ отвлеченныхъ доказательствъ, становится очевиднымъ при сопоставленіи съ успѣхами опытной науки въ современную Спинозѣ эпоху и съ тѣмъ вниманіемъ, которое оказывалъ онъ этимъ успѣхамъ. Авторъ біографіи посвящаетъ нѣсколько страницъ тому, чтобы, вскрывъ метафизическую оболочку философіи и метода изложенія Спинозы, показать реальное происхожденіе тѣхъ идей, которыми при скудномъ фактическомъ матеріалѣ великій мыслитель въ XVII вѣкѣ съумѣлъ предвосхитить важнѣшія положенія современной науки и связать ихъ въ стройное міросозерцаніе. Однако, тутъ же онъ предостерегаетъ отъ увлеченія, которое допускаютъ нѣкоторые современные историки философіи, увѣряя, что «всюду въ современномъ научномъ міросозерцаніи мы наталкиваемся на Спинозу». Совпаденіе взглядовъ, полученныхъ независимо и разными путями еще далеко отъ прямого вліянія одного міросозерцанія на другое. Для современныхъ поколѣній, имѣющихъ передъ собою прочно установленныя на обширномъ матеріалѣ фактовъ и наблюденій основы научнаго міровоззрѣнія, важны не общія научно-философскія положенія Спинозы, не его вѣщія аксіомы, не его изумительныя, по своей проницательности, психологическія обобщенія, а цѣльность, стройность и глубина его нравственнаго міросозерцанія. Признавъ, что человѣкъ не болѣе, какъ часть природы, и не можетъ не слѣдовать общему ея порядку, Спиноза не отдаетъ васъ этимъ во власть квіэтизма. Напротивъ, онъ дѣлаетъ только тотъ выводъ, что если невозможно, чтобы человѣкъересталъ быть частью природы и не слѣдовалъ міровому порядку, то мыслимо, чтобы дѣйствія человѣка опредѣлять преимущественно природою самого человѣка, какъ части этой природы. Въ этомъ состоитъ единственная возможная для человѣка свобода—слѣдованіе необходимымъ законамъ своей собственной природы и отсутствіе извнѣ привходящаго принужденія. Свободный человѣкъ, дѣйствующій по руководству разума и управляющій своими низшими аффектами,—вотъ идеальный человѣкъ. Но достиженіе этого идеала, полнота духовнаго развитія возможны только въ обществѣ себѣ подобныхъ, въ служеніи общему благу, въ отстаиваніи драгоцѣннѣйшихъ реальныхъ интересовъ личности и общества и, прежде всего,—свободы мысли и совѣсти.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Р. Ірингъ. «Борьба за право».

Рудольфъ фонъ-Іерингъ. Борьба за право, перев. І. Юровскаго. Спб. 1895 г. Ц. 25 к. Громкая научная извѣстность автора, исключительный успѣхъ, который имѣло именно названное произведеніе Іеринга *)—уже сами по себѣ заставляютъ предполагать въ

*) Переводъ г. Юровскаго сдѣланъ съ 11-го нѣмецкаго изданія 1894 г. (первое появилось въ 1872 г.). Ко времени 10 изд. (1891 г.) «Борьба за пра-

немъ выдающіяся достоинства. И ближайшее знакомство читателя съ книжкой не разубѣдитъ его въ этомъ. «Цѣль, какую я преслѣдовалъ при обработкѣ и опубликованіи этого сочиненія,—говоритъ Іерингъ въ предисловіи, — была не столько теоретическая, сколько *этико-практическая*» (стр. 86). Но практическіе взгляды Іеринга находятся въ тѣсной связи съ общими его воззрѣніями на природу права, и въ изложеніи своемъ онъ постоянно подчеркиваетъ эту связь ссылками на то или другое свое соціологическое обобщеніе, опроверженіями противныхъ мнѣній и, вообще, иногда довольно значительными отступленіями чисто теоретическаго характера. Поэтому и мы прежде всего остановимся на теоретическихъ взглядахъ Іеринга.

Съ конца 40 гг. въ нѣмецкой юридической литературѣ обнаруживается реакція противъ господствующей исторической школы (Савиньи, Эйхгорнъ, Пухта), и во главѣ этого движенія становится Р. Іерингъ. Вслѣдствіе рѣзкости нападенія на старую школу, соединеннаго съ воодушевленнымъ призывомъ юридической науки къ разрѣшенію жизненныхъ, общественныхъ вопросовъ—движеніе это получило у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ профессоровъ характерное названіе «періода бури и натиска» («Sturm und Drang-Periode in der Jurisprudenz»), а самъ Іерингъ—«буревѣстника» («Sturmvogel»). Въ чемъ же состояли главныя положенія исторической школы, противъ которыхъ былъ направленъ этотъ «натискъ»? Выдвинутая эпохой «реставраціи» (знаменитое произведеніе Савиньи «О призваніи нашего времени къ законодательству и наукѣ права» вышло въ 1814 г.), школа эта явилась протестомъ противъ раціоналистическаго направленія XVIII в., представленнаго въ юридической наукѣ школою «естественнаго права». Въ основу своихъ ученій историческая школа положила идею закономѣрности развитія права и, съ точки зрѣнія этой идеи, возставала противъ распространеннаго до нея убѣжденія о возможности коренныхъ измѣненій въ правовой жизни народа по произволу «мудраго» законодателя. Въ этихъ предѣлахъ ея воззрѣнія являются, конечно, естественнымъ результатомъ развитія научной мысли въ XIX стол. Но реакція противъ раціонализма пошла значительно дальше. Чрезмѣрно настаивая на значеніи традиціоннаго элемента въ развитіи права, историческая школа выдвинула на первый планъ положеніе о «непроизвольномъ», «безболѣзненномъ», внѣ борьбы конкретныхъ интересовъ (понятіе, чуждое вообще всѣмъ историческимъ романтикамъ) «*органическомъ* развитіи права изъ самого себя», *обособила* эволюцію права отъ развитія всѣхъ другихъ общественныхъ отношеній и извратила самое понятіе историческаго развитія, сведя развитіе права лишь на послѣдовательное выраженіе *исконныхъ началъ народнаго духа* (принимая неуловимый въ своей измѣнчивости результатъ историческаго процесса—

во» была переведена на 17 языковъ (въ томъ числѣ и на японскій). Наибольшее число переводовъ имѣется на русскомъ языкѣ: 1) въ «Юридическ. Вѣстникѣ» за 1874 г. 2) П. П. Волкова М. 1874 г. Ц. 75 коп. 3) С. Я. Гинцбурга. Кіевъ 1893 г. Ц. 60 к. 4) О. А. Верта. Спб. 1895 г. Ц. 60 к. 5) Вышеназванный.

національный типъ — за почти неизмѣнный источникъ историческихъ формъ права). Такимъ образомъ, вопреки историческому характеру ученія, нѣкоторыя его положенія направлялись противъ самой идеи прогресса. Въ отношеніи указаннаго «обособленія» особенно характеренъ Пухта; исходя изъ вѣрнаго положенія, что дѣятельность общества не можетъ быть всецѣло разложена на дѣятельность отдѣльно взятыхъ членовъ его, онъ придалъ этому положенію такой смыслъ, согласно которому общественный строй получаетъ *самобытное* существованіе и процессъ его измѣненія совершается внѣ дѣятельности людей. Процессъ этотъ у Пухты «*объективировался*». Мы пользуемся здѣсь выраженіемъ С. А. Муромцева, по опредѣленію котораго «объективизмъ есть ничто иное, какъ наклонность приписывать самобытное существованіе порядку, который на самомъ дѣлѣ созданъ умственною и нравственною дѣятельностью *людей*... Въ объединенномъ міросозерцаніи забывается быстро *трудъ и борьба*, потраченные на образованіе какого-либо порядка, какъ скоро онъ установился окончательно, и порядокъ этотъ *объективируется*» *).

Противъ этихъ-то тенденцій и возсталъ со всей энергіей Іерингъ, исходя изъ положенія, что «всѣ великія пріобрѣтенія въ исторіи права: уничтоженіе рабства, крѣпостничества, свобода поземельной собственности, промысловъ, вѣрованій и т. д.,—всѣ они должны были быть завоеваны... путемъ ожесточенной, нерѣдко вѣковой борьбы, и путь права въ такихъ случаяхъ всегда обозначается обломками правъ» (стр. 9). Этимъ самымъ отрицались и «безболѣзненность» историческаго процесса, и «объективизмъ» его. И если въ указанномъ выше смыслѣ Пухта можетъ быть названъ «объективистомъ», то Іеринга, по полной его въ *этомъ отношеніи* противоположности Пухтѣ, слѣдуетъ причислить къ «субъективистамъ» **).

Мы остановились такъ сравнительно долго на взглядахъ противниковъ Іеринга, полагая, что боевые писатели, какимъ былъ Іерингъ, лучше всего характеризуются тѣмъ, противъ чего они борются. Кромѣ того, указаніе на полемическое происхожденіе ученія Іеринга даетъ намъ поводъ лишній разъ подтвердить его взгляды на творческую роль борьбы и по отношенію къ развитію научной мысли; наконецъ, съ этимъ происхожденіемъ, какъ намъ кажется, связаны нѣкоторые недостатки его ученія.

Протестуя противъ положеній исторической школы, которая, въ свою очередь, явилась реакціей противъ школы естественнаго права, Іерингъ въ значительной степени «примиряетъ» въ своемъ

*) «Образованіе права», стр. 11. Развитіе этихъ мыслей см. въ весьма интересной статьѣ его «Право и справедливость», помѣщенной въ «Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній», т. II. Спб. 1893 г.

**) Мы подчеркиваемъ опредѣленный смыслъ употребляемаго нами здѣсь термина въ виду того, что значенія его весьма разнообразны. Такъ напримѣръ, въ психологической литературѣ названіе «субъективистовъ» усвоивается сторонникамъ метода внутренняго (интроспективнаго) наблюденія, въ противоположность «объективистамъ»—сторонникамъ метода наблюденія душевныхъ явленій не въ себѣ, а въ другихъ.

*

ученіи противоположныя крайности обѣихъ школъ. Но относясь слишкомъ полемически къ своимъ противникамъ, онъ или игнорировалъ, или опровергалъ нѣкоторыя ихъ, хотя и мало развитыя, но весьма цѣнныя идеи и въ извѣстномъ отношеніи сдѣлалъ, такимъ образомъ, шагъ назадъ.

Мы указывали уже на то, что историческая школа обладала, хотя и неяснымъ, понятіемъ объ общественномъ, какъ явленіи, не сводимомъ къ суммѣ отдѣльныхъ членовъ союза; устанавливая для дѣятельности законодателя ограниченія въ «народо-правовыхъ убѣжденіяхъ», приписывая преувеличенное значеніе обычному праву, историческая школа обнаруживала этимъ, все-таки, признаніе, кромѣ отдѣльной личности и государства, еще третьяго явленія, которое принято теперь разумѣть подъ понятіемъ «общества» и которое, по замѣчанію А. Мясковскаго, лишь послѣ общественныхъ движеній XVIII в. внезапно, «подобно подымающемуся изъ моря острову», открылось передъ людьми науки. Ірингъ игнорируетъ оба отмѣченныя понятія; для перваго это ясно изъ его опроверженія конструкціи «юридическаго лица», предложенной Савиньи, игнорированіе второго сказывается въ томъ, что единственнымъ источникомъ права Іерингъ признаетъ государство и всѣ измѣненія въ правовой жизни сводитъ къ законодательству. Въ нѣкоторой связи съ этимъ стоитъ отрицаніе Іерингомъ въ развитіи почти всякаго значенія традиціоннаго элемента и преувеличенное представленіе о роли здѣсь сознательно поставляемыхъ цѣлей; онъ доходитъ при этомъ даже до попытки замѣнить для правовой области понятіе причинности, годное, по его мнѣнію, лишь для «внѣшней» природы, понятіемъ стремленій, цѣлей (конечно, послѣднее связано, сверхъ того, съ ошибкою чисто философскаго характера).

Чтобы покончить съ характеристикой теоретическихъ взглядовъ Іеринга, намъ слѣдуетъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Подведеніе подъ правовыя нормы утилитарнаго основанія, трактованіе права, какъ «категоріи силы», указаніе на борьбу интересовъ, какъ на главный факторъ историческаго процесса, сведеніе различій въ правовыхъ понятіяхъ на различія въ соціальномъ положеніи (см. стр. 22—31) и нѣкоторыя другія отдѣльныя замѣчанія, даютъ основаніе для сближенія Іеринга съ направленіемъ «экономическаго матеріализма». Но отмѣченные выше взгляды его на общество и роль сознательнаго элемента въ исторіи показываютъ, что сближеніе это нельзя проводить далеко.

Перейдемъ теперь къ этико-практическимъ взглядамъ «Борьбы за право». Мы можемъ, въ общемъ, лишь присоединиться къ оцѣнкѣ общественнаго значенія брошюры, сдѣланной въ предисловіи къ посмертному ея изданію (1894 г.) В. Эренбергомъ: «Эта маленькая книжка разнесла его (Іеринга) имя по всему цивилизованному міру и сдѣлала его призывнымъ кликомъ къ подъему чувства чести и правосознанія». Однако, съ нѣкоторыми частностями, которыми обставленъ этотъ призывъ, мы согласиться не можемъ. На стр. 21 текста и 89 предисловія Іерингъ категорически утверждаетъ, что онъ не проповѣдуетъ борьбы за право, какъ таковой, безъ вни-

манія къ чувству справедливости, что отказъ отъ борьбы онъ считаетъ недостойнымъ лишь по мотивамъ «трусости и неподвижности». И мы полагаемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, бросая упрекъ за отказъ отъ преслѣдованія своихъ формальныхъ правъ, онъ не принимаетъ во вниманіе выставленныхъ имъ же самимъ условій для осужденія. Это мы должны сказать, напр., когда онъ, на стр. 45 негодуетъ, что хозяева не примѣняютъ болѣе закона о слугахъ. Почему здѣсь слѣдуетъ видѣть непремѣнно «проявленіе трусости и неподвижности», а не результатъ вліянія общественнаго мнѣнія, разошедшагося съ положительнымъ закономъ въ понятіи о справедливомъ? Не слѣдуетъ ли видѣть вліянія того же фактора иногда также и въ отказахъ собственниковъ защищать свое имущество, особенно, если защита неизбѣжно соединяется съ причиненіемъ физическаго урона посягателю или даже со смертью для него? Возможность положительнаго отвѣта подсказывается самимъ Іерингомъ: на стр. 32—33 онъ утверждаетъ, что современныя общественныя отношенія весьма не рѣдко приводятъ къ полному разрыву между собственностью и трудомъ, уничтожаютъ такимъ образомъ нравственную основу собственности и *связь ея съ личностью* обладателя. Слѣдуетъ ли, поэтому, настаивать на томъ, чтобы лицо, пріобрѣвшее милліоны биржевой игрой (примѣръ, приводимый самимъ Іерингомъ на 33 стр.), непремѣнно усматривало бы въ каждомъ нарушеніи его имущественныхъ правъ «попираніе ногами собственной личности» (стр. 21) и въ защитѣ этихъ правъ не останавливалась даже передъ смертью нарушителя правъ; слѣдуетъ ли отказъ его отъ борьбы въ такихъ случаяхъ признать «нравственно недостойнымъ»? Отвѣтъ на эти вопросы ясенъ, но Іерингъ не задается ими, какъ намъ кажется, подъ вліяніемъ отмѣченныхъ выше теоретическихъ ошибокъ: придавая исключительное значеніе положительному *законодательству*, игнорируя «обычное право» и роль «общества», онъ естественно упускаетъ въ своемъ изслѣдованіи моменты расхожденія положительнаго закона и общественнаго правоваго сознанія.

Конечно, отказъ въ такихъ случаяхъ отъ защиты своихъ правъ, предоставляемыхъ закономъ, долженъ истекать *исключительно* изъ личнаго признанія этого права несправедливымъ или изъ уваженія къ общественному мнѣнію, положительный же законъ, *пока* предоставляетъ извѣстное право, *не долженъ* ставить *никакихъ* ограниченій для защиты его со стороны самого управомоченнаго. Въ послѣднемъ отношеніи мы согласны съ Іерингомъ безъ всякихъ оговорокъ и вполнѣ присоединяемся къ его негодованію по поводу тенденцій нѣкоторыхъ писателей подавить «*право* необходимой обороны» (стр. 80). Изъ юридическихъ дисциплинъ понятіе «необходимой обороны» всего ближе къ уголовному праву, и о большинствѣ русскихъ криминалистовъ мы должны сказать, что принципъ свободы необходимой обороны устанавливается ими вполнѣ категорично. «Прямой интересъ нормально организованнаго государства,—говоритъ, напр., проф. Таганцевъ (Лекція II, стр. 572),—заключается въ развитіи у гражданъ сознанія неприкосновенности ихъ правъ, *готовности защищать ихъ всѣми своими*

силами». И этой категоричностью мы, весьма вѣроятно, обязаны вліянію взглядовъ Іеринга. Что касается дѣйствующаго русскаго законодательства, то примѣненіе «необходимой обороны» обставлено здѣсь значительными ограниченіями: напр., ст. 101 Уложенія для правомѣрности обороны требуетъ, чтобы обороняющійся не имѣлъ возможности «прибѣгнуть къ защитѣ мѣстнаго или ближайшаго начальства»; по ст. 102 оборона чести допускается только для женщинъ. Но въ составленномъ уже въ настоящее время особою коммиссіею проектѣ новаго уголовнаго уложенія ограниченія эти устранены, и согласно ему—«не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное при необходимой оборонѣ противъ *незаконнаго* посягательства на *личныя* или *имущественныя* блага, защищавшаго *себя* или *другихъ* лицъ».

Въ заключеніе, сдѣлаемъ нѣсколько указаній на книги, изъ которыхъ можно познакомиться съ теоретическими взглядами Іеринга въ необходимой, по нашему мнѣнію, связи съ исторической школой.

1) *С. Муромцевъ*. «Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи», 2 изд., М. 1886 г.

Сжатое, но весьма рельефное выясненіе основныхъ теоретическихъ положеній объ образованіи права школъ «естественнаго права», исторической и Іеринга.

2) *Н. Коркуновъ*. «Лекціи по общей теоріи права», изд. 3, Спб., 1894 г., гдѣ въ §§ 18—21 и 47 заключается изложеніе воззрѣній исторической школы и Іеринга.

3) *I. Блунчли*. «Исторія общаго государственнаго права и политики отъ XVI в. по настоящее время», Спб. 1874 г., XVII глава которой посвящена исторической школѣ.

4) *Ѳ. Зигель*. «Исторія права», ст. вторая — историческая школа. «Юридическій Вѣстникъ», 1884 г. № 10.

Что касается до этико-общественныхъ взглядовъ Іеринга, то мы затруднились бы ограничиться чѣмъ-либо немногимъ въ указаніяхъ публицистической и художественной литературы, которая можетъ служить развитіемъ или иллюстраціей призыва Іеринга, если бы онъ самъ горячо не рекомендовалъ въ этихъ видахъ (стр. 57) имѣющійся и въ русскомъ переводѣ романъ *Карла Францоза* «Борьба за право».

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

И. Бѣлецкій. «Почвовѣдѣніе».—«Землевѣдѣніе».—*Н. Износковъ*. «Краткій курсъ естественной исторія».—*Н. Износковъ*. «Естественная исторія».

И. Бѣлецкій. Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. Виды почвъ, ихъ классификація, бонитировка и картографія. Москва. 1895 г. VIII+476 стр. Цѣна 3 рубля. Книга обѣщаетъ, какъ на обложкѣ, такъ и въ оглавленіи, рѣшительно все о почвахъ: развитіе почвенныхъ знаній, общія свойства почвы, ея физическія свойства, механическій и химическій составъ, от-

ношенiе къ газамъ и къ теплотѣ, мѣстныя свойства почвы и пр. Если принять во вниманiе, что до сихъ поръ не было на русскомъ языкѣ обстоятельнаго руководства по почвовѣдѣнiю и что потребность въ такихъ руководствахъ ощущается давно и сильно, то будетъ понятна наша радость при появленiи книги г. Бѣлецкаго, обѣщающей изложить «основы» почвовѣдѣнiя. Къ сожалѣнiю, ближайшее разсмотрѣнiе этой книги скоро убѣдило насъ, что никакихъ тутъ основъ нѣтъ, а есть просто безпорядочная груда чужихъ фактовъ и соображенiй (главнымъ образомъ, нѣмецкихъ ученыхъ), не связанныхъ, не систематизированныхъ и даже плохо усвоенныхъ ихъ русскимъ компиляторомъ, какъ увидимъ ниже.

Въ изученiи почвъ существуютъ два направленiя. По одному, почва разсматривается, какъ самостоятельное естественно-историческое тѣло, явившееся результатомъ совокупной дѣятельности извѣстной горной породы, климата, рельефа, животныхъ и растенiй. Это—научное почвовѣдѣнiе, *педологiя*. Другое, прикладное—*агрологiя*—интересуется почвой лишь какъ средой для питанiя растенiй, не вдаваясь въ разборъ ея генезиса, географiи и т. п. Здѣсь не мѣсто входить въ сравнительную оцѣнку обоихъ методовъ, но можно замѣтить, что, по справедливому мнѣнiю большинства почвовѣдовъ, самостоятельная агрологiя доживаетъ послѣднiе дни: безъ почвы и безъ всякихъ элементовъ для развитiя, она должна быть подчинена научному почвовѣдѣнiю на правахъ любой прикладной науки. Авторъ съ первой строки объявляетъ себя агрологомъ, признавая, впрочемъ, съ большою снисходительностью «нѣкоторыя» заслуги и за педологiей, которую понимаетъ въ устарѣломъ смыслѣ чисто-геологическаго почвовѣдѣнiя. Конечно, было бы полъ-бѣды и даже въ нѣкоторомъ отношенiи хорошо, если бы авторъ былъ послѣдовательнымъ агрологомъ. Но г. Бѣлецкiй агрологъ не только не послѣдовательный, но даже какой-то непостижимый. Такъ, на стр. 22-ой «почвой» называется верхнiй темноокрашенный слой; ниже, по автору, идетъ болѣе свѣтлая «подпочва», а еще ниже—«материнская порода». Напр., верхнiе горизонты чернозема слѣдуетъ назвать почвой, нижнiе—подпочвой, а лесъ, мѣлъ и т. п.—материнской породой. Это не совсѣмъ точно, но допустимъ, что такъ. Но вотъ черезъ 30 страницъ встрѣчаемъ классификацiю почвъ, совершенно ниспровергающую указанное опредѣленiе. Здѣсь авторъ говоритъ, что почвы раздѣляются на *коренныя*, мало-распространенныя, лежащiя на материнской породѣ, и *наносныя*, снесенныя водою съ материнской породы, очень распространенныя, болѣе мощныя (до нѣсколькихъ аршинъ толщины). «Обѣ категорiи почвъ также различаются по времени своего происхожденiя, именно коренныя почвы образовались раньше наносныхъ. Послѣднiя представляютъ на земной поверхности два вида: однѣ—наносныя почвы древняго происхожденiя, образовавшiяся въ доисторическiя времена, когда большая часть материка была покрыта водою, носятъ названiе дилювiя; другiя—новѣйшаго происхожденiя, образуемыя дѣйствiемъ морской воды, наприм., по берегамъ, въ устьяхъ, заливахъ, бух-

тахъ и т. п., называются алювіемъ... Къ кореннымъ почвамъ можно отнести хрящеватыя, каменистыя, известковыя и т. п., къ наноснымъ—песчаныя, глинистыя, суглинистыя почвы, которыя могутъ быть дилювіальными и алювіальными, смотря по ихъ образованію». Оставимъ въ сторонѣ то поразительное незнакомство автора съ геологіей, которое сквозитъ въ каждой строкѣ цитаты. Спросимъ только у него, что же такое, въ концѣ концовъ, почва? Что такое черноземъ: алювій, дилювій или коренная почва? Всюду авторъ употребляетъ далѣе слово «почва» то въ одномъ, то въ другомъ смыслѣ, и даже еще въ какомъ-то третьемъ, а въ какомъ — это извѣстно развѣ ему одному. Чтобы постичь глубину геологическихъ познаній автора и оцѣнить снисходительность его къ геологіи, необходимо знать, что горными породами авторъ называетъ лишь каменистыя породы: граниты, гнейсы, базальты, трахиты, известняки и т. п., а глины, мергели, пески, лессы и пр. не удостоиваетъ этого названія. И, напр., въ главѣ о вывѣтриваніи говорится (по какому-то нѣмецкому учебнику) на цѣлыхъ 20 страницахъ, исключительно о вывѣтриваніи гранитовъ, базальтовъ и т. п., или, вѣрнѣе, минераловъ, входящихъ въ ихъ составъ и никакого близкаго отношенія къ почвовѣдѣнію не имѣющихъ. Дальше, въ глубь книги мы не поведемъ читателя: и тамъ та же спутанность понятій и терминовъ, то же загроможденіе книги ненужнымъ или негоднымъ матеріаломъ, вполнѣ чуждымъ какихъ бы то ни было «основъ».

Еще одно замѣчаніе. Русскія работы по почвовѣдѣнію, составляющія нашу гордость, признанныя всюду на Западѣ, почему-то игнорируются авторомъ. Въ главѣ о классификаціяхъ, напр., онъ счелъ возможнымъ не упомянуть даже о классификаціи проф. Докучаева. Приписать это скромности автора нѣтъ ни малѣйшихъ основаній, такъ какъ въ лаврахъ русскихъ почвовѣдовъ рѣшительно ни одного листика не принадлежитъ г. Бѣлецкому.

«Землевѣдѣніе». Періодическое изданіе географическаго отдѣленія Императорскаго Общества любителей естествознанія, Антропологіи и этнографіи. Подъ редакціей Д. Н. Анучина и В. В. Богданова. Москва. 1895, книжки II и III, съ картою, таблицею и 12 рис. Цѣна 2 р. 50 к. По подпискѣ, за годъ 6 руб. «Землевѣдѣніе» выходитъ въ Москвѣ съ 1894 г., четырьмя книжками въ годъ, размѣромъ въ 10 — 12 печ. листовъ. Физіономія этого изданія вполнѣ опредѣлилась и, въ общемъ, можетъ быть названа весьма симпатичной. Книжки составляются интересно и разнообразно; статьи, безъ ущерба для серьезности, доступны большому кругу читателей. Внѣшняя сторона безукоризненна: прекрасная печать, множество картъ, фототипій и, большею частью, прекрасныхъ рисунковъ въ текстѣ. Въ послѣдней книжкѣ интересны двѣ статьи, посвященныя горнымъ озерамъ. А. А. Ивановскій описываетъ закавказское озеро Гокча, расположенное на высотѣ 6.340 фут. надъ ур. моря. Статья содержитъ основательное естественно-историческое описаніе озера. А. С. Іонинъ, какъ туристъ, весьма живо описываетъ южно-американское озеро Титикаха, замѣчательное по своей величинѣ (болѣе 8.000 кв. кил.),

высокому положенію (13.000 фут.) и замкнутости. А. М. Бергенгеймъ продолжаетъ описаніе Пампасовъ. Въ предыдущихъ книжкахъ онъ познакомилъ съ природой Пампы, а въ послѣдней даетъ интересный этнографическій очеркъ. Съ разсматриваемой книжки началъ, въ видѣ приложенія, печататься обширный трудъ г. Анучина подъ скромнымъ названіемъ: «Суша. Краткія свѣдѣнія по орографіи». Книга имѣетъ цѣлью ознакомить съ главнѣйшими данными по морфологіи суши и открываетъ собою задуманный г. Анучинымъ рядъ очерковъ по общему землевѣдѣнію.

Краткій курсъ естественной исторіи. Составилъ Н. Износковъ, преподаватель естествовѣдѣнія въ Казанскомъ учительскомъ, женскомъ Родіоновскомъ институтахъ и Маріинской женской гимназіи. Изд. 4-е безъ измѣненій. Казань 1894 г. 340 стр. Ц. 1 р. 80 к. При составленіи своего руководства, авторъ имѣлъ въ виду преимущественно женскія учебныя заведенія, гимназіи и институты, въ которыхъ весь курсъ естественной исторіи проходится въ два года при двухъ недѣльныхъ урокахъ. Изъ многихъ руководствъ по естествовѣдѣнію, если не считать разсматриваемаго, наиболѣе отвѣчаетъ программѣ гимназической, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія, извѣстный и очень распространенный учебникъ г. Герда «Краткій курсъ естествовѣдѣнія». Этотъ учебникъ, соотвѣтственно своему назначенію, отличается краткостью, давая, тѣмъ не менѣе, цѣльное представленіе о природѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ трехъ ея царствъ. Связное систематическое изложеніе съ обращеніемъ особаго вниманія на причинную зависимость явленій органическаго и не органическаго міра составляетъ второе, очень важное достоинство названнаго руководства г. Герда, но обиліе спеціальныхъ, малопонятныхъ терминовъ, а также неравномѣрность въ сообщеніи фактическихъ данныхъ, слѣдуетъ отнести къ числу его недостатковъ. Г. Износковъ въ изложеніе учебнаго матеріала придерживается въ общемъ того же плана, какой принятъ г. Гердомъ

Разсмотрѣвъ предварительно земной шаръ, какъ планету, авторъ описываетъ сушу и тѣ измѣненія, которыя происходятъ на ней вслѣдствіе вулканической дѣятельности, работы воды и жизнедѣятельности животныхъ и растеній. При описаніи состава суши г. Износковъ останавливается на гранитѣ и его производныхъ (песокъ, глина), на известковыхъ соединеніяхъ, углеродистыхъ минералахъ, поваренной соли, сѣрѣ и фосфорѣ и на главнѣйшихъ металлахъ. Говоря о водѣ, авторъ разсматриваетъ круговоротъ ея въ природѣ, физическія свойства и химическій составъ воды, а также свойства кислорода и водорода. Послѣдняя глава первой части посвящена описанію воздуха, его состава, азота и углекислаго газа. Во 2-й части изложены главнѣйшія свѣдѣнія по ботаникѣ. Разсмотрѣвъ устройство клѣточки, продукты ея жизнедѣятельности, главнѣйшія растительныя ткани, а также устройство и значеніе различныхъ органовъ растенія, г. Износковъ дѣлаетъ систематическій обзоръ нѣкоторыхъ представителей царства, начиная съ безцвѣтковыхъ и кончая хвойными. Въ выборѣ этихъ представителей авторъ отдаетъ пред-

почтеніе наиболѣе извѣстнымъ культурнымъ и дикимъ растеніямъ отечественной флоры, дѣлая исключеніе только для одной финиковой пальмы. Почти половина всего руководства отведена на долю зоологіи. Изъ 9 типовъ, принимаемыхъ въ современной классификаціи для царства животныхъ, авторъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія только два небольшіе и совершенно неизвѣстные въ общежитіи типа оболочниковыхъ и моллюскообразныхъ (Molluscoidea). Остальные семь описаны въ лицѣ главнѣйшихъ представителей, принадлежащихъ по преимуществу отечественной фаунѣ. Послѣдняя глава посвящена анатоміи и физіологіи человѣка. Этотъ отдѣлъ (въ 27 стр.), приложеніе котораго отличаетъ учебникъ г. Износкова отъ руководства г. Герда, изложенъ наименѣе удовлетворительно, главнымъ образомъ, благодаря чрезвычайной элементарности. Вся остальная и гораздо большая часть книги (313 стр.) вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, какъ по систематичности и ясности изложенія, такъ и по количеству сообщаемыхъ фактовъ. Большое количество недурно исполненныхъ рисунковъ (241) много облегчаетъ пониманіе прочитаннаго. Хотя руководство г. Износкова выходитъ 4-мъ изданіемъ, но въ столицѣ оно мало извѣстно, поэтому, въ виду его достоинствъ, нельзя не пожелать ему распространенія и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга.

Естественная исторія (зологія, ботаника и минералогія) съ 247 рис. въ текстѣ. Курсъ городского училища. Составилъ Н. Износковъ, преподаватель естествовѣдѣнія въ Казанскомъ учительскомъ институтѣ. Казань. 1894. 362 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ настоящемъ руководствѣ учебный матеріалъ расположенъ въ порядкѣ, обратномъ тому, который принятъ авторомъ при составленіи учебника для женскихъ учебныхъ заведеній, т. е. начинается съ высшихъ представителей царства животныхъ и кончается описаніемъ воды и воздуха. Такое распредѣленіе и самый характеръ изложенія оправдывается, повидимому, назначеніемъ книжки служитъ руководствомъ для учениковъ городскихъ училищъ. Въ виду необходимости излагать предметъ чрезвычайно элементарно, а также примѣняясь къ возрасту читателей, авторъ отказывается отъ попытки вложить нѣкоторый философскій элементъ въ свой курсъ, напримѣръ, отъ попытки отмѣтить генеологическое родство различныхъ представителей царства животныхъ и растеній, выяснить причинную зависимость главнѣйшихъ явленій въ трехъ царствахъ природы и т. д. Руководство г. Износкова носитъ исключительно описательный характеръ и даже его общіе обзоры (млекопитающихъ, птицъ, насѣкомыхъ и т. д.) состоятъ въ сухомъ изложеніи фактовъ. Конечно, причина, послужившая основаніемъ избѣгать обобщеній, до нѣкоторой степени основательна, но намъ кажется, что авторъ совершенно напрасно такъ старательно уклоняется отъ всякихъ выводовъ. Благодаря указанной особенности, предметъ изложенъ нѣсколько сухо, тѣмъ не менѣе, достаточно послѣдовательно и вполнѣ ясно, такъ что въ этомъ отношеніи руководство вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Le Mécanisme de la vie moderne» par M. le vicomte D'Avenel (Colin) Paris. 1896. (Механизмъ современной жизни). Разсматривая раздѣленіе труда и сложный механизмъ соціальной жизни, какъ признакъ, доказательство и степень прогресса, авторъ изучаетъ различныя промышленныя учрежденія Парижа и ихъ исторію развитія. Онъ старается прослѣдить, какъ постепенно усложнялись условія современной жизни и къ какимъ это привело результатамъ; какъ развивалась промышленность и торговля и какъ отражались на ней различныя общественныя движенія. Книга очень интересна, несмотря на кажущуюся сухость предмета, прекрасно обрисовывая постепенное усложненіе механизма современной жизни и общественныхъ условій.

(Journal des Débats).

«La vie de Mirabeau» par M. Alfred Stern (Emile Bouillon). (Жизнь Мирабо). Столѣтіе 1789 года, вызвавшее столько историческихъ работъ и изслѣдованій во Франціи, не могло, конечно, не вызвать появленія такихъ же работъ и въ другихъ мѣстахъ. Такъ говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи къ исторіи жизни Мирабо. Это безпристрастное историческое изслѣдованіе нѣмецкаго автора интересно уже потому, что въ немъ собрано все, извѣстное о жизни великаго оратора и первомъ періодѣ революціи. Кромѣ того, авторъ вноситъ въ изслѣдованіе еще и нѣкоторые совершенно новые элементы, усугубляющіе интересъ книги.

(Journal des Débats).

Lectures and Essays» by the late Sir J. R. Seeley, Professor of Modern History in uniwersity of Cambridge. (Лекціи и опыты). Этотъ томъ входитъ въ составъ такъ называемыхъ «Everseley Series», издаваемыхъ фирмою «Macmillian and C°». Въ немъ заключаются наиболѣе характерныя статьи покойнаго профессора исторіи: о римскомъ имперіализмѣ, о Мильтонѣ, либеральномъ воспитаніи въ университетахъ, о церкви, какъ источникѣ нравственности и объ англичанахъ въ школахъ. Всѣ статьи были написаны имъ еще до полученія каѳедры. Кромѣ того, въ тотъ же томъ включена и первая вступительная лекція покойнаго профессора объ обученіи политикѣ, гдѣ онъ изложилъ извѣстные уже принципы изученія исторіи, отъ которыхъ онъ самъ ни разу не отступалъ впослѣдствіи.

(University Extension Journal).

«La vie à Paris pendant une année de la Revolution 1791 — 92» par Gustave Isambert (Felis Alcan). (Жизнь въ Парижѣ въ теченіе одного года революціи). О жизни въ Парижѣ во время революціоннаго періода написано уже очень много, но въ этомъ новомъ томѣ заключается все-таки не мало интересныхъ и новыхъ свѣдѣній. Авторъ взялъ переходную эпоху, на которую мало обращается вниманія изслѣдователями революціи, такъ какъ дѣйствіе великой исторической драмы какъ будто пріостанавливается въ этотъ періодъ. Но за то при такихъ условіяхъ всего лучше поддается изслѣдованію интимная жизнь «эмансипированнаго» Парижа. Авторъ подробно описываетъ жизнь парижанъ въ это время, ихъ обычаи, занятія и развлеченія. Особенно интересны главы, посвященныя печати и театру.

(Journal des Débats).

«Un médecin astrologue au temps de la Renaissance. Henri-Cornelius Agrippa» par le docteur H. Folet. Librairie de la Nouvelle Revue (Врачъ-астрологъ временъ Возрожденія). Книга заключаетъ нѣсколько пространное, но все-таки очень любопытное изслѣдованіе, относящееся къ весьма оригинальной личности ученаго астролога, жившаго въ началѣ XVI вѣка. Корнеліусъ Агриппа представлялъ самый совершенный типъ авантюриста и ученаго, одержимаго необыкновенною жаждою дѣятельности.

Онъ перепробовалъ всѣ профессіи и занятія, былъ солдатомъ, врачемъ, богословомъ, профессоромъ еврейскаго языка, дипломатомъ, химикомъ, астрономомъ и т. д. Въ теченіе богатой приключеніями жизни онъ перебывалъ чуть-ли не во всѣхъ европейскихъ государствахъ и при дворахъ разныхъ принцевъ, испыталъ всевозможныя превратности судьбы, торжество и пораженіе, знавалъ и почести и преслѣдованія и умеръ, въ концѣ концовъ, въ нищетѣ. Онъ былъ авторомъ обширнаго трактата о философіи таинственнаго, но славу его составила его знаменитая сатира на науку, которая навлекла на него много преслѣдованій и возбудила сильную вражду въ мірѣ ученыхъ.

(Journal des Débats).

«La Hongrie millénaire» par Raoul Chélard. (*Léon Chailley*). *Nombreuses illustrations (Тысячелѣтіе Венгріи).* Авторъ задумалъ написать цѣлую серію изслѣдованій о великихъ державахъ XIX вѣка. Празднованіе тысячелѣтія Венгріи, которое состоится въ этомъ году, послужило поводомъ написать этотъ томъ, служащій добавленіемъ къ его книгѣ «Современная Австрія», вышедшей въ прошломъ году. Томъ, посвященный Венгріи, раздѣляется на четыре части; въ первой заключается историческій обзоръ политическаго и интеллектуальнаго развитія венгерской націи, съ 896 по 1896 г.; во второй авторъ описываетъ страну и народы, ея населяющіе, разсматриваетъ вопросъ о національностяхъ и изслѣдуетъ религіозные и соціальные вопросы, отношеніе духовенства къ народной политикѣ и т. д. Третья и четвертая части посвящены собственно столицѣ Венгріи и экономическому развитію страны.

(Journal des Débats).

«Précis de Sociologie» par L. Gumplovicz, professeur à l'université de Graz (*Traduction par Charles Baye*) *L. Chailley (Бѣглый взглядъ на соціологію).* Въ этой небольшой книгѣ авторъ «Борьбы расъ» дѣлаетъ краткій обзоръ ученіямъ своихъ предшественниковъ въ области соціологіи, и указываетъ на главныя характерныя черты этихъ ученій. Критика же ихъ заключается въ главѣ, посвященной изслѣдованію и изложенію великихъ соціальныхъ проблемъ, составляющихъ сами-по-себѣ исторію всего человѣчества. (Journal des Débats).

«Electricity for everybody» its Nature and Uses explained. By Philip Atkinson (*Gay and Bird's Publications*). (*Электричество для всѣхъ*). Популярное изложеніе современнаго ученія объ электричествѣ, доступное каждому, обладающему элементарными свѣдѣніями изъ области физическихъ наукъ. Книга знакомитъ читателя съ основными законами электричества и способами его практическаго примѣненія.

(Bookseller).

«Climates of the Geological Past and their relation to the evolution of the sun» (*by E. Dubois* (*Swan Sonnenschein*). (*Климаты геологическаго прошлаго и ихъ отношеніе къ эволюціи солнца).* Прекрасно написанная книга, представляющая итогъ научныхъ геологическихъ наблюденій и знакомящая читателя съ прошлымъ состояніемъ земли. (Bookseller).

«Modern Civilisation in some of its economic aspects» by W. Cunningham D. D. Fellow of Trinity College, Cambridge (Methueus and C°). (*Современная цивилизація и ея нѣкоторыя экономическія стороны).* Интересная книга, въ которой экономическіе вопросы разсматриваются съ точки зрѣнія нравственности. Взгляды автора на современную цивилизацію и ея вліяніе на политико-экономическія условія, слагающіяся въ государствахъ, отличаются большою оригинальностью. (Bookseller).

«The educational Ideal» by James Phinney Munroe (D. C. Heath) Boston. (*Педагогическій идеалъ).* Вопросы воспитанія представляютъ въ настоящее время спеціальный интересъ не для однихъ только профессіональныхъ педагоговъ и не разъ служили предметомъ горячихъ споровъ и обсужденій въ періодической печати. Поэтому, книга профессора Мунрое, представляющая историческій обзоръ всевозможныхъ системъ воспитанія и указывающая тѣ перевороты, которые произошли во взглядахъ педагоговъ со времени эпохи Возрожденія, несомнѣнно имѣетъ современный интересъ. Авторъ изображаетъ, какъ возникли движенія противъ средневѣковыхъ воззрѣній и противъ классицизма, господствующаго въ педагогикѣ, онъ разсматриваетъ вліяніе Фрэнсиса Бэкона, Дэкарта и др. философовъ на современныя имъ педагогическія системы и указываетъ также на значеніе нѣкоторыхъ выдающихся историческихъ событій, отразившихся такъ или иначе на воззрѣніяхъ общества. Отдѣльныя главы книги посвящены различнымъ педагогическимъ ученіямъ и системамъ, бывшимъ и настоящимъ, и въ заключеніе авторъ говоритъ, что истинное воспитаніе, создающее настоящихъ гражданъ и гражданокъ, возможно только въ семьѣ.

(Popular Science Monthly).

«Biological Lectures delisered of the Marine Biological Laboratury of Woods Holl (Ginn and C°). (Лекціи по біологіи). Въ послѣднее время біологія все болѣе и болѣе привлекаетъ людей науки, ищущихъ въ ней разрѣшенія вопросовъ наслѣдственности и органической эволюціи. Но образованная читающая публика также сильно интересуется этими вопросами и поэтому собраніе лекцій по біологіи встрѣтитъ, конечно, сочувствіе читателей. (Daily News).

«A History of Slavery and Serfdom» by John Kells Lugram (Black). (Исторія рабства и крѣпостного состоянія). Авторъ пересмотрѣлъ и дополнилъ свою статью о рабствѣ, написанную для девятаго изданія британской энциклопедіи, и составилъ книгу, доступную по формѣ и изложенію большой массѣ читающей образованной публики. Несмотря на популярный характеръ, сочиненіе строго выдержано въ научномъ отношеніи и заключаетъ богатый историческій матеріалъ. (Athaeneum).

«The Life and Liberty» by Dr. Gordon Stalles (Blackie and Son). (Жизнь и свобода). Очень интересное описаніе американской жизни во времена войны за освобожденіе. Эпизоды войны разсказаны живо и занимательно и прочтутся съ удовольствіемъ всѣми, кого интересуетъ исторія великой заатлантической республики. (Athaeneum).

«Parts of the Pacific» by «a Perepatetic Parson» (Swan Sonnensehein). (Части Тихаго Океана). Очень занимательная книга путешествій, авторъ которой, помимо наблюдательности, обладаетъ еще огромнымъ запасомъ юмора. Онъ описываетъ увлекательнымъ образомъ свои путешествія по Австраліи, Новой Зеландіи и островамъ Тихаго Океана, приключенія и столкновенія съ туземцами. Книга читается отъ начала до конца съ одинаковымъ интересомъ. (Athaeneum).

«Proudhon» par Arthur Desjardens (Colmann Lévy) (Прудонъ). Появленіе двухъ большихъ томовъ Артура Дежардена, посвященныхъ Прудону, нельзя не признать вполнѣ своевременнымъ. Авторъ подробно изучаетъ и подвергаетъ критическому анализу личность Прудона и его труды. Интересующіеся ученіемъ Прудона найдутъ въ книгѣ Дежардена обширный матеріалъ, добросовѣстно собранный авторомъ и освѣщенный надлежащимъ образомъ. (Revue de Paris).

«Parasitism: Social and organic». By J. Massart and E. Vandcrvelde. Preface by professor Patrick Geddes (Social Science Series) (Паразитизмъ: соціальный и органическій). Маленькая книга, отличающаяся смѣлостью и новизною взглядовъ. Хотя многіе выводы авторовъ и могутъ показаться нѣсколько парадоксальными, но, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, формулированіе соціальныхъ вопросовъ, дѣлаемое ими, заслуживаетъ полнаго вниманія. (Daily News).

«Social Science and Social Schemes» by James Melleland (Swan Sonnensehein) (Соціальная наука и соціальныя схемы). Авторъ посвящаетъ вниманіе важнѣйшимъ современнымъ соціальнымъ проблемамъ, изучая условія труда, отношенія его къ капиталу и законамъ и взаимное отношеніе бѣдности и богатства. Авторъ является противникомъ взглядовъ современныхъ авторовъ соціальныхъ утопій и доказываетъ полную несостоятельность послѣднихъ въ примѣненіи къ условіямъ дѣйствительной жизни. Книга интересна, какъ попытка критическаго разбора новѣйшихъ соціальныхъ теорій. (Daily News).

«Essais de philosophie et de littèrature» par Charler Secrétan (Felix Alcan). Paris. (Очерки философіи и литературы). Авторъ послѣдніе годы крайне интересовался вопросами нравственной философіи и стремился примирить науку съ религіей. Въ названной книгѣ заслуживаютъ вниманія анализъ и критика философіи Гартманна и интересныя замѣтки, относящіяся къ Сентъ-Беву, Ренану, Эдуарду Роду и другимъ современнымъ писателямъ. (Journal des Débats).

«La Morale de la concurrence» par Yves Guyot (questions du temps présent) A. Colin. (Мораль конкурренціи). Небольшая брошюра, представляющая довольно основательное изслѣдованіе одного изъ экономическихъ вопросовъ, имѣетъ цѣлью доказать, что въ современной цивилизаціи, основывающейся на наукѣ, производствѣ и обмѣнѣ, главною нравственною пружиною является всетаки экономическая конкурренція. (Journal des Débats).

«Les caractères et l'éducation morale» (Etude de psychologie appliquée) par F. Queyrtet. (F. Alcan). (Характеръ и нравственное воспитаніе). Авторъ поставилъ себѣ задачею составить классификацію главныхъ типовъ человѣческаго характера, изслѣдовать ихъ важнѣйшія черты, опредѣлить ихъ значеніе и указать на тѣ качества, которыя каждый воспитатель долженъ постараться культивировать у своего воспитанника или привить ему, если у него таковыхъ не

оказывается. Авторъ перечисляетъ также всѣ средства, находящіяся въ рукахъ воспитателя, при помощи которыхъ онъ можетъ добиться желаемыхъ результатовъ. Свои положенія авторъ подкрѣпляетъ примѣрами различныхъ историческихъ личностей, представляющихъ наиболѣе рѣзко выраженныя черты того или иного характера. Этотъ опытъ экспериментальной психологіи заслуживаетъ полнаго вниманія воспитателей. (Journal des Débats).

«*Le voyage de Shakespeare*», *roman d'histoire et d'aventures, par Léon A. Daudet* (*Bibliothèque Charpentier*). (*Путешествіе Шекспира*). Сюжетомъ этого оригинальнаго романа служитъ генезисъ генія Шекспира и тѣ причины, которыя способствовали пробужденію и развитію его. Авторъ ищетъ причинъ въ событіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ молодой Шекспиръ, и тѣхъ размышленіяхъ, которыя у него вызывали эти событія. 10-го августа 1584 года, Шекспиръ, тогда 20-ти-лѣтній юноша, выѣхалъ изъ Дувра въ Роттердамъ. Неизвѣстное манитъ его, онъ мечтаетъ о приключеніяхъ и свободѣ, и вихрь событій быстро увлекаетъ его. Авторъ заставляетъ насъ слѣдовать за Шекспиромъ въ Голландію, въ Германію, въ Данію и присутствовать при всѣхъ перипетіяхъ жизни Шекспира. Романъ читается съ интересомъ указывая на основательное знакомство автора съ литературою о Шекспирѣ.

(Journal des Débats).

«*Le Nouveau Monde sud-africain*» *par M. Mannheimer (Flammarion). (Новый африканскій міръ).* Интересующіеся Трансваалемъ найдутъ въ этой книгѣ самыя подробныя свѣдѣнія, относящіяся къ этой области; ея исторію, этнологію, географію, описаніе флоры и фауны, нравовъ и обычаевъ и, наконецъ, подробное изслѣдованіе финансовыхъ и политическихъ вопросовъ, касающихся южно-африканскаго міра.

(Indépéndance Belge).

«*Life and Labour of the People in London*» *edited by Charles Booth Population classified by Trades continued (Macmillian and C°). London and New-York.* (*Жизнь и работа лондонскаго населенія*). Чрезвычайно полное и въ высшей степени добросовѣстное изслѣдованіе условій жизни и труда лондонскаго рабочаго населенія. Для дѣхъ, кто изучаетъ экономическіе вопросы, книга эта можетъ доставить очень цѣнный матеріалъ. (Daily News).

«*A Naturalist in Mid Africa*» *by G. F. Scott Elliot. (A. D. Şunes and C°). London, 1896.* (*Натуралистъ въ центрѣ Африки*). Авторъ знакомитъ читателей съ еще мало изслѣдованной частью Центральной Африки, ея геологіей, метеорологіей и климатомъ, флорой и фауной. Авторъ былъ командированъ британскимъ географическимъ обществомъ съ научною цѣлью и изслѣдовалъ берега Танганайки и Викторія Ньянцы, возвышенность Рувенцари и т. д. Къ книгѣ приложены карты мѣстности и фотографическіе виды.

(Daily News).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го февраля по 7-е марта.

В. Л. Величко. *Записки духа.* Спб. 96 г. Изданіе Ледерле. Ц. 1 р.

Лонгусъ. *Дафнисъ и Хлоя.* Древне-греческій романъ, перев. Мережковскаго.

В. Дѣдловъ. *Вокругъ Россіи.* Польша, Россія, Бессарабія, Крымъ, Уралъ, Финляндія, Нижній. Спб. 95 г. Ц. 2 р. Изданіе Ледерле.

В. Дѣдловъ. *Варваръ, еллинъ, еврей.* Изданіе Ледерле. Спб. 95 г. Ц. 2 р.

Нѣчто изъ артистическаго міра. Наброски перомъ и карандашомъ. Изданіе Ледерле. Спб. 95 г. Ц. 4 р.

Поль Верленъ. *Стихотворенія,* перев. Ратгауза. Вып. I. Кіевъ. 96 г.

А. Заринъ. *Говорящая голова.* Сборникъ разсказовъ изъ жизни странствующихъ артистовъ. Изданіе Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

К. М. Станюковичъ. *Исторія одной жизни.* Изданіе А. А. Карцева. Москва. 96 г. Ц. 1 р.

М. А. Лохвицкая. *Стихотворенія.* Москва. 96 г.

Н. А. Пановъ. *Гусли звончаты.* Пѣсни, были и стихотворенія. Спб. 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Компэре. *Умственное и нравственное развитіе ребенка.* Перев. съ франц. Спб. 96 г. Ц. 1 р.

Р. Вирховъ. *О цѣлительныхъ силахъ организма.* Перев. съ нѣм. Изданіе Юровскаго. «Международная библіотека». Ц. 15 к. Спб. 95 г.

Новый способъ нахожденія общаго наибольшаго дѣлителя, дающій признакъ дѣлимости на любыя числа и функціи. Сост. А. А. Р. Спб. 96 г. Ц. 40 к.

М. Гюйо. *Принципъ искусства и поэзіи.* Перев. съ франц. Ц. 20 к. Изданіе Юровскаго. Спб. 96 г. Ц. 20 к.

Проф: П. Жиро. *Общества у животныхъ.* Перевелъ В. В. Склифасовскій. Москва. 96 г. Ц. 1 р.

В. М. Дубасовъ. *Іосифъ Флавій.* Его жизнь, литературная и общественная дѣятельность. Ц. 20 к. Одеса. 96 г. Изданіе кн. м. Шермана.

Богатство отъ земли.—Изданіе К. Тихомірова. Москва. 96 г. Ц. 40 к.

Густавъ Лебонъ. *Психологія народовъ и массъ.* Перев. съ франц. Изданіе Павленкова. 96 г. Спб. Ц. 1 р.

А. Грегуаръ. *Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ.* Томъ III. Перев. М. В. Лучицкой. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Ц. 4 р. Москва. 96 г.

В. И. Василенко. *Хозяйственно-экономическій обзоръ.* Кобелякскаго уѣзда, Полт. губ. 95 г.

Н. А. Шапошниковъ. *Опытъ математическаго выраженія понятій и выводовъ этики.* Москва. 96 г. Ц. 20 к.

Р. Кацъ, д-ръ медицины. *Объ утомленіи глаза.* Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Ц. 20 к. Спб. 96 г.

Морисъ Вотье. *Мѣстное управленіе Англіи.* Перев. съ франц. В. В. Водовозова. Спб. 96 г. Изданіе Пантелѣева. Ц. 2 р.

Ф. Томъ. *Внушеніе и воспитаніе.* Перев. съ франц. Е. Максимовой. Ц 40 к. Спб. 96 г. Изданіе журнала «Образованіе».

Т. Циглеръ. *Что такое нравственность?* 2-ое изданіе редакціи журнала «Образованіе». Перев. съ нѣм. Ал. Острогорскаго. Ц. 50 к. Спб. 96 г.

Н. К. Маккавейскій. *Религія и народность, какъ основы воспитанія.* Кіевъ. 95 г. Ц. 30 к.

Я. Канторовичъ. *Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ.* Юридическая библіотека № 9. Спб. 96 г. Ц. 1 р.

Н. В. Тулуповъ. *Народныя библіотеки и читальни.* Москва. 96 г.

Ф. А. Даниловъ. *О нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, способствующихъ улучшенію быта рабочаго класса въ Зап. Европѣ и Сѣв. Америкѣ.* Москва. 96 г.

Гербертъ Спенсеръ. *О душѣ и доводы противъ соціализма.* Въ краткомъ изложеніи К. Любомудрова. Ц. 15 к. Самара. 96 г.

О. Бѣляевская. *Изъ жизни маленькихъ людей.* Спб. 95 г.

Рудольфъ фонъ-Іерингъ. *Историко-общественныя основы этики.* Перев. съ нѣм. В. М. Гессена. Ц. 20 к. Изданіе Г. Юровскаго.

А. Тарабунинъ. *Новая практическая грамматика.* Этимологія и синтаксисъ. Спб. 96 г. Ц. 50 к.

Л. И. Е. *Какъ живутъ люди въ Швейцаріи.* Москва. 96 г.

Землевѣдѣніе. Періодич. изданіе географическ. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. 95 г. Кн. IV подъ ред. Д. Н. Анучина.

Л. Саккетти. Краткая историческая музыкальная хрестоматія съ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка включ. Изданіе Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 5 р.

От Комитета Общества вспомоществованія студентамъ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго университета.

Съ первыхъ лѣтъ своей дѣятельности Общество вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго университета считало одною изъ главныхъ своихъ задачъ «принятіе мѣръ къ удешевленію жизни студентовъ» (§ 2 п. 2 устава Общества). Къ числу такихъ мѣръ, конечно, прежде всего должно бы принадлежать снабженіе студентовъ здоровою пищею.

Среди студентовъ С.-Петербургскаго университета большинство составляютъ провинціалы, часто не имѣющіе родныхъ въ Петербургѣ. Такимъ молодымъ людямъ приходится нерѣдко довольствоваться самою скудною и плохою пищею и даже жить впроголодь. Неудивительно поэтому, что въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ (годичный актъ 8-го февраля 1895 г., стр. 78) г. университетскій врачъ, констатируя многочисленныя желудочныя заболѣванія у своихъ паціентовъ, объясняетъ ихъ «неудовлетворительностью по качеству, а еще чаще и однообразіемъ и недостаточностью студенческаго питанія».

Единственнымъ исходомъ изъ этого печальнаго положенія являлось бы устройство **студенческой столовой.**

До сихъ поръ, при отсутствіи средствъ, желаніе комитета открыть столовую не могло увѣнчаться успѣхомъ. Но нужда обостряется и принимаетъ даже угрожающій характеръ, въ виду почти ежегодно посѣщающихъ Петербургъ холерныхъ и тифозныхъ эпидемій, и комитетъ рѣшилъ не останавливаться передъ трудностями предпринимаемаго дѣла. Примѣръ Москвы, гдѣ, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ частныхъ лицъ, существуютъ двѣ столовыя, въ которыхъ ежедневно безплатно обѣдаютъ 500 студентовъ, свидѣтельствуетъ какъ о степени этой нужды, такъ и о выполнимости поставленной комитетомъ задачи, при сочувствіи общества.

Комитетъ, постановивъ устроить столовую въ Петербургѣ, сознаетъ однако, что такъ какъ большая часть отпускаемыхъ имъ пособій (въ видѣ долгосрочныхъ, безпроцентныхъ ссудъ) идутъ на взносъ платы за лекціи и другія нужды студентовъ, то помощью на уплату за обѣды въ столовой могутъ воспользоваться не болѣе 40 студентовъ; между тѣмъ число нуждающихся гораздо значительнѣе, а потому на расширеніе этой стороны дѣятельности комитета предназначенъ особый капиталъ, собираемый въ память бывшаго товарища предсѣдателя Общества, профессора О. Ѳ. Миллера, извѣстнаго своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ молодежи и отдававшаго на нужды ея всѣ свои средства. Пока собрано около 1.500 р.; требуется, конечно, несравненно болѣе.

Въ виду этого комитетъ, разсчитывая на отзывчивость русскаго общества, обращается **ко всѣмъ, кому дорого просвѣщеніе родного края, кто возлагаетъ надежды на молодое поколѣніе и желаетъ видѣть его окрѣпшимъ для будущей полезной работы.**

Комитетъ надѣется найти откликъ на свой призывъ не только въ Петербургѣ, но и въ провинціи, на мѣстахъ родины нуждающихся студентовъ.

Всякую помощь, въ какой бы формѣ она ни выразилась, въ денежныхъ-ли пожертвованіяхъ, хотя бы въ самомъ маломъ размѣрѣ, или въ устройствѣ публичныхъ лекцій, концертовъ, спектаклей, — комитетъ приметъ съ глубокою благодарностью, будучи твердо увѣренъ, что дружныя усилія всѣхъ сочувствующихъ людей дадутъ возможность осуществить взятую комитетомъ на себя задачу.

Посылки по почтѣ просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, Университетъ, Комитетъ Общества вспомоществованія студентамъ, съ означеніемъ, что деньги жертвуются «на столовую».

Въ Петербургѣ пожертвованія принимаютъ слѣдующія лица: предсѣдатель Общества, сенаторъ **П. П. Семеновъ** (Вас. О—въ, 8 л., 39), **Н. А. Артемьевъ** (Рузовская, 13), **А. И. Бевадъ** (Почтамтская, 20), **И. И. Боргманъ** (Вас. О—въ, Средн. просп., 17), **Н. С. Грабаръ** (Свѣчной переул., 3), **В. В. Ефимовъ** (Разстанная, 14), **Н. И. Карѣевъ** (Вас. О—въ, 10 лин., 9), **В. А. Лебедевъ** (Вас. О—въ, 5 лин., 10), **Н. А. Меншуткинъ** (университетъ, зданіе химич. лабораторіи), **И. С. Ремезовъ** (Больш. Московская, 3), **А. Д. Соколовъ** (Чернышевъ переул., 20), **К. К. Фонъ-Фохтъ** (Пантелеймоновская, 11), **Г. В. Бартольдъ** (Вас. О—въ, Больш. просп., 4), **К. К. Бауеръ** (Невскій, 108), **И. П. Дюковъ** (Полтавская, 3), **А. И. Каминка** (Больш. Московская, 8), **В. А. Мякотинъ** (Коломенская, 15), **С. Ѳ. Ольденбургъ** (Вас. О—въ, 2 лин., 11) и **М. И. Свѣшниковъ** (Гагаринская наб., 20); далѣе, книжный магазинъ «Новаго Времени» (Невскій, 38) и дѣлопроизводитель Общества А. Ф. Адамовичъ въ канцеляріи университета.

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

и

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ**: въ отдѣленіи конторы—книжный магазинъ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха, и въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 70 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 35 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки **6** руб., съ доставкой и пересылкой въ Россіи **7** руб., за границу **10** руб.

Подписка на 1895 годъ ПРЕКРАЩЕНА, за израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ.

Издательница А. Давыдова — Редакторъ Викторъ Острогорскій.

